РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1881

I

(1)

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1881.

I.

(1)

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

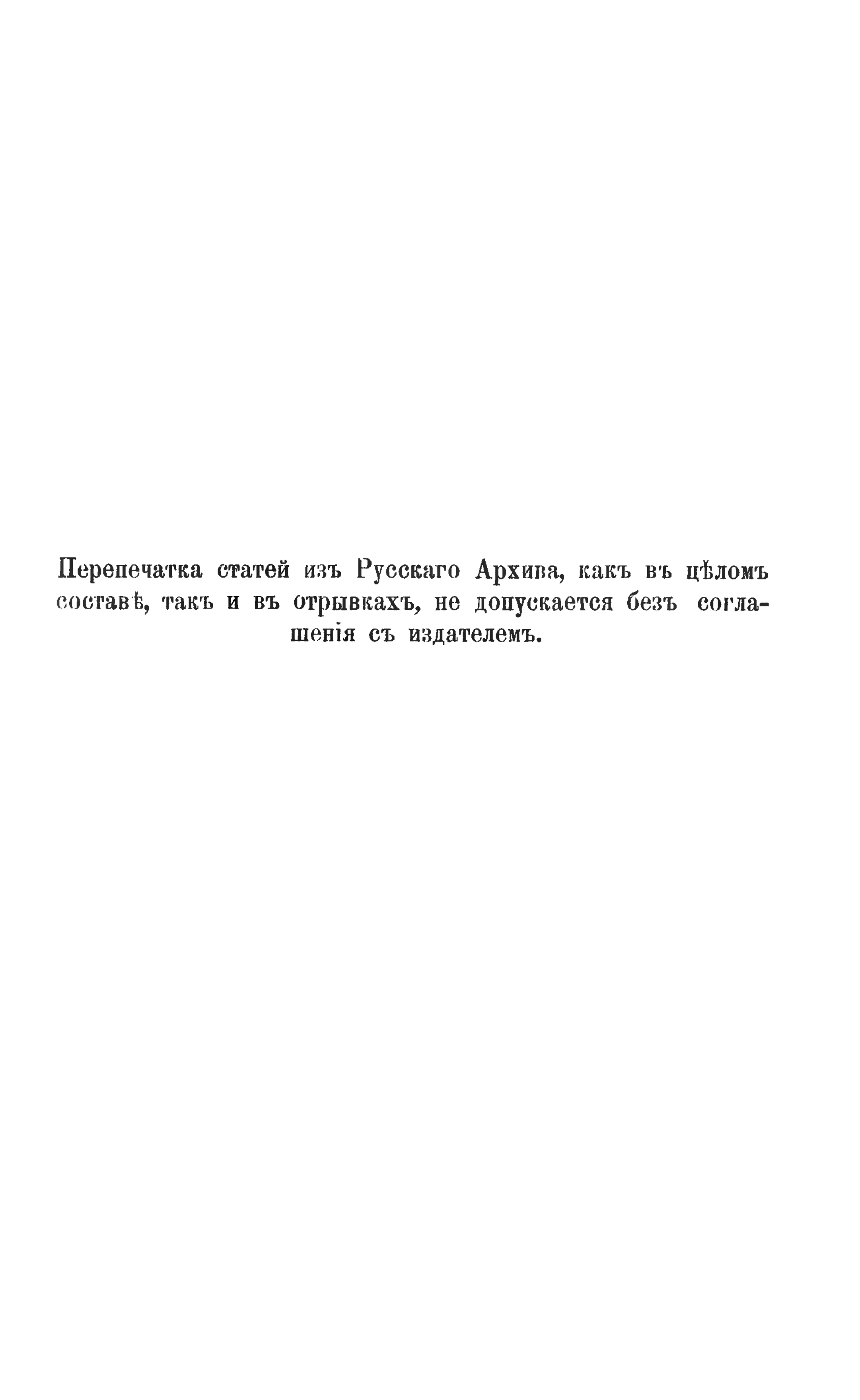
1881.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(1)

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

СОВРЕМЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ И ОТЗЫВЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Когда могучею волею Петра Россія вступила дѣятельнымъ членомъ въ семью Европейскихъ державъ, событіе это встрѣтили на Западѣ вообще не дружелюбно. Между тѣмъ какъ правительства разныхъ странъ старались втянуть Россію въ свои интересы и сдѣлать ее орудіемъ своихъ плановъ или по крайней мѣрѣ источникомъ для извлеченія выгодъ, общество западно-европейское ограничивалось тѣмъ, что представляло себѣ Русскій народъ дикимъ, варварскимъ, неспособнымъ къ образованію, но уже испорченнымъ многими пороками. Лишь немногіе лучшіе умы западной Европы съ безкорыстнымъ сочувствіемъ встрѣчали преобразовательныя стремленія Петра Великаго и привѣтствовали успѣхи Россіи на поприщѣ образованія. Такъ извѣстно, что знаменитый Лейбницъ съ самой эпохи великаго посольства съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за реформами Петра и вошелъ съ нимъ въ непосредственныя сношенія [1]). Менѣе участливо, но также съ интересомъ отнесся къ великому посольству 1697—1698 года другой славный Европейскій мыслитель и писатель—Бель. Въ доказательство приводимъ слѣдующее его письмо, отъ 5-го Сентября 1697 года, изъ Амстердама въ Женеву, письмо—если не ошибаемся—неизвѣстное въ Русской исторической литературѣ.

„Наши газеты извѣстили васъ о великолѣпномъ пріемѣ, который оказанъ городомъ Амстердамомъ Московскому посольству; но не знаю, сообщили ли онѣ о томъ удивительнѣйшемъ обстоятельствѣ, что самъ великій князь находится въ свитѣ своихъ пословъ. Онъ воспользовался этимъ посольствомъ, чтобъ совершить путешествіе подъ чужимъ именемъ, и ему внушили эту мысль для того, чтобъ онъ, взглянувъ на Европейскіе дворы, научился способу водворить въ своемъ государствѣ то,

---

[1]) См. объ этомъ въ любопытной книгѣ *В. И. Герье*: Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому. С.-ПБ. 1871.

чего ему недостаетъ, именно—образованія какъ въ сферѣ военнаго искусства, такъ и вообще въ научномъ отношеніи. Говорятъ, что г. Лефортъ, Женевскій уроженецъ, пользующійся большимъ значеніемъ при Московскомъ дворѣ, убѣдилъ царя учредить разныя академіи какъ для общаго образованія, такъ и для обученія юношества познаніямъ приличнымъ дворянину. Такой государь легко могъ бы распространить свои завоеванія до предѣловъ Китая, еслибъ онъ и его подданные знали военное искусство, какъ знаютъ его во Франціи и въ союзныхъ государствахъ, воюющихъ противъ Франціи» [2]).

Въ объясненіе этого указанія на возможное столкновеніе Россіи съ Китаемъ нужно вспомнить, что сношенія Европейцевъ съ Китаемъ никогда еще не были такъ живы, какъ въ концѣ XVII вѣка, благодаря усиліямъ и ловкости іезуитовъ, которые съумѣли возбудить интересъ богдыхана и Китайскихъ министровъ къ математическимъ знаніямъ, и этимъ средствомъ заискать ихъ расположеніе. Тогда въ западной Европѣ были высокаго мнѣнія объ образованности Китайцевъ, и Лейбницъ, напр., ожидалъ великихъ выгодъ отъ взаимнодѣйствія Китайской и Европейской цивилизаціи. Также думалъ и Бель, полагая, что Россія можетъ быть удобною посредницей въ сближеніи западной Европы съ Китаемъ.

Поѣздки Петра за границу, какъ видно и изъ приведеннаго письма, чаще всего давали его западно-европейскимъ современникамъ поводъ къ тому, чтобы высказывать свои сужденія какъ о Русскомъ народѣ вообще, такъ и о великомъ государѣ его, столь поражавшемъ Европу своими дѣяніями. С. М. Соловьевъ въ XIV-мъ томѣ своей «Исторіи Россіи» привелъ два отзыва о Петрѣ, высказанные въ эпоху великаго посольства двумя образованнѣйшими женщинами Германіи—курфюрстиной Ганноверскою Софіей и ея дочерью, курфюрстиной Бранденбургскою Софіей-Шарлоттой. Смыслъ обоихъ отзывовъ сводится къ слѣдующему приговору: «Это—человѣкъ очень хорошій и вмѣстѣ съ тѣмъ дурной». Мы приведемъ еще два иностранные разсказа о Петрѣ, относящіеся къ болѣе позднему времени и до сихъ поръ не указанные Русскими историками, и въ этихъ разсказахъ встрѣтимъ опять болѣе или менѣе тоже впечатлѣніе, которое подмѣтилъ нашъ почтенный историкъ. Разсказы эти любопытны нѣкоторыми подробностями, въ которыхъ личность великаго государя очерчивается очень характерно.

Первый изъ приводимыхъ разсказовъ принадлежитъ графу Христофору Дона̀, министру перваго Прусскаго короля Фридриха I и от-

---

[2]) Письмо это напечатано въ брошюрѣ г. Вюльемена: *Vulliemin*, Pierre-le-Grand et l' amiral Lefort. Lausanne. 1867, стр. 54—55.

носится къ 1709 году, а второй—маркграфинѣ Барейтской Софіѣ-Вильгельминѣ, любимой сестрѣ Фридриха Великаго и внукѣ упомянутой выше Софіи-Шарлотты Бранденбургской; онъ относится къ 1717 году.

Вотъ разсказъ графа Дона́ [3]).

„Въ Сентябрѣ 1709 года король Прусскій [4]) имѣлъ свиданіе съ царемъ Московскимъ Петромъ Великимъ; оно произошло въ Маріенвердерѣ, и близкое сосѣдство соблазнило меня туда отправиться, вопервыхъ, чтобы повидаться съ моимъ дорогимъ повелителемъ, а вовторыхъ, чтобы постараться доставить свободу моему двоюродному брату, графу Д. С., который, желая оказать услугу королю Станиславу, имѣлъ несчастіе попасться въ руки Московитовъ. Когда я пріѣхалъ, всѣ сидѣли за столомъ, и король, замѣтивъ меня, раздвинулъ толпу, которая въ тотъ день была весьма многочисленна, приказалъ мнѣ приблизиться, обласкалъ и представилъ меня царю. Тутъ я воспользовался временемъ и въ полголоса все разсказалъ королю, умоляя его вступиться за моего родственника; этотъ великодушный государь съ полною охотой согласился на мою просьбу и получилъ обѣщаніе, что мой родственникъ будетъ вскорѣ освобожденъ. Я хотѣлъ броситься къ ногамъ царя и благодарить его; но онъ вѣжливо замѣтилъ мнѣ, что я долженъ благодарить не его, а его брата Фридриха, безъ ходатайства котораго мой двоюродный братъ не такъ-то скоро возвратился бы въ Пруссію. Затѣмъ царь прибавилъ, что не худо будетъ съ моей стороны, если я дружески посовѣтую моему родственнику впредь не мѣшаться въ подобныя дѣла, чтобы съ нимъ не приключилось чего хуже, если онъ снова попадется въ его руки. «Государь», отвѣчалъ я, «если онъ вновь попадется къ вамъ, то прошу ваше величество приказать его высѣчь кнутомъ». Такъ какъ государь не совсѣмъ хорошо разслышалъ что̀ я ему сказалъ, то велѣлъ повторить и, узнавъ въ чемъ дѣло, возразилъ, что это ужъ слишкомъ сильно сказано, такъ какъ наказаніе кнутомъ—самое суровое, строже котораго только смертная казнь. Государь этотъ былъ правъ и, быть можетъ, былъ бы еще правѣе, еслибъ не сдѣлалъ оговорки; ибо, какъ кто ни люби жизнь, а смерть лучше подобной жестокой муки. Здѣсь излишне о ней распространяться, да и къ тому же ея описаніе можно найти въ сотнѣ другихъ книгъ. Со всѣмъ тѣмъ, обратясь съ своею просьбою, я ничѣмъ не рисковалъ: она означала только, что графъ Д. С. будетъ проученъ и, получивъ возможность увидѣться со

---

[3]) Mémoires originaux sur le règne et la cour de Frédéric I, roi de Prusse. Écrits par *Christophe* comte de *Dohna*, ministre d' état et lieutenant-général. Berlin. 1833, стр. 301—304. Родственница этого Дона̀ была за графомъ А. Г. Головкинымъ (Арх. Кн. В. III, 665).

[4]) Фридрихъ I.

своей семьей, уже не пожелаетъ болѣе попасться въ столь жесткія руки и подвергнуться тому, что̀ испыталъ".

„На Маріенвердерскомъ свиданіи только и дѣлали, что̀ пировали и опорожнивали бутылки венгерскаго; по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно, чтобы при этомъ велись какіе-либо переговоры или были заключены какія условія. Правда, заходила рѣчь о проектѣ союза; но вице-канцлеръ Шафировъ, который долженъ былъ о томъ договориться съ графомъ Вартенбергомъ, оказался до того притязателенъ и держалъ себя такъ гордо и неприступно, что не было никакой возможности ни до чего договориться, и этотъ союзный договоръ заключенъ лишь спустя нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ. Но въ замѣнъ того, оба монарха оказывали другъ другу всяческія любезности, и едвали они обмѣнивались шестью словами безъ сердечныхъ лобызаній. Царь подарилъ королю свою шпагу, которая на немъ была во время Полтавскаго боя, шпагу ничѣмъ не замѣчательную, развѣ только тѣмъ, что ее имѣлъ при себѣ храбрый государь; къ тому же она была до того массивна, что я постоянно боялся за моего добраго короля, какъ бы онъ не упалъ съ нею; впрочемъ онъ все время, пока былъ въ Маріенвердерѣ, носилъ ее, чтобы сдѣлать тѣмъ удовольствіе своему другу, который ничего не потерялъ отъ промѣна, такъ какъ король сдѣлалъ ему и всему его двору значительные подарки».

«Изъ всѣхъ пировъ, данныхъ въ Маріенвердерѣ, самый великолѣпный былъ у князя Меншикова, гдѣ жестоко пили, и откуда король удалился рано. Что̀ бы тамъ ни говорили, а покойный царь Петръ отлично умѣлъ сдерживать себя, когда того хотѣлъ, и даже когда былъ разгоряченъ отъ питья, и вотъ тому примѣръ: это случилось именно на этомъ пиру. Рённе, генералъ, состоявшій на службѣ у этого государя и который по приказанію Меншикова принималъ всѣхъ гостей, въ этотъ день выпилъ болѣе обыкновеннаго и вдругъ началъ жаловаться на свою судьбу и заявлять довольно гласно, что считаетъ себя недостаточно награжденнымъ. Государь, желая разомъ прекратить эти безконечныя жалобы, потрепавъ его по плечу, сказалъ мягкимъ и важнымъ тономъ: «Другъ мой Рённе, не знаю имѣешь ли ты поводъ жаловаться; но знаю только то, что не будь ты въ моей службѣ, тебѣ бы еще далеко было до генеральскаго чина, которымъ ты величаешься». Эти слова мнѣ понравились и успокоили меня; ибо, судя по тому какъ мнѣ описывали нравъ Петра Алексѣевича, я ожидалъ, что этого генерала постигнетъ что-нибудь ужасное".

Очевидно, графъ Дона̀ ожидалъ вынести изъ встрѣчи съ Петромъ впечатлѣніе неблагопріятное—и не безъ удивленія пришелъ къ иному, лучшему заключенію о Русскомъ царѣ. Въ разсказѣ маркграфини замѣтенъ другой оттѣнокъ: чопорная Нѣмецкая принцесса (которая была

тогда еще ребенкомъ) оказалась болѣе строга къ обращенію и привычкамъ причудливаго царя и, повидимому, не побрезгала вставить въ свой разсказъ нѣсколько весьма сомнительныхъ подробностей не въ пользу Русскихъ. Вотъ ея повѣствованіе [5]).

«Царь Петръ, очень любившій путешествовать, пріѣхалъ изъ Голландіи. Онъ принужденъ былъ остановиться въ городѣ Клеве, за болѣзнью государыни, которая разрѣшилась отъ бремени ранѣе срока. Такъ какъ онъ не любилъ ни свѣта, ни какихъ церемоній, то и просилъ короля отвести ему изъ увеселительныхъ дворцовъ, находящихся въ предмѣстьяхъ Берлина, тотъ, который принадлежалъ королевѣ. Королева была этимъ очень недовольна: повелѣвъ выстроить этотъ прелестный домикъ, она много заботилась о самой роскошной его отдѣлкѣ; тамъ находилось безподобное собраніе фарфоровъ, всѣ покои были украшены зеркалами, и такъ какъ этотъ дворецъ вышелъ чистою игрушкой, то и получилъ это прозвище. Прекрасный садъ окаймлялся рѣкою, которая придавала ему еще болѣе прелести».

«Въ предупрежденіе безпорядковъ, которые господа Русскіе оставляли по себѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ только побывали, королева озаботилась вывезти изъ своего дворца всю мебель и вынести всѣ хрупкія вещи. Спустя нѣсколько дней послѣ того, царь съ супругой и своимъ дворомъ прибылъ въ Mon-bijou. Король и королева встрѣтили ихъ на берегу рѣки, и король подалъ государынѣ руку, чтобы свести ее на землю. Лишь только царь ступилъ на берегъ, какъ протянулъ королю руку, сказавъ: «я очень радъ васъ видѣть, любезный братъ». Затѣмъ онъ подошелъ къ королевѣ, желая ее поцѣловать, но та оттолкнула его. Царица же начала съ того, что поцѣловала руку королевѣ, да и не одинъ еще разъ. Потомъ она представила принца и принцессу Мекленбургскихъ, которые ихъ сопровождали въ путешествіи, а равно и такъ-называемыхъ дамъ, въ числѣ 400, которыя составляли государынинъ штатъ. То были по большей части служанки изъ Нѣмокъ, которыя исполняли обязанности дамъ, прислужницъ, поварихъ и прачекъ. Почти каждая изъ этихъ тварей держала на своихъ рукахъ богато разодѣтаго ребенка, и когда ихъ спрашивали—не ихъ ли то дѣти, то каждая изъ нихъ, отвѣшивая по Русскому обычаю низкій поклонъ, отвѣчала: «Государь мнѣ сдѣлалъ честь, пожаловалъ мнѣ дитя». Королева не пожелала привѣтствовать эти жалкія созданія. Царица въ отместку, съ своей стороны, весьма свысока обошлась съ принцессами крови, и королю стоило большихъ усилій добиться, чтобы царица

---

[5]) Mémoires de *Frédérique-Sophie-Wilhelmine*, margrave de *Bareith*, soeur de Frédéric-le-Grand, depuis l'année 1706 jusqu'à 1742. Brunswick, 1845. T. I, стр. 40—44.

имъ поклонилась. Я увидѣла весь этотъ дворъ на другой же день прибытія, когда царь съ своею супругой пріѣхалъ отдавать визитъ королевѣ. Королева принимала ихъ въ парадныхъ покояхъ дворца, и вышла къ нимъ на встрѣчу до залы, гдѣ стоитъ стража. Королева подала правую руку царицѣ и ввела ее въ свою пріемную комнату».

«Король съ царемъ послѣдовали за ними. Только что царь замѣтилъ меня, тотчасъ же узналъ, такъ какъ онъ видѣлъ меня передъ тѣмъ уже пять разъ. Онъ взялъ меня подъ руку и содралъ мнѣ всю кожу съ лица, стараясь меня поцѣловать. Я ему надавала пощечинъ и отбивалась насколько могла, говоря, что вовсе не желаю такого безцеремоннаго обращенія, и что онъ меня обижаетъ. Царь очень смѣялся этому и долго со мною занимался. Тутъ я проговорила ему то, что̀ меня научили: разсказала ему про его флотъ, про его побѣды, и тѣмъ такъ его очаровала, что онъ нѣсколько разъ повторилъ царицѣ, что если бъ у него былъ такой ребенокъ, какъ я, то онъ охотно бы уступилъ одну изъ своихъ провинцій. Царица также много ласкала меня. Королева и царица помѣстились на креслахъ подъ балдахиномъ, я стояла подлѣ королевы, а принцессы крови напротивъ нея».

«Государыня была небольшаго роста, полна, очень смугла и не имѣла ни представительнаго вида, ни граціи. Довольно было взглянуть на нее, чтобы догадаться о ея низкомъ происхожденіи. По ея странному наряду ее можно было принять за Нѣмецкую актрису: на ней было платье, купленное чуть ли не на рынкѣ, старомодное, и на которомъ было слишкомъ много серебра и грязи. Перёдъ юбки былъ весь украшенъ драгоцѣнными каменьями, расположенными въ очень странный рисунокъ: то былъ двуглавый орелъ, перья коего были сдѣланы изъ мельчайшихъ алмазовъ, очень дурной оправы. На ней была надѣта дюжина орденскихъ знаковъ, да столько же образковъ, приклѣпленныхъ во всю длину убора ея платья, такъ что когда она шла, то всѣ эти образки, ударяясь одинъ о другой, производили шумъ, точно когда идетъ мулъ и гремитъ своими привѣсками».

«Царь, наоборотъ, былъ очень высокъ ростомъ и довольно хорошо сложенъ; черты лица его были прекрасны, но въ его выраженіи было что-то жесткое, что̀ вселяло страхъ. Одѣтъ онъ былъ по-матроски, въ одноцвѣтномъ платьѣ. Государыня, изъяснявшаяся очень дурно по-нѣмецки и не хорошо понимавшая, что̀ ей говорила королева, велѣла приблизиться своей шутихѣ, и стала съ нею говорить по-русски. Эта несчастная была нѣкая княжна Голицына, обреченная на эту роль, чтобы спасти себѣ жизнь: она была замѣшана въ заговорѣ противъ царя, и ее дважды сѣкли кнутомъ. Ужь не знаю что̀ она говорила царицѣ, но только сія послѣдняя громко смѣялась».

«Наконецъ, всѣ сѣли за столъ, за которымъ царь занялъ мѣсто возлѣ королевы. Всѣмъ извѣстно, что этотъ государь былъ нѣкогда отравленъ: самый острый ядъ съ молодости поразилъ его нервы, что̀ и было причиной, что съ нимъ дѣлались очень часто судороги, которыхъ онъ никакъ не могъ предупредить. Такой именно случай съ нимъ приключился за обѣдомъ: много разъ его сводила судорога, а такъ какъ у него въ рукахъ былъ ножъ, которымъ онъ размахивалъ въ очень близкомъ разстоянiи отъ королевы, то сія послѣдняя отъ страха нѣсколько разъ порывалась встать. Царь просилъ ее успокоиться, говоря, что не причинитъ ей вреда и въ тоже время взялъ у нея руку и сжалъ ее такъ крѣпко, что королева принуждена была просить пощады; онъ отъ чистаго сердца захохоталъ и сказалъ, что видно у нея кости понѣжнѣе, чѣмъ у его Катерины».

„Послѣ ужина все было приготовлено къ балу, но царь исчезъ, лишь только всталъ изъ-за стола, и возвратился одинъ пѣшкомъ къ себѣ въ Mon-bijou. На другой день ему было показано все, что̀ было примѣчательнаго въ Берлинѣ, и между прочимъ кабинетъ медалей и древнихъ статуй. Между этими послѣдними находилась—какъ мнѣ говорили—статуя представляющая какое-то языческое божество въ очень нескромной позѣ: кумиромъ этимъ во времена древнихъ Римлянъ украшали спальни новобрачныхъ. Эта статуя считалась весьма рѣдкою и однимъ изъ лучшихъ произведенiй въ собранiи. Царь много восхищался ею и приказалъ государынѣ поцѣловать ее; она хотѣла уклониться отъ этого, но онъ разсердился и сказалъ ей на дурномъ Нѣмецкомъ языкѣ: „Kop ab“, что̀ означало: „если ты ослушаешься, то я велю отрубить тебѣ голову“. Государыня была въ такомъ страхѣ, что все исполняла, что̀ бы онъ ни пожелалъ. Царь безо всякихъ церемонiй просилъ короля подарить ему эту статую и еще нѣсколько другихъ, и король не могъ отказать. Точно также поступилъ онъ и въ другомъ кабинетѣ, гдѣ всѣ стѣны были изъ янтаря. Кабинетъ этотъ считался въ своемъ родѣ единственнымъ и стоилъ громадныхъ денегъ королю Фридриху I; но къ общему сожалѣнiю его постигла печальная судьба: онъ былъ отправленъ въ Петербургъ».

«Наконецъ, по прошествiи двухъ сутокъ, этотъ варварскiй дворъ уѣхалъ. Королева тотчасъ же отправилась въ Монъ-бижу, гдѣ нашла картину Iерусалимскаго разрушенiя. Я въ жизни своей ничего подобнаго не видала: до того все было испорчено, и королева принуждена была велѣть чуть не сызнова строить этотъ дворецъ“.

Въ томъ же 1717 году, когда состоялось вышеописанное свиданiе Русскаго царя съ Прусскою королевскою семьею, Петръ посѣтилъ Францiю и видѣлся съ малолѣтнимъ Людовикомъ XV. Осмотръ Пари-

жа и его окрестностей довольно подробно описанъ какъ въ Русскихъ, такъ и во Французскихъ источникахъ, и должно сказать, что въ сихъ последнихъ оказывается гораздо болѣе уваженія къ Петру, даже болѣе пониманія его геніальности, чѣмъ въ приведенныхъ выше Нѣмецкихъ извѣстіяхъ. Правда, что и среди Французскаго двора, славившагося утонченностью своихъ обычаевъ и служившаго въ этомъ отношеніи образцомъ для всѣхъ другихъ Европейскихъ дворовъ, простота и безцеремонность, которыми отличался Петръ въ своемъ обращеніи, казались чѣмъ-то дикимъ, варварскимъ; но все-же во Франціи лучше умѣли оцѣнить его любовь къ просвѣщенію и болѣе старались удовлетворить его любознательности и занять его вниманіе предметами серіознаго интереса: здѣсь онъ посѣщалъ не только придворныя празднества, но и засѣданія академій и различныя ученыя и промышленныя учрежденія. Извѣстны его бесѣда съ Сорбонскими богословами и присутствіе его въ одномъ изъ засѣданій Парижской академіи наукъ [6]).

Но почти ото всѣхъ писавшихъ о пребываніи Петра въ Парижѣ ускользнули подробности о томъ, какъ онъ осматривалъ знаменитую королевскую библіотеку и какъ присутствовалъ въ засѣданіи академіи надписей и словесныхъ наукъ.

Посѣщеніе библіотеки всего подробнѣе описано въ дневникѣ нѣкоего Ж. Бюва̀, который самъ состоялъ на службѣ при этомъ учрежденіи, и безъ сомнѣнія, разсказываетъ этотъ случай какъ очевидецъ [7]).

Вотъ его разказъ.

„29-го Мая (н. ст.), въ 11 часовъ утра, царь прибылъ въ королевскую библіотеку въ сопровожденіи князя Куракина, который стоялъ сзади его величества, и своего вице-канцлера, который также стоялъ по другую сторону стола. Царь сидѣлъ на креслѣ. Королевскій библіотекарь, аббатъ Лувуа, показалъ ему множество древнихъ Греческихъ рукописей, украшенныхъ прекрасными миніатюрами; нѣкоторыя изъ нихъ, священнаго содержанія, понравились ему, и онъ наклонялся, чтобы поцѣловать ихъ. Затѣмъ ему были показаны самые рѣдкіе и лю-

---

[6]) См. между прочимъ объ этомъ статью *М. П. Полуденскаго*, помѣщенную въ *Р. Архивѣ* 1865 года.

[7]) Journal de la régence par *Jean Buvat*, écrivain de la bibliothèque du roi, publié par *E. Campardon.* 2 vol. P. 1865. Изъ этого любопытнаго дневника заимствованы извѣстія о пребываніи Петра въ Парижѣ въ сочиненіи Дюкло: *Duclos*, Mémoires secrets des règnes de Louis XIV et Louis XV, изъ котораго эти свѣдѣнія приводятся обыкновенно Русскими авторами. Сообщаемыя ниже подробности не приведены ни въ упомянутой уже статьѣ Полуденскаго, ни въ статьѣ Э. Бартелеми, послѣдняго изъ Французовъ, писавшихъ о пребываніи Петра въ Парижѣ (см. переводъ этой статьи въ *Еженедѣл. Прибавленіяхъ къ Р. Инвалиду* за 1865 г.).

бопытные предметы, сохраняемые въ этой обширной библіотекѣ, и въ томъ числѣ гробница Хильдерика, отца Хлодвига, перваго христіанина изъ нашихъ королей».

„Вниманіе царя обратили на золотой перстень съ печатью, которымъ Хильдерикъ печаталъ свои письма, какъ полагаютъ по надписи на этой печати: *Childerici regis,* а также многія другія золотыя вещи изъ этой гробницы, прекрасно сдѣланную бычачью голову съ красною эмалью, считаемую за идолъ этого государя, далѣе многія золотыя Римскія монеты и золотыя лиліи, и боевой топоръ Хильдерика, который царь прикладывалъ къ своимъ щекамъ какъ бы изъ почтенія къ памяти этого древняго Французскаго государя. Затѣмъ царь удалился въ сопровожденіи камеръ-юнкера де-Либуа, которому поручено всюду сопровождать его. Царь былъ тогда въ кафтанѣ изъ довольно грубаго бархата сѣраго цвѣта безъ узоровъ и въ сѣромъ же шерстяномъ жилетѣ съ бриллiантовыми пуговицами, безъ галстука и безъ кружевныхъ манжетовъ на рукавахъ рубашки, въ небольшомъ темномъ Испанскомъ парикѣ безъ пудры; парикъ этотъ былъ обстриженъ сзади, потому что показался ему слишкомъ длиненъ. На кафтанѣ былъ небольшой воротникъ, какъ носятъ путешественники. Станъ его былъ стянутъ поясомъ изъ серебрянаго галуна, на которомъ висѣлъ кинжалъ по восточному обычаю. Государь этотъ высокаго роста, довольно строенъ, скорѣе худъ, чѣмъ полонъ, цвѣтъ его лица довольно блѣдный, безъ румянца; взоръ нѣсколько растерянный, и притомъ онъ часто моргаетъ глазами, что̀ приписывали тогда дѣйствію яда, которымъ онъ былъ когда-то отравленъ. Когда онъ пріѣхалъ въ библіотеку, то слегка кивнулъ головой аббату Лувуа, который встрѣтилъ его глубокимъ поклономъ и титуловалъ его „величествомъ“ въ отвѣтъ на всякій вопросъ царя. Онъ не сдѣлалъ библіотекѣ никакого подарка. Въ прибытіе его и при отъѣздѣ у входной двери стоялъ шпалерою взводъ Французскихъ гвардейцовъ изъ 12 человѣкъ“.

Что касается посѣщенія Петромъ академіи надписей и словесныхъ наукъ, то разсказъ о томъ сохранился въ Запискахъ этого учрежденія, которыя издавались подъ заглавіемъ: Histoire de l'académie royale des inscriptions et belles-lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des registres de cette académie, depuis l'année 1718 jusques et compris l'année 1725. Tome V. Paris. 1729. Тотъ же разсказъ воспроизведенъ и въ *Journal des Sçavans* 1730 г., въ январской книжкѣ (по Амстердамскому изданію, стр. 82—86), откуда мы и заимствуемъ его.

«Покойный царь Петръ Алексѣевичъ желалъ лично познакомиться съ членами этой академіи, созданіе которой казалось ему вѣрнымъ

средствомъ увѣковѣчить славу великаго монарха [8]). Итакъ, онъ прибылъ въ академію. Ему изъяснили ея цѣль и занятія, которыя онъ, по видимому, одобрилъ: ему показали книгу медалей покойнаго короля и самое собраніе ихъ, и онъ, разсмотрѣвъ со вниманіемъ, засвидѣтельствовалъ послѣднее основательностью своихъ замѣчаній. Потомъ, вынувъ изъ своего кошелька пятнадцать золотыхъ медалей разной величины, относящихся къ его собственной исторіи, онъ показалъ ихъ собранію, любезно предупредивъ, что дѣлаетъ это не для того, чтобы сравнивать работу и смыслъ ихъ, а тѣмъ менѣе дѣянія, на нихъ представленныя, съ тѣмъ, что̀ изображено на медаляхъ Людовика Великаго (такъ именно онъ выразился), а единственно для того, чтобы заявить свое постоянное убѣжденіе о приличномъ способѣ оставить своимъ потомкамъ примѣры, способные ихъ поощрить и наставить. Разговоръ окончился завѣреніемъ съ его стороны, что онъ прикажетъ сообщать академіи и предоставлять ея научной оцѣнкѣ важные памятники, которые могутъ быть открыты въ его государствѣ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ это нужнымъ".

«Дѣйствительно, академіи вскорѣ представилась возможность доказать ему свою признательность, и ея готовность помочь герцогу д'Антену оказать царю одну задуманную имъ любезность, при посѣщеніи царемъ медальнаго двора, увѣнчалась желаемымъ успѣхомъ. Предполагалось выбить тамъ неожиданно медаль съ изображеніемъ и именемъ царя и съ лестнымъ указаніемъ на его путешествія; имѣлось въ распоряженіи всего восемь или десять дней для того, чтобы нарисовать

---

[8]) Историкъ академіи надписей А. Мори слѣдующимъ образомъ объясняетъ ея происхожденіе: „Людовикъ XIV, быть можетъ, болѣе всѣхъ нашихъ королей былъ погруженъ въ заботу о своемъ величіи. Покровительство, которое онъ оказывалъ словесности и наукамъ, было направлено скорѣе къ тому чтобъ увеличить блескъ его царствованія, чѣмъ чтобы служить успѣхамъ человѣческаго ума. Все, что̀ могло возвѣстить потомству о его побѣдахъ и созданіяхъ, что̀ сохранило бы память о его подвигахъ и жизни, все это привлекало къ себѣ особенное вниманіе этого государя. Онъ не только воздвигалъ зданія и памятники въ честь самому себѣ, не только приказывалъ выбивать медали въ память своихъ дѣяній, но и желалъ, чтобы надписи на этихъ монументахъ своимъ изяществомъ еще болѣе возвышали превосходную работу художниковъ. Отсюда-то и происходитъ мысль, которую внушилъ ему Кольберъ, объ образованіи особой коммиссіи, имѣвшей спеціальную обязанность сочинять надписи, девизы и легенды для медалей". Изъ-этой-то коммиссіи и образовалась мало по малу особая академія надписей (см. *Alfred Maury*, L'ancienne académie des inscriptions et des belles-lettres, P. 1864, стр. 7). Въ эпоху посѣщенія ея Петромъ дѣятельность ея была уже значительно шире, чѣмъ при ея учрежденіи. У насъ подобный медальный комитетъ существовалъ при Екатеринѣ II; но только медали, выбитыя подъ его наблюденіемъ, не относились къ событіямъ царствованія этой государыни, а предназначены были прославлять дѣянія Петра Великаго (см. статью *А. И. Артемьева*: Медальные комитеты, учрежденные императрицею Екатериной II, въ т. III Записокъ Имп. Археологическаго Общества. С.-ПБ. 1851).

проектъ медали, вылѣпить ее и награвировать штамбъ. Не смотря на краткость этого срока, дѣлавшую подобное намѣреніе, повидимому, неисполнимымъ, когда царь прибылъ на медальный дворъ и пожелалъ самъ привести въ движеніе большое шибало, устройство котораго было имъ пристально разсмотрѣно, онъ былъ пріятно пораженъ, когда изъ-подъ чекана явилась большая золотая медаль, и онъ увидѣлъ на ней свое собственное изображеніе, болѣе похожее и болѣе хорошо исполненное, чѣмъ всѣ его портреты, гравированные по его заказу въ Московіи и въ Голландіи. Не менѣе того пріятно ему было увидѣть на оборотѣ медали изображеніе Славы, летящей съ Сѣвера на Югъ, и прочесть слѣдующія слова Виргилія: *Vires acquirit eundo*» [9]).

«По возвращеніи въ свои владѣнія царь сдержалъ слово, данное имъ академіи: въ 1719 же году онъ спрашивалъ ея мнѣнія относительно большой Латинской надписи, которая должна была быть помѣщена на четырехъ сторонахъ пьедестала конной статуи, воздвигаемой этимъ государемъ въ Петербургѣ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ усердіемъ, какое академія обнаружила къ украшенію этого памятника, модель котораго была ей прислана, и приказалъ благодарить членовъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. Въ 1722 году онъ препроводилъ въ академію изображенія фигуръ (по большей части бронзовыхъ) божествъ, людей и животныхъ, которыя были найдены въ предшествующемъ году въ окрестностяхъ Астрахани, гдѣ стояла тогда армія этого государя. Бернардъ де Монфоконъ награвировалъ эти изображенія въ V-мъ томѣ дополненій къ своимъ «Древностямъ», присовокупивъ къ тому и краткое ихъ истолкованіе».

«Вскорѣ за тѣмъ любознательность царя была снова возбуждена нѣкоторыми остатками какой-то библіотеки, найденными въ одномъ дворцѣ (château) въ странѣ Калмыковъ; Москвитяне придавали ей столь мало значенія, что вмѣсто того, чтобы сберечь книги, они ихъ уничтожили, за исключеніемъ нѣсколькихъ листковъ, попавшихъ въ руки его царскаго величества. Государь этотъ, послѣ тщетныхъ справокъ у людей ученыхъ своей страны и въ разныхъ сѣверныхъ университетахъ, о томъ, что̀ это за письмена,—отнесся къ президенту академіи, аббату Биньону, и прислалъ ему одинъ изъ помянутыхъ листковъ. Листокъ былъ показанъ въ засѣданіи академіи, и здѣсь гг. Фрере и Фурмонъ-старшій признали, что онъ писанъ Тибетскими письменами и на Тибетскомъ языкѣ. При пособіи собранія Тибетскихъ словъ, которое г. Фрере получилъ отъ одного миссіонера, прибывшаго изъ тѣхъ

---

[9]) „Шествуя прибавляетъ себѣ силъ“.—Краткія свѣдѣнія объ этомъ посѣщеніи медальнаго двора Петромъ есть и въ упомянутой выше статьѣ Полуденскаго.

странъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, г. Фурмонъ съ помощью своего брата взялся за прочтеніе листка, что̀ и успѣлъ сдѣлать. Оказалось, что то былъ отрывокъ поученія или надгробнаго слова въ Татарскомъ вкусѣ, съ весьма смѣлыми риторическими фигурами и повтореніями, и что содержаніе его состояло главнымъ образомъ въ нравственныхъ разсужденіяхъ касательно будущей жизни. Гг. Фурмоны сдѣлали съ этого отрывка два перевода на Латинскій языкъ: одинъ буквальный и подстрочный, а другой—болѣе пространный и свободный, и присоединили къ тому еще переводъ Французскій для прочтенія его королю. Затѣмъ все было отослано къ царю г. аббатомъ Биньономъ, который приказалъ все перевести на Русскій языкъ, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ этому государю».

Къ сожалѣнію, намъ не удалось найдти въ Русскихъ источникахъ никакихъ дополненій къ описаннымъ выше сношеніямъ Петра съ академіей надписей; но нельзя не признать, что и тѣ данныя, которыя здѣсь изложены, съ одной стороны представляютъ новое свидѣтельство о дѣйствительной любви Петра къ наукѣ и объ искреннемъ уваженіи его къ ея подвижникамъ, а съ другой—свидѣтельствуютъ и о просвѣщенныхъ воззрѣніяхъ представителей Французской учености, которые своимъ почтительнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ Петру доказали несомнѣнное превосходство тогдашней Французской образованности надъ культурою другихъ народовъ. Полагаемъ, что эту точку зрѣнія, то-есть, степень умственной зрѣлости самихъ свидѣтелей, необходимо имѣть всегда въ виду для правильной оцѣнки иностранныхъ повѣствованій и отзывовъ о событіяхъ и дѣятеляхъ Русской жизни и для успѣшнаго пользованія этими матеріалами.

М.

НАСТАВЛЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ О ВОСПИТАНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

(1761).

Если вообще воспитаніе царственныхъ лицъ отмѣнно важно какъ для нихъ самихъ, такъ и для судьбы народной, то по отношенію къ Павлу Петровичу оно имѣло особенное государственное значеніе. Это было единственное правоспособное лице для занятія Русскаго престола. Его существованіемъ обезпечивалась Русская династія. Правда, тогда жила еще такъ называемая „Брауншвейгская фамилія", томившіеся въ заточеніи прямые правнуки и праввнучки царя Іоанна Алексѣевича; но ихъ освобожденіе могло совершиться не иначе, какъ новымъ государственнымъ переворотомъ и о томъ, чтобы возвести кого нибудь изъ нихъ на престолъ, приходило въ голову развѣ такимъ людямъ какъ Арсеній Мацѣевичъ: это была семья косноязычныхъ, глухихъ искалѣченныхъ. Надежды лучшихъ Русскихъ людей соединялись на Павлѣ Петровичѣ, который родился 20 Сентября 1754 года. Нелюбимый отцемъ, почти что разлученный съ матерью, которой лишь изрѣдка позволялось оффиціально навѣщать его, онъ росъ среди нянюшекъ, мамушекъ и горничной прислуги императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1761 году, передъ тѣмъ какъ ему вступать въ отроческій возрастъ, позаботились о переводѣ его подъ надзоръ мужской, и выборъ наставника дѣлаетъ честь уму и государственной заботливости Елисаветы. Панинъ былъ однимъ изъ наиболѣе достойныхъ, книжныхъ и письменныхъ людей того времени. Государыня знала его съ дѣтства, еще въ домѣ князя Менщикова, которому приходилась племянницею мать Панина (род. въ 1718 г.). Своими дарованіями онъ возбудилъ завистливыя опасенія придворныхъ и временно былъ удаленъ изъ Петербурга на посланническія должности въ Данію и Швецію, откуда его вызвали назадъ въ 1760 году и гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ тщательнаго обученія тамошняго престолонаслѣдника (будущаго Густава III-го). Нижеслѣдующее наставленіе сохранилось въ спискѣ между бумагами Ѳеодора Дмитріевича Бехтѣева, одного изъ учителей Павла Петровича, и получено нами изъ Ярославля, отъ Л. Н. Трефолева. П. Б.

Инструкція обергофмейстеру при его императорскомъ высочествѣ государѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никитѣ Ивановичу Панину.

По извѣстной вашей вѣрности и любви къ отечеству, избрали мы васъ къ воспитанію любезнѣйшаго нашего внука, его императорскаго высочества великаго князя Павла Петровича; а по поданному отъ васъ о томъ мнѣнію, увѣрясь вяще о способности вашей къ сему важному дѣлу, опредѣлили мы васъ обергофмейстеромъ при его высочествѣ и совершенно поручили его воспитаніе попеченію вашему. Апробуя помянутое мнѣніе ваше [1]), заблагоразсудили мы, для надежнаго учрежденія поступка вашего, объявить вамъ чрезъ сіе вкратцѣ соизволеніе наше.

1) Познаніе Бога да будетъ первый долгъ и основаніе всему наставленію. Совершеннымъ удостовѣреніемъ о сей предвѣчной истинѣ надлежитъ со младыхъ лѣтъ очистить чувства его высочества, утвердить въ нѣжномъ его сердцѣ прямое благочестіе и прочія должности, коими онъ обязанъ самому себѣ, намъ, своимъ родителямъ, отечеству и всему роду человѣческому вообще.

2) Добронравіе, снисходительное и добродѣтельное сердце, паче всего нужны человѣку, котораго Богъ возвышаетъ для управленія другими; ничѣмъ же больше не возбуждаются сіи внутреннія чувствія, какъ воспоминаніемъ равенства, въ которомъ мы, по человѣчеству, предъ Создателемъ нашимъ состоимъ. Сіе есть истинный источникъ, изъ котораго изливаются человѣколюбіе, милосердіе, кротость, правосу-

---

[1]) Мы не знаемъ, гдѣ находится это мнѣніе; но въ біографіи Панина, у Бантыша-Каменскаго, приведенъ слѣдующій изъ него отрывокъ: „Приготовя сердце великаго князя ко времени созрѣнія разсудка, надлежитъ при первомъ онаго дѣйствіи вкоренить въ душу его правило, что добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истинной пользы, ни истинной славы, раздѣленными отъ пользы и славы его народа. Воспитатель долженъ съ крайнимъ прилежаніемъ и, такъ сказать, равно съ попеченіемъ о сохраненіи здоровія его императорскаго высочества, предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами ничего такого, что хотя мало бы могло развратить тѣ душевныя способности къ добродѣтелямъ, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ; а напротивъ того, приличными средствами такъ распространять, чтобъ еще въ дѣтскихъ хотѣніяхъ у его высочества нечувствительно произростала склонность и желаніе къ добру и честности, претительность же къ дѣламъ худымъ и честность повреждающимъ. При воспитаніи государя великаго князя надлежитъ отдалить всякое излишество, великолѣпіе и роскошь, искушающія молодость. Дворъ его учредить такъ, чтобъ украшеніемъ онаго были простая благопристойность и добронравіе. Время ласкателямъ довольно впередъ останется; но нѣтъ ничего излишняго въ лѣтахъ воспитанія для тѣхъ, кои вѣрою и должностію обязаны пещись объ его добродѣтеляхъ и о предостереженіи его отъ пороковъ“.

діе и прочія добродѣтели, обществу полезныя. Мы повелѣваемъ вамъ оное полагать главнымъ началомъ нравоученію его высочества и безпрестанно ему о томъ толковать, дабы при всякомъ взорѣ на различныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ бываетъ, обращаясь мыслію къ сему началу, его высочество побуждаемъ былъ къ помянутымъ добродѣтелямъ, къ благодаренію Всевышняго за милосердый объ немъ промыселъ и къ учиненію себя званія своего достойнымъ.

3) На семъ основаніи не токмо не возбраняемъ, но паче хощемъ, чтобы всякаго званія, чина и достоинства люди добраго состоянія, по усмотрѣнію вашему, допущены были до его высочества, дабы онъ, чрезъ частое съ ними обхожденіе и разговоры, узналъ разныя ихъ состоянія и нужды, различныя людскія мнѣнія и способности, такоже научился бы отличать добродѣтель и принимать каждаго по его чину и достоинству.

4) Примѣры больше всего утверждаютъ склонности и обычаи въ человѣкѣ. Мы увѣрены, что вы дадите собою образъ мужа добронравнаго, честнаго и добродѣтельнаго; но того не довольно: повелѣваемъ вамъ имянно крайне наблюдать, чтобъ никто въ присутствіи его высочества не дерзалъ противно тому поступать, не токмо дѣломъ, но ниже словами. А еслибы кто-либо отъ безразсуднаго дерзновенія въ томъ забылся, или же отъ подлой трусости особливо сталъ несправедливыми похвалами, ласкательствомъ, непристойными шутками и тому подобными забавами его высочеству угождать, хотя мы того и не чаемъ: таковыхъ, сверхъ собственнаго вашего примѣра, должны вы пристойно остеречь, а иногда и не обинуясь, безъ всякаго лицепріятія, отговорить. Такимъ образомъ приводимъ мы васъ въ состояніе удалять отъ его высочества пагубныхъ ласкателей и отвращать все то, что̀ можетъ подать поводъ къ поврежденію нрава.

5) Желая, чтобъ его высочество исполненъ былъ, если можно, равныя любви къ отечеству, какову мы къ оному сохраняемъ, поручаемъ мы оное имянно особливому попеченію вашему, яко главный видъ и намѣреніе въ воспитаніи его высочества и яко существительной долгъ, коимъ онъ ему обязанъ. А какъ человѣкъ любитъ вещь, когда онъ знаетъ ея достоинство и дорожитъ оною, когда видитъ, что польза его состоитъ въ сохраненіи оной: то надлежитъ предпочтительно предъ другими науками подать его высочеству совершенное знаніе объ Россіи, показать ему съ одной стороны изъ дѣлъ прошедшихъ и нынѣшнихъ, особливо родителя нашего времянъ, изящныя качества Россійскаго народа, неустрашимое его мужество въ войнѣ, непоколебимую его вѣрность и усердіе къ отечеству, а съ другой стороны плодородіе и почти во всемъ изобиліе простран-

ныхъ Россійскихъ земель, и, наконецъ, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно въ нѣдрахъ своихъ сохраняетъ, такъ что нѣтъ нужды думать о награжденіи какихъ-либо недостатковъ постороннею помощію, а толь меньше вымышленными человѣческою хитростію способами, но когда только употребленъ будетъ небольшой трудъ и прилежаніе, то сверхъ того продовольствованія можно еще избытками помогать другимъ народамъ. Показавъ же все сіе, истолковать притомъ его высочеству неразрѣшимыя обязательства, коими жребій его на вѣки соединенъ съ жребіемъ Россіи и что слава его и благополучіе зависятъ единственно отъ благосостоянія и знатности его отечества.

Такія преимущества Россійскаго народа и выгоды земель, которыя онъ обитаетъ, пріобрѣли отъ всѣхъ народовъ почтеніе и знатность отечеству нашему, а у нихъ возбуждаютъ тѣмъ и зависть; въ его же высочествѣ, который по рожденію и званію своему столь сильно ему обязанъ, должны они возбудить крайнюю къ оному любовь и раченіе.

Для лучшаго достиженія сего важнаго вида повелѣваемъ нашему Сенату, чтобъ онъ и всѣ присутственныя мѣста, каждое по своему вѣдомству, сообщали вамъ по требованіямъ вашимъ надлежащія къ тому извѣстія.

6) Что̀ касается до наукъ и знаній вообще, то признаваемъ мы излишно распространиться здѣсь подробнымъ оныхъ оглавленіемъ. Надѣемся, что вы, по долговременному вашему обращенію въ дѣлахъ политическихъ, сами знаете, которыя изъ оныхъ его высочеству пристойны и нужны, въ разсужденіи его рожденія и званія. Потому какъ въ томъ, такъ и въ порядкѣ, коимъ оныя преподавать должно, полагаемся на благоразумное и дознанное ваше искусство, будучи увѣрены, что вы въ томъ ничего не упустите.

7) Впрочемъ имѣете вы сочинить штатъ, сколько какихъ чиновъ и другихъ нижнихъ служителей для комнаты его высочества, по разсужденію вашему, надобно, и подать оной на апробацію нашу, означа притомъ потребную на содержаніе прочаго сумму, которую мы опредѣлить намѣрены.

8) Всѣ, кои комнату его высочества составлять будутъ, имѣютъ состоять подъ единымъ вашимъ вѣдомствомъ, и мы милостивно вамъ напоминаемъ, чтобъ между всѣми было надлежащее по мѣсту благочиніе, согласіе, почтеніе другъ другу и послушаніе одного къ другому, по чину своему и должности: ибо и наблюдаемый въ томъ благоучрежденной порядокъ имѣетъ служить его высочеству добрымъ примѣромъ, а вамъ въ облегченіе трудовъ и къ избѣжанію напрасныхъ непріятныхъ заботъ, безпорядкомъ умножаемыхъ.

9) Дабы не было вамъ никакого препятствія въ исправленіи съ успѣхомъ сего, положеннаго на васъ, важнаго государственнаго дѣла, въ которомъ вы одни Богу, намъ и государству отчетъ дать должны: то имянное соизволеніе наше есть такое, чтобъ никто въ оное не мѣшался, а имѣете вы зависѣть единственно отъ имянныхъ нашихъ повелѣній, слѣдовательно во всѣхъ случаяхъ, если что̀ въ дополненіе сей инструкціи потребно будетъ, доносить и докладывать намъ самимъ.

По такой великой довѣренности и власти, съ каковыми мы васъ при его высочествѣ учреждаемъ, надѣемся мы взаимно, что вы усугубите ревность и труды ваши, дабы представить его высочество во свѣтъ человѣкомъ Богу угоднымъ, нашей и родителей его любви достойнымъ, людямъ пріятнымъ и отечеству полезнымъ, на что ниспосли, Боже, милость Свою и благословеніе.

Сочиненъ въ Петергофѣ.
Іюня 24-го 1761 г.

КАТЕХИЗИСЪ ДЛЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА [1].

1. Какое понятіе имѣете или какъ разсуждаете о Богѣ?
— Богъ всемогущій.
2. Что̀ есть всемогущій?
— Все можетъ.
3. Какъ онъ все можетъ?
— Что̀ только захочетъ, все сдѣлается.
4. Напримѣръ?
— Однимъ словомъ сотворилъ міръ, сказавъ: будь небо и земля, и все что̀ мы видимъ и понять можемъ. Такъ и сдѣлалось.
5. Послѣ того что̀ Богъ сотворилъ?
— Сотворилъ Богъ человѣка.
6. Какъ его сотворилъ?
— Взялъ горсть земли, вдунулъ въ нее душу, и сталъ такой человѣкъ какъ всѣ мы.
7. Чѣмъ отличилъ Богъ человѣка отъ другой твари?
— Разумомъ.
8. Въ чемъ состоитъ разумъ?
— Отличить или разсудить что̀ добро и что̀ худо.
9. За сію милость чего Богъ требуетъ отъ человѣка?
— Чтобъ человѣкъ исполнялъ святую Его волю.
10. Какими способами человѣкъ исполняетъ волю Божію?
— Двумя средствами: 1) первѣе способомъ разума, отличая добро отъ худа, и сіе есть естественной для человѣка законъ; 2) второе средство—Откровеніе, которое состоитъ въ 10 заповѣдяхъ, и то называется Божій законъ.
11. Въ чемъ состоитъ первая заповѣдь?
— Однаго Бога почитать.

---

[1]) Съ подлинной черновой рукописи, писанной по мѣста̀мъ графомъ Н. И. Панинымъ. Сохранился у правнуки графа Панина, княгини М. А. Мещерской. П. Б.

12. Въ чемъ прямое почтеніе Богу состоитъ?
— Любить Его ото всего сердца и исполнять Его волю.
13. Въ чемъ состоитъ вторая заповѣдь?
— Кумирамъ не покланяться.
14. Въ чемъ состоитъ поклоненіе кумирамъ?
— Когда человѣкъ безразсудно и упрямо поступаетъ по своимъ хотѣніямъ и изъ того дѣлаетъ себѣ идола.
15. Въ чемъ состоитъ третья заповѣдь?
— Не божиться напрасно.
16. Что̀ сіе значитъ?
— При всякомъ случаѣ никакой лжи не говорить.
17. Въ чемъ состоитъ четвертая заповѣдь?
— Помни день суботній.
18. Что̀ то значитъ?
— Почитать праздники, какъ дни посвященные для благодаренія Богу.
19. Можетъ ли человѣкъ весь день стоять на молитвѣ?
— Не можетъ.
20. На что же долженъ онъ употребить остальное время?
— Къ добру, отнюдь ничего того не дѣлая что̀ Богу противно.
21. Въ чемъ состоитъ пятая заповѣдь?
— Чти отца и пр.
22. Кого еще должно разумѣть въ словахъ отца и матерь?
— Тѣхъ людей, кои намъ отеческія милости дѣлаютъ.
23. Въ чемъ состоятъ оныя милости?
— Въ томъ, что они насъ учатъ, объ насъ всякое попеченіе имѣютъ и объ нашемъ благополучіи стараются.
24. А въ чемъ состоитъ почтеніе къ родителямъ и къ такимъ людямъ, которые такимъ образомъ объ насъ попеченіе имѣютъ и стараются?
— Любить ихъ и имъ повиноваться.
25. Въ чемъ состоитъ то повиновеніе и любовь дѣтей къ родителямъ?
— Чтобъ ихъ волю исполнять.
26. А когда кто воли родительской не исполняетъ?
— Тотъ грѣшникъ передъ Богомъ и долженъ ожидать Его праведнаго за то наказанія.
27. Всѣ люди произошли отъ Адама, потому и вы равны со всѣми людьми; однако не имѣете ли какого особливаго одолженія Богу передъ многими другими, вамъ по человѣчеству равными?
— Имѣю за то, что произвелъ меня Великимъ Княземъ.

28. Въ какомъ же намѣреніи Богъ отличилъ васъ отъ другихъ, произведя васъ Великимъ Княземъ?

— Для благополучія другихъ.

29. Какъ можетъ отъ васъ сдѣлаться сіе благополучіе?

— Когда я буду разуменъ и буду повиноваться волѣ Божіей.

30 Чтобъ до того достигнуть, что̀ надлежитъ вамъ дѣлать, и какія средства надобны?

— Когда стану съ прилежаніемъ слушать то чему меня учатъ.

31. А есть ли того не будете дѣлать и по тому поступать?

— Могу дѣлать худо, прогнѣвать тѣмъ Бога, и за то можетъ лишить своей милости, обратить меня въ ничто.

32. Въ пятой заповѣди слышали вы, что въ числѣ родителей разумѣются и тѣ и т. д. Кто же теперь сверхъ родителей вашихъ больше старается о благополучіи вашемъ?

— Ея Величество Государыня Императрица; потому что она, по милости своей ко мнѣ и къ моимъ родителямъ, все попеченіе на себя принять изволила.

33. Что̀ запрещаетъ шестая заповѣдь?

— Убивство.

34. Въ чемъ оно состоитъ?

— Всякое уязвленіе и огорченіе убиваетъ человѣка.

35. Что̀ запрещаетъ седьмая заповѣдь?

— Имѣть всякія беззаконныя хотѣнія.

36. Что запрещаетъ осьмая заповѣдь?

— Кражу.

37. Въ чемъ состоитъ сей грѣхъ?

— Въ тайномъ похищеніи всего того что̀ намъ не принадлежитъ и что̀ можетъ обидѣть нашего ближняго, то есть другаго человѣка.

38. Что̀ запрещаетъ девятая заповѣдь?

— Ложь свидѣтельствовать, то есть подтвердить неправду.

39. Что̀ запрещаетъ десятая заповѣдь?

— Не только брать, но и не желать ничего чужаго.

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА ВЪ МОСКВУ, КЪ ОБЕРКАМЕРГЕРУ КНЯЗЮ А. М. ГОЛИЦЫНУ [1]).

1.

Гачина, Марта 14. 1788.

Начинаю письмо свое къ вамъ, князь Александръ Михайловичъ, прося у васъ позволенія о семъ; ибо по сей часъ никогда съ вами въ перепискѣ не былъ. Вы заключите легко, что̀ побудили меня на то какія либо особыя причины. Скажу вамъ на то, что вы и не ошибетесь въ томъ и найдете вы ихъ въ самомъ себѣ, въ расположеніи моемъ къ вамъ и во уваженіи моемъ къ особѣ вашей, которое съ малолѣтства моего вами пріобрѣтено было. Если обстоятельства насъ другъ отъ друга удалили, то не меньше однакоже могъ я желать быть съ вами ближе. Теперь имѣю случай, котораго и не упускаю, желаніе свое удовольствовать отчасти, если вы отъ онаго не отречетесь. Иванъ Онуфріевичъ Брылкинъ имѣлъ дирекцію моей больницы въ Москвѣ; я его къ сожалѣнію своему потерялъ; примите, князь Александръ Михайловичъ, сію дирекцію и одолжите меня тѣмъ. Вы оною обременены конечно не будете и доставите лишь мнѣ случай быть вамъ благодарнымъ, а установленію сему дѣйствительную доставите выгоду и пользу. При семъ случаѣ долженъ вамъ сказать, что если я письмомъ своимъ нанесъ скуку, то бъ вы меня извинили, уважая удовольствіе, съ каковымъ я къ вамъ его писалъ, во увѣреніе расположенія моего къ вамъ, съ каковымъ есмь и буду вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 22 Марта 1788 г.

---

[1]) Подлинники находятся въ Москвѣ, въ Голицынскомъ Музеѣ. Письма эти печатаются здѣсь съ любезнаго дозволенія, полученнаго отъ владѣльца Музея, князя Сергѣя Михайловича Голицына.—Мы уже имѣли случай указывать на историческій поводъ основанія Павловской больницы: она построена въ память избавленія Павла Петровича отъ смертельной болѣзни въ 1763 году. И онъ, и Марія Θеодоровна, особенно пеклись объ этомъ благотворительномъ учрежденіи. Кн. А. М. Голицынъ былъ опытный хозяинъ, и ему же впослѣдствіи поручено было возведеніе и устройство великолѣпнаго зданія Голицынской больницы (на средства его двоюроднаго брата, князя Д. М. Голицына.) П. Б.

2.

С.-Петербургъ, Марта 30. 1788.

Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ отвѣтъ вашъ, князь Александръ Михайловичъ. Подвигъ вашъ и расположеніе ваше тронули меня и наполнили меня благодарностію, а особенно видя, что и вы не отрекаетесь со мною сблизиться, какъ я того желалъ. Въ разсужденіи же желанія вашего быть увѣдомлену, какъ приступить вамъ къ дѣлу, я теперь же объясняюсь. Дирекція временная теперь больницы у Трегубова, къ которому я при семъ письмѣ посылаю повелѣніе явиться къ вамъ. Подъ нимъ первымъ и тотъ, на которомъ все лежитъ, Рубинъ; ибо Трегубовъ никогда и прежде въ управленіе вмѣшанъ не былъ. Il sera même bon de le laisser comme cinquième roue [2]); впрочемъ же относусь во всемъ на ваше собственное усмотрѣніе, а особливо, какъ вы на мѣстѣ. Признаюсь вамъ, что весьма пріятно хотя въ семъ имѣть съ вами дѣло и чрезъ то имѣть случай доказывать вамъ всегда, что есмь и буду вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 6-го Апрѣля 1788 г.

3.

С.-Петербургъ, Апрѣля 19. 1788.

Прежде нежели приступлю къ дѣлу, поздравляю васъ, князь Александръ Михайловичъ, съ настоящимъ праздникомъ, желая вамъ препроводить его благополучно и весело, притомъ и поблагодарю васъ за ваше поздравленіе: всякій знакъ расположенія вашего мнѣ пріятенъ. Примѣчаніе ваше о расходахъ больницы не по мѣрѣ ея весьма справедливо. На сіе вамъ скажу, что оные возрасли разными случаями и прежде еще, нежели я сталъ ею самъ управлять. На убавленіе оныхъ я весьма согласенъ, а особливо въ пользу или прибавленіе болящихъ; но хочу лишь примѣтить, чтобъ отнюдь не касаться пансіоновъ тѣхъ людей, которые дѣйствительно ихъ заслужили; и сіе я совершенно на ваше разсмотрѣніе отдаю. О снабденіи васъ нужнымъ для полученія денегъ я съ казначействомъ сношуся теперь. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ вдовы Брылкиной, которая проситъ меня для очистки, чтобъ я приказалъ счесть покойнаго ея мужа съ 1763 года, и дать въ томъ ей квитанцію; то въ удовлетвореніе и прошу васъ сіе сдѣ-

---

[2]) Даже будетъ хорошо оставить его пятымъ колесомъ.

лать и квитанцію ко мнѣ для подписки прислать. Думаю притомъ, что не худо бы было ей въ пансіонъ что нибудь оставить, но на сіе не могу рѣшиться, не зная точно обстоятельствъ ея, о чемъ и буду ожидать отъ васъ отвѣта.

Жена моя поручила мнѣ вамъ поклонъ свой написать, къ которому присовокуплю увѣреніе съ своей стороны о искреннемъ моемъ доброжелательствѣ, съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 26-го Апрѣля 1788.

4.

Царское Село, Мая 11. 1788.

Вчера въ вечеру Богъ даровалъ мнѣ дочь, которую назвали Екатериною и какъ мать, такъ и новорожденная, слава Богу, здоровы, о чемъ васъ, князь Александръ Михайловичъ, и увѣдомляю, зная особливо расположеніе ваше. Теперь приступлю къ дѣлу. Получилъ я сейчасъ письмо ваше отъ 4, и хотя вы и извиняетесь въ разсужденіи пространства онаго, но я его таковымъ отнюдь не нашелъ, а особливо имѣя съ вами дѣло, и отвѣтствую. 1) Отнюдь не прибавлять цѣны на господскихъ людей и пр. платящихъ. 2) Господина главнаго директора образъ мыслей всѣмъ извѣстенъ, которой благодарностію и чувствомъ удовлетворяемъ, а онъ мнѣ предоставилъ и то и другое знать и цѣнить. 3) Г. подъ-директоръ можетъ идти въ отставку; однакоже ко мнѣ онъ ничего о семъ не писалъ. 4) По случаю архитектора я совсѣмъ съ вами одного мнѣнія. 5) Кульману думаю оставить пансіонъ, ибо онъ первый былъ при самомъ заведеніи. 6) Квитанцію Брылкиной, здѣсь подписанную, прилагаю, которую и прошу ей доставить. Впрочемъ же отношусь во всемъ на ваше собственное разсмотрѣніе и благодарю за принятой уже вами трудъ. Je puis dire, si vous me le permettez, qu' il y a du plaisir à avoir à faire avec vous. [3]) Жена моя поручила мнѣ вамъ кланяться, а я есмь и буду вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено въ селѣ Самуиловѣ, 20-го Мая 1788.

5.

Павловское, Октября 5. 1788.

Вѣрьте, князь Александръ Михайловичъ, что я чувствую всю цѣну молчанія вашего во все время отсутствія моего [4]) какъ и намѣренія

---

[3]) Могу сказать, если вы мнѣ это позволите, что пріятно имѣть дѣло съ вами.

[4]) Павелъ Петровичъ уѣзжалъ на войну противъ Шведовъ.

вашего при семъ; слѣдственно и можете судить о благодарности моей. Расположеніемъ вашимъ по больницѣ я весьма доволенъ и прошу васъ точно по оному и поступить. Здѣсь возвращаю и письма Трегубова, котораго можете уволить. Весьма мнѣ пріятно здѣсь возобновить уваженіе о сердечномъ моемъ къ вамъ расположеніи, вмѣстѣ и съ женою моею и что я есмь и буду вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 12-го Октября 1788.

6.

С.-Петербургъ, Января 29. 1789.

Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, князь Александръ Михайловичъ, получилъ я письмо ваше и пишу вамъ сіе, что столь долго не получалъ отъ васъ и не писалъ къ вамъ. Рубинъ былъ у меня, и мы много о васъ говорили; притомъ и объяснялся со мною о своихъ нуждахъ, какъ о оставшихся сиротахъ послѣ Охернала, такъ и о сестрѣ своей. Я ему положительнаго ничего сказать не могъ, но отнесся и теперь относусь къ вамъ о соглашеніи нуждъ больничныхъ съ нуждами личными, будучи удостовѣренъ, что ваше распоряженіе во всякомъ случаѣ таково, что мнѣ на оное съ довѣренностію полагаться можно. Между тѣмъ скажу вамъ, что весьма желалъ послать къ вамъ съ Рубиномъ что нибудь приводящее меня вамъ на память, но краткость его здѣсь пребыванія помѣшала мнѣ теперь въ томъ. Весьма пріятно мнѣ будетъ, если во всякомъ поступкѣ моемъ станете отдавать справедливость дружбѣ моей, съ каковою есмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено чрезъ г. Рубина, 5-го Февраля 1789.

7.

С.-Петербургъ, Февраля 20. 1789.

Письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, отъ 8 получилъ. Я не думаю, чтобъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, больницу можно было отягчать новыми пансіонами; и такъ, въ разсужденіи просьбы Рубина, остаться лишь при измѣщеніи, каковое онъ самъ проситъ, отъ его жалованья. Я ему самому сказалъ, что ничего обѣщать не могу, а снесусь съ вами, а въ письмѣ моемъ къ вамъ спрашивалъ о возможности, отнесясь на ваше распоряженіе. Симъ случаемъ пользуюсь возобновить увѣренія о расположеніи моемъ къ вамъ, съ каковымъ есмь по смерть вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 24-го Февраля 1789.

8.

С.-Петербургъ, Апрѣля 6. 1789.

Позвольте, князь Александръ Михайловичъ, прежде всего мнѣ поздравить себя съ наступающимъ праздникомъ, а особливо зная ваше расположеніе, которому и я, хотя молча, соучаствую сердечно. Получивъ письмо ваше отъ 26, благодарю за оное. Въ разсужденіи же пансіона вдовѣ Охерналъ съ дѣтьми я весьма согласенъ; но по стѣсненнымъ моимъ обстоятельствамъ желаю, чтобы оный производимъ былъ отъ больницы. О сколь бы желалъ лично увѣрить васъ, что есмь и буду вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 19-го Апрѣля 1789.

9.

Павловское, Мая 25. 1789.

Желая имѣть способъ привести себя на память вашу, князь Александръ Михайловичъ, и изъявить вамъ свою благодарность, прошу васъ принять посылаемое съ симъ письмомъ. Уважьте намѣреніе мое и желаніе вамъ доказать расположеніе, съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 25-го Іюля 1789.

10.

Гачина, Октября 4. 1789.

Получилъ я письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, отъ 24 прошедшаго; но вручитель онаго, котораго желаю персонально узнать по всему, чтò о немъ слышу и чтò вы особливо о немъ пишете, не могъ ко мнѣ быть по причинѣ моего теперешняго карантина. Ваше о немъ мнѣніе уже заранѣе приготовляетъ мое по давнишнему моему уваженію къ вамъ. Благодарю васъ за увѣдомленіе меня о расположеніи пенсіоновъ и за попеченіе ваше о больницѣ. О сколь бы я желалъ быть въ состояніи вамъ показать мою признательность и что есмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 8 Ноября 1789.

11.

Павловское, Іюня 10-го 1790.

Давно не имѣлъ я писемъ отъ васъ, князь Александръ Михайловичъ, и такъ тѣмъ пріятнѣе было для меня полученіе послѣдняго отъ 4. Благодарю васъ за поздравленіе, и совершенно согласны по сему случаю мои желанія съ вашими. Но приступимъ къ тому, что̀ вы мнѣ предлагаете. Признаюсь, съ претительностію соглашаться долженъ буду на вашу пропозицію, въ разсужденіи самой публики и отступленія отъ первоначальнаго намѣренія и заведеннаго порядка; но необходимость и совершенное познаніе ваше обстоятельствъ какъ больницы, такъ и относящагося до публики, возбраняютъ мнѣ рѣшительное что либо вамъ сказать; а увѣреніе, въ каковомъ я, что вы къ лучшему все расположете, заставляетъ меня совершенно вамъ предоставить сіе распоряженіе сдѣлать хотя опытомъ, но единственно на сверхъ-комплектныхъ и на первый случай, извѣщая меня о дѣйствіи сей перемѣны. Прошу помыслить о способахъ даже, какъ и къ опыту сему приступите. Я надѣюсь, что не связалъ вамъ имъ рукъ и желаю доказать напротивъ довѣренность свою, слѣдствіе образа мыслей моихъ къ вамъ и расположенія сердечнаго, съ каковымъ есмь вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Получено 18 Іюля 1790.

12.

С.-Петербургъ, Февраля 6. 1791.

Письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, чрезъ Рубина я получилъ и чрезъ него же и отвѣчаю тѣмъ же самымъ къ сожалѣнію своему чѣмъ, и на послѣднее ваше письмо въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Тоже самое, на что̀ вы жалуетесь и меня въ невозможность приводитъ, хотя бы и душевно желалъ помочь. Впрочемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы, дѣланные мнѣ Рубинымъ, на словахъ, и остается мнѣ весьма благодарить васъ за труды ваши, прося васъ быть увѣрену о дружбѣ и расположеніи всегдашнемъ моемъ къ вамъ, съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено чрезъ г. Рубина, инспектора больницы, 12 Февраля 1791 г.

13.

С.-Петербургъ, Генваря 15. 1792.

Съ истинною благодарностію получилъ я письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, которымъ вы меня поздравляете съ праздниками и увѣреніе о расположеніи вашемъ ко мнѣ. Оно мнѣ давно извѣстно, и вѣрьте, что я цѣну его знаю и въ сердцѣ моемъ храню. Я съ своей стороны васъ поздравляя, отъ сердца желаю вамъ всякаго блага, имѣя предъ глазами всегда обращеніе ваше со мною, когда вы здѣсь еще были [5]). Въ отвѣтъ на то, чтò пишете о больницѣ, прошу принять мою благодарность за труды и попеченіе ваше; а что же касается до Рубина, то посылаю въ семъ письмѣ двѣсти рублей въ его удовлетвореніе, а при томъ и въ облегченіе больничной суммы. За симъ прошу еще разъ принять увѣреніе о расположеніи моемъ къ вамъ, съ каковымъ есмь навсегда вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Получено 21 Января 1792.

---

[5]) Т. е. въ царствованіе Петра Третьяго, когда князь А. М. Голицынъ служилъ вице-канцлеромъ. П. Б.

ЗАПИСКИ НѢМЕЦКАГО ВРАЧА О РОССІИ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Докторъ Эрнестъ Вильгельмъ Дримпельманъ, авторъ печатаемыхъ Записокъ, родился въ 1758 году въ Мекленбургскомъ городѣ Бютцовѣ. По окончаніи курса въ университетѣ, Дримпельманъ, не имѣя возможности пристроиться на родинѣ, отправился искать счастья въ Копенгагенъ и получилъ мѣсто въ Датскомъ флотѣ. Въ качествѣ корабельнаго врача Дримпельманъ совершилъ путешествіе въ Батавію. Возвратясь оттуда, онъ поѣхалъ въ Бютцовъ, гдѣ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, который уже девять лѣтъ служилъ дивизіоннымъ докторомъ въ Россіи. Разсказы сего послѣдняго о выгодахъ службы въ этой странѣ склонили молодаго человѣка ѣхать въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ въ Сентябрѣ 1779 года. Сѣверная столица произвела на пріѣзжаго большое впечатлѣніе. Нѣкоторое время онъ посѣщалъ лекціи нашихъ профессоровъ для пополненія своихъ свѣдѣній по анатоміи и хирургіи. Въ 1780 году Дримпельманъ получилъ мѣсто въ морскомъ госпиталѣ въ Кронштадтѣ. Въ 1781 году съ эскадрою адмирала Круза онъ побывалъ въ Англіи и Норвегіи. Въ Христіанштадтѣ Дримпельманъ былъ свидѣтелемъ торжества, которымъ Русскіе моряки почтили день 28 Іюня. Артиллеристы заблаговременно приготовили все необходимое для большаго фейерверка, который и былъ сожженъ на морѣ въ полуверстѣ отъ города. Вечеромъ въ городѣ былъ балъ и иллюминація. Праздникъ завершился ужиномъ. Въ слѣдующемъ году Дримпельманъ ходилъ въ плаваніе въ эскадрѣ адмирала Чичагова въ Италію. Въ 1783 году онъ переселяется на Югъ, гдѣ проводитъ нѣсколько лѣтъ въ частыхъ командировкахъ и переѣздахъ изъ одного города въ другой. Эта кочевая жизнь продолжается до 1790 г., когда, наконецъ, онъ перебирается въ Ригу, гдѣ и остается до своей смерти, послѣдовавшей 20 Іюля 1830 г. Добившись спокойнаго, обезпеченнаго положенія, Дримпельманъ занялся учеными трудами и между прочимъ написалъ свои Записки, которыя были напечатаны въ Ригѣ въ 1813 г. подъ заглавіемъ: Beschreibung meiner Reisen und der merkwürdigen Begebenheiten meines Lebens (in 8° XV+212). Эту книжку авторъ посвятилъ своимъ роднымъ, и потому многія стра-

ницы въ ней имѣютъ значеніе только личное и семейное. Опуская такія мѣста, мы остановимся на тѣхъ, которыя могутъ быть занимательны для Русскихъ читателей.

Алексѣй Круглый.

Въ 1783 году по высочайшему повелѣнію послано около тысячи солдатъ изъ Кронштадтскаго флота и нѣсколько тысячъ рекрутъ въ Херсонъ для снабженія людьми недавно основаннаго Черноморскаго флота. Солдаты раздѣлены на нѣсколько партій. Одну изъ нихъ сопровождалъ въ качествѣ врача Дримпельманъ.

Чума въ Херсонѣ.

Мы приближались къ мѣсту нашего назначенія—Херсону; но вѣсти, которыя получались отовсюду о состояніи здоровья тамошнихъ жителей, не могли заставить насъ радоваться окончанію путешествія. Еще въ Черниговѣ говорили, что въ Херсонѣ свирѣпствуетъ какое-то злокачественное повѣтріе. Въ Кременчугѣ намъ подтверждали это извѣстіе и прибавляли, что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Херсонѣ дѣйствительно распространилась чума и въ короткое время похитила нѣсколько сотъ человѣкъ. Можно себѣ представить, каково было тѣмъ, которые, достигнувъ цѣли своего странствованія, должны были идти на встрѣчу почти неизбѣжной гибели.

Команда наша, пробывъ въ дорогѣ цѣлыхъ два мѣсяца и пройдя, отъ Петербурга, 1.800 верстъ, прибыла наконецъ въ Херсонъ. Уже за нѣсколько верстъ до самаго города дымъ и паръ, застилавшіе на большое пространство небосклонъ, не предвѣщали ничего хорошаго. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ грознѣе становилось зрѣлище. Повсюду нагроможденныя кучи всякаго мусора, который надо было поддерживать въ постоянномъ горѣніи, чтобы посредствомъ дыма и пара сколько-нибудь отнять у зараженной атмосферы злокачественную силу. Но все это нисколько не помогало: чума продолжала свирѣпствовать среди несчастнаго населенія Херсона. Мои спутники—команда моряковъ и рекрутъ—вступили въ городъ. Былъ сдѣланъ смотръ, и солдатъ размѣстили по квартирамъ. Меня назначили въ устроенный въ двухъ верстахъ отъ Херсона и опредѣленный для пріема зараженныхъ карантинъ, въ которомъ уже погибло нѣсколько врачей. Здѣсь увидѣлъ я страданіе, отчаяніе и уныніе среди нѣсколькихъ сотъ людей, положеніе которыхъ настоятельно требовало сочувствія того, кто едва былъ въ состояніи подать имъ помощь. Имъ нельзя было и помочь, такъ какъ болѣзнь уже слишкомъ развилась. Мои молодцы-рекруты, хотя большин-

ство ихъ прибыло въ Херсонъ здраво и невредимо, всѣ почти перемерли. Прибытіе ихъ совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда поспѣваютъ арбузы, дыни, огурцы и другія произведенія полуденной Россіи; они продаются на Херсонскомъ базарѣ въ безчисленномъ множествѣ и по невѣроятно-дешевой цѣнѣ. Прелесть новизны и пріятный вкусъ этихъ продуктовъ соблазняли новичковъ. У нихъ началась діаррея, которая въ соединеніи съ постигшею ихъ чумою неминуемо должна была приводить къ совершенному истощенію.

Отведенное мнѣ при карантинѣ помѣщеніе, какъ и самое зданіе для пріема больныхъ, было такое же, что̀ и у всѣхъ служащихъ, т.-е. вырытая въ горѣ землянка, крытая для защиты отъ вѣтра и непогоды камышемъ и землею. Деревянныя рамы, затянутыя масляною бумагою, служили окнами. Въ самомъ карантинѣ ежедневный списокъ умершихъ былъ не малъ. Онъ умножился отъ прибавленія тѣхъ, которые умирали въ городѣ на своихъ квартирахъ. Сверхъ того нерѣдко случалось, что заразившіеся и захворавшіе люди умирали внезапно, и потому были опредѣлены арестанты, называемые порусски каторжниками, которые каждый день ходили по улицамъ съ телѣжкою, чтобы подбирать попадавшіеся трупы и погребать ихъ внѣ города на отведенномъ для того мѣстѣ. Чтобы черезъ нихъ не распространилась какъ-нибудь зараза, одинъ изъ каторжниковъ долженъ былъ носить впереди телѣжки бѣлый флагъ на палкѣ такъ, что при его появленіи каждый во̀-время могъ сворачивать въ сторону.

Цѣлые два мѣсяца этой службы при карантинѣ я находился въ добромъ здоровьѣ, употребляя всѣ извѣстныя мнѣ предосторожности, чтобы и впредь имѣть возможность подавать помощь бѣдствующимъ жителямъ Херсона. Наконецъ пришелъ и мой чередъ выдержать болѣзнь. У меня началась головная боль, потеря апетита и слабость во всемъ тѣлѣ. На второй день болѣзни я замѣтилъ опухоль подкрыльцовыхъ и подвздошныхъ железъ. Что я заразился чумою—въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Я немедленно велѣлъ открыть распухшія железы и старался поддерживать ихъ въ постоянномъ нагноеніи, и такимъ образомъ избѣжалъ близкой смерти. Всѣ тѣ, которые подобно мнѣ захворали и подверглись принятой мною методѣ лѣченія, тоже были спасены. Объ этомъ свидѣтельствуютъ находящіеся съ того времени рубцы на моемъ тѣлѣ.

Всякая заразительная болѣзнь, какъ видно по Херсонской чумѣ, имѣетъ свое время, въ продолженіе котораго она оказываетъ губительное вліяніе на жизнь человѣка. Она похищаетъ значительное число людей и затѣмъ прекращается, иногда съ изумительною быстротою. Чума свирѣпствовала въ Херсонѣ цѣлыхъ два года. Не найдется, ко-

нечно, ни одной болѣзни ужаснѣе чумы, какъ узналъ я по собственному опыту. Страшно смотрѣть, какъ люди валятся замертво на улицахъ. Иной, только что вышедшій изъ дому бодрый и здоровый, вдругъ падаетъ въ судорогахъ, которыми сопровождается чума, и испускаетъ дыханіе. Въ карантинѣ я жилъ въ вышеописанной землянкѣ съ однимъ докторомъ и хирургомъ. Наканунѣ вечеромъ всѣ мы легли спать совершенно здоровые, а на другое утро хирурга нашли мертвымъ въ постели: онъ умеръ неожиданно даже для насъ.

Во время этой ужасной чумы оправдалось неоднократно сдѣланное замѣчаніе, что всякая заразительная болѣзнь прежде всего постигаетъ того, кто ея боится и употребляетъ всѣ, какія только можно выдумать, средства, чтобы избѣгнуть ея. Другой же, напротивъ, смѣло и твердо идетъ на встрѣчу болѣзни и скорѣе можетъ разсчитывать на спасеніе отъ грозящей опасности. Всего меньше, сколько мнѣ извѣстно, умерло каторжниковъ; они, какъ я уже сказалъ выше, обязаны были убирать попадавшіеся на улицахъ трупы и умершихъ въ карантинѣ и закапывать ихъ за городомъ въ ямахъ съ известью. Напротивъ, тѣ жители города, которые тщательно охраняли свои дома и прекращали всякія сношенія съ другими, все таки заражались чумою и по большей части умирали, и притомъ внезапно.

Наконецъ, когда бѣдствіе оставшихся въ Херсонѣ жителей достигло высшей степени отъ совершеннаго прекращенія подвоза съѣстныхъ припасовъ, Богъ послалъ на помощь несчастнымъ своего ангела-хранителя. Чума совсѣмъ прекратилась. Карантинъ былъ сломанъ и сожженъ; всѣ оставшіеся въ живыхъ люди, числомъ около четырехъ сотъ, выпущены изъ него, какъ здоровые, и отправились по домамъ. Передъ возвращеніемъ на мѣсто жительства всѣ обмывались уксусомъ, а все платье было предано огню, чтобы снова не вызвать только что прекратившейся болѣзни. Въ замѣнъ того каждый получалъ отъ казны рубаху, овчинный тулупъ, шапку, пару чулокъ и обувь. Служащіе получили не только полное содержаніе, но сверхъ того и вознагражденіе за понесенные во время чумы убытки, чтобы могли заново всѣмъ запастись.

Саранча.

Только что началъ Херсонъ оправляться отъ этого бѣдствія, или по крайней мѣрѣ началъ надѣяться на лучшія времена, какъ новая бѣда—саранча, постигла несчастный городъ. Еще до 17 Іюня 1785 въ окрестностяхъ Херсона появились небольшіе отряды этихъ странствующихъ насѣкомыхъ. Но опытные Запорожскіе казаки основательно за-

ключали о бо́льшемъ количествѣ ихъ, и это предсказаніе, основанное на неоднократныхъ наблюденіяхъ, исполнилось, къ сожалѣнію, довольно скоро самымъ точнымъ образомъ. Іюня 17-го, среди дня, въ 11-мъ часу, при совершенно ясномъ небѣ, поднялись вдругъ черныя облака, медленно подвигавшіяся къ Херсону. Эти кажущіяся облака были не что иное, какъ милліоны перелетной твари; нѣсколько роевъ ея пронеслось надъ городомъ и на время затмило собою солнце. Но значительное количество опустилось на Греческій форштадтъ Херсона. Улицы и крыши домовъ покрылись этою гадиною, слоемъ въ полфута толщиною. Какъ ни старались обыватели запирать окна и двери отъ непрошенныхъ гостей, предосторожность эта мало помогала. Черезъ трубу и Богъ знаетъ еще какими путями саранча проникала въ домы, и видъ ея возбуждалъ вездѣ удивленіе и ужасъ. Въ часъ пополудни подулъ свѣжій вѣтеръ; саранча поднялась и продолжала свой полетъ въ Очаковскую степь. Но нѣсколько сотъ тысячъ насѣкомыхъ, лишась отъ тѣсноты крыльевъ и получивъ поврежденія, осталось и опять, конечно, заразило бы воздухъ, еслибы ихъ вскорѣ не собрали и не побросали въ Днѣпръ.

Кораблекрушеніе въ Черномъ морѣ.

Въ 1786 году меня назначили на военный 72-хъ пушечный корабль «Святый Александръ», который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ спущенъ въ Херсонѣ, снабженъ соотвѣтственнымъ экипажемъ и долженъ былъ присоединиться въ Севастополѣ къ Черноморскому флоту. Принявъ у Кинбурна на бортъ необходимую артиллерію, мы 26 Августа отправились съ попутнымъ вѣтромъ въ море; но едва вышли изъ лимана, какъ вѣтеръ перемѣнился, и мы увидѣли себя въ необходимости снова бросить якорь у острова Ады. 27 числа вечеромъ, въ 8 часовъ, вѣтеръ опять сдѣлался попутнымъ; весело снялись мы съ якоря и на всѣхъ парусахъ пустились въ море. Но роковой часъ пробилъ. Памятный мнѣ и всему экипажу ужасный день! Двадцать миль, пройденныя нами въ три часа, были первыми и послѣдними, которыя сдѣлалъ «Святый Александръ». Въ двѣнадцатомъ часу ночи вѣтеръ внезапно превратился въ бурю, шедшую съ моря, и погналъ со всею силой корабль на берегъ. Руль и паруса отказывались служить, и стало очевидно, какая ужасная участь ожидала всѣхъ насъ. Все, что́ только могли сдѣлать искусство и человѣческія силы, было сдѣлано, чтобы по возможности спасти корабль и людей. Дѣйствительно, даже теперь еще, когда я вспоминаю о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ мы находились, когда думаю объ этомъ хладнокровно, меня прохватываетъ

дрожь. Громадными волнами и силою свирѣпѣвшей бури нашъ корабль бросило на камни и разбило у Таврическаго берега, недалеко отъ Тарханхута. Было половина перваго ночи. Покрытое облаками небо, придававшее еще болѣе ужасный характеръ этой ночи, скрывало отъ нашихъ глазъ близлежащую землю. Ни звѣздочки не было видно; а на нее страдающій человѣкъ, угнетенный чувствомъ безсилія, охотно смотритъ, какъ на символъ близкой помощи. Повидимому было неизбѣжно, что изо всѣхъ 800 человѣкъ, составлявшихъ экипажъ судна, ни одинъ не спасется отъ безславной смерти въ волнахъ. Рубка мачтъ, бросаніе за бортъ пушекъ, съ цѣлію облегчить судно и по возможности помѣшать ему погрузиться въ воду, ужасное смятеніе среди людей, одно это уже могло навести страхъ на самаго твердаго человѣка. Каждый, думая, что и его ничтожный багажъ можетъ обременять корабль, бросалъ его за бортъ. Наконецъ, все было очищено. Корабль засѣлъ между двухъ камней, до половины наполненный водою, и вдобавокъ каждая значительная волна приподнимала его и снова ударяла о скалы. Ежеминутно ждали, что онъ совершенно развалится. Казалось, не достаетъ еще только одного удара волны, чтобы всѣ мы безвозвратно погибли. Самому командиру корабля, капитану Домажирову, ничего не оставалось болѣе, какъ объявить экипажу, чтобы, каждый приготовился молитвою къ смерти, такъ какъ уже нѣтъ спасенія отъ гибели. Тутъ произошла сцена, которая по своему потрясающему дѣйствію превзошла все до сихъ поръ бывшее съ нами. Весьма многіе изъ матросовъ и морскихъ солдатъ, которымъ навсегда приходилось остаться въ Севастополѣ, были женаты. Между мужьями и женами раздавались крикъ и плачъ, которыхъ не передастъ никакое описаніе; ибо самый простой Русскій питаетъ нѣжное чувство къ своей женѣ, и кому же неизвѣстно, какъ страстно они любятъ своихъ дѣтей? Явился корабельный священникъ: всѣ плача и молясь пали на колѣна; матери поднимали вверхъ своихъ малютокъ и молили, чтобы Богъ сжалился хоть надъ ихъ неповинностью, если уже сами онѣ должны погибнуть. Жаркія мольбы громко возсылались къ небу и заглушались ужаснымъ шумомъ волнъ и бури. Уныніе и отчаяніе на всѣхъ лицахъ.

Благодѣтельное вліяніе оказываютъ лучи живительнаго солнца, падая на предметъ, который нуждается въ ихъ дѣйствіи. Такъ было и съ нами. Хотя и медленно, но тѣмъ радостнѣе восходило для насъ солнце надежды и новой жизни. Едва забѣлѣлось утро того дня, который послѣ столь ужасной ночи долженъ былъ рѣшить нашу участь, какъ море стало успокоиваться. Любовь къ жизни и надежда на дальнѣйшее сохраненіе ея возвратились въ сердца измученныхъ людей: вблизи оказалась земля, которую Провидѣніе предназначило для спасенія на-

шего отъ гибели. Тотчасъ же были спущены три корабельныя шлюпки. Кто не умѣлъ плавать—прыгалъ въ одну изъ нихъ, и такимъ образомъ были спасены по крайней мѣрѣ тѣ, которые наиболѣе нуждались въ помощи. Триста человѣкъ экипажа, не попавшихъ на лодки, должны были попытаться переплыть отъ мѣста нашей стоянки до берега, находившагося на разстояніи почти цѣлой версты, и всѣ благополучно вышли на сушу. Только нѣсколькимъ больнымъ, которые лежали въ нижней части корабля и о которыхъ забыли въ минуту общей опасности, пришлось погибнуть отъ воды, врывавшейся съ неудержимою силой.

Теперь самое важное для насъ, столь счастливо спасшихся, было ближе узнать землю, которая насъ приняла. И тутъ наше прежнее уныніе обратилось въ радость и довольство. Берегъ, на который мы вышли, былъ пустъ; никакого слѣда, чтобы люди посѣщали его или тутъ жили. Сверхъ того у насъ явилось двѣ потребности, удовлетворенія которыхъ такъ настоятельно требуетъ природа, не допуская никакого отлагательства: разумѣю потребность въ пищѣ и еще больше въ свѣжей водѣ. Изъ разбитаго корабля, обломки котораго, къ счастію, держались еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней, мы ничего не могли взять въ день нашего спасенія по причинѣ весьма сильнаго волненія. На другой день, напротивъ, буря прекратилась совершенно, море успокоилось, и можно было безопасно попытаться послать лодки съ людьми на разбитое судно, чтобы достать находящіеся тамъ съѣстные припасы. Бочки съ мясомъ, сухарями, которые, къ сожалѣнію, уже очень попортились отъ морской воды, съ водкою и, что̀ всего важнѣе, бочки со свѣжею водой были привезены на берегъ, и такимъ образомъ люди были на нѣкоторое время спасены отъ голодной смерти. Озабочиваясь тѣмъ, что̀ предстоитъ впереди, капитанъ Домажировъ послалъ въ самый день нашего избавленія нѣсколько человѣкъ въ глубь страны, разузнать, нѣтъ ли какого нибудь селенія или, по крайней мѣрѣ, человѣческихъ слѣдовъ; посланные возвратились вечеромъ усталые, измученные, истомленные голодомъ и принесли неутѣшительное извѣстіе, что куда они ни ходили все было пустынно и необитаемо, какъ и самый берегъ. На другой день снова были посланы на развѣдку офицеръ, два солдата и одинъ Татаринъ въ качествѣ толмача. Изъ предосторожности имъ дали провіанта на нѣсколько дней. Пройдя нѣсколько миль, они нашли лошадиный слѣдъ, который привелъ ихъ, наконецъ, къ казачьей станціи, какія существовали тогда въ Тавридѣ. Здѣсь нашли они козака, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы отправлять почту и доставлять письма изъ Левкополя въ Козловъ. Козакъ проводилъ нашихъ искателей въ ближайшую богатую Татарскую деревню, откуда они потомъ прошли до мѣста жительства каймакама.

Къ счастію, извѣстіе о крайнемъ положеніи потерпѣвшихъ крушеніе было обращено къ человѣку благомыслящему и сострадательному: каймакамъ тотчасъ же распорядился послать на берегъ обозъ въ 13—14 фуръ со всякою провизіей и питьемъ. Только на шестой день съ тѣхъ поръ какъ мы томились въ нашемъ случайномъ изгнаніи прибылъ караванъ, въ сопровожденіи самого каймакама и посланныхъ нами людей. Весьма естественно, что мы уже опять начали было мучиться опасеніями, не заблудились ли наши люди, или не погибли ли отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ въ пустынѣ, потому что мы считали пустынею эту страну. Представьте же себѣ, что было съ людьми, которые, принужденные, разумѣется, къ тому необходимостію, ограничивали свое пропитаніе въ продолженіи нѣсколькихъ дней сухарями, почти негодными въ пищу, отъ проникшей въ бочки и мѣшки морской воды скудно отмѣренною порціей свѣжей воды и небольшимъ стаканомъ хлѣбнаго вина; вдругъ они видятъ, что къ нимъ везутъ съѣстные припасы. Громкій крикъ въ подобныхъ случаяхъ есть первое проявленіе ощущаемой радости, которая и выражалась на лицахъ и въ словахъ всѣхъ нашихъ людей, какъ скоро у мѣста крушенія остановились запряженныя верблюдами арбы, т. е. двухколесныя Татарскія телѣги. Благодаря заботливости и усердному содѣйствію достопочтеннаго каймакама, мы на 12-й день послѣ кораблекрушенія были снабжены необходимыми перевозочными средствами, которыя состояли изъ упомянутыхъ телѣгъ, запряженныхъ верблюдами или быками. Мы могли теперь отправиться въ Козловъ (Евпаторію), въ который и прибыли 16 Сентября 1786 г., миновавъ на пути нѣсколько Татарскихъ деревень съ зажиточнымъ населеніемъ. Начальствовавшій въ Козловѣ чиновникъ вскорѣ распорядился перевезти людей въ Севастополь на нѣсколькихъ стоявшихъ въ гавани судахъ. По долгу службы я сопровождалъ ихъ и, по благополучномъ переѣздѣ, мы достигли 19 Сентября до мѣста нашего назначенія.

Севастополь въ 1786 году.

Севастополь расположенъ въ каменистой, вовсе не имѣющей пріятныхъ или величественныхъ видовъ мѣстности западной Тавриды. Еще менѣе можно найти въ немъ замѣчательные памятники древнегреческой архитектуры, хотя торговля Грековъ во всѣ времена, съ тѣхъ поръ какъ они являются въ исторіи, была весьма значительна въ такъ называемомъ Херсонисѣ Таврическомъ. Только знаменитая морская гавань, которою Севастополь долженъ гордиться и въ которой со времени владычества Русскихъ имѣетъ свое пребываніе военный Черномор-

скій флотъ, замѣчательна своею обширностью и безопасностью. Гавань состоитъ изъ трехъ бухтъ и окружена высокими каменными горами, которыя лишь на вершинахъ своихъ скудно покрыты плодородною землей; слой ея при подошвѣ и въ промежуточныхъ лощинахъ достигаетъ толщины пяти футовъ и въ изобиліи производитъ разнаго рода кормовыя травы. Городъ въ то время не имѣлъ улицъ; а дома, магазины и другія постройки, исключительно деревянныя, были разбросаны между скалъ. Меня особенно интересовала здѣсь вырытая въ скалѣ пещера, находившаяся въ концѣ гавани и лучше другихъ, ей подобныхъ, сохранившаяся. Камень, въ которомъ ископана сія пещера, имѣлъ въ основаніи сто десять футовъ, высота простиралась навѣрно болѣе 80 футовъ. Масса его состояла изъ шифера, известняка и еще какой-то раковинной породы, въ которой попадались окаменѣлыя рыбы, жабы, лягушки и т. п. Такая масса легко уступаетъ долоту и молоту; жилище, въ которомъ я могъ ясно различать нѣкоторыя комнаты, лѣстницы и ходы, было устроено въ этой скалѣ навѣрно еще въ тѣ времена, когда Византійскіе императоры владѣли сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря. Посреди грота находилась довольно обширная часовня, въ которую проникалъ слабый свѣтъ чрезъ отверстія, сдѣланныя подъ крышею. На потолкѣ еще видны слѣды вырѣзаннаго креста, изъ чего можно заключить, что обитателями этой пещеры были Греческіе монахи, которые часто вели отшельническую жизнь. Въ позднѣйшія времена Татары, какъ враги христіанскаго символа, уничтожили крестъ, или губительное время истребило его, такъ что, когда я посѣтилъ эту пещеру, отъ креста оставались уже только ничтожные слѣды.

Изъ Севастополя Дримпельманъ отправился въ Константинополь, за тѣмъ жилъ нѣсколько времени въ Херсонѣ. Отсюда онъ совершилъ поѣздку въ Ригу, гдѣ женился. На возвратномъ пути Дримпельманъ съѣхался въ Нѣжинѣ со свитою императрицы Екатерины, путешествовавшей въ Тавриду, и сдѣлался такимъ образомъ очевидцемъ пребыванія Государыни въ Херсонѣ.

Путешествіе Екатерины II въ Херсонъ.

Городъ Нѣжинъ, ведущій значительную торговлю съ Турціею, Силезіею и Лейпцигомъ, которая находится главнымъ образомъ въ рукахъ Русскихъ и Грековъ, былъ необыкновенно оживленъ вслѣдствіе ожидавшагося проѣзда императрицы Екатерины II. За день до насъ сюда прибыло много чиновниковъ изъ императорской свиты. На слѣдующій день ожидали самоё Государыню, которая должна была изъ Нѣжина отправиться черезъ Кременчугъ, а оттуда по Днѣпру въ Херсонъ,

гдѣ, какъ извѣстно, было условлено ея свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II. Дѣйствительно, въ назначенный день великая Императрица прибыла въ Нѣжинъ, обѣдала здѣсь и въ тотъ же день послѣ обѣда продолжала свое знаменательное путешествіе. По недостатку въ лошадяхъ, весьма естественному при такихъ обстоятельствахъ на Новороссійскихъ станціяхъ, мы не безъ основанія должны были опасаться задержки, еслибы намъ не удалось присоединиться къ императорской свитѣ. Мы были столь счастливы, что могли воспользоваться этою честью. Такъ какъ меня вездѣ принимали за врача, состоящаго при Государынѣ, то по предъявленію подорожной мнѣ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ давали лошадей. Изъ всѣхъ путешествій, какія я совершалъ на своемъ вѣку, ни одного не было для меня пріятнѣе и занимательнѣе; иначе, впрочемъ, и быть не могло при столь многочисленной свитѣ, какъ тогдашняя императорская. На всѣхъ станціяхъ, гдѣ останавливалась свита для завтрака, обѣда или ужина, меня съ женою и пріятелемъ приглашали въ общество, за что я обязанъ былъ болѣе всего любезности состоявшаго въ свитѣ Императрицы доктора Роскина, съ которымъ я близко сошелся, уѣзжая изъ Нѣжина. На всемъ пути отъ Петербурга до Кременчуга, особенно въ такихъ мѣстахъ, которыя были неудобны для пріема Государыни, выстроены были простые, но просторные деревянные дома, великолѣпнѣйшимъ образомъ отдѣланные и меблированные; устройство ихъ немало способствовало пріятности этого путешествія. 11-го Мая 1787 года, утромъ въ 11 часу, прибыла Императрица въ Кременчугъ. Говорятъ, что въ это самое время вели на мѣсто казни какую-то важную преступницу (о противозаконныхъ поступкахъ которой я не могъ узнать) для наказанія кнутомъ. Императрица, которая на всемъ пути уже дала столько доказательствъ своего человѣколюбиваго нрава, была и здѣсь столь милостива, что освободила преступницу отъ присужденнаго ей кнута и смягчила наказаніе.

Изъ Кременчуга Императрица поѣхала водою въ Херсонъ, для чего заранѣе были сдѣланы всѣ распоряженія; мы же продолжали нашъ путь, который до Херсона составлялъ болѣе 300 верстъ, черезъ такъ называемую Таврическую степь. Починка экипажа была причиною остановки на нѣсколько дней; поэтому весьма понятно, что мы, пріѣхавъ въ Херсонъ, нашли уже тамъ Государыню. За нѣсколько дней передъ тѣмъ прибылъ также Іосифъ II подъ именемъ графа фонъ-Фалькенштейна и тотчасъ же представился Императрицѣ. Пребываніе обѣихъ коронованныхъ особъ въ Херсонѣ продолжалось около трехъ недѣль. Устроенныя торжества и празднества начались тѣмъ, что были спущены два вновь выстроенные военные корабля. Чтобы жители Херсона и его окрестностей могли также принять участіе въ этомъ зрѣлищѣ,

черезъ Днѣпръ заранѣе были построены три пловучіе моста съ перилами для защиты отъ солнца и дождя, снабженные крышею, которая была покрыта зеленою клеенкой. Между обоими крайними мостами, на которыхъ помѣщались военные и прочіе зрители, находились подмостки, съ которыхъ должны были сойти корабли. Средній помостъ, назначенный для Императрицы, графа Фалькенштейна и высшихъ знатныхъ особъ, особенно отличался великолѣпными и съ большимъ вкусомъ прибранными украшеніями. Для спуска было назначено 2-е Іюня. Ясное безоблачное небо обѣщало безпрепятственное наслажденіе многимъ тысячамъ, собравшимся смотрѣть на это торжественное зрѣлище. За день впередъ, всѣмъ офицерамъ полковъ, стоявшихъ въ самомъ Херсонѣ и его окрестностяхъ, и офицерамъ флота было приказано собраться въ назначенный для предстоящаго торжества день къ десяти часамъ утра въ цитадели. Къ одиннадцати были сдѣланы всѣ остальныя распоряженія для достойнаго пріема Царицы. Отъ императорскаго дворца до верфи, находившейся почти въ полуверстѣ, путь былъ уравненъ и покрытъ зеленымъ сукномъ на двѣ сажени въ ширину. Съ обѣихъ сторонъ стояли офицеры, которые охраняли путь и разнобразные мундиры которыхъ привлекали взоры зрителей. На мѣстѣ спуска были выстроены высокіе подмостки съ галлерееею, гдѣ помѣщались музыканты. Въ концѣ устроеннаго для Императрицы помоста стояло кресло подъ балдахиномъ, изъ голубаго бархата, богато украшеннымъ кистями и бахрамою. Въ часъ пополудни Государыня вышла изъ дворца въ сопровожденіи графа Фалькенштейна и многихъ высокихъ особъ своего и Вѣнскаго дворовъ. Графъ шелъ съ правой руки, а съ лѣвой—Потемкинъ. Государыня явилась запросто, въ сѣромъ суконномъ капотѣ, съ черною атласною шапочкой на головѣ. Графъ также одѣтъ былъ въ простомъ фракѣ. Князь Потемкинъ, напротивъ, блисталъ въ богато вышитомъ золотомъ мундирѣ со всѣми своими орденами. При приближеніи Государыни, съ помоста данъ сигналъ къ спуску кораблей пушечнымъ выстрѣломъ. Съ галлереи раздалась музыка, а съ валовъ цитадели—громъ пушекъ. Тотчасъ послѣ того увидѣли, какъ колоссъ военнаго корабля, сначала торжественно-тихо, а потомъ быстрѣе сдвинулся съ возвышенія, на которомъ стоялъ, и сошелъ въ Днѣпръ. За тѣмъ, вскорѣ за первымъ, послѣдовалъ второй корабль, при чемъ крики ура тысячной толпы, музыка и громъ пушекъ дѣлали зрѣлище величественнымъ. Выразивъ полное свое удовольствіе всѣмъ участвовавшимъ въ постройкѣ и спускѣ кораблей, Ея Величество изволила щедро наградить старшихъ и младшихъ строителей и много другихъ лицъ золотыми часами и табакерками и отправилась обратно во дворецъ. Тогда на

пловучихъ мостахъ были накрыты обѣденные столы, уставленные въ изобиліи кушаньями и напитками, за которые могли садиться офицеры и всякій являвшійся въ приличной одеждѣ, также и дамы. На открытомъ мѣстѣ, между Греческимъ форштадтомъ и цитаделью, находились въ большомъ количествѣ вино и водка для простаго народа, который до ночи толпился и шумѣлъ вокругъ постоянно наполняемыхъ бочекъ. Вечеромъ былъ сожженъ прекрасный фейерверкъ, а при дворѣ былъ балъ, на которомъ число присутствовавшихъ особъ обоего пола простиралось за тысячу.

Слѣдующіе дни, въ продолженіи которыхъ Монархиня счастливила своимъ присутствіемъ Херсонъ, были проведены частію въ дружеской бесѣдѣ, частію въ поѣздкахъ и прогулкахъ пѣшкомъ, въ чемъ иногда принималъ участіе и графъ Фалькенштейнъ. Самая замѣчательная изъ прогулокъ была та, которую Императрица въ сопровожденіи графа и большой свиты совершила внизъ по Днѣпру до Кинбурна и Очакова. По высочайшемъ возвращеніи въ Херсонъ было отдано приказаніе приготовиться къ отъѣзду въ Петербургъ, и черезъ три дня Ея Величество отбыла изъ Херсона въ вожделѣнномъ здравіи, напутствуемая благословеніями вѣрныхъ подданныхъ. На другой день отправился и графъ Фалькенштейнъ со своею свитою обратно въ Вѣну. Многія высокія и знатныя особы, которыя посѣтили Херсонъ во время пребыванія въ немъ Императрицы, также уѣхали черезъ нѣсколько дней.

Вторая Турецкая война.

Въ исходѣ 1787 года была объявлена война съ Турками. Всѣ войска, стоявшія въ Херсонѣ и его окрестностяхъ, получили приказъ о скоромъ выступленіи, чтобы двинуться на встрѣчу войскамъ султана, которыя по слухамъ простирались отъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ и уже перешли черезъ Дунай. Наша армія, тоже усиленная, могла тѣмъ легче отразить наступленіе Турокъ на Русскіе предѣлы, что Суворовъ (пожалованный въ послѣдствіи въ князья) съ горстью солдатъ такъ мужественно отразилъ первое нападеніе врага у Кинбурна, что сей послѣдній не отваживался болѣе переходить границы своей земли. Тогда же были окончены приготовленія къ столь знаменитой въ послѣдствіи и въ 1788 г. благополучно оконченной осадѣ Очаковской, и рѣшено было обстрѣливать съ моря и суши эту крѣпость, одинаково важную для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Возвышенное положеніе ея и необыкновенно толстыя стѣны были главнѣйшими причинами того, что приступы къ крѣпости, раньше нѣсколько разъ дѣланные со стороны

моря, не удались. Стоявшія на Днѣпровскомъ лиманѣ бомбардирскія суда, на одномъ изъ которыхъ я находился, могли производить своею артиллеріей лишь слабое дѣйствіе. Штурмъ съ твердой земли, для котораго представился удобный случай только осенью 1788 г., долженъ былъ довершить то, чего еще не было сдѣлано до сихъ поръ. Штурмъ этотъ стоилъ, конечно, жизни нѣсколькимъ тысячамъ нашихъ храбрыхъ солдатъ; но опытъ послѣдующихъ годовъ показалъ, какъ прочно чрезъ это пріобрѣтеніе защищены границы Россійскаго государства и обезпечена торговля на Черномъ морѣ.

Въ то время, какъ началась уже осада Очакова, я получилъ изъ Херсонской Адмиралтейсъ-Коллегіи приказъ такого содержанія: начальникъ расположенной въ городѣ Мосцнѣ (въ тогдашней Польской украйнѣ) команды, кригсъ-комиссаръ Плетеневъ, прислалъ въ Адмиралтейство увѣдомленіе и просилъ, въ виду множества больныхъ, которые настоятельно требовали врачебной помощи, удовлетворить эту нужду. Адмиралтейсъ-Коллегія рѣшила послать туда меня. Я долженъ былъ поэтому немедленно явиться въ канцелярію Адмиралтейсъ-Коллегіи за полученіемъ необходимыхъ для этой поѣздки инструкцій. Разумѣется, ничего не могло быть пріятнѣе для меня этого извѣстія. Я поспѣшилъ къ своему командиру сообщить ему о полученномъ приказѣ; но онъ уже былъ извѣщенъ объ этомъ Адмиралтейсъ-Коллегіею и потому уволилъ меня отъ занимаемой мною должности. Былъ уже поздній вечеръ, когда я получилъ отпускъ. Мнѣ надо было еще кое-что привести въ порядокъ, и поэтому я могъ только на слѣдующій день выѣхать изъ Кинбурна. Такъ какъ я взялъ почтовыхъ лошадей, и въ дорогѣ не случилось никакихъ задержекъ, то я пріѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ въ Херсонъ, гдѣ жена моя въ безпокойствѣ и опасеніяхъ провела нѣсколько недѣль моего отсутствія.

На другой день по пріѣздѣ отправился я въ канцелярію Адмиралтейсъ-Коллегіи, гдѣ получилъ предписаніе составить списокъ медикаментовъ и взять ихъ изъ аптеки. На третій день я уже былъ готовъ со своею аптекой. Мнѣ выдали слѣдуемые прогоны и для сопровожденія дали двухъ солдатъ и одного Русскаго фельдшера. Отъ Херсона до Новомиргорода, небольшаго городка тогдашней Кіевской губерніи (въ послѣдствіи Вознесенскаго намѣстничества, уничтоженнаго въ 1796 году), приходилось ѣхать пресловутою степью въ 400 верстъ, въ которой, по крайней мѣрѣ въ тѣ времена, на пространствѣ тридцати-сорока верстъ попадалось не болѣе одной самой дрянной, ветхой лачуги, гдѣ кромѣ водки, нельзя было найти никакихъ съѣстныхъ припасовъ или другихъ удобствъ. Каждый путешественникъ долженъ былъ запасаться

въ достаточномъ количествѣ всѣмъ необходимымъ, чтобы не терпѣть нужды. Во всей этой мѣстности не встрѣчается селъ, потому что она безлѣсна и не имѣетъ годной для питья воды.

Мы сдѣлали почти половину пути отъ Херсона до Новомиргорода по негостепріимной степи; проливной дождь шелъ до самой ночи и принудилъ остановиться въ одномъ шинкѣ, ради ночлега или по крайней мѣрѣ пристанища. Хозяинъ отвелъ намъ грязную комнату, въ которой не было ничего кромѣ сквернаго стола, изломаннаго стула, да скамейки. Не смотря на то, мы приказали взять нашу насквозь промокшую перину и другія необходимыя вещи и перенести ихъ въ сухое мѣсто. Это видѣлъ хозяинъ и спросилъ насъ, не думаемъ ли мы ночевать. Мы отвѣчали утвердительно. Тогда онъ сталъ говорить, съ весьма таинственнымъ видимъ, что не совѣтовалъ бы намъ оставаться у него на ночь; потому что въ степи много разбойничьихъ шаекъ, которыя, замѣтивъ гдѣ-нибудь проѣзжихъ, не упустятъ случая напасть и не только ограбить путешественниковъ, но и убить. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ, случившихся въ сосѣднихъ шинкахъ. Я поблагодарилъ его за сообщенныя свѣдѣнія, но сказалъ, что не боюсь и что у меня достанетъ храбрости твердо противостать съ моими людьми всякому враждебному нападенію. Хотя разсказы хозяина были, по моему мнѣнію, просто выдумка, но я однако счелъ за нужное принять нѣкоторыя мѣры. Я далъ приказаніе обоимъ моимъ солдатамъ зарядить ружья; повозку, въ которой мы ѣхали, и повозку съ аптекою поставить около дома подъ окнами и дежурить ночью. Извощику и фельдшеру я велѣлъ лѣчь на соломѣ подъ повозками и далъ каждому изъ нихъ по заряженному пистолету. Самъ я, жена и деньщикъ помѣстились въ домѣ. Но стража, которой я въ случаѣ приближенія подозрительныхъ людей приказалъ немедленно поднять тревогу, оставалась спокойна. Ночь прошла безъ малѣйшей тревоги. Наступившій день свѣтлымъ безоблачнымъ небомъ сулилъ болѣе намъ благопріятное путешествіе. Мы весело продолжали путь и на девятый день по отъѣздѣ изъ Херсона достигли Новомиргорода. Зеленый лѣсъ, множество садовъ съ разнаго рода плодовыми деревьями и всюду бросающееся въ глаза довольство поселянъ представляли весьма пріятное зрѣлище. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣсколькихъ дней труднаго путешествія черезъ негостепріимную степь, сторона около Новомиргорода съ роскошнымъ развитіемъ флоры и фауны должна быть раемъ для путешественниковъ. Мы не могли не позволить себѣ отдохнуть денекъ въ столь пріятномъ мѣстѣ и не подкрѣпиться горячею пищей, безъ которой принуждены были обходиться въ степи.

Мосцна.

По пріѣздѣ въ Мосцну первымъ дѣломъ моимъ было засвидѣтельствовать почтеніе командиру расположенныхъ тамъ войскъ, кригсъ-коммиссару Плетеневу, который въ тоже время былъ и моимъ начальникомъ. Онъ не мало былъ удивленъ, увидавъ меня раньше чѣмъ предполагалъ. Мнѣ тотчасъ же была отведена квартира, и такъ какъ не много требовалось времени, чтобы привести въ порядокъ мои дѣла, то я могъ въ самый день пріѣзда осмотрѣть лежавшихъ въ разныхъ домахъ тяжело больныхъ.

Мосцна была, какъ оказалось, порядочное село на р. Ингулѣ съ церковью, около 320 крестьянскихъ дворовъ и нѣкоторымъ числомъ хорошихъ глиняныхъ и деревянныхъ домовъ. Нѣсколько дворянскихъ Польскихъ фамилій, жившихъ здѣсь и владѣвшихъ землями, платили Польской коронѣ ежегодную подать. Польскій хорунжій, который кромѣ Мосцны имѣлъ подъ своею юрисдикціей еще нѣсколько сосѣднихъ деревень и поэтому титуловался „губернаторомъ", жилъ въ концѣ села, въ укрѣпленіи, похожемъ на крѣпость, которое состояло изъ вырытаго и укрѣпленнаго палисадомъ землянаго вала съ деревянными, выкрашенными подъ цвѣтъ желѣза пушками, при которыхъ тамъ и сямъ стояли на часахъ деревянные солдаты въ пестро-раскрашенныхъ мундирахъ. По Ингулу доставляются изготовляемыя въ Мосцнѣ довольно большія транспортныя суда и шлюпки въ Херсонъ. Но въ особенности рубится здѣсь много деревъ, которыя по своему превосходному качеству и крѣпости сплавляются въ Херсонъ для строенія военныхъ кораблей. Для этого и находилась здѣсь Русская команда, состоявшая большею частію изъ плотниковъ и дровосѣковъ и для которой меня командировали въ Мосцну.

Четыре мѣсяца я жилъ въ этомъ селѣ. Мнѣ удалось устроить лазаретъ для помѣщенія всѣхъ больныхъ и снабдить его всѣмъ необходимымъ. Я думалъ теперь, что можно разсчитывать на болѣе спокойную жизнь, чѣмъ та, которую позволяли мнѣ прежнія служебныя обстоятельства. Я обзавелся хозяйствомъ, чего мнѣ не удавалось еще сдѣлать со времени женитьбы, купилъ мебель, разныя необходимыя домашнія вещи и прочее, что̀ не всегда можно имѣть въ достаточномъ количествѣ. Но казалось, что судьба не давала мнѣ инаго покоя, кромѣ того, который рано или поздно найдетъ каждый—покоя въ могилѣ. Судьбѣ угодно стало, чтобы я какъ можно скорѣе бросилъ ту обстановку, въ которой до сихъ поръ жилъ. Дѣло въ томъ, что едва я началъ мечтать о томъ, что скоро у меня будетъ и дорогой источникъ семейной

радости, неомрачаемость которой сдѣлаетъ мое безвѣстное существованіе болѣе пріятнымъ, какъ я былъ пробужденъ отъ сладкихъ грезъ приказомъ, нежданно-негаданно полученнымъ моимъ начальникомъ изъ Херсонской Адмиралтейсъ-Коллегіи. Приказъ гласилъ кратко, безъ объясненія причинъ, что я увольняюсь отъ занимаемой теперь должности и обязанъ ѣхать въ Николаевъ на Бугѣ, гдѣ имѣю явиться къ бригадиру Фалѣеву. Еслибы другія письма, полученныя моимъ командиромъ, не сообщили мнѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, я такъ бы и не вѣдалъ, что̀ со мною хотятъ дѣлать. Изъ писемъ же оказалось, что я долженъ былъ служить своею помощью раненымъ при взятіи Очакова, Бендеръ и Яссъ и захворавшимъ отъ другихъ причинъ солдатамъ, которыхъ для лѣченія привозили въ Николаевъ и которымъ не доставало медицинской помощи. А моя вѣрная жена не задолго передъ симъ обрадовала меня рожденіемъ дочери и находилась еще въ постели. Ребенку всего было только 14 дней. Надо было поручить его кормилицѣ; но изъ женщинъ въ Мосцнѣ, которыя оказывались наиболѣе пригодными для этого дѣла, ни одна не соглашалась ѣхать съ нами. Я долженъ былъ сверхъ того опасаться, что жена, здоровье которой было не изъ лучшихъ, быть можетъ на всю жизнь останется болѣзненною и хилою отъ сырыхъ, тяжелыхъ весеннихъ испареній и отъ путешествія по степи, гдѣ нечего было и думать о какомъ бы то ни было освѣженіи. Но къ чему служили всѣ эти размышленія на разные лады? Какую пользу принесли бы жалобы на судьбу? Служба требовала строгаго исполненія обязанностей. Необходимо было ѣхать. Наше небольшое хозяйство, состоявшее изъ двухъ дойныхъ коровъ, пары свиней, нѣсколькихъ куръ и гусей, было продано за полцѣны. Сдѣланные запасы съѣстнаго, мебель и домашняя утварь отданы почти даромъ. Все было распродано въ три дня. Лошадей запрягли въ повозки, и мы тронулись въ путь. Наше общество состояло изъ мѐньшаго числа лицъ, чѣмъ при поѣздкѣ въ Мосцну, такъ какъ оба солдата и фельдшеръ остались тамъ. Путь нашъ лежалъ чрезъ Св. Елисавету, которая извѣстна также подъ именемъ Елисаветграда и въ то время была главнымъ городомъ Екатеринославской губерніи. Здѣсь мнѣ надо было справиться въ канцеляріи князя Потемкина, какой путь я долженъ избрать, какъ ближайшій въ только что возникавшій городъ Николаевъ. Мнѣ посчастливилось получить удовлетворительныя свѣдѣнія объ этомъ. Теперь самымъ труднымъ для меня дѣломъ было найти кормилицу для моей дочери. И въ этомъ дѣлѣ результаты превзошли мое ожиданіе. Послѣ разныхъ поисковъ и развѣдываній нашлась одна женщина здоровая, не имѣющая ребенка, которая съ удовольствіемъ вызвалась ѣхать съ нами и которая имѣла поэтому преимущество предъ многими соискательницами. Насъ было семь че-

ловѣкъ; мы размѣстились на двухъ повозкахъ, запряженныхъ пятью лошадьми.

Николаевъ въ 1788 году.

20-е Мая 1788 года было тѣмъ вожделѣннымъ днемъ, когда мы проѣхали степь и стали приближаться къ мѣсту нашего назначенія—Николаеву. Но какъ сильно я былъ удивленъ, когда извозчикъ, котораго я порядилъ изъ Елисаветграда, вдругъ остановился и хотя я не видѣлъ ничего кромѣ отдѣльныхъ хижинъ изъ тростника и часовыхъ, объявилъ мнѣ, что тутъ и есть Николаевъ. Мнѣ показалось это тѣмъ невѣроятнѣе, что еще два года тому назадъ я слышалъ, что основывается на Бугѣ новый городъ, который будетъ носить имя Николаева. Что́ же могло быть естественнѣе, какъ предполагать и ожидать здѣсь домовъ и жителей. Въ приказѣ кригсъ-комисару Плетеневу значилось, что по прибытіи въ Николаевъ я долженъ явиться къ бригадиру Фалѣеву. Ближайшее освѣдомленіе у часовыхъ показало, что слова извощика были справедливы и что я дѣйствительно нахожусь въ самомъ Николаевѣ. Болѣе обстоятельная справка о томъ, гдѣ я могу найти больныхъ солдатъ и гдѣ отыскать домъ бригадира, показала мнѣ, наконецъ, что я долженъ ѣхать еще пять верстъ, чтобы найти тѣхъ людей, которые были виновниками моего странствованія. Я тотчасъ же отправился въ путь. Проѣхавъ почти полдороги, я увидѣлъ мѣсто, гдѣ находились помѣщенія для больныхъ и жилъ бригадиръ. Это мѣсто называлось «Богоявленіе» и состояло изъ 16 крытыхъ тростникомъ деревянныхъ жилищъ, устроенныхъ на подобіе госпиталей и изъ множества палатокъ и Татарскихъ войлочныхъ юртъ. Сверхъ того нѣсколько жилищъ были выкопаны въ землѣ, едва выдавались изъ нея, но имѣли также своихъ обитателей. На основаніи писемъ къ прежнему моему начальнику кригсъ-коммиссару Плетеневу, я могъ предполагать, что здѣсь находится уже много врачей; отъ нихъ я охотно узналъ бы о состояніи и положеніи больныхъ, лѣченіемъ которыхъ я долженъ былъ заняться. Встрѣтившійся мнѣ какой-то Нѣмецъ, котораго я просилъ указать жилище кого-нибудь изъ врачей, не могъ ни въ чемъ мнѣ быть полезенъ, кромѣ того, что указалъ жилище аптекаря, которое по его словамъ находилось недалеко, на одномъ возвышеніи. Я отправился туда, но, говорю не шутя, я стоялъ уже на крышѣ искомаго дома, не подозрѣвая, что подъ моими ногами могли жить люди, до тѣхъ поръ пока выходившій изъ отверстія дымъ и дверь, которую я примѣтилъ на склонѣ холма, не показали мнѣ, куда надо идти. Я подошелъ къ замѣченной двери. Она открылась, и оттуда вышелъ небольшой, сгорбленный человѣкъ.

Это и былъ аптекарь. Мы удивились, увидавъ другъ друга, и точно старались признать одинъ другаго. Это дѣйствительно такъ и было: едва мы назвали себя по именамъ, какъ оказалось, что мы были уже знакомы десять лѣтъ тому назадъ въ Кронштадтѣ. Онъ ввелъ меня въ свое жилище, которое кромѣ темной прихожей состояло еще изъ двухъ отдѣленій, изъ которыхъ одно было отведено для его семейства, а другое подъ аптеку. Внутренность жилища соотвѣтствовала его внѣшности. Стѣны обмазаны желтою глиною, потолокъ сдѣланъ изъ плетенаго тростника засыпаннаго землею, крошечныя окна съ дрянными стеклами пропускали слабый свѣтъ во внутреннее пространство. Подобнымъ же образомъ устроены и всѣ остальныя жилища. Печальны были слѣдствія житья въ такой землянкѣ, особенно для семейства аптекаря: едва я вошелъ въ комнату, какъ увидѣлъ, что жена его и пятилѣтняя дочь находятся въ послѣдней степени чахотки. Вскорѣ онѣ слегли. Распросамъ не было конца. Аптекарь разсказалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ нашей разлуки онъ получилъ отъ начальства приказъ открыть общественную аптеку въ Иркутскѣ и что изъ уваженія къ оказанному довѣрію ему нельзя было долѣе откладывать поѣздку, какъ ни было затруднительно съ женою и малютками предпринять столь далекое и само по себѣ нелегкое путешествіе. Онъ намѣревался было обстоятельно разсказать мнѣ о разныхъ своихъ лишеніяхъ на пути въ Иркутскъ, о томъ, какъ онъ все-таки счастливо прожилъ тамъ три года и по какому случаю попалъ сюда въ Богоявленье; но я замѣтилъ ему, что моя жена съ ребенкомъ и экипажемъ дожидаются на улицѣ, и я долженъ, не теряя времени, явиться къ бригадиру Фалѣеву и просить его о квартирѣ для себя.

«У васъ также жена и дочь?» спросилъ аптекарь. «Въ такомъ случаѣ я жалѣю, что судьба привела васъ въ это злополучное мѣсто. Приведите вашу любезную супругу въ нашу хижину; пусть она побудетъ у насъ, покуда вы устроите свои дѣла и снова можете быть у насъ».

Привезя жену въ домъ гостепріимнаго аптекаря, я отправился къ бригадиру Фалѣеву, домъ котораго мнѣ пришлось искать недолго, потому что онъ отличался отъ прочихъ стѣнами, выкрашенными красною краскою и черепичною крышею. Въ бригадирѣ я нашелъ дороднаго мущину, одѣтаго къ зеленый камчатный халатъ, въ голубой атласной обшитой черною каймою шапочкѣ, на верхушкѣ которой блестѣла серебряная вѣсомъ въ нѣсколько лотовъ кисть. Бригадиръ вооруженъ былъ длинною трубкою и занимался чаепитіемъ, сидя на софѣ. Я счелъ долгомъ рекомендоваться ему, чтобы показать, какъ точно исполнилъ его приказъ и поручить себя благосклонности господина бригадира.

До сихъ поръ все шло хорошо; но когда я рѣшился просить о квартирѣ, на случай, если я долго останусь въ Богоявленьи, о квартирѣ, безъ которой я, имѣя семейство, не могъ существовать, онъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ отвѣчалъ мнѣ, предлагая чашку чаю:

«Да, да! квартиру, любезный другъ! Вотъ именно этимъ-то и не могу я служить вамъ. Двѣ войлочныя палатки, которыя лежатъ еще въ магазинѣ, къ вашимъ услугамъ, и вы ими можете обойтись, покуда я буду въ состояніи отвести вамъ лучшее помѣщеніе».

На прощаньи господинъ бригадиръ далъ мнѣ совѣтъ относительно больныхъ явиться къ штабъ-доктору Самойлову, который сообщитъ мнѣ обстоятельныя свѣдѣнія о предстоящихъ занятіяхъ.

Мое пребываніе въ Богоявленьи продолжалось недолго. Число больныхъ, которое я представлялъ столь значительнымъ, вовсе не было таково и вполнѣ могло удовлетвориться одиннадцатью врачами и хирургами. Я получилъ приказъ отправиться въ Николаевъ и тамъ оставаться. По распоряженію Херсонской Адмиралтейсъ-Коллегіи, нѣсколько сотъ человѣкъ плотниковъ, архитекторовъ и ихъ помощниковъ, было командировано туда для постройки нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ проэктированнаго новаго города. Я и долженъ былъ находиться при этомъ, на случай могущихъ быть несчастій. Доселѣ ни одно человѣческое существо не могло жить въ этомъ мѣстѣ, гдѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ городъ, который уже въ первые годы своего существованія обѣщалъ счастливое процвѣтаніе и гдѣ теперь селятся люди всѣхъ странъ. Вокругъ все было пусто. Единственныя живыя существа, которыхъ здѣсь можно было встрѣтить—были змѣи. Хотя укушеніе ихъ и не опасно, однако онѣ были непріятны и страшны для людей тѣмъ, что проникали въ жилища, плохо построенныя изъ тростника и досокъ. Въ нашу тростниковую хижину, въ которой намъ пришлось провести первую ночь по пріѣздѣ въ Николаевъ, наползло множество этихъ гадинъ. Хотя мы изъ предосторожности устроили постель на четырехъ высокихъ кольяхъ, но это нисколько не помогло: змѣи поднимались вверхъ и, почуявъ людей, съ отвратительнымъ шипѣніемъ переползали черезъ насъ на другую сторону кровати и уходили. Постоянное отыскиваніе и истребленіе ихъ въ короткое время привело къ тому, что во всемъ Николаевѣ нельзя уже было встрѣтить ихъ вовсе, или развѣ какую нибудь одну змѣю. Постройка новаго города шла впередъ съ изумительною быстротою: въ тотъ годъ, когда я жилъ здѣсь, выстроено было болѣе полутораста домовъ. Лѣсъ и другіе строительные матеріалы доставлялись въ изобиліи на казенный счетъ по Бугу и продавались весьма дешево какъ чиновникамъ, такъ и другимъ лицамъ желавшимъ здѣсь поселиться. Только каждый строившійся обя-

занъ былъ строго сообразоваться съ планомъ, по которому городъ долженъ былъ постепенно возникать. Число жителей, собравшихся изъ разныхъ частей государства, доходило въ 1789 г., когда я покинулъ Николаевъ, до двухъ съ половиною тысячъ.

Очаковъ.

Во время пребыванія въ Николаевѣ я посѣтилъ незадолго предъ тѣмъ прославившуюся крѣпость Очаковъ, которая отстояла всего на день пути отъ мѣста моего жительства. Я видѣлъ слѣды ужасной трагедіи, которую пережилъ Очаковъ вслѣдствіе жестокой осады и взятія приступомъ. Домà въ городѣ были разрушены и лежали въ грудахъ; только немногіе изъ нихъ могли служить убѣжищемъ для Русскаго гарнизона. Множество труповъ убитыхъ Турокъ, полусъѣденныхъ крысами, лежало подъ обломками домовъ. Колоссальные валы, окружавшіе городъ, были со всѣхъ сторонъ разбиты и разсыпаны выстрѣлами Русской артиллеріи. Внѣ города видны были также слѣды опустошенія, которые въ такомъ множествѣ представлялись глазамъ внутри злополучнаго Очакова. Вблизи и вдали отъ города валялись сотни лошадиныхъ и человѣческихъ скелетовъ, мясо которыхъ послужило пищею волкамъ и хищнымъ птицамъ. По многимъ черепамъ, покрытымъ еще волосами, можно было ясно видѣть, что они принадлежали осаждавшимъ.

Описывая это, я имѣю передъ своими глазами памятникъ жестокой осады, памятникъ, подаренный мнѣ однимъ полковымъ хирургомъ изъ Русскихъ, участвовавшимъ во взятіи Очакова. Это случилось такимъ образомъ. Русскіе овладѣли уже городомъ и все, чтò не хотѣло сдаться добровольно, находило смерть подъ штыкомъ побѣдителей. Не смотря на то, ярость и отчаяніе Турокъ были такъ неукротимы, что мущины и женщины, хотя сопротивленіе ни къ чему не вело, стрѣляли въ Русскихъ изъ оконъ и изъ-за угловъ. Одна Турчанка, которой скоро предстояли роды, вѣроятно для того, чтобы спасти себя и своего ребенка, довольно смѣло выстрѣлила изъ пистолета въ Русскаго солдата, вошедшаго въ ея жилище. Но пуля не попала, и женщина была убита на мѣстѣ. Во время борьбы со смертію она родила живое и вполнѣ выношенное дитя. Упомянутый полковой хирургъ, котораго случай привелъ въ тотъ домъ какъ разъ во время этой сцены, взялъ изъ состраданія малютку на свое попеченіе. Но, не смотря на всѣ заботы, младенецъ умеръ на третій день. Изъ него сдѣлали скелетъ, тотъ самый, который мнѣ подарилъ впослѣдствіи хирургъ и который я сберегъ до сего дня въ память о немъ и о своемъ пребываніи въ Очаковѣ.

ПИСЬМО НИКОЛАЯ СПАѲАРІЯ КЪ БОЯРИНУ АРТЕМОНУ СЕРГѢЕВИЧУ МАТВѢЕВУ

(іюль 1675.)

Николай Гавриловичъ Спаѳарій, извѣстный своими близкими отношеніями къ боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, по происхожденію былъ тоже бояринъ, только Молдавскій, и родственникъ господаря Александра Дуки. Въ 1672 г. онъ бѣжалъ изъ отечества вслѣдствіе преслѣдованій за доносъ, сдѣланный имъ Турецкому султану о намѣреніи господаря вступить въ тайный союзъ съ Польшею. Прибывши въ Москву въ томъ же году, Спаѳарій, при содѣйствіи князя Василія Васильевича Голицына, извѣстнаго въ то время покровителя иностранцевъ, получилъ мѣсто переводчика Посольскаго Приказа и при этомъ за выѣздъ въ Россію пожалованъ былъ золоченымъ кубкомъ съ кровлею. Въ первый же годъ своей службы въ этой должности, Спаѳарій, вмѣстѣ съ подъячимъ Посольскаго Приказа Петромъ Долгово, окончилъ весьма капитальный трудъ: „государственную большую книгу“ содержавшую „персоны, титулы, печати и родословіе всѣхъ великихъ государей Московскихъ, также и всѣхъ государей христіанскихъ и басурманскихъ, которые имѣютъ ссылки съ великими государями“.

Многосторонняя образованность Спаѳарія и познанія его въ древнихъ языкахъ обратили на него особое вниманіе боярина А. С. Матвѣева, вѣдавшаго въ то время дѣла Посольскаго Приказа. По его ходатайству, онъ освобожденъ былъ отъ обязанностей простаго переводчика и получилъ помѣщеніе въ Симоновомъ монастырѣ, съ тѣмъ чтобы переводить Греческія и Латинскія книги и составлять Греческій, Словенскій и Латинскій лексиконъ. И въ этомъ дѣятельность Спаѳарія оказалась весьма плодотворною: въ теченіе двухъ лѣтъ перевелъ онъ большое число иностранныхъ сочиненій и самъ написалъ нѣсколько книгъ; между послѣдними наиболѣе извѣстна его „Ариѳмологія“—сочиненіе общеобразовательнаго содержанія [1]).

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о трудахъ Спаѳарія для Русской письменности могутъ быть найдены въ соч. *Пекарскаго:* Наука и литература при Петрѣ Вел. I. 343.; также у *Бантыша-Каменскаго*: Слов. достоп. людей Русск. зем. V и въ статьѣ *Н. Кедрова*: „Спаѳарій и его Ариѳмологія“ въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1876 г. кн. 1-я 2-я.

Между А. С. Матвѣевымъ и Спаѳаріемъ вскорѣ установились дружескія отношенія. Ученый часто посѣщалъ боярина (жившаго, какъ извѣстно, въ приходѣ Николы въ Столпахъ), бесѣдовалъ и читалъ съ нимъ книги, преимущественно духовнаго содержанія, и училъ сына его, Андрея „погречески и полатыни литерамъ малой части".

Въ 1675 г. весною Спаѳарій былъ назначенъ царскимъ посланникомъ въ Китай для переговоровъ о заключеніи торговаго договора и разрѣшенія нѣкоторыхъ пограничныхъ споровъ въ Дауріи, по поводу своевольства Албазинскихъ казаковъ. Онъ отправился въ Китай новымъ путемъ чрезъ Енисейскъ, Байкальское озеро и Нерчинскъ, минуя страны хищныхъ кочевыхъ племенъ на Югѣ Сибири. Путешествіе свое черезъ Сибирь Спаѳарій описалъ весьма подробно въ особой книгѣ, которую по возвращеніи въ Москву представилъ въ Посольскій Приказъ. Другую книгу посвятилъ онъ описанію Китайскаго государства [2]).

Николай Спаѳарій возвратился въ Москву изъ Китая 5-го Января 1678 г., уже при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Безуспѣшность его переговоровъ о заключеніи торговаго договора и нѣкоторыя земельныя уступки, сдѣланныя имъ Китайскому правительству, послужили поводомъ къ обвиненію его въ неумѣніи вести посольскія дѣла, во взяточничествѣ и т. п. Но Спаѳарію удалось оправдаться, и до 1700 года (когда о немъ въ послѣдній разъ упоминается въ историческихъ бумагахъ) онъ еще сохранялъ прежнее свое мѣсто при Посольскомъ Приказѣ.

Вернувшись изъ Китая, Спаѳарій уже не засталъ друга и покровителя, боярина Матвѣева, съ которымъ поддерживалъ письменныя сношенія во время своего дальняго путешествія. Еще въ 1677 г. Матвѣевъ вмѣстѣ съ сыномъ, происками враговъ, удаленъ былъ изъ Москвы, сначала съ назначеніемъ воеводою въ Верхотурье; но въ Казани надъ нимъ наряженъ былъ судъ, и отсюда онъ сосланъ былъ въ Пустозерскъ. Матвѣевъ обвиненъ былъ между прочимъ и въ чернокнижіи, причемъ клеветники указывали на Николая Спаѳарія, какъ на главнаго чернокнижника.

Одинъ изъ доносчиковъ, лѣкарь Давыдко, показалъ по этому поводу, что однажды онъ спрятался въ палатѣ боярина и видѣлъ, какъ тотъ, запершись съ докторомъ Стефаномъ и Николаемъ Спаѳаріемъ, читалъ черную книгу, и какъ палату наполнило тогда множество нечистыхъ духовъ.

Опровергая это обвиненіе, Матвѣевъ, въ одной изъ челобитныхъ, писанныхъ имъ изъ Пустозерска къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, просилъ, чтобы ему

---

[2]) Обѣ эти книги существуютъ въ нѣсколькихъ спискахъ, но изданы не были. Книга о путешествіи Спаѳарія черезъ Сибирь отъ Тобольска до Китайской границы, наименѣе извѣстная изъ двухъ и сохранявшаяся въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Д., въ настоящее время приготовлена къ изданію мною и находится въ распоряженіи Имп. Русск. Географ. Общества.

дана была очная ставка съ Спаѳаріемъ, съ которымъ, какъ онъ пишетъ: „въ домишкѣ своемъ книги читалъ я и строилъ ради душевныя пользы и которыя Богу не противны“ [3]).

Нижеслѣдующее письмо Николая Спаѳарія было имъ отправлено изъ Енисейска, на пути въ Китай, въ Іюлѣ 1675 года. Оно служитъ дополненіемъ тому, что̀ намъ извѣстно объ отношеніяхъ Спаѳарія къ семейству Матвѣевыхъ. Подлинникъ письма сохраняется въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, въ Китайскихъ дѣлахъ, которыми мы имѣли возможность пользоваться съ разрѣшенія директора Архива, гофмейстера барона Ѳ. А. Бюлера.

Юрій Арсеньевъ.

*

Государю моему милостивому и всегда благодѣтелю, боярину Артемону Сергѣевичу Николайко Спаѳарій рабски челомъ бьетъ.

Подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, многолѣтное и благополучное здравіе съ превозлюбленнымъ сыномъ своимъ, съ государемъ моимъ Андреемъ Артемоновичемъ, силою Вышняго сохранену превыше искушенія всякого.

Милостью Божіею и великаго государя счастіемъ пріѣхалъ я, рабъ твой, въ Енисейской Іюля въ 9 день въ цѣлости со всѣми моими; однакожде, государь, съ великою нуждою: для того что рѣка Кеть внизу была, вода великая, что ни веслами, ни шестами, а вверху была вельми малая жъ, что внизъ только завозами. А вверхъ ежедень стояли на меляхъ по многажды, для малыя воды. И опричь того были и досадили стужи великія и снѣги. И потомъ приняли и мучили насъ Фараоновы язвы: комары и песьи мухи и еще и по се время мучатъ и, сказываютъ и впредъ до самыя зимы мучить будутъ, такъ что не даютъ ни ѣсть, ни спать. А обороны у насъ отъ нихъ сѣтки и иная, однакожде противъ силы ихъ и обороны наши всуе. Только, государь, какъ тѣ, которые въ борбищѣ страдаютъ, забываютъ всякіе труды свои, только намѣреніе ихъ одно есть и помышляютъ какъ угодити начальнику своему: такъ и мы нынѣ, хотя и многія наши нужды и впредъ немалыя будутъ, однакожде все иное забываемъ опричь того, что почтимся великаго государя службу служити, и благополучно совершити, и по силѣ угодити.

А больше всѣхъ печальствуетъ насъ отдаленіе отъ тебя, государя моего и благодѣтеля, и отъ сосѣдниковъ пречестнаго дому твоего; потому что будто на иной свѣтъ поѣхали и мало что не во адѣ, для того что отъ того времени какъ поѣхали съ Москвы, ни письма, ни вѣдо-

---

[3]) См. Исторію о невинн. заточеніи боярина А. С. Матвѣева. М. 1785, стр. 38. 11.

мости, ни слуху у насъ не бывало; ни священникъ, ни лѣкарь, ни чертежщикъ, ни лѣкарства, ни иное ничего. Однакожде уповаемъ на милость Божію, что великаго государя счастіемъ и безъ тѣхъ служба совершена будетъ [4]). Только ты, государь, прежнюю милость свою не отъими отъ раба своего, чтобъ не было какъ притча Греческая говоритъ, что очи, которыя не видятся, скоро забываются. А я надеженъ на постоянство милости твоей, что будешь ты, государь мой, ко мнѣ такъ милостивъ въ неприбытіи, какъ и въ прибытіи.

Про Китайскія вѣдомости, что̀ здѣсь слышалъ и распрашивалъ, писалъ къ великому государю въ отпискѣ про все, и для того не хочу тожъ дѣло дважды писать; потому что вѣдаю, не токмо ты, государь, въ первыхъ прочесть будешь, но и еще, буде какое дѣло не писано, какъ годится такому превеликому монарху недоумѣніемъ моимъ, ты, государь, крайнимъ разумомъ своимъ милостиво исправишь, и о томъ рабски молю.

Писалъ я къ тебѣ, государю моему, чрезъ человѣка, гостя Евстаѳья Филатьева, Гаврила Романова [5]), и онъ тебѣ, государю, словесно учинитъ про Китай и про Китайскія вѣсти и про путь мой вѣдомость.

Здѣсь, государь, Енисейская страна вельми хороша, будто Волоская земля; а рѣка Енисей будто Дунай, самая веселая и великая. И далъ Богъ изобиліе всякое, хлѣба много, и дешево, и иное всякое-жъ, и многолюдство.

И стольникъ Михаилъ Васильевичъ Приклонской былъ ко мнѣ зѣло добръ, только не для меня, для милости твоей, что изволилъ писать обо мнѣ. И пожалуй, государь, милость свою покажи, чтобъ не перемѣнили его отселѣ, покамѣстъ я возвращусь изъ Китая [6]).

Про Китайской торгъ сказывали, что̀ зѣло плохо торговали, а не вѣдаю, какъ намъ Богъ дастъ торговать; однакожде у насъ товаръ небольшой, не такъ какъ у нихъ [7]). Отселѣ, государь, есть иной путь, ходу отъ Красного Яру десять дней, и оттуду ближе и прямѣе степью

---

[4]) Въ составъ посольства Спаѳарія должны были войти и священникъ, и лѣкарь, и чертежникъ „который бы зналъ чертежи и землемѣріе"; но по какимъ-то причинамъ таковыхъ изъ Москвы назначено не было.

[5]) Этотъ Гаврило Романовъ вмѣстѣ съ другими торговыми и служилыми людьми возвращался тогда изъ Китая, куда ѣздилъ только что открытымъ караваннымъ путемъ черезъ Селенгинскъ и Ургу.

[6]) Это желаніе Спаѳарія не осуществилось, ибо еще за годъ до его обратнаго проѣзда чрезъ Енисейскъ воевода Приклонскій былъ смѣненъ княземъ Барятинскимъ.

[7]) Съ Спаѳаріемъ посланы были для обмѣна въ Китаѣ нѣкоторые Русскіе товары, которыми удалось ему сдѣлать довольно выгодный коммерческій оборотъ.

дорога въ Китай, нежели на Селенгу; только, государь, кочуютъ Калмыки и иные иноземцы, и тотъ путь не провѣданъ, смирно ль или нѣтъ.

Мунгальскіе послы [8]), которые нынѣ ѣдутъ къ Москвѣ, были у меня, государь, трижды, и потчивалъ ихъ накрѣпко и распрашивалъ у нихъ про Китайскаго хана, какую войну имѣетъ, и мочно ли мнѣ ѣхать, и приметъ ли мое посольство. И они сказывали, что въ Китаяхъ нынѣ война великая и смущеніе (потому что они порубежны съ Китайцы) для того, что старые Китайцы, которые отъ нынѣшнихъ Китайскихъ владѣльцовъ Татаръ бѣжали къ морю тому нынѣ лѣтъ съ тридцать, паки собрався войною побѣдили богдыхановыхъ Татаръ многажды, такъ что конечно они погибнутъ, и старые Китайцы завладѣютъ ими по прежнему. А богдыханъ убѣжалъ въ прежнее свое владѣніе, въ Дауры, отколѣ пришелъ и побѣдилъ Китай, и конечно, де, государь, богдыханъ въ великомъ безсиліи [9]). И естьли, государь, такъ: и нынѣ благополучное время было бы распространяти благочестіе; потому что они и Китайскіе Татаровя самые худые люди и невоенные, и Мугальцы зѣло опасеніе имѣютъ отъ козаковъ. И какъ я вижу, буде бы былъ только промыслъ въ сихъ странахъ, воистинно что страхъ Божій и великого государя паде на языцѣхъ сихъ, и бѣгутъ никѣмъ гонимы.

Какъ буду близко рубежа, увижу, какія ихъ мѣста, и люди, и бои; однакожде, какъ слышу, бой ихъ зѣло худъ: нынѣ учинились ссоры съ козаками, которыхъ было только 40 человѣкъ, а Калмыкъ было 1500 человѣкъ, и ихъ козаки полками побили. А буду живъ буду, сію крайнюю и порубежную страну отъ Селенги до Дауръ и до Амуры рѣки осмотрю накрѣпко.

Да Мунгальцы же мнѣ говорили, что Китайцы посольство мое примутъ, потому что имя великого государя вездѣ преславно.

Естьли бы, государь, сей путь зналъ такъ, какъ нынѣ осмотрѣлъ, то бы давно былъ въ Китаяхъ инымъ обычаемъ; однакоже, хотя иные до Енисейска ходили по полтора года, а я въ четыре мѣсяца достигъ. Теперь мнѣ трудно, а назадъ, дастъ Богъ, будто летаяй приду наскоро; понеже все вижу и разумѣю, что́ надобно къ сему пути.

Пожалуй, государь мой милостивый, не предай забвенію раба своего, но въ прежней своей премногой милости пожалуй.

Государя моего, Андрея Артемоновича, пожалуй, государь, въ наукахъ научити изволь: нынѣ время удобное въ молодыхъ лѣтѣхъ, по-

---

[8]) Послы эти были: отъ перваго Ургинскаго хутухты Ундуръ-гэгэна и отъ Халхаскаго владѣтеля Саинъ-хана.

[9]) Подробности эти касаются возстанія, происходившаго въ южныхъ провинціяхъ Китая въ 1673—1679 годахъ противъ Мангжурской династіи; со смертію его предводителя, Усанъ-кея, оно было усмирено.

камоста лошади и собаки не мѣшаютъ. Богъ вся ему далъ чрезъ тебя, государя, и егда ученіе прибудетъ, тогда во всемъ совершенный будетъ.

Гречанинъ, чтò сосланъ за Мелетія, подалъ Гаврилу Романову письмо, чтò онъ отдалъ мнѣ; и я то письмо пришлю къ тебѣ, государю. Писалъ онъ и къ Мелетію; и о томъ тебѣ, государю, какъ Богъ извѣститъ.

Мы теперь будто на новомъ свѣтѣ; кажется намъ страна новая, и не токмо изъ Тобольска и съ Москвы письма не видали.

Дай Богъ всѣмъ благое пребываніе, и вамъ, государямъ нашимъ, и намъ, рабамъ вашимъ.

А впредь со всѣхъ остроговъ писати къ великому государю и къ тебѣ, государю, буду. И не прогнѣвись, что я пишу своею рукою порускии, для того что хочу учитися языку и письму.

И паки рабски челомъ бью.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ БАРСКІЙ.

Наше изслѣдованіе о Барскомъ будетъ состоять изъ двухъ частей:

1) Опытъ разработки матеріаловъ, относящихся къ біографіи Барскаго и

2) Опытъ подробнаго анализа и критической оцѣнки его паломнической мысли.

Главнымъ источникомъ для нашего изслѣдованія будетъ служить «*Путешествіе къ св. мѣстамъ*», описанное самимъ Барскимъ. Книга эта содержитъ, дѣйствительно, богатый матеріалъ для характеристики Барскаго во всѣхъ отношеніяхъ. Жаль только, что подлинный текстъ Барскаго искаженъ издателемъ его Рубаномъ, который, руководясь при изданіи чисто утилитарными побужденіями — «доставить *пользу* отъ онаго для общества» [1]), дозволилъ себѣ сдѣлать многія существенныя измѣненія въ текстѣ. Пересчитывать, приводить всѣ мѣста, на которыхъ отразился произволъ Рубана, мы не будемъ, такъ какъ это не относится къ нашей прямой задачѣ, а составляетъ скорѣе область необходимыхъ предварительныхъ работъ, относящихся къ изданію текста. Мы только опредѣлимъ главный характеръ этихъ измѣненій въ текстѣ Барскаго. Ихъ можно раздѣлить на три категоріи: а) *прибавленія* къ тексту, взятыя, по большей части, изъ нѣкоторыхъ авторитетныхъ въ то время изданій и, по преимуществу, Бюшинговой Энциклопедіи; прибавленія эти вообще свѣтскаго характера, слѣдовательно, допуская ихъ, Рубанъ разсчитывалъ сообщить чрезъ то бóльшій интересъ своему изданію; б) значительные *пропуски* въ текстѣ, характеризующіе міросозерцаніе Барскаго и его благочестивыя убѣжденія: здѣсь, по большей части, опущены разсказы Барскаго о чудесахъ, различныхъ диковинахъ и небылицахъ; слѣдовательно и здѣсь, при выпускѣ подобныхъ мѣстъ, Рубанъ имѣлъ въ виду ту же цѣль—заинтересовать читающую публику; наконецъ в) *перифразъ*, замѣна однихъ выраженій и, пре-

[1]) Рубанъ, въ предисловіи къ изданію, стр. VII.

имущественно, благочестивыхъ, другими болѣе современными; такъ напр. вмѣсто многократныхъ выраженій Барскаго: «*открыся о мнѣ Божіе смотрѣніе*», или «*промыслъ Божій*», Рубанъ выражается: «*открыся благопріятствующій случай*» и т. п. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть знаменія того времени: путешествія Барскаго были изданы у насъ въ 1778 году, въ періодъ господства модныхъ идей Французскаго энциклопедизма, и Рубанъ чрезъ уничтоженіе нѣкоторыхъ мѣстъ, свидѣтельствовавшихъ объ исключительномъ, религіозномъ направленіи Барскаго, думалъ придать его путевымъ запискамъ болѣе или менѣе современный характеръ. Но Рубанъ не могъ достигнуть своей цѣли, такъ какъ имѣлъ дѣло съ чрезвычайно цѣльною натурою, уничтожая одну половину произведеній которой, онъ не могъ не уничтожить и другой, вслѣдствіе чего онъ не могъ вполнѣ устранить тѣхъ мѣстъ, которыхъ ему нежелательно было бы видѣть: весьма многія сказанія религіознаго и даже легендарнаго характера все-таки вошли въ печатное изданіе Рубана [2]). Такъ какъ измѣненія въ текстѣ, сдѣланныя Рубаномъ, касаются по большой части, личныхъ убѣжденій и взглядовъ Барскаго и составляютъ поэтому для насъ немаловажный матеріалъ, то мы, кромѣ печатнаго изданія, будемъ пользоваться, какъ источникомъ, описаніемъ путешествій Барскаго, находящимся въ *рукописи*, въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Рукопись эта, на сколько мы имѣли случай убѣдиться, есть чрезвычайно добросовѣстная копія съ первоначальнаго текста Барскаго, представляющая этотъ текстъ въ его первоначальномъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій. Поэтому настоящая рукопись будетъ служить вторымъ немаловажнымъ источникомъ для нашего изслѣдованія.— Послѣднимъ источникомъ будутъ служить для насъ одиннадцать писемъ Барскаго, изданныя въ 9-й книгѣ Русск. Архива за 1874 годъ. Источ-

---

[2]) Замѣчательна въ этомъ отношеніи непослѣдовательность Рубана: въ то время, какъ въ первой половинѣ путевыхъ записокъ Барскаго онъ безъ пощады выбрасывалъ всѣ сказанія легендарнаго характера, во второй половинѣ хотя и обнаружилось его вмѣшательство, но не въ такой степени какъ въ первой, и многіе разсказы чудеснаго характера оставлены въ покоѣ. Если и можно чѣмъ объяснить эту непослѣдовательность издателя, то развѣ только тѣмъ, что въ первой половинѣ онъ безпощаднѣе относился къ легенд. сказаніямъ католическимъ, тогда какъ многіе чудесные разсказы о св. мѣстахъ Востока уже своею санкціей, которую они пріобрѣли въ сознаніи Русскихъ, удержали его отъ этого. Самъ Рубанъ объясняетъ свои дѣйствія нѣсколько иначе, именно тѣмъ, что многія опущенныя имъ сказанія *находятся въ другихъ книгахъ*. Но это объясненіе изобличаетъ еще бо́льшую непослѣдовательность его, такъ какъ не всѣ сказанія, находящіяся въ другихъ книгахъ, имъ выброшены; напротивъ, весьма многія сказанія не подверглись изгнанію, не смотря на то, что они находятся въ другихъ книгахъ. Слѣдовательно это извиненіе его совершенно безсильно, и должно допустить другое: желаніе быть современнымъ; а въ такомъ случаѣ непослѣдовательность его такъ и остается непослѣдовательностію.

никъ этотъ, которымъ не имѣли возможности пользоваться наши предшественники, содержитъ чрезвычайно богатый матеріалъ, весьма много выясняющій намъ личность Барскаго. — Таковы источники, которыми намъ предстоитъ пользоваться при нашемъ изслѣдованіи. Что касается пособій для нашего изслѣдованія, то мы ихъ, можно сказать, не имѣемъ. Правда, о Барскомъ начали писать давно и написали довольно много; но все, доселѣ написанное, отличается отсутствіемъ фактической вѣрности и научнаго характера [3]); лишь для нѣсколькихъ небольшихъ замѣтокъ мы должны сдѣлать исключеніе [4]). Вотъ почему одинъ любитель отечественной старины съ полнымъ правомъ могъ сказать, что Барскій еще ждетъ своего біографа [5]), и эту важную и не легкую задачу осмѣливаемся взять на себя. Удастся ли намъ, какъ слѣдуетъ, ее выполнить, — покажетъ слѣдующій трудъ нашъ.

I.

Въ жизни В. Г. Барскаго мы различаемъ четыре, рѣзко отдѣляющихся другъ отъ друга, періода: а) періодъ дѣтства и образованія; б) періодъ путешествія ко св. мѣстамъ съ исключительно религіозно-поклонническою цѣлью, или періодъ паломничества въ собственномъ смыслѣ; в) періодъ путешествія ко св. мѣстамъ, имѣвшаго въ основаніи своемъ вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ религіозно-поклонническому чувству и стремленіе къ пріобрѣтенію знаній и, и наконецъ г) періодъ самообразованія.

---

[3]) Мы перечислимъ всѣ попытки, относящіяся къ разработкѣ матеріаловъ о Барскомъ. Ихъ можно раздѣлить на 2 категоріи: къ первой относятся замѣтки, болѣе или менѣе краткія, помѣщенныя въ различныхъ историческихъ словаряхъ и энциклопедическихъ сборникахъ. Таковыя замѣтки о Барскомъ въ „Словарѣ Историческомъ, переведенномъ съ Французскихъ историческихъ словарей, съ дополненіемъ о писателяхъ Русскихъ.“ Ч. IV, с. 703. М. 1790 г. Затѣмъ свѣдѣнія о Барскомъ сообщаются у м. Евгенія въ его Историческомъ Словарѣ (ч. 1 с. 61—68 Спб. 1818), у Аскоченскаго, въ его „Кіевѣ съ древнѣйшимъ училищемъ академіей (ч. II, ст. 39—44. Кіевъ 1856)“, наконецъ, у преосв. Филарета въ его „Обзорѣ Русской духовной литературы (ч. 11, с. 44—48, изд. 2-е. Черниговъ 1863)“ и въ критич. разборѣ труда преосв. Филарета, сдѣланномъ г. Пономаревымъ (Духовн. Вѣстникъ, 1862 г. т. III, стр. 360—365). Ко второй категоріи относятся попытки представить, болѣе или менѣе, полную біографію Барскаго. Такихъ попытокъ двѣ: первая изъ нихъ принадлежитъ г. Аскоченскому (Кіевск. губ. вѣдомости за 1854 г. №№ 48—50), а вторая г. Надеждину (Кукольникъ, Картины Руск. живописи, ст. 246—272). Но и эти двѣ біографіи, написанныя Аскочен. и Надеждинымъ, какъ они сами сознаются, имѣютъ въ виду удовлетворить исключительно любознательности читающей публики, не преслѣдуя вмѣстѣ съ этимъ и научныхъ интересовъ.

[4]) Сюда относятся двѣ спеціальныя замѣтки: одна г. Полуденскаго, объ изданіяхъ путевыхъ записокъ Барскаго (Библіографич. Зап. 1859 г. № 9, ст. 274), а другая о рисункахъ Барскаго (Зап. Одесск. Общ. ист. и др. 1844 г. т. 1, стр. 649).

[5]) Лазаревскій, въ предислов. къ изд. писемъ Барскаго. Русск. Арх. 1874, № 9.

1. Періодъ дѣтства и воспитанія.

Предки Василія Григорьевича Барскаго происходили изъ Польскаго города Бара, откуда дѣдъ его, Иванъ Григоровичъ, по случаю гоненія, воздвигнутаго на православныхъ католиками и уніатами и произшедшей, вслѣдствіе этого, междоусобной войны, въ 1648 г. прибылъ въ Малороссію. Старшій сынъ его Кириллъ принялъ монашество въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, а младшій Григорій, женившись, по смерти отца, въ Малороссійскомъ мѣстечкѣ Лѣтки, перешелъ на жительство въ Кіевъ и поселился въ подмонастырской Печерской слободѣ, занимаясь торговлею. По случаю моровой язвы, бывшей въ Кіевѣ въ 1710 году, онъ выселился изъ него, а когда опасность миновала, то перешелъ опять въ Кіевъ и поселился на Подолѣ, близъ соборной церкви Успенія Богородицы. Вотъ этотъ-то торговецъ Григорій Григорьевичъ и былъ отцемъ знаменитаго пѣшехода Василія Григорьевича Барскаго [6].

Василій Григорьевичъ родился въ Кіевѣ, въ 1701 году, во второй половинѣ его [7]. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома, гдѣ очень рано, по всей вѣроятности, подъ руководствомъ отца, выучился читать и писать, а подъ вліяніемъ своей матери, женщины умной, съ сильнымъ, самостоятельнымъ характеромъ (какъ это видно изъ всѣхъ послѣдующихъ ея дѣйствій) онъ выработалъ ту непреклонную силу воли, которая помогала ему всегда достигать разъ предположенныхъ цѣлей, не смотря ни на какія препятствія. Содѣйствію же своей умной матери Барскій обязанъ и всѣмъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ. Когда любознательный мальчикъ, не удовлетворившись домашнею грамотою, захотѣлъ еще учиться въ «Кіевскихъ школахъ», то отецъ его, какъ видно, человѣкъ добраго стараго времени, книжный только «въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи, мужъ же еще и благоговѣинъ, обаче нравомъ простъ, видя въ ученыхъ излишнее преніе, гордость, упрямство, славолюбіе, зависть и прочіе обыкновенные ихъ пороки, и мня, яко отъ науки имъ сія бываютъ", рѣшительно отказался удовлетворить желанію сына. Но мальчикъ, не смотря на нежеланіе отца, все таки поступилъ въ Кіевскія Латинскія школы, въ то время, когда ректоромъ ихъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Какимъ же образомъ Барскому удалось привести въ исполненіе свое намѣреніе? Въ своихъ путевыхъ запискахъ Барскій говоритъ, что онъ поступилъ въ академію

---

[6]) Біографія Барскаго, написанная его братомъ, въ предисловіи Рубана, стр. IX.

[7]) 20 Іюля 1723 г. Барскому, по его собственнымъ словамъ, было около 22 лѣтъ; а такъ какъ день его Ангела—Василія праздновался, по замѣчанію самого Барскаго, 1-го Января, то нужно полагать, что онъ родился въ концѣ Ноября или въ Декабрѣ.

«кромѣ соизволенія отца своего»; другихъ же свѣдѣній, которыя бы дополняли и уясняли эту замѣтку, нѣтъ никакихъ. Одно только несомнѣнно, что Барскій поступилъ въ академію, какъ онъ самъ замѣчаетъ, благодаря содѣйствію матери [8]).

Итакъ Барскій сдѣлался школьникомъ. Не смотря на то, что и впослѣдствіи отецъ неоднократно старался поколебать его рѣшимость и совѣтовалъ ему оставить безполезное школьное ученіе и заняться лучше церковнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, мальчикъ остался непреклоннымъ и добился, наконецъ, до того, что отецъ оставилъ его въ покоѣ, и онъ съ полною свободою, въ теченіи почти 8 лѣтъ, предавался излюбленнымъ занятіямъ. Какія-жъ познанія пріобрѣтены Барскимъ въ продолженіи школьнаго образованія? Покойный г. Аскоченскій чрезвычайно неточно опредѣляетъ степень развитія Барскаго за этотъ періодъ, когда говоритъ, что онъ повсюду выказываетъ удивительныя познанія «въ естествознаніи, географіи, исторіи, энтографіи, статистикѣ, архитектурѣ, геологіи, коммерціи, живописи, музыкѣ,.... въ христіанскомъ догматословіи, въ исторіи церкви, археологіи и эклизіастикѣ [9])». Нѣтъ нужды замѣчать, что удивительныхъ познаній Барскаго по большей части этихъ наукъ на самомъ дѣлѣ совершенно не было; очевидно, что г. Аскоченскій старался тутъ перечислить всѣ тѣ науки, названія которыхъ онъ могъ припомнить, но едвали онъ могъ придавать своему перечню серьезно-научное значеніе. Блаженной памяти автору «Кіева съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей», хорошо знакомому съ состояніемъ Кіевской академіи въ концѣ 17 и началѣ 18 вѣка, должно быть извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многаго своимъ воспитанникамъ. Изъ одного ученаго труда, посвященнаго спеціальной разработкѣ вопроса о педагогіи древней Кіевской академіи [10]), мы узнаёмъ, что во всѣхъ классахъ до философіи (въ началѣ которой Барскій окончилъ свое образованіе) кругъ общеобразовательныхъ наукъ былъ весьма ограниченъ и преподаваніе ихъ было весьма слабо. Во всѣхъ пяти классахъ (фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ) изучались только: св. исторія, катехизисъ, пѣніе, Славянская и Греческая грамматика, нисшая и высшая грамматика, географія и всеобщая исторія; болѣе спеціальнымъ образомъ въ послѣднихъ двухъ классахъ изучалась поэзія и риторика, главнымъ же

---

[8]) „Отецъ бо мой.... тщался всячески воспятить мнѣ намѣреніе, но не можаше, помоществующей мнѣ матери." Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 2.

[9]) Кіевск. губ. вѣд. 1854 г. № 48.

[10]) Линчевскій, Педагогія Кіевской академіи. Труды Кіевской Духовн. Акад. 1870 г., кн. 8.

предметомъ занятія во всѣхъ классахъ была латынь. Можно сказать, что вся педагогія Кіевскихъ школъ сводилась только къ латыни, и дѣйствительно познанія учениковъ въ этой области были изумительны: уже съ третьяго класса (грамматики) ученику вмѣнялось въ непремѣнную обязанность говорить по-латыни. Вотъ норма, которою мы можемъ измѣрить познанія Барскаго, пріобрѣтенныя имъ въ академіи. Если въ чемъ онъ и былъ силенъ, такъ это именно въ Латинскомъ языкѣ, на которомъ онъ свободно объяснялся во время своего путешествія. Чрезвычайно хорошо зналъ также Барскій и Св. Писаніе. Познанія же его въ другихъ наукахъ были, въ началѣ, довольно слабыя; всѣ же свѣдѣнія, которыя онъ обнаруживаетъ впослѣдствіи, и преимущественно, въ концѣ своего путешествія, пріобрѣтены имъ путемъ долговременнаго опыта и самообразованія. Да и самъ Барскій сознается, что, по выходѣ изъ академіи, онъ не былъ силенъ въ наукѣ.

Таково было развитіе Барскаго, дошедшаго до «началъ философскихъ», когда одно, совершенно случайное, обстоятельство произвело внезапный переворотъ въ его жизни.

У Барскаго открылась на ногѣ рана. Болѣзнь эта составляетъ, можно сказать, эпоху въ его жизни, такъ какъ ею опредѣляется вся его дальнѣйшая судьба. Не смотря на всѣ усилія врачей и значительныя денежныя издержки, болѣзнь Барскаго все болѣе и болѣе усиливалась, такъ что онъ долженъ былъ окончательно слечь въ постель и прекратить свои занятія по школѣ. Этотъ-то перерывъ въ школьныхъ занятіяхъ, къ окончанію которыхъ онъ такъ сильно стремился, и мучительная болѣзнь, отъ излѣченія которой отказались всѣ Кіевскіе врачи,—все это должно было дѣлать положеніе Барскаго самымъ невыносимымъ. Когда онъ, такимъ образомъ, недоумѣвалъ о средствахъ къ выходу изъ такого тяжелаго положенія, случилось одно обстоятельство, въ которомъ Барскій прямо видитъ Божіе о себѣ смотрѣніе [11]). Именно, одинъ изъ его сотоварищей, нѣкто Іустинъ Линницкій, по обычаю всѣхъ молодыхъ людей того времени, отправился въ Львовъ съ цѣлію довершить тамъ свое образованіе. Съ нимъ задумалъ ѣхать туда и Барскій, частію за тѣмъ, чтобы, подобно своему сотоварищу, докончить въ тамошней іезуитской академіи свое образованіе, а частію для излеченія своей болѣзни, такъ какъ онъ слышалъ, что тамъ есть болѣе искусные врачи, чѣмъ въ Кіевѣ. Но Барскій, какъ видно изъ письма его, посланнаго къ отцу изъ Почаева, не думалъ ограничиться поѣздкою въ одинъ Львовъ, а имѣлъ намѣреніе отправиться куда-то еще далѣе: «тутежъ извѣщаю, писалъ онъ, же иду до Львова, а

[11]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1 стр. 3.

пѣвнѣ не извѣщаю, гдѣ буду; Богъ вѣсть: може ище и далѣй пойду» [12]). Куда-же онъ думалъ отправиться? На это нѣтъ указанія ни въ письмахъ, ни въ печатномъ изданіи его путешествія; но за то этотъ пробѣлъ мы можемъ пополнить однимъ мѣстомъ изъ имѣющейся у насъ рукописи, мѣстомъ, опущеннымъ въ печатномъ изданіи, по всей вѣроятности, вслѣдствіе тенденціозныхъ цѣлей издателя. Изъ этого мѣста видно, что Барскій, когда еще врачевалъ свою болѣзнь и извѣдалъ всю тщету помощи человѣческой, обратился съ молитвою къ Источнику всякой помощи и далъ обѣтъ, въ случаѣ исцѣленія отъ болѣзни, отправиться въ Баръ, на поклоненіе мощамъ св. Николая [13]). Такимъ образомъ, ближайшимъ побужденіемъ для Барскаго къ поѣздкѣ во Львовъ было—лѣченіе болѣзни, затѣмъ—намѣреніе продолжать свое образованіе и, наконецъ, дальнѣйшимъ побужденіемъ—паломничество по обѣту. Какъ бы то ни было, а Барскій рѣшился ѣхать во Львовъ, и нужно полагать, что рѣшимость его была чрезвычайно сильна, когда онъ не отступилъ отъ своего намѣренія при такомъ препятствіи, каково было отсутствіе его отца, уѣхавшаго въ то время изъ Кіева по дѣламъ торговли. Рискуя навлечь на себя гнѣвъ отца самовольнымъ удаленіемъ изъ дому, побѣдивъ своими неотступными мольбами слезы и рыданія любящей матери, не смотря на скудныя средства, какими онъ могъ располагать для своего путешестія, Барскій все-таки выѣхалъ изъ родительскаго дому въ день св. пророка Иліи 1723 года, будучи около двадцати двухъ лѣтъ отъ роду. Не воротился онъ и тогда въ домъ родительскій, когда отецъ его, пріѣхавъ назадъ въ тотъ-же день, послалъ за нимъ въ погоню слугу съ приказаніемъ возвратиться: Барскій, не смотря на всѣ просьбы и даже угрозы слуги, остался непреклоннымъ и, пославши отцу сыновній поклонъ, продолжалъ путь свой. Если что его и бозпокоило, такъ это то, что онъ отправился въ путь безъ благословенія отца. И вотъ, чтобы очистить свою совѣсть и отъ этого упрека, онъ изъ Почаева пишетъ отцу: «Тутже прошу о прощеніи, жемъ безъ бытности вашей родительской милости отъихалъ; простѣте и благословѣте, а не клянѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божіимъ и вашимъ отческимъ, всякіе замыслы и поступки благополучніи были» [14]). По исполненіи этой сыновней обязанности онъ уже спокойно продолжалъ дальнѣйшій путь до Львова.

---

[12]) Русск. Архивъ 1874 г. № 9. Первое письмо Барскаго.—Пѣвнѣ—навѣрное.

[13]) Мнѣ-же не бысть толь желанье до Рима, говоритъ Барскій, елико до Св. Христова Николая въ Баръ-градъ; егда-бо еще цѣлихъ оную предреченную великую язву на нозѣ моей, обѣщахъ Богу по исцѣленіи подъяти далекій путь въ благодареніе благодати Его. „Рукопись К. М. мон., кн. 1, стр. 9 на обор.

[14]) Русск. Арх. за 1874 г. № 9. Первое письмо Барскаго.

По прибытіи въ Львовъ, Барскій, прежде всего, занялся лѣченіемъ своей ноги и, благодаря искусству тамошнихъ врачей, болѣзнь скоро миновала. Затѣмъ приступлено было къ осуществленію той главной цѣли, которая влекла изъ Кіева обоихъ путниковъ, именно: Барскій съ своимъ товарищемъ началъ заботиться о поступленіи въ академію. Въ то время всѣ, говоритъ г. Чистовичъ, кто только выносилъ изъ Кіевской академіи любовь къ знанію, доканчивали свое образованіе въ Польскихъ училищахъ. А такъ какъ въ Польскія училища изъ восточнаго исповѣданія никого не принимали, и всѣ Кіевскіе коллегіаты, доканчивавшіе свое образованіе въ Польскихъ училищахъ, должны были сдѣлаться уніатами, то большинство въ то время видѣло въ выполненіи этого условія такую роковую необходимость, что нисколько не стѣснялось принять уніатство и даже католичество, а затѣмъ, по окончаніи образованія, опять переходить въ православіе [15]). Такъ, мы знаемъ, поступили Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Симонъ Тодорскій и многіе другіе. Тоже условіе должны были выполнить и наши путешественники. Но то, что̀ для другихъ было дѣломъ обыкновеннымъ, для ихъ свѣжаго религіознаго чувства, должно быть, казалось средствомъ слишкомъ щекотливымъ и унизительнымъ. И вотъ они, вмѣсто формальнаго отреченія отъ православія и перехода въ унію, сочли лучшимъ объявить себя природными Поляками-католиками, чтобы, такимъ образомъ, и цѣль была достигнута, и православіе не было оскорблено не было поругано торжественнымъ отреченіемъ отъ него. Для этого рѣшено было заняться нѣсколько времени изученіемъ Польскихъ мѣстныхъ обычаевъ и Польскаго языка, который они, впрочемъ, и безъ этого знали хорошо; на таковыя занятія (если мы предположимъ, что болѣзнь Барскаго была излѣчена въ продолженіи Сентября) было употреблено все время отъ Октября до Января. Наконецъ, назвавшись братьями Барскими, родомъ изъ Польскаго мѣстечка Бара [16]) въ Подоліи, они явились къ префекту академіи съ просьбою о зачисленіи ихъ въ студенты. Планы ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ихъ мнимымъ Польскимъ происхожденіемъ, особенно же отличными отвѣтами по-латыни, префектъ былъ расположенъ въ ихъ пользу, и братья Іустинъ и Василій Барскіе въ Январѣ 1724 г. были приняты въ академію, въ классъ риторики. Но не посчастливилось имъ въ академіи. Не болѣе 8 или 10 дней пробыли они въ ней, какъ сотоварищи ихъ По-

---

[15]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 2 и 3.

[16]) Таково происхожденіе той фамиліи, подъ которою Василія Григоровича знала и знаетъ Русь православная, которою и мы называли его до сихъ поръ, когда онъ еще не имѣлъ ея.

ляки, особенно-же уніаты изъ Русскихъ, начали подозрѣвать Польское происхожденіе братьевъ Барскихъ, хотя явно уличить ихъ въ православіи и не могли. И вотъ ненависть къ искони противной имъ національности и вѣрѣ, зависть, возбужденная успѣхами пришельцевъ, побудили Поляковъ придумать слѣдующую хитрость: они сочинили письмо, присланное будто-бы къ Барскимъ изъ Кіева ихъ родителями, въ которомъ заповѣдывалось имъ блюстись отъ уніатства и католичества. Давъ это письмо одной женщинѣ, они приказали ходить ей около академіи и спрашивать: кому отдать письмо, переданное ей Русскими купцами? Естественно, что одно слово «Русскій» побудило питомцевъ іезуитизма перехватить это письмо и представить по начальству. И вотъ, тотъ часъ же по прочтеніи онаго, была написана пресловутая эксклюзія, въ которой значилось, что, такъ какъ о братьяхъ Барскихъ узнано, что они изъ Кіева и противники Римско-католической церкви, то, по правиламъ академіи, они не могутъ имѣть въ ней мѣста, вслѣдствіе чего и изгоняются вонъ. И, не смотря на протестъ Барскаго съ товарищемъ, что письмо было подложное, ихъ «яко волковъ отъ лѣсовъ Кіевскихъ», изгнали изъ академіи.

Чувства, которыя испытывали при этомъ Барскій и Линницкій, выражаетъ самъ Барскій. «Идохомъ скоро въ домъ свой, говоритъ Барскій, перемѣнивши стыдъ на дерзость, печаль-же на радость, разсуждаючи, яко вина изгнанія нашего не токмо бысть не безчестна, но еще и честна, егда явѣ въ семъ градѣ прославиша насъ, яко есмы православные христіане, сыны восточной, апостольской церкви».

Но не успѣли еще наши путники придти домой, какъ неумолимая дѣйствительность уже ставитъ на очередь вопросъ: чтожъ теперь дѣлать? И въ то время, какъ Барскій совѣтовалъ ѣхать обратно въ Кіевъ, Линницкій разсуждалъ иначе: поступить, во что бы то ни стало, опять въ академію. Изыскивая средства для достиженія этой цѣли, они остановились на одномъ: обратиться за помощію и покровительствомъ къ какому нибудь вліятельному лицу, и вниманіе ихъ остановилось въ этомъ отношеніи на епископѣ Русскомъ, уніатѣ Аѳанасіѣ Шептицкомъ, бывшемъ въ большой дружбѣ съ католиками. Дѣйствительно, палъ ихъ выборъ на эту личность не напрасно. Епископъ почувствовалъ къ нимъ состраданіе и приказалъ своему архидіакону просить префекта академіи о томъ, чтобы студенты, братья Барскіе, были вновь приняты въ академію; ибо они, какъ приказалъ епископъ сказать префекту, не Кіевляне, но жители его епархіи, были-же въ Кіевѣ ради удовлетворенія своей любознательности и теперь опять возвратились на родину. Просьба лица, съ одной стороны вліятельнаго по самому своему положенію, а съ другой —находившагося въ дружбѣ съ Іезуитами, какъ

ни была непріятна, не могла однако быть оставлена безъ вниманія, и братья Барскіе были вторично приняты въ академію.

Когда Барскій и Линницкій достигли, такимъ образомъ, своей цѣли, они неоднократно стали подумывать о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. По мнѣнію Барскаго оставаться долѣе въ академіи имъ не только было не зачѣмъ, но даже и опасно, такъ какъ сотоварищи ихъ, раздраженные своею первою неудачею, навѣрно постараются употребить какой-нибудь новый коварный способъ, чтобы открыть ихъ настоящее званіе, и тогда не избѣжать имъ вторичнаго позорнаго изгнанія не только изъ академіи, но даже и изъ самаго города. Къ этому присоединялъ Барскій еще и то опасеніе, что, такъ какъ они обладали недостаточною силою и опытностію, чтобы устоять въ борьбѣ съ папизмомъ, то какъ бы, вслѣдствіе этого, католичество не отразилось пагубно на ихъ православіи. Послѣднимъ побужденіемъ къ оставленію академіи, со стороны Барскаго, было то, что онъ рѣшился, не смотря на скудость матеріальныхъ средствъ, выполнить свой обѣтъ—идти на поклоненіе св. мѣстамъ. Съ мнѣніемъ Барскаго былъ согласенъ и Линницкій, согласенъ былъ даже и сопутствовать ему въ путешествіяхъ; но только онъ совѣтывалъ не оставлять академіи до пасхи, такъ какъ въ то время великій постъ былъ уже на исходѣ. Такъ и было сдѣлано, и съ окончаніемъ великаго поста они оставили академію. Послѣ этого приступлено было къ изысканію средствъ для осуществленія новаго намѣренія. Прежде всего они озаботились отысканіемъ себѣ хорошаго спутника, каковаго скоро нашли въ лицѣ одного священника, уніата (изъ Русскихъ), ихъ большаго пріятеля, Стефана Протанскаго, собиравшагося на поклоненіе въ Римъ по обѣту. Этотъ священникъ предложилъ имъ свое сопутничество, и они съ радостію приняли его предложеніе, въ особенности Барскій, которому хотѣлось побывать не столько въ Римѣ, сколько въ Барѣ для поклоненія мощамъ Св. Николая Чудотворца. Гораздо болѣе озабочивалъ ихъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ у Барскаго почти вовсе не было денегъ, да и у Линницкаго деньги были на исходѣ; но они положили не слишкомъ стѣсняться этимъ препятствіемъ, такъ какъ не только въ то время, но и во все послѣдующее толпы пилигримовъ могли отправляться въ Римъ безъ копѣйки денегъ. Для этой цѣли обыкновенно брали отъ высшихъ административныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ грамоты, въ которыхъ свидѣтельствовалась ихъ несостоятельность и дѣлалось воззваніе къ христіанамъ о дѣлахъ милосердія. Такими свидѣтельствами рѣшились заручиться и наши путешественники. Правда, для этой цѣли имъ нужно было во все продолженіе путешествія поступаться своимъ православіемъ и выдавать себя за католиковъ, но они рѣши-

лись подчиниться этой необходимости. Для достиженія этой задуманной цѣли они отправились на третій день пасхи (7 Апр.) въ Львовскій каѳедральный монастырь, въ которомъ имѣли много хорошихъ знакомыхъ. Тамъ они открыли свое намѣреніе архидіакону и просили у него совѣта, что̀ дѣлать. Архидіаконъ одобрилъ ихъ намѣреніе и совѣтывалъ имъ съ приличными праздничными рѣчами явиться къ епископу и просить у него подорожныхъ пилигримскихъ грамотъ. На другой день вмѣстѣ съ архидіакономъ они, дѣйствительно, явились къ епископу, произнесли предъ нимъ нарочно составленныя ими рѣчи, въ концѣ которыхъ коснулись и тѣхъ поводовъ, которые главнымъ образомъ заставили ихъ обратиться къ нему. Къ намѣренію ихъ епископъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ и приказалъ тотчасъ же выдать имъ подорожныя грамоты. Такія же грамоты получили они отъ ректора академіи и архіепископа Польскаго, получили даже благодарность за какую-то услугу, подорожное свидѣтельство отъ Евреевъ, въ которомъ они призывали своихъ собратій къ помощи предъявителямъ ея—студентамъ. Наконецъ, пріобрѣтши необходимые для путешествія въ Римъ пилигримскіе костюмы [17]), они уже были готовы къ отправленію въ путь. Но такъ какъ ихъ спутникъ-священникъ еще не окончилъ своихъ приготовленій, то они рѣшились употребить время, пока онъ управится, на испробованіе трудностей страннической жизни, съ каковою цѣлію отправились въ мѣстечко Жолково, отстоящее отъ Львова на три мили, побыли въ близъ лежащемъ монастырѣ Креховскомъ, откуда возвратились на другой день обратно въ Львовъ. «Показася намъ путешествіе радостное и полезное», замѣчаетъ по этому случаю Барскій. Чрезъ два дня послѣ этого рѣшено было окончательно отправиться въ путь. Въ назначенный день, 25 Апрѣля, Барскій отдалъ всѣ свои студенческія одежды и книги игумену Русскаго Богословскаго монастыря на сохраненіе впредъ до своего возвращенія. Послѣ этого, одѣвшись въ пиллигримское платье, всѣ вмѣстѣ, Барскій съ Линницкимъ и священникомъ, отдали прощальный визитъ своимъ пріятелямъ и благодѣтелямъ и отправились въ путь, провожаемые далеко за городъ и напутствуемые благожеланіями всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ.

---

[17]) Костюмъ этотъ состоялъ изъ чернаго, съ неразрѣзанными полами, халата, съ крестомъ на груди, клеенчатой котомкой за плечами и кубышкой для воды съ боку; на голову надѣвалась круглая шляпа съ большими полями; на плеча накидывался плащъ; ноги обувались въ сандаліи и до колѣнъ перевязывались ремнями; въ рукахъ былъ черный посохъ въ ростъ человѣка. Такъ описываетъ этотъ костюмъ самъ Барскій.

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ событій, составляющихъ содержаніе перваго періода жизни Барскаго и переходимъ къ другому.

2. Періодъ паломничества.

Всѣ четверо, Барскій съ своимъ сотоварищемъ и священникъ съ слугою, направили путь свой чрезъ Венгрію, куда вступили, перебравшись чрезъ Бешкидъ, сѣверо-восточный уголъ Карпатскихъ горъ, отдѣляющій Галицію отъ Венгріи. Новость положенія, въ которомъ очутился вдругъ Барскій, какъ пилигримъ и какъ человѣкъ, зависящій вполнѣ, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ, отъ окружающей среды, на первыхъ порахъ исключительно овладѣвала его вниманіемъ и заставляла, главнымъ образомъ, слѣдить за тѣмъ, какъ относилась къ нему эта окружающая среда. И онъ съ благодареніемъ вспоминаетъ о проявленіяхъ братской любви и благотворительности, такъ что первое, а часто и единственное слово его о той или иной мѣстности состоитъ въ описаніи того пріема, который сдѣлали ему жители. Но очень рано пришлось ему знакомиться и съ тою стороною человѣческихъ отношеній, которая совершенно противуположна любви и благотворительности. Спустя какихъ-нибудь пять дней по выходѣ изъ Львова, когда они хотѣли посѣтить монастырь Спасскій, то были прогнаны настоятелемъ онаго, епископомъ Перемышльскимъ, Іеронимомъ Уштрицкимъ. Затѣмъ, по приходѣ въ Кошицы (Кашау), одинъ изъ главныхъ городовъ Венгріи, нужда заставила ихъ заняться новымъ для нихъ промысломъ—сборомъ милостыни: «и не безъ сраму бысть намъ сіе новое художество», замѣчаетъ Барскій, вслѣдствіе чего спутникъ-священникъ оставилъ ихъ, стыдясь ихъ нищенства. Недолго шелъ Барскій и съ своимъ сотоварищемъ Линницкимъ: чрезъ три дня по выходѣ изъ Кошицъ (16-го Мая), и Линницкій оставилъ его. 18 Мая въ Егерѣ (Эрлау) всѣ они опять было сошлись, но за тѣмъ, чтобы опять разойтись вновь. Въ Эрлау съ Барскимъ его спутники поступили вполнѣ не по-товарищески: всѣ они отправились къ епископу просить у него подорожныхъ свидѣтельствъ; тотъ обѣщалъ съ удовольствіемъ исполнить ихъ просьбу, только просилъ всѣхъ вмѣстѣ придти къ нему послѣ; но Линницкій съ священникомъ, не сказавшись Барскому, отправились за полученіемъ своихъ свидѣтельствъ одни и вышли безъ него изъ города. Когда же Барскій пришелъ въ епископскую канцелярію за полученіемъ своего свидѣтельства одинъ, то каѳедральный писарь, принявши его за новое лице, взялъ съ него деньги, что̀ для Барскаго, при его скудныхъ средствахъ, было тратою чрезвычайно тяжелою. 22 Мая Барскій опять встрѣтился съ Линницкимъ въ Пештѣ и уже не хотѣлъ было сходиться

съ нимъ, «понеже, какъ замѣчаетъ онъ, гнѣвахся на него, яко уже дважды мя остави на пути и иныхъ многихъ ради винъ, ихъ-же не хощу здѣ воспоминати, да не впаду въ грѣхъ осужденія». Но пребываніе на чужбинѣ, среди народа невѣдомаго, сводитъ и исконныхъ враговъ, а не поссорившихся только друзей. Поэтому и Барскій съ Линницкимъ «промысломъ Божіимъ соединились паки въ союзъ любви», такъ какъ необходимость заставила ихъ обоихъ воспользоваться гостепріимствомъ одного Серба, много содѣйствовавшаго своимъ личнымъ посредничествомъ ихъ примиренію. Изъ Пешта уже вдвоемъ они отправились 25 Мая въ Вѣну.

Чѣмъ ближе подходили наши путники къ Венгерской границѣ и чѣмъ, слѣдовательно, болѣе встрѣчалось Нѣмецкаго элемента въ туземномъ населеніи, тѣмъ менѣе встрѣчали они страннолюбія. Не разъ принуждены были они ночевать подъ открытымъ небомъ, или тайно, гдѣ-нибудь въ овинѣ, и только разъ пришлось имъ воспользоваться гостепріимствомъ одного Латинскаго патера. Но еще болѣе чѣмъ недостатокъ страннолюбія, озабочивало нашихъ путниковъ то обстоятельство, что жителямъ Польши въ то время возбраненъ былъ входъ въ предѣлы Австріи. Причиною такого распоряженія администраціи, какъ передаетъ Барскій, было то, что одинъ какой-то Полякъ въ 1720 г. сжегъ Офенъ; затѣмъ, тоже Полякъ, не задолго предъ этимъ, какимъ-то злодѣйствомъ нарушилъ общественное спокойствіе въ Вѣнѣ. Поэтому, уже въ пограничныхъ съ Австріей значительныхъ Венгерскихъ городахъ, ихъ не пропускали; когда-же они вступили въ предѣлы Австріи и были уже недалеко отъ Вѣны, то мѣстные жители не разъ предостерегали ихъ, что трудъ ихъ не только безполезенъ, такъ какъ ихъ въ Вѣну не пропустятъ, но даже довольно опасенъ, потому что очень легко, какъ нарушители закона, они могутъ быть подвергнуты тюремному заключенію. Единственное средство, благодаря которому они могли получить свободный проходъ во всѣ мѣста Австріи, состояло въ томъ, чтобы заручиться свидѣтельствомъ отъ какого-нибудь духовнаго или свѣтскаго административнаго лица; а такъ какъ для этого они должны были пройти какимъ-бы то ни было образомъ напередъ въ Вѣну, то, не смотря на всѣ предупрежденія мѣстныхъ жителей, они, дѣйствительно, и отправились туда, возложивъ надежду на Бога. Когда они пришли къ крѣпости, защищавшей предмѣстье Вѣны, то сторожевые солдаты, видя въ нихъ, по ихъ костюму, Поляковъ, возбранили имъ входъ въ ворота, и Барскій съ Линницкимъ никакъ не могли, хотя бы и желали, разувѣрить ихъ въ ложности своей Польской національности, такъ какъ не знали Нѣмецкаго языка и уже хотѣли было, поэтому, воротиться назадъ, какъ вдругъ увидѣли Вѣнскихъ студентовъ, возвращавшихся съ про-

гулки. Это обстоятельство подало имъ счастливую мысль — воспользоваться знаніемъ студентами Латинскаго языка и избрать ихъ переводчиками для передачи Нѣмецкимъ солдатамъ истинныхъ свѣдѣній о своемъ происхожденіи. Такъ и было сдѣлано, вслѣдствіе чего начальникъ стражи сдѣлалъ у нихъ на свидѣтельствѣ надпись, разрѣшавшую имъ входъ въ предмѣстье. Но когда они подошли къ укрѣпленіямъ, защищавшимъ самый городъ, то начальникъ стражи ни за что не хотѣлъ пропустить ихъ. Они показали-было ему и свидѣтельства свои съ только что сдѣланною на нихъ надписью, но и это мало помогло: начальникъ послалъ ихъ къ стражѣ, защищавшей другія ворота, гдѣ повторилась таже самая исторія. И когда Барскій съ Линницкимъ рѣшительно недоумѣвали, что имъ дѣлать, проходившій тутъ по случаю горожанинъ посовѣтывалъ кому-нибудь одному изъ нихъ съ солдатомъ отправиться къ папскому нунцію и взять отъ него свидѣтельство, съ которымъ-бы можно было свободно проходить по всѣмъ мѣстамъ имперіи. Сейчасъ же совѣтъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, и нунцій обѣщалъ имъ выдать нужное для нихъ свидѣтельство въ 10 часовъ утра на другой день. Въ ожиданіи этого они купили хлѣба и, выпивъ бутылку вина по случаю имянинъ Линницкаго, провели ночь на рѣкѣ въ лодкѣ, такъ какъ ихъ никто не хотѣлъ пускать въ домъ. Получивши на слѣдующій день отъ нунція свидѣтельство и, кромѣ того, еще отъ Венеціанскаго посла [18]), которыми былъ обезпеченъ имъ свободный доступъ во всѣ мѣста имперіи, они пробыли въ Вѣнѣ три дня (отъ 2 до 5 Іюня) и отправились далѣе, по направленію къ Венеціи чрезъ Штирію и Каринтію.

На границѣ между Австріей и Венеціанскими владѣніями наши путешественники добыли себѣ неизбѣжныя свидѣтельства на право свободнаго прохода по Италіи и, размѣнявши свою монету на мѣстную, думали было отправиться въ Римъ сухимъ путемъ; но это намѣреніе свое они измѣнили, послѣдовавъ предложенному имъ совѣту отправиться въ Римъ моремъ, потому что путь этотъ и ближе, и представляетъ гораздо болѣе разнообразныхъ впечатлѣній для наблюдателя, чѣмъ путь по суху, вслѣдствіе чего они (26 Іюня) отправились моремъ въ Венецію. Новый, невѣдомый дотолѣ міръ открылся предъ изумленными взорами нашихъ путниковъ: южное небо, очаровательный видъ моря, которое какъ-бы ласкало и манило ихъ въ свою необъятную лазурную даль, многочисленные корабли съ ихъ напряженною, неустанною дѣятельностію, волны морскія «аки холмы великіе», великолѣпная панорама

---

[18]) Прибавл. къ путеш. Барск. въ изд. Рубана, путев. свид. № 4.

Венеціанскихъ береговъ съ виноградниками, красивыми селами и городами,—все это производило новыя, невѣдомыя, неотразимыя впечатлѣнія [19]). «И благодарствовахъ Богу, яко и самъ иногда слышати, нынѣ же видѣти сподобихся» восклицаетъ съ восхищеніемъ Барскій въ своемъ «путникѣ». Въ особенности много впечатлѣній испытывалъ Барскій при видѣ Венеціи; но скудость средствъ къ жизни заставила его во время пребыванія въ Венеціи заняться болѣе сборомъ милостыни, чѣмъ изученіемъ города. Въ гостинницѣ св. Анны, предназначенной для пріюта пилигримовъ, Барскій съ Линницкимъ пользовались однимъ ночлегомъ; пищу-же имъ дали безвозмездно только однажды, по ихъ прибытіи, а во все остальное время пребыванія въ гостинницѣ они должны были содержаться на своемъ иждивеніи. Поэтому Барскій съ Линницкимъ, на слѣдующее-же утро по прибытіи, отправились въ Греческую церковь за сборомъ милостыни; но настоятель, видя въ нихъ по костюму иностранцевъ и не понимая Латинскаго языка, отказалъ имъ въ помощи. Къ счастію нашихъ путниковъ, въ это время пришли къ литургіи въ церковь ученики Греческой школы, знавшіе по латыни; при ихъ-то посредствѣ Барскій съ Линницкимъ объявили настоятелю свою истинную національность и вѣроисповѣданіе. Но такъ-какъ ихъ костюмъ все-таки не слишкомъ располагалъ къ довѣренности, то религіозныя убѣжденія Барскаго и Линницкаго были двукратно подвергнуты испытанію, сначала наставниками Греческаго училища, а потомъ многими изъ посѣтителей Греческой церкви, и только послѣ того, какъ православіе ихъ оказалось безукоризненнымъ, они получили изрядное вспоможеніе и въ тотъ-же день вышли изъ Венеціи, послѣ двухдневнаго въ ней пребыванія. Путь свой они направили чрезъ Падую, Феррару, Болонью, Пезаро и приморскіе города — Анкону и Лоретто, къ Риму. Но изъ Лоретто, куда они прибыли 12 Іюля, имъ предстояло два пути: кратчайшій въ Римъ и дальнѣйшій въ Баръ. Нашимъ путникамъ предстояло, поэтому, рѣшить вопросъ: который изъ этихъ двухъ путей избрать прежде? И мы, дѣйствительно, видимъ ихъ, послѣ сбора милостыни и подробнаго обозрѣнія Лореттской святыни (дома Богородицы), разсуждающими объ этомъ предметѣ. Обыкновенно, желающіе поклониться мощамъ св. Николая отправляются въ Баръ изъ Рима чрезъ Неаполь, но Барскій настаивалъ отправиться въ Баръ не изъ Рима, а изъ Лоретто. Къ этому побуждало его, прежде всего, стремленіе поскорѣе достигнуть главной цѣли своего путешествія и выполнить обѣтъ, ради котораго онъ подъялъ настоящій трудъ свой; кромѣ этого онъ пред-

---

[19]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 48.

ставлялъ въ пользу своего мнѣнія еще и слѣдующее соображеніе: «аще пойдемъ первѣе къ Риму, разсуждалъ онъ, довольни будемъ видѣніемъ величества, красотъ и славы его и, о меньшемъ уже не брегуще, восхощемъ возвратитися вспять, или утружденны сущи пѣшехожденіемъ, облѣнимся пойти поклонитися, аможе хощемъ, у угодника Божія св. Николая; егда-же пойдемъ первѣе къ граду Бару и, узрѣвши меньшая, можемъ ради бо́льшихъ на бо́льшіе и дальшіе подвигнутися труды». Основаніе это показалось разумнымъ и Линницкому; поэтому и рѣшено, прежде всего, отправиться въ Баръ.

Тяжекъ былъ путь, избранный нашими путешественниками. Страна, по которой они шли — Калабрія, представляла изъ себя гористую, пустынную, лишенную почти всякой растительности и населенія, мѣстность, такъ что очень часто трудно было достать хлѣба и воды для утоленія голода и жажды; подъ жгучими лучами южнаго Іюльскаго солнца все тѣло ихъ разслабѣвало, и часто падали они, обезсиленные, на острые каменья, поражая до крови члены свои, разбивая сосуды съ водою, которая для жаждущаго, палимаго зноемъ, путешественника дороже всего; о какихъ-нибудь гостинницахъ, гдѣ-бы усталые путники могли спокойно провести ночь, не могло быть и рѣчи: гостинницу они находили тамъ, гдѣ въ изнеможеніи, безъ чувствъ падали на землю. Можно представить себѣ, какъ измучило нашихъ путниковъ девять дней такого пути! Но святое намѣреніе, одушевлявшее ихъ, заставляло преодолѣвать всѣ эти труды и лишенія. На десятый день путь сдѣлался нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ предъ взорами нашихъ путниковъ открылась ровная мѣстность. Но тутъ съ Барскимъ случилось большое несчастіе. Достигши до Барлетто (26 Іюля), они рѣшились идти до Бара, отстоявшаго отсюда на какихъ-нибудь 30 верстъ, и днемъ, и ночью. Шли они на слѣдующую-же ночь мимо виноградниковъ и, мучимые жаждою, расчитывая на небдительность стражи, они неоднократно перелѣзали чрезъ ограду, въ особенности гдѣ она была низка, и лакомились запрещенными, только что созрѣвавшими, плодами. Когда достигли они на разсвѣтѣ городка Трани и рѣшились нѣсколько отдохнуть, то Барскій, снявши сумку и опустивши руку за пазуху съ цѣлію достать оттуда свои попутныя свидѣтельства, не отыскалъ ихъ: оказалось, что онъ выронилъ ихъ во время своихъ ночныхъ похожденій. Предоставивши Линницкому одному идти въ Баръ, онъ самъ отправился въ обратный путь и, тщательно осматривая всѣ мѣста, гдѣ рвалъ ягоды, дошелъ до самаго Барлетто, но свидѣтельствъ не отыскалъ. Здѣсь Барскій явился къ градскимъ властямъ и, разсказавши имъ о своемъ несчастіи, просилъ ихъ содѣйствовать ему чрезъ публикацію въ отысканіи потерянныхъ свидѣтельствъ. Власти свое содѣйствіе Бар-

скому обѣщали, но, не желая удерживать его на пути, дали ему новое свидѣтельство на право сбора милостыни и свободнаго прохода по всѣмъ мѣстамъ Италіи, съ каковымъ свидѣтельствомъ онъ и отправился въ Баръ. Но отъ труднаго и безустаннаго пути у Барскаго такъ разболѣлись ноги, что онъ едва на другой день къ вечеру, по выходѣ изъ Барлетто, достигъ Бара. Здѣсь онъ нашелъ Линницкаго и вмѣстѣ съ нимъ посѣщалъ Барскую святыню. Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Барѣ наши путники отправились въ обратный путь къ Риму.

Достигши Барлетто, Барскій рѣшился остаться въ немъ для отысканія своихъ потерянныхъ подорожныхъ свидѣтельствъ; Линницкій же, не захотѣвъ подождать его нѣсколько дней, навсегда разстался съ нимъ, оставивъ его одного, больнаго въ лихорадкѣ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Хотя свидѣтельства и были отысканы, но для этого Барскій долженъ былъ прожить въ Барлетто пять мучительныхъ, голодныхъ дней. «Не имѣхъ съ собою сребра и гладомъ изнуряхся, говоритъ Барскій, не имѣя за что хлѣба купити, того ради нѣкія вещи тамо продалъ пищи ради: ащебо и вещи иныя зѣло мнѣ нуждны бяху, обаче пища тогда нуждѣйши бяше; еще бо во всей Италіи и въ иныхъ странахъ нигдѣ не случится видѣти толь драго продаемаго хлѣба, яко тамо, и сице чернаго». Шестаго числа Августа Барскій получилъ свои потерянныя свидѣтельства отъ одного нашедшаго ихъ поселянина и отправился чрезъ Неаполь въ Римъ. Но нерадостно было для него это путешествіе. «Идохъ-же тогда, говоритъ Барскій, съ великою нуждою на всякъ день, стражда лихорадкою, и множицею валяяся при пути на полѣ пустомъ и на знеѣ солнечномъ, стражда, трясяся и паляся, не имѣя ни капли воды омочити языкъ свой, и не имѣя за что купити пищи или питія; едва съ нуждою единою хлѣба испросити могъ, понеже не знаяхъ ихъ нарѣчія, и къ тому не смѣяху ко мнѣ приближатися, да не прейдетъ болѣзнь на нихъ, видѣху бо мя не имуща своего друга и различно о мнѣ помышляху, понеже безъ дружбы тамо не приходятъ путницы». Въ городкѣ Троѣ Барскій поступилъ было въ устроенную для бѣдныхъ больницу, но, пробывъ въ ней три дня безъ всякой пользы и еще болѣе ослабѣвши «малоястія ради», онъ 11 Августа ушелъ изъ нея. Оставленный своимъ единственнымъ другомъ, немощный физически, отчаявшійся во всякой помощи человѣческой, Барскій воззвалъ о помощѣ къ Источнику всякой помощи—милосердому Богу. «Богъ-же, человѣколюбивъ сый, говоритъ Барскій, и милостивъ, сотвори мя отъ того часа здрава отъ лихорадки, и уже болѣе на ню не болѣзновахъ». Съ возвращеніемъ здоровья начали улучшаться для Барскаго и другія условія, необходимыя для путешествія: вмѣсто бѣднаго, негостепріимнаго народа, Барскій, чѣмъ ближе подходилъ къ Неаполю, тѣмъ болѣе

встрѣчалъ на пути гостинницъ, въ которыхъ усталый путникъ могъ спокойно провести непогодную ночь и найти все необходимое для подкрѣпленія силъ своихъ; вмѣсто пустынныхъ мѣстностей является роскошная растительность, и въ рощахъ, перевитыхъ дикимъ виноградомъ, путникъ всегда могъ найти прохладную тѣнь отъ палящихъ лучей солнца; дорога была уже не гористая, а ровная, постоянное-же сопутничество дѣлало ее, кромѣ того, веселою. Такимъ-то путемъ Барскій дошелъ къ четырнадцатому Августа до Неаполя, гдѣ, найдя себѣ пріютъ въ страннопріимницахъ, онъ въ продолженіе четырехъ дней осматривалъ достопримѣчательности города и, взявши два свидѣтельства—одно отъ нунція, а другое изъ королевской канцеляріи, 18 числа отправился въ Римъ, надѣясь встрѣтить тамъ своего друга, Линницкаго. Путь къ Риму былъ также весьма удобный: прекрасное шоссе, роскошная растительность, частыя гостиницы,—все это чрезвычайно много облегчало трудности путешествія, и чрезъ десять дней такого пути (29 Авг.) предъ взорами нашего путника открылся вѣчный городъ—семихолмный Римъ съ многочисленными памятниками науки и искусства, съ своими многовѣковыми, историческими преданіями. Много предстояло пищи для любознательности Барскаго: былъ онъ и въ соборѣ св. Петра, и въ Ватиканскомъ дворцѣ короля-папы, пользовался даже его гостепріимствомъ, видѣлъ церемонію конфирмаціи новоизбраннаго папы и т. п. Двадцать дней пробылъ Барскій въ Римѣ, но главной цѣли своего путешествія туда не достигъ: не засталъ тамъ друга своего, Линницкаго, который ушелъ оттуда раньше тремя днями его прихода, и Барскій принужденъ былъ возвращаться на родину одинъ. Путь свой онъ направилъ въ Венецію чрезъ Флоренцію, Болонью и Феррару.

Здѣсь оканчивается, второй періодъ жизни Барскаго, періодъ паломничества въ собственномъ смыслѣ.

Область, въ которой Барскій выказался спеціалистомъ, была область богословскихъ знаній: глубокое знаніе Св. Писанія отразилось на многихъ мѣстахъ его Путевыхъ Записокъ; по догматовѣдѣнію онъ съ успѣхомъ выдержалъ испытаніе, которому подвергали его при Греческой церкви въ Венеціи. Что касается другихъ областей знанія, то какъ ни похвально намѣреніе г. Аскоченскаго приписать Барскому познанія въ области естествознанія, геологіи, исторіи и т. п., но намъ приходится въ настоящій періодъ встрѣчаться съ доказательствомъ противоположнаго характера—его полнаго невѣдѣнія касательно этихъ наукъ. Такъ, когда Барскій въ лѣтнее время увидалъ снѣгъ на Карпатскихъ горахъ, то, не слыхавъ дотолѣ ни о чемъ подобномъ и не будучи въ силахъ объяснить себѣ это явленіе, приписалъ его «Божію смотрѣнію». Точно также, при видѣ теплыхъ источниковъ, онъ при-

шелъ въ недоумѣніе: «како такова теплота отъ спудовъ горныхъ истекаетъ?» Въ концѣ концовъ, онъ опять долженъ былъ «чудиться Божіимъ судьбамъ [20]).» Плохое знаніе Барскимъ исторіи выказалось самымъ нагляднымъ образомъ въ его разсказѣ о началѣ Рима: «Римъ градъ есть зѣло ветхій не слабостію или обветшаніемъ, но лѣты, понеже прежде христіанства отъ Еллиновъ созданъ есть, и есть градъ царскый, понеже цари тамо ветхими временами свои сѣдалища имѣяху еще отъ Еллиновъ, яко Титъ и Веспасіанъ и протчіи» [21]). Потребность знанія, послужившая главною причиною ухода Барскаго изъ дома родительскаго и недостигшая удовлетворенія въ Львовской іезуитской академіи, не могла быть удовлетворена и во время паломничества, такъ-какъ главная потребность, объ удовлетвореніи которой заботился Барскій, было религіозное чувство: онъ намѣренно старался избѣгать притока стороннихъ впечатлѣній, чтобы не развлекать своей религіозно-благоговѣйной настроенности. Отъ того и самыя его описанія городовъ, странъ и народовъ страдаютъ такой краткостью и поверхностностію, что, какъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, «не градовъ-бо презирати, но мѣста святыя идохомъ посѣтити». Но эта неудовлетворенная потребность въ немъ не заглохла; напротивъ, къ концу паломническаго періода она достигаетъ въ немъ сильнѣйшей степени возбужденія. И вотъ, наступаетъ новый періодъ въ жизни Барскаго, въ началѣ котораго онъ прямо, категорически заявляетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, сильно желающемъ «учитися и пользоватися [22]),»—періодъ, въ который онъ называетъ себя знаменательнымъ именемъ «историка [23])» въ обширнѣйшемъ смыслѣ, какъ человѣка, желающаго изучать исторію человѣчества и, притомъ, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, и не прошедшую только, но и настоящую и, притомъ, исторію жизни не одного только человѣчества, но и всей видимой природы, которая была для него не мертвой массой, но одушевленнымъ храмомъ Божіимъ. Этою только потребностію знанія и можно объяснить то явленіе, что Барскій, собиравшійся нѣсколько разъ возвращаться на родину, всякій разъ, какъ-бы противъ своей воли, отправляется въ новое путешествіе, какъ только представлялся къ тому удобный случай: онъ какъ-бы хотѣлъ притокомъ новыхъ, многочисленныхъ впечатлѣній заглушить, удовлетворить эту, не дававшую ему покоя, потребность. Но, выставляя, такимъ образомъ, въ жизнедѣятельности Барскаго за настоящій періодъ первымъ факто-

---

[20]) Рукопись Кіево-Мих. монаст. кн. I, стр. 42 наоборотѣ.
[21]) Тамъ же, стр. 105 на обор.
[22]) Рукопись Кіево-Мих. монаст. кн. I, стр. 161 наобор.
[23]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 480.

ромъ потребность знанія, мы должны при этомъ сказать и то, что, съ возбужденіемъ потребности знанія, въ немъ не ослабѣло и религіозное чувство; напротивъ, оно (какъ мы увидимъ неразъ впослѣдствіи) теперь становится даже сильнѣе. Настоящій періодъ тѣмъ только и отличается отъ предъидущаго, что религіозное чувство теперь не удовлетворяется на счетъ любознательности, но послѣдняя получаетъ такія-же права на удовлетвореніе, какъ и первое, такъ что, послѣ исполненія религіозно-поклоннических дѣйствій, а иногда и совмѣстно съ ними, Барскій тщательно обозрѣваетъ окружавшую его дѣйствительность и обращаетъ вниманіе на такіе предметы, которые далеко не входятъ въ область религіозно-поклонническую. Итакъ, по стремленію къ удовлетворенію религіознымъ потребностямъ на мѣстахъ святыхъ, и настоящій, новый періодъ можетъ быть названъ періодомъ паломничества; но привходящій въ отношенія Барскаго къ дѣйствительности новый, сильный мотивъ — стремленіе къ удовлетворенію потребности знанія, котораго мы не видимъ въ періодѣ предшествовавшемъ, заставляетъ насъ не смѣшивать настоящаго періода съ предъидущимъ.

3. Періодъ путешествія ко святымъ мѣстамъ изъ потребности знанія.

Барскій, отправившись изъ Рима обратно на родину, 13 Октября прибылъ въ Венецію. Нашедши себѣ пріютъ въ богадѣльнѣ при Греческой церкви св. Георгія, онъ пробылъ въ Венеціи цѣлый мѣсяцъ и употребилъ это время частію на изученіе достопримѣчательностей города, преимущественно-же былъ озабоченъ изысканіемъ средствъ для возвращенія на родину, вслѣдствіе чего почти ежедневно ходилъ на пристань развѣдывать: нѣтъ-ли корабля, отправлявшагося въ Зару (въ Далмацію), такъ-какъ онъ хотѣлъ избрать для возвращенія домой новый путь чрезъ Славянскія земли, Далмацію, Боснію, Сербію и Болгарію, расчитывая, при знаніи Славянскаго языка, найти въ этихъ родственныхъ, единоплеменныхъ земляхъ болѣе гостепріимства, чѣмъ у иновѣрныхъ обитателей Австріи и Венгріи. Но корабля Барскій или не находилъ, или если и находилъ, то съ него запрашивали такую цѣну за проѣздъ, какой онъ дать былъ не въ состояніи. Когда же въ Ноябрѣ мѣсяцѣ начались зимнія стужи и по причинѣ сильныхъ вѣтровъ навигація прекратилась, то Барскій рѣшился въ Венеціи перезимовать, такъ-какъ возвращеніе на родину чрезъ Карпатскія горы, на которыхъ онъ даже лѣтомъ видѣлъ снѣгъ, зимою было слишкомъ тяжело и опасно, тѣмъ болѣе, что у него не было ни денегъ, ни необходимаго теплаго платья. Пріютъ-же себѣ онъ нашелъ въ богадѣльнѣ при

Греческой церкви св. Георгія, духовенство которой полюбило умнаго пилигрима и дозволило ему пользоваться ихъ гостепріимствомъ, сколько угодно. Когда Барскій уже настолько ознакомился съ Венеціей, что ни въ устройствѣ города, ни въ нравахъ и обычаяхъ его жителей не находилъ пищи для своей любознательности, а между тѣмъ праздность скоро ему опротивѣла: то онъ вздумалъ изучать Греческій языкъ въ школѣ при церкви св. Георгія, такъ-какъ, разсуждалъ онъ, «не имѣхъ что̀ дѣлати и не умѣхъ, едино точію ученіе Латинское, Русское и ино школьное знахъ [24])». Быстро началъ успѣвать онъ въ излюбленномъ занятіи: въ продолженіи какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ непостоянныхъ занятій онъ научился, по его собственнымъ словамъ, «грамматики Греческой и писанія ихъ». Но невѣжество рѣдко мирится съ просвѣщеніемъ, какъ свѣтъ со тьмою: нищая братія, жившая вмѣстѣ съ нимъ въ богадѣльнѣ, насмѣхалась надъ нимъ, называя его премудрымъ Соломономъ, многократно бросала въ огонь его книги и тетради, такъ-что Барскій волею-неволею долженъ былъ прекратить свои занятія; къ тому-же въ это время былъ Февраль мѣсяцъ, приближалась весна, и онъ долженъ былъ подумывать о своемъ возвращеніи на родину.

Когда Барскій, съ приближеніемъ весны, опять посвятилъ себя исключительно изысканію средствъ къ возвращенію домой, одно случайное обстоятельство совершенно измѣнило его планы. Какъ-то разъ пришлось ему разговаривать о своемъ горѣ—о трудномъ возвращеніи на родину, съ однимъ ученикомъ Греческаго училища; затѣмъ Барскій началъ разсказывать ему о своихъ путешествіяхъ, о приключеніяхъ, бывшихъ съ нимъ, о мѣстахъ и народахъ, имъ видѣнныхъ и т. п. И вотъ, во время этого разговора, ученикъ, между прочимъ, замѣтилъ, что не мѣшало-бы ему побывать и въ вольной Греціи, «идѣже суть св. Божіихъ мощи и люди милосердые къ путникамъ». Слова этого мальчика были искрою, упавшею въ порохъ. Поклоненіе святынямъ, путешествіе среди народа благочестиваго и милостиваго, наконецъ, новое, неизвѣданное поле для любознательности,—все это возбудило неодолимое желаніе въ Барскомъ послѣдовать совѣту юнаго товарища-Грека. Скоро найденъ былъ и купецъ, который, по просьбѣ благодѣтелей Барскаго—причта Греческой церкви, согласился свезти его въ Корфу, гдѣ почиваютъ мощи знаменитаго Спиридона Тримифунтскаго.

---

[24]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 98—Г. Аскоченскій, говоря, что Барскій началъ изучать Греческій языкъ, вслѣдствіе сознанія недостаточности одного Латинскаго для путешественника, особенно имѣвшаго въ виду Малую Азію (Кіевск. губ. вѣд. 1854 г. № 49), вѣроятно забылъ, что Барскій, когда началъ изучать Греческій языкъ, имѣлъ въ виду не Малую Азію, а Малороссію, свою родину.

Одно только печалило немного Барскаго: не было у него спутника по душѣ, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить и радость и горе страннической жизни. Но случай помогъ ему найти и спутника. Разъ какъ-то Барскій, въ ожиданіи отхода корабля, бродя въ раздумьѣ по площади св. Марка, былъ пріятно удивленъ обращеннымъ къ нему роднымъ привѣтствіемъ: «Здравствуй, господинъ!» Оказалось, что это былъ Русскій архимандритъ Рувимъ Гурскій, бывшій любимцемъ многихъ высокопоставленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, какъ-то: Стефана Яворскаго, Каллиста епископа Тверскаго, Іова Новгородскаго, довѣренное лице у царицы Параскевы Ѳедоровны и Алексѣя Петровича; но, замѣшанный въ дѣлѣ послѣдняго, онъ бѣжалъ отъ гнѣва Петра и посвятилъ себя страннической жизни. Познакомившись покороче съ Гурскимъ, Барскій предложилъ ему сдѣлаться его спутникомъ въ предстоящемъ путешествіи; а такъ-какъ опальному о. архимандриту было все равно съ кѣмъ-бы и гдѣ-бы ни коротать свой вѣкъ, то онъ съ радостію принялъ предложеніе Барскаго. Такимъ образомъ у Барскаго былъ и спутникъ. «И рады быхомъ, замѣчаетъ Барскій, яко сице снійдохомся и дадохомъ слово да не разлучимся, но да совокупно въ любви пребывающе, шествуемъ вкупѣ, аможе аще ни случится. Онъ бо мною доволенъ бяше, азъ-же имъ, понеже видѣхъ его человѣка смиренна, благоразумна и доброе имуща житіе». Но когда наступило время отплытія изъ Венеціи, то купецъ, хотѣвшій везти Барскаго на своемъ кораблѣ въ Корфу, отказался взять ихъ обоихъ и отплылъ безъ нихъ. Наши путешественники, пользуясь покровительствомъ нѣкоего Сербскаго капитана Вукола, нашли другой корабль, хозяинъ котораго согласился взять ихъ безвозмездно, и они 28 Февраля 1725 года благополучно отплыли изъ Венеціи.

И такъ Барскій опять на морѣ. Но это путешествіе, особенно въ началѣ, не заключало въ себѣ ничего для него привлекательнаго. Взятый на корабль Христа ради, онъ принужденъ былъ цѣлые дни проводить впроголодь, а иногда и совсѣмъ не имѣя куска хлѣба; купить было не на что, попросить не у кого: хозяинъ корабля, Латинянинъ, по замѣчанію Барскаго, такъ ихъ любилъ, какъ волкъ агнца, видѣть ихъ такъ желалъ, какъ соль въ очахъ, такъ что Жида или Турка больше любилъ, чѣмъ ихъ; другіе пассажиры относились къ нимъ также чрезвычайно недоброжелательно, называя ихъ бродягами, таскающимися безъ нужды по свѣту. Поэтому Барскій съ своимъ спутникомъ въ буквальномъ смыслѣ переживали голодные дни: въ великій Четвергъ и Пятницу, напр., они совершенно ничего не ѣли, утѣшая себя тою мыслію, что ихъ голодъ пришелся въ великіе дни поста. Когда корабль, на которомъ они плыли, по причинѣ противныхъ вѣтровъ,

присталъ къ одному острову, а въ это время какъ разъ былъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, то наши путники, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что родители, сродники и друзья ихъ проводятъ теперь праздникъ «ядуще, піюще и поюще во славу Христа Воскресшаго»— не хотѣли столь великій праздникъ провести безъ «варенія», и вотъ, вышедши на островъ, они нарвали крапивы и, уваривъ ее въ водѣ, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ масла, сготовили себѣ такимъ образомъ горячее кушанье [25]). Къ голоду у Барскаго присоединилась еще болѣзнь отъ непривычки къ мореплаванію, разрѣшившаяся дважды нестерпимою головною болью со рвотою. Но всѣ эти неудобства плаванія выкупались съ лихвою тѣмъ, что Барскій опять получилъ возможность наслаждаться созерцаніемъ величественныхъ явленій и прекрасныхъ картинъ природы; самъ онъ такъ описываетъ впечатлѣніе, полученное имъ отъ моря. «И исшедшимъ намъ, говоритъ онъ, на море перваго дня и плывуще на самой широтѣ и глубинѣ его, видѣхомъ нощію небеса и воду морскую, и мняшеся быти, яко весь свѣтъ потопе, и нѣсть ничтоже, кромѣ воды и неба, сице отъ превеликой широты мнится быти, яко ужасно и смотрѣти». Теперь его любознательности предстояла гораздо бо́льшая, неистощимая пища въ изученіи того новаго міра, который постепенно предъ нимъ открывался, міра своеобразнаго, Азіатскаго, съ цивилизаціей и культурой, столь непохожей на видѣнную имъ доселѣ, съ многочисленными памятниками жизни народовъ, сошедшихъ со сцены исторіи, съ великими преданіями, которыми освящены многочисленныя мѣста, дорогія для религіознаго чувства христіанскаго. Этотъ-то міръ и стремился посмотрѣть Барскій. Отправившись изъ Венеціи по Адріатическому морю, онъ вступилъ потомъ въ Средиземное и былъ на островахъ: Корфу, Кефалоніи, Зантѣ; затѣмъ онъ поплылъ по Архипелагу, и здѣсь на одномъ изъ острововъ его, Хіосѣ, смерть похитила у Барскаго его новаго спутника и друга Рувима Гурскаго, умершаго 19 Августа. Отсюда Барскій думалъ было, побывавши предварительно на Аѳонѣ, пробраться въ Іерусалимъ, но принужденъ былъ оставить это намѣреніе: бывшій въ то время въ Хіосѣ для сбора милостыни Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ сказалъ ему, что на неизбѣжныя издержки при этомъ путешествіи онъ долженъ былъ приготовить такую сумму денегъ, которой у Барскаго не было и трети, и ему довелось ограничиться въ своихъ стремленіяхъ только путешествіемъ на Аѳонъ, куда онъ и отправился изъ Хіоса 9 Сентября. Черезъ мѣсяцъ (10 Окт.) Барскій уже путешествовалъ по Аѳонскимъ

---

[25]) Рукопись Кіево-Мих. монастыря, кн. 1, стр. 158.

монастырямъ, обозрѣвая устройство, жизнь и нравы этого своеобразнаго общежитія. По обозрѣніи всѣхъ монастырей, Барскій думалъ было возвратиться назадъ, въ отечество, но принужденъ былъ замедлить на Аѳонѣ болѣе продолжительное время по случаю наступленія зимы; къ тому же изъ Солуня пришла вѣсть, что для иностранцевъ по Турецкимъ владѣніямъ путешествовать затруднительно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Барскій прожилъ на Аѳонѣ до четырехъ мѣсяцевъ. Во все время своего пребыванія тамъ, онъ жилъ въ Русикѣ, исполняя разныя монастырскія послушанія, помогая въ богослуженіи и т. п. Не обходилась эта жизнь на Аѳонѣ для Барскаго и безъ непріятностей. Въ особенности пришлось ему вынести цѣлое гоненіе отъ монаховъ за свое путешествіе въ Римъ и обѣдъ у папы: Греки вездѣ называли его еретикомъ, не принимали во многіе монастыри, не хотѣли даже допустить къ пріобщенію св. таинъ, такъ что только послѣ свидѣтельства духовника о его невинности и разрѣшенія архіерейскаго онъ былъ допущенъ къ христіанскому таинству. Февраля 1-го 1726 г., Барскій вышелъ изъ Аѳона въ Солунь, гдѣ цѣлые семь мѣсяцевъ употребилъ на изысканіе средствъ къ отправленію Христа ради, но уже не на родину, а въ Іерусалимъ. Въ концѣ первой книги Путевыхъ Записокъ, долженствовавшей, по плану Барскаго, оканчиваться отправленіемъ его въ Іерусалимъ, онъ чрезвычайно кратокъ, такъ что есть основаніе предполагать въ означенномъ мѣстѣ пропускъ. Поэтому, какимъ образомъ его намѣреніе съ Аѳона отправиться обратно на родину видоизмѣнилось въ желаніе посѣтить Іерусалимъ, мы опредѣленно сказать не можемъ, по отсутствію точныхъ данныхъ. Но, на основаніи всей предшествующей его жизни, мы имѣемъ право думать, что желаніе посѣтить Іерусалимъ, разъ овладѣвшее Барскимъ, едва ли оставляло его; различныя препятствія, представлявшіяся на пути къ достиженію цѣли, не могли поколебать такой сильный характеръ, каковъ былъ у Барскаго, вслѣдствіе чего и намѣреніе посѣтить Іерусалимъ, занимавшее его еще въ бытность на островѣ Хіосѣ, по всей вѣроятности, окончательно созрѣло въ немъ во время четырехмѣсячнаго пребыванія на Аѳонѣ. Выходя оттуда въ Солунь, Барскій возсылаетъ такую молитву къ Богу: «Молихъ Всемогущаго Бога, говоритъ онъ, проведшаго меня чрезъ многія земли безвредно и безнапасно, да и до конца исправитъ путешествіе мое благополучно, и приведетъ мя даже до отечества моего безвредно». Здѣсь отъ возвращенія своего на родину отличаетъ какое-то путешествіе, о благополучномъ окончаніи котораго онъ молится. Очень можетъ быть, что это и было предполагаемое путешествіе въ Іерусалимъ. Какъ бы то ни было, но когда представился ему въ Солунѣ случай безвозмездно

отправиться въ Іерусалимъ, то забылъ онъ про свое возвращеніе на родину, забылъ, что у него нѣтъ и трети той суммы, которая необходима для Іерусалимскаго хаджи: перваго Сентября 1726 года онъ уже находился въ числѣ пассижировъ на кораблѣ, отплывавшемъ въ Іерусалимъ и чрезъ 25 дней благополучнаго плаванія достигъ Малой Азіи.

Чтò же принесло Барскому это новое путешествіе? На первыхъ порахъ, въ Яффѣ, мы видимъ его въ то время, какъ другіе вечеряли, стоящимъ за дверьми и «созирающимъ бывшее» и тутъ-же по окончаніи стола, вмѣстѣ со слугами, питающимся остатками отъ общей трапезы. Послѣ этого видимъ его тщательно собирающимъ свѣдѣнія о всѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ пріурочены воспоминанія о какихъ нибудь библейскихъ событіяхъ, наблюдающимъ жизнь и нравы мѣстныхъ жителей, ходящимъ по церквамъ и изучающимъ особенности въ отправленіи церковныхъ службъ. Видимъ, далѣе, что въ то время, какъ другіе изъ Яффы отправились въ Іерусалимъ «на конѣхъ и верблюдѣхъ, аки на колесницахъ», онъ съ нѣкоторыми, подобными же ему бѣднякам, призвавъ Бога на помощь, отправился за ними пѣшкомъ по безводной пустынной дорогѣ, подъ палящими лучами солнца, предпринимая такіе труды и лишенія «Бога ради, на посѣщеніе св. мѣстъ потрудитися хотяще». Но эти лишенія были почти ничтожны въ сравненіи съ тѣми страданіями, какія пришлось Барскому вытерпѣть отъ Арабовъ на пути изъ Рамы къ Іерусалиму. Изъ Яффы въ Іерусалимъ отправилось, подъ прикрытіемъ Турецкой стражи, вмѣстѣ около 1500 человѣкъ; ибо отправляться безъ сообщества или въ сообществѣ малочисленномъ въ то время значило подвергать себя опасности быть ограбленнымъ или избитымъ кочевыми Арабами, производившими грабежи и насилія путешественникамъ. Потому-то Барскій и отправился въ Іерусалимъ въ сопровожденіи такого многочисленнаго сообщества. Но опасаясь быть раздавленнымъ животными, а также во избѣжаніе пыли, которую онъ принужденъ былъ вдыхать въ себя, идя среди всадниковъ, онъ, въ то время, какъ караванъ, при выходѣ изъ Рамы, по причинѣ неуправки погонщиковъ и стражи, долженъ былъ нѣсколько замедлить, отправился впередъ. Впереди Барскаго шли человѣкъ 15 Арабовъ, немного раньше отдѣлившихся также отъ остальнаго каравана. Сначала Барскій не примѣчалъ, въ сообщество какихъ спутниковъ онъ рисковалъ попасть и уже только по истеченіи, по крайней мѣрѣ, четверти часа ходьбы онъ понялъ всю опасность своего положенія; но возвращаться назадъ было поздно, такъ-какъ и назади себя онъ увидалъ также идущую ватагу Арабовъ, вслѣдствіе чего, призвавъ Бога на помощь, онъ волею-неволею рѣшился идти впередъ. Вотъ тутъ-то и пришлось Барскому вытерпѣть ужасную пытку отъ Арабовъ. Но послуша-

емъ лучше, какъ объ этомъ разсказываетъ онъ самъ. Разсказъ объ этомъ есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его Путевыхъ Записокъ.

«Се начаша мя постизати Еѳiопы, говоритъ онъ, и всякъ достигшiй ощущаше пиру мою, юже на хребтѣ ношахъ съ хлѣбомъ, токмо и съ жезломъ шествующъ, прочiе же прошаху хлѣба; азъ же, еще прежде увѣдавъ о нравахъ ихъ, ношахъ всегда съ собою сухари и хлѣбъ готовъ на раздаянiе, и иже убо прошаше, даяхъ единъ посмагъ (сухарь), и тѣмъ отчасти пользу мира получахъ; ибо и псовъ яростныхъ многажды обыкохомъ хлѣбомъ отгоняти... Тогда мимо идоша мя едины и другiе, и достигше попреди идущихъ Еѳiоповъ, возвѣстиша имъ о мнѣ; тѣ же, завистливое имуще сердце и видящи мя уединенна и далече отъ народа, омедлиша мало, донелѣже приближихся къ нимъ, и тогда возложше на мя руцѣ, яша мя и начаша терзати сѣмо и овамо, овыи за ризу, овыи же за пиру и хотяще мя обнажити и послѣднихъ рубищъ, глаголюще *алъ бакшишъ*, еже есть даждь даръ, аки бы рещи: искупися. Азъ же нарѣчiемъ Турецкимъ, его же мало знаяхъ, рѣкохъ, кланяяся имъ, глаголюще: Что̀ отъ меня ищете? Азъ есмь человѣкъ нищъ и убогъ, и ничтоже имамъ, токмо о единомъ хлѣбѣ и водѣ путешествуяй съ миромъ Бога ради. Они же не внимающе, свое дѣяху... Единъ же между ими бысть Агарянинъ на ослѣ грядяй, той яко старъ сѣдиною сущь между ними, началъ претити и наказывати оныхъ, да мя оставятъ въ мирѣ; они же, не слушающе сего, не престаяху творити начатое, и хотяху мя совлекти отъ всего. Тогда начахъ азъ вопити къ предреченному Агарянину, и приступши къ нему, лобызахъ руцѣ его, моляще прилежно да мя заступитъ. Онъ-же, виждь добродѣтель, слѣзе съ осла долой и взятъ мя за руку, другою же рукою отрѣваше отъ меня Араповъ, порывающихъ и толкущихъ мя въ боки, и не попусти имъ ничто-же отъ меня взяти, клянуще я Богомъ и вѣрою ихъ; они же паче разгнѣвашася и на его и на мя, и пакости ми дѣяху, и хотяху мя исхитити отъ рукъ его. Агарянинъ же не хотяше къ тому шествовати; но, сѣдши при пути и посадивши мя съ собою, ожидаше, даже приспѣ полкъ весь народа. Не отыдоша же ниже они окаянныи, но обсѣдше и оступивше окрестъ, много мнѣ ругахуся и пакости дѣяху, овыи въ лице, другiи въ перси, нѣцiи же во выю и плещи, прочiи же въ боки руками приражаху, прекорчающе персты и пястицами подбиваху, или просто рѣкши кулаками; иные же вмѣсто согбенныхъ перстовъ камень въ рукахъ держаще бодяху; единъ же имѣяше иглу велику, ею же купцы мѣхи великiе, наполненные товарами, зашиваютъ, и бодящи мя. Овыи требоваху отъ меня пѣнязей; единъ же, earthemъ песку отъ земли, и метну ми въ лице и засыпа мнѣ уста и очеса; аще бо и возбраняше имъ оный Турчинъ, отрѣваше руки ихъ и отгоняше аки псовъ, но не

можаше ничтоже противу множества чинити. Азъ же ничтоже ино не отвѣщавахъ, точію: оставите мя Бога ради, яко убогъ есмь человѣкъ и ничто же имамъ. Многажды же осязаху нѣдра моя и пиру, ощущающе и ищуще денегъ; но Богу призирающу на мя, не обрѣтоша; аще бо быша обрѣли, было бы нѣчто горѣе. Единъ же хотяше иззути сандалія отъ ноги моея, зане той имѣяше худшіе моихъ, сего ради зависть имѣяше, но не може, возбраняющаго ради Агарянина. Ожидахъ же тамо сѣдящи, яко четвертую часть часа, и еще не приспѣ къ намъ народъ, косняше бо на пути нѣкоего ради препятствія. Хотя же Турчинъ той всѣсти на осла своего и оставити мя, омерзѣ бо ему долго сидѣти; и егда возста отъ земли, паки двигнушася Арапы на мя, и молихъ его, да еще мало пождеть, и сотвори по милости своей, якоже хотѣхъ, отгоняя Еѳіоповъ отъ меня и наказаніемъ, и моленіемъ. Видѣша же разбойницы, ако никако же пользовашася отъ меня, начаша просити, да поне хлѣба дамъ имъ, хотяще мя лукавствомъ своимъ ухитрити, да егда быхъ сняхъ пиру отъ плещъ и началъ бы разрѣшати ю, могли бы отъяти вся; азъ же, предпознавая помышленіе ихъ, не покусихся отрѣшити ю, отвѣтствуя, яко мало имамъ и самъ. И се доспѣша къ намъ отъ полка нѣсколько Араповъ пѣшихъ и возвѣстиша, яко близъ грядяше народъ; они же, воставше, вси идоша и гониша мя, да иду преди. Мнѣ не хотящу, насиліемъ нагоняху мя, попихающе созади. Шествовахъ же азъ медлющи и озирающися воспять къ народу часто; егда же узрѣхъ очима близу, уклонихся нечаянно отъ между ихъ, и пойдохъ скоро воспять. Видяще же, яко ничтоже мнѣ прежде не могоша отъяти, Агарянина ради, погнася единъ отъ нихъ за мною, и взять камень въ обѣ руки великъ и постигнувъ мя, удари отъ всея силы своея въ хребетъ, яко ми пасти на землю и возопити; и абіе, слышавше гласъ мой, предній ѣздецъ прибѣже вскорѣ, но не обрѣте его, внезапу бо отбѣже злодѣй онъ съ другомъ своимъ; азъ же съ нуждою совлекохся отъ земли, едва могъ шествовати и къ тому не лишахся уже людей, но вкупѣ шествовахъ съ ними» [26]).

И все это было перенесено ради того, чтобы «поклонитися и прикоснутися устами своими мѣстамъ онымъ, яже Соприсносущное Слово Отчее, Единородный Сынъ Его, явившись на земли во плоти, хожденіемъ и страданьми освяти и прослави. [27])» Барскій уже не жалуется съ такимъ воплемъ на то, что отъ Яффы до самаго Іерусалима шелъ путемъ пустыннымъ, песчанымъ, безводнымъ, что терпѣлъ постоянно

---

[26]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 180—182.
[27]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 261.

отъ голода и, палимый зноемъ солнечнымъ, изнемогалъ отъ жажды, что единственный маленькій сосудецъ, носимый имъ при поясѣ, водою изъ котораго онъ прохлаждалъ высохшій языкъ свой, былъ отнятъ Арабами,—все это было забыто при видѣ того св. города, къ которому такъ сильно стремилась душа его. «Егда же азъ узрѣхъ стѣны града, говоритъ онъ, возрадовахся зѣло и забыхъ тѣлесную немощь, дадяхъ же абіе славу Богу, яко сподобилъ мя по желанію моему достигнути тамо [28])». Но наблюдательность его не могла оставить безъ вниманія того явленія, что славные «врата Давыдовы никѣмъ воспрещаемы, ниже бо стражіе бяху, ни воины», что городъ имѣетъ зданіе «крѣпкое и лѣпое, не весьма искуснымъ художествомъ строенное и немноголѣтное, но недавно сооруженное; что это, значитъ, былъ не древній святой городъ, а новый, Турецкій; что тутъ нѣтъ уже ни прежняго величія, ни прежней славы, а остались отъ всего этого одни лишь воспоминанія. Еще болѣе онъ долженъ былъ увѣриться въ этомъ, когда для того, чтобы поклониться главной святынѣ, влекущей христіанъ изъ всѣхъ концевъ земли — Гробу Христову, онъ принужденъ былъ обращаться къ Туркамъ, отпиравшимъ за мзду врата великой церкви воскресенія; когда для осмотрѣнія другихъ св. мѣстъ, какъ напр. Іордана, онъ долженъ былъ отправляться ночью, а днемъ сидѣть въ прибрежныхъ камышахъ, скрываясь отъ разбойниковъ-арабовъ; когда на пути постоянно встрѣчалъ развалины городовъ и христіанскихъ монастырей, свидѣтельствовавшія, что все это когда-то жило, но чья-то варварская, безпощадная рука наложила на все это свою печать вѣчнаго забвенія, застоя, неподвижности и смерти. Таковы были впечатлѣнія, которыя приходилось почти на каждомъ шагу испытывать нашему пѣшеходу въ св. землѣ. И много находилъ онъ пищи среди этихъ развалинъ и остатковъ старины для своей любознательности и религіознаго чувства. Всѣ мѣста, къ которымъ преданіе пріурочивало какое-нибудь событіе изъ ветхозавѣтной или новозавѣтной исторіи, были тщательно, нерѣдко съ опасностію для жизни, осмотрены Барскимъ; всѣ сказанія о достопримѣчательныхъ или чудесныхъ событіяхъ, совершившихся или совершающихся въ св. землѣ, были имъ записаны; многое изъ религіозной области, прежде возбуждавшее въ немъ недоумѣнія и сомнѣнія, теперь, провѣренное собственнымъ наблюденіемъ, получило подтвержденіе и силу убѣдительности. Такъ напр., послѣ появленія чуднаго свѣта на Гробѣ Господнемъ, котораго Барскій ожидалъ нарочно, по всей вѣро-

---

[28]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 186.

ятности, побуждаемый къ тому сомнѣніемъ, онъ замѣчаетъ, что «тогда утвердихъ маловѣріе мое [29]).» Кромѣ изученія образа жизни и нравовъ мѣстныхъ жителей, натуральныхъ произведеній страны и т. п., изученія, обогащавшаго умъ Барскаго точными познаніями, онъ, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ во время своего путешествія началъ пользоваться для своего развитія знаніями, добытыми предшествующими поколѣніями, именно, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, въ бытность свою въ обители св. Саввы, онъ упражнялся «чтеніемъ книгъ отъ вивліоѳики монастырской [30])». Наконецъ, послѣ полугодичнаго пребыванія въ Іерусалимѣ, имѣвшаго великое значеніе для его религіознаго чувства и умственнаго развитія, Барскій, возблагодаривъ Бога, за то, что Онъ сподобилъ его «посѣтити, видѣти-же и поклонитися мѣстамъ онымъ яже Вочеловѣчившійся Самъ Своимъ пречистымъ тѣломъ и пресвятымъ Духомъ освяти», десятаго Апрѣля 1727 года, вышелъ изъ Іерусалима.

Теперь Барскій вознамѣрился отправиться на Синай и съ этой цѣлью изъ Яффы, 17 Апрѣля, сѣлъ на корабль, отплывавшій въ Даміетту; но уже въ то время, когда предъ глазами у него былъ этотъ городъ, корабль бурею отнесло къ Каиру, и Барскій, видя въ этомъ волю Божію для поклоненія Кипрской святынѣ, чего онъ не успѣлъ исполнить въ первое посѣщеніе этого острова, пробылъ въ Кипрѣ почти три мѣсяца, посѣщая всѣ тамошніе монастыри и святыни и уже 18 Іюля отправился отсюда въ Каиръ. По прибытіи въ этотъ городъ, онъ остановился на подворьѣ Синайскаго монастыря и здѣсь отъ Синайскаго архіепископа получилъ печальное извѣстіе, что въ Синай пройти было нельзя, по причинѣ непріязненныхъ отношеній къ монастырю окрестныхъ Арабовъ, вслѣдствіе чего почти всѣ Синайскіе иноки, опасаясь нападенія Арабовъ, ушли изъ монастыря и жили въ это время въ Каирѣ, исключая небольшаго числа оставшихся въ монастырѣ для отправленія богослуженія и поддержанія хозяйства. Поэтому и всякое сообщеніе Синая съ Каиромъ было невозможно, такъ какъ иноковъ и путешественниковъ, отправлявшихся на Синай или обратно, Арабы убивали безъ всякой пощады. Но здѣсь-то и обнаружилъ Барскій всю силу своей воли, не отступивши ни предъ какими препятствіями для достиженія своей цѣли. Воспользовавшись благотворительностію Александрійскаго патріарха Косьмы, бывшаго въ то время въ Каирѣ и предложившаго ему помѣщеніе въ Синайскомъ подворьѣ, Барскій рѣшился жить въ Каирѣ до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ пройти къ Синаю. Чтобы не ѣсть даромъ монастырскаго хлѣба, онъ

---

[29]) Изд. Рубана, стр. 237.

[30]) Изд. Рубана, стр. 206.

сдѣлался трапезаремъ, и чтобы не терять безъ пользы для себя время, онъ учился Греческому языку, прохаживаясь въ свободное время съ иноками по Каиру, обозрѣвая «всю красоту, величество и строеніе града, еще же вся чины и обычаи народа Египетскаго». Болѣе осьми мѣсяцевъ (съ 3 Авг. 1727 г. и до 20 Марта 1728 г.) прожилъ Барскій такимъ образомъ въ Каирѣ и уже совсѣмъ было отчаялся въ возможности осуществить цѣль своихъ стремленій, какъ совершенно случайно узналъ о средствѣ, воспользовавшись которымъ, онъ могъ надѣяться пройти на Синай. Именно: одинъ Арабъ-христіанинъ указалъ Барскому, какъ на вѣрное средство достигнуть Синая—сложить съ себя черныя одежды и надѣть платье моряка; а чтобы не обратить на себя вниманія Арабовъ, стороживших дорогу изъ Каира къ Синаю, онъ совѣтывалъ ему отправиться на Синай не прямымъ путемъ изъ Каира, а чрезъ Суэзъ и Раиѳу и зайти тамъ къ одному его родственнику, который дастъ ему совѣтъ для дальнѣйшаго образа дѣйствій. Барскій воспользовался этимъ совѣтомъ и, собравши себѣ на дорогу нѣсколько пѣнязей (за то что носилъ за монахами въ день Богоявленія по домамъ христіанъ сосудъ съ св. водою) онъ отправился въ путь. Достигнувъ чрезъ 8 дней Раиѳы и отдохнувши отъ трудностей пути въ домѣ родственника вышеупомянутаго Араба, Барскій только съ однимъ проводникомъ отправился на Синай.

Замѣчательна была твердость, обнаруженная Барскимъ въ томъ случаѣ, когда онъ рѣшился ожидать въ Каирѣ удобнаго случая къ отправленію на Синай; когда онъ, далѣе, въ продолженіи 8 дней отъ Каира до Раиѳы путешествовалъ по пустынной мѣстности, наполненной разбойничьими шайками Арабовъ, постоянно нападавшими, и днемъ и ночью, на караванъ, въ которомъ шелъ Барскій, хотя и не могшими причинить никакого зла, по причинѣ необыкновенной силы каравана, состоявшаго изъ 5000 верблюдовъ. Но еще болѣе достойны удивленія та рѣшимость и то самоотверженіе, которыя онъ обнаружилъ по приходѣ на Синай. Монастырь былъ запертъ, и Барскаго, не смотря на его просьбы, монахи не хотѣли принять, опасаясь мщенія со стороны Арабовъ, которые могли узнать о томъ. Тогда Барскій прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: отпустивъ проводника-араба, онъ сѣлъ подъ стѣнами монастыря и рѣшился быть въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не будетъ впущенъ въ монастырь. Положеніе, въ которое поставилъ себя Барскій, было, дѣйствительно, чрезвычайно опасное: съ одной стороны, его могли не принять въ монастырь, и такимъ образомъ онъ рисковалъ понапрасну погубить время, употребленное на путешествіе, а съ другой—онъ могъ быть замѣченъ Арабами и такимъ образомъ подвергалъ опасности свою жизнь. Но, не смотря на

все это, не смотря на просьбы и мольбы монаховъ объ удаленіи, не смотря даже на ихъ угрозы, онъ полтора сутокъ просидѣлъ подъ стѣнами монастыря и наконецъ-таки добился своего—услышалъ обычное Синайское привѣтствіе: «добрѣ пришелъ еси, друже, Богу пріятенъ да будетъ трудъ твой и поклоненіе [31])» и ночью былъ принятъ въ монастырь. На Синаѣ Барскій пробылъ только 7 дней, по истеченіи которыхъ монахи, опасаясь, какъ-бы Арабы не узнали о его пребываніи въ ихъ монастырѣ, попросили его оставить ихъ, и онъ, «пріявши благословеніе отъ всѣхъ отцевъ добрѣ» и возблагодаривъ Бога, отправился обратно чрезъ Раифу и Суэзъ въ Каиръ, а оттуда въ Сирію, въ предѣлы Антіохійскаго патріархата.

Не веселыя картины предстояли Барскому во время этого новаго путешествія. На первыхъ же порахъ онъ пораженъ былъ до глубины души тѣми церковными нестроеніями, которыя были произведены Римской уніей. При описаніи этихъ нестроеній онъ, какъ и вообще при описаніи всевозможныхъ аномалій, съ которыми приходилось ему встрѣчаться, всегда кратокъ. Но свѣдѣнія, сообщенныя Барскимъ объ этомъ предметѣ, въ послѣднее время подтверждены и пополнены новымъ документомъ, сообщеннымъ преосвящ. Порфиріемъ [32]). Изъ этого документа видно, что время, ближайшее къ посѣщенію Сиріи Барскимъ, было весьма печальнымъ періодомъ въ исторіи Антіохійскаго патріархата: патріаршій престолъ занимали два лица разомъ, изъ коихъ одинъ, патріархъ Кириллъ, вступилъ на каѳедру, будучи 20 лѣтъ отъ роду (по сказанію другихъ—18-ти); другой патріархъ, занимавшій престолъ одновременно съ Кирилломъ, Аѳанасій, заподозривается авторомъ «Сказанія объ уніи» въ пристрастіи къ латинству, такъ какъ въ его правленіе въ первый разъ явились въ Сиріи Латинскіе фраторы; кромѣ того, эти совмѣстно занимавшіе Антіохійскій престолъ патріархи (сперва Кириллъ и Неофитъ, а потомъ, по смерти Неофита, Кириллъ и Аѳанасій), проводили время въ кляузахъ между собою, истощая на подарки Турецкому правительству и Константинопольскому синоду патріаршую казну, вслѣдствіе чего были накоплены неоплатные долги;—это были, наконецъ, патріархи, производившіе въ церкви смуты своими противозаконными дѣйствіями, посвящая епископовъ и пресвитеровъ за взятки, покровительствуя латинству и т. п. Поэтому-то и Барскій на каждомъ шагу во время своего путешествія встрѣчалъ цѣлыя селенія и города, имѣвшіе прежде православное населеніе, обращенными въ унію. Онъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что Антіохій-

[31]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 261.

[32]) Сказаніе о Сирійской уніи. Труды Кіевск. Дух. Академіи, Сентябрь 1874 года.

ская церковь находится какъ-бы подъ двойнымъ игомъ: съ одной стороны, подъ игомъ невѣрныхъ мусульманъ, такъ что въ развалинахъ нѣкогда цвѣтущихъ храмовъ и городовъ, на странѣ, бывшей нѣкогда колыбелью христіанства, онъ видитъ печать разрушенія, наложенную фанатизмомъ мусульманъ а съ другой стороны—подъ игомъ внутреннимъ, подъ игомъ раздоровъ уніатовъ съ православными, обуревавшихъ мирное стадо Христово. «И многая нестроенія видѣхъ тамо, заключаетъ Барскій, и соблазнихся». Нестроенія эти зашли такъ далеко, что, по замѣчанію его, только Богъ можетъ уврачевать церковь Христову.

Но не съ одной только этой стороны настоящее путешествіе Барскаго имѣло для него печальный характеръ. Странствовалъ онъ, по большей части, по разоренной, безжизненной странѣ; изъ Каринха, напр., въ Антіохію онъ шелъ два дня пустынею, «не обрѣтая ни весей, ни древесъ, ни воды», кромѣ одного села, въ которомъ онъ ночевалъ, «прочее-же все поля ровныя, сухи и безводны и мало удолія имущія»; не имѣлъ онъ подъ часъ ни дневной пищи, ни пристанища для отдыха, подвергаясь неоднократно разрушительному дѣйствію стихій. «И много подъяхъ труда на пути ономъ, говоритъ Барскій о своемъ путешествіи по Антіохіи въ Ноябрѣ 1728 года, «и возліяше дождь великій, и возвѣяша вѣтры хладные, и измокоша одежды мои даже до хитона, и нощевахъ единожды кромѣ огня и сушенія, и охладнѣхъ, и чуяхъ отчасти болѣзнь тѣлеси; бысть-же путь неудобенъ и тяжелъ, между горами великими и высокими», такъ что, наконецъ, его желѣзная натура не выдержала. Всѣ эти неудобства сломили его крѣпкую силу: онъ заболѣлъ и заболѣлъ серьезно. «Впадохъ въ недугъ тяжекъ, говоритъ онъ, имѣяй повсядневну трясавицу и дменіе (отёкъ, опухоль) лица, рукъ-же и ногъ и всея плоти, отъ заговѣнья даже до половины Филиппова поста; послѣди-же, по праздникѣ св. Христова Николая, Божію помощію свободихся отъ трясавицы, обаче отъ дменія тѣла не могохъ добрѣ шествовати, и многую тогда имѣхъ нужду, ово скудости ради пищи (бысть-бо тогда во всей Сиріи голодъ), овоже яко не имѣхъ никого-же, да послужитъ мнѣ или поможетъ что въ недугѣ». Но въ это тяжкое время онъ, слабый тѣломъ, былъ крѣпокъ духомъ; если когда-нибудь, такъ это именно теперь, онъ *вся могъ о укрѣпляющемъ его Іисусѣ*. Искренняя, живая вѣра на каждомъ шагу одушевляетъ и укрѣпляетъ его, руководитъ имъ и заставляетъ терпѣливо переносить всѣ невзгоды и бѣдствія. Такъ, когда онъ, удрученный непосильнымъ физическимъ напряженіемъ, изможденный усталостію, падалъ на пути своемъ въ Антіохію и пришлось ему нечаянно увидѣть крестъ съ надписью: «*крестъ падающимъ возстаніе*», то забылъ онъ

всѣ печали и труды свои, поклонился св. кресту и пошелъ радостно далѣе. Или, находясь въ тяжкой болѣзни, едва влача отъ усталости ноги, отдыхая чрезъ каждые пять-шесть шаговъ, онъ съ воплемъ крѣпкимъ отъ болѣзни, но съ вѣрою въ сердцѣ воспѣвалъ: «*Христосъ моя сила, Богъ и Господь*»... И эта вѣра вливала въ него новыя силы къ продолженію труднаго странствованія. Наконецъ, думая, что болѣзнь послана ему Богомъ въ наказаніе за грѣхи [33]), онъ вознамѣрился вторично посѣтить Іерусалимъ и молить тамъ Бога объ исцѣленіи отъ тяжкой болѣзни.

Несчастливо было и это новое путешествіе: близъ Іерусалима Барскій былъ ограбленъ разбойниками. Не разъ случалось ему и прежде сталкиваться съ этими дѣтищами Азіатскаго варварства, но прежде все проходило для него какъ-то благополучно. Такъ, около Солуня, Барскій, воспользовавшись превосходствомъ своей физической силы предъ разбойникомъ, перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и принудилъ разбойника къ отступленію. Затѣмъ, Барскій подвергся было нападенію разбойника по выходѣ изъ Дамаска, но былъ спасенъ случившимися въ это время путниками. Но на этотъ разъ не пришлось отдѣлаться такъ легко Барскому: разбойники обобрали его совершенно, до-нага, такъ что, не имѣя денегъ для покупки себѣ платья, а равнымъ образомъ и для уплаты магометанамъ за посѣщеніе св. мѣстъ, онъ сдѣлался добровольно Христа ради юродивымъ, «безчинствуя и неподобная глаголяй и быхъ въ поруганіе всему народу». И вотъ въ такомъ-то первоначальномъ костюмѣ Барскій 23 Марта пришелъ въ Іерусалимъ. Здѣсь отъ милостивыхъ людей онъ пріобрѣлъ себѣ кое-какія рубища и, посѣтивши въ продолженіе трехъ недѣль «множицею» св. мѣста и многія другія достопримѣчательности, онъ 10 Апрѣля вышелъ изъ Іерусалима въ Яффу. На пути этомъ, такъ много причинившемъ Барскому непріятностей въ первое посѣщеніе Іерусалима, и теперь пришлось ему пострадать отъ разбойниковъ въ высшей степени; поелику, говоритъ онъ, «обнажиша мя паки отъ одеждъ и яже пріобрѣтохъ въ Іерусалимѣ, отъяша ми, и биша, и много ругашася». Но пріобрѣтши вновь отъ христіанъ одежды и собравши нѣсколько милостыни, Барскій, измученный тяжкою болѣзнію и неоднократными истязаніями отъ разбойниковъ, рѣшился предпринять послѣднее путешествіе въ предѣлы Галилеи и съ этою цѣлію изъ Яффы 15 Мая отправился къ Галилейскому городу Птоломаидѣ. По прибытии въ этотъ городъ, Барскій, въ продолженіи $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ (съ половины Мая и

---

[33]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 2, стр. 47 на оборотѣ.

до конца Іюля) посѣтилъ всѣ мѣста въ Галилеѣ, съ которыми связано то или другое библейское воспоминаніе, какъ-то Назаретъ, Ѳаворъ, Кану, любовался прекрасными окрестностями озера Генисаретскаго, былъ на Іорданѣ, въ Капернаумѣ и многихъ другихъ мѣстахъ и, наконецъ, воздавши благодареніе Богу за все видѣнное и слышанное, онъ вознамѣрился чрезъ Константинополь возвратиться на родину. Этимъ и оканчивается третій періодъ въ жизни Барскаго (съ 1-го Марта 1725 г. и до конца Іюля 1729 года).

Какое-же значеніе имѣетъ этотъ періодъ въ умственной жизни Барскаго? Запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ Барскимъ въ продолженіи третьяго періода, чрезвычайно великъ. Мы не будемъ говорить здѣсь о развитіи его религіозныхъ убѣжденій, развитіи, обнаруживающемся почти на каждой страницѣ его Путевыхъ Записокъ не только въ образѣ мышленія, но и въ самыхъ внѣшнихъ выраженіяхъ и оборотахъ рѣчи; не будемъ говорить о расширеніи его умственнаго кругозора. Здѣсь мы покажемъ только сумму фактическихъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ Барскимъ за разсматриваемое нами время. Успѣхи Барскаго въ естествознаніи и геологіи, прописываемые ему г. Аскоченскимъ, и теперь еще слишкомъ слабы; такъ, онъ не знаетъ: «стихій-ли ради, или грѣхъ ради человѣческихъ бываютъ землетрясенія [34])»; когда одинъ морякъ объяснялъ ему происхожденіе острововъ сильнымъ дѣйствіемъ воды, то Барскій, когда онъ «сице баснословяше», въ сердцѣ своемъ смѣялся и чудился таковой простотѣ его ума [35]); при видѣ каменнотворныхъ источниковъ близъ Солуня Барскій прямо замѣчаетъ: «не вѣмъ, Божію-ли волею преестественнѣ сіе содѣловается, или отъ естества воднаго, или отъ солнечнаго [36])». Но въ замѣнъ этихъ фиктивныхъ познаній, приписываемыхъ Барскому г. Аскоченскимъ, онъ, вслѣдствіе основательнаго изученія топографіи странъ, образа жизни, нравовъ и обычаевъ жителей, преданій и вѣрованій, пріобрѣлъ обширныя познанія географическія, этнографическія и историческія. Кромѣ того, замѣчательны успѣхи, сдѣланные Барскимъ по части языкознанія: на Греческомъ языкѣ онъ могъ уже объясняться свободно, изучилъ и Арабскій языкъ настолько, что могъ исповѣдываться на немъ въ Етлинѣ (въ Сиріи) за два дня предъ Рождествомъ Христовымъ 1728 года [37]). Замѣчательно и тех-

---

[34]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 172.

[35]) Тамъ же, стр. 174 на обор.—Вѣроятно этой нептунической теоріи происхожденія острововъ держался и самъ издатель Путевыхъ Записокъ Барскаго, Рубанъ, такъ-какъ онъ вышеприведенное выраженіе его перефразировалъ такъ: „онъ сице разсуждаше; азъже въ сердцѣ вельми чудился остротѣ его ума!“ Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 127.

[36]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 232.

[37]) Путеш. Барскаго, въ изд. Рубана, стр. 346.

ническое развитіе Барскаго за этотъ періодъ: въ бытность свою въ первый разъ въ Іерусалимѣ онъ началъ учиться живописи, «Богу его просвѣтившу, кромѣ искусства человѣческаго [38])» и достигъ въ своихъ занятіяхъ довольно видныхъ результатовъ. Таковы познанія, пріобрѣтенныя Барскимъ за настоящій періодъ. Переходимъ теперь къ описанію событій, составляющихъ послѣдній, четвертый періодъ въ жизни Барскаго.

4. Періодъ самообразованія.

Наклонность Барскаго къ богомыслію и благочестивой жизни послужила причиною того, что въ этотъ именно періодъ въ немъ созрѣло намѣреніе посвятить себя монашеской жизни; и непригодность имѣвшихся у него познаній въ житейско-практическомъ отношеніи, не смотря на ихъ обиліе и разнообразіе, заставила его изъ всей обширной области знанія выдѣлить одну часть, посвятивши себя спеціальному изученію которой, онъ могъ-бы расчитывать на устройство хорошей жизненной карьеры. Таковою областью знанія, изученію которой Барскій намѣревался посвятить себя, былъ Греческій языкъ. Во время своего путешествія по Востоку онъ имѣлъ возможность практически изучить этотъ языкъ такъ, что свободно говорилъ на немъ. Вотъ это-то знаніе Греческаго языка подало ему счастливую мысль — сдѣлаться преподавателемъ этого языка, по возвращеніи въ отечество, въ родной Кіевской академіи. Но такъ какъ мы знаемъ, что Греческій языкъ, введенный Петромъ Могилою первоначально въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ основанной имъ школѣ, съ теченіемъ времени такъ упалъ, что при Рафаилѣ Заборовскомъ введено было преподаваніе Греческаго языка, какъ совершенно почти новаго предмета, да и самъ Барскій говоритъ, что у современниковъ его не было не только никакихъ познаній по этому предмету, но даже и расположенности изучать его [39]): то ему, по возвращеніи въ отечество, предстояла нелегкая задача—возбудить въ своихъ соотечественникахъ любовь къ Греческому языку, расположить ихъ къ изученію его, сдѣлаться какъ-бы творцемъ новой отрасли знанія. Нерасположенность его соотечественниковъ къ Греческому языку не могла служить препятствіемъ для такой сильной, энергичной натуры, каковъ былъ Барскій: онъ не остановился-бы ни предъ какими трудами, чтобы вдохнуть въ своихъ соотечественниковъ любовь къ Эллинской мудрости. Но онъ сознавалъ также, что тѣхъ по-

---

[38]) Тамъ же, стр. 508.
[39]) Тамъ же, стр. 480.

знаній, какими онъ владѣлъ, было недостаточно для достиженія цѣли, что для этого нужны были еще свѣдѣнія научныя, нужно было изученіе теоріи языка. И мы, дѣйствительно, очень рано, уже въ 1727 году, видимъ его изучающимъ Греческій языкъ въ Каирѣ [40]. Но нельзя не замѣтить и того, что важность и многотрудность предстоявшей ему миссіи была причиною, что это его намѣреніе изучать Греческій языкъ до самаго послѣдняго времени не переходило въ немъ въ твердую рѣшимость, такъ что когда, вслѣдствіе многочисленныхъ лишеній и бѣдствій, вытерпѣнныхъ имъ за послѣднее время, онъ «утрудился и возненавидѣлъ свое пѣшехожденіе» [41]), то, рѣшившись бросить странническій образъ жизни, онъ не рѣшается однакожъ посвятить себя изученію Греческаго языка, но отправляется къ себѣ на родину. Нужно было какое-нибудь внѣшнее, стороннее побужденіе, которое-бы вывело его изъ этого состоянія колеблемости, нерѣшительности и заставило-бы разъ навсегда посвятить себя осуществленію тѣхъ намѣреній, къ которымъ онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ склонность и расположеніе. Такой внѣшній, совершенно случайный, толчокъ рѣшимости данъ былъ въ Триполѣ.

Посѣтивши всѣ св. мѣста въ предѣлахъ Галилеи, Барскій возвращался обратно въ Птолемаиду (Акру), намѣреваясь, какъ мы видѣли, отсюда чрезъ Царьградъ возвратиться въ отечество. Путь свой онъ направилъ чрезъ Триполь. По прибытіи въ этотъ городъ, онъ сошелся съ однимъ учителемъ школы, основанной тогдашнимъ патріархомъ Антіохійскимъ Сильвестромъ,—іеромонахомъ Іаковомъ. Этотъ дидаскалъ, замѣтивъ способности и любознательность Барскаго, предложилъ ему остаться у него въ школѣ и заняться, подъ его руководствомъ, науками. Барскій полюбилъ своего учителя за его мудрость и добродѣтельную жизнь, и началъ съ усердіемъ заниматься изученіемъ Греческаго языка, но пробылъ при немъ въ Триполѣ только десять мѣсяцевъ (съ Августа 1729 г. до Іюня 1730 г.). По истеченіи означеннаго времени онъ принужденъ былъ на нѣсколько времени прекратить свои занятія и отправиться въ Египетъ, частію по какимъ-то дѣламъ своего учителя, а частію и по своимъ собственнымъ, чтобы возблагодарить патріарха Косьму за его прежнія благодѣянія и испросить у него благословеніе на сборъ милостыни [42]). По прибытіи въ Каиръ, Барскій, обласканный патріархомъ, двѣ недѣли, съ разрѣшенія его, прожилъ здѣсь, занимаясь сборомъ милостыни, а отсюда отправился по Нилу въ Александрію

[40]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 249.
[41]) Тамъ же, стр. 340.
[42]) Тамъ же, стр. 356.

«ради видѣнія въ ней вещей ветхихъ» и, пробывши въ ней только одну седмицу, возвратился обратно въ Триполь къ своему учителю. Но не прошло и 8 мѣсяцевъ по возвращеніи, какъ занятія Барскаго опять были прерваны: онъ долженъ былъ отправиться на о. Патмосъ по порученію своего учителя къ дидаскалу тамошней школы іеродіакону Макарію для рѣшенія недоумѣній по поводу одного какого-то вопроса, возбужденнаго въ Антіохіи спорами папистовъ и уніатовъ съ православными [43]); къ этому присоединилось и желаніе самаго Барскаго побывать тамъ ради разсмотрѣнія Патмосскаго «изряднаго монастыря съ мощами преподобнаго отца нашего Хритодула» [44]). По прибытіи въ Патмосъ, Барскій въ продолженіи своего тамъ пребыванія, чтобы не терять понапрасну дорогаго времени, ежедневно посѣщалъ школу о. Макарія, имѣвшаго, по его мнѣнію, огромное просвѣтительное значеніе для острова. Здѣсь Патмосскій дидаскалъ совѣтывалъ Барскому покинуть окончательно свою бродячую жизнь, остаться у него въ школѣ и заняться спеціальнымъ изученіемъ Греческаго языка. Барскій, хотя и не послѣдовалъ этому совѣту тотчасъ-же, однако во все послѣдующее время не забывалъ его и въ концѣ концовъ, какъ мы увидимъ, выполнилъ его съ буквальною точностію [45]). Но теперь, пробывши въ Патмосѣ только 12 дней, Барскій отправился въ Самосъ, а оттуда въ Хіосъ, какъ онъ самъ говоритъ «ради разсмотрѣнія и совершеннаго описанія монастыря Богородицы». Наступившее суровое зимнее время заставило его провести въ Хіосѣ полгода (съ Ноября 1731 г. до Апрѣля 1732 г.). И здѣсь также, какъ и въ Патмосѣ, онъ во все время пребыванія «прилежалъ въ училищѣ грамматическому ученію», поелику нашелъ «искуснаго училища дидаскала и проповѣдника Слова Божія». Съ наступленіемъ весны Барскій отправился вновь на о. Самосъ, желая видѣть прибывшаго туда Антіохійскаго патріарха Сильвестра, благодѣяніями котораго онъ пользовался въ Триполѣ, но котораго не видѣлъ еще дотолѣ лично. Затѣмъ, побывавши еще на островахъ Патмосѣ и Аморгосѣ, Барскій чрезъ Александрію и Дамаскъ отправился обратно въ Триполь къ своему прежнему учителю Іакову и тотчасъ-же, по возвращеніи, опять принялся за изученіе «Еллиногреческаго писанія». Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ занятія его были вновь неожиданно прерваны: въ Триполѣ открылась чума. Всѣ съ ужасомъ смотрѣли на свое близкое будущее; школьныя занятія, по необходимости, были прекращены. Когда всѣ ученики, недоумѣвая, что̀

---

[43]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 395.

[44]) Тамъ же, стр. 363.

[45]) Тамъ же, стр. 480.

дѣлать, хотѣли было уже разойтись, то были выведены изъ затруднительнаго положенія Антіохійскимъ патріархомъ Сильвестромъ: онъ приказалъ Іакову со всѣми своими учениками перейти въ Дамаскъ и продолжать тамъ занятія, вслѣдствіе чего 22 Марта 1733 года, въ Страстной Четвергъ, Барскій уже слушалъ въ Дамаскѣ патріаршую литургію и присутствовалъ на обрядѣ умовенія ногъ. Но и здѣсь школьныя занятія нашего труженика были постоянно прерываемы. Христіанская община въ Дамаскѣ была въ то время возмущена волненіями, произведенными католиками и уніатами; ряды православныхъ все болѣе и болѣе уменьшались; патріархъ Сильвестръ рисковалъ ежечасно быть убитымъ фанатическою чернью или оклеветаннымъ предъ мусульманскимъ правительствомъ; находившаяся подъ его покровительствомъ школа была также въ опасности, такъ что учащіеся были постоянно наготовѣ спасаться бѣгствомъ. И когда, не смотря на рядъ проповѣдей, произнесенныхъ по порученію патріарха учителемъ Барскаго Іаковомъ, община христіанъ въ Дамаскѣ все болѣе и болѣе умалялась, тогда патріархъ поручилъ Іакову съ проповѣдью Слова Божія обойти весь Антіохійскій патріархатъ и предохранить такимъ образомъ православныхъ отъ пропаганды латинянъ. По отшествіи его школа осталась безъ учителя и хотя одному изъ лучшихъ учениковъ поручено было замѣнять отсутствующаго учителя, но такъ-какъ Барскій владѣлъ уже бо́льшими свѣдѣніями, чѣмъ какія были у этого ученика, то онъ и рѣшился уйти изъ Дамаска въ Патмосъ: «поелику, замѣчаетъ онъ, смущенъ быхъ до зѣла, яко погубляхъ всуе время [46])», между тѣмъ какъ при благопріятныхъ условіяхъ онъ намѣревался было прожить въ Дамаскѣ годъ или два [47]). Не смотря на то, что патріархъ полюбилъ его, какъ сына, уважалъ за его трудолюбіе, познанія и опытность, не смотря на покойную жизнь во дворѣ патріарха, такъ-какъ «на всякъ день на единой съ собою трапезѣ его посаждаше», не смотря, наконецъ, на блестящую будущность, которую обѣщалъ ему патріархъ, если онъ останется при немъ навсегда, Барскій рѣшился уйти изъ Дамаска и не измѣнилъ своему намѣренію. Но, чтобы, такъ сказать, увѣковѣчить свои отношенія къ патріарху, Барскій рѣшился принять отъ него постриженіе въ иночество и 27 Декабря 1733 года былъ посвященъ въ иподіакона, а въ первый день новаго 1734 года, въ день своего ангела, Барскій принялъ полный иноческій санъ. Достопамятный день этотъ онъ праздновалъ двумя похвальными словами, сказанными имъ у патріарха на трапезѣ, изъ коихъ одно было посвящено

---

[46]) Тамъ же, стр. 397.

[47]) Русск. Архивъ за 1874 г. № 9; второе письмо Барскаго.

имъ своему ангелу Василію, а другое—патріарху; спустя-же нѣсколько времени, онъ составилъ и третье похвальное слово патріарху и затѣмъ, нарисовавъ видъ патріаршаго дома и Дамаска, вырѣзавъ на двухъ доскахъ изображеніе для печатанія разрѣшительныхъ грамотъ, онъ вручилъ все это патріарху на память своихъ отношеній къ нему и, получивъ отъ него въ замѣнъ разрѣшительныя грамоты и многія другія вещи, Барскій, напутствуемый благословеніемъ и благожеланіями патріарха, отправился путешествовать въ другой разъ по Галилеѣ.

Если мы захотимъ сравнить настоящее путешествіе по Галилеѣ съ прежде бывшимъ, то не можемъ не замѣтить значительной разницы между ними: вмѣсто прежняго преслѣдованія цѣлей, по преимуществу, паломническихъ, теперь выступаетъ на сцену преимущественно интересъ научный; все вниманіе обращено на изученіе древностей, остатковъ древнихъ зданій, разбору древнихъ надписей и т. п. Съ этою именно цѣлью, не смотря на тяжкій пустынный путь и страхъ отъ нападенія кочующихъ Арабовъ, Барскій нарочно отправился въ Харранъ и оставилъ намъ нѣсколько экземпляровъ довольно любопытныхъ надписей, снятыхъ имъ съ остатковъ древнихъ храмовъ и другихъ зданій. Это-же преобладаніе совершенно иныхъ интересовъ побудило Барскаго на такой поступокъ, подобнаго которому мы не видимъ ни у одного изъ предъидущихъ паломниковъ. Именно: по возвращеніи изъ Харрана въ Дамаскъ Барскому захотѣлось осмотрѣть знаменитую Дамасскую мечеть. Но такъ какъ для христіанъ входъ въ нее былъ недоступенъ, мало того, даже соединенъ былъ съ опасностію для жизни: то Барскій, для достиженія своей цѣли, рѣшился выдать себя за дервиша. Въ этомъ намѣреніи его укрѣпляло то обстоятельство, что изъ Харрана въ Дамаскъ онъ возвращался съ караваномъ мусульманскихъ хаджіевъ, бывшихъ въ Меккѣ, подъ видомъ дервиша, и не былъ узнанъ. Цѣль, такимъ образомъ, какъ нельзя лучше была достигнута: въ продолженіи получаса Барскій осматривалъ внутренность мечети и благополучно возвратился назадъ, никѣмъ неузнанный. Послѣ этого онъ отправился во дворъ патріарха и, радостно встрѣченный имъ и другими своими знакомыми, остался здѣсь на нѣсколько времени. Не успѣвши еще отдохнуть отъ труднаго путешествія, Барскій хотѣлъ было уже изъ Дамаска отправляться ближе къ Константинополю «ради совершенія ученія Греческаго»; но намѣренію его помѣшала внезапная болѣзнь, заставившая его прожить въ Дамаскѣ довольно долгое время. Однако настойчивость Барскаго въ достиженіи своихъ цѣлей была такъ сильна, что онъ, не успѣвши еще совершенно оправиться отъ болѣзни, отправился въ Триполь, намѣреваясь оттуда ѣхать въ Патмосъ, гдѣ хотѣлъ провести зиму «ради поученія Греческаго»; но, проживши въ

Триполѣ, по причинѣ усиленія болѣзни, болѣе мѣсяца и не нашедши нужнаго ему корабля, онъ отправился на о. Кипръ, въ надеждѣ найти тамъ корабль для своего отправленія въ Патмосъ.

По прибытіи въ Кипръ, одно, совершенно неожиданное, обстоятельство задержало на нѣсколько времени осуществленіе завѣтныхъ стремленій Барскаго. Въ бытность свою на этомъ островѣ, онъ, прослышавъ о мудрости и добродѣтельной жизни архіепископа Кипрскаго Филоѳея, захотѣлъ лично видѣть его и съ этою цѣлію отправился въ главный городъ Левкосію—мѣсто пребыванія архіепископа. Архіепископъ принялъ Барскаго хорошо и, увидѣвъ, между прочимъ, что онъ знаетъ Латинскій языкъ, предложилъ ему остаться на зиму въ Кипрѣ и преподавать Латинскій языкъ въ устроенной имъ школѣ. Барскій, еще не оправившійся въ то время отъ своей болѣзни, опасаясь дальнѣйшимъ путешествіемъ въ Патмосъ еще болѣе повредить себѣ, принялъ предложеніе архіепископа. Такимъ образомъ, цѣлую зиму (съ Октября 1734 г. и до Апрѣля 1735 г.) Барскій былъ учителемъ въ Кипрѣ. Но и эти занятія его были неожиданно прерваны. Десятаго Апрѣля, въ Четвергъ свѣтлой недѣли, сдѣлалось въ Кипрѣ землетрясеніе, продолжавшееся хотя и не болѣе пяти минутъ, однако надѣлавшее чрезвычайно много вреда, такъ какъ многія зданія были разрушены и множество народа погребено подъ ихъ развалинами. Къ этому бѣдствію вскорѣ присоединилось и другое: на Кипрѣ открылась чума. Архіепископъ, въ вѣдѣніи котораго находилось училище Барскаго, оставилъ свой каѳедральный городъ и поселился въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей; равнымъ образомъ и другіе епископы и вообще кто могъ, убѣгали изъ населенныхъ мѣстностей въ мѣста горныя и малонаселенныя, гдѣ воздухъ, сравнительно, былъ чистъ и не зараженъ. Эти обстоятельства имѣли вліяніе и на занятія Барскаго по школѣ: занятія эти, по необходимости, онъ долженъ былъ прекратить; но такъ какъ оставаться въ Фамагустѣ, гдѣ находилась школа, было опасно, по причинѣ свирѣпствовавшей заразы, а отправляться на какіе-нибудь другіе острова значило подвергать себя той же опасности (зараза распространилась по всѣмъ окрестностямъ), то Барскій, облекшись въ худыя одежды, отправился путешествовать по пустыннымъ Кипрскимъ монастырямъ и, благодаря этому, зараза прошла для него безъ вредныхъ послѣдствій. Осмотрѣвши въ теченіи полугода (съ конца Апрѣля и до Ноября) почти всѣ Кипрскіе монастыри, Барскій возвратился въ Левкосію, во дворъ архіепископскій, съ цѣлію отсюда отправиться въ Патмосъ; но внезапная болѣзнь, постигшая его и затѣмъ, приближавшееся время платы харача, который Турки ежегодно взимаютъ со всѣхъ иновѣрцевъ и для этой цѣли удерживаютъ всѣхъ временно проживаю-

щихъ на мѣстахъ ихъ жительства, наконецъ, прибытіе въ Кипръ его благодѣтеля, Антіохійскаго патріарха Сильвестра, бѣжавшаго отъ озлобленія католиковъ,—всѣ эти обстоятельства заставили Барскаго отдалить исполненіе своего намѣренія и перезимовать въ Кипрѣ. Наконецъ, уже послѣ двухлѣтняго почти пребыванія своего на этомъ островѣ, Барскій, 14 Августа 1736 года отправился въ Патмосъ. Одною изъ главныхъ причинъ, побудившею его ускорить отправленіемъ на островъ Патмосъ, была война Россіи съ Турціей. Такъ какъ молва о знаменитомъ Русскомъ пѣшеходѣ, измѣрившемъ изъ конца въ конецъ всѣ Турецкія владѣнія и съ точностію описавшемъ ихъ, разнеслась, по словамъ самаго Барскаго, очень далеко [48]): то очень возможно, что Турецкія власти стали съ подозрѣніемъ посматривать на него и при удобномъ случаѣ не задумались бы схватить его, какъ Русскаго шпіона и путешественника съ политическою цѣлью. Вотъ это-то опасеніе и побудило Барскаго удалиться поскорѣе изъ Кипра (гдѣ въ продолженіи почти двухлѣтняго пребыванія онъ пріобрѣлъ большую извѣстность и гдѣ само Турецкое правительство двукратно брало съ него харачъ именно какъ съ Русскаго монаха В. Григоровича [49]) и удалиться, съ принятіемъ различныхъ предосторожностей, въ Патмосъ: тамъ во время Барскаго жили одни Греки и не было ни одного Турка и, слѣдовательно, онъ могъ совершенно спокойно прожить военное время, занимаясь въ уединеніи и неизвѣстности изученіемъ Греческаго языка у дидаскала Макарія, когда-то его приглашавшаго [50]). Такими-то со-

---

[48]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 480.

[49]) Тамъ же стр. 465.

[50]) Въ это же время, по всей вѣроятности, назвалъ себя Барскій и пресловутымъ *Плакою*, такъ какъ ранѣе этого мы не встрѣчаемъ его съ подобной фамиліей. Мы вполнѣ согласны съ издателемъ „Актовъ Русск. на Св. Аѳонѣ монастыря Пантелеймона", что это прозваніе вынесено Барскимъ съ Аѳона (Акты монастыря Пантелеймона, стр. 116), но только мы производимъ его не отъ *плаксъ*, доска (съ каковымъ словопроизводствомъ фамилія можетъ быть вполнѣ приложима къ лицу, на которое указываетъ издатель актовъ), а отъ *плаксо — отвожу съ прямаго пути*, *заставляю блуждать*, въ средн. *блуждаю, странствую.* И Барскій, называя себя этимъ именемъ, имѣлъ, по нашему мнѣнію, въ виду достиженіе двоякой цѣли: а) чтобы въ самомъ словѣ выразить понятіе о своемъ образѣ жизни и такимъ образомъ сообщить новопринятой фамиліи какой нибудь смыслъ и значеніе, и б) самое главное, чтобы подъ Греческой фамиліей скрыть свое Русское происхожденіе, что съ его стороны также было совершенно необходимо. Мы знаемъ, что другому, почти современному съ Барскимъ, паломнику, застигнутому на Востокѣ войною 1711 года, совѣтывали назваться Болгариномъ или Сербомъ, но отнюдь не Русскимъ и что, какъ только узнали про него Турки, что онъ Русскій, то тотчасъ же бросили его въ тюрьму (Чт. въ общ. ист. и древн. 1873 г. кн. 3. ст. арх. Леонида, стр. 74—76). Въ это же время, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ Русскомъ происхожденіи, по всей вѣроятности, назывался Барскій и *Албовымъ*; но о значеніи этой фамиліи мы не можетъ сказать ничего.

ображеніями руководствовался Барскій, когда отправлялся изъ Кипра въ Патмосъ. Много бѣдствій и лишеній пришлось вынести многострадальному Плакѣ на этомъ пути: ему угрожала постоянная опасность отъ нападенія морскихъ разбойниковъ, неоднократно встрѣчалъ онъ затрудненія въ недостаткѣ судовъ для отплытія изъ одной мѣстности въ другую; вытерпѣлъ онъ, наконецъ, 18 Октября ужасную бурю, находясь въ маленькомъ челнокѣ, среди разъяренной стихіи,—и все это вынесъ онъ, одушевленный своими честными стремленіями, съ надеждою на Бога въ сердцѣ, съ постоянною молитвою на устахъ о Его милосердіи. «Мы же много рыдахомъ, говоритъ Барскій, моляще Бога, да утвердитъ котвицу, да не сокрушится ладія, бяше-бо мала, и съ слезами и молитвами призывахомъ Бога, Богородицу и всѣхъ святыхъ...; Богъ же милости, щедротъ и человѣколюбія, по праведномъ и всемудромъ Его наказаніи, яко человѣколюбивый Отецъ, умилосердися и помилова насъ». И только чрезъ четыре мѣсяца такого путешествія Барскій достигъ, наконецъ, желаннаго пристанища—Патмоса.

Много препятствій къ осуществленію своихъ намѣреній встрѣтилъ Барскій на Патмосѣ; многіе бѣдствія, труды и лишенія ожидали его, которые почти на каждомъ шагу затрудняли или отдаляли достиженіе желанной цѣли, и только его желѣзная воля и непреодолимая настойчивость могли стойко выдержать и не преклониться предъ всѣмъ этимъ. Дидаскалъ Макарій, на котораго Барскій возлагалъ свои надежды, ко времени его прибытія находился на смертномъ одрѣ и вскорѣ скончался, успѣвши только благословить Барскаго на его труды. При преемникѣ Макарія, іеромонахѣ Герасимѣ, преподаваніе въ школѣ велось только въ продолженіи полугода, а затѣмъ болѣе чѣмъ въ продолженіи года школа оставалась безъ учителя; новый наставникъ, страдавшій неизлѣчимою болѣзнію, былъ въ теченіи этого времени для излѣченія въ Смирнѣ, а потомъ въ Критѣ, гдѣ и скончался. При другомъ наставникѣ, іеромонахѣ Василіѣ, школьныя занятія пошли было довольно успѣшно, но были прерваны вскорѣ новымъ, тягчайшимъ бѣдствіемъ: на островѣ появилась чума; тутъ ужъ было не до занятій, не до общихъ собраній, когда каждый старался избѣгать сообщенія съ людьми изъ боязни заразы. Къ тому же и внѣшняя обстановка жизни Барскаго должна была служить немалымъ препятствіемъ къ его трудовымъ занятіямъ. Жилъ онъ на горѣ, за версту отъ школы; помѣщеніе его было тѣсно, вросло отъ ветхости до половины въ землю, не имѣло вовсе оконъ, такъ что совсѣмъ почти лишено было притока свѣжаго воздуха и свѣта, да при томъ же и находилось въ части города, полной нечистотъ и міазмъ. Содержаніе онъ получалъ отъ монастыря самое скудное: пять маленькихъ черныхъ хлѣбцевъ въ недѣлю—и только. Думалъ

было Барскій своимъ трудомъ заработать себѣ пропитаніе и для этой цѣли во время своего пребыванія на Патмосѣ всегда обучалъ двухъ или трехъ мальчиковъ; недобросовѣстные родители не только не вознаграждали его труда, но осыпали укоризнами и лишь за обученіе двухъ мальчиковъ-братьевъ изъ десяти былъ онъ возблагодаренъ «и словомъ, и дѣломъ».

Вотъ общій взглядъ самаго Барскаго на свою жизнь на Патмосѣ. «И многія пакости, говоритъ онъ, и препятствія случахуся къ оставленію науки отъ злобныхъ и лукавыхъ человѣкъ, наипаче же отъ злокозненнаго и ненавистнаго діавола; не довольно бо бысть смущеніе мнѣ, крайняя нищета и убожество, еже подъяхъ чрезъ толикія лѣта, но къ тому ненависти, вражды, озлобленія и неправда злыхъ человѣкъ озлобляху мя. Но, несмотря на такія препятствія къ занятіямъ, Барскій, при помощи Божіей, все вытерпѣлъ и не тратилъ понапрасну дорогаго времени. Такъ, во время прекращенія школьныхъ занятій, по случаю болѣзни дидаскала Герасима, Барскій занимался составленіемъ научныхъ пособій, необходимыхъ для его будущей учительской дѣятельности. «Преписовахъ себѣ тетради, говоритъ онъ, на будущее употребленіе». Въ продолженіе шестимѣсячнаго перерыва занятій по случаю чумы, въ то время, когда грозный образъ смерти дѣлалъ у другихъ невозможною всякую мысль о дѣятельности, онъ съ истинно-христіанскою твердостію трудился надъ составленіемъ Латинской грамматики для Грековъ и сочинилъ «едину грамматику Латино-греческую съ расположеніемъ необычнымъ и съ удобопонятнымъ сокращеніемъ... изъ нея же можетъ всякъ Грекъ книженъ, аще и не совершенъ грамматикъ, изучитися совершенно грамматики Латинской; въ ней-бо Латинскаго художества поученіе Еллинское, примѣры же Латинскіе обрѣтаются». Вообще же, въ теченіе своего шестилѣтняго пребыванія на о. Патмосѣ (съ 1737 по 1743 г.), онъ, хотя вслѣдствіе различныхъ препятствій могъ только два съ половиною года заниматься въ школѣ, однако изучилъ въ совершенствѣ грамматику (теорію) Греческаго языка, логику и половину физики; риторику же, по слабости памяти не изучалъ. Таковы познанія, пріобрѣтенныя Барскимъ во время пребыванія на о. Патмосѣ.

Въ то время, какъ Барскій могъ уже предвидѣть предѣлъ пребыванія своего на о. Патмосѣ и долженъ былъ подумывать объ устройствѣ своей карьеры по возвращеніи на родину, до него неожиданно достигла вѣсть, которая сколько обрадовала его, столько же, если не болѣе, и обезпокоила, именно: онъ узналъ что въ Кіевѣ, по повелѣнію императрицы, открыто Греческое училище и что преподаетъ въ немъ Греческій языкъ какая-то знаменитость. Первая половина этого извѣ-

стія должна была обрадовать его, такъ какъ труды и заботы, которые неизбѣжно ожидали его, какъ личность, которой должно было принадлежать первое выполненіе иниціативы новаго предпріятія, значительно облегчались открытіемъ въ Кіевѣ Греческаго училища. Но за то вторая половина этой вѣсти неизбѣжно должна была породить въ немъ вопросъ: не лишнимъ ли человѣкомъ онъ будетъ въ Кіевѣ, когда учителемъ въ школѣ состоитъ какая-то знаменитая личность? И вотъ эта-то вѣсть побудила Барскаго въ письмѣ отъ 31 Августа 1740 года просить своего брата, чтобы онъ узналъ: истина ли это или нѣтъ, какъ имя и проименованіе учителя, какого онъ происхожденія, какой имѣетъ санъ, гдѣ учился, какъ силенъ въ наукахъ, грамматическое ли только или и философское преподаетъ ученіе и гдѣ открыто училище [51]). Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 21 Апр. 1741 г.) Барскій, узнавшій уже имя учителя, славнаго Симона Тодорскаго, проситъ брата разузнать, какъ можно подробнѣе, о лицѣ учителя: «въ какихъ лѣтѣхъ возраста своего обрѣтается, въ какихъ странахъ изучился оныхъ различныхъ языковъ, или прежде своею волею отыде въ чужди страны къ поученію, или повелѣніемъ царскимъ, како и откуду пріиде въ Кіевъ, въ кое время начатъ учити, колико иматъ учениковъ, какова ему честь и мзда обрѣтается, въ коемъ монастырѣ пострижеся [52]). При этомъ Барскій просилъ брата лично передать, посылаемое при семъ, письмо Симону Тодорскому, написанное по гречески и просить отъ него отвѣта также по гречески: «нужда бо мнѣ нѣкая въ семъ заключается, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, въ художествѣ его сирѣчь познать силу» [53]). И подобную просьбу Барскій настоятельно повторяетъ въ трехъ письмахъ. Но, кромѣ этого побужденія «въ художествѣ его сирѣчь познать силу», были вѣроятно и другія, болѣе серьезныя побужденія, заставлявшія Барскаго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидать отвѣта отъ Тодорскаго. Мы не имѣемъ подъ руками письма Барскаго къ Тодорскому, такъ какъ въ числѣ писемъ, адресованныхъ къ преосвященному различными лицами и находящихся въ библіотекѣ Псковской семинаріи, посланія нашего пѣшехода не оказалось [54]). Но мы можемъ составить вѣрное понятіе о содержаніи этого письма на основаніи тѣхъ данныхъ, какія заключаются въ письмахъ Барскаго къ брату. Такъ, основываясь на томъ важномъ значеніи, какое приписываетъ Барскій своему

[51]) Русск. Архивъ, 1874 г. № 9, четвертое письмо Барскаго.

[52]) Тамъ же, письмо пятое.

[53]) Тамъ же, письмо шестое.

[54]) Духовная Бесѣда за 1872 г. №№ 22—28 „Матеріалы къ біографіи преосвящен. Симона Тодорскаго, архіепископа Псковскаго“.

письму къ Симону Тодорскому, какъ главной причинѣ перемѣны своего положенія, что если С. Тодорскій пришлетъ ему отвѣтъ, то онъ будетъ имѣть бо̀льшее значеніе, чѣмъ мольбы родныхъ о его возвращеніи, что онъ будетъ подобно магниту привлекать его въ отечество, и что если онъ не получитъ желаемаго отвѣта, то отъ Патма не двигнется, надо думать, что Барскій, по всей вѣроятности, просилъ отъ Тодорскаго извѣстія: не могутъ-ли найтись для него занятія въ новоустроенной Греческой школѣ и если найдутся, то, можетъ быть, просилъ его содѣйствія для достиженія означенной цѣли. Это предположеніе наше получаетъ характеръ несомнѣнной истины, вслѣдствіе того обстоятельства, что Барскій, получивъ желаемое письмо отъ С. Тодорскаго, и изъявляя въ письмѣ своемъ къ брату (отъ 17 Мая 1742 г.) намѣреніе возвратиться въ отечество, замѣчаетъ при этомъ, что къ исполненію своего намѣренія онъ понуждается «благоувѣтливыми словесы о. Симона [55])». Нужно полагать, что Тодорскій предлагалъ Барскому сдѣлаться его преемникомъ по учительству въ академіи, такъ какъ самъ онъ въ это время былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для преподаванія Закона Божія наслѣднику престола Петру Өедоровичу, и каѳедра Греческаго языка сдѣлалась въ это время свободною [56]).

Когда Барскій, по полученіи письма отъ Симона Тодорскаго, началъ дѣлать приготовленія къ возращенію своему въ отечество, это возвращеніе его было ускорено неожиданнымъ для него образомъ. Императрица, узнавшая о существованіи Барскаго на о. Патмосѣ, по всей вѣроятности, отъ Симона Тодорскаго, бывшаго тогда наставникомъ наслѣдника престола, сдѣлала предписаніе резиденту при Оттоманской Портѣ, Вешнякову, вызвать немедленно Барскаго въ Константинополь, и Вешняковъ извѣстилъ его о монаршей волѣ особымъ письмомъ, полученнымъ Барскимъ въ Маѣ 1743 года. Но, какъ ни лестно было для Барскаго вниманіе къ нему державныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, однако это неожиданное предложеніе ошеломило его: онъ еще не былъ готовъ къ отъѣзду и въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, посланномъ Вешнякову, извинившись, что не можетъ немедленно послѣдовать его приглашенію, просилъ отсрочки до Сентября, доколѣ не окончитъ «нѣкія школьныя дѣла на пользу себѣ и отечеству». Ревностно принялся онъ, по отосланіи этого письма, за окончаніе дѣлъ своихъ: «день и нощь, говоритъ онъ, чтяхъ, писахъ и окончевахъ начатыя въ ученіи дѣла и въ писаніи, иныя-же убо совершихъ, иныя-же ни». Наконецъ,

---

[55]) Р. Арх. 1874, № 9, письмо Барскаго седьмое.
[56]) Аскоченскій, Кіевъ, ч. 2, стр. 144.

въ день памяти Патмосскаго Богослова, 26 Сентября 1744 года, возблагодаривъ всѣхъ и простившись со всѣми начальными и меньшими иноками, посѣтивъ именитыхъ Патмосскихъ гражданъ и всѣхъ пріятелей, простившись также съ учителемъ и всѣми учениками, онъ отправился на родину [57]).

Съ этого времени Барскій начинаетъ уже пожинать плоды долголѣтнихъ трудовъ своихъ. Находясь подъ покровительствомъ державныхъ лицъ, онъ теперь вездѣ встрѣчаетъ почетъ, уваженіе и лучшую обстановку для жизни, чѣмъ прежде. Онъ теперь вездѣ свободно удовлетворяетъ своей любознательности и дозволяетъ себѣ такія отношенія къ окружающей средѣ, какія были до сихъ поръ для него немыслимы. Такъ, когда въ Хіосѣ предстала предъ нимъ депутація изъ иноковъ главнаго тамошняго монастыря—Агіамони съ просьбою осчастливить ихъ своимъ посѣщеніемъ, то Барскій съ ироническою улыбкою («осклабився») замѣтилъ имъ, что онъ уже дважды былъ у нихъ, но только при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, когда они приняли его за нищаго, просившаго хлѣба. Обличивъ, такимъ образомъ, ихъ ласкательство, Барскій, уступая ихъ усиленнымъ просьбамъ, а главное—не желая показать въ себѣ образъ гордости и высокомѣрія и имѣя въ виду перевести имъ съ Русскаго языка на Греческій дарственную грамоту царя Алексѣя Михайловича, посѣтилъ монастырь. Во время своего пребыванія въ монастырѣ онъ дозволилъ себѣ сдѣлать выговоръ монахамъ за ихъ небрежность въ отношеніи къ библіотекѣ, книги которой были подмочены водою и валялись безъ порядка на полу. Въ это же время поступила къ Барскому петиція Русскихъ плѣнниковъ, умолявшихъ его принять на себя ходатайство предъ правительствомъ объ ихъ освобожденіи, и онъ охотно обѣщался сдѣлать для нихъ все, что только будетъ возможно. Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Хіосѣ, Барскій отправился въ Константинополь, куда и прибылъ 20 Декабря. Здѣсь Барскій, обласканный резидентомъ, получилъ позволеніе пользоваться его столомъ и квартирою, вмѣстѣ съ домовымъ священникомъ, и получилъ, кромѣ того, значительную сумму денегъ, изъ коихъ часть отослалъ въ Патмосъ въ благодарность за оказанныя ему тамъ благодѣянія, другую часть употребилъ на покупку платья и книгъ и небольшую часть оставилъ себѣ для дальнѣйшаго употребленія. Хороша и покойна была жизнь нашего Плаки въ Константинополѣ: съ 20 Декабря и до Іюля онъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, былъ окончательно предоставленъ самому себѣ; многократно бесѣдовалъ онъ съ

57) Пут. Б. изд. Рубана, стр. 488.

резидентомъ, разсказывая ему какіе нибудь случаи изъ своего удивительнаго путешествія, изрѣдка переводилъ ему что̀ нибудь съ Греческаго языка на Русскій; имѣлъ разъ случай быть очевидцемъ торжественной аудіенціи, даваемой визиремъ резиденту. Любилъ онъ бродить по Константинополю, сначала въ сопровожденіи янычара, а потомъ и одинъ, и осматривать его достопримѣчательности; по большей же части онъ проводилъ время въ отправленіи богослуженія, въ домовой церкви резидента, «поюще и поучающися насединѣ со всякимъ упокоеніемъ кромѣ дѣлъ». Намѣревался было Барскій этимъ же лѣтомъ возвратиться на родину [58]), но по волѣ резидента долженъ былъ еще перезимовать въ Константинополѣ [59]). Сначала Барскій долго не зналъ, зачѣмъ его удерживаетъ при себѣ Вешняковъ; когда же онъ узналъ, что резидентъ намѣренъ сдѣлать его своимъ домовымъ священникомъ, а бывшаго доселѣ уволить отъ должности, то былъ до чрезвычайности этимъ опечаленъ, какъ потому, что не чувствовалъ въ себѣ, главнымъ образомъ, призванія къ такому служенію, не имѣвшему такого умственно-дѣятельнаго характера, какой имѣетъ педагогическая дѣятельность, такъ и потому, что ему, съ одной стороны, сильно хотѣлось побывать на своей родинѣ, а съ другой—посѣтить нѣкоторыя еще непосѣщенныя страны [60]). Поэтому-то Барскій, вскорѣ по полученіи извѣстія о намѣреніяхъ резидента, началъ просить Вешнякова, чтобы онъ дозволилъ ему посѣтить Аѳонъ, такъ какъ въ первое свое посѣщеніе онъ почти не ознакомился съ нимъ, частію по незнанію Греческаго языка, а частію по незначительности своего положенія, не могшаго расположить иноковъ къ полной откровенности и вниманію къ нему. Вешняковъ съ удовольствіемъ исполнилъ просьбу Барскаго, снабдивъ его для свободнаго проѣзда Турецкимъ фирманомъ и паспортомъ на Русскомъ и Итальянскомъ языкахъ. Всѣ свои книги и тетради Барскій оставилъ, по совѣту резидента, въ его дворцѣ и 7 Мая 1744 года препринялъ второе путешествіе на Аѳонъ.

Черезъ пять дней Барскій уже достигъ желанной цѣли и поклонялся святынямъ Аѳонскаго Ватопедскаго монастыря. Знаніе Барскимъ Греческаго языка, его начитанность, вслѣдствіе которой онъ «сладокъ мнихся быти въ привѣтствіяхъ и разглагольствіяхъ», уваженіе, оказываемое Греками Русскимъ, отъ которыхъ они чаяли облегченія своей тяжкой доли, а главное—султанскій фирманъ и грамота резидента по

---

[58]) Русск. Архивъ, 1874 г. № 9, письмо Барскаго осьмое.
[59]) Русск. Арх. 1874 г. № 9, письмо девятое.
[60]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 507.

неволѣ располагали монаховъ въ пользу Барскаго. И въ самомъ дѣлѣ, жизнь его на Аѳонѣ была отличная: онъ находилъ себѣ почти вездѣ почетный пріемъ и гостепріимство; передъ нимъ открыты были всѣ тайники монастырей, недоступные для наблюденія другихъ путешественниковъ, какъ-то библіотеки и скевофилакіи или хранилища монастырскихъ святынь, древностей и драгоцѣнностей. И въ этотъ полугодовой періодъ пребыванія своего на Аѳонѣ Барскій перечиталъ, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большую часть древнихъ книгъ и рукописей, находящихся въ библіотекахъ, такъ что въ состояніи былъ критически относиться къ различнымъ устнымъ и письменнымъ сказаніямъ и свои мнѣнія обосновывать на свидѣтельствахъ древнихъ классиковъ и Византійскихъ историковъ. Одно неожиданное обстоятельство заставило его поспѣшить отбытіемъ, именно: во время перехода отъ монастыря Діонисіата къ монастырю св. Павла онъ потерялъ большую часть денегъ, данныхъ ему Вешняковымъ, а такъ какъ изъ Аѳона онъ намѣревался предпринять еще путешествіе въ Грецію, то, чтобы не остаться окончательно безъ средствъ для дальнѣйшаго путешествія, онъ въ концѣ Декабря 1744 года вышелъ изъ Аѳона.

Здѣсь оканчиваетъ Барскій описаніе своего путешествія. Поэтому, вслѣдствіе довольно скудныхъ свѣдѣній, можно составить только общій очеркъ остальныхъ трехъ лѣтъ его жизни. Такъ, изъ собственнаго замѣчанія Барскаго [61]), а также изъ перечня рисунковъ, приложеннаго къ концу книги издателемъ [62]), видно, что онъ въ 1745 году путешествовалъ по Греціи, Эпиру, Криту и Ливадіи; затѣмъ, въ половинѣ 1746 года онъ прибылъ въ Царьградъ, но, не заставъ въ живыхъ своего благодѣтеля, резидента Вешнякова, много вытерпѣлъ зла отъ его преемника Неплюева. Самъ Барскій объ этомъ дѣлаетъ только общій намекъ, но издатель его Путевыхъ Записокъ, Рубанъ, передаетъ этотъ фактъ нѣсколько подробнѣе: онъ говоритъ, что Барскій предъ Неплюевымъ былъ оклеветанъ какими-то недоброжелателями; а такъ какъ его оправданіе показалось почему-то резиденту дерзкимъ, то онъ приказалъ отдать Барскаго подъ арестъ и затѣмъ подъ крѣпкою стражею на первомъ отходящемъ караблѣ отправить чрезъ Черное море въ Россію; но что Барскій какимъ-то способомъ нашелъ возможность освободиться и честнымъ образомъ возвратиться на родину, куда онъ и отправился изъ Константинополя сухимъ путемъ чрезъ Румелію и Болгарію [63]). Затѣмъ, изъ одного письма Барскаго мы узнаёмъ, что

61) Тамъ же стр. 752.

62) Тамъ же стр. 772—773.

63) Предисловіе Рубана къ путеш. Барск., стр. XI.

въ Октябрѣ 1746 года онъ былъ въ Бухарестѣ и намѣревался провести здѣсь зиму для окончанія своихъ дѣлъ. Въ бытность же свою въ Бухарестѣ онъ получилъ письмо отъ префекта Кіевской Академіи Варлаама Лящевскаго, которымъ онъ, по благословенію преосвященныхъ: Псковскаго—Симона Тодорскаго и Кіевскаго—Рафаила Заборовскаго приглашалъ его ускорить возвращеніемъ въ Кіевъ для занятія въ академіи каѳедры по Греческому языку [64]). Барскій, проведшій, вѣроятно, какъ онъ предполагалъ, зиму въ Бухарестѣ, съ наступленіемъ весны 1747 года отправился чрезъ Молдавію и Польшу въ отечество и прибылъ въ Кіевъ 2 Сентября 1747 года. Когда Барскій переступилъ порогъ родительскаго дома, то его старушка-мать въ теченіи цѣлаго часа времени не могла узнать въ смугломъ монахѣ того двадцатилѣтняго юноши-сына, котораго она когда-то, цѣлыхъ 24 года назадъ, благословила въ путь-дорогу, на короткое время, въ недалекую сторону—только до Львова. Но недолго привелъ ей Богъ порадоваться на своего возмужалаго, разумнаго сына: долговременное, трудное странствованіе надломило его крѣпкія силы; воротился онъ на родину измученный, обезсиленный, съ опухшими ногами и, проживши только 35 дней въ родительскомъ домѣ, скончался 7 Октября 1747 года. Смерть Барскаго поразила всѣхъ знавшихъ его: судьба сулила ему счастливую будущность, такъ какъ ученые монахи, подобные Барскому (Тодорскій, Яворскій, Прокоповичъ и многіе другіе) занимали въ то время самое видное положеніе въ средѣ своей братіи; всѣ ожидали отъ этого замѣчательнаго путешественника, трудившагося столько лѣтъ для пользы отечества, широкой, многоплодной дѣятельности, и вдругъ всѣ эти надежды и ожиданія оказались напрасными! Потому-то смерть его была многими искренно оплакана. Самый фактъ погребенія служилъ нагляднымъ выраженіемъ того общаго уваженія и сочувствія, которымъ пользовался покойный: перенесеніе тѣла его изъ дома въ церковь, при колокольномъ во всѣхъ церквахъ звонѣ, было сопровождаемо всѣми студентами академіи, которые составляли процессію въ нарочно устроенномъ для этой цѣли порядкѣ; отпѣваніе тѣла, по случаю болѣзни митрополита Кіевскаго Рафаила Заборовскаго, совершено было митрополитомъ Ѳиваидскимъ Макаріемъ, причемъ 8 лучшихъ студентовъ изъ всѣхъ классовъ академіи говорили ему надгробныя рѣчи, какъ бывшему воспитаннику академіи; во гробъ съ нимъ была положена разрѣшительная грамота, принесенная имъ изъ Іерусалима, съ собственноручною подписью тамошняго патріарха; предано тѣло землѣ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, близъ воспитавшей его академіи.

---

[64]) Русск. Архивъ 1874 г. № 9; письмо Барскаго десятое.

И доселѣ могилу замѣчательнаго путешественника обозначаютъ каменный памятникъ, отъ времени почти вросшій въ землю и прямо противъ него чугунная доска, вдѣланная въ стѣну сѣвернаго придѣла алтаря Братской Богоявленской церкви, съ слѣдующей эпитафіей, составленной Рубаномъ:

Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень,
И лучъ премудрости снисшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему.
Онъ, вдохновеніямъ божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что̀ ни зрѣлъ:
За свято имутъ что̀ и Римляне, и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и гра̀довъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое Отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ окончивъ жизнь трудахъ
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А духъ его прешелъ въ селенія небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

И часто останавливается въ глубокомъ раздумьи, по прочтеніи этой эпитафіи, благочестивый странникъ близъ достопамятной могилы; нерѣдко какой-нибудь богомолецъ-начетчикъ ведетъ здѣсь назидательную бесѣду съ своими собратьями, разсказывая имъ объ изумительныхъ трудахъ и страданіяхъ покойнаго, и многими возсылается благочестивая молитва къ небу о упокоеніи раба Божія Василія....

Этимъ мы и заканчиваемъ первый отдѣлъ нашего сочиненія. Но въ заключеніе считаемъ не лишнимъ бросить общій взглядъ на личность нашего замѣчательнаго паломника.

Самая наружность Барскаго обличала въ немъ личность недюжинную. Это былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, имѣвшій на головѣ и бородѣ черные, безъ всякой сѣдины, волосы, смуглое лице, высокія, бо̀льшія, черныя и почти вмѣстѣ сошедшіяся брови, острые, свѣтлокаріе глаза и короткій носъ. Все это говорило о немъ, какъ о человѣкѣ основательномъ, съ сильною, непреклонною волею и здравымъ, яснымъ разсудкомъ. И дѣйствительно, весь его характеръ, весь складъ убѣжденій свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ людей своего времени; мы убѣдимся въ этомъ,

если очертимъ личность Барскаго съ религіозной, нравственной и отчасти умственной стороны.

О Барскомъ прежде всего можно сказать, что это былъ человѣкъ въ высшей степени религіозный: онъ носилъ Бога постоянно въ сердцѣ своемъ, имѣлъ Его предъ очами своими, въ его устахъ была непрестанная къ Нему молитва. Молитвы утреннія и вечернія онъ не иначе называетъ, какъ обычными [1]); вкушалъ-ли онъ пищу, достигалъ-ли желанной цѣли,—благодарилъ Бога [2]), случались-ли съ нимъ какія-нибудь несчастія,—взывалъ къ Богу о помощи [3]). Если ему приходилось достигать какого-нибудь св. мѣста, онъ испытывалъ чувство самой искренней, живѣйшей радости [4]). При соприкосновеніи съ какою-нибудь святынею, благоговѣйное представленіе величія Божія, которое обнаруживается въ ней, всегда возбуждало въ Барскомъ чувство смиренія и сознаніе своей недостойности [5]). Этимъ-то сильнымъ религіознымъ чувствомъ можно объяснить и то явленіе, что Барскій во всемъ видѣлъ дѣйствіе Промысла Божія: всѣ общественныя бѣдствія посылаются Богомъ за грѣхи христіанъ [6]). Теченіе своей собственной жизни онъ также приписывалъ исключительно водительству Промысла Божія [7]), и эта вѣра въ Промыслъ Божій доходила въ немъ иногда до всецѣлой преданности волѣ Божіей, до полнѣйшаго квіэтизма, такъ что, по его мнѣнію, и самому злу необходимо покоряться, поелику оно попускается Богомъ [8]). Отсюда и своеобразная вѣра Барскаго въ бытіе злыхъ духовъ, своеобразная потому, что онъ считалъ себя огражденнымъ отъ ихъ нападеній, такъ-какъ они, по его мнѣнію, осаждаютъ только людей добродѣтельныхъ, къ каковой категоріи онъ, по смиренію, не причислялъ себя [9]), хотя иногда и горько жалуется на пакости, творимыя ему врагомъ человѣчества [10]).

Но такая религіозность Барскаго сформировалась исключительно въ духѣ православія. Всею душею своею онъ былъ преданъ православной вѣрѣ отцовъ своихъ; онъ былъ убѣжденъ, что только право-

---

[1]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 27, 29, 91, 96, 115, 121, 122, 542.

[2]) Рукопись К. М. монаст., кн. 1, стр. 273.

[3]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 136, 180, 341.

[4]) Тамъ же, стр. 134, 186.

[5]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 411; рукоп. К. М. монаст., кн. 1, стр. 286 на оборотѣ.

[6]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 125, 174.

[7]) Тамъ же, стр. 133, 239, 426; рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, книга 2, стр. 47 на оборотѣ.

[8]) Тамъ же, кн. 1., стр. 260—265.

[9]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 542.

[10]) Тамъ же, стр. 484.

славіе во всей чистотѣ содержитъ ученіе, преподанное Основателемъ христіанства, что, поэтому, оно должно существовать до скончанія вѣка, не смотря ни на какія козни враговъ своихъ. «Православіе, какъ онъ выражается, стоитъ непоколебимо, аки гора, красится красотою, аки невѣста, сіяетъ во всемъ мірѣ, аки солнце, свѣтя на благія и злыя, пребываетъ твердо, аки адамантъ, процвѣтаетъ яко кринъ посредѣ тернія, горитъ всегда непрестаннымъ пламенемъ любве, яже къ Богу, егоже никаковымъ видомъ всякіе еретичествующихъ вѣтры угасити не могутъ, но еще паки возжигаютъ, и тѣмъ большій любви Божія разжигается огонь, никогда смущается, всегда веселится, побѣдную воспѣвающи пѣснь» [11]). Отъ этого онъ приписываетъ православнымъ то преимущество, что они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ Божіимъ, такъ что и самая земля для жительства православнымъ дается лучшая, чѣмъ людямъ, исповѣдывающимъ другія религіи [12]). И эта преданность православію была въ Барскомъ такъ сильна, что одно представленіе объ отреченіи отъ вѣры православныхъ, находившихся подъ игомъ мусульманъ, вызывало у него искреннія, непритворныя слезы [13]). Соотвѣтственно такой привязанности къ православію, Барскій былъ ревностнымъ исполнителемъ различныхъ установленій и обрядовъ православной церкви. Такъ, онъ строго соблюдалъ посты [14]). любилъ присутствовать на церковномъ богослуженіи и если когда во время путешествія невозможно было удовлетворить этой благочестивой потребности, то онъ, имѣя при себѣ «полууставъ великій», старался какъ-нибудь самъ отправить церковныя службы [15]).

Привязанность Барскаго къ религіозному культу и соединенной съ нимъ внѣшней обстановкѣ проистекала сколько изъ религіознаго чувства, столько-же и изъ любви его къ изящному. Что чувство прекраснаго было чрезвычайно развито въ Барскомъ, это внѣ всякаго сомнѣнія. Оно выражалось прежде всего въ его чувствѣ благопристойности, вслѣдствіе чего онъ извиняется предъ читателемъ даже тогда, когда разсказываетъ о такихъ естественныхъ процессахъ, какъ рвота, происшедшая отъ морской качки. «Прости ми, разумный читателю, говоритъ онъ, не могый стерпѣти, блевахъ пятерицею до зѣла [16]); выражалось оно и въ его внимательности къ своему костюму. Правда,

---

[11]) Рукоп. К. М. монаст., кн. 1, стр. 161 на оборотѣ.
[12]) Тамъ же, стр. 160.
[13]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 464.
[14]) Тамъ же, стр. 20, 114.
[15]) Тамъ же, стр. 114, 541, 543.
[16]) Рукопись К. М. мон., кн. 1, стр. 150 на оборотѣ.

на Востокѣ онъ принужденъ былъ нѣсколько разъ путешествовать въ лохмотьяхъ и даже разъ совершенно нагимъ, но на Востокѣ это дѣло обычное; когда же онъ прибылъ въ Константинополь, въ среду цивилизованнаго общества, то прежде всего озаботился поприличнѣй одѣться [17]); да еще и прежде, въ бытность свою на островѣ Кипрѣ, когда ему пришлось быть въ сообществѣ архіепископа, онъ «стыдился, яко худы и раздранны имѣлъ одежды [18])». Величайшее наслажденіе находилъ онъ въ созерцаніи красотъ природы, при видѣ которыхъ онъ доходилъ до чрезвычайной степени одушевленія; еще большее наслажденіе доставляло ему созерцаніе произведеній искусства человѣческаго: архитектуры христіанскихъ и даже языческихъ храмовъ, прекрасной живописи и т. п., такъ что и самъ онъ въ нѣкоторой степени былъ художникомъ, любя рисовать виды прекрасныхъ зданій и храмовъ. Вотъ эта-то любовь къ прекрасному и была, вмѣстѣ съ религіознымъ чувствомъ, причиною привязанности Барскаго къ внѣшней сторонѣ религіи, вслѣдствіе чего онъ почти весь отдается внѣшностямъ богослуженія; здѣсь привлекаетъ его все прекрасное, грандіозное, величественное: богатство внѣшнихъ и внутреннихъ украшеній храмовъ, благолѣпіе въ церковныхъ обрядахъ и службахъ, стройное, гармоническое пѣніе и т. п.

Въ общеніи Барскаго съ другими проявлялась самая полная искренность. Эта искренность и прямодушіе составляютъ дорогое качество въ характерѣ Барскаго. Кто имѣлъ случай читать его Путевыя Записки, тотъ невольно убѣждался въ этомъ качествѣ его характера: читателя съ первыхъ же страницъ обдаетъ какое-то беззавѣтное прямодушіе, всюду передъ нимъ обнаруживается стремленіе какъ бы раскрыть вполнѣ душу въ своемъ произведеніи, стремленіе, присущее немногимъ счастливымъ, прекраснымъ натурамъ.—Это отсутствіе исключительности проявляется и въ другихъ обнаруженіяхъ его нравственнаго характера. Хотя Барскій и считалъ грѣхомъ попарить въ банѣ свое тѣло [19]), но это только на словахъ; на самомъ-же дѣлѣ, при удобномъ случаѣ, онъ не прочь былъ помыть и похолить грѣшную плоть свою [20]); хотя онъ строгъ былъ также и въ соблюденіи постовъ, однако не доходилъ до такого самоотреченія и умерщвленія плоти, какое мы видимъ у другихъ завзятыхъ монаховъ: на островѣ Патмосѣ, будучи уже монахомъ, онъ считалъ свою порцію, отпускавшуюся ему

---

[17]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 495.
[18]) Тамъ же стр. 458.
[19]) Тамъ же, стр. 154.
[20]) Тамъ же, стр. 28.

изъ монастыря и состоявшую изъ пяти небольшихъ хлѣбовъ въ недѣлю, недостаточною и старался собственными трудами заработать себѣ «хлѣбецъ и иное что нуждное [21])»; но въ то время, когда еще не былъ монахомъ, онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, когда ему приходилось «удоволиться» до зѣла или роспить съ товарищемъ бутылку вина [22]). Вообще отношенія къ себѣ, предписываемыя монашествомъ, у Барскаго являются въ довольно мягкихъ формахъ.

Но вполнѣ личность Барскаго обнаруживается въ проявленіяхъ нравственности, имѣющихъ соціальный характеръ. Барскій не остановился на той ступени нравственности, которая состояла во внѣшнемъ, формальномъ исполненіи требованій религіи; нѣтъ, вѣра въ Бога, по его мнѣнію, должна выражаться въ любви къ ближнему [23]), потому что только одна любовь есть союзъ совершенства [24]): это былъ самый основной принципъ нравственности Барскаго, выраженіемъ котораго служили всѣ его дѣйствія, вся его жизнь. И дѣйствительно, любящее сердце Барскаго было какъ-бы всеобъемлющимъ. Его любовь простиралась, прежде всего, на дорогое отечество и дѣлала его самымъ горячимъ патріотомъ: всѣ труды и заботы, понесенные имъ, были предприняты на славу и пользу дорогой отчизны [25]); сила и могущество Россіи были для него неоспоримы, такъ что христіане, находящіеся подъ игомъ мусульманъ, должны надѣяться только на Бога и родъ Россійскій [26]). Россія, по его мнѣнію, страна образцовая во всѣхъ отношеніяхъ; отсюда она служитъ нормою для опредѣленія достоинства мѣстъ, подлежавшихъ его наблюдательности; отличная Солунская почва имѣетъ сходство съ Русскою [27]); принильская почва также мягка, какъ Русская [28]); невыносимому Палестинскому зною онъ противополагаетъ благорастворенный климатъ Русскій [29]), скуднымъ рѣкамъ Каира онъ противопоставляетъ роскошныя рѣки Россіи [30]); однимъ словомъ, Россія, по его мнѣнію, страна, лучше и краше которой нѣтъ ни одной на свѣтѣ: «Русской-бо земли, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, во всемъ свѣтѣ нѣсть лучшей къ благопроизращенію плодовъ земли, и странъ

---

[21]) Тамъ же, стр. 484.
[22]) Тамъ же, стр. 21.
[23]) Тамъ же, стр. 581.
[24]) Тамъ же, стр. 576.
[25]) Тамъ же, стр. 488.
[26]) Тамъ же, стр. 516.
[27]) Тамъ же, стр. 162.
[28]) Тамъ же, стр. 247.
[29]) Тамъ же, стр. 174.
[30]) Тамъ же, стр. 424.

величайшихъ и краснѣйшихъ нѣсть, земля воистинну благословенная, земля млекомъ и медомъ кипящая [31])». Послѣ родины Барскій горячо любилъ своихъ родителей и родственниковъ, какъ показываютъ это его письма къ нимъ; любилъ онъ, можно сказать, и весь родъ человѣческій безъ раздѣленія на ближнихъ и враговъ, присныхъ и дальныхъ. Самая наблюдательность этой симпатичной, любящей души была обращена какъ бы на одну свѣтлую сторону міра Божія; поэтому, онъ даже и тамъ, гдѣ другіе видятъ одно мрачное, находитъ свѣтлыя точки. Такъ г. Аскоченскій, разсказывая о карнавалѣ, видѣнномъ Барскимъ въ Венеціи, съ омерзѣніемъ восклицаетъ: «можно себѣ представить, какими глазами смотрѣлъ на все это уроженецъ строго-христіанской страны [32])!» А между тѣмъ этотъ уроженецъ строго-христіанской страны, предоставивъ всю житейскую грязь, изгарь на долю другихъ людей, вынесъ изъ разсматриванія различныхъ диковинъ только одно убѣжденіе, что все это не волхвованіемъ творится, но наукою [33])». Если-жъ эта темная сторона человѣческой жизни была такъ поразительна, что невозможно было обойти ее молчаніемъ, то Барскій, какъ-бы осуществляя слова Апостола: *любовь все переноситъ, все покрываетъ* (1 Кор. XIII. 7), старается какъ-нибудь смягчить, извинить возмущающее душу явленіе. Такъ, когда пришлось ему говорить о бѣдствіяхъ, причиненныхъ ему Арабами, то онъ, хотя и сквозь слезы, однако хочетъ ослабить дѣйствіе своего разсказа на читателя, говоря, что, подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія, онъ можетъ быть придалъ факту гораздо большее значеніе, чѣмъ какое онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ: «не убойся глаголовъ и словесъ, мною здѣ написанныхъ; еже-бо писахъ, говоритъ онъ, писахъ отъ избытка сердца моего, яко необыкшій между сицевымъ народомъ быти [34])». Или, если и описываетъ онъ темныя стороны безпристрастно, совершенно объективно, то все-таки смягчаетъ эту свою объективность христіанскою любовію. Таковы отношенія Барскаго къ Грекамъ, которыя мы и прослѣдимъ здѣсь. Отношенія Барскаго къ Грекамъ также безпристрастны и объективны, какъ объективны его отношенія къ дѣйствительности вообще, которую ему приходилось описывать. Въ нравственно-религіозной жизни Грековъ онъ уже не видитъ одну идеально-свѣтлую сторону, какъ древніе наши паломники; онъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ отмѣчаетъ и темные факты, которые приходилось ему видѣть въ церковно-богослужебной или нравствен-

[31]) Тамъ же, стр. 134.
[32]) Кіевск. губ. вѣд. за 1854 г. № 49.
[33]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 105.
[34]) Рукопись К. М. монаст., кн. I, стр. 259 на оборотѣ.

ной жизни Грековъ; такъ, онъ говоритъ, напр., о нарушеніи устава св. Аѳанасія на Аѳонѣ, какъ слѣдствіи своеволія [35]), объ отсутствіи употребленія четокъ, какъ слѣдствіи небрежности [36]), о сребролюбіи Аѳонскихъ иноковъ, о хитрости Грековъ вообще [37]) и т. п.; но при этомъ онъ помѣчаетъ не одни только темныя стороны: своею нравственною обязанностію онъ считаетъ описывать и свѣтлыя стороны, замѣченныя имъ въ этой области [38]); да и заключеніе изъ всѣхъ своихъ наблюденій надъ церковно-богослужебною стороною жизни Аѳона онъ вынесъ такое, что «православіе соблюдается тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на Востокѣ [39])». Онъ смотритъ на Грековъ, какъ на православныхъ, на ихъ страны, какъ страны благочестивыя [40]); о мѣстахъ, населенныхъ Греками, говоритъ долѣе потому именно, что онѣ страны христіанскія [41]). Но, что̀ самое главное, если и описываетъ Барскій темныя стороны, то не съ ненавистію и предубѣжденіемъ въ сердцѣ, не съ проклятіемъ на устахъ, какъ нѣкоторые близкіе по времени къ нему паломники (Сухановъ и Лукьяновъ): его любящее, сострадательное сердце было постоянно поражаемо тѣми бѣдствіями, которыя испытывали восточные христіане подъ игомъ невѣрныхъ [42]), поэтому онъ говоритъ о темныхъ сторонахъ съ сожалѣніемъ, снисходительностію, братскою любовію; при видѣ, напр., восточныхъ христіанъ, отрекающихся отъ вѣры, онъ проливалъ искреннія, непритворныя слезы [43]); эти тяжкія бѣдствія возбуждали въ немъ возвышенныя, поистинѣ патетическія молитвы къ Богу объ облегченіи участи единовѣрныхъ страдальцевъ, объ исцѣленіи злыхъ недуговъ въ ихъ нравственно-религіозной жизни [44]). Вотъ это-то темное облако бѣдствій, испытываемыхъ восточными христіанами, какъ-бы совсѣмъ закрывало отъ него тѣ темныя пятна въ ихъ религіозно-нравственной жизни, на которыя съ такимъ злорадствомъ указывали его предшественники, такъ что процентъ описанія темныхъ сторонъ въ разсматриваемой имъ дѣйствительности сравнительно чрезвычайно невеликъ. Поэтому-то, когда ему приходилось говорить о различныхъ нестроеніяхъ, онъ или проходитъ ихъ мол-

---

[35]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 555.
[36]) Тамъ же, стр. 508.
[37]) Тамъ же, стр. 687.
[38]) Тамъ же, стр. 173, 571.
[39]) Тамъ же, стр. 744.
[40]) Тамъ же, стр. 111.
[41]) Тамъ же, стр. 365.
[42]) Тамъ же, стр. 173, 719.
[43]) Тамъ же, стр. 464.
[44]) Тамъ же, стр. 285, 445; рукопись К. М. монаст., кн. 2, стр. 16.

чаніемъ, или описываетъ ихъ кратко, или наконецъ, старается подыскать смягчающія, извиняющія обстоятельства въ бѣдствіяхъ, послужившихъ для нихъ причиною [45]). И только тамъ, гдѣ Барскій встрѣчалъ закоренѣлый фанатизмъ или грубое невѣжество, онъ являлся съ словомъ обличенія: такъ онъ обличалъ Котломушскихъ Аѳонскихъ иноковъ за ихъ небрежность по отношенію къ библіотекѣ [46]), обличалъ въ Хилендарѣ невѣжество иноковъ по поводу пляски иконъ [47]), въ Зографѣ—фанатизмъ иноковъ, принимавшихъ чрезъ перекрещиваніе латинянъ и даже Русскихъ, имѣвшихъ какое-нибудь сношеніе съ латинянами [48]). Но это его обличеніе проистекало единственно изъ участія къ бѣдствіямъ ближняго, было безъ всякой злобы, вражды, было растворяемо христіанскою любовію и снисхожденіемъ.

Таковы отношенія Барскаго къ Грекамъ.

Но любящее сердце его не ограничивалось только православными; оно побуждало его смотрѣть и на неправославныхъ съ сожалѣніемъ, съ любовію къ нимъ. Въ особенности это нужно сказать объ отношеніяхъ его къ латинянамъ. Онъ говоритъ, что если не нужно вводить Латинскихъ изваяній, то не нужно и ругаться надъ ними; во время своего путешествія онъ молился Богу въ костелахъ также, какъ и въ правосланыхъ храмахъ; отношенія его къ различнымъ католическимъ святынямъ благоговѣйны; разсказы о чудесахъ, совершающихся отъ нихъ, искренни; онъ признаетъ и въ латинянахъ христіанскія добродѣтели. Всѣ отношенія латинянъ къ православнымъ, или обратныя—православныхъ къ латинянамъ, въ которыхъ проявлялась ненависть или религіозный фанатизмъ, имъ безусловно осуждаются. Такъ, онъ осуждаетъ разбойниковъ-латинянъ за то, что они, будучи христіанами, христіанъ-же и обижаютъ; разъ даже назвалъ онъ латинянъ псами за ихъ враждебныя отношенія къ православнымъ; равнымъ образомъ и Грековъ онъ осуждаетъ за тѣ отношенія къ латинянамъ, въ которыхъ видно «не исправленіе ближнихъ, но вражда». Словомъ, христіанская любовь, снисходительность, полнѣйшая вѣротерпимость служатъ основными правилами его отношеній къ латинянамъ.

Барскій отъ природы имѣлъ умъ острый и проницательный, всегда умѣвшій отличить истину отъ лжи, дѣйствительно хорошее отъ призрачнаго. Его сужденія всегда основательны; они—самое непосредственное произведеніе присущаго Русскому человѣку крѣпкаго, здраваго

---

[45]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 550, 575.
[46]) Тамъ же, стр. 603.
[47]) Тамъ же, стр. 650.
[48]) Тамъ же, стр. 670.

смысла. Эти богатыя умственныя способности не погибли въ бездѣятельности. Умъ Барскаго постоянно требовалъ себѣ пищи; о немъ, прежде всего, можно сказать то, что это былъ человѣкъ въ высшей степени любознательный, вся жизнь котораго была очевиднымъ доказательствомъ неудержимаго стремленія къ просвѣщенію.

II.

Теперь переходимъ ко второй части нашего труда—анализу и критической оцѣнкѣ паломнической мысли Барскаго.

Избранный Барскимъ страннической образъ жизни и забота объ изысканіи средствъ къ существованію на первыхъ порахъ исключительно овладѣвали его вниманіемъ. Поэтому содержаніе Путевыхъ Записокъ Барскаго, за этотъ первый періодъ, наполняется, по большей части, описаніемъ самаго процесса путешествія и обстоятельствъ, касающихся его личной жизни. Оторванный отъ родины и путешествуя по чужимъ землямъ, Барскій, естественно, уже по одному этому, долженъ былъ дорожить сообществомъ друзей-соотечественниковъ, съ которыми судьба предназначила ему совершать путь. Онъ, прежде всего, занимается подробнымъ описаніемъ своихъ отношеній къ сотоварищамъ [49]). Затѣмъ онъ ведетъ счисленіе городовъ и селъ, чрезъ которые ему приходилось проходить и опредѣляетъ разстояніе одного пункта отъ другаго. Впрочемъ, этотъ перечень селъ и городовъ, а равнымъ образомъ и опредѣленіе разстоянія ихъ другъ отъ друга ведется съ точностію лишь въ путешествіи чрезъ Польшу и Венгрію, когда онъ или понималъ мѣстное нарѣчіе, какъ въ Польшѣ, или находилъ себѣ радушный пріемъ, какъ въ Венгріи, и въ тоже время встрѣчалъ лицъ католическаго исповѣданія, знавшихъ Латинскій языкъ, отъ которыхъ онъ могъ собрать необходимыя свѣдѣнія. Когда же пришлось ему проходить чрезъ Нѣмецкія и Итальянскія владѣнія, въ которыхъ онъ не понималъ мѣстнаго нарѣчія, онъ ведетъ перечень и опредѣляетъ разстояніе другъ отъ друга только значительныхъ мѣстъ. Далѣе, онъ ведетъ точное времяисчисленіе, пишетъ, сколько времени путешествовалъ изъ одной мѣстности въ другую, въ какой день и даже въ какую часть дня онъ достигъ извѣстной мѣстности, сколько времени тамъ пробылъ и, въ добавокъ, даетъ какъ бы отчетъ въ тратѣ своего времени, говоря о томъ, что̀ онъ дѣлалъ въ извѣстномъ мѣстѣ: присутствовалъ ли

---

[49]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 13, 14, 25, 27, 40, 54, 56—57, 72, 109. Рукопись Кіев.-Мих. мон., кн. 1, стр. 21 на оборотѣ.

при богослуженіи, писалъ ли «путникъ», или осматривалъ достопримѣчательности городовъ, изыскивалъ средства къ жизни или занимался другимъ какимъ-нибудь дѣломъ. Онъ описываетъ дѣйствія властей, неблагопріятныя для него, выразившіяся въ какомъ нибудь препятствіи къ продолженію путешествія, каковы запрещенія входить во многіе города; но описываетъ дѣйствія и благопріятныя, состоявшія въ выдачѣ подорожныхъ свидѣтельствъ, необходимыхъ для свободнаго прохода по извѣстной странѣ. Этимъ и исчерпывается все содержаніе мысли Барскаго, выразившейся въ описаніи самаго процесса его путешествія.

Послѣ этого, слѣдуетъ описаніе обстоятельствъ, касающихся личной жизни Барскаго. Весьма часто Барскій заноситъ на страницы своего «путника» не только описаніе того, что̀ онъ дѣлалъ, но даже и того, что̀ онъ намѣренъ былъ дѣлать. Затѣмъ, съ большею подробностію описываетъ онъ условія, благопріятныя или неблагопріятныя, въ которыя онъ былъ поставленъ, какъ человѣкъ, главною заботою котораго было изысканіе средствъ къ существованію. Средствомъ для достиженія этой цѣли онъ избралъ, какъ извѣстно, прошеніе милостыни. Отсюда, онъ всегда описываетъ, прежде всего, тотъ пріютъ, которымъ онъ пользовался въ извѣстной мѣстности. На Западѣ, гдѣ распространенъ обычай пилигримства, существуютъ почти во всѣхъ городахъ гостинницы для пріюта бѣдныхъ путешественниковъ; о такихъ гостинницахъ съ чувствомъ благодарности говоритъ и Барскій въ своемъ «путникѣ». Часто описываетъ онъ пріютъ, найденный имъ въ частныхъ домахъ христолюбцевъ; но много описано и такихъ случаевъ, когда нашъ усталый путешественникъ не могъ найти никакого пріюта и проводилъ ночи гдѣ-нибудь подъ сараемъ на соломѣ, тайно въ овинахъ, на мельницахъ, или просто въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, въ лодкѣ, подъ какою нибудь стѣною, около корчмы, подъ маслиною и т. п. Послѣ этого онъ описываетъ самый процессъ и результаты прошенія милостыни въ собственномъ смыслѣ и съ такою подробностію, что при этомъ всегда говоритъ, изъ какихъ продуктовъ состояла милостыня, говоритъ также о количествѣ и качествѣ милостыни; дѣлаетъ даже характеристику лицъ, дававшихъ милостыню: по отношенію къ ихъ національности и вѣроисповѣданію, по отношенію къ ихъ общественному положенію и нравственнымъ качествамъ.

По прибытіи въ какую нибудь мѣстность, Барскій описываетъ, прежде всего, явленія природы, замѣчательныя или по своей красотѣ, величію или по необычайности и исключительности; описываетъ также особенности странъ въ отношеніи климата и натуральныхъ произведеній изъ царства растительнаго и животнаго. Но исключительно вниманіе Барскаго сосредоточено на описаніи городовъ. Попутныхъ селъ

и деревень Барскій не касается и только разъ сдѣлалъ замѣтку о благоустройствѣ Нѣмецкихъ селъ; города же онъ описываетъ почти всѣ, чрезъ которые ему приходилось проходить, и довольно подробно. Впрочемъ и въ городахъ онъ описываетъ только одну внѣшнюю сторону, и лишь нѣсколько разъ, да и то неудачно, объясняетъ названіе города и касается его исторіи. По большей же части онъ описываетъ слѣдующее: сначала самому описанію онъ предпосылаетъ иногда замѣтки о великолѣпіи и обширности города, затѣмъ говоритъ о предградіяхъ, описывая въ нихъ такія достопримѣчательности, какъ загородный дворецъ въ Вѣнѣ, или отдѣлываясь общими замѣчаніями о красотѣ его, говоритъ далѣе о мѣстоположеніи города, о укрѣпленіяхъ, торговыхъ пристаняхъ [50]), раздѣленіи города на части, численности населенія, наконецъ уже переходитъ къ самому описанію города. Здѣсь онъ, прежде всего, говоритъ о расположеніи и устройствѣ улицъ и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ къ ихъ очищенію, о водоснабженіи города — естественномъ или искусственномъ. Нѣсколько подробнѣе занимается Барскій описаніемъ домовъ: здѣсь онъ говоритъ о матеріалѣ, изъ котораго они сдѣланы, описываетъ красоту и отдѣлку построекъ, ихъ величину, различныя приспособленія къ удобной и покойной жизни. При описаніи домовъ онъ почти всегда руководствуется общимъ впечатлѣніемъ отъ осмотра всѣхъ городскихъ построекъ; но иногда занимается описаніемъ только нѣкоторыхъ зданій, поражавшихъ его своимъ великолѣпіемъ, каково напр. описаніе дворцовъ. Гораздо обстоятельнѣе у Барскаго описаніе церквей и монастырей съ ихъ достопримѣчательностями и святынями. Здѣсь онъ описываетъ мѣстоположеніе церкви или монастыря въ той или иной части города и ихъ внѣшнее устройство: матеріалъ, изъ котораго устроено зданіе, отдѣлку и украшеніе стѣнъ, опредѣляетъ иногда высоту, ширину и длину зданія, матеріалъ и устройство кровли, главъ, дверей и оконъ, описываетъ зданія, составляющія часть церквей: колокольни, по большей части, съ часами, а въ монастыряхъ—келіи; въ заключеніе говоритъ о красотѣ зданія и уваженіи къ нему мѣстнаго населенія, касается даже исторіи зданія, замѣчая о древности его, приводя мѣстныя преданія о событіяхъ, послужившихъ поводомъ къ построенію его, или касаясь исторіи прошлаго назначенія зданія. Далѣе, онъ описываетъ собственно внутренность церквей: устройство половъ, въ особенности мраморныхъ, украшеніе стѣнъ иконописью и мраморными колоннами; перечисляетъ различныя церковно-богослужебныя принадлеж-

---

[50]) Онъ даже дѣлаетъ общія замѣтки и о такихъ городахъ, въ которыхъ онъ, по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ быть (стр. 17—18, 44, 49, 90).

ности, какъ-то ризницу, лампады и другіе свѣтильники, а въ католическихъ костелахъ, престолы, органы, исповѣдальни; послѣ этого— святыни храма: иконы простыя и чудотворныя, св. статуи, мощи, съ сказаніемъ о чудесахъ, совершившихся отъ нихъ, св. источники и фонтаны, находящіеся въ западныхъ церквахъ, также съ сказаніями къ нимъ пріуроченными и многія другія святыни. Слѣдитъ, наконецъ, за отправленіемъ богослуженія, особенно въ церквахъ западныхъ общинъ Греко-восточнаго исповѣданія, подмѣчаетъ разницу въ чинахъ описываемыхъ церквей съ чинами Русской церкви, въ особенности подробно описываетъ отправленіе богослуженія въ Греческой церкви, въ Венеціи. Вотъ все содержаніе наблюдающей мысли Барскаго, выразившейся въ описаніи устройства городовъ.

Замѣтокъ о внутренней жизни обществъ чрезвычайно мало. Описывая дома̀ снаружи, онъ не проникаетъ внутрь ихъ. Встрѣчается у него немного короткихъ замѣтокъ о національности и вѣроисповѣданіи жителей, но они слишкомъ скудны. Весьма мало говоритъ также Барскій и о состояніи просвѣщенія въ извѣстной мѣстности. Правда, онъ упоминаетъ кое-гдѣ о школахъ, даже касается организаціи и постановки школьнаго дѣла. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что мѣстечко Гіэнгешь «имать училище даже до риторики»; въ другомъ мѣстѣ пишетъ, что въ Римѣ-де много училищъ, въ которыхъ обучаютъ «различнымъ языкамъ, мусикіи, медицинѣ, си есть врачеству, астрономіи, си есть звѣздочетству, риторскому красноглаголанію, философіи же, богословію, грамматикѣ всяческихъ языковъ, искуснымъ художествамъ, елико обрѣсти могутъ въ мірѣ семъ». Не касается Барскій политическаго устройства государствъ и только однажды, пораженный благоустройствомъ Венеціи, говоритъ, что «Венеція всегда сидитъ въ покоѣ; ибо ея не отважится никто одолѣти, того ради и почитается нетлѣнною дѣвицею, яко ни отъ кого же есть пораженна». Нѣсколько подробнѣе говоритъ Барскій о экономическомъ положеніи наблюдаемыхъ имъ мѣстностей: описываетъ благосостояніе или бѣдность населенія, развитіе внѣшней торговли, въ особенности любитъ описывать устройство мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ. Есть, наконецъ, у него замѣтки о нравахъ и обычаяхъ жителей. Такъ, проходя мимо Неаполатанскихъ трактировъ и видя въ нихъ много гуляющихъ, но ни одного пьянаго, онъ дѣлаетъ общее заключеніе о веселомъ образѣ жизни мѣстнаго населенія и его трезвости; точно также описываетъ онъ роскошь Римскаго и Неаполитанскаго обществъ, отсутствіе воровства и разбойничества въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и многое другое. По большей же части его замѣтки касаются милосердія или нестраннолюбія жителей, ихъ вѣжливости или грубости и т. п.

Можно сказать, что Барскій первый возвысился надъ религіозною исключительностію въ направленіи древняго Русскаго паломничества, и это главная заслуга его, дѣлающая его основателемъ новаго направленія Русской паломнической мысли. Мысль древнихъ паломниковъ носила на себѣ исключительно религіозный характеръ; на страницы «путниковъ» заносилось описаніе только священныхъ предметовъ; предметы же свѣтскаго характера обозрѣвались какъ бы мимоходомъ и если дѣлалось ихъ описаніе, то, или потому, что они имѣли какую нибудь связь съ предметами священно-религіознаго характера, или, разсматриваемые съ точки зрѣнія паломниковъ, они сами получали какой нибудь религіозный характеръ и въ такомъ случаѣ описывались уже не какъ свѣтскіе предметы, а какъ религіозные. Барскій вдвинулъ свѣтскіе предметы въ кругъ предметовъ религіозныхъ и одинаково сталъ интересоваться тѣми и другими. Свѣтскіе предметы у него описываются не настолько, на сколько они имѣютъ отношеніе къ религіозной области, а сами по себѣ, безотносительно. Это самое коренное отличіе Барскаго отъ древнихъ паломниковъ.

Далѣе, древніе паломники описывали наблюдаемую ими дѣйствительность въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась ихъ чувству и воображенію. Не то у Барскаго: онъ всегда находится по отношенію къ описываемой имъ дѣйствительности въ положеніи посторонняго наблюдателя, въ состояніи спокойномъ, безъ всякихъ волненій. Наблюдаемые имъ предметы совершенно вѣрны дѣйствительности, какъ въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться изъ сличенія сказаній Барскаго съ сказаніями другихъ, позднѣйшихъ паломниковъ.

Онъ старался обозрѣвать, насколько возможно, самъ, и только за достовѣрность видѣннаго онъ ручается, не довѣряя, въ тоже время, сказаніямъ другихъ о томъ, очевидцемъ чего онъ не былъ. Такъ напр. о поставленіи папы онъ говоритъ, что «понеже очима своима не случися видѣти, токмо слышати множицею, того ради слышамая не дерзаю писати, понеже различно повѣствуютъ о томъ народы». Все видѣнное онъ старался тотчасъ-же, или вскорѣ, записывать, когда еще находился подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній и когда черты видѣнныхъ имъ предметовъ не могли еще смѣшаться съ чертами другихъ. Не то мы должны сказать о различныхъ повѣствованіяхъ, передаваемыхъ Барскимъ, церковно-библейскаго характера и въ особенности чудеснаго свойства. Полный вѣры во всемогущество Божіе и не имѣя средствъ провѣрить сказаній, онъ относился къ нимъ съ искреннимъ довѣріемъ и заносилъ на страницы своего «путника» сказанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были впослѣдствіи имъ же самимъ отвергнуты. Таковы сказанія о различныхъ святыхъ и чудесахъ, отъ нихъ совер-

шавшихся, и многихъ другихъ событіяхъ, католической фабрикаціи. И мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Аскоченскаго, что Барскій, «самъ просвѣщенный науками и обладавшій твердымъ разсудкомъ, не слѣпо вѣрилъ всему, что̀ ему разсказывали и многіе предметы подвергалъ строгому критическому анализу [51])», и съ мнѣніемъ преосв. Филарета что Барскій «не то, что̀ современный ему западный пилигримъ, подторяющій басни скуднымъ смысломъ [52])»: все это черты вѣрныя, но только взятыя изъ позднѣйшаго періода паломнической мысли Барскаго; отношеніе Барскаго къ различнымъ сказаніямъ легендарнаго характера въ разсматриваемый нами періодъ совершенно лишено критическаго анализа, и мы ни мало не погрѣшимъ, если и его причислимъ къ западнымъ пилигримамъ, которые, по мнѣнію преосвящ. Филарета, повторяютъ басни «скуднымъ смысломъ».

Вотъ всѣ достоинства и недостатки паломнической мысли Барскаго за первый періодъ ея развитія: достоинства очевидныя, хотя обнаружившіяся еще въ весьма̀ слабой степени и ожидавшія своего развитія; но очевидны, также, и недостатки, требовавшіе своего непремѣннаго исправленія. Этотъ двойной процессъ совершился во второй періодъ развитія паломнической мысли Барскаго.

*

Наблюдающая мысль Барскаго въ настоящій, второй періодъ ея развитія сохраняетъ точно такой-же характеръ *всеобщности*, какой она имѣла и прежде: изъ подлежавшей его наблюденію дѣйствительности описывается не одна какая-нибудь сторона или группа предметовъ, но цѣлая ихъ совокупность. Но отношеніе Барскаго къ описываемой дѣйствительности дѣлается все болѣе и болѣе постояннымъ, и есть только нѣсколько случаевъ, когда его спокойное наблюденіе было нарушено, и онъ описываетъ дѣйствительность подъ вліяніемъ чувствъ, волновавшихъ его душу; но такіе моменты у него слишкомъ кратки, такъ что вовсе не имѣютъ вліянія на дальнѣйшій ходъ его наблюденія, да къ тому-же ихъ чрезвычайно немного: мы знаемъ только два случая, когда чувство радости отразилось у него на наблюдательности, это при видѣ Аѳона и Іерусалима. Настоящій періодъ отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что спокойная, бездѣятельная объективность Барскаго была нарушена, и онъ сталъ заниматься изученіемъ, изслѣдованіемъ наблюдаемыхъ предметовъ. На такую перемѣну

---

[51]) Аскоченскій, Кіевъ, ч. 2, стр. 44.

[52]) Филаретъ, Обзоръ Русск. дух. литературы, ч. 2, стр. 47.

въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности имѣло, прежде всего, вліяніе предшествующее путешествіе его: обозрѣніе памятниковъ Западно-европейской цивилизаціи. Когда пришлось ему обозрѣвать страны съ цивилизаціей и строемъ жизни, противоположнымъ Европейскому, то самымъ этимъ контрастомъ были вызваны новые вопросы, требовавшіе разрѣшенія, были намѣчены для наблюдательности совершенно новыя стороны; таково, напр, описаніе Палестинскихъ, Галилейскихъ и Синайскихъ мѣстъ и предметовъ, къ которымъ пріурочиваются какія-нибудь воспоминанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ. Скоро отношенія его къ дѣйствительности измѣнились окончательно, именно—съ началомъ изученія живописи, которою онъ, по его собственнымъ словамъ, началъ заниматься въ бытность свою въ первый разъ въ Іерусалимѣ. Очевидно, для того, чтобы сдѣлать вѣрное изображеніе предмета, нужно предварительно изучить его во всѣхъ частностяхъ, и Барскій, дѣйствительно, изъ спокойнаго зрителя превращается теперь въ дѣятельнаго изслѣдователя. Это отношеніе Барскаго къ дѣйствительности отразилось весьма благодѣтельно и на самыхъ результатахъ его наблюденій. Содержаніе его наблюдающей мысли, сначала слишкомъ бѣдное, какъ, напр., во время перваго посѣщенія Аѳона, теперь все болѣе и болѣе расширяется. Далѣе, отъ изученія ежедневныхъ явленій онъ началъ постепенно переходить къ научнымъ изслѣдованіямъ, хотя началось это только къ концу разсматриваемаго періода. Въ это время Барскій съ особымъ интересомъ сталъ заносить на страницы своего «путника», свѣдѣнія историческія и историко-археологическія. Стремленіе Барскаго къ археологическимъ изслѣдованіямъ предполагается еще довольно рано, когда онъ, руководясь, впрочемъ, болѣе своимъ влеченіемъ къ прекрасному, чрезвычайно много занимался описаніемъ архитектуры храмовъ и другихъ зданій. Это стремленіе, прежде болѣе инстинктивное, теперь начинаетъ все болѣе и болѣе оформляться. Описаніе архитектуры храмовъ у него принимаетъ теперь широкіе размѣры; къ этому присоединяется еще, къ концу періода, описаніе развалинъ древнихъ храмовъ и другихъ зданій, а также древнихъ надписей на этихъ зданіяхъ. Увеличивается у Барскаго интересъ и къ занятію собственно исторіей. Для изслѣдованія преданія объ иконѣ, написанной Евангелистомъ Лукою, онъ читаетъ теперь Кипрскую лѣтопись; для изслѣдованія древней исторіи Синая читаетъ Хризостома, Икуменія, Птоломея; да и вообще, по прибытіи въ какую-нибудь замѣчательную мѣстность, онъ собираетъ необходимыя историческія о ней свѣдѣнія изъ мѣстныхъ лѣтописей, и лишь при отсутствіи всего этого довольствуется устными преданіями.

Эта же перемѣна въ отношеніяхъ къ дѣйствительности отразилась и на самой достовѣрности его сказаній. Вѣрность Барскаго поразительна тамъ, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что̀ видѣлъ самъ: онъ описываетъ теперь не только то, что̀ видно съ перваго раза, но нарочно отыскиваетъ и такія черты, которыя прежде для него остались бы незамѣченными; отношеніе его къ Александрійскимъ обелискамъ, напр., выразилось въ томъ, что онъ, собравъ свѣдѣнія объ одномъ изъ нихъ отъ мѣстныхъ жителей, передаетъ, что̀ они *глаголютъ*; ширину другаго онъ самъ *измѣрилъ*; о высотѣ, которой онъ не могъ измѣрить, *разсудилъ*; гіероглифическія изображенія и надписи, находившіяся на немъ, *списалъ*. Барскій свидѣтельствуетъ совѣстію вѣрность своихъ описаній. Такъ, когда онъ говоритъ о существованіи большой пушки на о. Родосѣ, то при этомъ замѣчаетъ: «лгати не хощу; очима своима не видѣхъ, но достовѣрно извѣстихся отъ честныхъ персонъ протосингеловъ Іерусалимскихъ, иже своима видѣша очесы». Вѣра во всемогущество Божіе заставляетъ теперь Барскаго безусловно принимать сказанія только о памятникахъ сверхъ-естественныхъ проявленій силы Божіей, да и то не всегда. Онъ не сомнѣвается, напр., въ достовѣрности такихъ сказаній, какъ сказаніе о горохѣ, превращенномъ Спасителемъ въ камни; но передаетъ онъ и такія сказанія, по которымъ проявленіе силы Божіей въ извѣстномъ памятникѣ довольно сомнительнаго свойства; въ такомъ случаѣ онъ старается только описать рельефнѣе эти сомнительныя качества, предоставляя изъ всего этого дѣлать выводъ другимъ. Такъ поступилъ онъ при описаніи источника на о. Аморгосѣ, служившаго для мѣстнаго населенія оракуломъ; тоже самое сдѣлалъ при разсказѣ о камнѣ, прилѣпленномъ къ иконѣ, о которомъ Кипрскіе жители говорили, что онъ прилѣпился къ ней чудесно. Еще строже относился онъ къ сказаніямъ, пріуроченнымъ къ какимъ-нибудь св. мѣстамъ Востока. Онъ самъ сознается, что мѣста эти имѣютъ гораздо большее значеніе для вѣры, чѣмъ для разума; что, поэтому, хотя объ этихъ мѣстахъ «людіе отъ толь многаго времени забвенія ради различно бесѣдуютъ», однако «много испытовати не требѣ, но вѣровати». Впрочемъ, не смотря на такое заявленіе, самъ онъ принимаетъ различныя сказанія съ крайнею осмотрительностію и иногда прямо высказываетъ сомнѣніе въ подлинности повѣствуемаго; о мѣстѣ, напр., жительства Іоакима и Анны онъ замѣчаетъ, что «такъ повѣствуетъ народъ»; по поводу знаменій на корытѣ, въ которомъ, по преданію, пресв. Богородица мыла Христовы пеленки, онъ говоритъ, что «аще есть истинна, аще-ли ни, читателя къ вѣроятію не принуждаю, ниже свидѣтельствовати подъ клятвою могу, понеже не отъ писанія божественнаго, но отъ повѣстій людскихъ сіе гласится». Единственнымъ критеріемъ, кото-

рымъ онъ провѣряетъ преданія, пріурочиваемыя къ различнымъ мѣстамъ Востока, онъ считаетъ Библію. При видѣ какихъ-нибудь св. мѣстъ, онъ всегда воспроизводитъ по Библіи событіе, на немъ совершившееся. И если онъ не находилъ подтвержденія какихъ-нибудь сказаній въ Библіи, то прямо отвергалъ ихъ, какъ подложныя; когда, напр., ему объ одномъ камнѣ на о. Кипрѣ мѣстные жители говорили, что онъ выброшенъ Ноемъ изъ ковчега въ то время, какъ онъ зацѣпился за вершину одной изъ тамошнихъ горъ, Барскій замѣчаетъ, что «сіе нѣсть вѣроятно, понеже во время потопа толико вода превышаше высочайшія горы, яко нигдѣ не коснуся ковчегъ, кромѣ горы Арарата, якоже чтемъ въ Библіи». Достаточнымъ ручательствомъ для Барскаго за подлинность повѣствуемаго служило и преданіе, но только не противорѣчащее Библіи и притомъ *единогласное*; такое единогласное свидѣтельство Іерусалимлянъ приводитъ онъ въ пользу достовѣрности Авессаломова гроба и дома Зеведеова. Но какъ скоро онъ находитъ объ одномъ и томъ же предметѣ показанія разнорѣчивыя, то въ немъ сразу возбуждается сомнѣніе въ подлинности передаваемаго, и тутъ критическій анализъ его дѣлается неумолимымъ. Такими именно противорѣчіями возбуждено прекрасное критическое разсужденіе Барскаго о Лоретскомъ домѣ Богородицы и другихъ сказаніяхъ, историческая достовѣрность которыхъ имъ заподозрѣна.

Совершенно другаго характера его отношеніе къ тѣмъ сказаніямъ, которыя онъ заимствовалъ изъ какого-нибудь письменнаго источника. Таковыми источниками для него были: Св. Писаніе, отцы церкви, житія святыхъ, мѣстныя лѣтописи, историческія надписи на различныхъ древнихъ зданіяхъ и, наконецъ, при отсутствіи всего этого, онъ воспроизводитъ прошедшую исторію на основаніи другихъ вещественныхъ памятниковъ, какъ напр. архитектуры древнихъ зданій. Замѣчательно, что какъ не сомнѣвался Барскій въ подлинности того, чему онъ самъ былъ очевидцемъ, точно также у него нѣтъ и тѣни сомнѣнія по отношенію къ сказаніямъ, заимствованнымъ имъ изъ письменныхъ источниковъ. Сказаніе о чудѣ, бывшемъ отъ иконы Богородицы въ Сирійскомъ монастырѣ Сеидная, онъ потому только и считаетъ достовѣрнымъ, что оно описано въ книгѣ, изданной патріархомъ Аѳанасіемъ на Греческомъ и Арабскомъ языкахъ, а единогласныя свидѣтельства Кипрскихъ жителей объ иконѣ Богородицы Киккской потому и не заслуживаютъ вѣроятія, что «не имутъ отнюдь свидѣтельства отъ писанія въ исторіи». И такое исключительное довѣріе къ письменнымъ источникамъ только тѣмъ и можетъ быть объяснено, что Барскій о другихъ судилъ по себѣ, свое добросовѣстное отношеніе къ письменной пере-

дачѣ переносилъ и на другихъ, не предполагая искаженія истины намѣреннаго и ненамѣреннаго.

Въ послѣдній періодъ развитія своей мысли, Барскій является предъ нами въ собственномъ смыслѣ *наблюдателемъ.* Жизнь человѣческихъ обществъ онъ описываетъ сначала съ внѣшней стороны—со стороны устройства жилищъ, съ опредѣленія степени распространенія осѣдлости и колонизаціи. Весьма важное доказательство торжества человѣка надъ видимою природою Барскій видитъ въ устройствѣ жилищъ. Такъ, онъ самъ, охарактеризовавъ на о. Станкіо условія, необходимыя для благоустройства общежитія, заключающіяся въ климатѣ, почвѣ, натуральныхъ произведеніяхъ, говоритъ: «но подобаетъ мнѣ описать градъ и яже въ немъ, и оттуда явно сотворятся, яже въ ономъ островѣ». Поэтому и на Аѳонѣ на описаніе устройства жилищъ онъ обращаетъ особенное вниманіе. Прежде всего Барскій описываетъ монастырь извнѣ: дѣлаетъ общія замѣчанія о знаменитости и почетномъ положеніи его среди другихъ обителей, а также о величинѣ и богатствѣ его, описываетъ видъ и форму монастыря и опредѣляетъ величину мѣстности, занятой монастырскими постройками или чрезъ точное измѣреніе ея, или говоря о величинѣ мѣстности только приблизительно, вообще. Затѣмъ, Барскій говоритъ объ укрѣпленіяхъ общежитія; описываетъ стѣны монастырей, ихъ матеріалъ, устройство, высоту и прочность, ворота, ведущіе въ монастырь, ихъ число и расположеніе въ различныхъ мѣстахъ стѣнъ и башни съ боевыми орудіями. Послѣ этого Барскій вводитъ своего читателя внутрь монастыря и здѣсь иногда предварительно говоритъ о мостовой, о матеріалѣ, изъ котораго она устроена и о самомъ ея устройствѣ, по большей же части прямо переходитъ къ обозрѣнію тѣхъ памятниковъ торжества ума человѣческаго надъ стихійными силами, которые прямо заключаются въ устройствѣ жилищъ. Видно, что немаловажный интересъ заключался для него въ предметѣ, описанномъ съ такою подробностію. Прежде всего, онъ говоритъ о числѣ келій, находящихся въ какомъ-нибудь монастырѣ, или внѣ монастыря, но зависимыхъ отъ него, а также исчисляетъ келіи, когда описываетъ общины скитниковъ и келіотовъ. Затѣмъ, приступаетъ къ самому описанію жилищъ. Одинаково интересуетъ его при этомъ описаніи, какъ матеріалъ построекъ, свидѣтельствующій о ихъ прочности, такъ, равнымъ образомъ, ихъ величина, красивая или некрасивая отдѣлка и различныя приспособленія для удобной и покойной жизни. Кромѣ общаго описанія зданій, Барскій занимается еще часто спеціальнымъ описаніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, замѣчательныхъ особенно въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи онъ всегда

съ особеннымъ интересомъ описываетъ, преимущественно, монастырскую трапезу и нѣкоторыя другія зданія подобнаго-же рода, какъ-то: скевофилоніи, гостиницы и т. п.

По обозрѣніи успѣховъ человѣка, выразившихся въ устройствѣ жилищъ, обезпечивающихъ его физическое существованіе, Барскій переходитъ къ описанію другаго рода жилищъ, необходимыхъ для духовно-нравственной природы человѣка,—домовъ Божіихъ, училищъ вѣры и благочестія; но Барскій описываетъ не одни только знаменитые храмы по своей архитектурѣ или священно-историческимъ воспоминаніямъ, подобно древнимъ паломникамъ, а всѣ вообще, какъ знаменитые по своей архитектурѣ, такъ и устроенные въ пещерахъ, или лишенные всякихъ украшеній. Но прежде чѣмъ приступить къ самому описанію, Барскій всегда, по обыкновенію, дѣлаетъ нѣсколько предварительныхъ замѣтокъ о численности храмовъ въ извѣстномъ монастырѣ, о посвященіи ихъ такому или иному святому и касается исторіи нѣкоторыхъ, особенно знаменитыхъ, храмовъ. И только послѣ этого онъ приступаетъ къ самому описанію ихъ. Здѣсь уже проявляется вполнѣ характеръ Барскаго, какъ идеалиста, руководившагося въ своихъ описаніяхъ религіознымъ чувствомъ и своимъ влеченіемъ къ прекрасному. Приступая къ описанію храмовъ, Барскій, прежде всего, съ поразительною точностію описываетъ самое зданіе, безъ всякаго отношенія къ тому значенію, какое оно имѣетъ для духовно-нравственной природы человѣка. Сначала онъ описываетъ внѣшній видъ храма вообще, говоритъ о положеніи его среди другихъ монастырскихъ зданій, о матеріалѣ, изъ котораго онъ устроенъ, о формѣ церковнаго зданія, его отдѣлкѣ и внѣшнемъ украшеніи стѣнъ, о его размѣрѣ въ длину, ширину и высоту, при чемъ говоритъ объ этомъ или вообще, или дѣлаетъ точное измѣреніе,—и затѣмъ уже переходитъ къ описанію внѣшняго устройства храмовъ въ частности: говоритъ о фундаментѣ зданія, объ устройствѣ кровли и матеріалѣ, изъ котораго она сдѣлана, объ устройствѣ главъ, ихъ числѣ, матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы и ихъ отдѣлкѣ, объ устройствѣ иконъ, дверей и, наконецъ, колоколенъ съ колоколами, въ особенности, когда ему приходилось встрѣчать колокола во время путешествія по Турецкимъ владѣніямъ на Востокѣ; гдѣ, обыкновенно, рѣдки колокола, тамъ Барскій съ особеннымъ интересомъ говоритъ объ нихъ. Послѣ всего этого онъ переходитъ къ описанію внутренняго устройства и украшенія церквей, описываетъ украшеніе стѣнъ—мраморное или иконописное, устройство половъ, въ особенности мраморныхъ, особенно-же подробно говоритъ объ украшеніи церквей колоннами, о матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы, ихъ красивой или не-

красивой отдѣлкѣ, ихъ числѣ и расположеніи въ различныхъ мѣстахъ храма; затѣмъ переходитъ къ частному описанію внутренняго устройства храмовъ; говоритъ о папертяхъ и притворахъ, о клиросахъ и хорахъ, особенно-же подробно описываетъ нѣкоторые алтари и, исходя изъ алтаря, занимается описаніемъ иконостаса, его устройства и украшеній, достоинствъ и недостатковъ живописи; далѣе, описываетъ принадлежности богослуженія: свѣтильники, въ особенности Аѳонскіе хоросы, св. сосуды, богослужебныя книги съ аналоями различныхъ формъ и видовъ, кадильницы и, наконецъ, описываетъ различныя приспособленія для удобнаго стоянія въ церкви молящихся. Заканчивается у Барскаго описаніе храмовъ описаніемъ различныхъ святынь, въ нихъ хранящихся, какъ-то: мощей, или частей ихъ, гробовъ и мѣстъ погребенія св. мужей, чудотворныхъ иконъ, съ описаніемъ ихъ украшеній и драгоцѣнностей; затѣмъ описываются кресты, замѣчательные по животворящему древу, вложенному въ нихъ, или по частицамъ св. мощей, св. источники и многія другія святыни, а также Барскій приводитъ сказанія о чудесахъ, совершавшихся или совершающихся. Вотъ всѣ предметы, на которые обращается вниманіе Барскаго при описаніи храмовъ.

Послѣ этого Барскій приступаетъ къ описанію внуренней жизни общества, къ описанію организаціи и устройства человѣческихъ общежитій въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь, онъ прежде всего говоритъ о количествѣ населенія въ извѣстной мѣстности и его національномъ составѣ. Затѣмъ, утилитарная точка зрѣнія побуждаетъ его заниматься описаніемъ экономическаго благосостоянія или бѣдности населенія. Въ этомъ отношеніи Барскаго поразило одно исключительное явленіе въ бытѣ Аѳона—множество долговъ на обителяхъ, и эта-то необычайность явленія заставляетъ его глубже задумываться надъ нимъ и входить въ разслѣдованіе причинъ онаго; но, въ тоже время, скромность монаха заставляетъ его говорить о щекотливомъ явленіи мелькомъ, отдѣлываться только общими замѣчаніями. Послѣ характеристики такого или иного состоянія экономическаго быта, Барскій переходитъ къ разсмотрѣнію самыхъ средствъ, которыми владѣетъ извѣстная община для устройства своего экономическаго благосостоянія, каковыми средствами на Аѳонѣ онъ, по большой части, находитъ: милостыню, приписные монастыри и разные подворья съ хозяйственными заведеніями (метохи), доставлявшими монастырю извѣстный доходъ, хлѣбопашество, лѣсоводство, сѣнокосы, рыбныя ловли и т. п., говоря, при этомъ, о степени развитія упомянутыхъ отраслей хозяйства и устройствѣ различныхъ хозяйственныхъ заведеній, какъ-то: мельницъ, кузницъ, маслобоенъ, морскихъ пристаней, или, какъ ихъ называетъ Барскій, арсеналовъ) по-аѳонски *арсана*), боль-

ницъ, богадѣленъ и т. п., говоритъ даже въ общихъ чертахъ о состояніи промышленности и торговли на Аѳонѣ. Затѣмъ онъ говоритъ, также въ общихъ чертахъ, о политическомъ положеніи Аѳона, его администраціи, судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Гораздо подробнѣе говоритъ онъ о состояніи просвѣщенія на Аѳонѣ, въ особенности при описаніи, всегда обстоятельномъ, тамошнихъ библіотекъ. Когда Барскій проникалъ въ библіотеки, то почти всюду находилъ тамъ доказательства всеобщаго равнодушія къ средствамъ просвѣщенія, представляемымъ библіотеками, крайнее пренебреженіе къ нимъ, отразившееся на самомъ внѣшнемъ состояніи книгохранилищъ, лишенныхъ всякаго порядка, расхищаемыхъ, подвергаемыхъ всевозможной порчѣ, такъ что, въ одномъ монастырѣ онъ нашелъ только мѣсто когда-то бывшей библіотеки и въ ней «малые нѣкіе останки», въ другомъ «отъ неученія и небреженія иноческаго» многія книги были съѣдены червями, такъ что Барскій взялъ на себя трудъ облагообразить нѣсколько библіотеку, и полторы тысячи книгъ были очищены имъ «отъ праха»; въ третьемъ мѣстѣ библіотека была «безчинна и небрежена вовся, на различныхъ бо мѣстѣхъ повержены лежаху книги, отъ нихъ же малочисленны не вредны бяху, но иныя до полу согнивши, иныя всецѣлы, числомъ до тріехъ сотъ.... Таможде хрисовулы многіе видѣхъ согнившіе и до конца потребившіеся, и не можно было ихъ изслѣдовати.» Но и помимо этого явленія, такъ рельефно характеризующаго состояніе просвѣщенія на Аѳонѣ, у Барскаго есть немало и другаго рода замѣтокъ, относящихся къ тому же предмету. Такъ, въ Зографѣ были иноки, какъ онъ остроумно выражается, едва «вѣдущіе чести черное по бѣлому», такъ что самого настоятеля ихъ изображаетъ, какъ «единоокаго вождя между слѣпыми», и только въ одномъ скитѣ онъ описываетъ состояніе просвѣщенія довольно свѣтлыми чертами; тамъ были, какъ говоритъ Барскій, личности и съ философскимъ образованіемъ. Кромѣ изображенія умственнаго развитія иноковъ, Барскій описываетъ еще нравы и обычаи насельниковъ горы. Правда, сначала Барскій окончательно отказался было описывать съ этой стороны жизнь Аѳонскихъ общинъ, поелику «описывати нравы и житія иноческія не безбѣдно есть; аще убо реку быти всѣхъ благихъ и добродѣтельныхъ, говоритъ онъ, не соблюдуся отъ лжи; аще же назову всѣхъ злыхъ, впаду въ осужденіе»; однако все-таки сообщаетъ довольно замѣтокъ, такъ что на основаніи ихъ однихъ можно составить довольно полный очеркъ нравовъ и обычаевъ Аѳонскаго монашества того времени. Но тотъ пробѣлъ, который произошелъ отъ отказа описывать нравственныя качества монаховъ, у Барскаго восполняется изображеніемъ ихъ религіознаго развитія. Замѣчательно, что самъ Барскій описываетъ подробно религіозную сторону

жизни Аѳонцевъ какъ бы въ восполненіе отсутствія полнаго описанія ихъ нравственныхъ качествъ; отъ этого онъ и описываетъ религіозную сторону вмѣстѣ съ ихъ нравами и обычаями, такъ что описаніе всего этого у Барскаго часто бываетъ совмѣстнымъ. Но, кромѣ этого была и другая причина, побуждавшая Барскаго столь подробно заниматься описаніемъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ Аѳона. Мы знаемъ, что Сухановъ съ Лукьяновымъ, удовлетворяя потребностямъ современниковъ, нарочно отправлялись на Востокъ для изученія церковно-обрядовой стороны религіи; сильно было это религіозное движеніе и во время Барскаго; поэтому-то и онъ, какъ человѣкъ своего времени, не могъ остаться безучастнымъ къ нему. Будучи сторонникомъ направленія, ратовавшаго за необходимость просвѣщенія въ умственно-научной области, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ поборникомъ и тѣхъ требованій, которыя были направлены къ введенію церковно-богослужебнаго культа, исправленнаго отъ ошибокъ, внесенныхъ въ него темнымъ невѣжествомъ. А такъ какъ отшатнувшееся отъ православія невѣжество утверждало, что Русская церковь въ основаніе своихъ исправленій приняла новшества олатинившейся Греческой церкви, то Барскій, какъ сторонникъ этихъ исправленій, поставилъ себѣ цѣлію при изученіи церковно-религіозной жизни Аѳона показать, что на Аѳонѣ есть и нововведенія, но только эти нововведенія не имѣютъ ничего общаго съ латинствомъ, а чисто своеобразнаго характера. Съ этой цѣлію онъ дѣлаетъ широкія наблюденія надъ церковно-обрядовою стороною религіозной жизни Аѳона: описываетъ самый процессъ совершенія богослуженія и отмѣчаетъ при этомъ особенности въ чтеніи и пѣніи при совершеніи всевозможнаго рода церковныхъ службъ, говоритъ о мѣстныхъ правилахъ для чтецовъ, пѣвцовъ и канонарховъ, о богослужебномъ языкѣ въ различныхъ монастыряхъ и расписаніи нравственно-назидательныхъ чтеній на цѣлый годъ; описываетъ особенности во внѣшнихъ дѣйствіяхъ при богослуженіи служащихъ и предстоящихъ, также особенности въ выходахъ священника и діакона во время вечерняго богослуженія и вообще въ хожденіи по церкви монаховъ при различныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ; описываетъ правила для совершенія церковныхъ службъ въ различныхъ храмахъ или въ различныхъ частяхъ храма, соотвѣтственно времени и роду службъ; описываетъ особенности въ узаконенномъ одѣяніи монаховъ какъ-то: въ ношеніи мантій и клобуковъ и даже такія внѣшне-обрядовыя особенности, какъ особенности въ кажденіи, освѣщеніи церкви и звонѣ въ колокола. Эти наблюденія надъ церковно-обрядовою стороною жизни Аѳона привели Барскаго къ тому убѣжденію, что, не смотря на всѣ описанныя особенности, древнее православіе соблюдается на Аѳонѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Востокѣ. Выводъ изъ

всего этого Барскій хотя и не дѣлаетъ, однако онъ очевиденъ самъ-собою: такъ какъ описанныхъ нововведеній нѣтъ въ новоисправленныхъ богослужебныхъ чинахъ Русской церкви, то слѣдовательно нововведенія Русской церкви—вовсе не усвоеніе нововведеній Греческой церкви, а возстановленіе древняго благочестія, сохраняемаго на Востокѣ и утратившаго было свой истинный характеръ на Руси. Этимъ и исчерпывается содержаніе паломнической мысли Барскаго, выразившейся въ описаніи внутренняго устройства Аѳонскихъ общежитій.

Какъ во все предъидущее время Барскій старался описывать не одни только религіозные, или не одни свѣтскіе предметы, такъ и теперь онъ воспроизводитъ всю совокупность наблюдаемыхъ предметовъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣетъ избѣжать односторонности и исключительности при описаніи такой общины съ исключительно-одностороннимъ устройствомъ, каковъ Аѳонъ. Его описаніе Аѳона, какъ мы видѣли, чрезвычайно полно и общеинтересно. Онъ съ изумительнымъ спокойствіемъ и полнѣйшею невозмутимостію и хладнокровіемъ смотритъ въ лице описываемому предмету, такъ что не видно ни малѣйшихъ проблесковъ чувства и состояній аффективныхъ, которыя бы парализовали воздѣйствующія отношенія его къ дѣйствительности. Кромѣ того, Барскій не ограничивается уже описаніемъ предмета съ той только стороны, съ какой ему пришлось взглянуть на него: онъ обходитъ и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, и не разъ, и не два, а многократно, изучаетъ его, дѣлаетъ эксперименты, измѣряетъ, исчисляетъ, подмѣчаетъ малѣйшія частности, обсуживаетъ, соображаетъ. Правда, мы видимъ нѣсколько случаевъ, когда Барскій описываетъ предметъ какъ бы подъ вліяніемъ чувствъ удивленія и радости; но, всмотрѣвшись попристальнѣе въ это явленіе, мы не можемъ не замѣтить, что эти чувства произошли уже послѣ того, какъ онъ вполнѣ изучилъ предметъ. Въ этомъ мы вполнѣ убѣдимся, разсмотрѣвши описаніе Хилендарскаго храма, которое есть какъ-бы результатъ сильнаго вліянія чувствъ, происшедшихъ отъ созерцанія прекраснаго и величественнаго устройства зданія. Здѣсь Барскій, прежде всего, съ математическою точностію исчисляетъ и затѣмъ съ изумительною подробностію описываетъ тѣ десять предметовъ, которые его особенно интересовали; далѣе, рисуетъ одну сторону храма на бумагѣ, для чего необходимо изученіе предмета въ частностяхъ и, наконецъ, измѣряетъ основаніе храма и также изображаетъ на бумагѣ. Очевидно, что все это такія отношенія къ предмету, которыя возможны только при совершенномъ объективизмѣ, при полномъ отсутствіи аффектовъ, препятствующихъ изученію предмета. Чувство же, отразившееся на нѣкоторыхъ памятникахъ его паломнической

мысли за настоящій періодъ, вовсе не было чувствомъ человѣка, подавленнаго впечатлѣніями: это было чувство изслѣдователя, изучившаго съ тщаніемъ и подробностію интересный для него предметъ, или, пожалуй, это было чувство художника, воспроизведшаго на полотнѣ дорогой для него, и вмѣстѣ, трудный для исполненія образъ. Но понятно, что такое чувство вполнѣ естественно и умѣстно при самомъ строгомъ объективномъ отношеніи къ дѣйствительности.

Это дѣятельное, объективное отношеніе Барскаго къ дѣйствительности отразилось, прежде всего, на глубинѣ его изслѣдованія и полнотѣ его наблюденій. Предметы обозрѣваются теперь Барскимъ со всѣхъ сторонъ и описываются сполна и во всѣхъ частностяхъ; каждая часть описываемаго предмета также обозрѣвается всесторонне и описывается, по возможности, сполна, такъ что каждый предметъ описанъ самымъ полнымъ образомъ, почти что до самыхъ мельчайшихъ частностей; а чтобы эти частности не подавляли вниманія читателя, въ особенности при описаніи зданій, Барскій группируетъ всѣ описанныя частности въ одномъ рисункѣ, живописномъ образѣ и такимъ образомъ производитъ цѣльное впечатлѣніе на читателя.

Отношенія Барскаго къ дѣйствительности такъ добросовѣстны, описанія такъ полны и всесторонни, рисунки описываемыхъ имъ предметовъ, хотя и не совсѣмъ изящны, однако сдѣланы съ такою тщательностію и производятъ такое полное и цѣльное впечатлѣніе на зрителя [53]), что наше изслѣдованіе объ этомъ предметѣ сдѣлалось-бы совершенно излишнимъ. И мы, дѣйствительно, считаемъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ, въ смыслѣ полной вѣрности описаній Барскаго. Сомнѣвающихся-же въ истинѣ сказаннаго нами мы просимъ прочесть книгу о. архимандрита Антонина: «Замѣтки поклонника св. горы», въ которой онъ поставилъ своею задачею провѣрить «незабвеннаго Кіевскаго паломника, умнаго Барскаго, благосердаго, говорливаго».

Въ концѣ прошлаго періода, какъ мы видѣли, въ Барскомъ пробудился особенный интересъ къ историко-археологическимъ изысканіямъ. Въ настоящій періодъ этотъ интересъ къ научно-историческимъ свѣдѣніямъ сильно увеличивается, и стремленіе Барскаго къ изслѣдованіямъ начинаетъ принимать широкіе размѣры: шесть разъ приходилъ онъ къ монастырю Діонисіату за тѣмъ только, чтобъ ему показали

---

[53]) Часть подлинныхъ рисунковъ Барскаго, именно виды Аѳонскихъ монастырей, рисунковъ, составляющихъ собственность Одесск. общества исторіи и древностей, мы имѣли случай видѣть, благодаря содѣйствію профессора Кіевской Дух. Академіи Ф. А. Терновскаго.

«хрисовулы, мощи и библіотеку» [54]) и сумма сообщаемыхъ Барскимъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ за послѣднее время, очень значительна.

Всѣ изысканія Барскаго можно раздѣлить на двѣ категоріи: собственно историческія и историко-археологическія. Въ области своихъ историческихъ изысканій объ Аѳонѣ Барскій, прежде всего, касается до христіанской исторіи всей вообще горы и говоритъ о началѣ ея монашеской канонизаціи. Затѣмъ, онъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о каждомъ монастырѣ въ отдѣльности. Здѣсь онъ, прежде всего, пускается въ историко-филологическія разсужденія о самомъ названіи монастыря: говоритъ о значеніи названія, исторіи, происхожденіи его и приводитъ различныя сказанія объ этомъ предметѣ; затѣмъ говоритъ о началѣ основанія и созданія монастырей, о различныхъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ ихъ и исторіи послѣдующихъ возсозданій и обновленій монастырей; описываетъ исторію личностей, коихъ судьба тѣсно связана съ исторіей монастыря и ихъ заслуги для обители; описываетъ, наконецъ, исторію послѣдующихъ событій, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе, благотворное или неблаготворное, къ благосостоянію монастыря, какъ-то: пожары, нападенія разбойниковъ, отнятіе другими общинами монастырской собственности, или различныя благотворенія и пожертвованія и т. п. Это содержаніе собственно исторической части его изслѣдованій. Что̀ касается археологическихъ изысканій Барскаго, то онъ описываетъ мощи и части ихъ со многими другими святынями, хрисовулы и библіотеки. Нѣтъ сомнѣнія, что эти изысканія, кромѣ собственно археологическаго, имѣли и историческій интересъ для Барскаго, въ особенности это должно сказать о его описаніяхъ библіотекъ и хрисовуловъ. Описаніе библіотекъ служило для него, какъ мы видѣли, источникомъ для составленія понятія о состояніи просвѣщенія на Аѳонѣ, а на различные хрисовулы и грамоты онъ смотрѣлъ, какъ на матеріалъ для исторіи внѣшняго благосостоянія горы: эти грамоты суть именно юридическіе акты, закрѣпляющіе за монастырями различныя пожертвованія державныхъ и высокопоставленныхъ лицъ.

При изложеніи исторіи первоначальной монашеской колонизаціи Аѳона Барскій ссылается на «записи Греческія ветхія»; при передачѣ историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ онъ ссылается на житія Аѳонскихъ святыхъ, каково, напр. «житіе св. Аѳанасія, отъ ученикъ его списанное»; житіе св. Павла, помѣщенное въ синаксарѣ Болгарскомъ. Онъ основывается на хрисовулахъ, на актахъ поземельныхъ владѣній мона-

[54]) Рукопись Кіево-Мих. монаст. кн. 2, стр. 213.

стырей, на старыхъ кодексахъ монастырскихъ, на разныхъ надписяхъ, находящихся на стѣнахъ, надъ воротами въ монастыряхъ и церквахъ, на иконахъ и т. п. Затѣмъ, разсказывая различные достопримѣчательные эпизоды изъ жизни различныхъ лицъ, онъ ссылается на нѣкоторые другіе источники, какъ напр. на извѣстную книгу «σωτῆρια ἀξαρταλῶν» или, если и не приводитъ заглавія книги, послужившей для него источникомъ, то все-таки упоминаетъ, что такіе или иные разсказы заимствованы имъ изъ «книгъ Греческихъ, книгъ Греческихъ и Болгарскихъ, книгъ. печатныхъ и рукописныхъ» и проч. Многія сказанія свои онъ обосновываетъ просто на вещественныхъ памятникахъ—развалинахъ, различныхъ святыняхъ и т. п. Но кромѣ этихъ источниковъ, указываемыхъ самимъ Барскимъ, есть у него весьма много и такихъ сказаній, объ источникахъ которыхъ онъ умалчиваетъ. Большинство такихъ сказаній, по изслѣдованію преосвящ. Порфирія, есть буквальный переводъ книги врача І. Комнина: «краткое описаніе Аѳона», изданной въ 1701 году. Таковы сказанія Барскаго: о построеніи Аѳоно-каракальскаго монастыря, о происхожденіи названія Костамонита и построеніи Карейской церкви на Аѳонѣ, о возобновленіи Ватопедскаго монастыря Ѳеодосіемъ Великимъ и тремя братьями изъ Адріанополя, о посѣщеніи монастыря Плакидіей [56]), о построеніи Есфигмена и т. п. Замѣчательно, что какъ осмотрительно принималъ Барскій сказанія, обоснованныя на устныхъ источникахъ, также, наоборотъ, довѣрчиво, безо всякой критики относился ко всѣмъ сказаніямъ, заимствованнымъ имъ изъ письменныхъ источниковъ. Онъ совершенно искренно заноситъ въ свой «путникъ» фабулу о гробѣ съ 40 исполинскими головами, какъ исторически достовѣрное сказаніе, потому только, что нашелъ ее въ книгѣ, писанной «гречески и болгарски». Почти всѣ вышеисчисленныя сказанія, заимствованныя Барскимъ изъ книги Комнина, безпощадно уничтожены преосвящ. Порфиріемъ въ его «Исторіи Аѳона». Въ хрисовулахъ онъ описываетъ только заглавіе, не касаясь почти вовсе ихъ содержанія, такъ что о содержаніи нѣкоторыхъ, упоминаемыхъ имъ актовъ, которыхъ не могли отыскать позднѣйшіе археологи, судить нѣтъ никакой возможности [57]). Привелъ-было онъ содержаніе нѣкоторыхъ хрисовуловъ цѣликомъ, но одинъ изъ нихъ, самый интересный, по свидѣтельству преосвящ. Порфирія, оказался произведеніемъ фальшивой Аѳонской фабрикаціи. О многихъ хрисовулахъ, какъ это видно изъ свидѣтельства издателя актовъ Русскаго Пан-

[56]) Исторія Аѳона. Труды К. Д. Акад. за 1871 г. Августъ, стр. 367.
[57]) Акты Русск. на св. Аѳонѣ монаст. св. великом. Пантелеймона, стр. 412.

телеймонова монастыря, Барскій вовсе не упоминаетъ, потому-ли, что не могъ ихъ читать и понимать (акты на Молдавскомъ и нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ), или потому, что всѣ акты ему не были показаны «сребролюбивыми Аѳонскими иноками». На хронологію въ хрисовулахъ Барскій почти вовсе не обращаетъ вниманія, такъ что въ этой области являются удивительныя нелѣпости и анахронизмы, какъ это было замѣчено также издателемъ актовъ Аѳоно-Пантелеймоновскаго монастыря. Но если мы представимъ время, когда жилъ Барскій, если примемъ въ расчетъ добросовѣстное исполненное трудовъ и лишеній, отношеніе къ древности, то необходимо должны дать дань уваженія трудолюбивому и любознательному паломнику.

Всѣ послѣдующіе паломники съ уваженіемъ относились къ Барскому; они ссылаются на его мнѣнія [58]) и воспроизводятъ его описанія [59]), вполнѣ сознаютъ цѣну его трудовъ, и называютъ его самыми почтительными именами: Муравьевъ напр. называетъ «знаменитымъ Барскимъ» [60]), преосвящен. Порфирій всегда величаетъ его степеннымъ именемъ «отецъ Василій Барскій» [61]), даже Благовѣщенскій называетъ его «извѣстнымъ Барскимъ» [62]); въ особенности о. архимандритъ Антонинъ не можетъ скрыть своего сердечнаго влеченія къ Барскому [63]); онъ, кажется, не могъ найти достаточно словъ къ восхваленію Барскаго, называя его любознательнымъ, словоохотливымъ Кіевляниномъ, благосердымъ, блаженной памяти пилигримомъ Кіевскимъ, боголюбивымъ, неподражаемымъ паломникомъ, почтеннымъ, незабвеннымъ, говорливымъ Плакою, ученымъ, трудолюбивымъ, неудержимымъ ничѣмъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, Барскимъ; въ самомъ наблюденіи своемъ о. Антонинъ руководился исключительно Барскимъ и, по прибытіи въ какую нибудь мѣстность, всегда раскрывалъ его Путевыя Записки и прочитывалъ изъ нихъ соотвѣтствующее описаніе.

Таково положеніе Барскаго среди новѣйшихъ паломниковъ.

Еще большее значеніе имѣлъ Барскій въ ходѣ современной ему общественной жизни, прежде всего, своимъ личнымъ примѣромъ. Г. Ас-

---

[58]) Муравьевъ Прибавл. къ Римскимъ письмамъ, стр. 113; Письма Святогорца, изд. 2, часть 1, стр. 45; часть 2, стр. 230.

[59]) Порфирій, Перв. путеш. на Синай, стр. 190. Антонинъ, Замѣтки покл. св. горы, стр. 38, 41, 51, 58, 65, 69, 77, 86, 91, 110, 118—119, 133, 145, 151, 163, 189, 194, 244—245, 271—272, 349.

[60]) Письма съ Востока, часть 1, стр. 276.

[61]) Порфирій, Первое путеш. на Синай, стр. 190, 192, 194; Второе путешествіе на Синай, стр. 395 и 396.

[62]) Благовѣщенскій, Среди богомольцевъ. С.-П.Б. 1871 г., предисл., стр. 1,

[63]) Антонинъ, Замѣтки покл. св. горы, Кіевъ, 1864 г. стр. 67.

коченскій передаетъ, что вскорѣ послѣ знакомства съ удивительными странствованіями Барскаго, у его современниковъ только и разговору было, что о знаменитомъ пѣшеходѣ. Мало того, разсказы Барскаго такъ раздражали любопытство молодыхъ людей, производили на нихъ такое сильное вліяніе, что всѣ грезили путешествіями. Щепинъ былъ однимъ изъ первыхъ энтузіастовъ туризма и положилъ въ душѣ своей во что бы то ни стало побывать за границей. Онъ отыскалъ одного пріѣзжаго Греческаго монаха и, недолго думая, отправился съ нимъ изъ Кіева въ Константинополь. Но такъ какъ средства къ дальнѣйшему путешествію изъ Константинополя у Щепина оказались недостаточными, мѣрять же, подобно Барскому, ступаніемъ своимъ и пядію землю, у него не было большой охоты: то онъ и воротился назадъ въ Россію [64]).

Несравненно серьезнѣйшее значеніе имѣлъ Барскій для современниковъ описаніемъ своего путешествія, такъ какъ оно удовлетворяло самымъ разнообразнымъ ихъ потребностямъ. Прежде всего, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, Барскій несомнѣнно принадлежалъ къ той части общества, которая стояла за необходимость исправленія церковно-обрядовой стороны богослуженія; поэтому высшая духовная администрація, старавшаяся найдти поддержку и оправданіе своихъ реформъ въ описанной Барскимъ церковно-религіозной жизни Востока, старалась о популяризованіи его Путевыхъ Записокъ, какъ это доказываетъ тотъ фактъ, что изданіе «путника» Барскаго было совершено съ соизволенія и благословенія тогдашнихъ представителей церковной іерархіи, членовъ святѣйшаго синода архіепископовъ: Гавріила Новгородскаго, Платона Московскаго и Иннокентія Рижскаго. Равнымъ образомъ и противоположная партія не могла не интересоваться путешествіемъ Барскаго для подтвержденія своихъ мнѣній объ оскудѣніи древняго благочестія на Востокѣ, такъ какъ Барскій, руководясь въ своей любознательности объективной точкой зрѣнія, не скрывалъ, какъ мы видѣли, и темныхъ сторонъ въ церковной жизни Востока, вслѣдствіе чего раскольники позаботились издать для себя его путешествія въ 1788 году въ Клинцахъ, одной изъ Стародубскихъ раскольничьихъ слободъ. Далѣе, путешествіе Барскаго имѣло великій интересъ для современниковъ и въ другомъ отношеніи, именно въ государственно-политичекомъ. Со времени Петра восточный вопросъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ умами Русскаго общества: это былъ политическій конекъ того времени. Не чуждъ былъ этихъ воззрѣній и Барскій. Такъ, онъ съ

---

[64]) Аскоченскій, Кіевъ. часть 2, стр. 146.

самымъ искреннимъ сочувствіемъ относится къ страданіямъ восточныхъ христіанъ и яркими красками изображаетъ бѣдствія ихъ въ тѣхъ именно видахъ, чтобы возбудить къ нимъ состраданіе въ своихъ соотечественникахъ и побудить ихъ къ ускоренію желанной войны за освобожденіе Царяграда и святой Софіи отъ ига мусульманъ. Поэтому и правительство, старавшееся о проведеніи въ обществѣ своихъ идей касательно Востока, избрало однимъ изъ многихъ средствъ для достиженія этой цѣли и путешествіе Барскаго, вслѣдствіе чего постаралось ускорить изданіемъ въ печати его Путевыхъ Записокъ, какъ это показываетъ тотъ фактъ, что иниціатива изданія «путника» Барскаго принадлежала Потемкину, для котораго «Греческій проектъ не былъ политическою утопіею, а дѣломъ живымъ и общенароднымъ». Имѣлъ, наконецъ, «путникъ» Барскаго огромное значеніе, какъ для лицъ любознательныхъ вообще, по интересности свѣдѣній, сообщаемыхъ имъ, такъ и для лицъ благочестивыхъ въ особенности, какъ книга въ высшей степени нравственно-назидательная. Эти послѣднія достоинства, совмѣстно съ тремя вышеупомянутыми, были причиною того, что труды Барскаго, еще прежде чѣмъ появились въ печати, были уже извѣстны обществу; о нихъ отзывались съ похвалою даже въ средѣ просвѣщенной столичной публики, какъ о трудахъ, которые «въ разсужденіи рѣдкихъ описанныхъ въ нихъ вещей, заслуживаютъ видѣть свѣтъ». Рукопись его путешествій была жадно списываема и переписываема, такъ что по свидѣтельству издателя ея, Рубана, въ Малороссіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ, не было ни одного знатнаго мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ Россійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди, какъ духовные, такъ и міряне, за великія деньги доставали оную. Когда же рукопись Барскаго появилась въ печати, то въ небольшой промежутокъ времени выдержала одно за другимъ шесть изданій: первое изданіе, которымъ и мы пользовались при своемъ изслѣдованіи, было въ 1778 г. въ С.-Петербургѣ; а послѣднее шестое изданіе было сдѣлано также въ С.-Петербургѣ, въ 1819 году. Кромѣ того, въ 1847 году въ Москвѣ былъ изданъ небольшой отрывокъ изъ Путевыхъ Записокъ Барскаго подъ заглавіемъ «Путешествіе во Іерусалимъ», съ четырьмя картинами, имѣвшій также нѣсколько изданій, изъ коихъ третье изданіе появилось въ 1851 году [65]). Въ одномъ духовномъ журналѣ, предназначенномъ для нравственно-назидательнаго

---

[65]) Духовн. Вѣстникъ за 1862 г. т. III. стр. 364.

чтенія, намъ пришлось встрѣтить нѣсколько статей, заимствованныхъ изъ Барскаго [66]), какъ что и въ наше время путешествіе Барскаго не потеряло еще своего значенія и интереса: «любознательныхъ людей, интересующихся судьбами Востока, и теперь отсылаютъ еще къ любопытному во всѣхъ отношеніяхъ описанію сего рѣдкаго путешественника [67]).

«Невольное уваженіе вселяютъ къ себѣ такіе люди старой Руси», (закончимъ мы свое изслѣдованіе словами г. Срезневскаго) и, вѣроятно мы найдемъ ихъ со временемъ немало, когда будемъ искать съ любовію къ дѣйствительнымъ достоинствамъ людей, а не къ фантастическимъ идеаламъ, не забывая о времени, когда они жили [68]).

Александръ Гиляревскій.

Новочеркасскъ.

*

Мы можемъ порадовать приверженцевъ Русской науки извѣстіемъ, что Путешествіе Барскаго приготовляется къ новому изданію, по рукописямъ. За этотъ трудъ взялся Н. П. Барсуковъ, нарочно для того ѣздившій осенью прошлаго года въ Кіевъ, гдѣ встрѣтилъ сочувствіе и поддержку въ занятіяхъ со стороны Кіевскаго митрополита Филоѳея и каѳедральнаго Софійскаго протоіерея П. Г. Лебединцева. Имя Н. П. Барсукова служитъ ручательствомъ въ исполненіи. Онъ—издатель Дневника Храповицкаго и авторъ превосходной книги о П. М. Строевѣ. *П. Б.*

---

66) Въ „Воскресномъ Чтеніи" описаніе Силоамской купели, годъ IV, стр 55; гробницы Богородицы, годъ VII. стр. 162; о священномъ огнѣ, годъ XVIII, № 51 и 52.

67) Акты Русск. на св. Аѳонѣ монаст. св. великомуч. Пантелеймона, предисловіе, стр. XXII.

68) Срезневскій, Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина, С.-П.Б. 1857 г., стр. 83.

ДРУЖЕСКІЯ СНОШЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

ПИСЬМА КЪ НЕМУ.

В. К. Кюхельбекера.

О Кюхельбекерѣ очень много писано. Прибавимъ, что мать его была женщина отмѣнной энергіи. Мужъ ея почему-то жилъ въ Михайловскомъ замкѣ. Когда онъ явился къ ней оттуда, въ ночь 12 Марта 1801 года, она грозно крикнула на него и на объясненія его сказала: „Ты обязанъ былъ умереть тамъ.“ (Слышано отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго) *П. Б.*

1.

Любезные друзья и братья, поэты Александры [1]).

Пишу къ вамъ вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы васъ другъ другу сосводничать. Я здоровъ и, благодаря подарку матери моей природы, легкомыслію, не-несчастливъ. Живу du jour au jour [2]); пишу. Пересылаю вамъ нѣкоторыя бездѣлки, сочиненныя мною въ Шлиссельбургѣ. Свиданія съ тобою, Пушкинъ, въ вѣкъ не забуду. Получилъ ли Грибоѣдовъ мои волосы? Если желаешь, другъ, прочесть отрывки изъ моей поэмы, пиши къ С. Бѣгичеву: я на дняхъ переслалъ ему ихъ нѣсколько. Простите. Цѣлую васъ.

В. Кюхельбекеръ.

Дюнабургъ, 10 Іюля 1828.

2.

20 Окт. (1830. Динабургъ).

Любезный другъ Александръ.

Черезъ два года, наконецъ, опять случай писать къ тебѣ. Часто я думаю о васъ, мои друзья; но увидѣться съ вами надежды нѣтъ-какъ нѣтъ. Отъ тебя, т. е. изъ твоей Псковской деревни, до моего Помфрета [3]), правда, не далеко; но и думать боюсь, чтобъ ты ко мнѣ пріѣхалъ...... [4])

---

[1]) Т. е. Пушкинъ и Грибоѣдовъ.

[2]) Изо дня въ день.

[3]) Помфретъ — мѣстечко въ Англіи, близъ Виндзора. Къ чему относится, не знаемъ.

[4]) Точки въ подлинникѣ.

А сердце голодно, хотѣлось бы хоть взглянуть на тебя! Помнишь ли наше свиданіе въ родѣ чрезвычайно романтическомъ: мою бороду? фризовую шинель? медвѣжью шапку? Какъ ты, черезъ семь съ половиною лѣтъ, могъ узнать меня въ такомъ костюмѣ, вотъ чего не постигаю! [5])

Я слышалъ, другъ, что ты женишься: правда ли? Если *она* стоитъ тебя, радъ; но скажи ей или попроси, чтобъ добрые люди ей сказали, что ты быть молодымъ лордомъ Байрономъ не намѣренъ, да сверхъ того и слишкомъ для такихъ похожденій старъ.—Старъ? Да, любезный, поговариваютъ уже о старости и нашей: волосъ у меня уже крѣпко съ русаго сбивается на сѣро-нѣмецкій; годъ, два, и *Амигдалъ процвѣтетъ на главѣ моей.* Между тѣмъ я, новый Камоэнсъ, творю, творю хоть не Лузіады, а ангельщины и дьявольщины, которымъ конца нѣтъ. Мой черный демонъ отразился въ «Ижорскомъ»; свѣтлый—въ произведеніи, которое назвать боюсь; но по моему мнѣнію оно и оригинальнѣе и лучше «Ижорскаго», даже въ чисто-свѣтскомъ отношеніи. Къ тому же терцины, размѣръ божественнаго Данте, слогъ, въ которомъ я старался исчерпать все, что̀ могу назвать моимъ познаніемъ Русскаго языка, и частная, личная исповѣдь всего того, что̀ меня въ пять лѣтъ моего заточенія волновало, утѣшало, мучило, обманывало, ссорило и мирило съ самимъ собою: это все вещи, которыя въ «Ижорскомъ» не могли имѣть мѣста; тамъ же, можетъ быть, годятся. — Сдѣлай, другъ, милость, напиши мнѣ: удался ли мой «Ижорскій» или нѣтъ? У меня нѣтъ здѣсь судей: Манасеинъ уѣхалъ, да и судить-то ему не подъ стать. Шишковъ могъ бы, да также уѣхалъ, а въ бытность свою здѣсь слишкомъ былъ измученъ всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣялось съ нимъ. —Напиши, говорю, разумѣется, не по почтѣ, а отдашь моимъ: авось они черезъ годъ, черезъ два или десять найдутъ случай мнѣ переслать. Для меня время не существуетъ: черезъ десять лѣтъ или завтра для меня à peu près все равно.

Кто это у васъ печатаетъ піесы, очень мнѣ близкія по тому, что̀ въ нихъ говорится, хотя бы я немного иначе все это сказалъ? Не Александръ ли *О?* Мой и Исандера питомецъ? Зналъ ли ты Исандера? Нѣтъ? Престранное дѣло пѝсьма: хочется тьму сказать, а не скажешь ничего. Главное дѣло вотъ въ чемъ, что я тебя не только люблю, какъ всегда

---

[5]) Извѣстно, что Пушкинъ, въ 1827 году, не видавшій своего друга *Кюхлю* съ самаго выхода изъ Лицея, повстрѣчался съ нимъ на одной изъ станцій по дорогѣ въ Петербургъ: Кюхельбекера, уже государственнаго преступника, задержаннаго въ Варшавѣ, везли жандармы. Къ этому свиданію относятся стихи Пушкина:

Какъ другъ, обнявшій молча друга,
Передъ изгнаніемъ его.

любилъ, но за твою «Полтаву» уважаю, сколько только можно уважать.

Это конечно тебѣ покажется весьма немногимъ, если ты избалованъ безсмысленными охами и ахами, которые воздвигаютъ вокругъ тебя люди, понимающіе тебя и то, чѣмъ можешь быть, долженъ быть и (я твердо увѣренъ) будешь; понимающіе, говорю, это также хорошо, какъ я языкъ Китайскій. Но я увѣренъ, что ты презираешь ихъ глупое удивленіе наравнѣ съ ихъ бранью, quoiqu'ils font chez nous le beau tems et la pluie [6]). Ты видишь, мой другъ, я не отсталъ отъ моей милой привычки: приправлять мои православныя письма Французскими фразами. Вообще я мало перемѣнился: тѣже причуды, тѣже странности и чуть ли не тотъ же образъ мыслей, что̀ въ Лицеѣ! Старъ я только сталъ, больно старъ, и потому-то тупъ; учиться ужъ не мое дѣло, и Греческій языкъ въ отставку, хотя онъ меня еще занималъ мѣсяца четыре тому назадъ: вижу, не дается мнѣ! Усовершенствоваться бы только въ Польскомъ. Мицкевича читаю довольно свободно, Одынца тоже; но Нѣмцевичъ для меня трудненекъ. Мой другъ, болтаю, переливаю изъ пустаго въ порожнее, все для того, чтобъ ты себѣ составилъ идею объ узникѣ Двинскомъ. Но развѣ ты его не знаешь? И развѣ такъ интересно его знать? Вчера былъ лицейскій праздникъ; мы его праздновали не вмѣстѣ, но одними воспоминаніями, одними чувствами. Что̀, мой другъ, твой «Годуновъ»? Первая сцена, *Шуйскій* и *Воротынскій*, безподобна; для меня лучше, чѣмъ сцена *Монахъ* и *Отрепьевъ*; болѣе въ ней живости, силы, драматическаго. Шуйскаго бы разцѣловать. Ты отгадалъ его совершенно. Его: «А что̀ мнѣ было дѣлать?» рисуетъ его лучше, чѣмъ весь XII томъ покойнаго и спокойнаго исторіографа. Но Господь съ нимъ! De mortuis nil nisi bene [7]).

Je ne vous recommande pas le porteur de cette lettre, persuadé que vous l'aimerez sans cela et pour l'amitié qu'il m'a montré pendant son séjour à D. [8]) Прощай, другъ! Должно еще писать къ Дельвигу и къ роднымъ; а то бы начертилъ бы тебѣ и поболѣе. For ever your William [9]).

---

[6]) Хотя отъ нихъ у насъ и вёдро и дождь, т. е. они всевластны.

[7]) О мертвыхъ надо говорить хорошо, или ничего.— [8]) Не рекомендую тебѣ подателя этого письма, увѣренный, что ты его полюбишь и за дружбу, которую онъ мнѣ оказалъ, будучи въ Д. (инабургѣ).— [9]) На всегда вашъ Вильгельмъ.

Письмо Кюхельбекера къ Дельвигу [10]).

18 Ноября (Динабургъ, 1830).

Любезнѣйшій Антонъ Антоновичъ.

Вотъ тебѣ первая часть моего «Ижорскаго». Желалъ бы я очень знать, какъ тебѣ покажется. Теперь финансы и прочія суеты мірскія: прошу тебя, если можно, напечатай «Ижорскаго» подъ псейдографическимъ именемъ напр. *Космократова Младшаго* (буде Пушкинъ позволитъ); далѣе, чтобы profanum vulgus никакъ не узналъ настоящаго имени автора, et c'est pour cause, потому что черезъ таковое узнаніе могу лишиться пера и чернилъ, единственной отрады, которая осталась мнѣ въ жизни; наконецъ, если ты согласенъ принять въ свое обладаніе мою чертовщину, черезъ подателя пришли мнѣ 100 рубл. въ зачетъ 300 или 250, которыхъ за нее прошу.—П. А. Плетнева прошу покорно потрудиться на счетъ исправности изданія; надѣюсь, что онъ не откажетъ мнѣ въ этомъ. На свою долю мнѣ бы желалось 25 экз.; изъ нихъ 5 отъ моего имени прошу доставить: 1) Бѣгичеву въ Москвѣ; 2) Пушкину; 3) Баратынскому; 4) Жуковскому; 5) Гнѣдичу; 20 потрудиться мнѣ переслать черезъ подателя сего. Не извиняюсь, что утруждаю тебя; я полагаю, что извиненія въ этомъ случаѣ должны бы тебѣ показаться обидными; тѣмъ болѣе, что нуждаюсь въ деньгахъ и потому только и рѣшился напечатать «Ижорскаго».

Если можешь, напиши ко мнѣ на имя Манасеина; строчка твоей руки меня очень осчастливитъ; но не поминай ни имени, ни фамиліи моей. Податель мнѣ письмо доставитъ не скоро, за то вѣрно.

Хочешь ли знать, что̀ сдѣлалъ я въ четыре года? Я былъ довольно прилеженъ еще подъ судомъ, безъ бумаги, безъ пера, безъ чернилъ. Началъ я нѣчто эпическое; это нѣчто, надѣюсь, будетъ по крайней мѣрѣ столько же оригинально въ своемъ родѣ, какъ «Ижорскій». Оно въ терцинахъ, въ 10 книгахъ; 9 кончены, названіе *Давидъ*; руководители Тассъ, отчасти Дантъ, но преимущественно Библія. Далѣе, я началъ романъ, который вѣроятно погибъ; остался онъ въ рукахъ у Шипперсона, котораго Баратынскій знаетъ; заглавіе: *Деодатъ*. Сверхъ того перевелъ я Макбета, Ричарда II и началъ Генриха IV. Макбета можешь прочесть у моихъ; живутъ они въ Большой Подьяческой, въ домѣ Быковыхъ подъ № 290, если не ошибаюсь. Сообщи имъ и «Ижорскаго».

---

[10]) Сохранилось въ бумагахъ Пушкина.

Надѣюсь, что м. г. Софія Михайловна позволитъ мнѣ попросить тебя, чтобы ты у нея поцѣловалъ за меня ручку. Не забывай меня. Цѣлую Петра Александровича.

Твой В. К.

P. S. Письмо сожги.

3.

Баргузинъ, 12 Февраля 1836 года.

Двѣнадцать лѣтъ, любезный другъ, я не писалъ къ тебѣ. Не знаю, какъ на тебя подѣйствуютъ эти строки. Онѣ писаны рукою, когда-то тебѣ знакомою; рукою этою водитъ сердце, которое тебя всегда любило; но двѣнадцать лѣтъ не шутка. Впрочемъ мой долгъ прежде всѣхъ лицейскихъ товарищей вспомнить о тебѣ въ минуту, когда считаю себя свободнымъ писать къ вамъ; *долгъ*, потому что и ты же болѣе всѣхъ прочихъ помнилъ о вашемъ затворникѣ. Книги, которыя время отъ времени пересылалъ ты ко мнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ драгоцѣнны: разъ, онѣ служили мнѣ доказательствомъ, что ты не совсѣмъ еще забылъ меня, а во вторыхъ приносили мнѣ въ моемъ уединеніи большое удовольствіе. Сверхъ того, мнѣ особенно пріятно было, что ты, поэтъ, болѣе нашихъ прозаиковъ заботишься обо мнѣ: это служило мнѣ вмѣсто явнаго опроверженія всего того, что̀ господа люди хладнокровные и разсудительные обыкновенно взводятъ на грѣшныхъ служителей стиха и риѳмы. У нихъ поэтъ и человѣкъ недѣльный одно и тоже; а вотъ же Пушкинъ оказался другомъ гораздо болѣе дѣльнымъ, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ. Вѣрь, Александръ Сергѣевичъ, что умѣю цѣнить и чувствовать все благородство твоего поведенія; не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что долженъ былъ ожидать отъ тебя всего прекраснаго; но клянусь, отъ всей души радуюсь, что такъ случилось.

Мое заточеніе кончилось: я на свободѣ, т.-е. хожу безъ няньки и сплю не подъ замкомъ. Вѣроятно полюбопытствуешь узнать кое-что о Забайкальскомъ краѣ или Даурской Украйнѣ, какъ въ сказкахъ и пѣсняхъ называютъ ту часть Сибири, въ которой теперь живу. На первый случай мало могу тебѣ сообщить удовлетворительнаго, а еще менѣе утѣшительнаго. Вопервыхъ, въ этой Украйнѣ холодно, очень холодно; во вторыхъ, нравы и обычаи довольно прозаическіе: безъ преданій, безъ рѣзкихъ чертъ, безъ оригинальной физіономіи. Буряты мнѣ нравятся гораздо менѣе Кавказскихъ горцевъ: рожи ихъ безобразны, но не на Гофмановскую стать, а на стать нашей любезной отечественной ли-

тературы, плоски и безжизненны. Тунгусовъ я встрѣчалъ мало, но въ нихъ что-то есть; звѣриное начало (le principe animal) въ нихъ сильно развито и, какъ человѣкъ-звѣрь, Тунгусъ въ моихъ глазахъ гораздо привлекательнѣе разсчетливаго, благоразумнаго Бурята. Русскіе (жаль, другъ Александръ,—а должно же сказать правду) Русскіе здѣсь почти тѣже Буряты, только безъ Бурятской честности, безъ Бурятскаго трудолюбія. Отличительный порокъ ихъ пьянство: здѣсь пьютъ всѣ, мужчины, женщины, старики, дѣвушки; женщины почти болѣе мужчинъ. Здѣшній языкъ богатъ идіотизмами, но о нихъ въ другой разъ. Мимоходомъ только замѣчу, что простолюдины употребляютъ здѣсь пропасть книжныхъ словъ, особенно часто: *почто, но, однако;* далѣе,—*облачусь* вмѣсто *одѣнусь*, *ограда* вмѣсто *дворъ* etc. Метисы бываютъ иногда очень хороши. Вѣришь ли? Я замѣтилъ доро́гою нѣсколько лицъ истинно Греческихъ очерковъ; но что̀ гадко: у нихъ, какъ у Бурятъ, мало бороды, и потому подъ старость даже лучшіе бываютъ похожи на старыхъ евнуховъ или самыхъ безобразныхъ бабушекъ. Между Русскими, здѣшними урожейцами, довольно бѣлокурыхъ; но у всѣхъ почти скулы выдаются, что̀ придаетъ ихъ лицамъ что-то Калмыцкое. Горы Саянскія или, какъ ихъ здѣсь называютъ, Яблонный хребетъ, меньше Кавказскихъ, но, кажется выше Уральскихъ, и довольно живописны. О Байкалѣ ни слова: я видѣлъ его подъ ледячою бронею. За то, другъ, здѣшнее небо безподобно. Какая ясность! Что за звѣзды! Вотъ для псчину! Если пожелаешь письма поскладнѣе, отвѣчай.—Обнимаю тебя. Je vous prie de me rappeler au souvenir de madame votre mère et m-r votre père. Tout à vous [11]).

В. Кюхельбекеръ.

4.

Баргузинъ, 18 Октября 1836 года.

Не знаю, другъ Пушкинъ, дошло ли до тебя, да и дойдетъ ли письмо, которое писалъ я къ тебѣ въ Августѣ; а между тѣмъ берусь опять за перо, чтобы поговорить съ тобою хоть заочно. Въ иное время я, быть можетъ, выждалъ бы твоего отвѣта; но есть въ жизни такія минуты, когда мы всего надѣемся, когда опасенія не находятъ дороги въ душу нашу. Grande nouvelle! Я собираюсь—жениться; вотъ и я буду Benedick the maried man, а моя Beatrix почти такая же little Shrew, какъ и въ Much Ado старики Willy.—Что-то Богъ дастъ?

---

[11]) Прошу привести меня на память м. г. твоей матушки и м. г. твоего батюшки. Весь твой.

Для тебя, поэта, по крайней мѣрѣ важно хоть одно, что она *въ своемъ родѣ* очень хороша: черные глаза ея *жгутъ душу*; въ лицѣ что-то младенческое и вмѣстѣ что-то страстное, о чемъ вы, Европейцы, едва ли имѣете понятіе. Но довольно. Завтра 19 Октября. Вотъ тебѣ, другъ, мое приношеніе. Чувствую что оно недостойно тебя; но, право, мнѣ теперь не до стиховъ.

19 Октября.

1.

Шумятъ, бѣгутъ часы: ихъ темный валъ
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полной чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ.
Давно!—Европы стражъ, сѣдой Уралъ,
И Енисей, и степи, и Байкалъ
Теперь межъ нами... На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали.

2.

Поминки нашей юности! И я
Ихъ праздновать хочу; воспоминанья,
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья,
Воскреснете! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя,
Всѣхъ васъ, Лицея вѣрная семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ:
Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.

3.

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ.... Пѣснопѣвецъ, это ты!
Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты.
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Когда уединенъ, ты пилъ кручину.

4.

Когда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятья,
И надъ Невою встрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдаго Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.

5.

О братъ мой! Много съ той поры прошло;
Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмою;
Я сталъ знакомъ съ Торкватовой судьбою.
И чтожъ? Опять передо-мной свѣтло!
Какъ сонъ тяжелый горе протекло;
Мое свѣтило изъ-за тучъ чело
Вновь подняло; гляжу въ лице природы:
Мнѣ отданы долины, горы, воды.

6.

И, другъ, хотя мой волосъ побѣлѣлъ,
А сердце бьется молодо и смѣло,
Во мнѣ душа переживаетъ тѣло:—
Еще мнѣ Божій міръ не надоѣлъ.
Чтó ждетъ меня? Обманы—нашъ удѣлъ.
Но въ эту грудь вонзалось много стрѣлъ,
Терпѣлъ я много, обливался кровью....
Что если въ осень дней столкнусь съ любовью?

Размысли, другъ, этотъ послѣдній вопросъ и не смѣйся; потому что человѣкъ, который десять лѣтъ сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ и способенъ еще любить довольно горячо и молодо,—ей Богу, достоинъ нѣкотораго уваженія. Цѣлую тебя.

Вильгельмъ.

П. А. Катенина.

Павелъ Александровичъ Катенинъ (дядя извѣстнаго, позднѣе, Оренбургскаго генералъ-губернатора) былъ однимъ изъ старшихъ пріятелей Пушкина, который съ ранней молодости, посреди всяческаго разгула страстей, отличался чуткостью въ оцѣнкѣ людей. Катенинъ же былъ человѣкъ замѣчательный. Костромичъ родомъ, Грекъ по своей матери (которая была дочерью генерала Пурпуры), онъ участвовалъ въ войнахъ за спасеніе Россіи и освобожденіе Европы отъ Наполеона и въ 1815—1821 годахъ занималъ блестящее положеніе среди нашей военной и свѣтской молодежи, будучи командиромъ перваго батальона Преображенскаго полка, имѣя помѣщеніе рядомъ съ зимнимъ дворцомъ, въ казармахъ на Милліонной (въ эти казармы ежедневно ходилъ на утреннюю прогулку, въ бытность свою въ Петербургѣ, государь Александръ Павловичъ) и, вмѣстѣ съ доблестью воинскою, отличаясь большою начитанностью и даромъ словеснаго искусства. Пушкинъ сошелся съ нимъ въ общей страсти къ театру и черезъ него попалъ въ общество князя А. А. Шаховскаго, проникъ въ театральный міръ, въ закулисное царство.

Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ первой ссылки Пушкина, и надъ Катенинымъ стряслась бѣда. Въ большомъ театрѣ онъ неосторожно выразилъ неодобреніе игрѣ одной актрисы, находившейся подъ покровительствомъ Петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, который распорядился немедленною высылкою Катенина въ Костромскую деревню. Государя въ то время не было въ Россіи. Нѣсколько позже, въ одинъ изъ своихъ переѣздовъ по Россіи, проѣзжая по близости Катенинскаго имѣнія въ Кологривскомъ уѣздѣ, Александръ Павловичъ вспомнилъ про своего полковника. Онъ былъ снова принятъ на службу, но уже измятый жестокимъ поступкомъ графа Милорадовича. При Николаѣ Катенинъ служилъ на Кавказѣ и былъ, если не ошибаемся, комендантомъ Кизлярской крѣпости. Сочиненія его изданы особо, въ двухъ книгахъ (С.-П.Б. 1832); но не столько ими, какъ пріязнію Пушкина, увѣковѣчено его имя. Пушкинъ въ особенности цѣнилъ познанія Катенина въ иностранной словесности и нѣкоторые его переводы изъ Французскихъ трагиковъ.

. . . Нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый.

Съ годами роли перемѣнились: слава окружила имя Пушкина, а Катенинъ остался въ тѣни; но золотое сердце Пушкина никогда не забывало обязательствъ дружбы, и онъ поддерживалъ сношенія съ Катенинымъ, которыя иной разъ могли быть ему въ тягость. П. Б.

1.

Въ концѣ зимы жилъ я въ Костромѣ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, и съ прискорбіемъ услышалъ отъ дяди твоего, тамошняго жителя [1]), что ты опять попалъ въ бѣду и по неволѣ живешь въ деревнѣ. Я хотѣлъ тотчасъ къ тебѣ писать; но тяжба, хлопоты, неудовольствія, нездоровье отняли у меня и время, и охоту. Развязавшись кое-какъ и то на время со всей этой дрянью, и возвратясь въ свой медвѣжій уголъ, я вдругъ вспомнилъ, что забылъ спросить у дяди твоего, въ какой губерніи ты находишься и какъ подписывать къ тебѣ письма. Богъ вѣсть сколько бы еще времени такъ уплыло; но на прошедшей почтѣ князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ прислалъ мнѣ изъ Москвы въ подарокъ твоего «Онѣгина». Весьма нечаянно нашелъ я въ немъ мое имя, и это доказательство, что ты меня помнишь и хорошо ко мнѣ расположенъ, заставило меня почти устыдиться, что я по сіе время не попекся тебя

---

[1]) Это былъ дальній родственникъ, если не ошибаемся, Александръ Юрьевичъ Пушкинъ. П. Б.

провѣдать. Сдѣлай одолженіе, извѣсти меня обо всемъ; ты пересталъ ко мнѣ писать такъ давно; я самъ два года съ половиной живу такъ далеко ото всего, чтò не знаю: ни гдѣ ты былъ, ни чтò дѣлалъ, ни чтò съ тобой дѣлали; а коли ты мнѣ все это разскажешь, ты удовлетворишь желаніе истинно-пріятельское. Отъ меня не жди новостей: живу я въ лѣсу, въ дичи, въ глуши, въ одиночествѣ, въ скукѣ и стиховъ рѣшился не писать: carmina nulla canam [2]). Но и монахини (разумѣется честныя), давшія небу обѣтъ не любить, охотно слушаютъ про дѣла любовныя; я въ этомъ же положеніи и съ отмѣннымъ удовольствіемъ проглотилъ г-на Евгенія (какъ по отчеству?) Онѣгина. Кромѣ прелестныхъ стиховъ, я нашелъ тутъ тебя самого, твой разговоръ, твою веселость и вспомнилъ наши казармы въ Милліонной. Хотѣлось бы мнѣ потребовать отъ тебя въ самомъ дѣлѣ исполненія обѣщанія шуточнаго: написать поэму, пѣсенъ въ двадцать пять; да не знаю, каково теперь твое расположеніе; любимыя занятія наши иногда становятся противными. Впрочемъ, кажется, въ словесности тебѣ неудовольствій нѣтъ, и твой путь на Парнасъ устланъ цвѣтами. Еще разъ, милый Александръ Сергѣевичъ, повторяю мою просьбу: увѣдоми меня обо всемъ, гдѣ ты, какъ ты, чтò съ тобой, какъ писать къ тебѣ и прочее.

Желаю тебѣ успѣха и отъ бѣдъ избавленія; остаюсь по прежнему весь твой

Павелъ Катенинъ.

Маія 9-го 1825. Кологривъ.

2.

Твое письмо, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, въ свою очередь немало постранствовало по бѣлу свѣту и побывало сперва въ Кологривѣ, а послѣ уже дошло до меня въ Петербургъ. Для отвращенія впредъ подобныхъ затяжекъ, увѣдомляю тебя, что надписывать ко мнѣ надобно: въ Большую Милліонную, въ домъ Паульсона. Благодарю тебя, мой милый, за всѣ привѣтствія. Какой авторъ не любитъ похвалъ? Кому онѣ не вдвое лестны покажутся изъ устъ твоихъ? Но это голосъ Сирены, отъ котораго здравый разсудокъ велитъ всякому многострадальному Одиссею затыкать уши. Всѣ мнѣ совѣтовали отдать, наконецъ, на театръ мою трагедію, я самъ полагалъ это дѣломъ толковымъ и пустился на волю Божію; но теперь почти раскаеваться начинаю и придвижу тьму новыхъ неудовольствій; ибо нынѣшній директоръ Остолоповъ, едва знающій меня въ глаза, уже за что-то терпѣть не мо-

---

[2]) Не пою никакихъ пѣсенъ.

жетъ. Въ прошедшую Пятницу, по правиламъ новаго театральнаго постановленія, собрался въ домѣ графа Милорадовича комитетъ *словесниковъ* (такъ написано было въ повѣсткахъ). Какими правилами руководствуются при этомъ сборѣ, мнѣ неизвѣстно; а знаю только, что, къ сожалѣнію моему, не было тутъ ни Оленина, ни Гнѣдича, ни Жуковскаго, ни Жандра, ни Лобанова, ни Хмѣльницкаго. Изъ людей, въ самомъ дѣлѣ извѣстныхъ въ словесности, находились только Шишковъ, Муравьевъ-Апостолъ, Шаховской и Крыловъ. Повѣришь ли ты, что тутъ же съ ними засѣдалъ и Бестужевъ?! Меня не было; читалъ мой ученикъ Каратыгинъ, какъ видно, весьма хорошо, ибо трагедія понравилась, и ее опредѣлили принять; завтра иду въ контору толковать объ условіяхъ. Предвижу множество хлопотъ и затрудненій, очень слегка надѣюсь на нѣкоторое вознагражденіе въ успѣхѣ представленія; но во всякомъ случаѣ утѣшаюсь мыслію, что это уже моя послѣдняя глупость, и что какъ бы ни приняли «Андромаху», разница будетъ для меня въ томъ только, что я съ бòльшимъ или мѐньшимъ отвращеніемъ сойду съ поприща, на которое никому пускаться не желаю. Недавно играли новую комедію «Аристофанъ» и приняли ее хорошо. Колосова опять на театрѣ, elle enlève la paille [3]). Семенова, послѣ долгаго сна, отлично сыграла Медею: какое дарованіе, и какъ жаль, что она его запускаетъ! Каратыгинъ къ бенефису своему перевелъ стихами трагедію: Blanche et Guiscard и весьма недурно, такъ что я ему совѣтую на будущій годъ приняться за что-нибудь лучшее, напримѣръ Manlius.

Съ нетерпѣніемъ жду остальныхъ пѣсней твоего «Онѣгина»; желалъ бы также познакомиться съ «Цыганами», о которыхъ чудеса разсказываютъ. Отчего ты ихъ не печатаешь? Или цензура?... Я сбираюсь свои стихотворенія издать, и какъ ни увѣренъ по совѣсти, что въ нихъ нѣтъ ни одного слова, ни одной мысли непозволительной, но все боюсь; ибо никакъ не могу постичь, что̀ нашимъ цензорамъ не по вкусу и какъ писать, чтобы имъ угодить.

Прощай, умница; дай Богъ тебѣ здоровье и скорый возвратъ! Не забывай, что искренно любитъ и тебя, и твое дарованье не-романтикъ

Павелъ Катенинъ.

Ноября 24-го 1825.

---

[3]) Слово въ слово: подымаетъ солому. Выраженіе это употребляется въ смыслѣ пожинать лавры. П. Б.

3.

Извини, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что я такъ давно тебѣ не отвѣчалъ: въ нынѣшнее смутное время грустна даже бесѣда съ пріятелемъ. Жандръ сначала попался въ бѣду, но его вскорѣ выпустили; о другихъ общихъ нашихъ знакомыхъ отложимъ разговоръ до свиданія. И почему бы ему не быть вскорѣ? Стихотворенія твои я читалъ, большая часть мнѣ давно извѣстна. Но скажи пожалуй, къ какому К—ну ты пишешь нѣчто о Колосовой? Многіе думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ. Ты часто изволишь ставить начальныя буквы таинственно. Въ Невскомъ Альманахѣ (издатель долженъ быть слишкомъ добрый человѣкъ) послѣ Полеваго et compagnie стоитъ какой-то К.... *дальный вашъ* (чей) *родня*; моя совѣсть чиста, ибо по сію пору я ни въ Невскомъ, ни въ другомъ альманахѣ ничего не печаталъ; но злые люди!... Однако чортъ съ ними; я хочу поговорить съ тобою о человѣкѣ очень хорошемъ, умномъ, образованномъ и мнѣ коротко знакомомъ; назвать до времени не могу. Онъ намѣренъ въ началѣ будущаго года выдать также альманахъ, разумѣется не такой, какъ нынѣшніе. Я для него рѣшаюсь нарушить мой зарокъ и написать что-нибудь порядочное; время есть; сверхъ того я вызвался выпросить стиховъ у тебя, и надѣюсь, что ты не введешь меня въ лгуны; болѣе: я прошу у тебя такихъ стиховъ, которыми бы ты самъ былъ доволенъ, вещи дѣльной. Будь умница и не откажи. Готовые теперь ты вѣроятно еще прежде издашь; но это все равно, будетъ другое; и въ твои лѣта и съ твоимъ дарованіемъ все должно идти чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Слышалъ я о второй части «Онѣгина», о трагедіи «Годуновъ»; любопытенъ чрезвычайно все это видѣть; но ты рѣшительно не хочешь мнѣ ничего показать, ни прислать. Богъ тебѣ судія; а я, какъ истый христіанинъ, прощаю, съ уговоромъ только, чтобы ты непремѣнно, безъ отговорокъ и вполнѣ, удовлетворилъ мою вышеписанную покорнѣйшую просьбу. За человѣка могу я ручаться, какъ за себя, слѣдственно и за достоинство предполагаемаго изданія уже впередъ нѣсколько отвѣчаю; но безъ тебя, баловень Музъ и публики, и праздникъ не въ праздникъ. Это мнѣ опять напоминаетъ твое отсутствіе. Постарайся, чтобы оно кончилось. Самому тебѣ не желать возврата въ Петербургъ странно. Гдѣ же лучше? Запретить тебѣ на отрѣзъ, кажется, нѣтъ довольно сильныхъ причинъ. Если бъ я былъ на мѣстѣ Жуковскаго, я бы давно хлопоталъ, какъ бы тебя возвратить тѣмъ, кто тебя душевно любитъ. Правда, я бы тогда хлопоталъ для себя.

Прощай, милый; будь здоровъ и покуда хоть пиши. Мое почтеніе царю Борису Θедоровичу; любезнаго проказника Евгенія прошу быть моимъ стряпчимъ и ходатаемъ у его своенравнаго пріятеля. Прощай. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Февр. 3-го 1826.
С.-Петербургъ.

4.

Премного благодарю, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, за готовность твою меня одолжить и предваряю тебя, что обѣщанные дары должны быть доставлены сюда отнюдь не позже перваго Сентября, дабы издатель успѣлъ все кончить съ цензурою и типографіею ранѣе новаго года. Отъ изданія журнала вдвоемъ я отнюдь не прочь; но объ этомъ рано говорить, пока тебя здѣсь нѣтъ, что̀ меня очень огорчаетъ. На друзей надѣяться хорошо, по самому плошать не надо. Я бы на твоемъ мѣстѣ сдѣлалъ тоже что̀ на своемъ: написалъ бы прямо къ царю почтительную просьбу въ благородномъ тонѣ, и тогда я увѣренъ, что онъ тебѣ не откажетъ, да и не за что.

Наконецъ досталъ я и прочелъ вторую часть «Онѣгина» и вообще весьма доволенъ сю; деревенскій бытъ въ ней также хорошо выведенъ какъ городской—въ первой. Ленскій нарисованъ хорошо, а Татьяна много обѣщаетъ. Замѣчу тебѣ однако (ибо ты меня посвятилъ въ критики), что по сіе время дѣйствіе еще не началось; разнообразность картинъ и прелесть стихотворенія, при первомъ чтеніи, скрадываютъ этотъ недостатокъ, но размышленіе обнаруживаетъ его; впрочемъ его уже теперь исправить нельзя, а остается тебѣ другое дѣло: вознаградить за него вполнѣ въ слѣдующихъ пѣсняхъ. Буде ты не напечатаешь второй до выхода альманаха, ее подари; а буде издашь прежде, просимъ продолженія: вещь премилая. Мои стихотворенія все еще переписываются въ Костромѣ, и оттолѣ весьма долго ко мнѣ ни слова не пишутъ, вѣроятно по той причинѣ, что и меня изволятъ считать въ числѣ заточенныхъ. Коль скоро пришлютъ, приступлю къ напечатанію. Но и тутъ бѣда, ибо глупость нашихъ цензоровъ превосходитъ всякое понятіе. «Андромаха» принята на театръ, роли розданы, и дирекція хотѣла было пустить ее въ ходъ во время коронаціи; но Семенова не захотѣла играть лѣтомъ и въ отсутствіи значительной части зрителей, обязанныхъ съ дворомъ отправиться въ Москву. И такъ представленіе отложено до совершеннаго открытія театровъ, по истеченіи годоваго срока со дня смерти бывшаго государя.

Что твой «Годуновъ»? Какъ ты его обработалъ? Въ строгомъ ли вкусѣ историческомъ или съ романтическими затѣями? Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что цензура его не пропуститъ. О, Боже! Читалъ ли ты Крылова басни, изданныя въ Парижѣ гр. Орловымъ съ переводами Французскимъ и Италіянскимъ? Изъ нихъ нѣкоторыя хороши, особливо басня «Ручей», работы Лавиня, «прелесть». Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной? Полно упрямиться въ Опочкѣ, пріѣзжай-ка сюда, гораздо будетъ лучше и для тебя, и для насъ. До свиданія, моя умница; будь здоровъ. Къ слову: ты что-то хворалъ; прошло ли? Напиши. Прощай. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Марта 14-го 1826. С.-Петербургъ.

5.

Что̀ значитъ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что ты давно не пишешь ко мнѣ и даже не отвѣчалъ на мое послѣднее письмо? Не сердишься ли за что? Сохрани Господи! Какъ бы то ни было, я за долгое молчаніе ожидаю длиннѣйшаго письма, и дѣло будетъ съ концемъ. Меня недавно насмѣшилъ твой (яко-бы) отвѣтъ на желаніе одного извѣстнаго человѣка прочесть твою трагедію *Годуновъ*. «Трагедія эта не для дамъ, я ея не дамъ». Скажи, правда ли это? Меня оно покуда несказанно тѣшитъ. Буде ты любопытенъ что̀ знать про меня, вотъ новость: я въ прошедшую Пятницу принужденъ былъ состязаться съ Олинымъ, то-есть читали въ комитетѣ, составленномъ изъ разныхъ судей-литераторовъ, Grecs et Bulgares etc., два вдругъ изготовленные перевода Расинова «Баязета», одинъ—мой, а другой—вышеписаннаго Олина, который, видно, слишкомъ дурно написалъ, ибо Grecs et Bulgares et autres barbares [1]) рѣшительно предпочли мой, и я имѣлъ всѣ шары бѣлые; Олинъ же только четыре изъ двадцати. Авторы не бываютъ тамъ, когда ихъ судятъ; но, какъ мнѣ сказывали, много мнѣ сдѣлалъ пользы А. С. Шишковъ. Мнѣ его одобреніе тѣмъ пріятнѣе, что я съ нимъ не знако̀мъ; стало, онъ судилъ просто по своему вкусу, а вкусъ его не терпитъ дурнаго. Все это прекрасно; но скоро ли оно можетъ показаться въ люди? Послушай, радость моя, ты отвѣчалъ и толково, и забавно, но я право не дама, и нельзя ли мнѣ какъ нибудь «Годунова» показать? Кусокъ долженъ быть лакомый. Къ слову о дамахъ: меня просила Колосова непремѣнно въ первомъ къ тебѣ письмѣ сказать за нее пропасть хорошихъ вещей; только гдѣ я ихъ возьму? Положимъ, что онѣ ска-

[1]) Греки, Булгары и другіе варвары.

заны, и твоя очередь отвѣчать. Что̀ дѣлаетъ мой пріятель «Онѣгинъ?» Послалъ бы я ему поклонъ съ почтеніемъ, но онъ на все это плевать хотѣлъ. Жаль, а впрочемъ малый не дуракъ.

Прощай, умница; будь здоровъ и не молчи ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Мая 11-го 1826. С.-Петербургъ.

6.

Поклонъ твой Александрѣ Михайловнѣ [5]) отданъ какъ слѣдуетъ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ; она съ охотою возмется играть въ твоей трагедіи; но мы оба боимся, что почтенная дама цензура ея не пропуститъ, и оба желаемъ ошибиться [6]). Ты хочешь при свиданіи здѣсь прочесть мнѣ „Годунова"; это еще усиливаетъ мое желаніе видѣть тебя возвратившагося въ столицу. До тѣхъ поръ есть у меня къ тебѣ новая просьба. Для бенефиса, слѣдующаго мнѣ за „Андромаху" нужна была маленькая комедія въ заключеніе спектакля; я выбралъ Minuit, и нѣкто мой пріятель Николай Ивановичъ Бахтинъ взялся мнѣ ее перевести; но вотъ горе: тамъ есть романсъ или куплеты, и въ родѣ необыкновенномъ. Молодой Floridor (по русски Владиміръ) случайно запертъ въ комнатѣ своей кузины, молодой вдовы, ночью на новый годъ, и не теряетъ времени съ нею; пока они разнѣживаются, подъ окномъ раздается серенада. Въ концѣ втораго куплета бьетъ полночь l' heure du berger [7]); старики входятъ, застаютъ молодыхъ, и остается только послать за попомъ, ибо все прочее готово. Французскіе куплеты дурны, но я прошу тебя мнѣ сдѣлать и подарить хорошіе. Ты видишь по ходу сцены, что̀ они должны означать, а на все сладострастное ты собаку съѣлъ. Сдѣлай дружбу, не откажи. Музыку сдѣлаемъ прекрасную; Кавосъ обѣщалъ мнѣ давно, что онъ всегда готовъ къ моимъ услугамъ. Пожалуйста, умница, не откажи; тебѣ же это дѣло легкое. Еще напоминаю тебѣ о томъ, что ты обѣщалъ для альманаха, въ которомъ я, по дружбѣ къ издателю и справедливому уваженію къ его уму, живое принимаю участіе: пора уже ему устроивать матеріалы, а твоихъ онъ ждетъ, какъ лучшаго украшенія всей книги. Пришли,

---

[5]) Актрисѣ Каратыгиной.

[6]) „Борисъ Годуновъ" въ это время еще не былъ и процензированъ. Постановка его на сцену состоялась лишь въ наши дни. Это показаніе любопытно, какъ доказательство увѣренности Пушкина въ томъ, что онъ будетъ возвращенъ изъ ссылки. П. Б.

[7]) Часъ пастуха, т. е. часъ любовника, такъ какъ въ мелодрамахъ Французскихъ не обходилось безъ пастуховъ и пастушекъ. П. Б.

коли можешь, и прикажи какъ заблагоразсудишь, показывать ли ихъ до времени или держать про себя: все будетъ исполнено. Ты спрашиваешъ, кто именно одобрялъ Олина? Хуже вышло: его перевода читали тогда два дѣйствія, первое и послѣднее; взбѣшенный на неудачу, онъ жаловался и выхлопоталъ прочтеніе остальныхъ трехъ; ихъ читали вчера послѣ его же «Корсара» (прозою изъ Байрона). По настоянію его, многіе судьи на этотъ разъ не приглашены, а новые, числомъ 15, пошли на голоса, и на вопросъ: одобрена или нѣтъ? онъ имѣлъ 9 шаровъ бѣлыхъ и 6 черныхъ. Лобановъ отличался въ пользу Олина, меня не было. Теперь вопросъ: что̀ будетъ дѣлать дирекція, и не одурачилась ли она? Мнѣ почти совѣстно говорить объ этихъ пустякахъ, когда важнѣйшее дѣло [8]) судится; но что̀ о немъ говорить? Надо молчать и ждать. Прощай, милый Александръ Сергѣевичъ, будь здоровъ, пиши и возвращайся. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Іюня 6-го 1826 г.

7.

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, множество стиховъ и пылко желаю, чтобъ ты остался ими доволенъ, какъ поэтъ и какъ пріятель. Во всякомъ случаѣ, прошу мнѣ сообщить свое мнѣніе просто и прямо, и признаюсь, что я даже болѣе радъ буду твоимъ критическимъ замѣчаніямъ, нежели общей похвалѣ. И повѣсть, и приписка дѣланы *вопервыхъ* для тебя, и да будетъ надъ ними твоя воля, то-есть ты можешь напечатать ихъ, когда и гдѣ угодно; я же ни съ кѣмъ изъ журналистовъ и альманахистовъ знакомства не вожу. Теперь только принужденъ былъ обратиться къ Погодину (не зная даже, какъ его зовутъ), чтобы чрезъ него отыскать тебя. Сдѣлай дружбу, извини меня предъ нимъ, s' il se formalise [9]); да во избѣжаніе подобнаго впредъ пришли мнѣ свой адресъ; мой же: Костромской губерніи, въ городъ Кологривъ. Я читалъ недавно третью часть «Онѣгина» и «Графа Нулина»: оба прелестны, хотя, безъ сомнѣнія, «Онѣгинъ» выше достоинствомъ. Какъ твой портретъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ хорошъ и похожъ: чудо! Что̀ ты теперь подѣлываешь? Вѣрно что нибудь веселѣе, чѣмъ я, который то и знаю, что долги плачу. Какая тоска! Къ слову о тоскѣ: ради Бога, поскучай и ты немножко, чтобъ меня и еще кое-кого одолжить;

---

[8]) Верховный уголовный судъ. Писано не задолго до казни декабристовъ.

[9]) Если онъ соблюдаетъ околичности.

я вѣдь тебя слишкомъ уважаю, чтобы считать въ числѣ безпечныхъ поэтовъ, которые кромѣ виршей ни о чемъ слушать не хотятъ. Нельзя ли тебѣ справится о нѣкомъ Аѳанасіѣ Петровичѣ Тютчевѣ, полковникѣ и командирѣ втораго учебнаго карабинернаго полка? Нельзя ли его лично, или черезъ другаго отыскать и допросить: получилъ ли онъ мое письмо и что̀ онъ долго не отвѣчаетъ? Совѣстно мнѣ отчасти затруднять тебя дѣломъ, которое до тебя не касается; но что̀ дѣлать? Неволя: теперь у меня въ Москвѣ ни души знакомой нѣтъ. Встрѣчаешься ли ты съ Шаховскимъ? Что̀ онъ дѣлаетъ? Каковъ тебѣ кажется его «Аристофанъ»? По мнѣ, въ немъ точно есть много вещей умныхъ и хорошихъ: но зачѣмъ нашъ князь пускается въ педантство? Право, совѣстно за него. Случилось ли тебѣ видѣть новое театральное учрежденіе? Оно достойно стоять рядомъ съ новымъ цензурнымъ уставомъ; кажется, нарочно для того сочинено, чтобы всѣхъ до послѣдняго отвадить отъ охоты писать для театра; за себя, по крайней мѣрѣ, я твердо ручаюсь. О варвары, полотёры придворные, враги всего Русскаго и всего хорошаго! Прощай, умница; да вспомни обо мнѣ: вѣдь непохвально такъ пріятелей забывать. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Исаево. Марта 27-го 1828 г.

8.

Какъ думаешь, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ: не лучше-ли вмѣсто отчета о полвѣкѣ Академіи, который бы приличнѣе старому служивому, написать мнѣ къ великому дню 21 Октября обзоръ Россійской словесности въ осмнадцатомъ столѣтіи? Онъ можетъ, кажется, выйти и для пишущаго, и для слушающихъ пріятнѣе. Хотѣлось бы посовѣтоваться съ тобой на счетъ источниковъ, пособій и проч. Нужно перемолвить. Не можешь ли завернуть ко мнѣ? Я буду до́ма, когда велишь. Во всякомъ случаѣ, надо быть въ засѣданіи Субботы на первой недѣлѣ поста, когда я, уже съ разрѣшенія старца Шишкова, прочту вслухъ извѣстное предложеніе; но еще прежде не худо потолковать. Не смотря на твои измѣны, весь твой

Павелъ Катенинъ.

Февр. 8-го.

9.

Посылаю къ тебѣ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, только что вышедшую изъ печати сказку мою; привезъ бы ее самъ, но слышалъ о несчастіи случившемся съ твоей женой [10]) и боюсь пріѣхать не

---

[10]) Неудачное разрѣшеніе отъ бремени. П. Б.

въ пору. Если, какъ я надѣюсь, бѣда, сколько можно, кончится добромъ, одолжи меня своимъ посѣщеніемъ въ Понедѣльникъ вечеромъ: во Вторникъ по утру я отправляюсь въ далекій путь, въ Грузію. Прощай покуда. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Суббота, Марта 10-го 1834.

10.

Sonnet... c'est un sonnet. Да, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ: я обновилъ 1835-й годъ сонетомъ, не милымъ какъ Оронтовъ, не во вкусѣ Петраркистовъ, а развѣ нѣсколько въ родѣ Казы; и какъ étrennes [11]) посылаю къ тебѣ съ просьбою, коли ты найдешь его хорошимъ, напечатать въ Библіотекѣ для Чтенія; а поелику мнѣ бѣдняку дарить богатаго Смирдина грѣхъ, то продай ему какъ можно дороже.

Чтò у васъ новаго, или лучше сказать у тебя собственно, ибо ты знаешь мое мнѣніе о свѣтилахъ, составляющихъ нашу поэтическую Плеяду: въ нихъ уважалъ Евдоръ одного Ѳеокрита; et ce n'est pas le baron Delwig, je vous en suis garant [12]). Съ пріѣзда моего въ сей край, я въ глаза не видалъ ни одной книги, кромѣ въ Москвѣ купленныхъ: Oeuvres de Paul Courrier, и послѣ смерти его напечатанныхъ десяти томовъ Гёте, въ коихъ, между нами, любопытнаго одно продолженіе Фауста, и то сумбуръ неизвиненный ничѣмъ геніальнымъ, ибо геній выжился изъ лѣтъ. Жаль очень, что я не успѣлъ видѣть тебя передъ отъѣздомъ, и потому не знаю, какова показалась тебѣ «Княжна Милуша», тогда только что вышедшая изъ печати; одолжи двумя словами на ея счетъ.

Не спрашивай, чтò я здѣсь дѣлаю; покуда rien qui vaille [13]). Лѣто провелъ въ лагерѣ на берегу Баксана, въ клѣткѣ между воспѣтыхъ мною горъ, а теперь нахожусь въ Ставрополѣ, тебѣ, я чаю, знакомомъ. Здравствуетъ ли Россійская Академія и нѣтъ ли тамъ новыхъ членовъ послѣ сенатора Баранова?

Прощай, соловей; пой и не забывай искренно почитающаго слугу.

Павелъ Катенинъ.

Ставрополь, Генваря 4-го 1835.

---

[11]) Подарокъ къ празднику.
[12]) Это не баронъ Дельвигъ, ручаюсь.
[13]) Ничего, что бы стоило вниманія.

Сонетъ.

Кто принялъ въ грудь свою язвительныя стрѣлы
Неблагодарности, измѣны, клеветы,
Но не утратилъ самъ врожденной чистоты,
И образы боговъ сквозь пламя вынесъ цѣлы;

Кто терновымъ путемъ идя, въ трудѣ, какъ пчелы,
Сбираетъ воскъ и медъ, гдѣ встрѣтятся цвѣты:
Тому лишь шагъ, и онъ достигнулъ высоты,
Гдѣ добродѣтели положены предѣлы.

Какъ лебедь возстаетъ бѣлѣе изъ воды,
Какъ чище золото выходитъ изъ горнила:
Такъ честная душа—изъ опыта бѣды.

Гоненьемъ и борьбой въ ней только крѣпнетъ сила;
Чѣмъ гуще мракъ кругомъ, тѣмъ ярче блескъ звѣзды,
И чѣмъ прискорбнѣй жизнь, тѣмъ радостнѣй могила.

Катенинъ.

11.

Тебѣ подобные, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, все равно что цари и красавицы: забытые, недовольные ими, мы досадуемъ и ропщемъ, но имъ стоитъ захотѣть,

Et la moindre faveur d'un coup d'oeil caressant
Nous rengage de plus belle [14]).

Я дулся на тебя, долго оставаясь безъ отвѣта; получилъ его и разцвѣлъ. О безтолковой трусости цензуры имѣлъ я вѣсти отъ Каратыгина, пославъ къ нему для напечатанія двѣ басни. Одна изъ нихъ: *Предложеніе* нравилась мнѣ, но не пришлась по мѣркѣ Прокрустовой кровати, и я безжалостно рѣшился отрубить голову и ноги, чтобъ не схоронить заживо сердца. Не знаю, удовольствуются ли тѣмъ г. скопители, но прошу тебя не судить о ней по торсу, а полюбопытствовать и посмотрѣть въ цѣломъ: у Каратыгина достанешь. Чтожъ до Сонета, то я почти недоумѣваю, въ чемъ провинился; развѣ что не велятъ чертаться, и уже въ этомъ угодить не рѣшаюсь; mon vers subsiste [15]), и я считаю его однимъ изъ лучшихъ, имянно по гумористической энергіи. За «Милушу» благодарю, хотя не вполнѣ согласенъ съ твоимъ мнѣ-

---

[14]) И малѣйшая благосклонность ласкающаго взгляда красавицы насъ вознаграждаетъ.
[15]) Стихъ мой остается все тотъ же.

ніемъ, яко бы оно мое лучшее твореніе; отцы не всегда такъ расположены къ дѣтямъ своимъ, какъ посторонніе, и коли къ слову пришлось, скажи-ка мнѣ: согласенъ ли ты со мной, что «Онѣгинъ» лучшее твое твореніе? Мнѣ очень хочется знать.

Коли ты написалъ что нибудь въ стихахъ недавно, оно мнѣ невѣдомо: послѣ сказки о мачихѣ съ зеркаломъ я ничего твоего не читалъ. Судя по твоимъ, увы! слишкомъ правдоподобнымъ словамъ, ты умрешь (дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать!) Веніаминомъ Русскихъ поэтовъ, юнѣйшимъ изъ сыновъ Израиля; а новое поколѣніе безъимянное: ибо имена, подобныя Кукольнику, sentent fort le Perrault [16]). Гдѣ ему до Шаховскаго? У того вездѣ кое-что хорошо. «Своя Семья» мила, въ *Аристофанѣ* цѣлая идея, и будь все какъ второй актъ, вышла бы въ своемъ родѣ хорошая комедія; князь не тщательный художникъ и не великій поэтъ, но вопреки Boileau,

Il est bien des degrés du midiocre au pire [17]).

сирѣчь до Кукольника. И какими стихами, съ тѣхъ поръ какъ они взбунтовались противу всѣхъ правилъ, они пишутъ! Французскіе романтики версификаціей щеголяютъ, блескомъ ея стараются, по крайней мѣрѣ, помрачить своихъ классиковъ, а наши по пословицѣ: «дуракамъ законъ не писанъ», валяютъ безъ риѳмы и цезуры, не тысячьми, а тьмами, не трагедіями, а десятками. Бѣда моя, что въ ихъ трагедіяхъ не вижу я ничего трагическаго; они какъ будто не подозрѣваютъ его существованія, толкуютъ о формахъ и чванятся, что откинули всѣ на что нибудь похожія; о душѣ, о живыхъ лицахъ, о пылкихъ страстяхъ, нѣтъ заботы ни въ писателяхъ, ни въ зрителяхъ; всѣ остаются довольны надутой галиматьей. «Годуновъ» Лобанова мнѣ извѣстенъ, и коли критики разбранили его, c' est méchanceté pure [18]). Чего имъ стоило похвалить? Пьеса осталась бы таже, а Михаилъ Евстафьевичъ не хворалъ бы огорченнымъ самолюбіемъ. Наше сложеніе крѣпче отъ того, что наше самолюбіе ядренѣе. Не пренебрегая похвалой общества, ни даже критикой, какъ она у насъ ни жалка, мы не совсѣмъ довольствуемся ею; хотимъ болѣе всѣхъ угодить себѣ, потомъ избраннымъ, наконецъ уже и прочимъ; встрѣчая невзначай Марлинскаго съ устрицами, либо Воейкова съ вишневымъ лбомъ [19]), пропускаемъ ихъ мимо, идемъ

---

[16]) Отзываются очень Перольтомъ. — Перольтъ Французскій писатель XVII вѣка, котораго осмѣиваетъ Буало.

[17]) Есть много степеней отъ посредственнаго до худаго.

[18]) Это прямая злоба.

[19]) Воейковъ ходилъ нѣкоторое время съ повязкою на лбу. Что̀ такое Марлинскій съ устрицами, намъ неизвѣстно.

своей дорогой, довѣряемъ своему по совѣсти сужденію болѣе, нежели чужому, часто невѣжественному. Михаилъ Евстафьевичъ слишкомъ уменъ, чтобъ вѣрить себѣ, и когда другіе не хвалятъ, по справедливости приходитъ въ отчаніе; мнѣ его очень жаль. Если непремѣнное секретарство [20]) можетъ залечить раны его, я сажаю его обѣими руками на сѣдалище Соколова, и безъ шутокъ предпочитаю двумъ соперникамъ: онъ нѣсколько пристойнѣе и болѣе литераторъ. Оставя его, скажи пожалуй, зачѣмъ ты не говоришь ни слова о своихъ занятіяхъ? Можетъ быть, полагаешь, что я безъ того знаю; но я не знаю ничего, ce qui s'appelle rien en vers ainsi qu'en prose [21]), и если не стыжусь сего невѣжества, ибо оно невольное, то смерть хочу просвѣтиться. У меня есть два стихотворенія, и я бы охотно тебѣ ихъ прочелъ, кабы мы были вмѣстѣ; одно изъ Аравійской исторіи, подъ названіемъ: *Гнѣздо голубки*, написано размѣромъ моей элегіи; другое припасено въ составъ кантаты: *Сафо*; это пѣсня гребцовъ, везущихъ ее въ Левкадъ, четырестопнымъ ямбомъ съ риѳмой, c' est du vieux grec vulgaire [22]). Всей кантаты здѣсь сложить не могу; хочется помѣстить стихи самой Сафы, а ни подлинника, ни словаря, ни точнаго перевода въ Ставрополѣ не достанешь. Напиши-ка ты кантату, разумѣется сыскавъ un sujet heureux [23]), какъ говорилъ Мазаринъ; лирическая идилія, по моему понятію, есть maximum чистой поэзіи. На послѣдній вопросъ твой, когда мы свидимся, какъ отвѣчать? Наша ли воля управляетъ нами? Нѣтъ, un je ne sais quoi [24]), что̀ всякій зоветъ по своему, и противъ чего мы, въ точномъ смыслѣ слова, безсильны. Теперь я и не предвижу, когда сближеніе мое со свѣтомъ бѣлымъ окажется вещью возможною; мнѣ кажется, что я навсегда удаленъ ото всѣхъ знакомыхъ, что возвратный путь къ нимъ закрытъ, и развѣ переписка, буде они не поскучаютъ ею, можетъ служить взаимнымъ напоминаніемъ, что земля насъ не поглотила. Но чѣмъ поручиться, что нечаянность не перемѣнитъ всего? Я столько разъ испыталъ невѣрность самыхъ основательныхъ предположеній, что становлюсь скептикъ и фаталистъ вкупѣ; сомнѣваюсь во всемъ, кромѣ непонятной силы, увлекающей всѣхъ и каждаго, вопреки собственному желанію, безразсудно, слѣпо и неодолимо. Savez-vous que voilà de la philosophie [25]); прошу простить ее ради скуки, съ которой я часто

---

[20]) Въ Россійской Академіи. П. Б.

[21]) Что̀ называется ничего, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ.

[22]) Въ простонародномъ родѣ Грековъ.

[23]) Счастливый предметъ.

[24]) „Не знаю какъ“.

[25]) Знаешь ли, что вотъ и фило софія.

вдвоемъ обрѣтаюсь и которую я почитаю за родительницу метафизики, qui l' engendre à son tour [26]). Будь умница, милый Александръ Сергѣевичъ, не забывай меня и пиши: тебѣ труда мало, а мнѣ радости много.

Прощай покуда. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Мая 16, 1835. Ставрополь.

12

Вотъ тебѣ еще сонетъ, милый Александръ Сергѣевичъ; мнѣ кажется онъ не хуже перваго, коли не... но повторяю: отцы дѣтямъ не судьи, а что̀ ты скажешь? Коли: bene [27]), то отдай его для тисненія у Александра Филипповича Смирдина-Македонскаго и сотвори съ симъ героемъ сдѣлку; въ счетъ оной да пришлетъ онъ мнѣ въ Ставрополь всю свою текущаго года *Библіотеку* и весь каталогъ со всѣми прибавленіями. Прикажи въ печатаніи разставить по чину руки и ноги, сирѣчь кватрены и терцеты; писавъ на лоскуткѣ, я все рядомъ черкнулъ: [28]) ты и такъ разберешь, но публика совсѣмъ другое дѣло. Что̀ ты творишь? А вось узна̀ю изъ толстыхъ томовъ Сенковскаго, или Брамбеуса, или Тютюджю-Оглу, car il est tout cela [29]). Я зябну; представь себѣ, что здѣсь на Югѣ лѣто холоднѣе сѣверныхъ: въ тулупѣ не согрѣешься, и надо печки топить. Занятіе же мое состоитъ въ старомъ, четыре съ половиною года тянущемся, уголовномъ дѣлѣ, которое мнѣ поручено кончить; это еще возможно, но то худо, что надобно назвать по имени. Un chat, un chat, et Rollet un fripon [30]), а тутъ котовъ цѣлая ватага, всѣ съ когтями и gare l'égratignure [31]). Потомъ отправляюсь я въ экспедицію, въ Черноморіе, на гг. Черкесовъ и что̀ тамъ будетъ, одному Богу вѣдомо. Видишь ли ты когда нибудь свою прежнюю обожательницу: Е. М. Х? Поклонись-ка ей отъ меня, коли не въ трудъ. Нѣтъ ли у тебя знакомаго греколога, кто бы могъ en vile prose [32]) рабски переложить крошечныя два стихотворенія Сафы: Венерѣ и Heureux qui *etc.* Очень бы ты одолжилъ. Кантата засѣла въ головѣ и не можетъ вылѣзть за недостаткомъ книжныхъ пособій. Съ горя пишу сонеты. Къ слову, я перевелъ Оронтовъ, они у Каратыгина: взгляни и напиши, удалась ли

---

[26]) Которая ее производитъ въ свой чередъ.

[27]) Хорошо.

[28]) Нѣтъ, я переписалъ. *Примѣчаніе Катенина.*

[29]) Ибо онъ все это, — говорится о псевдонимахъ Сенковскаго.

[30]) „Кошка, кошка, „Ролле плутъ".—Откуда это, намъ неизвѣстно.

[31]) Того и гляди оцарапаютъ.

[32]) Пошлою прозою.

la Chûte [33]); коли нѣтъ, то и жалѣть не о чемъ. Надоѣдаю я тебѣ, но и это не великое въ жизни несчастіе, а коли ты за свою скуку заплатишь мнѣ удовольствіемъ, честь тебѣ и хвала. Прощай любезнѣйшій. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

1-го Іюня 1835. Ставрополь.

13.

Купивъ для похода тройку повозочныхъ лошадей съ хомутами, палатку съ приборомъ и другое кое-что, издержавъ на эти припасы около тысячи рублей, я все, по грѣхамъ моимъ, задержанъ неоконченнымъ дѣломъ, на меня наваленнымъ и не могу изъ скучнаго города Ставрополя отправиться хоть на Черкесскія сабли; со скуки, съ досады etc. пишу, и безъ мала мѣсяцъ тому назадъ отправилъ къ Каратыгину толстый пакетъ разныхъ стиховъ и прозы. Полюбопытствуй, милый Александръ Сергѣевичъ, взглянуть на все писаніе сіе и посовѣтуй что̀ съ нимъ дѣлать? Ты всегда хвалилъ меня какъ критика, и мнѣ хочется знать, по мысли ли придется тебѣ, что̀ тамъ есть и чему продолженіе (*О комедіи въ прозѣ*) также готово и при первомъ удобномъ случаѣ также пошлется. Если ты полагаешь, что оно годится въ печать, сирѣчь въ журналъ (ибо особо нельзя, пока не все готово), то я бы желалъ тиснуть, отчасти ради денегъ, въ коихъ мнѣ очень нужда. Того же ради, прошу безъ промедленія издать и прилагаемую при семъ басню, въ которой не вижу зацѣпъ для г-жи цензуры, развѣ что въ иныхъ случаяхъ правда борется со властью; но это старая аксіома, всего сильнѣе выраженная у набожнаго Паскаля въ Lettres Provinciales, и, кажется, сказанное имъ не ставится въ грѣхъ никому. Я своей басню вообще доволенъ, но жду суда умнаго со стороны, для увѣренности, и прошу тебя мнѣ сказать; тогда я тебѣ скажу что̀ думаю вообще о басняхъ. Кантата «Сафо» рисуется прелестно̀ въ воображеніи, такъ и манитъ; но безъ топора не рубятъ дровъ, и я съ низкимъ поклономъ повторяю мое прошеніе о присылкѣ онаго, то есть немногихъ Греческихъ стиховъ въ облочкѣ новѣйшей прозы, сколько можно vile et servile [34]). Почти совѣстно писать все о себѣ и все неважное, по крайней мѣрѣ для другаго, даже для пріятеля; но отселѣ не придумаю, что̀ можетъ сообщиться прямо занимательнаго, а прошу, наоборотъ, такого изъ столицы, которая quoiqu' on dit [35]) всѣмъ всего лучше. Бѣда моя, что жду и не до-

---

[33]) Паденіе.

[34]) Пошлою и рабскою.

[35]) Что ни говорятъ.

ждусь; всѣ заняты своимъ и до povero Calpigi [36]) никому дѣла нѣтъ. Прощай, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, и коли басня тебѣ доставитъ хотя мигъ удовольствія, расплатись письмомъ. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Іюля 7-го 1853. Ставрополь.

14.

Какъ! Ты издаешь журналъ, а я знаю о томъ едва по слуху? Хорошо ли это, Александръ Сергѣевичъ? Не похвально.

A propos, tu ne m'écris guère
C'est mal à moi, qui t'aime tant [37]).

Я бы писалъ къ тебѣ съ утра до вечера, во всѣ дни живота, еслибъ была возможность писать о чемъ нибудь съ этого того свѣта, гдѣ я живу, коли живу. Одиночество Робинсона при мнѣ, правда; но онъ былъ царь въ своей пустынѣ, а я не имѣю и сей petite consolation [38]). Но обо мнѣ ровно нечего говорить, и о городѣ Ставрополѣ и о всей Кавказской области, Грузіи, etc. etc. etc. также нечего; а я хочу тебя слушать; ergo прошу писать, а покуда прочитать слѣдующій эпиграматическій rondeau.

Фантазія, златое сновидѣнье,
Услада чувствъ, разсудка обольщенье,
Цвѣтъ, радуга, блескъ, роскошь бытія:
Легка какъ пухъ, свѣтла какъ токъ ручья,
И Діево любимое рожденье.
Но вотъ лежитъ тяжелое творенье,
Безъ риѳмъ и стопъ, нескладныхъ строкъ сплетенье,
И названа въ стихахъ галиматья
Фантàзія.
Съ чего баронъ, намъ издающій чтенье,
Хвалилъ ее? Чтò тутъ? „Своя Семья"?
Злой умыселъ? Насмѣшка? Заблужденье?
Вопросъ мудренъ, а просто разрѣшенье:
У всякаго барона есть своя
Фантàзія.

Буде въ твоемъ *Современникѣ* сыщется мѣстечко для этой безделки, выдай; но, разумѣется, безъ подписи, и не говори никому, чья

---

[36]) Бѣдный Кальпиджи.

[37]) Кстати: ты мнѣ вовсе не пишешь. Этò дурно для меня, который тебя такъ любитъ.

[38]) Малаго утѣшенія.

она: это большая тайна, которой я ни за что кромѣ тебя другому не скажу. Не смѣю слишкомъ пенять, что ты забылъ меня; не ты одинъ: всѣ забыли, а что̀ всѣ дѣлаютъ, въ томъ и грѣха нѣтъ, по общему сужденію. Худа нѣтъ, положимъ; но вспомнить обо мнѣ и обрадовать было бы хорошо, и этого я жду отъ тебя, не какъ отъ всѣхъ. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Апрѣля 12-го 1836.
Ставрополь.

Барона М. А. Корфа.

1.

Прибѣгаю къ тебѣ опять, любезный Александръ Сергѣевичъ, съ всепокорнѣйшею и всеубѣдительнѣйшею просьбою въ пользу того же человѣка, за котораго я однажды уже тебя просилъ. Н. М. Бакунинъ узналъ, что почтенный нашъ Смирдинъ намѣревается издавать журналъ на большую ногу, при которомъ ему, конечно, нельзя будетъ обойтись безъ переводчика. Семейственныя и хозяйственныя дѣла заставляютъ его искать себѣ труда, который могъ бы доставить ему вѣрный кусокъ хлѣба, а тебѣ уже по опыту извѣстно, что онъ, зная хорошо языки Французскій, Нѣмецкій, Англійскій и Итальянскій и владѣя свободно Русскимъ, можетъ быть хорошимъ переводчикомъ; въ дѣятельности же его и усердіи служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ то, что онъ безъ такого, посторонняго службѣ занятія, обойтись *не можетъ*. Твое слово для Смирдина, конечно, законъ; а произнеся это слово, ты обезпечишь нѣкоторымъ образомъ состояніе отца семейства, который, кромѣ дѣятельности и способовъ умственныхъ, почти vis-à-vis de rien [1]). Я не говорю, что ты этимъ истинно обяжешь и стараго товарища, ибо послѣ перваго мотива, этотъ уже едва ли что-нибудь значитъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта и надѣюсь, по старой памяти твоего добраго сердца, что ты не откажешься быть меценатомъ моего бѣднаго друга.

Весь твой М. Корфъ.

(1833).

Поздравляю тебя съ новымъ произведеніемъ особеннаго рода, надъ которымъ да будетъ благословеніе Божіе.

---

[1]) Накануне нищеты

2. [1])

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда служба не поглощала еще всего моего времени, мнѣ хотѣлось ближе изучить Русскую исторію, и это постепенно навело меня на мысль составить полный библіографическій каталогъ всѣхъ книгъ и пр., когда либо изданныхъ о Россіи, не въ одномъ уже историческомъ, но во *всѣхъ вообще* отношеніяхъ и на всѣхъ языкахъ: трудъ компилатора, но который въ то время приносилъ мнѣ неизъяснимое удовольствіе. Перебравъ всѣ возможные каталоги, перерывъ всѣ наши журналы, перечитавъ все что̀ я могъ достать о Россіи и воспользовавшись всѣми, сколько-нибудь *надежными* цитатами,—я собралъ огромный запасъ матеріаловъ, въ послѣдствіи, однакожъ, оставшихся безъ всякой дальнѣйшей обработки и частію даже растерянныхъ. Послѣдній нашъ разговоръ о великомъ твоемъ трудѣ припомнилъ мнѣ эту работу. Изъ разрозненныхъ ея остатковъ я собралъ все то, что̀ было у меня въ виду о Петрѣ В. и посылаю тебѣ, любезный Александръ Сергѣевичъ, ce que j'ai glané sur ce champ [2]), разумѣется безъ всякой другой претензіи, кромѣ той, чтобы пополнить твои матеріалы, если, впрочемъ, ты найдешь тутъ что-нибудь новое. Это одна голая, сухая библіографія, и легче было выписывать заглавія, чѣмъ находить самыя книги, которыхъ я и десятой части самъ не видалъ. Впрочемъ въ теперешней моей выборкѣ я ограничился рѣшительно одними *спеціальными* о Петрѣ В., его вѣкѣ и его людяхъ, не приводя никакихъ *общихъ* историческихъ курсовъ, и т. п. Въ этой выборкѣ нѣтъ ни системы, ни даже хронологическаго порядка: я выписывалъ заглавія книгъ такъ, какъ находилъ ихъ въ своихъ замѣткахъ и искренно радъ буду, если ты найдешь тутъ указаніе чего-нибудь, до сихъ поръ отъ тебя ускользнувшаго, а еще больше, если по этому указанію тебѣ можно будетъ найдти и достать самую книгу. Я охотно̀ обратилъ на это нѣсколько часовъ свободнаго моего времени и прошу цѣнить мое приношеніе не по внутреннему его достоинству, а по цѣли.

Весь твой Модестъ.

13 Октября 1836.

Разумѣется, что указанія мои не идутъ дальше той эпохи, въ которую я ими занимался; все вышедшее послѣ того, при перемѣнѣ моихъ занятій, совершенно мнѣ чуждо, и изъ прежняго, какъ я уже сказалъ, многое пропало: это одни остатки.

---

[1]) Прекрасный отвѣтъ на это письмо, помѣченный 14-мъ Октября 1836 года, напечатанъ въ Р. Архивѣ 1872, стр. 198. Въ позднѣйшее время баронъ М. А. Корфъ составилъ подробную записку о Пушкинѣ, напечатанную въ „Берегѣ“ 1880 года.

[2]) Что я пожалъ на этой нивѣ.

А. Н. Раевскаго.

Письмо это удивитъ читателя, привыкшаго понимать Александра Раевскаго *демономъ* Пушкина, его искусителемъ, омрачавшимъ ему жизнь своими злобными внушеніями. Дѣйствительно, Раевскій любилъ, въ ту пору маниловщины и всяческихъ утопій, держать себя въ качествѣ отрицателя; но при умѣ необыкновенномъ онъ одаренъ былъ и горячимъ сердцемъ, о чемъ хорошо знали впрочемъ лишь немногіе близкіе ему люди. Стихотвореніе „Демонъ“ написано про него, но въ тоже время оно было вымысломъ. Современники разсказываютъ, что къ Раевскому относится и стихотвореніе *Ангелъ*.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
На духа свѣтлаго взиралъ.

„Ангелъ нѣжный“ былъ тоже лицомъ дѣйствительнымъ: обворожительная женщина, обыкновенно державшая къ низу свою прелестную головку, какъ она изображена на многихъ портретахъ.

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ.

А. Н. Раевскій (правнукъ сестры князя Потемкина, Марьи Александровны Самойловой) родился въ 1795 году на Кавказѣ, въ Новогеоргіевской крѣпости. Служилъ онъ въ лейбъ-егерскомъ полку и потомъ во Франціи адъютантомъ графа Воронцова. Въ 1818 году на Кавказѣ онъ жилъ въ одной палаткѣ съ Ермоловымъ. По дѣлу декабристовъ онъ содержался двое сутокъ въ Петропавловской крѣпости; но какъ подозрѣнія на него не подтвердились, то Государь въ награду пожаловалъ его камергеромъ. Онъ поселился въ тридцатыхъ годахъ въ Москвѣ, гдѣ жилъ многіе годы отставнымъ полковникомъ. Скончался 22 Октября 1868 г. въ Ниццѣ, гдѣ и похороненъ. Что-то Потемкинское было въ этомъ правнукѣ Ломоносова. Въ біографіи Пушкина ему отведется большое мѣсто.

П. Б.

Vous avez eu grand tort, cher ami, de ne pas me donner votre adresse, de vous imaginer que je ne saurais vous retrouver au fin fond du gouvernement de Pskoff: vous m'auriez épargné du tems perdu en recherches et vous auriez reçu ma lettre plutôt. Vous craignez, dites-vous, de me compromettre par votre correspondance. Cette crainte est puërile sous bien des rapports, et puis il est des circonstances où l'on passe par-dessus ces considérations. Du reste que peut-il y avoir de compromettant dans notre correspondance? Je ne vous ai jamais parlé politique; vous savez que je n'ai pas grand respect pour celle des poëtes, et si

j'ai un reproche à vous faire, c'est celui de ne pas assez respecter la religion. Notez bien cela, car ce n'est pas la première fois que je vous le dis.

C'est un besoin réel pour moi que de vous écrire. On ne passe pas impunément tant de tems ensemble: sans faire entrer en ligne de compte toutes les bonnes raisons que j'ai pour vous porter une amitié véritable, l'habitude seule suffirait pour former un lien durable entre nous. Maintenant que nous sommes si loin l'un de l'autre, je ne mettrai plus aucune restriction dans l'expression des sentiments que je vous porte; sachez donc qu'outre votre beau et grand talent, je vous ai voué depuis longtems une amitié fraternelle et qu'aucune circonstance ne m'en fera départir. Si après cette première lettre vous ne me répondez pas et vous ne me donnez pas votre adresse, je continuerai à vous écrire, à vous importuner jusqu'à ce que je vous force à me répondre, à passer par-dessus de petites appréhensions que l'innocence seule de notre correspondance doit faire évanouir.

Je ne vous parlerai pas de votre malheur, je vous dirai seulement que je ne désespère nullement de votre situation présente: elle s'améliorera, je n'en doute pas. La seule chose que je craigne pour vous c'est l'ennui du moment; aussi n'ai-je pris la plume que pour chercher à vous amuser, à vous distraire, à vous parler du tems passé, de notre existence d'Odessa qui n'était pas brillante, il est vrai, mais que le souvenir et le regret doivent nécessairement embellir à vos yeux.

Минувшей жизнію повѣю *).

Riznitch a pris les rênes du gouvernement de théâtre: les actrices n'obéissent plus qu'à sa voix. Quel dommage que vous n'y soyez plus. Zavalievsky continue à faire le bonheur de ses amis et connaissances; maintenant il a une nouvelle prétention: c'est celle de littérateur. Il a fait le voyage de la côte méridionale de la Crimée à cheval, le „Mérite des femmes“ à la main, se récriant à chaque pas tantôt sur les beautés de la poésie, tantôt sur celles de la nature, le tout en mauvais français, à la portée de la belle compatriote seulement et de votre *carricature*, qui parfois même trouvait du mauvais goût dans son enthousiasme. Il a fini par tomber de cheval au milieu de ses réveries poétiques.

---

*) Измѣненный стихъ Жуковскаго.

Je remets à une autre lettre le plaisir de vous parler des faits et gestes de nos belles compatriotes; présentement je vous parlerai de Tatiana. Elle a pris une vive part à votre malheur; elle me charge de vous le dire, c'est de son aveu que je vous l'écris. Son âme douce et bonne n'a vu dans le moment que l'injustice dont vous étiez la victime; elle me l'a exprimé avec la sensibilité et la grâce du caractère de Tatiana. La charmante fille même se rappelle de vous, elle me parle souvent du fol m-r Pouchkin et de la canne à tête de chien que vous lui avez donnée. J'attends tous les jours une petite image avec les deux premiers vers que vous avez faits pour elle.

Mon cher ami, de grâce ne vous laissez point aller au découragement, prenez garde qu'il n'affaiblisse vos belles facultés, prenez soin de vous-même, ayez patience: votre situation s'améliorera. On reconnaîtra l'injustice de la rigueur dont on use envers vous. C'est un devoir envers vous-même, envers les autres, envers votre pays que de ne vous laisser abattre. N'oubliez pas que vous êtes l'ornement de notre littérature naissante et que les traverses momentanées dont vous êtes victime ne peuvent portér atteinte à votre gloire littéraire. Je sais que votre premier exil a fait du bien à votre caractère, que vous n'êtes plus aussi étourdi, inconsidéré. Continuez de même et de plus respecter la religion, et je ne doute nullement que dans un court et peu de tems vous ne soyez tiré de votre maudit village. Adieu. Votre ami A. Raïevsky.

21 Août 1824. Alexandrie, près Biela-Tserkow.
Mon adresse est toujours à Kief.

Переводъ.

Ты напрасно не сообщилъ мнѣ своего адреса, любезный другъ, и напрасно вообразилъ себѣ, что я не съумѣю отыскать тебя въ глуши Псковской губерніи: и времени я не потерялъ бы, разыскивая, гдѣ ты, и ты бы получилъ мое письмо раньше. Ты опасался поставить меня въ неловкое положеніе своимъ письмомъ, говоришь ты. Во многихъ отношеніяхъ это опасеніе ребяческое. Къ тому же бываютъ случаи, когда подобныя соображенія не принимаются въ разсчетъ. Сказать и то: что̀ можетъ быть въ нашей перепискѣ такого, что̀ ставитъ въ неловкое положеніе? Я никогда не имѣлъ съ тобой политическихъ разговоровъ; ты знаешь, что я не питаю особеннаго уваженія къ политикѣ гг. поэтовъ, и единственный упрекъ, какой я могъ бы тебѣ сдѣлать, это, что ты не относишься къ религіи съ достаточнымъ уваженіемъ. Прими это къ

свѣдѣнію, ибо я не въ первый разъ тебѣ говорю объ этомъ. Писать къ тебѣ —моя насущная потребность. Нельзя безслѣдно прожить вмѣстѣ такъ долго и не принять въ разсчетъ всѣхъ побудительныхъ причинъ, какія у меня есть, чтобъ быть твоимъ искреннимъ другомъ: одной уже привычки достаточно, чтобы создать между нами прочную связь. А теперь, когда мы такъ далеко другъ отъ друга, я не буду болѣе воздерживаться въ выраженіи моихъ чувствъ къ тебѣ. Вѣдай же, что, независимо отъ твоего прекраснаго и великаго таланта, я давно поклялся въ братской къ тебѣ дружбѣ, и что ничто не въ силахъ заставить меня измѣнить этому обѣту. Если послѣ этого перваго письма ты мнѣ не пришлешь своего адреса, я буду продолжать писать къ тебѣ и надоѣдать тебѣ до тѣхъ поръ, пока не вызову твоего отвѣта и не заставлю тебя отбросить всяческія мелочныя опасенія, которымъ нѣтъ мѣста въ виду полной невинности нашей переписки.

О несчастіи твоемъ я не скажу ни слова; развѣ только, что настоящее твое положеніе, по моему, вовсе не отчаянное, и оно несомнѣнно улучшится. Одного я за тебя боюсь: это скуки; и за перо-то я взялся съ тѣмъ, чтобъ тебя поразвлечь, поболтать съ тобой о прошломъ, о нашемъ Одесскомъ житьѣ-бытьѣ, правда не особенно блестящемъ, но, сквозь дымку воспоминаній и сожалѣній, оно не можетъ не казаться тебѣ краше.

Минувшей жизнію повѣю.

Ризничъ опять принялъ бразды театральнаго правленія: актрисы ему одному повинуются. Какая жалость, что тебя больше нѣтъ тамъ! Завальевскій [2]) продолжаетъ потѣшать своихъ друзей и знакомыхъ. У него теперь новое притязаніе: быть литераторомъ. Онъ объѣздилъ верхомъ южный берегъ Крыма съ книжкой о „Достоинствѣ женщинъ" въ рукахъ, восторгаясь на каждомъ шагу то красотами поэзіи, то красотами природы, на плохомъ Французскомъ языкѣ, доступномъ лишь „прелестной землячкѣ" и твоей *каррикатурѣ*, которая подъ часъ находила, что восторги его выходятъ за предѣлы изящнаго вкуса. Въ концѣ концовъ онъ свалился съ лошади среди поэтическихъ мечтаній.

Отлагаю до другаго письма удовольствіе разсказать тебѣ дѣянія нашихъ прекрасныхъ землячекъ; теперь же поговорю о „Татьянѣ". Она приняла живое участіе въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ. Пишу съ ея вѣдома и согласія: тихая и добрая душа ея сознаетъ лишь несправедливость, которая тяготѣетъ надъ тобою, и она выразила мнѣ все это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру „Татьяны". Даже ея прелестная дочка

---

[2]) Чиновникъ при графѣ Воронцовѣ. П. Б.

вспоминаетъ о тебѣ и часто мнѣ говоритъ о „полоумномъ Пушкинѣ" и о трости съ собачьимъ рыльцемъ, что̀ ты ей подарилъ. Я каждый день поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты для нея написалъ.

Любезный другъ, прошу тебя, не поддавайся унынію; берегись, чтобъ оно не разслабило твоихъ прекрасныхъ дарованій; пощади себя, будь терпѣливъ; твое положеніе улучшится; признаю́тъ же наконецъ всю несправедливость чрезмѣрной противъ тебя строгости. Ради себя самого, ради другихъ, ради твоего собственнаго прошедшаго, ты не долженъ падать духомъ. Не забывай, что ты краса нашей нарождающейся словесности, и что минутныя невзгоды, которыхъ ты жертвою, не могутъ затемнить твоей литературной славы.— Твоя первая ссылка, я это знаю, принесла пользу твоему характеру. Я знаю, что ты теперь далеко не такъ вѣтренъ и необдуманъ, какъ бывало. Продолжай идти тою же дорогой и въ добавокъ уважай религію; а затѣмъ я ни мало не сомнѣваюсь, что тебя скоро вытащатъ изъ твоей проклятой деревни.

Прощай. Твой другъ А. Раевскій.

21 Августа 1824 года.
Александрія, близъ Бѣлой Церкви. Мой адрессъ по прежнему въ Кіевъ.

Н. Н. Раевскаго - сына.

Дружба съ Николаемъ Николаевичемъ Раевскимъ (младшимъ сыномъ славнаго генерала) началась у Пушкина еще въ Лицеѣ, откуда онъ попадалъ иногда на пирушки стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гусаровъ, которыхъ сдѣлался вскорѣ любимцемъ. Съ 1816 года Н. Н. Раевскій служилъ тоже въ лейбъ-гусарахъ. Онъ родился въ Москвѣ въ 1801 году, слѣд. на два года былъ моложе Пушкина. Благодаря его настояніямъ, Пушкина отпустили, лѣтомъ 1820 года, изъ Екатеринославля на Кавказскія минеральныя воды. Позднѣе Раевскій служилъ эскадроннымъ командиромъ Ольвіопольскаго уланскаго полка. Въ Персидскую войну онъ участвовалъ въ Елисаветпольскомъ дѣлѣ, а потомъ, получивъ знаменитый Нижегородскій полкъ (послѣ Шабельскаго) дѣйствовалъ подъ Ахалцыхомъ и Карсомъ. Преслѣдованія военнаго министра Чернышева и ссора съ Паскевичемъ удалили его на время изъ службы. Съ 1839 года онъ командовалъ Черноморскою береговою линіею. Скончался въ 1843 г., въ своемъ имѣніи, Новохоперскаго уѣзда. Былъ человѣкъ изъ ряду вонъ по храбрости, даровитости, любезности и образованію. П. Б.

J'ai appris avec beaucoup de peine, mon cher Pouchkin, votre départ pour les terres de votre père. Ainsi donc je n'aurai plus la perspective de vous voir de sitôt. Quant à votre changement de destination, je n'en augure pas trop de mal: j'espère que c'est un pas vers la fin de votre exil. J'espère aussi que votre proximité de Pétersbourg vous mettra

à même de voir souvent votre famille et vos amis—ce qui diminuera de beaucoup les ennuis de votre séjour à la campagne.

J'ai été longtems sans vous écrire, car j'ai fait une grande maladie. dont je ne suis pas encore parfaitement rétabli. Continuez de m'écrire et faites le longuement et souvent. Ne craignez pas de me compromettre: ma liaison avec vous date de bien avant votre malheureuse histoire; elle est indépendante des événements qui sont survenus et que les erreurs de notre première jeunesse ont amenés. J'ai un conseil à vous donner: soyez prudent. Non pas que je craigne leur retour, mais je crains toujours quelque action imprudente qu'on pourrait interprêter dans ce sens, et malheureusement les antécedens donnent prise sur vous. Si je ne vois pas de changement à votre situation, comme je tiens beaucoup à vous voir, je vous promets de venir chez vous avant un an. Si votre situation change, il faut que vous vous engagiez à venir me voir pour le même terme.

Adieu, mon cher ami. Conservez moi l'amitié que vous m'avez témoigné. Qu'elle soit indépendante de l'éloignement où nous vivons et du tems qu'elle pourra durer. Adieu! Je suis fatigué de vous écrire: je n'ai pas la tête à moi. Mon adresse est la même: à Kieff, au nom de mon père. Envoyez-moi la vôtre.

N. Raiëvsky.

Переводъ. Съ большимъ огорченіемъ узналъ я, милый мой Пушкинъ, о твоемъ отправленіи въ деревню къ твоему отцу. И такъ я буду лишенъ надежды въ скоромъ времени увидѣть тебя. Что̀ касается до перемѣны твоего мѣстожительства, я не предвижу тутъ особенной бѣды: мнѣ сдается, что это шагъ къ прекращенію твоего изгнанничества. Надѣюсь также, что близость къ Петербургу дастъ тебѣ возможность часто видаться съ твоею семьею и твоими друзьями, чѣмъ облегчится значительно скука деревенской жизни.—Я долго не писалъ къ тебѣ, потому что былъ тяжко боленъ и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. Пиши ко мнѣ по прежнему, по больше и по чаще. Не бойся поставить меня въ неловкое положеніе: моя дружба съ тобой завязалась гораздо раньше несчастной твоей исторіи; она независима отъ того, что̀ случилось и что̀ вызвано заблужденіями нашей ранней молодости. Совѣтую тебѣ: будь благоразуменъ. Не то что̀ бы я опасался новыхъ невзгодъ, но меня все еще страшитъ какой нибудь неосторожный поступокъ, который можетъ быть истолкованъ въ дурную сторону; а по несчастію, твое прошедшее даетъ къ тому поводъ. Мнѣ очень хочется тебя увидѣть, и если твое положеніе не перемѣнится, я обѣщаюсь пріѣхать къ тебѣ раньше года; а если съ тобою

послѣдуетъ перемѣна, то ты дай мнѣ слово навѣстить меня тоже раньше года. Прощай, милый другъ. Сохрани мнѣ твою дружбу. Пусть на нее не дѣйствуютъ ни даль разстоянія, ни продолжительность нашей разлуки. Прощай, я усталъ писать; голова у меня еще не свѣжа. Мой адресъ тотъ же: Кіевъ, на имя моего отца. Пришли мнѣ свой.

Н. Раевскій.

Н. А. Алексѣева [1]).

1.

Во время, когда я думалъ писать къ тебѣ посторонними путями, любезный Пушкинъ, черезъ посредство Крупенской, которая бралась доставить письмо къ сестрѣ своей Пещуровой, узнаю, что ты въ Москвѣ. Радость овладѣла мной до такой степени, что я не въ состояніи изъяснить тебѣ и предоставляю судить тебѣ самому, если разлука не уменьшила довѣренности твоей къ моей дружбѣ. Съ какою завистью воображаю я Московскихъ моихъ знакомыхъ, имѣющихъ случай часто тебя видѣть; съ какимъ удовольствіемъ хотѣлъ бы я быть на ихъ мѣстѣ и съ какою гордостью сказалъ бы имъ: мы нѣкогда жили вмѣстѣ, часто одно думали, одно дѣлали и почти одно любили, иногда ссорились, но разстались друзьями, или по крайней мѣрѣ я такъ льстилъ себѣ. Какъ бы желалъ я позавтракать съ тобой въ одной изъ Московскихъ рестораціевъ и за стаканомъ Бургонскаго пройти трехъ-лѣтнюю Кишеневскую жизнь, весьма занимательную для насъ разными происшествіями. Я имѣлъ многихъ пріятелей, но въ обществѣ съ тобою я себя лучше чувствовалъ, и мы, кажется, оба понимали другъ друга. Не смотря на названія: *лукаваго соперника* и *чернаго друга*, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили пріятно!

Теперь сцена Кишеневская опустѣла, и я остался одинъ на мѣстѣ, чтобъ, какъ очевидный свидѣтель всего былаго, могъ со временемъ передать потомству и мысли, и дѣла наши. Все перемѣнилось здѣсь со времени нашей разлуки: *Сандулаки* вышла замужъ, *Соловкина* умерла, *Пулхерія* состарилась и въ бѣдности, *Калипсо* въ чахоткѣ; одна *Еврейка* осталась на своемъ мѣстѣ. Но *прежнихъ дней ужъ не дождусь: ихъ нѣтъ какъ нѣтъ!* Какъ часто по осушеннымъ берегамъ Быка хожу я *грустный* и *туманный* и проч., вспоминая милаго то-

[1]) Подробности о Николаѣ Степановичѣ Алексѣевѣ см. въ статьѣ нашей „Пушкинъ въ Южной Россіи“ и въ дополненіи къ ней И. П. Липранди. (Р. Архивъ 1866, стр. 1223). П. Б.

варища, который умѣлъ вмѣстѣ и сердить, и смѣшить меня. Самая madame *Вольфъ* сильно дѣйствуетъ на мое расположеніе, и если ты еще не забылъ этотъ предметъ, то легко поймешь меня.....!

Мѣсто Катакази занялъ *Тимковскій;* ты его вѣрно знаешь; онъ одинъ своимъ умомъ и любезностью услаждаетъ скуку. Ты, можетъ быть, захочешь узнать, почему я живу здѣсь такъ долго; но я ничего тебѣ сказать не въ состояніи: какая-то тягостная лѣнь душею овладѣла! Счастіе по службѣ ко мнѣ было постоянно: за всѣ порученія, мною выполненныя съ усердіемъ, *** наградилъ меня благодарностью и нѣсколько разъ пожатіемъ руки; чины же и кресты зависѣли отъ окружающихъ, коихъ нужно было просить, а я сохранилъ свою гордость и не подвинулся ни на шагъ. Теперь онъ отправился въ Англію, но я ожидаю способовъ возвратиться въ Москву бѣлокаменную и соединиться съ друзьями; но:

„Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!“

Между тѣмъ я увѣренъ, что ты меня вспомнишь: удостоенный нѣкогда цѣлаго посланія отъ тебя, я вправѣ надѣяться получить нѣсколько строкъ, а также, если можно, и чего-нибудь новаго изъ твоего произведенія. Я имѣлъ первую часть *Онѣгина*, но ее кто-то зачиталъ у меня; о второй слышалъ и жажду ее прочесть. Если вздумаешь писать ко мнѣ, то подписывай прямо въ Кишеневъ, а всего лучше пошли въ домъ Киселевыхъ, кои ко мнѣ доставятъ и такимъ образомъ будутъ нашимъ почтамтомъ.

Я часто говорю о тебѣ съ Яковомъ Сабуровымъ, который вмѣстѣ со мною въ комисіи по дѣламъ Варѳоломея; онъ тебя очень любитъ и помнитъ. Липранди тебѣ кланяется, живетъ по прежнему здѣсь довольно открыто и, какъ другой Каліостро, Богъ знаетъ, откуда беретъ деньги. Прости, съ нетерпѣніемъ ожидаю удостовѣренія, что въ твоей памяти живетъ еще Алексѣевъ.

30-е Октября (1826).

2.

Если мое письмо доставило тебѣ удовольствіе, любезный Пушкинъ, то суди, въ какое восхищеніе привело меня твое: я, въ скучной, однообразной жизни, не могъ забыть тебя; всякій шагъ, всякое мѣсто напоминали мнѣ веселыя прогулки, занимательные разговоры, дружеское соперничество и незлобное предательство. Ты, въ шумѣ обѣихъ столицъ, сохранилъ меня въ своей памяти и тѣмъ оправдалъ мое мнѣніе о добротѣ своего сердца и благодарныхъ чувствахъ. Хвала тебѣ!

Ты искалъ меня глазами въ театрахъ и клубахъ; но если встрѣчу нашу предполагаешь ты въ Москвѣ или Петербургѣ, то я заранѣе предсказываю тебѣ вѣчную разлуку и скажу твоими словами, что *вреденъ Сѣверъ для меня;* только въ семъ случаѣ я постояннѣе тебя. И что̀ мнѣ тамъ дѣлать? Родные меня забыли, друзья отвыкли, женщины не любили или обманывали, морозъ 30 градусовъ.

Какая честь и что̀ за наслажденье!

Искать ли мнѣ тамъ новыхъ впечатлѣній? Но я устарѣлъ и ослабѣлъ чувствами, отвыкъ отъ большаго свѣта, притворныхъ разговоровъ, а главное отъ шляпы и бѣлаго галстука. И такъ, любезный другъ, оставь меня въ скучной, но теплой Бессарабіи; не тревожь моей дремоты; здѣсь есть уголокъ, гдѣ мнѣ не дурно; а много ли человѣку надобно? Ты меня помнишь, мои желанія всегда были ограничены: одно любящее сердце и нѣкоторое спокойствіе для ревниваго моего нрава; вотъ все, что̀ Алексѣевъ просилъ у немилосердой судьбы!

Перейдемъ къ описанію другаго рода, которое въ твоемъ вкусѣ и вѣрно полюбится. На сихъ дняхъ вечеромъ у Вакера *Варламъ* вызвалъ въ сѣни *Сушкова* и потомъ на улицу, упрекалъ его въ какихъ-то двусмысленныхъ словахъ на счетъ его сказанныхъ и позволилъ себѣ возвысить голосъ. С. просилъ его утихнуть, увѣрялъ, что ничего не имѣлъ противъ него и предлагалъ всякое благородное удовлетвореніе; но Валахъ не внималъ гласу благоразумія, и дѣло дошло до Калмыцкаго балета. Разумѣется, что С. вызвалъ его. Липранди былъ его секундантомъ. Варламъ долго никого не находилъ и наконецъ, по усиліямъ весьма упорнымъ, убѣдили меня. Назначили свиданіе у Дюпона въ саду, условились во всемъ и, казалось, дѣло въ шляпѣ; но ни гвардейскій мундиръ, ни званіе адъютанта графа Воронцова не могли передѣлать врожденныхъ чувствъ: полиція, комендантъ и отрядъ жандармовъ были извѣщены еще съ утра; весь кортежъ прибылъ къ саду, сопровождаемый родственниками и людьми Варлама, въ минуту когда мы едва начали заряжать пистолеты. Осторожность съ нашей стороны требовала удалиться. Я взбѣсился, наговорилъ весьма много Варл. и предложилъ С.....у драться. Онъ сдѣлалъ промахъ, я выстрѣлилъ на воздухъ, не имѣя ничего противъ сего послѣдняго, кромѣ пріязни и уваженія къ благороднымъ правиламъ. Намъ запретили повторить выстрѣлы, и мы удалились съ презрѣніемъ къ подлецу, но неудовлетворенные. Черезъ четыре дни графъ Паленъ [2]) присылаетъ эстафетъ съ

---

[2]) Новороссійскій генералъ-губернаторъ въ отсутствіе графа Воронцова. П. Б.

предложеніемъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: Сушкову отправиться на слѣдствіе въ Измаилъ, а мнѣ—въ Хотинъ. Но Сабанѣевъ поступилъ съ меньшей деликатностью: онъ просто написалъ къ коменданту, чтобъ выслалъ Варл. въ Тирасполь. Я третій день въ Хотинѣ, въ хорошемъ обществѣ свитскихъ старыхъ моихъ знакомыхъ, ожидаю послѣдствій и, можетъ быть, на нѣкоторое время заточенія, потому что Сушковъ, не видя возможности удовлетворить себя, написалъ письмо къ Государю, объясняя всѣ подробности. Я утѣшаю себя только мыслію, что въ поступкѣ моемъ хотя и есть противузаконное, но ничего постыднаго [3]).

Я читалъ четыре книги «Московскаго Вѣстника» и признаюсь тебѣ съ прежней откровенностью, что одинъ только стихъ мнѣ полюбился: «*Все возьму, сказалъ булатъ*». Но я намѣренъ объяснить тебѣ давнишнее мое неудовольствіе на цензуру и на издателей за твое посланіе ко мнѣ: литера *А* не показываетъ еще Алексѣева, а выкинутые лучшіе стихи испортили всю піесу. Именемъ всего прошу тебя исправь эту ошибку; мое самолюбивое желаніе было, чтобъ чрезъ нѣсколько лѣтъ сказали: Пушкинъ былъ пріятель Алексѣева, который, не равняясь съ нимъ ни въ славѣ, ни въ познаніяхъ, превосходилъ всѣхъ чувствами привязанности къ нему. Прости.

20-е Марта (1827). Кр. Хотинъ.

3.

И письмо твое, любезный Пушкинъ, и твое милое воспоминаніе, все оживило закатившуюся мою молодость и обратило меня къ временамъ протекшимъ, въ кои такъ *сладко текла наша жизнь и утекала*. Если она необильна была блескомъ и пышностію, то разными происшествіями можетъ украсить нѣсколько страницъ нашего романа!

Ты перемѣняешь свое положеніе. Поздравляю тебя! Не вхожу въ разсчеты, заставляющіе тебя откинуть безпечную холостую жизнь; желаю тебѣ только счастія и съ перемѣною жизни неизмѣнныхъ чувствъ къ своимъ друзьямъ. Судьба можетъ еще соединить насъ и, можетъ быть, весьма скоро: тогда я потребую отъ тебя прежняго расположенія и искренности, и за чашей, въ края коей вольется полная бутылка, мы учинимъ взаимную исповѣдь во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ и помышленіяхъ.

---

[3]) Сколько намъ извѣстно, поединокъ позднѣе возобновился. П. Б.

Ты, спрашивая меня о Кишиневѣ, вѣроятно забылъ, что уже третій годъ я нахожусь въ Валахіи; но если ты никѣмъ не извѣщенъ о всемъ, что произошло въ Бессарабіи, то я могу тебѣ дать краткій отчетъ.

М-me Стамо и *Еврейка* овдовѣли и наконецъ свободны отъ мужей. Дѣла отца *Пулхеріи*, порученныя мнѣ лордомъ Мидасомъ, я успѣлъ поправить въ его пользу, и она бы теперь могла бы обворожить Горчакова болѣе, нежели въ тѣ времена, когда онъ ей жертвовалъ жизнію, откинувъ страхъ быть твоимъ соперникомъ. *Инзовъ* поселился въ Болградѣ настоящимъ Бюфономъ и Бонетомъ, разводитъ сады, кормитъ птицъ, дѣлаетъ добро, и безъ него все управленіе идетъ своимъ порядкомъ или безпорядкомъ. *Худобашевъ* въ отставкѣ и живетъ въ Кишиневѣ для украшенія города. *Липранди*, съ грѣхомъ пополамъ прослуживъ Турецкую кампанію, проѣвъ и пропивъ кучу денегъ въ обоихъ княжествахъ, наконецъ женился въ Букарестѣ и по чувствамъ (какъ увѣряетъ). По вызову начальства онъ долженъ былъ отправиться въ Тульчинъ, оставя жену въ одномъ маленькомъ городкѣ ожидать его возращенія и, какъ кажется, ей можно прочесть стихъ Детуша:

Attendez-moi sous l'orme etc [1]).

Съ весной мы ожидаемъ окончанія нашего управленія въ княжествахъ, и потому направленіе мое будетъ прямо къ вамъ, друзья мои; приготовьте мнѣ тепленькую комнатку и ваканцію въ Англійскомъ клобѣ. Но прежде нежели сбудется мое желаніе, я прошу тебя, старый другъ, пришли мнѣ *Гдунова*, *Онѣгина* и еще кое-что питательное для души моей. Я прежде имѣлъ отъ тебя подобные сюрпризы, а теперь они еще будутъ имѣть двойную цѣну, потому что я почти начинаю забывать по-русски. Ты можешь все, мною требуемое, передать Киселеву, который, зная мою къ тебѣ привязанность и жадность къ твоимъ произведеніямъ, поспѣшитъ ко мнѣ отправить. Прости.

Алексѣевъ.

14-е Генваря (183)1 Букарестъ.

4.

Пользуясь отправленіемъ своего человѣка въ С.-Петербургъ, я позволилъ себѣ написать къ тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Пушкинъ, не съ тѣмъ, чтобъ доставить тебѣ ими удовольствіе, но въ доказательство, какъ мнѣ пріятно вездѣ и всегда о тебѣ помнить.

---

[1]) Жди меня подъ придорожнымъ деревомъ и пр.

Въ скоромъ времени я обѣщаю тебѣ сообщить нѣкоторую часть моихъ Записокъ, то-есть эпоху Кишиневской жизни. Онѣ сами по себѣ ничтожны, но, съ присоединеніемъ къ твоимъ, могутъ представить нѣчто занимательное, потому что волею или неволей, но наши имена не разъ должны столкнуться на пути жизни.

Въ заключеніе напомню тебѣ о обѣщанномъ экземплярѣ *Пугачева* съ твоей подписью, которая не разъ уже украшала полученныя мною отъ тебя книги.

Прости и вѣрь чувствамъ преданнаго тебѣ Николая Алексѣева.

23 Генваря (1835).

Гнѣдича.

Любезный Пушкинъ! Сердце мое полно, а я одинъ: прими его изліяніе. Не знаю, кѣмъ написаны во 2-мъ номерѣ Литературной Газеты нѣсколько строкъ объ Иліадѣ; но едва ли цѣлое похвальное слово, въ величину съ Плиніево Траяну, такъ бы тронуло меня, какъ эти *нѣсколько строкъ!* Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что либо о моемъ трудѣ, что̀ было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше царскихъ награжденій. Обнимаю тебя.

Не ѣшь ли ты сегодня у Андріе пирога съ бобомъ?

Твой Н. Гнѣдичъ.

(1830).

Едва ли нужно прибавлять, что статья, умилившая Гнѣдича, принадлежала Пушкину. *П. Б.*

ЗАМѢТКИ НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

(спб. 1880 г., томы 1-й и II-й).

Съ большимъ интересомъ прочитывалъ я вышедшее въ свѣтъ новое изданіе сочиненій нашего великаго поэта, редактированное почтеннымъ библіографомъ Ефремовымъ. Пора намъ, наконецъ, имѣть возможно полное изданіе писателя, которому недавно воздана была подобающая честь отъ всей Россіи. Весьма желательно, чтобы г. Ефремову, въ его кропотливомъ и трудномъ дѣлѣ, была оказываема помощь тѣми лицами, которыя имѣютъ что либо сообщить относительно произведеній нашего поэта или его личности. Будучи самъ великимъ поклонникомъ Пушкина и съ давняго времени, съ выхода въ свѣтъ Анненковскаго изданія его сочиненій (1855) собирая и записывая на своемъ экземплярѣ, все чтò находилъ у г. Анненкова пропущеннымъ или неправильнымъ, все изданное у насъ послѣ Анненкова, попадавшееся въ рукописи или напечатанное за границей, я составилъ себѣ, такъ сказать, собственное, т. е. исправленное Анненковское изданіе Пушкина. Сличая теперь свои записи съ изданіемъ г. Ефремова и убѣждаясь въ его превосходствѣ передъ предыдущимъ изданіемъ г-на Геннади, считаю обязанностію указать теперь, все, чтò замѣчено мною въ изданіи неполнаго или пропущеннаго, лучшія разнорѣчія и все, просмотрѣнное г. Ефремовымъ, частію неизбѣжно, при этомъ кропотливомъ дѣлѣ. Если мои замѣтки и не особенно важны: то, во всякомъ случаѣ, въ такомъ дѣлѣ, какъ собраніе всего, чтò написано Пушкинымъ, и очищеніе его текста отъ всякой посторонней примѣси, они будутъ пригодны.

Прослѣдимъ теперь за произведеніями перваго тома, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, какъ они расположены г. Ефремовымъ.

Въ Лицейскихъ стихотвореніяхъ 1814 г. „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ и 1815 г. „Отъ всенощной, вечоръ, идя домой“, не слѣдовало бы, какъ уже было замѣчено въ печати, вставлять свои слова, вовсе не принадлежащія Пушкину: „разсыпался бъ у...“ и „вездѣ“, вмѣсто словъ поэта, неудобныхъ для печати. Не лучше ли въ такомъ случаѣ дѣлать такъ: поставить

просто точки, или ограничиться только начальною буквою слова, какъ дѣлаютъ часто въ печати и какъ сдѣлалъ самъ г. Ефремовъ въ стихотвор. 1817 г. „Къ Олениной“, поставивъ: М-ъ, М-а. Догадливый читатель самъ по одной буквѣ часто можетъ смекнуть, чтò это за слово, — и дѣло въ шляпѣ. Въ заглавіи можно было бы, въ этомъ стихотвореніи, не выставлять: „Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной“, такъ какъ не къ ней положительно относится это стихотвореніе, съ чѣмъ согласенъ и г. Ефремовъ. Въ послѣдней строфѣ этихъ стиховъ:

Забудетъ о своемъ крестѣ...

можно бы поставить болѣе точно: Христѣ, вм. крестѣ.

Въ 8-мъ куплетѣ стиховъ 1815 г. „Вишня“ третій стихъ можетъ быть возстановленъ, какъ и сдѣлалъ Н. Гербель (Русскій Арх. 1876 г., кн. 3):

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Окончательные же куплеты этой пьесы, находящіеся въ заграничныхъ изданіяхъ Пушкина, не могутъ быть публикованы у насъ, по своей слишкомъ наивно-юношеской эротичности.

Въ стихотв. 1816 г. „Желаніе“ (Христосъ воскресъ, питомецъ Феба), посланіе къ В. Л. Пушкину, не достаетъ окончанія, въ 19 стиховъ; хотя оно извѣстно было всѣмъ издателямъ Пушкина, но считается ими за отдѣльное стихотвореніе. У Анненкова оно помѣщено въ VII томѣ, стр. 106 и отнесено къ 1830 г. Также неправильно приписывалась эта пьеса у другихъ издателей къ 1821 г. Привожу здѣсь эти полные энергіи стихи молодаго поэта, находящіеся въ полномъ соотвѣтствіи съ напечатаннымъ у Ефремова началомъ:

О Муза пламенной Сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ мирныхъ дамъ [1])
Готовлю язву эпиграммъ.
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята подлецы,
Впередъ всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда!

---

[1]) По другому списку: „не безотвѣтнымъ риѳмачамъ“.

А если же кого забуду—
Прошу напомнить, господа.
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

Стихи 9-й и 10-й этого окончанія въ одномъ заграничномъ изданіи стоятъ въ лучшей редакціи, чѣмъ приведенная Анненковымъ:

Миръ вамъ, несчастные поэты!
Миръ вамъ, смиренные глупцы!

Въ извѣстномъ посланіи Пушкина 1818 г. „Къ Алексѣю Ѳед. Орлову". (О ты, который сочеталъ) не надо было помѣщать не-Пушкинскаго слова „князей" въ одномъ стихѣ, который самимъ же г. Ефремовымъ, въ новомъ изданіи этой пьесы по подлинной рукописи (Русская Старина, 1880 г., Іюль), напечатанъ правильно:

Преподаешь царей науку...

Въ другомъ столь же извѣстномъ посланіи Пушкина, того же года, „Къ Петру Яковл. Чаадаеву", напечатанному теперь г. Ефремовымъ почти совсѣмъ вполнѣ (предпослѣдній стихъ не можетъ быть публикованъ), слѣдуетъ однако помѣстить слѣдующіе два стиха, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ спискахъ этого посланія, послѣ стиха: „Отчизны внемлемъ призыванье":

Питай, мой другъ, священный жаръ,—
И искра дѣластъ пожаръ....

и также любопытные и болѣе выразительные варіанты слѣдующихъ стиховъ:

Какъ сонъ (вм. дымъ), какъ утренній туманъ...
Минуты тайнаго (вм. сладкаго) свиданья...
Звѣзда желаемаго счастья...
(вм. Заря плѣнительнаго счастья)

Слѣдующее за этимъ стихотвореніе, того же года, подъ заглавіемъ: „Элегія" (О ты, которая изъ дѣтства) есть лишь отрывокъ, по словамъ г. Ефремова, изъ обширнаго посланія, извѣстнаго ему въ рукописи, въ которомъ напечатанные стихи (при томъ выписанные съ пропусками) составляютъ только эпизодическое обращеніе „къ свободѣ". Въ „посланіи" этомъ, неудобномъ къ печати, есть много прекрасныхъ стиховъ, какъ напр. обращеніе къ отечеству съ указаніемъ на мнимыхъ сыновъ его:

Въ нихъ слезъ нѣтъ для твоихъ печалей,
Нѣтъ пѣсенъ для твоихъ побѣдъ.

Мнѣ никогда не попадалось въ руки это стихотвореніе, и жаль, что г. Ефремовъ ничего больше изъ него не напечаталъ.

Подъ тѣмъ же 1818 г. помѣщены извѣстныя по рукописямъ и заграничнымъ изданіямъ эпиграммы на историка Карамзина и тогдашняго министра духовн. дѣлъ и просвѣщенія, князя А. Н. Голицына. Къ первой изъ двухъ эпиграммъ на Карамзина слѣдовало бы привести два извѣстныхъ, еще болѣе выразительныхъ, варіанта:

На плаху древность волоча,
Онъ доказалъ намъ, безъ пристрастья,
Необходимость палача
И справедливость самовластья.

*

На плаху старину влача,
Онъ Русскимъ доказалъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость палача
И нѣжность (вар. прелесть) самовластья.

Изъ двухъ эпиграммъ на князя Голицына, первая лишена двухъ послѣднихъ стиховъ:

Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

и варіанта къ третьему стиху:

Просвѣщенія гонитель (вм. губитель)...

Вторая эпиграмма напечатана безъ первыхъ трехъ стиховъ. Вотъ полный ея текстъ, съ поправкою измѣненнаго у г. Ефремова третьяго стиха:

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ:
Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ.
Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ
(Вм. Пошли намъ, Боже, недостойнымъ)
Поменьше пастырей такихъ—
Полу-благихъ, полу-святыхъ.

Надо замѣтить, что эта эпиграмма въ нѣкоторыхъ заграничныхъ изданіяхъ относится и къ извѣстному тогдашняго времени архимандриту Фотію и, дѣйствительно, весьма пригодна и для него. Въ тѣхъ же изданіяхъ встрѣчается и слѣдующая третья эпиграмма на князя Голицына, болѣе позднѣйшаго времени, приписываемая также Пушкину:

Онъ добрый малый, братъ сестрицамъ,
Онъ не былъ золъ ни для кого....
Скажите правду, князь Голицынъ:
Ужъ не повѣсить ли его?

Намекъ, можетъ быть, на образъ дѣйствій князя Голицына въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ 1826 года.

Изъ извѣстной рукописной пьесы, того же 1818 г. „Сказки Noël“, напечатана только послѣдняя четвертая строка (первыя три неудобны для печати). Слѣдовало въ примѣчаніи помѣстить замѣтку г. Анненкова о значеніи этой сатиры. „Пѣсенка Noël“—пародія рождественскихъ поздравительныхъ пѣсенокъ средневѣковой Европы, написана была въ осмѣяніе слуховъ о скоромъ дарованіи имперіи новыхъ установленій, слуховъ, распространившихся въ публикѣ послѣ рѣчи, произнесенной императоромъ при открытіи перваго сейма въ Варшавѣ (1818 г.)“ „Его (Пушкина) оды, эпиграммы, посланія, особенно извѣстная пѣсенка Noël, сильно распространенная въ оппозиціонныхъ кругахъ обѣихъ столицъ, слушались съ одобреніемъ и такими людьми, которые нисколько не сочувствовали ихъ духу, и, конечно, при случаѣ не задумались бы показать автору самымъ ощутительнымъ образомъ, какъ далеко они расходятся съ его образомъ мыслей. Памфлеты Пушкина видимо составляли тогда для всѣхъ нѣчто въ родѣ запрещенной поэтической игры, за которой слѣдить позволялось только до извѣстнаго предѣла. Пушкину, однакожъ, казалась дѣятельность эта и важной, и почетной. Соблазнительными, но остроумными произведеніями, отчасти эротической, а отчасти революціонной своей Музы, онъ устроивалъ себѣ какое-то особенное положеніе, создавалъ изъ себя какое-то подобіе силы, правда, ничтожной до крайности, ребячески безпомощной и легко устранимой при первомъ движеніи противниковъ, но все же такой, мимо которой нельзя было долго проходить безъ вниманія.“ (Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Спб. 1874, стр. 83—84).

Веселая и забавная шутка Пушкина, того же года: „Ты и я“ (Ты богатъ, я очень бѣденъ) лишена послѣдняго стиха третьяго куплета:

Нужный долгъ отдать природѣ....

И слѣдующихъ варіантовъ:

Не имѣя въ вѣкъ заботъ...
(вм. Ты не знаешь вѣкъ заботъ)
Ѣшь ты сладко, всякій день
Тянешь вины на свободѣ....

Подъ тѣмъ же годомъ (1818 г.), въ послѣднемъ примѣчаніи, стр. 538, г. Ефремовъ приводитъ изъ „Записокъ“ Н. И. Лорера (Русск. Арх. 1874, № 9) слѣдующее стихотвореніе Пушкина, продекламированное генер. Хомутовымъ однажды за обѣдомъ въ 1841 году.

Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши? Мальчикъ, лей!

Теперь не кстати воздержанье;
Какъ дикій Скиѳъ, хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

Г. Ефремовъ считаетъ эти стихи особой пьесой Пушкина, но это есть только окончаніе извѣстнаго стихотворенія его, подъ заглавіемъ „Горацій“ (Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ). Это подражаніе одной изъ Гораціевыхъ одъ (книга II, ода VII, Ad Pompejum) написано въ 1835 г. и напечатано было впервыя въ Сынѣ Отечества 1840 г., т. 22 и въ 9 дополн. томѣ посмертнаго изданія 1841 г., и въ томъ же году декламировано генер. Хомутовымъ.

Между стихотвореніями 1819 г., выпущено по необходимости по одному слову въ посланіяхъ „Вас. Вас. Энгельгардту“ (Я ускользнулъ отъ Эскулапа) и „Къ Ѳ. Ф. Юрьеву“ (Здорово, Юрьевъ имениникъ).

Въ другомъ стихотвореніи того же года „Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны“ необходимо помѣстить прекрасные варіанты слѣдующихъ стиховъ:

И идоламъ молвы народной...
(вм. И силѣ, въ гордости свободной)
Правдивой Музою моей....
(вм. Стыдливой Музою моей).
Небесной благости свидѣтель....
(вм. Небеснаго земной свидѣтель)
И горделивая свобода...
(вм. Любовь и тайная свобода)

Въ виду важнаго значенія стихотворенія того же года „Деревня“ (Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ), въ которомъ выражено смѣлое указаніе на тягость крѣпостнаго права и которое встрѣтило себѣ всеобщее сочувствіе (самъ императоръ Александръ I на представленное ему кн. Васильчиковымъ, черезъ Чаадаева, это стихотвореніе, сказалъ князю: Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent. Вѣстн. Европы 1871, № 7), необходимо помѣстить и всѣ его варіанты; г. же Ефремовъ не приводитъ ни одного:

Безумные пиры, забавы, заблужденья...
(вм. Роскошные пиры и пр.)
Роптанье презирать толпы непросвѣщенной....
(вм. Роптанью не внимать толпы, и проч.)
Слышнѣе вашъ отважный гласъ...
(вм. отрадный гласъ).
Вездѣ невѣжества убійственный позоръ...
(вм. губительный позоръ)

Въ 1820 г. написаны были Пушкинымъ, извѣстныя по рукописямъ: „Ода на свободу“, иначе „Вольность“, начинающаяся стихами:

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица! *)

и эпиграммы на страшнаго въ тогдашнее время Аракчеева, которыя, главнымъ образомъ, и были причиною ссылки Пушкина 5 Мая 1820 г. Знаменитая ода состоитъ изъ 12 строфъ, изъ которыхъ г. Ефремовъ могъ помѣстить только одну 7-ю строфу (о смерти Людовика). Ода эта извѣстна была съ свое время всѣмъ, въ многочисленныхъ спискахъ, и написана Пушкинымъ съ сильнѣйшимъ одушевленіемъ. Пушкинъ вспоминаетъ о ней позднѣе въ небольшомъ восьмистишіи „Къ графинѣ Кочубей", напечатанномъ въ первый разъ съ альманахѣ Молодикъ 1844 г., стр. 7, изд. И. Бецкаго, и перепечатанномъ въ изд. Анненкова, т. VII, стр. 95—96, съ примѣчаніемъ, что пьеса набросана при посылкѣ стихотворенія (т. е. оды: Вольность):

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ....

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что эта „Ода", съ разительнымъ описаніемъ ночи 12 Марта была главнѣйшимъ поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга. Она написана у Н. И Тургенева, жившаго съ братомъ своимъ Александромъ, въ тогдашнемъ домѣ почтоваго вѣдомства (нынѣ министра императорскаго двора, окнами на Фонтанку и Инженерную Академію). То, что тогда казалось страшнымъ вольнодумствомъ, нынѣ говорится открыто

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.

Пушкинъ говоритъ, что тамъ лишь „неслышимо людей стенанье",

Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ
И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.

Какъ слышны тутъ отзвуки бесѣдъ Пушкина съ Н. И. Тургеневымъ, ученикомъ и другомъ народолюбца барона Штейна. П. Б.

Изъ двухъ эпиграммъ Пушкина „На Аракчеева“ напечатаны у г. Ефремова только отрывки. Весь текстъ первой слѣдующій:

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ *) мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А царю—онъ другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести....
Кто жъ онъ? „Преданный безъ лести“
Б.... грошевой солдатъ.
(вар. Просто фрунтовой солдатъ).

Аракчеевъ, какъ извѣстно, взялъ своимъ девизомъ слова: „Безъ лести преданъ“. Ко второй эпиграммѣ (всю ее невозможно здѣсь помѣстить) существуетъ варіантъ:

Достойный славы Геростата....
(вм. Ты стоишь лавровъ Герострата).

Едва ли не главный преслѣдователь Пушкина былъ именно Аракчеевъ. Онъ продолжалъ указывать императору на зловреднаго сочинителя Пушкина и послѣ уже ссылки его. Приведу здѣсь, какъ одно изъ доказательствъ, слѣдующее мѣсто изъ письма Аракчеева къ импер. Александру I отъ 28 Октября 1820 г., ясно рисующее тогдашніе наши порядки: „....Слава Богу, въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ благополучно, тихо и смирно, и сего 31 числа вступаютъ въ округи поселенія дѣйствующіе баталіоны полка моего имени; но только, батюшка, нападаетъ вашъ министръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ. Я къ нему по волѣ вашего велич. сдѣлалъ отношеніе, въ копіи у сего прилагаемое; а какой отъ него получилъ отвѣтъ, то оный въ оригиналѣ также при семъ прилагаю. Я уже привыкъ къ его расположенію, то и могу оное переносить; но мнѣ кажется неловко, что онъ изволитъ нападать на старика митрополита, дабы и его заставить быть непріятелемъ военнаго поселенія. Уставъ, имъ упоминаемый, ничто иное, какъ молитвы, напечатанныя въ типографіи военной, единственно для священниковъ военнаго поселенія, въ 1-й гренадерской дивизіи находящихся, дабы они, переписывая, не сдѣлали ошибокъ, котораго одинъ экземпляръ у сего прилагаю. Я признаю самъ себя виноватымъ, что послалъ къ нему печатные, а не письменный; но можно ли въ нашихъ званіяхъ и мѣстахъ другъ къ другу придираться и дѣлать подобныя непріятности, дабы видѣли служащіе въ канцеляріяхъ, тѣмъ болѣе, когда его сіятельству видно было, что на все сіе была высочайшая ваша воля? Цензурѣ довольно дѣла смотрѣть за сочинителями. Извѣстнаго вамъ

*) Намекъ на П. И. Сумарокова, Новгородскаго губернатора, котораго преслѣдовалъ Аракчеевъ. См. Воспоминанія Н. И. Шенига въ третьей книгѣ Р. Архива 1880. П. Б.

Пушкина стихи печатаются въ журналахъ, съ означеніемъ изъ Кавказа, видно для того, чтобы извѣстить объ немъ подобныхъ его сотоварищей и друзей. На вѣкъ чистымъ сердцемъ и душою, преданный в. и. величества вѣрноподданный". (Исторія царств. Импер. Александра I и Россіи въ его время, *М. Богдановича*, Томъ VI, Прилож., стр. 101).

Здѣсь я долженъ указать, говоря объ этой порѣ стихотворныхъ воспѣваній вольности (Хочу воспѣть я вольность міру, говоритъ онъ въ первой строфѣ „Оды на свободу"), пропускъ сдѣланный г. Ефремовымъ опубликованнаго уже одного стихотворенія и одного отрывка на эту тему, которые приписываются Пушкину и по складу стиха, конечно, ему принадлежатъ. Эти пьесы сообщены были А. Н. Петровымъ въ Русской Старинѣ 1871 г. (Декабрь) въ интересной его замѣткѣ: „Скобелевъ и Пушкинъ". Стихотвореніе: „Мысль о свободѣ", говоритъ г. Петровъ, разошлось въ значительномъ количествѣ списковъ. Вотъ его начало:

Взойдетъ ли, наконецъ, друзья,
Среди небесъ роднаго края
Давно желанная заря—
Заря свободы золотая?

и т. д. всего 41 строка *). Воспѣвъ геройское освобожденіе Швейцарцевъ, разбившихъ огромныя полчища Карла Смѣлаго при Маргартенѣ, тотъ же поэтъ въ другомъ стихотвореніи, также въ то время распространенномъ въ рукописи, выражаетъ своему молодому другу пылкую любовь „къ возвышенной свободѣ".

Посланіе къ другу.

Что̀ значатъ эти увѣщанья?
Мой другъ, что̀ значитъ голосъ твой?
Онъ возбудилъ въ груди младой
Нѣмой порывъ негодованья.
Ты мыслишь, что разлуки годы
Во мнѣ убили прежній духъ?
Что въ сердцѣ молодомъ потухъ
Сей жаръ возвышенной свободы?—
Нѣтъ, другъ мой! Я всегда питалъ
Сіи прекрасныя желанья,
И сей огонь не угасалъ
Ни въ наслажденьи, ни въ страданьи,
И гордый духъ мой презиралъ
Слѣпую власть очарованья.

---

*) Напечатаны только эти четыре стиха. П. Б.

Во мнѣ святыя чувства живы,
Тѣ чувства къ родинѣ любви,
И часто въ пламенной груди *)
Твой другъ гордится чувствомъ симъ.
Въ странѣ . . . .
Къ толпѣ льстецовъ, къ рабамъ слѣпымъ
Бросаетъ гордый взглядъ презрѣнья.
Я не склонялъ главы младой
Передъ вельможею надменнымъ,
Не ползъ презрительной стезей
Къ рабамъ—рабами окруженнымъ.
Мой другъ! Я молодъ, но видалъ,
Какъ льстецъ, эмблема униженья,
Съ восторгомъ рабскаго забвенья,
Любимцевъ ц . . . . . . слѣдъ лобзалъ,
И гордый духъ мой замиралъ
Въ порывахъ гнѣвнаго волненья!

„Въ отвѣтъ на эти стихотворенія (продолжаетъ г. Петровъ) были написаны „возраженія", также ходившія въ рукописи по рукамъ. Одно изъ нихъ „Мысль Россіянина о свободѣ" есть произведеніе Николая Цыбульскаго. Другое, подъ названіемъ „Мысль Русскаго солдата о свободѣ" — неизвѣстнаго автора. Первое изъ „возраженій" состоитъ изъ 200 стиховъ, второе изъ 130. Г. Петровъ приводитъ изъ перваго 20 стиховъ, съ начала:

Не ты ль во цвѣтѣ раннихъ лѣтъ,
Презрѣвъ обычай нашъ и нравы,
Клятвопреступный далъ обѣтъ,
Изгнать желанье прочной славы?
Не ты ль свободу громко звалъ,
Прельстясь игрою заблужденій?
Куда завелъ тебя твой Геній?
На чемъ ты счастье основалъ?
Себя ль ты хочешь имъ ласкать?
Уронъ его невозвратимой!
Сей вольности неукротимой
На то ль рѣшился бъ ты искать,
Чтобъ ею гордо забавляться,
Среди бунтующихъ страстей,
И въ торжествѣ другихъ являться,
Какъ ненаказанный злодѣй?
На что сей вольности желать
И быть врагомъ законной власти?
На то ль, чтобъ вѣчно трепетать
И ожидать одной напасти? и т. д.

---

*) Эти два стиха, по моему мнѣнію, должны быть таковы:

Тѣ чувства—къ родинѣ любви,
И часто въ пламенной крови

Изъ втораго, еще болѣе откровеннаго „возраженія“ Русскаго солдата, г. Петровъ даетъ 24 стиха:

Демократія—безумный что за бредъ?
Какихъ желаешь ты родному краю бѣдъ?
Къ покою нашему вездѣ начальство есть,
И каждый каждому являетъ должну честь.
Чинъ чина почитаетъ,
И благо свое въ томъ солдатъ и гражданинъ смекаетъ.
Какое жъ въ вольности добро?
Кто смѣетъ увѣрять,
Чтобъ въ безначаліи ребро
Не могъ я потерять,
Иль черепъ своротить
Не смѣлъ самъ у другаго?
Кто бъ вздумалъ утвердить,
Что званія простого
Бурлакъ и трубочистъ,
Министръ и копіистъ,
Равны въ толпѣ народной,
Гдѣ могутъ всѣ кричать,
Гдѣ разумъ каждаго свободный
Законы можетъ предлагать,
Гдѣ регистраторъ нашъ пьянчужка,
Полуфранцузъ гдѣ куралеситъ
И на вѣсахъ своихъ все вѣситъ?
Нѣтъ, нѣтъ, дурная тутъ игрушка! и т. д.

Интересъ приведенныхъ пьесъ нашего поэта и „возраженій“ на нихъ понятенъ для читателя; поэтому нельзя не пожалѣть, что г. Петровъ не сообщилъ извѣстнаго ему перваго стихотворенія Пушкина и ограничился только отрывками изъ „возраженій“. Г-нъ Петровъ занимается въ своей замѣткѣ болѣе рапортами славнаго ветерана, И. Н. Скобелева, военнаго генералъ-полицмейстера 1-й арміи. Но и эти рапорты весьма любопытны. Первый представленный имъ главнокомандующему 1-й арміей, рапортъ отъ 3 Октября 1822 г., высказываетъ въ кудреватой, но искренней и сильной формѣ, опасенія по поводу такъ называемаго бунта Семеновскаго полка. „Послѣдствія, пишетъ ветеранъ, обнаружили истину, но не истребили до конца опасенія, поддержанныя сколько буйствомъ людей, ни на что не годныхъ и въ единомъ безпорядкѣ благо свое видящихъ, а не менѣе и нечестивыми журналами, вносящими дерзкую и чуждую намъ клятвопреступную возможность къ пренію ничтожнаго подданнаго съ высочайшею властію избраннаго помазанника Всесильнаго Бога!“ и такъ далѣе. Славному ветерану пришлось сильно поплатиться за свое слово, попавшее въ разрѣзъ съ господствовавшимъ мнѣніемъ. Онъ впалъ въ немилость, лишился занимаемаго имъ поста, что̀ отозвалось на его здоровьѣ, а главное нанесло сильный нравственный ударъ. Въ другомъ письмѣ его къ главнокомандующему отъ 17 Января 1824 г., изъ Москвы,

по поводу ходившаго въ то время въ рукописи стихотв. „Мысль о свободѣ“, Скобелевъ прямо указываетъ на Пушкина: „Несчастіе (мое) не потушило пламеннаго желанія быть полезнымъ благодѣтелю-царю, то и рѣшился я доложить вашему пр—ву: не лучше ли было оному Пушкину, который изрядныя дарованія свои употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія? Не соблазнъ ли они для людей, къ воспитанію коихъ пріобрѣтено спасительное попеченіе?“ и проч. „Я не имѣю у себя стиховъ сказаннаго вертопраха, которые повсюду ходятъ подъ именемъ „Мысль о свободѣ“. Но, судя по возраженіямъ, ко мнѣ дошедшимъ (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки; послѣднія осмѣливаюсь представить“. Но Скобелевъ не находилъ сообщенныхъ имъ по начальству „возраженій“ достаточно сильными, а потому въ томъ же рапортѣ сдѣлалъ отъ себя слѣдующее предложеніе: „Если бы сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно, въ награду, лишился нѣсколько клочковъ шкуры—было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій голосъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же напротивъ водворится вреда неумѣстною къ негодяямъ нѣжностью и проч.? Необходимо оговорить (замѣчаетъ редакція Русской Старины въ концѣ сообщенія г. Петрова), что грубость и жестокость, какія являетъ въ Скобелевѣ приведенный документъ, вовсе не были присущи характеру этого типическаго представителя своего времени. Въ немъ складывались дурныя и необыкновенно хорошія черты самымъ оригинальнымъ образомъ. Скобелевъ, рекомендующій содрать „нѣсколько клочковъ шкуры“ съ Пушкина, вовсе не тотъ, какимъ знаетъ его Петербургское общество въ должности коменданта Петропавловской крѣпости.... Скобелевъ проявилъ замѣчательную человѣчность въ обращеніи съ узниками, и доселѣ ходитъ много разсказовъ о его самоотверженномъ за нихъ заступничествѣ (см. Русск. Стар. 1871 г., т. 1, стр. 673).

На вопросъ, когда же написаны приведенныя выше пьесы Пушкина, можно только сказать: во время ссылки, въ періодъ его Кишиневской жизни, 1821—1823 гг.

Между стихотв. 1821 г. помѣщено долго извѣстное у насъ только въ рукописи стихотвореніе (до 1876 г., когда было напечатано Н. Гербелемъ въ Русск. Арх. 1876 г., № 10): „Кинжалъ“ (Лемносскій богъ тебя сковалъ), Интересныя разнорѣчія пьесы, не упоминаемыя г. Ефремовымъ, слѣдующія:

Кинжалъ, ты кровь излилъ—и мертвъ объемлетъ онъ...
(вм. Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ, и проч.)
Перстомъ онъ (Маратъ) жертвы назначалъ....
(ошибочно напечатано: жертву)
Свободы мученикъ, избранникъ молодой...
(вм. О, юный праведникъ, избранникъ роковой)
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ...
(вм. Остался гласъ и пр.)

Пропущенныя строфы въ другомъ извѣстномъ стихотв. 1821 г. „Наполеонъ“ (Чудесный жребій совершился) тоже явились только въ послѣднее время (въ 1857 и 58 гг.). Есть варіанты этой оды и въ 10 строфѣ важные, не упоминаемые г. Ефремовымъ.

Извѣстное по рукописямъ и заграничнымъ изданіямъ стихот. того же года, напечатанное у насъ только въ 1858 г. „Десятая заповѣдь“ (Добра чужаго не желать) имѣетъ также важные варіанты, возстановляющіе настоящій текстъ Пушкина въ этомъ превосходномъ стихотвореніи:

Не лестна мнѣ ихъ благостыня...
(вм. Не лестна мнѣ вся благостыня).
Завидно мнѣ блаженство друга...
(вм. тяжелаго стиха: Мнѣ зависть ко блаженству друга).

Послѣдній стихъ долженъ быть такимъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ общей мысли всей пьесы:

Молчу... и въ тайнѣ уповаю.. ..
(вм. во всѣхъ изданіяхъ напечатаннаго:
Молчу... и въ тайнѣ я страдаю)

Въ стихотвореніи того же года „Изъ письма къ барону А. А. Дельвигу“ (Другъ Дельвигъ, мой Парнасскій братъ) послѣдніе два стиха неточны по сознанію самаго г. Ефремова.

Въ извѣстномъ превосходномъ, новомъ посланіи „Къ П. Я. Чаадаеву“ (Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ) слѣдовало бы помѣстить слѣдующіе варіанты:

Въ минуту гибели надъ бездной разъяренной...
(вм. . . . . . . надъ бездной потаенной)
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ...
(вм. Посмотримъ, перечтемъ и пр.)

Въ шуточномъ эротическомъ стихотвореніи, того же года, „Еврейкѣ“ (Христосъ воскресъ, моя Ревекка) выпущенъ третій отъ конца стихъ, напечатанный во всѣхъ заграничныхъ изданіяхъ. Безъ него же вся соль пьесы дѣлается совершенно непонятной для читателя. Вотъ этотъ стихъ, съ варіантомъ:

И то въ залогъ тебѣ вручить...
(вар. И вмѣстѣ то тебѣ вручить)

Второй стихъ этой пьесы имѣетъ лучшій варіантъ, чѣмъ напечатанный у Ефремова:

Сегодня, слѣдуя домой...:
(вм. и нынѣ слѣдуя и пр.)

Къ 1821 г. относится еще изданное уже послѣ выхода изданія г. Ефремова (Историч. Вѣстникъ 1880 г. Сентябрь, стр. 198—199), слѣдующее шутливое посланіе Пушкина, найденное въ бумагахъ покойнаго П. А. Каратыгина и сообщенное его сыномъ П. П. Каратыгинымъ.

26 Іюня 1821 г. Кишиневъ.

Ты пишешь: „на брегахъ Тавриды
Овидій въ ссылкѣ угасалъ....“
И я, по твоему, Овидій
За то, что царь меня сослалъ?
Потомъ... о, льстецъ мой вдохновенный,
„Ты Тассъ—безумнымъ оглашенный!“
Да ужъ прибавь: Наполеонъ
На островѣ святой Елены!
Но кто-жъ я? Тассъ или Назонъ?...
Я даже въ ссылкѣ не дерзаю
Себя съ Овидіемъ ровнять,
И „вѣкомъ Августа“ назвать
Нашъ вѣкъ себѣ не позволяю;
Хотя и онъ, какъ говорятъ,
Зѣло талантами богатъ,
И съ Римомъ выдержитъ сравненье
Россія въ этомъ отношеньи.
У насъ Титъ Ливій—Карамзинъ,
Нашъ Федръ—Крыловъ, Тибуллъ—Жуковскій,
Варронъ, Витрувій—Каразинъ,
А Діонисій [1])—Каченовскій!
Проперцій—томный Мерзляковъ...
За нимъ идутъ аристократы,
Виргиліи и Меценаты:
Князь Шаликовъ и графъ Хвостовъ,
Князь Вяземскій, Плетневъ, Шишковъ,
Василій Пушкинъ, Муравьевъ—
И мой Катенинъ скучноватый!
Но съ кѣмъ же мнѣ себя сравнить?
Нѣтъ, не Овидій я носатый....
Орфей и Тассъ... ужъ такъ и быть!
Среди неистовыхъ Цыганокъ,
Я, какъ Орфей, въ толпѣ Вакханокъ,
Въ кругу кокетокъ-Молдаванокъ
Пожалуй—тазъ между лоханокъ!
За то межъ грузныхъ Молдаванъ—
Не Даніилъ въ оврагѣ львиномъ:
Вѣрнѣе—левъ межъ обезьянъ,
Иль конь Арабскій—„альгазанъ“ [2])
Въ смиренномъ табунѣ ослиномъ!

---

[1]) Діонисій Галикарнасскій, авторъ „Римскихъ древностей“.
[2]) См. *Boiste*, alhazan: étalon, cheval courageux et de bonne race.

П. П. Каратыгинъ-сынъ напрасно считаетъ это стихотвореніе поддѣлкой и озаглавливаетъ его: Апокрифическое стихотвореніе. По манерѣ и по стиху это, конечно, подлинная піеса Пушкина, новое, неизвѣстное доселѣ, сатирическое посланіе изъ эпохи Кишиневской жизни поэта. Тамъ же г. Каратыгинъ сообщилъ превосходную эпиграмму Пушкина, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанную и мнѣ не попадавшую никогда на глаза. Въ обширной своей монографіи „Пушкинъ въ южной Россіи" (Русскій Арх. 1866 г., стр. 1125) г. Бартеневъ [3]) приводитъ двустишіе Пушкина:

Михаилъ Иванычъ Лексъ
Прекрасный человѣкъ-съ!

Но немногимъ извѣстны его стихи на того же М. И. Лекса, написанные въ тридцатыхъ годахъ, когда Лексъ занималъ какую-то важную должность по министерству внутреннихъ дѣлъ:

Была пословица у Римскаго народа:
Sit dura lex—sed lex; у насъ не такъ:
У насъ и dura lex и Лексъ дуракъ!

Эти стихи С. А. Соболевскій написалъ въ альбомѣ К. П. Брюлова, ручаясь ему, что они Пушкинскіе" [4]).

Прелестное стихотв. 1822 г. „Птичка" (Въ чужбинѣ свято наблюдаю) приведено въ лучшей редакціи, по подлинной рукописи, въ „Русской Старинѣ" 1880 г. (Іюль), уже по выходѣ въ свѣтъ изд. Ефремова.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны
(вм: „выпускаю" и „при свѣтломъ".)

---

[3]) Въ статьѣ Каратыгина эта монографія приписана г. Анненкову.

[4]) Пушкинъ зазналъ Михаила Ивановича Лекса (впослѣдствіи достигшаго важныхъ должностей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) очень бѣднымъ человѣкомъ въ Кишиневѣ, кажется, въ канцеляріи И. Н. Инзова. Многія добрыя качества этого человѣка снискали ему расположеніе людей имѣвшихъ съ нимъ сношенія, и Пушкинъ жалѣлъ о томъ, что у него вырвалось про Лекса это острословіе. П. Б.

Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
(вм: За что на Бога и пр.)
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?
(вм:. Я могъ свободу даровать).

Въ эпиграммѣ „на Д. П. Северина", 1822 г., подъ заглавіемъ „Жалоба" (Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ) слѣдуетъ исправить 5-й стихъ, во всѣхъ изданіяхъ печатаемый неправильно:

Потомку предковъ благородныхъ.....
(вм: Потомокъ предковъ и пр.)

Любопытно слѣдующее примѣчаніе (Русск. Арх. 1876 г. кн. 3) о лицѣ, на которое написана эпиграмма: „Д. П. Северинъ, впослѣдствіи посланникъ въ Мюнхенѣ, происходилъ отъ Нѣмцевъ. Будучи родственникомъ, по первой своей супругѣ съ А. С. Стурдзою, онъ пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ встрѣтился съ Пушкинымъ, который впослѣдствіи жалѣлъ объ этой сорвавшейся у него съ языка эпиграммѣ, такъ какъ Северинъ былъ человѣкъ достойный всякаго уваженія".

Къ 1823 году относится извѣстный по спискамъ „Царь Никита",—простонародная сказка. Объ этой пьесѣ г. Ефремовъ не упоминаетъ нигдѣ ни единымъ словомъ. Между тѣмъ еще въ Библіограф. Запискахъ 1858 г. № 4, стр. 106—107, при одномъ изъ писемъ Пушкина къ своему брату Льву и Плетневу, отъ 15 Марта 1825 г., помѣщенъ 21 стихъ (съ пропускомъ одного) начала сказки, въ выноскѣ къ словамъ Пушкина объ изданіи книги его стихотвореній: „60 піесъ! Довольно ли будетъ для 1-го тома? Не прислать ли вамъ для наполненія „Царя Никиту и 40 его дочерей?" Затѣмъ въ одномъ изъ заграничныхъ изданій Пушкина 1861 г. помѣщена цѣликомъ вся пьеса.

Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ
Сорокъ Ангеловъ небесныхъ,
Чудо сердцемъ и душой!
Что за ножка! Боже мой!
А головка, темный волосъ!
Чудо глазки, чудо голосъ!

Въ концѣ слѣдующее четверостишіе, встрѣченное мною только въ одномъ заграничномъ изданіи сказки (1861 г.) и направленное Пушкинымъ противъ упрековъ, можетъ быть, въ неумѣстности его шутки:

Многіе меня поносятъ,
И теперь, пожалуй, спросятъ:
Глупо такъ зачѣмъ шучу?
Что за дѣло имъ?—хочу.

Другой заграничный издатель сочиненій Пушкина (2-е изд., Berlin 1870 г.) считаетъ не приведенную здѣсь остальную часть сказки (4—8 гл.) возстановленной только по памяти, съ искаженіемъ стиховъ Пушкина, но признаетъ все таки нѣкоторые стихи чисто-Пушкинскими, „горящими подобно алмазу среди навозной кучи". Сильно сказано, но не справедливо: приводимое имъ окончаніе піесы списано съ плохаго экземпляра сказки, съ неточными варіантами нѣкоторыхъ стиховъ. Незнаніе лучшихъ стиховъ вводитъ издателя въ заблужденіе, относительно будто-бы непринадлежности этихъ стиховъ Пушкину.

Въ стихотвореніи того же 1823 г. „Сказали разъ царю, что наконецъ", послѣдній стихъ имѣетъ варіантъ, неупоминаемый г. Ефремовымъ:

И въ самой подлости осанку благородства
(Вм.: оттѣнокъ благородства)

Г. Ефремовъ говоритъ въ примѣчаніи: „Стихотвореніе написано въ самомъ концѣ 1823 г., по поводу извѣстія Шатобріана о плѣнѣ, а не о казни Ріего, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, при чемъ М. В. воскликнулъ: „Quelle heureuse nouvelle". Свѣдѣнія объ этомъ сообщены въ „Запискахъ Басаргина". (XIX Вѣкъ. Москва 1872, т. 1). Казнь Ріего была совершена въ Ноябрѣ 1823 г. Но могъ ли Пушкинъ не знать подлинныхъ словъ? Или могла ли имѣть успѣхъ эпиграмма съ невѣрно-переданнымъ фактомъ?

Въ стихотвореніи того же 1824 г. „Городъ Кишиневъ" (изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю) пропускъ въ серединѣ пьесы мнѣ неизвѣстенъ, но послѣдніе четыре стиха должны быть исправлены такъ:

А здѣсь, какъ бы на зло судьбѣ,
Ни сводни (вм. свахи), ни книгопродавца,
И развѣ вечеркомъ (вм.: вечеромъ) къ тебѣ
Придутъ два милые красавца.

Въ прекрасномъ стихотвореніи того же года: „Къ морю" (Прощай, свободная стихія), которымъ Пушкинъ прощался съ моремъ и Югомъ Россіи, будучи сосланъ въ глушь села Михайловскаго, г. Ефремовъ не отмѣчаетъ нѣсколькихъ любопытныхъ варіантовъ слѣдующихъ стиховъ:

Скользитъ безпечно средь зыбей....
(вм. отважно средь зыбей)
Реви, волнуйся непогодой..
(вм. Шуми, взволнуйся непогодой)
Судьба земли повсюду та же...
(Судьба людей и пр.)
И долго, долго помнить (вм. слышать) буду
Твой шумъ (вм. гулъ) въ вечерніе часы.

Не переданы также варіанты и въ посланіи „Къ Языкову“ (Издревле сладостный союзъ), того же года, въ слѣдующихъ стихахъ:

Я вышелъ раннею зарей...
(вм. утренней порой)
Понесъ смиренный посохъ мой...
(вм. тяжелый посохъ мой)
Давно я бурями ношусь..
(вм. Давно безъ крова я ношусь)
Объ милой Африкѣ своей....
(вм. О дальней Африкѣ своей)

Въ двухъ извѣстныхъ превосходныхъ посланіяхъ „Къ Цензору“, написанныхъ въ томъ же 1824 г., слѣдовало бы непремѣнно обозначить варіанты, между которыми есть важные:

Первое посланіе къ цензору.

(Угрюмый сторожъ Музъ, гонитель давній мой)
Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной....
(вм. мыслью ложной)
Ты вѣчно разбирать обязанъ ихъ грѣхи...
(вм. обязанъ за грѣхи)
Нашъ цензоръ—мученикъ! Порой захочетъ онъ...
(вм. Такъ! цензоръ мученикъ, и пр.)
Не преступаетъ онъ начертанныхъ уставовъ...
(вм. Не преступаетъ самъ и пр.)
Онъ другъ писателей, предъ знатью не трусливъ....
(вм. Онъ другъ писателю, и проч.)
То, славу Русскую и Русскій умъ любя...
(вм. То, славу Русскую и здравый умъ любя)
И если въ головѣ не достаетъ царя...
(вм. И службою своей ты нуженъ для царя)

Этотъ послѣдній варіантъ, конечно, есть настоящій Пушкинскій первоначальный стихъ, и долженъ стоять въ текстѣ посланія, вм. теперь напечатаннаго, которому только мѣсто въ примѣчаніи. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ послѣднему, слѣдующему за нимъ, стиху посланія:

Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

Второе посланіе къ цензору.

(На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ)
А, благо, мнѣ читать теперь большой досугъ...

Это настоящій стихъ, лучше выражающій мысль, вм. напечатаннаго слѣдующаго:

Теперь же мнѣ читать охота и досугъ

Одинъ среди вельможъ онъ Русскихъ Музъ любилъ...
(вм. Одинъ въ толпѣ вельможъ, и пр.)
Отъ хлада нашихъ дней сберегъ онъ лавръ единый...
(вм. укрылъ онъ лавръ единый)
Мужъ чистый въ правилахъ, съ душою превосходной...
(вм. Мужъ твердый въ правилахъ, и пр.)
Я, съ перемѣною печатнаго правленія,
Отставки цензору, признаться, ожидалъ...

Эти два стиха, конечно, настоящіе, лучшіе варіанты, и должны замѣнить собою напечатанные теперь въ текстѣ неточные стихи:

Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ.

Въ стихотв. того же года: „Признаніе. Александрѣ Ивановнѣ Осиповой» (Я васъ люблю, хоть я бѣшусь) есть несомнѣнно пропущенные стихи, что предполагалъ еще и г Анненковъ. Они должны были бы помѣщаться въ срединѣ пьесы. Слѣдующіе три стиха, слышанные мною отъ Михаила Данилов. Деларю, лицеиста и знакомаго Пушкина (ум. въ Харьковѣ 1868 г.) относятся, по его словамъ, къ этой пьесѣ:

Тяжелъ, тяжелъ мой крестъ, Творецъ!
По я несу его, смирясь:
Вѣдь сердце любитъ, не спросясь....

Стихотвореніе это дополняется также другимъ, помѣщеннымъ ниже у г. Ефремова подъ тѣмъ же годомъ (слѣдовало бы его напечатать вслѣдъ за стихотвореніемъ „Признаніе“):

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки, и проч.

Относится эта пьеса къ той же особѣ, обозначенной г. Ефремовымъ только буквами: „Къ А. И. О—й“.

1824-мъ годомъ заключается 1-й томъ изданія г. Ефремова. Въ него вошли также всѣ вышедшія до 1825 г. поэмы Пушкина: Русланъ и Людмила (1817—1820), Кавказскій Плѣнникъ (1821), Братья-разбойники (1821), отрывки изъ неоконченныхъ драмы и поэмы „Вадимъ“ (1822), Бахчисарайскій Фонтанъ (1822) и Цыганы (1824). Относительно текста ихъ у г. Ефремова я могу замѣтить весьма немногое. Во 2-й пѣснѣ „Руслана и Людмилы“, стр. 255, въ описаніи чуднаго сада Черномора, есть слѣдующіе стихи:

Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.

Послѣдній стихъ, у г. Ефремова и у всѣхъ прежнихъ издателей поэмы напечатанный одинаково, мнѣ кажется все таки нѣсколько изысканнымъ для Пушкина, при его извѣстной высокой простотѣ стиха. Замѣнивши въ этомъ стихѣ слово „вьются" другимъ, простымъ „льются", мы будемъ имѣть болѣе удачный варіантъ, вполнѣ соотвѣтствующій самому содержанію. Но Пушкинъ, повидимому, любилъ это слово и въ томъ же описаніи сада, нѣсколько стиховъ выше, помѣстилъ его совершенно умѣстно въ стихахъ:

Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей...

Въ поэмѣ „Кавказскій Плѣнникъ" слѣдовало привести варіанты въ началѣ и въ концѣ „Посвященія Николаю Николаевичу Раевскому", слѣдующихъ стиховъ, совсѣмъ неупоминаемыхъ г. Ефремовымъ:

Когда мнѣ бѣдствія грозили...
Когда гроза и вихрь мой челнъ о камни били...
Я при тебѣ еще спокойство находилъ...
(вм. Я близъ тебя еще, и проч.)

(И въ концѣ „Посвященія")

Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ...
(вм. Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ)

Томъ второй.

*

Прежде нежели буду продолжать мои замѣтки по поводу пьесъ настоящаго втораго тома (съ 1825 по 1831 г.), добавлю уже прежде сообщенное нѣсколькими новыми варіантами, отысканными мною въ моихъ записяхъ.

Въ поэмѣ 1821 года „Кавказскій Плѣнникъ", въ примѣчаніи у г. Ефремова приведенъ Итальянскій эпиграфъ изъ Пиндемонте, въ Русскомъ прозаическомъ переводѣ. Слѣдовало бы напечатать подлинные Итальянскіе стихи:

Oh felice chi mai non pose il piede
Fuori della natiiva sua dolce terra:
Egli il cor non lascio fitto in oggetti,
Che di più riveder non ha speranza,
E cio, che vive, morto non piange.

(О, счастливъ, кто никогда не преступалъ за границу сладостной земли собственнаго отечества: онъ не прилѣплялъ своего сердца къ предметамъ, которыхъ нѣтъ ему надежды увидѣть снова, и то чѣмъ живится любовь, не оплакиваетъ какъ умершее).

Въ шуточномъ стихотвореніи 1824 года „Дѣдушка игуменъ" мнѣ кажется лучшимъ такой варіантъ послѣднихъ пяти стиховъ, который находится у г. Гербеля (Русскій Архивъ 1876 г., кн. 3):

Бабочкамъ-молодкамъ
Онъ ли строилъ куры?
Дѣвушкамъ-красоткамъ
Объяснялъ ли: куры
Отчего несутся?".

Вмѣсто напечатанныхъ у г. Ефремова:

Дѣвушкамъ-красоткамъ
Онъ ли строилъ куры?
Бабушкамъ-devot'камъ
Говорилъ ли: куры, и пр. *)

Обратимся къ 1825 г. Г. Ефремовъ начинаетъ этотъ годъ, богатый произведеніями поэта, вполнѣ уже созрѣвшаго для творческой дѣятельности, превосходнымъ, энергическимъ его стихотвореніемъ „Андрей Шенье" (Посвящено Н. Н. Раевскому). Въ немъ возстановленъ теперь вполнѣ и безъ ошибокъ тотъ пропускъ въ 43 стиха, который такъ долго оставался у насъ ненапечатаннымъ:

Привѣтствую тебя, мое свѣтило,
Я славилъ твой небесный ликъ,
и проч.

Но слѣдовало бы г. Ефремову упомянуть о слѣдующихъ варіантахъ. Въ началѣ пьесы:

Несу надгробные цвѣты...
(вм. Пѣвцу возвышенной мечты...)
И къ концу пьесы
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты, слава, звукъ пустой...
(вм. Ты, слово, и проч.) **)

Въ эпиграммѣ этого же года на Ѳ. Н. Глинку:

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ, и пр.

Въ другихъ спискахъ, вмѣсто имени Глаголь, приводимомъ въ эпиграммѣ три раза, Глинка называется еще Ѳитой, по первой буквѣ имени его—Ѳедоръ.

Далѣе, къ удивленію моему, г. Ефремовъ помѣстилъ подъ 1825 г. начало сказки: „Царь Никита", тоже, которое приведено у меня подъ 1823 г., но у него съ пропусками многихъ стиховъ. Это отнесеніе пьесы къ 1825 г.

---

*) По словамъ А. Н. Вульфа, эта шутка сочинена не Пушкинымъ. См. Р. Старина 1870, I, 404. *П. Б.*

**) Кромѣ того, въ спискахъ встрѣчается послѣ стиха „Перерожденіе земли"—другой стихъ: „Уже сіялъ твой мудрый геній". Это указалъ намъ (какъ „и о дѣдушкѣ игумнѣ") Андрей Николаевичъ Островскій. *П. Б.*

г. Ефремовъ основываетъ на неправильно понимаемомъ имъ мѣстѣ изъ письма Пушкина къ „брату Льву и брату Плетневу", отъ 15 Марта 1825 г. (у г. Ефремова отъ 25 Марта—неточно). Толкуя имъ объ изданіи своихъ стихотвореній, Пушкинъ говоритъ въ заключеніе: „60 пьесъ довольно ли будетъ для I тома? Не прислать ли вамъ для наполненія *Ц. Никиту и 40 его дочерей?*» (Библіогр. Записки 1858 г., № 4). Поэтъ, конечно, шутитъ съ своими друзьями, предлагая напечатать эту, невозможную въ тогдашнее время для печати, сказку, о которой, какъ написанной Пушкинымъ еще въ Кишиневѣ, братъ его Левъ и Плетневъ уже знали, а никакъ не является она для нихъ новостью (какъ полагаетъ г. Ефремовъ) написанною въ первые мѣсяцы 1825 г. Г. Ефремовъ напрасно также считаетъ вторую половину, и гораздо бо́льшую, сказки этой, согласно съ нѣкоторыми заграничными издателями ея, поддѣлкою или, по его словамъ, придѣлкою. Какъ я уже замѣтилъ выше, изучивши разные варіанты этой половины, онъ бы увидѣлъ въ этой части сказки много такихъ, чисто-пушкинскихъ стиховъ, которыхъ не можетъ поддѣлать никакой искусникъ. Если и не сохранилось, дѣйствительно, ни одного списка сказки съ подлинной рукописи Пушкина, то память многихъ современниковъ, знавшихъ тогда всего Пушкина наизусть, особенно извѣстная огромная память брата поэта, Льва Сергѣевича, который, разъ прочитавши или прослушавши пьесу, уже запоминалъ ее всю (а онъ зналъ наизусть всѣ важнѣйшія произведенія своего брата), конечно, могли намъ дать и всю подлинно-пушкинскую пьесу.

Помѣщена далѣе между стихотвореніями 1825 г. знаменитая пьеса: „Египетскія ночи" (Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ), которая напечатана была впервыя только послѣ смерти Пушкина, въ Современникѣ 1837 г., т. 8, въ концѣ повѣсти, написанной въ 1835 г. Ни въ одномъ изъ собраній стихотв. поэта она до тѣхъ поръ не помѣщалась. Съ 1825 г. стихотв. это лежало въ бумагахъ Пушкина, ожидая употребленія, нѣсколько разъ передѣлывалось и наконецъ достигло настоящаго своего вида. По замѣчанію г. Анненкова (Матеріалы для біографіи, гл. XI): „Въ тетради его (Пушкина) она исполнена такихъ помарокъ, что едва можно разобрать нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ. Только съ боку весьма четко написано: „Aurelius Victor", Римскій писатель IV вѣка, который, однимъ замѣчаніемъ своимъ о Клеопатрѣ, подалъ Пушкину первую мысль стихотворенія. Къ этой пьесѣ поэтъ нашъ возвращался уже потомъ нѣсколько разъ".

Другое превосходное стихотвореніе: „Женихъ" (Три дня купеческая дочь), простонародная сказка (состоитъ изъ 23 строфъ), того же 1825 г., никогда также не помѣщалось у новѣйшихъ издателей поэта въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній, а у г. Анненкова оно находится въ т. 3, въ отдѣлѣ: „Простонародныя Сказки". По замѣчанію г. Анненкова (Матеріалы для біографіи, въ кон-

цѣ гл. 8), не приводимому г. Ефремовымъ, „можно полагать съ достовѣрностью, что изъ матеріаловъ, заготовленныхъ для „Разбойниковъ“ (въ 1822 г., въ Кишиневѣ), вышла въ послѣдствіи, въ 1825 г., пьеса: *Женихъ*, первый образецъ простонародной Русской сказки, написанной уже въ Михайловскомъ“. Г. Ефремовъ высказываетъ въ примѣчаніи только странное сомнѣніе въ „народности“ этой сказки.

Въ стихотвореніи: „Изъ письма къ князю П. А. Вяземскому“, 1825 г., пропущены слѣдующіе стихи, напечатанные въ цѣльномъ стихотв. въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., стр. 421:

Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ,
и пр.

Въ концѣ опущены слѣдующіе два стиха:

И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней.

Въ объясненіе стиховъ:

Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей...

слѣдовало въ примѣчаніи замѣтить, что гр. Д. И. Хвостовъ напечаталъ басню, гдѣ говорилъ о *зубастыхъ* голубяхъ.

Прелестное стихотвореніе: „19 Октября 1825 г.“ (Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ), въ которомъ Пушкинъ, въ день Лицейской годовщины, съ такой симпатіей вспоминаетъ о своихъ товарищахъ-друзьяхъ, напечатано у г. Ефремова, какъ и прежде у г. Анненкова, въ 18 строфахъ, и къ нимъ послѣ прибавлены, у г. Анненкова въ 7 томѣ, а у г. Ефремова тутъ же вслѣдъ за стихотв., откинутыя строфы. По моему счету, всѣхъ строфъ написано было Пушкинымъ 26, именно: откинуты были послѣ 1-й строфы четыре строфы (по точному счету слѣд. 2—5 строфа); послѣ 9 строфы (по точному счету 13-й) слѣдуетъ строфа: „Мы вспомнили бъ, какъ Вакху приносили“ и проч. (по моему счету 14-я). Г. Ефремовъ замѣчаетъ что „потомъ послѣдніе четыре стиха этой строфы были исключены, а первые перенесены во вторую половину строфы“; она начиналась обращеніемъ къ Малиновскому (Ив. Вас.):

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты нашъ козакъ и пылкій, и незлобной?
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
Мы вспомнили бъ, и проч.“

Мнѣ кажется, что Пушкину не для чего было исключать прекрасное обращеніе къ И. И. Пущину и что приведенное обращеніе къ Малиновскому есть новая (безъ конца) строфа пьесы, по общему счету 15-я. Послѣ 4-го стиха 16-й строфы (по общему счету 22-й) слѣдуютъ четыре стиха:

Златые дни, уроки и забавы, и проч.

вмѣсто напечатанныхъ четырехъ стиховъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу, и пр.

Эти же послѣдніе стихи должны быть помѣщены послѣ первыхъ четырехъ стиховъ новой строфы, по общему счету 24-й:

Куницыну дань сердца и вина! и проч.

Наконецъ, откинутая строфа (по общему счету 23-я) лишена у г. Ефремова двухъ стиховъ, которые здѣсь возстановляемъ по г. Анненкову (т. 7):

Ура, нашъ Царь!... Такъ выпьемъ за Царя!
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

Подъ 17 Апрѣля 1825 г., у г. Ефремова напечатана слѣдующая шутка-эпиграма:

А—ѣ Н—ѣ В—ъ.

(Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ)

Почтенія, любви и прежней дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и сзади!

Въ примѣчаніи ссылка на „Библіогр. Записки 1858 г. № 1“, письмо Пушкина къ брату и говорится, что это варіантъ въ честь M-lle N, а первоначальный экспромтъ записанъ такъ:

Семейственной любви и дружбы жаркой ради,
Хвалю тебя, сестра, и спереди, и сзади.

Ссылка г. Ефремова на „Библіогр. Записки“ невѣрна. Разсмотрѣвъ всю переписку Пушкина съ братомъ, я не нашелъ въ „Библіогр. Зап.“ ничего подобнаго. Они напечатаны были при новомъ изданіи писемъ Пушкина (Русская Старина 1879 г., Октябрь, въ статьѣ: А. С. Пушкинъ, редактированной самимъ г. Ефремовымъ) и отрывокъ изъ указаннаго письма изложенъ такъ: „Вотъ тебѣ мой вчерашній imp (r) omptu:

Семейственной любви, и проч.

(съ измѣненнымъ окончаніемъ изъ втораго стиха). . . . не спереди, а сзади. Сожги же это, показавъ ей. — Variantes en l'honneur de M-lle N N:

Почтенія, любви, и пр.

(съ тѣмъ же измѣненіемъ конца втораго стиха): . . . .

. . . Не спереди, а сзади.

„M-lle N N находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ, Honny soit, etc“.

1825 г. заключается помѣщенными въ немъ, написанными въ этомъ году великимъ поэтомъ, пьесами: „Борисъ Годуновъ“, „Графъ Нулинъ“ и „Сцены изъ Фауста“. Въ дальнѣйшемъ помѣщеніи, по годамъ сочиненія, поэмъ и драматическихъ произведеній Пушкина во 2 томѣ, стоятъ: „Полтава“ (1828 г.) „Галубъ“ (1829 г.), „Домикъ въ Коломнѣ“, „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Каменный гость“ и „Пиръ во время чумы“ (1830 г.) Г. Ефремовъ строго преслѣдуетъ свою цѣль—дать собраніе сочиненій Пушкина въ строго-хронологическомъ порядкѣ, не смотря на пестроту изданія, въ которомъ, напримѣръ, за мелкимъ стихотвореніемъ вы сразу переходите къ „Борису Годунову“. Но нѣтъ правила, какъ говорятъ, безъ исключенія, и г. Ефремовъ нарушилъ строгій свой порядокъ, не напечатавъ до сихъ поръ ни одной главы, или пѣсни „Евгенія Онѣгина“; а время написанія каждой главы этого знаменитаго романа, весьма извѣстно: 1-я и 2-я пѣсня (1823 г.), 3-я—(1824 г.), 4-я (1825 г.), 5-я (1825—26 г.), 6-я (1826 г.), 7-я (1827—28 г.), предполагаемая, но вполнѣ не изданная, 8-я (Странствіе 1829 г.), и бывшая 9-я, (теперь 8-я, начатая 24 Декабря 1829 г. и оконченная 25 Сент. 1830 г.). И такъ, весь „Евгеній Онѣгинъ“ долженъ былъ бы войти уже въ вышедшіе два тома сочиненій Пушкина, но почему-то г. Ефремовъ не рѣшился разрознить отдѣльныя пѣсни романа, хотя первыя изъ нихъ и послѣднія уже во многомъ отличны, по своему характеру и значенію, вслѣдствіе все болѣе и болѣе развивавшагося таланта поэта.

Въ извѣстномъ, полномъ высокой духовной поэзіи, стихотвореніи 1826 г. „Пророкъ“ (Духовной жаждою томимъ) слѣдовало бы г. Ефремову замѣтить въ примѣчаніи, что мотивъ пьесы взятъ поэтомъ изъ книги пророка Исаіи, глава 6, и привести варіантъ послѣднихъ четырехъ стиховъ, въ первоначальномъ видѣ, сообщенный А. П. Пятковскимъ въ замѣткѣ: Пушкинъ въ Кремлевскомъ дворцѣ 1826 г. (Русская Старина 1880 г., Мартъ, стр. 674).

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись и пр.

Въ стихотвореніи 1827 г. „Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ“ находятся слѣдующіе стихи:

Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

Слѣдовало бы замѣтить въ примѣчаніи, что это четверостишіе находится, въ измѣненномъ видѣ, въ 52 строфѣ главы 7-й „Евгенія Онѣгина" (написанной въ 1827—28 г.):

Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесной!

Между стихотвореніями того же 1827 г. помѣщено „Посланіе въ Сибирь" (Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ), которое появилось у насъ въ печати въ первый разъ только недавно (Русскій Архивъ 1874 г., № 9), при „Запискахъ Н. И. Лорера". Слѣдовало бы въ примѣчаніи помѣстить цѣликомъ слѣдующую замѣтку, тамъ же напечатанную. „Какъ извѣстно, Пушкинъ отнюдь не сочувствовалъ дѣлу Декабристовъ и осуждалъ ихъ замыслы; но ко многимъ изъ нихъ лично сохранялъ онъ неизмѣнную привязанность. Какъ поэтъ, какъ человѣкъ минуты, онъ не отличался полною опредѣлительностію убѣжденій. Стихи эти были принесены въ Москвѣ, въ началѣ 1825 г., самимъ Пушкинымъ Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, передъ отъѣздомъ ея въ Сибирь къ ея супругу. Прощаясь съ нею, Пушкинъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда онъ къ ней вошелъ". Это стихотвореніе имѣетъ связь съ помѣщеннымъ ниже въ томъ же году стихотвореніемъ „19 Октября. Товарищамъ молодости". (Богъ помочь вамъ друзья мои). Къ этому стихотворенію есть (по мнѣнію г. Ефремова, незначительный только варіантъ въ концѣ) слѣд. варіанты:

И въ счастьи, и въ житейскомъ горѣ...
(вм. И въ буряхъ, и пр.)
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ...
(вм. Въ краю чужомъ, и проч.)
И въ смрадныхъ (вар. темныхъ) пропастяхъ земли...
(вм. И въ мрачныхъ, и проч.)

Послѣдній стихъ ясно говоритъ о декабристахъ, сосланныхъ на каторгу.

Вотъ отвѣтъ на эти энергическіе стихи Пушкина къ декабристамъ, написанный молодымъ, даровитымъ поэтомъ—декабристомъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, на кончину котораго на Кавказѣ написалъ такое прекрасное стихотвореніе Лермонтовъ (1839 г. „Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ"). Стихи эти въ наше время должны уже имѣть только историческое значеніе:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ .....
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя —
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.
Мечи скуемъ мы изъ цѣпей,
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на ....
И радостно вздохнутъ народы.

Къ 1827 г. еще отнесено стихотв., или романсъ,—но только въ примѣчаніи у г. Ефремова, напрасно сомнѣвающагося въ принадлежности его Пушкину: „Я очарованъ былъ прекрасной". Этотъ первый стихъ читается иначе въ альманахѣ: Эвтерпа 1831 г., что не указано г. Ефремовымъ:

Я палъ предъ алтаремъ прекрасной....

Два стихотворныхъ отрывка, составляющіе собственно одно стихотвореніе 1828 г. „Счастливъ, кто избранъ своенравно" и „Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ", относятся, по всей вѣроятности къ тому же лицу, къ которому написана помѣщенная выше въ томъ же году пьеса: „Портретъ" (Съ своей пылающей душой), т.-е. къ графинѣ Аграф. Өедор. Закревской.

Подъ 1828 же годомъ напечатана шутка-пародія: „Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье", написанная рукою Пушкина подъ заглавіемъ: „Рефутація г. Беранже", на его пѣсню T'en souviens tu, disait un capitaine. Г. Ефремовъ говоритъ въ примѣчаніи, что это пѣсня не Беранже, а Émile Debraux и первый ея стихъ приводитъ такъ: Soldat, t'en souviens tu, disait un capitaine. Странно, что Пушкинъ и товарищи его приписывали ее Беранже. Не имѣя подъ рукою полнаго собранія сочиненій Беранже, не могу рѣшить этого вопроса. Г. Ефремову слѣдовало бы сдѣлать слѣд. сообщеніе объ обстоятельствахъ сочиненія этой весьма остроумной шутки и помѣстить ея варіанты. Эта пародія была пропѣта на Лицейской годовщинѣ, которую праздновали въ Петербургѣ у Тыркова, у котораго собрались лицейскіе товарищи: Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, бар. Корфъ, Стевенъ, Комовскій и Пушкинъ, написавшій и протоколъ этой сходки (онъ напечатанъ въ изданіи Геннади, т. 4).

Варіанты и дополненія пьесы, не указанные г. Ефремовымъ:

Ты помнишь ли, о (вм. ахъ) ваше благородье,
Мусью (вм. е) Французъ, г...... (вм. вставленнаго, Ефремовскаго: какой-то) капитанъ,
Что помнитъ все у насъ простóнародье,
(вм. Какъ помнятся у насъ въ простонародьи)

Какъ били васъ Французовъ-бусурманъ?
(вм. Надъ нехристемъ побѣды Россіянъ)
Хоть это намъ, и проч.

(послѣдній стихъ куплета).

Мусью Французъ . . . . (непечатныя слова)
(вм. Ты помнишь ли, скажи? . . . . (тѣже слова)

(во второмъ куплетѣ):

Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ,
Перешагнувъ, напалъ на васъ въ расплохъ?
(вм. Перемахнувъ, и проч.)

(въ третьемъ куплетѣ):

Ты помнишь ли, какъ всю на насъ Европу
(вм. Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу)
Привелъ съ собой вашъ Бонапартъ-буянъ?
(вм. На насъ однихъ вашъ, и проч.)
Видали мы тогда Французовъ....,
(вар. Французовъ видѣли тогда мы многихъ....)
Да и твою, г...... капитанъ.

(въ четвертомъ куплетѣ):

А помнишь ли, какъ были мы въ Парижѣ,
(вм. Ты помнишь ли, и пр.)
Гдѣ нашъ солдатъ (вар. капралъ) и полковой нашъ попъ
(вм. Гдѣ нашъ козакъ иль, и проч.)
Въ Palais-Royal, къ винцу подсѣвъ поближе,
(вм. Морочилъ васъ, подсѣвъ къ винцу поближе)
Все вашихъ женъ похваливалъ да...

(пропущено у г. Ефремова).

Перехожу къ стихотвореніямъ 1830 г. Въ этомъ году Пушкинъ написалъ нѣсколько великихъ поэтическихъ вещей, какъ „Каменный гость", „Пиръ во время чумы", а также и нѣсколько весьма колкихъ эпиграммъ на извѣстнаго печальною извѣстностью—Булгарина. Главная, сдѣлавшаяся быстро всѣмъ извѣстною, эпиграмма на него: „Не то бѣда, что ты Полякъ". Лучшій варіантъ ея не тотъ, который напечатанъ г. Ефремовымъ, а слѣдующій:

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко — Ляхъ, Мицкевичъ — Ляхъ;
Но мнѣ, пожалуй, будь Татаринъ
(Вм. Пожалуй, будь себѣ Татаринъ)
И въ томъ не вижу я вреда,
(вм. И въ томъ не вижу я стыда)
Будь Жидъ — и это не бѣда:
Бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ.
(вм. Но то бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ).

Эта эпиграмма, какъ только разнеслась по Петербургу, Булгаринъ самъ напечаталъ ее въ своемъ „Сынѣ Отечества" 1830 г., № 17, присовокупивъ

отъ себя, что онъ надѣется этимъ угодить почитателямъ Пушкина, и что онъ, Булгаринъ, своими критиками дѣйствительно бѣда и гроза для писателей. „Правда—бѣда, но кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п?“ Къ этому сообщенію добавлю еще слѣдующее: тогда же Булгаринъ разсказывалъ, что этотъ № „Сына Отечества“ былъ поднесенъ Государю Бенкендорфомъ, и что Императоръ Николай надъ замѣткою Булгарина собственноручно написалъ: „Благородное мщеніе!“—Затѣмъ въ концѣ 2-го тома у г. Ефремова помѣщены еще три эпиграммы и послѣдняя четвертая строфа пятой эпиграммы, того же 1830 г. Вторая начинается стихомъ: „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь“. Третья: „Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ“; въ этой эпиграммѣ предпослѣдній стихъ теперь читается: „Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ“; но прежде, цензура, позволяя Пушкину называть Булгарина Авдѣемъ Флюгаринымъ, не позволяла называть его: „Видокъ Фигляринъ“. Четвертая эпиграмма: „Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ моралистъ“, напечатана, какъ и у Анненкова въ 7 т. Первые три куплета пятой эпиграммы, не приводимые г. Ефремовымъ, слѣдующіе:

Булгаринъ — вотъ Полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь.
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ Русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ Французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Патріотическій предатель,
Растрига, самозванецъ сей,
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ Русскій, къ сраму нашихъ дней.

Сочиненіе этихъ трехъ куплетовъ приписывается также кн. Вяземскому, или Баратынскому; но четвертый, приведенный г. Ефремовымъ, несомнѣнно Пушкинскій:

Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И Русскихъ братствомъ запятналъ.

Кромѣ этихъ, напечатанныхъ у г. Ефремова эпиграммъ, есть еще нѣсколько эпиграммъ Пушкина на Булгарина, которыя и приведу здѣсь:

Лелѣешь ты свои красы:
(вар. Радѣя за свои красы)
Ты на лицо румяна сыплешь,
Ты брѣешь бороду, усы,
Ты волоса на тѣлѣ щиплешь;

Все это для жены твоей
(Ты къ ней любовью пламенѣешь),
Такъ, вѣрю я, мой другъ Ѳаддей,
Но для кого ты ..... брѣешь?

Всѣ говорятъ: „онъ Вальтеръ-Скоттъ“,
Но я поэтъ—не лицемѣрю:
Я соглашусь (вар. Согласенъ я)—онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ—не вѣрю!

Ѳаддей роди „Ивана“
„Иванъ“ роди „Петра“:
Отъ дѣдушки - болвана
Какого жъ ждать добра?

„Иванъ Ивановичъ Выжигинъ“ и сынъ его „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“—два романа Ѳаддея Булгарина.

Наконецъ, извѣстная эпиграмма: „Книгопродавцу Смирдину“:

Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь:
Или въ Греча попадешь,
(вар. Иль Сенковскаго найдешь)
Иль въ Булгарина наступишь.

Еще одно четверостишіе, которымъ заключается извѣстная пьеса Пушкина того же 1830 г. „Моя родословная или Русскій мѣщанинъ“ (Смѣясь жестоко надъ собратомъ), есть также эпиграмма надъ Булгаринымъ:

Рѣшилъ Фиглярииъ вдохновенный,
Что я въ дворянствѣ — мѣщанинъ;
Кто же онъ въ семьѣ своей презрѣнной?
Онъ — на Мѣщанской дворянинъ.

Это четверостишіе я привожу не какъ выписку изъ изданія г. Ефремова, а какъ варіантъ, лучшій, чѣмъ имъ приводимый и ему неизвѣстный, такъ какъ онъ не сообщаетъ никакихъ варіантовъ въ примѣчаніи къ стихотворенію „Моя Родословная“.

Остановимся теперь на чудесномъ стихотвореніи Пушкина 1830 г. „Стансы“ (Въ часы забавъ иль праздной скуки), написанные имъ въ отвѣтъ извѣстному митрополиту Московскому Филарету. Дѣло въ томъ, что 26 Мая 1828 г., въ день своего рожденія, Пушкинъ написалъ слѣдующее, полное отчаянія и горя, стихотвореніе:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ тѣ мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?....
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празднен умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Стихотвореніе было напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 г. и вызвало указанное высокое духовное лицо, знавшее конечно, хорошо, знаменитаго уже поэта, на энергическую поучительную передѣлку стиховъ его, превосходную по своему чисто-религіозному языку („передѣлка на религіозный ладъ“, по небрежному замѣчанію г. Ефремова, не потрудившагося привести эту передѣлку въ своемъ изданіи, изъ изданія г. Анненкова).

Привожу здѣсь это поученіе Филарета въ лучшемъ варіантѣ, чѣмъ какъ оно приведено г. Анненковымъ, который взялъ его изъ журнала „Звѣздочка“ 1848 г., № 10. Оно напечатано недавно М. Н. Катковымъ, въ прибавленіи къ № 155 Московскихъ Вѣдомостей 1880 г. (Открытіе памятника Пушкину 6 Іюня 1880 г.)

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью
(вм. Душу самъ наполнилъ страстью)
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною,
(вм. Вспомнись мнѣ, забытый мною)
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
(вм. Просіяй сквозь мрачныхъ думъ),
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ!
(вм. Сердце чисто, правый умъ).

Пораженный такимъ участіемъ Филарета, Пушкинъ 19 Января 1830 г. пишетъ ему извѣстные чудесные стансы свои, изъ которыхъ привожу здѣсь два послѣдніе куплета и въ послѣднемъ раскрываю кстати, до сихъ поръ ни одному издателю неизвѣстный, подлинный текстъ, такъ какъ прежде было скрываемо имя того лица, къ коему написаны были эти стансы. Сообщеніемъ мнѣ этой поправки я обязанъ упомянутому мною уже прежде, лицеисту М. Д. Деларю, знавшему лично великаго поэта:

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
(вм. послѣдн. слова печатается всегда: палима)
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
(вм. Филарета печатаютъ всегда: Серафима)
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Превосходное стихотвореніе, съ передѣланнымъ послѣднимъ куплетомъ и безъ означенія лица, къ кому относится, было тогда же напечатано въ Литературной Газетѣ 1830 г., № 12.

Подъ 1830 г. г. Ефремовъ помѣстилъ особымъ стихотвореніемъ, взявши его у г. Анненкова (изъ 7 тома), окончаніе молодаго произведенія Пушкина 1816 г. „Христосъ Воскресъ! питомецъ Феба", что указано мною уже раньше. У г. Ефремова стихотвореніе это помѣщено подъ заглавіемъ „Желаніе" (В. Л. Пушкину) въ 1816 г. Не зная, что приводимое имъ подъ 1830 г. стихотвореніе:

О муза пламенной Сатиры!
Прійди на мой призывный кличъ! и проч.

есть окончаніе только извѣстнаго ему стихотворенія, онъ упрекаетъ г. Анненкова въ примѣчаніи, что тотъ не далъ „ни малѣйшихъ поясненій, которыя въ этомъ случаѣ были бы необходимы, ибо это стихотвореніе приписывается въ рукописныхъ сборникахъ Баратынскому, а не Пушкину". Всѣ эти сомнѣнія и упреки г. Ефремова должны теперь прекратиться; только ему слѣдуетъ сдѣлать слѣдующія поправки въ этомъ концѣ пьесы, сдѣлавшемся у него какимъ-то таинственнымъ, новымъ стихотвореніемъ:

Не безотвѣтнымъ риѳмачамъ,
(вм. И не поэтамъ мирныхъ дамъ)
Миръ вамъ несчастные поэты!
(вм. смиренные)
Миръ вамъ смиренные глупцы!
(вм. несчастные)
Но еслиже кого забуду—
(вм. А еслиже и проч.)

Стихи Пушкина того же 1830 г. къ „Невѣстѣ" напечатаны у г. Ефремова въ двухъ двустишіяхъ, между тѣмъ они составляютъ одну пьесу, какъ приведено у Н. Гербеля, и съ лучшимъ варіантомъ втораго стиха (Русскій Архивъ 1876, кн. 3):

Я влюбленъ, я очарованъ,
Я совсѣмъ (вм. Словомъ), *огончарованъ.*
Съ утра до вечера за нею я стремлюсь,
И встрѣчъ нечаянныхъ и жажду, и боюсь.

Есть и еще варіантъ первыхъ двухъ стиховъ:

Я восхищенъ, я очарованъ,
Короче—я *огончарованъ!*

Къ этой же особѣ, т.-е. Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ которой скоро Пушкинъ былъ обвѣнчанъ, 18 Февраля 1831 г., въ Москвѣ, относится тогда же написанное превосходное стихотвореніе: „Красавица“. (Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой):

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей, и проч.

Красавица—жена Пушкина, какъ извѣстно, очень любила блистать своей красотой на великосвѣтскихъ и придворныхъ балахъ и окружать себя многочисленными поклонниками. Приведу здѣсь изъ моихъ записей слѣдующую замѣтку о ней съ эпиграммой Пушкина. „1836 годъ—это было то время въ жизни Пушкина, когда его встрѣчали на великосвѣтскихъ раутахъ и балахъ всегда унылаго и задумчиваго; это было то время, когда на какомъ-то костюмированномъ балѣ, кажется, у графини А. К. Воронцовой-Дашковой, гдѣ его Наталья Николаевна, въ костюмѣ кометы, подошла къ нему, окруженная толпой блестящихъ молодыхъ поклонниковъ, и сказала ему по-русски: „Что задумался, мой поэтъ, совсѣмъ не по-масляничному?“ Онъ ей отвѣчалъ:

Для твоего поэта
Насталъ Великій Постъ.
Все мнѣ мила моя комета,
Несносенъ мнѣ ея лишь хвостъ!
(вар. Но тошенъ мнѣ и проч.)

Есть еще два варіанта этой эпиграммы; въ одномъ послѣдніе два стиха короче:

Люблю тебя, комета,
Но не люблю твой хвостъ!

У Н. Гербеля эти два стиха разростаются уже въ четыре (Русскій Архивъ 1876 г., кн. 3):

Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта
Я былъ такъ простъ!
Люблю тебя, моя комета;
Но не люблю твой длинный хвостъ!

Продолжаю свои сообщенія и относительно нѣкоторыхъ пьесъ остальныхъ годовъ поэтической дѣятельности Пушкина, чтобы покончить теперь же

съ моей задачею. Все, дальнѣйше излагаемое мною, можетъ пригодиться для г. Ефремова, при изданіи имъ остальныхъ томовъ Пушкина.

Къ 1832 г. относятся два стихотворенія Пушкина, написанныя имъ для „Сценъ изъ рыцарскихъ временъ“: романсъ „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“ и пѣсня „Воротился ночью мельникъ“. Изъ этихъ стихотвореній, „Романсъ“ былъ помѣщенъ г. Анненковымъ въ томѣ III, подъ 1832 г., но въ изд. г. Геннади совсѣмъ его нѣтъ. Романсъ о рыцарѣ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ у г. Анненкова (съ посмертнаго изданія 1841 г.), рѣшительно непонятенъ читателю по своему содержанію. Не видно, кому же служилъ, или поклонялся этотъ странный средневѣковой рыцарь?

Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой,
Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму—
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердцѣ врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ;
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Для разъясненія этихъ стиховъ пьесы, которой подлинный текстъ, писанный рукою самого поэта, вѣроятно, будетъ найденъ, я приведу теперь одно мѣсто изъ статьи, помѣщенной въ Современникѣ 1866 г., Февраль, стр. 305, подъ заглавіемъ: „Уваженіе къ женщинамъ“, ради приводимой въ ней неизданной строфы изъ этого романса, но не ради объясненій неизвѣстнаго автора (статья безъ подписи). „Въ культѣ Маріи, который такъ развился въ средніе вѣка, хотятъ видѣть тоже какую-то связь съ идеальнымъ служеніемъ женщинамъ“. Это обыкновенно объясняется цвѣтистыми фразами: „Ореолъ съ головы Маріи какъ бы перенесенъ на голову каждой женщины“, и т. под. Рыцарь Пушкина былъ гораздо послѣдовательнѣе. Какъ извѣстно, онъ имѣлъ „непостижное уму видѣніе“.

Путешествуя въ Женеву,
Онъ увидѣлъ у креста
На пути Марію Дѣву,
Матерь Господа Христа.

„Но вмѣсто того, чтобъ предаться „служенію женщинамъ“,—

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
и проч.

„Если и были у рыцарства какіе-то возвышенные идеалы, то ихъ нечего было искать въ жизни. Жизнь не могла удовлетворять заоблачныхъ фантазій

и претворяла ихъ въ очень земную практику. Рѣдки были, конечно, Пушкинскіе рыцари, но не чаще встрѣчались и такія даже, какъ напримѣръ возлюбленная Тоггенбурга, или какъ знаменитая Нѣмецкая пророчица и ясновидящая 12 вѣка Гильдегарда". Къ этой послѣдней, приведенной въ статьѣ „Современника" и напечатанной и у г. Анненкова, строфѣ, существуетъ другой совершенно варіантъ, или новый куплетъ, уже въ шуточномъ тонѣ, который сообщилъ мнѣ, ручаясь за вѣрность, покойный лицеистъ, вышеупомянутый М. Д. Деларю:

Цѣлый вѣкъ онъ не молился
И не соблюдалъ поста,
Цѣлый вѣкъ все волочился....

Въ дальнѣйшихъ строфахъ романса есть слѣдующая строфа:

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

Буквы: А. М. Д., конечно, должны означать начальныя буквы словъ: Alma Mater Dei.

Превосходная пьеса эта заключается слѣдующими тремя строфами, съ содержаніемъ вполнѣ понятнымъ, послѣ всего сказаннаго:

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,—
„Lumen coeli, sancta rosa!"
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И, какъ громъ, его угроза
Поражала Мусульманъ...
Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, строго заключенъ.
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Между стихотвореніями Пушкина 1836 г. остановлюсь на слѣдующихъ, по нѣкоторымъ поводамъ.

Пушкинъ всегда живо сочувствовалъ проявленіямъ Русскаго творчества въ разныхъ его сферахъ: въ историческихъ сочиненіяхъ, литературѣ, художествахъ и музыкѣ. Карамзинъ своей исторіей вдохновилъ его чудной трагедіей „Борисъ Годуновъ". Онъ радовался и прославлялъ своими чудными стихами вновь являвшіяся чисто—русскія художественныя произведенія, напр. статую скульптора Пименова, и знаменитаго Глинку, за его оперу „Жизнь за Царя". Въ Октябрѣ 1836 г. на выставкѣ въ Академіи Художествъ находились двѣ ста-

туи: Мальчикъ, играющій въ бабки, Н. Пименова, и Мальчикъ, играющій въ свайку, А. Логановскаго. При первомъ свиданіи съ Пименовымъ, Пушкинъ, въ энергическомъ порывѣ и съ навернувшимися на глазахъ слезами, взявъ въ обѣ руки руку ваятеля, сказалъ громко: „Слава Богу, наконецъ и скульптура на Руси явилась народною“. (Примѣч. у Геннади. т. I. изд. 2-е, стр. 520). Вотъ его двѣ пьесы на указанныя статуи.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ онъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздайся, народъ любопытный,
Врозь разступись: не мѣшай Русской удалой игрѣ.

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ, и могучъ—тѣшится быстрой игрой!
Вотъ и товарищъ тебѣ, дискоболъ! Онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать.

Приведу здѣсь и стихи, сочиненные въ честь Глинки Пушкинымъ и другими, послѣ перваго, имѣвшаго большой успѣхъ, представленія „Жизни за Царя“, 27 Ноября 1836 г. Боюсь безъ этого, что они не будутъ замѣчены г. Ефремовымъ и не попадутъ въ собраніе сочиненій поэта.

Въ „Запискахъ М. И. Глинки“ (Русская Старина 1870 г., изд. 3-е, т. 2, стр. 311—312), читаемъ:

„Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, кн. Вяземскаго и гр. Вельегорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки. Музыка положена на четыре голоса. Напечатано. въ Спб. 15 Дек. 1836 г., въ листъ.“

ПУШКИНЪ.

Пой въ восторгѣ, Русскій хоръ!
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! Нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея-Глинку —
Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Невы!

ЖУКОВСКІЙ.

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну, глинтвейну—стаканъ!

ГРАФЪ ВЕЛЬЕГОРСКІЙ.

Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ; но ужъ Глинку
Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

ПУШКИНЪ.

Пой въ восторгѣ Русскій хоръ!
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ.

„Шутка эта напечатана съ нотами. Написано было на обѣдѣ, 13 Дек. 1836 г. у Александра Всеволодовича Всеволожскаго“.

Обращаюсь наконецъ къ весьма недавней большой новинкѣ, неожиданно поразившей меня да и многихъ другихъ—это именно опубликованіе подлинной, съ рукописи Пушкина, 4-й строфы стихотворенія: „Памятникъ“ (Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной), строфы, ярко выражающей истинное profession de foi великаго нашего поэта. Дѣло вотъ въ чемъ. Пять строфъ стихотв. „Памятникъ“ появились впервыя въ посмертномъ изд. его сочиненій 1841 г., но, какъ теперь выяснилось, были напечатаны въ измѣненной редакціи, по крайней мѣрѣ та 4-я строфа, которая именно указываетъ на то значеніе поэтической дѣятельности Пушкина для народа, которымъ онъ особенно гордился и считалъ своей истинной заслугой, та строфа и была передѣлана, смягчена, почти совсѣмъ измѣнена, конечно, Жуковскимъ, сдѣлавшимъ это по условіямъ печатнымъ того времени и по своему взгляду и вкусу. Такъ была напечатана тогда эта строфа, и послѣ находилась во всѣхъ изданіяхъ, и вырѣзана наконецъ на пьедесталѣ памятника поэта въ Москвѣ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Эти стихи такъ хорошо рисуютъ доброту и души и стиховъ, но не Пушкина, а самого Жуковскаго, и мнѣ вспоминается совершенная параллель этой строфѣ, извѣстная „Надпись къ портрету Жуковскаго“, слѣдующее стихотвор. Пушкина 1818 г.:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Нѣтъ, не то сказалъ о себѣ Пушкинъ! Какъ видно изъ рѣчи П. И. Бартенева, произнесенной имъ при праздновании постановки памятника поэту въ Москвѣ и напечатанной имъ въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., часть 2, строфа эта такова:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

21 Августа 1836 г.

Читатель самъ пойметъ глубокое различіе двухъ редакцій этой чудесной строфы и пожелаетъ, конечно, какъ и я, чтобы возстановленная нынѣ настоящая строфа поэта замѣнила теперь вырѣзанную на памятникѣ надпись. Самъ Пушкинъ будетъ въ ней говорить ясно смотрящему на его статую и читающему надпись, народу, что̀ онъ славилъ своими пѣснями и чего добивался для него, и тогда народъ пойметъ, за что поставленъ ему памятникъ.

*

Нѣсколько словъ относительно дальнѣйшаго печатанія большихъ стихотворныхъ произведеній Пушкина: поэмъ, сказокъ и пѣсенъ западныхъ Славянъ. Нельзя не указать, съ величайшимъ сожалѣніемъ, на пропуски значительныхъ мѣстъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ" 1833 г., во второй части, именно въ обращеніяхъ бѣдняка Евгенія къ статуѣ Петра Великаго. Эти мѣста были исключены, конечно, Жуковскимъ, при печатаніи поэмы въ Современникѣ 1837 г., т. 5. Только немного стиховъ изъ этихъ мѣстъ были возстановлены впослѣдствіи:

Куда ты скачешь, гордый конь
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты, надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной,
Россію вздернулъ на дыбы....
„Добро, строитель чудотворный!"
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ...
Ужо тебѣ!".....

Недавно, въ одномъ изъ журналовъ нашихъ (не могу припомнить, гдѣ) помѣщены были воспоминанія о томъ, какъ Пушкинъ, на одномъ вечерѣ у знакомыхъ, читалъ длинное, неизвѣстное въ печати, мѣсто изъ этой поэмы, и какъ всѣ слушатели поражены были силою стиха и смѣлостью содержанія читаннаго. Будемъ надѣяться, что не пропадетъ безслѣдно этотъ чудный отрывокъ.—Въ поэмѣ „Анджело" того же 1833 г. (переложеніе въ эпическій разсказъ Шекспировой драмы: Мѣра за мѣру), есть вычеркнутыя цензурою мѣста, при печатаніи поэмы въ альманахѣ Смирдина „Новоселье" на 1834 г.; но эти мѣста можно, по крайней мѣрѣ, замѣнить, въ примѣчаніяхъ, по Шекспиру (лучше по прозаическому буквальному переводу его Кетчеромъ, часть 7. Москва 1873).—Существуютъ, къ большому сожалѣнію, пропуски также въ „Евгеніи Онѣгинѣ", не пополненные даже и г. Анненковымъ, имѣвшимъ въ рукахъ рукописи всѣхъ главъ романа, именно остаются совершенно неизвѣстными пропуски: въ гл. III, строфѣ 3, въ гл. VI, стр. 15, 16 и 38, и въ гл. VIII, стр. 2 и 25.—Очень любопытно также было бы добыть пропуски въ превосходной пьесѣ Пушкина: „Бонапартъ и Черногорцы" (девятой пьесѣ въ Пѣсняхъ Западныхъ Славянъ):

„Черногорцы! Что̀ такое?"
Бонапарте вопросилъ:
„Правда ль, это племя злое
Не боится нашихъ силъ?" и проч.

Пропуски находятся послѣ 4-й и 5-й строфы, и непонятно, что̀ такое могло быть зачеркнуто цензурою?

Сообщаю здѣсь, въ заключеніе моего обозрѣнія стихотвор. Пушкина, еще три слѣдующія произведенія, приписываемыя нашему поэту, по стиху и манерѣ, по всей вѣроятности, ему принадлежащіе; напечатаны они въ двухъ заграничныхъ изданіяхъ 1859 и 1861 годовъ.

Друзьямъ, на выступленіе гвардіи.

Часъ битвъ насталъ, гроза гремитъ,
Друзья, къ знаменамъ поспѣшите;
Съ щитомъ сомкнувши твердый щитъ,
Въ десницу грозный мечъ примите.
Теките снова въ путь побѣдъ,
Труба васъ къ славѣ призываетъ!
Россъ двинулся,—и цѣлый свѣтъ
Молчитъ, трепещетъ и внимаетъ!
Невѣдомо куда идутъ
Полки, испытанные въ брани,
Противъ кого огонь несутъ
И мечъ пріяли въ мощны длани.
Не снова ль плѣнникъ средь зыбей
Европѣ рабствомъ угрожаетъ?
Не снова ль лучъ свободныхъ дней
Блеснувъ Спартанцамъ—угасаетъ?
Коль такъ, благословляю васъ!
Тѣнь Леонида, Мильтіада—
Возрадуйтесь: ударитъ часъ,
И въ прахъ падетъ деспотъ Царьграда.
Какой тиранъ дерзнетъ возстать
Противъ стремленія народа?
Тамъ можно ль цѣпи налагать,
Гдѣ рабство—смерть, гдѣ жизнь—свобода?
Друзья, пускай вашъ острый мечъ
Враждебной кровью обагрится...
Тому отрада въ землю лечь,
Кто за свободу ополчится...

При этой пьесѣ находится замѣтка, что „Стихотвореніе это получено отъ И. И. Пущина, который приписываетъ его Пушкину".

По прочтеніи Байронова „Каина".

Я здѣсь одинъ,—меня отвергли братья,
Имъ непонятна скорбь души моей;
Пугаетъ ихъ на мнѣ печать проклятья,
А мнѣ противны звуки ихъ цѣпей.
Кляну ихъ рай, подножный кормъ природы!

Кляну твой бичъ, безумная судьба!
Кляну мой умъ—рычагъ моей свободы,
Свободы жалкой. бѣглаго раба!
Кляну любовь мою, кляну святыню,
Слѣпой мечты безчувственный кумиръ,
Кляну тебя, безплодную пустыню,
Въ зачатіи Творцомъ проклятый міръ.

Эта пьеса написана, вѣроятно, во время жизни поэта въ Кишиневѣ.

Молитва.

(ПЕРЕЛОЖЕНІЕ МОЛИТВЫ: „ОТЧЕ НАШЪ").

Я слышалъ—въ келіи простой
Старикъ, молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
„Отецъ людей! Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да придетъ царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами,
Какъ въ небесахъ, такъ на земли!
Насущный хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою!
И, какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости, Отецъ, своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенья,
И отъ лукаваго прельщенья
Избави насъ...."
Передъ крестомъ
Такъ онъ молился. Свѣтъ лампады
Мерцалъ чуть-чуть издалека...
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика.

Позволяю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній относительно общаго характера изданія г. Ефремова. Въ примѣчаніяхъ своихъ онъ слишкомъ часто обращается къ г. Анненкову съ какою-то насмѣшкою и враждебностью, указывая его ошибки или недосмотры, упрекаетъ его въ очищеніи Пушкина самимъ, помимо цензуры и т. п. Это замѣчено было до меня, недавно рецензентомъ изданія г. Ефремова въ Русскомъ Вѣстникѣ. Но изданіе г. Анненкова вышло въ 1855—57 гг. и, по тому времени, оно было очень осторожно въ цензурномъ отношеніи; за то оно отличается такими достоинствами, съ которыми и всѣ позднѣйшія изданія, не исключая и г. Ефремова, не могутъ сравниться. Не говоря уже о его превосходной оцѣнкѣ жизни поэта и поэтическаго достоинства его произведеній, основанной на близкомъ знаком-

ствѣ съ предметомъ, выразившемся въ двухъ трудахъ по біографіи Пушкина (почти единственныхъ въ этомъ родѣ) и нерѣдко въ самихъ примѣчаніяхъ къ пьесамъ, у него масса прекраснаго библіографич. матеріала, какъ въ этихъ примѣчаніахъ, такъ и въ его біографическихъ книгахъ. Оттуда черпалъ изобильно г. Ефремовъ, оттуда частью черпалъ и я въ своихъ замѣткахъ, дополняя г. Ефремова. Ошибки, въ которыхъ упрекаетъ г. Анненкова теперешній издатель Пушкина, были неизбѣжнѣе, при первомъ солидномъ изданіи поэта, впервыя тогда явившемся; ошибки же г. Ефремова, которыхъ не мало, неизвинительнѣе, такъ какъ онъ идетъ уже по проложенному пути. Г. Анненковъ сдѣлалъ свое дѣло отлично. Теперь слѣдуетъ довершить его дѣло—издать Пушкина безукоризненно, и достигать этого слѣдующими двумя путями. Вопервыхъ—добывать подлинный текстъ произведеній поэта, гдѣ только возможно, и никакъ не относиться равнодушно къ варіантамъ и черновымъ пробамъ стиховъ, потому что въ этихъ-то варіантахъ, какъ могъ уже, полагаю, убѣдиться г. Ефремовъ, нерѣдко и кроется подлинный, вполнѣ соотвѣтствующій смыслу пьесы, текстъ. Во-вторыхъ, каждую пьесу или отдѣльныя ея мѣста, слѣдуетъ снабжать примѣчаніями, большаго развитія, чѣмъ иногда встрѣчается у г. Ефремова, который слишкомъ кратко передаетъ обстоятельства, при которыхъ написана пьеса, или поводъ, цѣль ея и т. п. По моему, эти примѣчанія иногда такъ важны, что читатель, безъ нихъ, прочтетъ пьесу и самаго существеннаго въ ней не пойметъ. Поэтому, мнѣ кажется, было бы раціональнѣе не забрасывать въ одну кучу примѣчанія на конецъ книги, гдѣ, право, иногда, съ трудомъ сыщешь ихъ, а помѣщать ихъ каждое при своей пьесѣ, внизу страницъ; тутъ же должны быть непремѣнно и варіанты.

Только слѣдуя указанному пути, и, прибавлю еще, стараясь, по возможности, печатать пьесы Пушкина съ ихъ подлинниковъ, съ сохраненіемъ его правописанія, что̀ и дѣлалъ отчасти г. Анненковъ (въ буквахъ, напр. большихъ, прописныхъ, въ словахъ не собственныхъ, но олицетворяющихъ, по идеѣ поэта, извѣстныя существа, въ народныхъ оборотахъ и пр.), образцомъ чего можетъ служить самимъ г. Ефремовымъ напечатанное въ Русской Старинѣ: „Посланіе къ Н. В. Всеволожскому", —только тогда изданіе сочиненій Пушкина будетъ названо вполнѣ безукоризненнымъ. Я убѣжденъ, что такое неизбѣжное изданіе должно будетъ скоро вновь появиться.

Г. С. Чириковъ.

1880 г.
Харьковъ.

*

Отъ А. Н. Островскаго изъ Казани получена нами слѣдующая замѣтка:

Карту, приложенную къ шестому тому новаго изданія сочиненій Пушкина, лучше бы вовсе не прилагать. Она исполнена погрѣшностей и только путаетъ читателей Исторіи Пугачевскаго бунта. Такъ напр.

1) Рѣка Иргизъ названа Еруслапомъ, а Ерусланъ оставленъ безъ названія.

2) Рѣки: Самара, притокъ Волги, и Сакмара, притокъ Урала, соединены въ одну рѣку, впадающую въ Волгу!

3) Станица Чернорѣченская показана на мѣстѣ Переволоцкой.

4) У рѣки Илека показано два устья, изъ которыхъ одно (не существующее) выше города Оренбурга. За рѣку здѣсь принята пограничная черта Европейской Россіи.

5) Деревня Юзѣево, извѣстная по сраженію, происходившему подъ ней. совсѣмъ опущена.

*

М. В. Юзефовичъ изъ Кіева пишетъ намъ:

„Въ статьѣ моей о Пушкинѣ *) сдѣлана ошибка: въ приведенной строфѣ о Байронѣ сказано:

Какъ ты глубокъ, могучъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ *не одолимъ*.

По справкѣ съ моимъ подлинникомъ оказалось: ничѣмъ *не укротимъ*.

Вотъ какъ у Пушкина каждое слово обдумано и точно выражаетъ мысль: разумъ человѣческій одолѣлъ океанъ, но не укротилъ его“.

---

*) Руск. Архивъ, 1880, III, стр. 442.

РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА *).

III.

Изъ Кишиневскихъ тетрадей.

(Тетрадь 2, л. 36).

Посреди разныхъ черновыхъ набросковъ находится нѣсколько строфъ съ описаніемъ Кишиневскихъ дамъ. Приводимъ что̀ возможно.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
Къ К(атакази) ѣду въ домъ.
Что̀ за Греческія бредни,
Что̀ за Греческой содомъ.
Подогнувъ подъ *платье* ноги,
За вареньемъ, средь прохладъ
Какъ Египетскіе боги,
Дамы прѣютъ и молчатъ.

*

Здравствуй, круглая сосѣдка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокстка,
Ты плѣшива, ты глупа.
Говорить съ тобой нѣтъ мочи.
Все прощаю, Богъ съ тобой!
Ты съ утра до темной ночи
Рада въ банкъ играть со мной.

*

Вотъ Еврейка съ Тадарашкой.
Пламя пышетъ въ подлецѣ....
Пѣна на его лицѣ.
Весь отъ ужаса хладѣю,
Ахъ Еврейка, Богъ убьетъ!....

*

---

*) См. Русскій Архивъ 1880, Ш, стр. 218.

Ты наказана сегодня,
И тебя простилъ Амуръ.
О чувствительная сводня,
О краса Молдавскихъ дуръ!....

*

Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Черноокая Тарсисъ;
Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа,
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

* * *

(Тамъ же л. 37).

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.
Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ,
И пылкую потѣху драки,
И завитки своихъ усовъ.
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру не настроя,
Любовь и мирную бутыль....

* * *

Вотъ Муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты такъ любилъ.
Она раскаялась шалунья:
Придворный тонъ ея плѣнилъ.

* * *

A son amant Julie sans résistance
Avait cedé, mais lui pâle et perclus
Se demenait, enfin n'en pouvant plus,
Tout essoufflé tira... sa révérance.
Parlez, monsieur, pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? M'en direz vous la cause?
Est-ce dégoût?—Mon dieu, c'est autre chose.
—Est-ce l'amour?—Non, excès de respect.

* * *

(л. 40.)

Казармы нравятся имъ больше.
Но ты, который не знавалъ военной жизни съ роду,
Зачѣмъ перенимать пустую моду?

—Какая нужда въ томъ? Въ кругу своемъ они
О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини.
—Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ какъ ты родился;
Ты шлафрокомъ однимъ, да трубкою плѣнился.
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ.

* * *

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ.
Ты боленъ: это не мечты.
И то-то, братецъ будешь съ носомъ,
Когда безъ носу будешь ты.

* * *

(л. 42.)

Тадарашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ, зоводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

* * *

(л. 44).

18 Juillet 1821.
Nouvelle de la mort de Napoléon.
Bal chez l'archévêque arménien.

* * *

(л. 47.)

(Августъ 1821)

Дивлетъ Гирей задумчиво сидитъ,
Драгой янтарь въ устахъ его дымится.

* * *

(л. 49.)

Въ геennѣ праздникъ.

Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ, грѣшника внимая стонъ,
Ужасный сатана хохочетъ.

* * *

(л. 60.)

В(адимъ).

Рогдай, я ждалъ тебя! Скорѣй, какую вѣсть
О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть?
Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа.
Жива ль въ ихъ памяти Славянская свобода?

Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?
(Достойны вѣчнаго проклятія судьбы).

Р(огдай).

Вадимъ, надежда есть! Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Съ досадою влачитъ позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.

* *
*

Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія. Геній его вырывался за предѣлы своего вѣка; ибо, довѣряя своему могуществу, онъ почиталъ его неприкосновеннымъ. Всеобщее рабство и безмолзное повиновеніе. Всѣ состоянія были равны предъ его палкой. Мы видимъ заговоры противъ жизни государя, но не противу его власти. Послѣ же смерти великаго человѣка, страхъ, напечатлѣнный его владычествомъ, начинаетъ исчезать. Аристократія неоднократно старается ограничить государей; но хитрость торжествуетъ надъ честолюбіемъ, и самодержавіе остается неприкосновеннымъ.

*

Эпиграфъ къ одѣ Наполеону.

Ingrata Patria.

* *
*

Но хладъ покоя
Счастливца душу возмущалъ.
Идетъ на Русь.
И міру вѣчную свободу
Съ утесовъ Эльбы завѣщалъ.

* *
*

(л. 66.)

Въ лѣто 5 отъ Липецкаго потопа жалобный сверчокъ *) на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣлъ и плакалъ, воспоминая тебя Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса. Живо представлялись ему ваши отсутствующія превосходительства, и въ печали сердца своего онъ положилъ увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки.

---

*) Прозвище Пушкина въ Арзамасскомъ литературномъ обществѣ.

(л. 68.)

Съ Турецкаго.

Даруетъ небо человѣку
Часы отрадъ въ замѣну бѣдъ.
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Меку
На старости суровыхъ лѣтъ.

—

Блаженъ кто на брегу Дуная
(Кто Русскихъ поражая)
Собой умножитъ падшихъ рядъ:
Къ нему навстрѣчу дѣвы рая,
Толпою страстной полетятъ.

—

Но всѣхъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Въ прохладѣ тайнаго гарема
Обниметъ радостно тебя.

Изъ книги въ черной кожѣ. На внутренней сторонѣ переплета: № 4.

„27 Мая 1822 Кишиневъ. Alexieff. Пушкинъ“.

Начинается:

„Отрывокъ“

Ты сердцу непонятный мракъ...
И взоромъ бездну измѣряя,
Дрожитъ, шатается.
Вотще оплота ищетъ онъ:
Въ очахъ все меркнетъ, исчезаетъ,
И обморокъ, какъ смертный сонъ,
На край горы его бросаетъ.
Но если духъ безсмертенъ мой...
Онъ мой, онъ вѣченъ образъ милой
Чтò безъ него душа моя?...
Чтò съ умиленьемъ посѣщаютъ
Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй.

На обор. 4-й стр.

28 Мая. Почью.
„Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ.“ *)
Съ боку „Евгеній Онѣгинъ. Поэма въ“
* * *

*) И такъ „Евгеній Онѣгинъ“ начатъ ночью 28 Мая 1822 года, въ Кишиневѣ.

И могъ онъ даже въ самомъ дѣлѣ
Вести . . . . . . споръ о Benjamen,
О Карбонарахъ, о Парни,
Объ генералѣ Жомини.
Онъ зналъ Нѣмецкую. . . . .
По книгѣ г-жи де Сталь
И приводилъ ихъ очень кстати.
Садился онъ за клавикорды
И бралъ на нихъ одни аккорды.
Какъ онъ умѣлъ наединѣ...
Но скромну быть пора бы мнѣ.

—

Вошелъ и пробка въ потолокъ!
И vol au vent и vinaigrette.

—

По всей Европѣ въ наше время
Между воспитанныхъ людей
Не почитается за бремя
Отдѣлка нѣжная ногтей;
И нынче воинъ, и придворный
Поэтъ, и либералъ задорный,
И сладкій дипломатъ
Готовъ.

Послѣ этого, на стр. 12-й. (Про Ѳ. Ѳ. Матюшкина):

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый.
Спокойной пристани давно ли ты достигъ?
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обвѣтшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый.

Потомъ идутъ опять наброски Онѣгина.

Кокетства, странности такой,
Не понималъ философъ мой.
Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

—

По длинной улицѣ рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый разливаютъ свѣтъ
И радугу на снѣгъ наводятъ

Жандармы гонятъ кучеровъ.
...До утра жизнь его полна,
Однообразна и пестра.
И завтра тожъ что̀ и вчера.

Послѣ этого:

Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?

На оборотѣ 16 листа, черновое письмо къ неизвѣстному лицу:

Je réponds à votre P. S., comme à ce qui intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là. M. S. n'est pas encore de retour à Odessa; je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre. Comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi, c'est à dire que je ne montrerai pas votre épitre à m. de S., comme j'en avais d'abord l'intention, en ne lui cachant que jettais sur vous l'intérêt d'un caractère byronique, et voici ce que je me suis proposé. Votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables. En révanche j'y ai préparé tout au long une belle réforme dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre. J'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job. Je vois votre vanité et votre passion à travers l'affectation de votre cynisme etc. Le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet. Mais comme vous êtes toujours mon maître en fait de moral, je vous demande pour tout cela votre permission et surtout vos conseils. Mais dépêchez vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles. Votre frère m'a dit que Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux. Mais votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une lettre.

Далѣе опять Онѣгинъ, вся первая пѣснь до конца:

И собери мнѣ славы дань
Кривые толки, шумъ и брань.

Octobre 22
1823.
Odessa.

Черновое письмо изъ Одессы въ Кишиневъ къ Вигелю.

Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ.
Когда нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ.
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ:
Содомъ, мы знаемъ, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами
Гостепріимными домами
И прародительскимъ грѣхомъ.
На всякій случай, милый другъ
Лишь только будешь мнѣ досугъ,
Явлюсь къ тебѣ . . . . .
Своей бесѣдою служить я радъ
Стихами, прозой, всей душою
Но, Вигель, пощади мой....

«Это стихи, слѣдственно шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичь. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю вамъ разсѣяться хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыя вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ думаю годенъ къ употребленію въ пользу.... меньшой: онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михаиломъ. Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ какъ... жезлъ. Обнимите ихъ отъ меня дружески и также скажите имъ, что Пушкинъ цалуетъ ручки *Майгинъ* и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Пульхеріи В. объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ въ подражаніе другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружда. Алексѣеву тоже и еще что нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодъ, грязь. Обѣдаемъ славно. Я пью какъ Лотъ Содомскій.... Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки».....

Далѣе начинается вторая пѣснь Онѣгина:

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній и пр.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостинной штофныя обои,

Царей портреты на стѣнахъ
И печи въ пестрыхъ израсцахъ.
Все это нынѣ ужъ вѣтшаетъ,
Но въ томъ и нужды было мало
Скупому дядѣ...

*

Тутъ же (л. 26).

Свободы сѣятель пустынной....
.... Старикъ, имѣя много дѣлъ....

—

Онѣгинъ шкапы отворяетъ,
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ нашелъ онъ цѣлый строй
Бутылокъ съ яблочной водой
И календарь осьмаго года.

—

Въ своей деревнѣ той порой
Другой помѣщикъ поселился.
Онъ изъ Германіи свободной
Привезъ учености плоды,
Неосторожныя мечты,
Духъ пылкій, прямо благородный....
И сердца неподдѣльный жаръ,
И геній власти надъ умами.
Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ Цирцей:
Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ сѣти сладострастья,
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
Добыча вредныхъ заблужденій,
Добыча пагубныхъ страстей,
Преслѣдуетъ въ тоскѣ своей
Однѣ картины наслажденій
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ...
Пѣвцы слѣпаго упоенія,
Напрасно вѣтренная младость
Хранитъ и въ сердцѣ и въ устахъ
Стиховъ изнѣженную сладость
И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ....
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?

Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды:
Потомство въ нихъ откажетъ вамъ...
Прилична ль гордому поэту
Промышленность?...
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой пополамъ;
Для васъ ничтоженъ гласъ молвы,
Но мнѣ невольно милы вы.
Не вамъ чета былъ строгій Ленскій:
Его творенья мать конечно
Велѣла бъ дочери читать.

«La mère en prescrira la lecture à sa fille».

«Стихъ Пирона вошелъ въ пословицу. Замѣтимъ, что Пиронъ (кромѣ своей Метрики) хорошъ только въ такихъ стихахъ, о которыхъ невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности».

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный;
Но пѣснь его была чиста,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ безоблачной небесъ равнинѣ...

И запищитъ она, Богъ мой!
„Коль хочешь знать, я Купидонъ"...

Въ прогулкѣ ихъ уединенной
О чемъ ни заводили споръ!
Судьба души, судьба вселенной,
На что̀ ни обращали взоръ!
И предразсудки вѣковые,
И тайны гроба роковые
Царей.... въ свою чреду
Все подвергалось ихъ суду.

* * *

Ужасный день, когда твои небесны очи
Покроются туманомъ вѣчной ночи,
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста,
И снидешь ты въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны.
Но я, донынѣ твой поклонникъ жадный,
Въ обитель смертную сойду я за тобой
И сяду близь тебя печальный и нѣмой,
И ноги хладныя....

Лампадою твой милый трупъ я освѣщу,
Мой взоръ движенія не встрѣтитъ;
Коснуся ногъ, къ себѣ ихъ на колѣни
Сложу и буду ждать... Чего?
Чтобъ силою мечтанья моего....

*

Межъ ними все рождало споры:
Племенъ забытыхъ договоры....
Касался разговоръ порой
И Русскихъ иногда поэтовъ.
Владиміръ слушалъ, какъ Евгеній
Немилосердно поражалъ....

*

Мнѣ было грустно, тяжко, больно;
Но, одолѣвъ меня въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ.

***

Надеждою младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны
И память и любовь въ пучины безконечны:
Клянусь, давно бы я покинулъ мрачный міръ,
Я самъ разбилъ бы жизнь—уродливый кумиръ.
Но тщетно гордой умъ. . . желаетъ:
Ничтожествомъ могила ужасаетъ.
Какъ! Ничего во мнѣ!....
Узналъ бы я предѣлъ свободныхъ наслажденій,
Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна плыветъ въ небесной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь плѣнительной мечтѣ. . . .
И я на жизнь гляжу печально вновь
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой.

*

Какія бъ чувства ни кипѣли
Въ его измученной груди,
Давно, на долго ль присмирѣли.
Проснутся — подожди.

Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненье,
Порывы, сладость, упоенье
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженъ и тотъ, кто ихъ не зналъ.

Съ боку: «3 Nov. 1823 u. в. d. M. R. *)»

Страсть къ банку! Ни любовь свободы
Ни Ѳебъ, ни дружба, ни пиры,
Не отвлеклибъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ,
На лѣво ль выпадетъ валетъ.
Уже раздался звонъ обѣденъ. . . .
Ужъ я не тотъ и хладнокровно
Не ставлю....
Замѣтя тайное *руте*.
Атанде, слово роковое,
Мнѣ не приходитъ на языкъ,
Отъ риомы тоже я отвыкъ.
Чтò буду дѣлать между тѣмъ?
Всѣмъ этимъ утомился я.
На дняхъ попробую, друзья,
Хотя. . . . .
Пріятно въ первый разъ конечно
У ногъ любовницы младой
Вздыхать и вѣрить ей безпечно.

*

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны.
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно.
Собою жертвовать смѣшно.
Имѣть восторженное чувство
Простительно въ 17 лѣтъ.
Кто чувству вѣритъ, тотъ поэтъ
Иль хочетъ выказать искусство
Предъ легковѣрною толпой.
Чтò жъ мы такое? Боже мой?
Но добрый юноша, готовый
Высокій подвигъ совершить,

*) Мадамъ Ризничъ? П. Б.

Не будетъ въ гордости суровой
Стихи порочные твердить.
Но праведникъ изнеможденный
Въ цѣпяхъ, на казни осужденный,
Съ лампадой, брежжущей во тьмѣ,
. . . . не склонитъ
На свитокъ вашъ очей своихъ
И на стѣнѣ вашъ вольный стихъ
. . . . не начертитъ,
Грядущимъ узникамъ въ привѣтъ.

—

Такъ! Онъ любилъ какъ въ наши лѣта....
Такъ въ Ольгѣ милую подругу
Владиміръ видѣть привыкалъ.
Ни дура Англійской породы,
Ни своенравная мамзель
Наставницы въ Россіи . . . . .
Необходимыя досель
. . . . Ольгѣ милой.
Ѳадѣевна рукою хилой
Ея качала колыбель,
Слала ей дѣтскую постель
„Помилуй мя“ читать учила,
Бову разсказывать . . .
Поутру наливала чай
И баловала невзначай.

—

Всегда тиха, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела....
Сидѣла съ книгой у окна.

—

И Ѳебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Доселѣ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни....
Но куколъ даже въ эти годы
Татьяна въ руки не брала.
Она привыкла вмѣстѣ кушать
Сосѣдей вмѣстѣ навѣщать
По праздникамъ обѣдню слушать,
А въ будни цѣлый день зѣвать.

Послѣ этого слѣд. черновое письмо:

Oui, sans doute, je l'ai devinée, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Odessa, ci-devant hermite de

Kicheneff. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappellé tant de folies, de tourments, d'esprit, de grâce, de mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous, tout malaise, tout maussade, mes facultés s'anéantissent. J'ai perdu jusqu' au talent des carricatures, quoique la femme du pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à nos pieds et de vous consacrer, comme le disait un bon homme de poète, le petit bout de moi qui me reste. Vous rappelez-vous de la correction que vous avez fait dans le tems. Mon Dieu, si vous la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du Ciel. Nous auvons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concert, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira. Je contreferai le singe et je vous dessinerai m-de de Wor. dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en parole; car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler. Cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? Encore une foi, venez au nom du Ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celle qui a trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte.

Quand à vous, charmante boudéuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrepointée), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouemeut et de mes regrets.

*

Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ....

И такъ далѣе:

Покамѣстъ упивайтесь ею
Сей легкою жизнію, друзья....

*

Когда желаніемъ и нѣгой утомленный
Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный,
И ты меня обнимешь и съ утра
Ты лѣчишь поцалуемъ,
Дыханьемъ жаркихъ устъ,—
Счастливъ я и не завидую богамъ.

*

«Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ поклонъ и свое почтеніе. Я также обнимаю васъ изъ про-

заической Одессы и не благодарю ни за что, но въ полной мѣрѣ цѣню ваше воспоминаніе и дружескія попеченія, которымъ обязанъ я перемѣною моей судьбы.

J'ose espérer qu'un exil de quatre ans ne m'a pas effacé de votre mémoire.

Надобно подобно мнѣ провести три года въ душной Азіатской .... чтобы цѣнить и невольной воздухъ Европейской. Теперь мнѣ ничего бы не доставало, еслибы не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня. Я сталъ скученъ и благоразуменъ.

Кстати о стихахъ. Я люблю ихъ изъ эгоизма. Вы желаете имѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша. Вотъ вамъ самыя сильныя строфы.

Это послѣдній либеральный бредъ. На дняхъ я закаялся и, смотря и на Западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ Евангельскому источнику и написалъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой....»

Вѣроятно эти слова относятся до стиховъ: «Свободы сѣятель пустынный».

* * *

Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ,
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.
Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ.

*

Жуковскій . . . . святой Парнаса чудотворецъ
.... царедворецъ.
Крыловъ разбитъ параличе̇мъ.

8 Дек. 1823.

Оборотъ 41 листа:

И взоръ его носился
Отъ замка Грузина до башенъ Гибралтара...
Свободою Гишпанія кипѣла

*

Быть можетъ.......стихъ небрежный
Переживетъ мой вѣкъ мятежный.
Могу воскликнуть
Exegi monumentum я.

*

Я узнаю сіи примѣты,
Примѣты вѣрныя любви....
(Сіи предвѣстія любви).
Для призраковъ закрылъ я вѣжды.
Не я первой, не я послѣдній,
Но что-жъ! Въ гостинной иль въ передней
Равно читаютъ.....
Надъ книгою права ихъ рàвны.
Не я второй, не я послѣдній.
Ихъ судъ услышу надъ собой
Ревнивый строгой и тупой.

*

Je vous envoye, général, les 360 roubles que je vous dois depuis si longtems. Veuillez recevoir mes remercîments. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire. Le suis confus de n'avoir pu jusqu'à présent vous passer cette dette. La faute est que je creuvais de misère. Agréez, général, l'assurance de mon profond respect.

*

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнялъ твои колѣни!
Прощальныя и горестныя пѣни!
Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя преслѣдовать не буду
И про тебя, быть можетъ, позабуду.
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

Exegi monumentum

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный
Къ нему не заростетъ народная тропа
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа

Нѣтъ весь я не умру — душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ
И гордый внукъ Славянъ, и финнъ и нынѣ дикой
Тунгузъ и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ

Веленью божію, о муза, будь послушна
Обиды не страшась, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца —

1836
авг. 21.
Кам. остр.

Дозволено цензурою, Москва 1880 г. Декабря 8.
Лит. В. Бахманъ

О СТИХОТВОРЕНІИ ПУШКИНА.

„ПАМЯТНИКЪ“.

(Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный).

Въ подлинной рукописи стихотвореніе это не озаглавлено и имѣетъ эпиграфомъ первыя два слова изъ извѣстной оды Горація. Слова эти (какъ видно изъ приведеннаго выше наброска) приходили на мысль Пушкину еще въ Одессѣ, когда онъ писалъ строфы Онѣгина, въ которыхъ говоритъ о своемъ поэтическомъ безсмертіи:

Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ нѣкій другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

Въ одной изъ раннихъ тетрадей его находится замѣтка, гдѣ онъ говоритъ, что, при всей несоизмѣримости способовъ, онъ имѣлъ въ послѣдніе годы Александровскаго царствованія болѣе вліянія, чѣмъ все министерство народнаго просвѣщенія. Въ свѣтлыя минуты свои Пушкинъ отличался необыкновенно-яснымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего значенія. Нѣтъ однако сомнѣнія, что онъ никогда бы не рѣшился печатно говорить о памятникѣ самому себѣ, какъ это сдѣлалъ въ оглашенномъ при жизни духовномъ завѣщаніи своемъ другой великій нашъ писатель.

Стихотвореніе „Памятникъ“ имѣетъ значеніе поэтической автобіографіи, писанной про себя, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, когда мысль о близкой кончинѣ безпрестанно занимала Пушкина и послѣ того, какъ онъ уже заказалъ себѣ могилу въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ теперь лежитъ.

„Памятникъ“ напечатанъ въ первый разъ черезъ четыре года по смерти Пушкина, въ дополнительномъ изданіи его сочиненій 1841 года. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого вышла извѣстная „Переписка съ друзьями“, гдѣ Гоголь говоритъ Жуковскому по поводу этого стихотворенія: „Хотя въ *Наполеоновомъ столбѣ* виноватъ, конечно ты; но положимъ, если бы даже стихъ остался въ своемъ прежнемъ видѣ, онъ все таки послужилъ бы доказательствомъ, и даже еще бо́льшимъ, какъ Пушкинъ, чувствуя свое личное пре-

имущество, какъ человѣка, передъ многими изъ вѣнценосцевъ, слышалъ въ тоже время всю малость званія своего предъ званіемъ вѣнценосца“ и проч. (Соч. Гоголя, изд. 1880, IV, 602). Признаемся, что мы не видимъ тутъ „доказательства“, о которомъ говоритъ Гоголь. Это мѣсто въ „Перепискѣ“ Гоголя долго оставалось загадочнымъ. Мы напрасно обращались къ П. А. Плетневу и князю П. А. Вяземскому за разъясненіемъ, и только теперь подлинная рукопись Пушкина выясняетъ, въ чемъ дѣло.

Прибавимъ, что въ тетради стиховъ Пушкина, писанной рукою писца и по всѣмъ признакамъ назначенной для сдачи въ печать, послѣдній стихъ первой строфы измѣненъ еще такъ: „Великолѣпнаго столба“. Но и это показалось слишкомъ прозрачнымъ намекомъ на Александровскую колонну передъ Зимнимъ дворцомъ. Пушкинъ, какъ видно теперь по его Запискамъ, не захотѣлъ быть на ея открытіи 30 Августа 1834; а Жуковскій написалъ и напечаталъ о томъ извѣстное превосходное письмо свое. Для того, чтобы стихотвореніе прошло въ печать, пригодился „Наполеоновъ столбъ“, подаренный императоромъ Николаемъ Павловичемъ и воздвигнутый въ Парижѣ на Вандомской площади именно въ ту пору, когда печаталось стихотвореніе.

Отношенія Пушкина къ Александру Павловичу и къ его памяти будутъ предметомъ особаго разслѣдованія; здѣсь замѣтимъ только, что извѣстные стихи, которые Пушкинъ, по обычаю своему, прикрылъ заглавіемъ: „Къ бюсту Завоевателя“ и которыхъ, впрочемъ, самъ не напечаталъ, изображаютъ Александра Перваго. Пушкинъ безъ сомнѣнія видѣлъ его мраморный бюстъ (нынѣ украшающій собою одну изъ залъ Императорской Публичной Библіотеки), изваянный Торвальдсеномъ въ 1818 году, во время открытія перваго Варшавскаго сейма (когда въ Россіи уже пользовался полною силою Аракчеевъ): прекрасный лобъ съ морщиною, а на устахъ привѣтливая Екатерининская улыбка.

Таковъ и былъ сей властелинъ,
Къ противочувствіямъ привыченъ и пр.

Что касается до Жуковскаго, измѣнившаго смыслъ Пушкинскихъ стиховъ, то винить его невозможно, когда знаешь, что иначе стихотвореніе могло бы погибнуть, что бумаги Пушкина, вслѣдъ за его кончиною, немедленно были опечатаны чиновникомъ III-го отдѣленія [1]), что были властные люди, радостно потиравшіе себѣ руки въ надеждѣ отыскать въ рукописяхъ Пушкина и въ его перепискѣ новыхъ яко бы уликъ по дѣлу 14 Декабря; что участь, напримѣръ, князя Вяземскаго висѣла на недоразумѣніи; что Булгаринъ съ братьею былъ свой графу Бенкендорфу и Дубельту, подпись котораго и те-

---

[1]) Сургучъ въ домѣ нашелся только черный, такъ какъ не прошло еще года съ кончины матери Пушкина (Слышано отъ П. А. Плетнева).

перь красуется на Пушкинскихъ тетрадяхъ, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ, откуда взятъ прилагаемый снимокъ.

Читатели обратятъ вниманіе на четвертую строфу стихотворенія „Памятникъ". Любопытно, что сначала Пушкину пришелъ въ голову Радищевъ, которымъ онъ передъ тѣмъ занимался, обработывая статью о немъ для своего „Современника". Пушкинъ зачеркнулъ это имя; но видно, что свое мнѣніе о Радищевѣ онъ долго мѣнялъ и не зналъ, какъ отнестись къ нему окончательно. Кстати сказать, что въ извѣстной статьѣ: „Александръ Радищевъ" у него въ рукописи зачеркнуты слѣдующія характерныя слова: „Отымите у него честность, въ остаткѣ будетъ Полевой".

И такъ вотъ въ какомъ видѣ оставилъ намъ Пушкинъ свое знаменитое стихотвореніе:

Подлинный текстъ Пушкинскаго „Памятника".

Exegi monumentum

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столба.

*

Нѣтъ, весь я не умру. Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

*

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

*

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

*

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна.
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836. Авг. 21 Кам. Остр.

Для сличенія приведемъ первоначальный Гораціевъ образецъ и Державинское стихотвореніе, которому (по замѣчанію еще Бѣлинскаго) подражалъ Пушкинъ.

Горацій.

(книга 3-я, ода 30).

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius,
Quod non imber edax, non Aquilo impotens
Possit diruere aut innumerabilis
Annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar multaque pars mei
Vitabit Libitinam: usque ego postera
Crescam laude recens, dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum, ex humili potens
Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos. Sume superbiam
Quaesitam meritis et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Державинъ.

(Гротовское изд. I, 785).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металовъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстотечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.

*

Такъ весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

*

Слухъ прòйдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

*

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

*

О Муза, возгордись заслугой справедливой
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай,
Непринужденною рукой, не торопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о бронзомъ памятникѣ, открытомъ въ Москвѣ 6-го Іюня 1880 г. Можно бы составить цѣлую большую книгу изъ того, что̀ говорилось и печаталось по поводу этого событія. На радостяхъ, что открытіе, наконецъ, послѣдовало, забыли обратить вниманіе на то, что памятникъ обошелся слишкомъ дорого. По оглашеннымъ отчетамъ выходитъ, что напр. памятникъ князю Воронцову въ Одессѣ, представлявшій художнику больше затрудненій, украшенный тремя превосходными барельефными картинами и отлично исполненный, стоилъ слишкомъ вдвое дешевле Пушкинскаго. На собранныя деньги можно было, кромѣ постановки памятника, выкупить право изданія сочиненій Пушкина и издать поэта въ подобающемъ ему видѣ, а не такъ спѣшно, какъ онъ теперь въ послѣдній разъ изданъ.

Лицо, близко знавшее Пушкина, на вопросъ нашъ, какъ ему нравится памятникъ, отвѣчало: „Я недоволенъ имъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, такой шляпы Пушкинъ не имѣлъ, да и съ трудомъ могъ бы добыть ея, такъ какъ такихъ шляпъ тогда не носили; во вторыхъ главная прелесть Пушкина въ его безыскуственности, въ томъ, что онъ никогда не становился на ходули и отличался необыкновенною искренностью и простотою; а тутъ Пушкинъ представленъ въ несвойственномъ ему, нѣсколько вычурномъ, положеніи“. — Насъ увѣряли, будто шляпа на памятникѣ передѣлывалась, и сначала была круглая, съ какою Пушкинъ представленъ на одномъ изъ снятыхъ при его жизни портретовъ.

Недоумѣваемъ мы также, отчего ограничились одною панихидою въ церкви и отчего не послѣдовало окропленія памятника святою водою, какъ это было съ памятниками Ломоносова, Державина и Карамзина.

Самое празднованіе происходило какъ-то торопливо. Оставлена почему-то мысль собрать на площади избранныхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Кстати: дочери извѣстной писательницы, графини Е. П. Ростопчиной (дарованіе которой цѣнилъ Пушкинъ, бывавшій въ ея домѣ обычнымъ гостемъ) просятъ насъ заявить, что не были положены къ подножію статуи вѣнки и ленты, присланные ими изъ Италіи и Парижа. *П. Б.*

ЕЩЕ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. И. ШЕНИГА. [1])

XIX.

Любопытное дѣло Чивиниса и Зосимы.

Корфіотскій уроженецъ *Чивинисъ* въ 1820 году явился въ Константинополь къ послу нашему барону Строгонову съ желаніемъ вступить въ Русскую службу. Прекрасная наружность, вкрадчивое и образованное обращеніе понравились послу, и онъ, снабдивъ его рекомендаціей, посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ и вступить въ военную службу. Чивинисъ послѣдовалъ его совѣту и, пріѣхавъ въ столицу, былъ опредѣленъ въ кирасирскій полкъ Его Величества, квартировавшій въ Гатчинѣ. Вскорѣ былъ онъ произведенъ въ офицеры, и я познакомился съ нимъ, встрѣчаясь въ нѣкоторыхъ домахъ. Въ концѣ 1824-го года, на пути въ Петербургъ изъ военныхъ поселеній, я съѣхался съ нимъ на станціи Померанье и пилъ чай. По словамъ его, онъ ѣхалъ въ Москву въ 28-ми дневный отпускъ, для свиданія съ знакомыми и земляками, и я не предполагалъ, что поѣздка его имѣетъ другую цѣль. Пріѣхавъ въ Москву, онъ остановился въ трактирѣ и, имѣя нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, познакомился въ домѣ у главнокомандующаго, у графа Кутайсова, у Обольянинова, у коменданта Веревкина и другихъ. Ловкость и любезность обратили на него вниманіе Московскихъ жителей; онъ вездѣ былъ отлично принятъ и приглашенъ на всѣ балы и собранія. Между тѣмъ онъ свелъ знакомство съ нѣкоторыми Греками и открылъ имъ подъ секретомъ, что имѣетъ тайное порученіе отъ Государя собрать подъ рукою пожертвованія въ пользу возстановляющейся Греціи и показалъ собственноручный рескриптъ Императора. Земляки его объявили, что, при всей ихъ готовности, они не довольно богаты, чтобъ сдѣлать значительное по-

[1]) См. Р. Архивъ 1880, III, стр. 267.

жертвованіе и совѣтовали ему обратиться къ Греку Зосимѣ, какъ богатѣйшему человѣку, не имѣющему наслѣдниковъ. Чивинисъ отозвался, что, зная дряхлость и слабоуміе старика, онъ боится войти съ нимъ въ сношенія и подвергать обнаруженію ввѣренное ему тайно порученіе. Греки сообщили однакожъ объ этомъ Зосимѣ и возбудили въ немъ желаніе сблизиться съ человѣкомъ, пользующимся таковою довѣренностію Монарха. Зосимà былъ дряхлый старикъ 80 лѣтъ, имѣлъ въ ломбардѣ около двухъ милліоновъ капитала и извѣстенъ въ Европѣ рѣдкимъ собраніемъ драгоцѣнныхъ вещей, какъ-то необыкновенной величины и круглости жемчужиною [1]), огромнымъ коралловымъ крестомъ и другими вещами, которыя составляли предметъ любопытства путешественниковъ. Будучи слабъ и дряхлъ, онъ жилъ на Никольской, въ Греческомъ монастырѣ и имѣлъ при себѣ мальчика-Грека, которому хотѣлъ упрочить будущность. Чивинисъ зналъ подробно всѣ эти обстоятельства, и планъ его былъ хитро начертанъ заранѣе. Давъ пройти нѣсколькимъ днямъ, онъ въ праздничный день пріѣхалъ въ монастырь къ обѣднѣ и, вынувъ Греческій молитвенникъ, сталъ по сосѣдству съ Зосимòй. По окончаніи обѣдни, старикъ, догадавшись, что это тотъ человѣкъ, съ которымъ онъ желалъ свести знакомство, подошелъ къ нему и пригласилъ на чашку чаю. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, онъ отозвалъ Чивиниса въ сторону и объявилъ, что ему извѣстно его порученіе, и что онъ, будучи ревностнымъ патріотомъ, охотно жертвуетъ 300 тысячъ въ пользу своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, и тутъ же вручилъ ему ламбардные билеты. Чивинисъ обѣщалъ немедленно довести о семъ до свѣдѣнія Государя, и черезъ нѣсколько дней самъ привезъ полученный на имя Зосимы рескриптъ за подписаніемъ Императора, съ похвалами его ревности и усердію къ дѣлу, въ которомъ Его Величество принимаетъ столь живое участіе. Зосимà былъ въ восторгѣ и уговорилъ Чивиниса, вмѣсто того, чтобъ тратить понапрасну деньги въ трактирѣ, переѣхать къ нему, на чтò, послѣ долгаго сопротивленія, тотъ и согласился. Вкравшись въ довѣренность слабаго старика, Чивинисъ убѣдилъ его въ необходимости доставить его воспитаннику какое-либо званіе и поставилъ себя въ примѣръ, уговоривъ его отдать его ему для опредѣленія въ военную службу. Одинъ день, обѣдая съ своимъ гостемъ, Зосимà былъ удивленъ пріѣздомъ адъютанта главнокомандующаго, съ письмомъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ которомъ она проситъ Зосиму доставить ей въ Петербургъ рѣдкое

[1]) Объ этой жемчужинѣ, названной *Пелегриною* (потому что она не могла оставаться безъ движенія) есть особая книжка Фишера фонъ Вальдгейма. П. Б.

его собраніе вещей для показа великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, находившейся тогда въ Петербургѣ, удостовѣряя, что онѣ немедленно будутъ ему возвращены во всей цѣлости. Зосима призадумался; но Чивинисъ сказалъ ему, что отказать невозможно и что ему о возвращеніи ихъ опасаться нечего; но что для вѣрности не худо сдѣлать вещамъ подробную опись и засвидѣтельствовать ее извѣстными въ Москвѣ сановниками; что онъ, будучи коротко знакомъ со многими, берется устроить все это дѣло. На письмо главнокомандующаго Зосима тутъ же отвѣчалъ, что воля Государыни будетъ исполнена и чтобъ послѣ завтра было прислано за вещами, которыя всѣ будутъ готовы къ отправленію. Чивинисъ дѣйствительно сдѣлалъ тотчасъ подробную опись и поѣхалъ къ графу Кутайсову, Обольяниновуи Веревкину сообщить имъ счастливое для себя событіе, что землякъ его Зосима, будучи безъ прямыхъ наслѣдниковъ, отдаетъ ему все свое имѣніе и, сдѣлавъ для сего духовное завѣщаніе, по слабости своей и дряхлости, умоляетъ ихъ завтра пріѣхать къ нему на завтракъ и быть свидѣтелями его добровольнаго и свободнаго намѣренія. Эти господа, полюбивъ Чивиниса, согласились на его просьбу и въ назначенное время собрались у Зосимы, гдѣ Чивинисъ приготовилъ великолѣпный завтракъ. Вещи разложены были на столѣ, и при нихъ составленная опись. Гости, въ ожиданіи завтрака, занялись разсматриваніемъ вещей и сличеніемъ ихъ съ реестромъ, полагая, что старикъ разложилъ свои сокровища, чтобъ пріятнѣе занять время, тѣмъ болѣе, что Зосима почти не говорилъ по-русски и не зналъ совершенно Русской грамоты. Послѣ завтрака Чивинисъ подалъ Зосимѣ бумагу, во всемъ схожую форматомъ съ реестромъ и по-гречески сказалъ ему, что онъ долженъ скрѣпить ее своею подписью; присутствующіе засвидѣтельствовали добровольную подпись и разъѣхались довольные угощеніемъ. Но на дѣлѣ вышло, что Зосима подписалъ не реестръ, а духовную, совсѣмъ того не воображая. Вещи уложены и на другой день при письмѣ къ Императрицѣ вручены подъ росписку явившагося адъютанта, и дѣлу былъ конецъ. Чивинисъ, проживъ еще нѣсколько дней и видя конецъ своего отпуска, взялъ съ собой Зосимина питомца, возвратился въ полкъ, женился на воспитанницѣ Гатчинскаго института и завелъ экипажи, верховыхъ лошадей, домъ и проч., къ общему удивленію всѣхъ его знакомыхъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Чивиниса, прибыли въ Москву два путешествующіе Англичанина съ рекомендаціей къ главнокомандующему, который поручилъ адъютанту своему Василью Толстому [1]), моему старин-

[1]) Отцу Юрья Васильевича Толстаго. П. Б.

ному товарищу, какъ знающему хорошо Англійскій языкъ, показать имъ всѣ Московскія достопамятности. Осмотрѣвъ все, достойное любопытства, за обѣдомъ князь вспомнилъ о кабинетѣ Зосимы и поручилъ Толстому освѣдомиться, когда тотъ можетъ имъ показать ихъ. Зосимà удивился и отвѣчалъ, что князь вѣроятно забылъ, что вещей этихъ до сихъ поръ еще не получено отъ Императрицы. Князь Голицынъ съ своей стороны удивился этому отзыву и послалъ полицеймейстера узнать, въ чемъ дѣло. Зосимà разсказалъ подробности, показалъ письма Государя и Императрицы, которыя, разумѣется, найдены фальшивыми. Спросили у Кутайсова и другихъ, и тѣ отвѣчали, что вещи они видѣли, но что подписывали духовную, о которой въ свою очередь Зосимà не зналъ ни слова. Всѣ подозрѣнія пали на Чивиниса. Его схватили, посадили въ крѣпость; а флигель-адъютанта Германа послали въ Москву разыскать дѣло въ подробности. Все обнаружилось. Изъ полученныхъ денегъ Чивинисъ успѣлъ истратить только 80 т.; остальныя отняты, а духовная уничтожена. Судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ; но по ходатайству Маріи Ѳеодоровны, которая лично знала жену его, Чивинисъ былъ высланъ за границу.

Вещи Зосимины не достались однакожъ и Чивинису: подложный адъютантъ былъ лакей его, который, получивъ ящикъ, убѣжалъ обратно въ свое отечество—Турцію, и слѣдовъ его открыть не могли. Старикъ Зосима такъ былъ растревоженъ этимъ происшествіемъ, а еще болѣе утратою своихъ рѣдкостей, которыя составляли всю его отраду и гордость, что вскорѣ умеръ. Онъ до конца жизни говаривалъ, что по счастію лучшія изъ его сокровищъ (жемчужина и крестъ) не попали въ число украденныхъ вещей и хранятся у него; но никому больше ихъ не показывалъ, и послѣ смерти они нигдѣ не отысканы [1]).

Для изслѣдованія этого дѣла, былъ посланъ Государемъ Александромъ Павловичемъ флигель-адъютантъ Александръ Ивановичъ Германъ, мой хорошій пріятель, впослѣдствіи генералъ-маіоръ и начальникъ штаба, умершій въ 1829 году въ Турціи, бывшій долго въ Берлинѣ военнымъ агентомъ, отъ котораго я и знаю подробности этого интереснаго происшествія.

[1]) Разсказываютъ, что съ тѣхъ поръ жемчужину свою Зосимà держалъ за десною, во рту. П. Б.

XX.

Полковникъ Вогакъ.

Въ 1817 году, будучи произведенъ въ офицеры, я часто встрѣчалъ во дворцѣ, на выходахъ, на балахъ и на разводахъ состоящаго по кавалеріи полковника Вогака, красавца собою, имѣвшаго Георгія, Анну съ брилліантами, pour le mérite и много другихъ крестовъ. Онъ не имѣлъ никакой должности и по причинѣ полученныхъ будто бы въ сраженіяхъ ранъ носилъ мундиръ и жилъ въ Петербургѣ. Однажды князь П. М. Волконскій, бывшій тогда начальникомъ Главнаго Штаба, гуляя по Невскому проспекту, встрѣтилъ его, остановилъ и изъ любопытства спросилъ, въ какомъ полку служилъ онъ прежде и кто былъ его полковой командиръ? Вогакъ смѣшался и отвѣчалъ не въ попадъ, назвавъ командиромъ того, кто никогда тѣмъ полкомъ не командовалъ. У князя Волконскаго память была необыкновенная, и ему показалось странною таковая ошибка; онъ велѣлъ Вогаку явиться къ нему на другой день въ Инспекторскій Департаментъ.

Прибывъ туда на другой день, онъ не нашелъ Вогака и велѣлъ Закревскому, бывшему тогда дежурнымъ генераломъ, подать списки и формуляръ непришедшаго полковника. Въ печатномъ спискѣ Вогакъ былъ показанъ состоящимъ по кавалеріи; но формуляра его нигдѣ найти не могли. Фельдъегерь былъ тотчасъ посланъ къ нему на квартиру; но тамъ сказали, что онъ вчера же съѣхалъ неизвѣстно куда; справились въ полиціи, и тамъ слѣдовъ не оказалось. Поручено было и полиціи, и фельдъегерямъ вездѣ искать Вогака; но нѣсколько недѣль искали понапрасну; наконецъ, одному фельдъегерю попался онъ нечаянно въ публичномъ домѣ и былъ схваченъ.

На допросѣ показалъ онъ, что никогда въ службѣ не былъ, а чины и кресты пріобрѣлъ обманомъ. Въ 1812 году, во время суматохи, всѣ, кто хотѣлъ, опредѣлялись въ милицію, и частные начальники, принимая въ ополченіе, неакуратно присылали въ тогдашнее военное министерство списки опредѣляющихся. Вогакъ, сынъ Петербургскаго кондитора, молодецъ собою и довольно образованный молодой человѣкъ, безъ всякаго опредѣленія надѣлъ мундиръ и съ фальшивымъ отпускомъ, за полученною будто бы подъ Полоцкомъ раною, явился къ военному министру князю Горчакову и лечился въ Петербургѣ; уѣхавъ изъ столицы, онъ въ началѣ 1813 года явился опять уже ротмистромъ и съ крестомъ и, пробывъ нѣсколько недѣль, опять уѣхалъ изъ Петербурга, что̀ и повторялъ онъ нѣсколько разъ, являясь то майоромъ, то подполковникомъ и наконецъ въ 1814 году полковникомъ со всѣми

орденами. Князь Горчаковъ, привыкши его видѣть, выдавалъ ему и видъ для прожитія, и паспортъ для проѣзда въ армію, и внесъ его въ списокъ полковниковъ. Въ 1815 году, при преобразованіи министерства въ Главный Штабъ Е. И. В., архивы были туда переданы; но никому не приходило въ мысль дѣлать повѣрку напечатанныхъ списковъ, и Вогакъ имѣлъ смѣлость показываться на глаза и Государю, и всѣмъ начальникамъ. Собственное его признаніе облегчило изслѣдованіе, и онъ до конфирмаціи суда былъ посаженъ на гауптвахту, бывшую противъ Адмиралтейства, въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и содержался нѣсколько мѣсяцевъ. По окончаніи слѣдствія Государь приказалъ послать его рядовымъ въ Грузію, и сентенція была ему сообщена. Въ тотъ же день, когда слѣдовало его обрить и отправить, онъ, дождавшись смѣны новаго караула, вышелъ въ отхожее мѣсто и тамъ перерѣзалъ себѣ бритвою горло. Старый и новый караульные офицеры, занятые сдачею, были освобождены отъ отвѣтственности.

XXI.

Самозванецъ графъ Медингъ.

Въ 1820 году появился въ Петербургѣ Англійской службы капитанъ графъ Медингъ, ушедшій изъ Англіи по причинѣ несчастной дуэли. Онъ привезъ къ банкиру Ливіо неограниченный кредитивъ отъ отца своего, извѣстнаго богатаго владѣльца въ Гановерѣ. Генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ былъ тогда Милорадовичъ. Медингъ явился къ нему, объяснилъ свое положеніе и умѣлъ втереться въ милость и въ дружбу къ благородному, но вѣтреному и легковѣрному графу, который началъ всюду вывозить его съ собою, ѣздить съ нимъ въ театръ и на гулянья, прогуливаться верхомъ и, словомъ сказать, держалъ его при себѣ неотлучно. Наружность Мединга не соотвѣтствовала его званію: онъ былъ небольшаго роста, волосы красные и всѣ пріемы довольно подлые; но говорилъ онъ бойко на нѣсколько языкахъ, завелъ экипажъ и отличныхъ верховыхъ лошадей и ѣздилъ мастерски. Государь былъ въ это время за границей на конгрессѣ. Милорадовичъ, очарованный мнимымъ графомъ, написалъ объ немъ къ Императору и просилъ опредѣлить его въ лейбъ-гусарскій полкъ, находя, что богатый человѣкъ и отличный ѣздокъ есть для полка совершенная находка. Во время этихъ переписокъ, банкиръ Ливіо, выдавъ Медингу слишкомъ 100 т. р., сообщилъ о томъ въ Гановеръ; но получилъ въ отвѣтъ, что старый графъ не принимаетъ этого долга, потому что сынъ его, хотя и дѣйствительно имѣлъ дуэль и думалъ уѣхать въ Россію, но былъ

прощенъ и теперь находится при полку въ Англіи; а во время его поѣздки онъ былъ обкраденъ своимъ рейткнехтомъ, который унесъ у него и деньги, и шкатулку съ бумагами, о чемъ тогда же было вездѣ публиковано. Ливіо бросился къ Милорадовичу, который увидѣлъ, что попался въ руки мошеннику и поручилъ оберъ-полицеймейстеру Горголи открыть истину. Медингъ вздумалъ было запираться; но появленіе розогъ открыло обманъ; онъ признался и былъ высланъ за границу, а старый графъ Медингъ заплатилъ, кажется, Ливіо за понесенный имъ убытокъ.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртемберскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.

Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**

Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.

Записки **Н. В. Баталина,** доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** императора **Александра Павловича,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.

Бумаги **С. П. Шевырева.**

Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.

Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.

Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.

Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.

Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).

Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.

Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**

Бумаги **графа Н. И. Панина.**

Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**

Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.

Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ. Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.

Исторія Яицкаго войска. Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.— Бумаги графа **Румянцова-Задунайскаго,** князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.

Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина — Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго. — Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки. - Новая глава „Капитанской Дочки“.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Цѣна каждой книгѣ особо **3 рубля.** Полное годовое изданіе стоитъ **8 рублей.** Пересылка на счетъ Конторы Русскаго Архива.

Русскій Архивъ

ИЗДАЕТСЯ

въ 1881 году

ШЕСТЬЮ КНИЖКАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва,** Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.
Въ Петербургѣ книжные магазины „Новаго Времени" и Н. И. Мамонтова.

Цѣна каждой книжкѣ 1881 года въ отдѣльной продажѣ **1** р. **50** к.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1881

I

(2)

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),

на Страстномъ бульварѣ.

1881.

ВЫШЛА XIX КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА,

содержащая въ себѣ переписку П. В. Чичагова и Грейговъ.
Цѣна 3 р. Складъ изданія: Петербургъ, Мойка, д. 104-й.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, д. Баженовой) продаются

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ первый: статьи политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный безъ пропусковъ текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора. Цѣна каждому тому ТРИ рубля.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Цѣна 50 к.

Тамъ же можно получать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры четырехъ послѣднихъ годовыхъ изданій **РУССКАГО АРХИВА** (каждый годъ по три книги).

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877. Записки **Г. С. Винскаго.**

Біографія канцлера князя Безбородки.

Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**

Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**

Старая Записная Книжка.

Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877. **Записки графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.

Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Авдотьи Петровна Елагина, біографическій очеркъ.

Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.

Н. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**

Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877, Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **П. И. Фаленберга.**

Дневникъ **графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.**

Анекдоты прошлаго столѣтія.

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.

Разсказы **графа М. А. Дмитріева-Мамонова.**

Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Старики любятъ вспоминать былое. Приводя себѣ на память свое дѣтство, молодость и разныя обстоятельства жизни въ зрѣломъ возрастѣ, они могутъ сказать вмѣстѣ съ Пименомъ Пушкина:

„На старости я съизнова живу,
Прошедшее проходитъ предо мною“....

Но въ этихъ воспоминаніяхъ часто встрѣчается препятствіе: память измѣняетъ старикамъ. Несмотря на то, что я въ молодости одаренъ былъ отличною памятью, теперь, подъ 70 лѣтъ, многое изъ былаго начинаетъ исчезать изъ моихъ воспоминаній. Желая сохранить по крайней мѣрѣ то, что̀ еще не успѣло изгладиться, я принимаюсь записывать все, что̀ помню изъ моей жизни, для моихъ потомковъ. Пусть они видятъ, что я, если не успѣлъ ознаменовать жизнь свою чѣмъ нибудь достопамятнымъ, то, по крайней мѣрѣ, не запятналъ безчестіемъ ни могилы моихъ родителей, ни колыбели дѣтей моихъ.

Постараюсь описать въ хронологическомъ порядкѣ: сначала семью, изъ которой происхожу (I), затѣмъ мое дѣтство (II), счастливое отрочество при порогѣ Московской Духовной Академіи (III), юность въ Московскомъ университетѣ (IV), холостую жизнь (V) и, наконецъ, жизнь въ бракѣ до настоящаго времени (VI).

I.

Прежде нежели говорить о самомъ себѣ, я долженъ познакомить читателей съ семействомъ, изъ котораго я произошелъ, съ тѣми ближайшими родными, которые окружали меня во время моего младенчества.

Дѣдъ мой, отставной бригадиръ графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Толстой (род. 6 Апрѣля 1756) былъ человѣкъ образованный по своему времени: говорилъ на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Голландскомъ язы-

кахъ (на послѣднемъ, потому, что былъ когда-то посланъ курьеромъ къ Нидерландскимъ генеральнымъ штатататамъ и пробылъ около года въ Гагѣ). Послѣ отца своего, графа Ѳеодора Ивановича роднаго внука первому графу Толстому, Петру Андреевичу, онъ получилъ незначительное состояніе, но разбогатѣлъ женитьбою и разными хозяйственными оборотами, въ особенности винокуренными заводами, которыхъ имѣлъ нѣсколько въ Орловской и Симбирской губерніяхъ. Дѣтямъ своимъ онъ старался дать самое лучшее воспитаніе, какое было тогда возможно,— при помощи эмигрантовъ, набѣжавшихъ цѣлыми ордами въ Россію отъ ужасовъ первой Французской революціи. Дѣда, умершаго за нѣсколько лѣтъ до моего рожденія, я, конечно, не могъ знать; но хорошо помню жену его, а мою бабку, графиню Александру Николаевну, рожденную княжну Щербатову. Какъ теперь вижу её—полную, опухлую старушку, въ большомъ бѣломъ чепцѣ и пестрой шали, сидящую въ широкомъ Вольтеровскомъ креслѣ. Передъ ней на столикѣ, окаймленномъ бронзою, Кіевскій молитвенникъ, карты въ футлярѣ для пасьянса и нѣсколько стклянокъ съ лѣкарствами. Подлѣ нея на стулѣ, на мягкой подушкѣ, неподвижно лежала толстѣйшая старая моська «Князь» и съ утра до вечера грызла сахаръ. Бабушка не пользовалась репутаціей умной и образованной женщины, никогда не занималась чтеніемъ и съ трудомъ подписывала свое имя. Она была добродушна и нескупа, но безпечна въ дѣлахъ, отчего богатство дѣда значительно уменьшилось по кончинѣ его, еще прежде раздѣла между сыновьями и дочерьми. А этихъ наслѣдниковъ было немало: кромѣ дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ, достигли совершеннолѣтія девять сыновей: Владиміръ, Степанъ, Ѳеодоръ, Михаилъ, Николай, Александръ, Андрей, Всеволодъ и Петръ, и три дочери: Елисавета, Аграфена и Марья. О каждомъ изъ этихъ лицъ надѣюсь упомянуть въ своемъ мѣстѣ, не затрудняя теперь читателей чтеніемъ длинной генеалогіи.

Отецъ мой, графъ Владиміръ Степановичъ, былъ старшимъ въ этой семьѣ. Онъ родился въ Кіевѣ, куда родители его пріѣзжали на богомолье, 28 Марта 1778 года. Дѣдъ ничего не щадилъ для воспитанія своего первенца: главнымъ наставникомъ его съ семилѣтняго возраста былъ ученый аббатъ Эперне (abbé d'Epernay, docteur en Sorbonne, ci-devant chanoine de Saint Denis), а по смерти этого старика другой аббатъ—эмигрантъ Вернонъ, изъ числа послѣдователей школы энциклопедистовъ. Насколько первый изъ нихъ могъ быть полезнымъ своему питомцу глубокою ученостью, соединенною съ искреннимъ благочестіемъ, настолько послѣдній былъ вреденъ безбожіемъ и безнравственностью. И то, и другое вліяніе впослѣдствіи отразилось на отцѣ моемъ. При отличныхъ способностяхъ и необыкновенной любознатель-

ности, онъ учился очень быстро и удивлялъ своихъ сверстниковъ множествомъ свѣдѣній изъ разныхъ наукъ и знаніемъ языковъ: Французскаго, Итальянскаго, Англійскаго, даже Латинскаго и Греческаго. Двухъ послѣднихъ языковъ не зналъ тогда никто, кромѣ семинаристовъ. Замѣчательно, что, обладая классическимъ образованіемъ и эстетическимъ вкусомъ, отецъ мой плохо учился математикѣ и терпѣть не могъ Нѣмецкаго языка. Записанный въ дѣтствѣ, по тогдашнему обычаю, въ Преображенскій полкъ, онъ былъ произведенъ изъ сержантовъ въ прапорщики л. гв. Преображенскаго полка въ концѣ 1796 года, при вступленіи на престолъ Павла 1-го; а во время коронаціи этого государя былъ прикомандированъ, въ числѣ немногихъ офицеровъ гвардіи, знакомыхъ съ нѣсколькими иностранными языками, къ пріему иностранныхъ посольствъ, за что награжденъ чиномъ подпоручика. Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ въ отставку, когда второй братъ его Степанъ Степановичъ былъ разжалованъ въ солдаты за какую-то дерзость во фронтѣ. Съ того времени началась для отца моего праздная свѣтская жизнь. Красивый, ловкій, умный, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что слылъ любимымъ сыномъ богача, у котораго каждое Воскресенье былъ вечеръ съ танцами и ужиномъ, иногда на сто человѣкъ и болѣе. Въ 1807 году онъ женился по любви на Прасковьѣ Николаевнѣ Сумароковой.

Перехожу теперь къ роднымъ моей матери. Родной дѣдъ ея, капитанъ Андрей Васильевичъ Сумароковъ, очень небогатый помѣщикъ Нерехотскаго уѣзда, былъ женатъ на дочери весьма извѣстнаго въ свое время, Ивана Семеновича Шокурова, и получилъ за нею въ приданое въ томъ же уѣздѣ село Красное-Шокурово съ нѣсколькими деревнями, гдѣ провелъ остатокъ своей жизни, умеръ и погребенъ въ построенной имъ каменной церкви. Объ этомъ селѣ, до сихъ поръ остающемся во владѣніи прямыхъ потомковъ его, мнѣ придется еще нѣсколько разъ говорить въ моихъ воспоминаніяхъ. Прабабка моя, Прасковья Ивановна, была женщина стараго покроя, носила душегрѣйки, повязывала голову платкомъ и не знала грамотѣ; въ фамильныхъ бумагахъ сохранился документъ, подписанный, за неумѣніемъ ея грамотѣ, земскимъ, крѣпостнымъ ея человѣкомъ.

Послѣ Андрея Васильевича Сумарокова остались дѣти: сыновья Николай и Алексѣй и дочери—Александра, Анна, Елисавета и Аграфена. Родной дядя моей матери, Алексѣй Андреевичъ Сумароковъ, дослужившись въ Семеновскомъ полку до чина гвардіи поручика, вышелъ въ отставку и поселился въ сельцѣ Луневѣ на красивомъ берегу Волги, въ 10 верстахъ отъ имѣнія брата. Тамъ прожилъ онъ весь вѣкъ старымъ холостякомъ, построивъ себѣ прекрасный домъ и занимаясь

постоянно рыбною ловлею въ Волгѣ, для чего имѣлъ нѣсколько лодокъ, много рыболовныхъ снастей и болѣе 20 рыбаковъ изъ обширной его дворни. Почти всѣ эти рыбаки и многіе другіе изъ числа дворовыхъ были его крестники и звались Алешками № 1, 2 и т. д. Только одинъ камердинеръ удостоенъ былъ имени Алексѣя. Алексѣй Андреевичъ никуда почти не выѣзжалъ, но къ нему ѣздило много сосѣдей. У него былъ отличный столъ, повара выученные въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ и всегда много стерлядей и бѣлорыбицы въ обширныхъ его заводяхъ (искусственныхъ запертыхъ заливахъ). Онъ скончался въ глубокой старости въ Февралѣ 1841 года.

Изъ сестеръ его три: Анна, Елисавета и Аграфена Андреевны дожили вѣкъ свой дѣвицами; только одна старшая Александра Андреевна была замужемъ за майоромъ Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Тухачевскимъ. Я не засталъ въ живыхъ ни ея, ни ея мужа, но хорошо зналъ трехъ дочерей ихъ, а моихъ двоюродныхъ тетокъ; изъ нихъ старшая Варвара Аѳанасьевна вступила въ бракъ съ капитанъ-лейтенантомъ Степаномъ (отчества не помню) Завязкинымъ, съ которымъ впрочемъ прожила недолго. Плодомъ этого брака были двѣ дочери, о которыхъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Овдовѣвъ, она вышла замужъ вторично за статскаго совѣтника Василія Алексѣевича Коптева, бывшаго Нерехотскаго городничаго. Дѣтей у нихъ не было. Сестры ея, Марья и Елисавета Аѳанасьевны, умерли дѣвицами. Первая изъ нихъ провела жизнь въ Ростовскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и скончалась, а вторая оставалась у замужней сестры до конца своей жизни.

Варвара Аѳанасьевна была очень умная и дѣльная женщина; она любила подавать совѣты роднымъ. И хотя нѣкоторые изъ нихъ тяготились этою ея привычкою, но послѣ, навѣрное, должны были жалѣть, что не послушались благонамѣренныхъ и разумныхъ внушеній.

Семейство Сумароковыхъ отличалось необыкновеннымъ согласіемъ и родственною любовью во всѣхъ его членахъ. Младшій братъ и сестры чтили старшаго брата какъ отца и никогда не называли его иначе какъ «батюшка братецъ», а онъ звалъ ихъ по имени и отчеству и говорилъ имъ «ты». Всѣ они были извѣстны благородствомъ души, честными правилами жизни и самою неистощимою благотворительностью. Невозможно перечислить всѣхъ бѣдныхъ дворянъ и дворянокъ, которыхъ они воспитали, опредѣлили на службу или выдали замужъ.

Образцомъ всѣхъ этихъ добродѣтелей былъ глава семьи, родной дѣдъ мой, отставной бригадиръ Николай Андреевичъ Сумароковъ. Честность и прямота его были такъ извѣстны, что къ нему пріѣзжали судиться третейскимъ судомъ не только ближайшіе сосѣди, но и помѣщики отда-

ленныхъ уѣздовъ Костромской губерніи; рѣшенія его въ такихъ случаяхъ исполнялись безпрекословно. Когда, по смерти матери, ему пришлось дѣлить имѣніе съ братомъ и сестрами, они прямо сказали ему: «что̀ вы, батюшка братецъ, намъ пожалуете, тѣмъ и будемъ довольны».

Впослѣдствіи мнѣ случалось слышать отъ нихъ самихъ, что онъ «пожаловалъ» имъ больше, чѣмъ слѣдовало. Состояніе свое онъ увеличилъ женитьбою и неожиданнымъ наслѣдствомъ отъ дальняго родственника. Дѣдушка былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Сергѣевнѣ Долгоруковой, получившей въ приданое около тысячи душъ. Троюродный братъ отца его, оберъ-шталмейстеръ и Андреевскій кавалеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ завѣщалъ Николаю Андреевичу, помимо ближайшихъ наслѣдниковъ, жалованное ему имѣніе въ Псковской губерніи. Этотъ Петръ Спиридоновичъ замѣчателенъ по необыкновенному приключенію въ его жизни. Онъ былъ генеральсъ-адъютантомъ при графѣ Павлѣ Ивановичѣ Ягужинскомъ въ то время, когда императоръ Петръ Второй скончался въ Москвѣ, и члены Верховнаго Совѣта рѣшились пригласить Курляндскую герцогиню Анну Іоанновну, съ условіями, ограничивающими ея самодержавіе. Съ этими условіями поѣхали къ ней въ Митаву нѣкоторые изъ верховниковъ, строго запретивъ всѣмъ подъ смертною казнію какія-либо сношенія съ избранной ими новой императрицей, покуда они сами не увидятся съ нею. Но Ягужинскій, желая выслужиться предъ новой государыней, отправилъ къ ней курьеромъ Сумарокова съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ согласиться на всѣ условія, а послѣ уничтожить ихъ царскою властью. Сумароковъ успѣлъ подать письмо до пріѣзда депутаціи, но, къ несчастію, на обратномъ пути попался на встрѣчу верховникамъ, которые нещадно высѣкли его кнутомъ, еле живаго заковали въ цѣпи и отправили въ Москву, гдѣ въ тоже время былъ арестованъ и покровитель его Ягужинскій. Вскорѣ рушились всѣ замыслы верховниковъ. Императрица Анна осыпала своими милостями Сумарокова, который умѣлъ понравиться и фавориту ея Бирону. Петръ Спиридоновичъ продолжалъ службу въ слѣдующія царствованія: при Екатеринѣ II онъ былъ сенаторомъ, оберъ-шталмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ, но осрамилъ свою старость грязнымъ процессомъ съ своей любовницей Анной Гарезиной, у которой хотѣлъ отнять подаренное имъ же самимъ имѣніе и движимость. Гарезина принесла жалобу императрицѣ, и Екатерина II писала въ 1774 году Московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому: «Желая всякому, не смотря на лицо, доставить правосудіе, поручаю вамъ, напередъ позвавъ къ себѣ Петра Спиридоновича, ему сказать, что если оное дѣло подлинно такъ, какъ Гарезина въ своемъ прошеніи пишетъ, то я удивляюсь, что онъ, въ такомъ

чинѣ и въ такихъ лѣтахъ, не старается паче прекратить сего дѣла, но допустилъ его къ своему безславію до судебныхъ мѣстъ» [1]). Конецъ этого дѣла остался неизвѣстнымъ. П. С. Сумароковъ умеръ 12 Декабря 1780 года.

Слыхалъ я и о другомъ, также дальнемъ родственникѣ моего дѣда, сенаторѣ Павлѣ Ивановичѣ Сумароковѣ, который началъ службу въ одномъ полку съ братомъ дѣдушки, Алексѣемъ Андреевичемъ и, будучи старше его чиномъ, оказывалъ ему покровительство. Впослѣдствіи (кажется около 1820 года) Ал. Андр. имѣлъ случай отблагодарить своего прежняго сослуживца и родственника: онъ ссудилъ Павлу Ивановичу довольно крупную сумму денегъ, когда тотъ находился въ нуждѣ, по увольненіи отъ губернаторской должности въ Новгородѣ. Павелъ Ивановичъ не забылъ этой услуги и когда Ал. Андр. прислалъ въ Петербургъ осиротѣвшаго своего внука Николая (сына дяди Петра Николаевича), для помѣщенія его въ артиллерійское училище, престарѣлый сенаторъ и достойная дочь его дѣвица Марья Павловна, приняли и обласкали мальчика, какъ бы близкаго родственника. Онъ пользовался самымъ радушнымъ вниманіемъ ихъ во время своего ученія въ Петербургѣ.

Брачная жизнь Николая Андреевича Сумарокова продолжалась недолго; супруга его Александра Сергѣевна скончалась отъ чахотки 5 Апрѣля 1797 года, въ самый день Пасхи и коронаціи императора Павла. Кончина ея, по разсказамъ очевидцевъ, была очень трогательна. Вполнѣ чувствуя свое положеніе, она готовилась къ смерти какъ добрая христіанка: наканунѣ причастилась Св. Таинъ, благословила дѣтей съ твердостію духа, старалась утѣшить мужа, горячо ее любившаго, и сестеръ его, плакавшихъ у ея постели. Раздался первый звонъ пасхальной утрени; осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказавъ: «Христосъ воскресе», она мирно предала духъ свой Богу. У овдовѣвшаго мужа ея осталось пятеро малолѣтнихъ дѣтей: старшей изъ всѣхъ дочери, Прасковьѣ, было девять лѣтъ; сыновья: Сергѣй, Александръ, Андрей и Петръ были еще моложе; послѣдній даже былъ у кормилицы.

Мать моя, Прасковья Николаевна Сумарокова, росла дома подъ надзоромъ тётокъ; въ особенности одна изъ нихъ, Елисавета Андреевна вполнѣ замѣняла ей мать и послѣ, по кончинѣ старшаго своего брата, перешла на житье въ домъ моихъ родителей. Отецъ ея, а мой дѣдушка, не получившій почти никакого образованія, сознавалъ однако необходимость дать возможно лучшее воспитаніе дочери: ее учили Фран-

---

[1]) Памятники новой Русской исторіи, изд. Кашпиревымъ, т. I, стр. 357.

цузскому, Нѣмецкому и Англійскому языкамъ, Закону Божію; какой-то извѣстный въ то время піанистъ, чуть-ли не Фильдъ, училъ ее музыкѣ, а Іогель—танцамъ. Рано развилась она, и въ 17 лѣтъ слыла одной изъ первыхъ красавицъ въ Москвѣ. Особенно восхищался ея красотой престарѣлый оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ; онъ увѣрялъ всѣхъ, что такой красавицы, какъ Сумарокова, онъ сроду не видывалъ. Семейства обоихъ моихъ дѣдовъ были въ родствѣ между собою: отецъ моей бабушки, графини Александры Николаевны, князь Николай Осиповичъ Щербатовъ былъ родной братъ княгини Варвары Осиповны Долгоруковой, матери другой моей бабки—Сумароковой. Такимъ образомъ обѣ бабки мои были двоюродными сестрами, а дѣти ихъ находились въ троюродномъ или внучатномъ родствѣ. Когда отецъ мой былъ помолвленъ на моей матери, это родство, въ настоящее время легко разрѣшаемое архіерейскою резолюціей, составляло почти неодолимое препятствіе. Митрополитъ Платонъ, на поданномъ ему прошеніи надписалъ: «не дерзаю разрѣшить столь непозволительнаго и незаконнаго брака». И родная бабушка матери моей, княгиня Варвара Осиповна Долгорукова, не хотѣла благословить внучку, несмотря на всѣ просьбы отца ея. «Съ ума ты сошелъ, батюшка! И невѣста мнѣ внучка, и женихъ внукъ: стану я благословлять такую беззаконную свадьбу!». Несмотря на всѣ эти препятствія, бракъ состоялся; вѣнчаніе происходило въ церкви Тихвинской Богородицы, въ Сущевѣ, 5 Іюля 1807 года. Говорятъ, будто священникъ-старикъ, собиравшійся уже на покой, получилъ тысячу рублей. И во время вѣнчанія не обошлось безъ скандала: какія-то барыни кричали въ церкви, что вѣнчаютъ двоюродныхъ, и другъ моего дѣда, Сумарокова, сенаторъ Василій Θедоровичъ Козловъ, долженъ былъ унимать ихъ и, наконецъ, попросту велѣлъ выгнать изъ церкви. Бракъ, совершившійся при такихъ обстоятельствахъ, не обѣщалъ особеннаго счастья, и дѣйствительно оно было непродолжительно. Новобрачные поселились въ домѣ графа Степана Θеодоровича, въ третьемъ этажѣ, въ комнатахъ, великолѣпно отдѣланныхъ въ долгъ. Доходовъ было очень мало: отецъ мой получалъ отъ своего отца по тысячѣ рублей въ годъ, а мать моя имѣла только сто душъ съ весьма небольшимъ количествомъ земли въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи и еще 40 душъ въ селѣ Каменкахъ, въ Александровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, съ маленькимъ флигелемъ, въ которомъ и жить было нельзя. Къ сожалѣнію, покойный отецъ мой не умѣлъ отказывать себѣ въ своихъ прихотяхъ: каждый вечеръ игралъ въ клубѣ и любилъ пить Шампанское съ пріятелями. Долги росли ежедневно. Менѣе нежели черезъ годъ послѣ свадьбы, мать моя прежде времени родила мертваго младенца. За этимъ

выкидышемъ послѣдовали еще три сряду, несмотря на попеченіе знаменитыхъ въ то время врачей, Вильгельма Михайловича Рихтера и доктора моей бабушки, Пфеллера. Бѣдная молодая родильница нѣсколько разъ была при смерти. При тяжкихъ болѣзняхъ ей суждено было испытать сильное горе и притомъ еще не одинъ разъ.

Въ Февралѣ 1809 года скончался дѣдъ мой, графъ Степанъ Ѳедоровичъ и, по завѣщанію его, погребенъ въ Задонскѣ, возлѣ могилы преосв. Тихона, чтимаго нынѣ въ ликѣ святыхъ. Дѣдушка зналъ великаго святителя при жизни его, пользовался его наставленіями и глубоко чтилъ его память. Похоронныя хлопоты, въ Москвѣ, поручены были другому моему дѣду, Сумарокову. Бабушка, отдавая ему ключи отъ сундука, сказала: «Отецъ ты мой, Николай Андреевичъ, похлопочи Бога ради, денегъ не жалѣй, возьми сколько надобно, только чтобы все было прилично». Послѣ я слышалъ, что похороны дѣда, вмѣстѣ съ доставленіемъ тѣла его въ Задонскъ, стоили не болѣе трехъ тысячъ рублей. Мать моя лежала тогда въ постелѣ послѣ перваго выкидыша, но слышала все надгробное пѣніе, потому что тѣло ея свекра лежало въ залѣ подъ ея спальнею. Когда она нѣсколько поправилась, то съ отцомъ моимъ переѣхала на Прѣсню, въ деревянный домъ, подаренный имъ отцемъ моей матери, и вскорѣ послѣ того они поѣхали на лѣто въ село Красное, о которомъ упоминалъ я прежде.

Здѣсь случилось страшное несчастіе. Братья моей матери были въ гостяхъ за нѣсколько верстъ отъ Краснаго, у дяди своего Алексѣя Андреевича, и во время отдыха его послѣ обѣда поѣхали кататься на лодкѣ по Волгѣ. Отъ какой-то неосторожности лодка опрокинулась, и трое юношей потонули. Едва успѣли спасти младшаго изъ нихъ, Петра Николаевича, 14-лѣтняго мальчика. Двое старшихъ—Сергѣй 21 года и Александръ 19 лѣтъ были уже на службѣ въ Московскомъ Архивѣ Иностранной Коллегіи; третьему, Андрею, было 17 лѣтъ. Тѣла ихъ отысканы на другой день далеко отъ мѣста, гдѣ они погибли, и погребены въ селѣ Блазновѣ, принадлежавшемъ дядѣ ихъ.

Не берусь описывать горести отца, внезапно потерявшаго трехъ взрослыхъ сыновей; но, какъ истинный христіанинъ, онъ перенесъ это несчастіе съ примѣрною твердостію: никто не слыхалъ отъ него ропота; нѣсколько дней и ночей онъ провелъ почти въ безпрерывной молитвѣ. Но окружающіе его замѣтили, что послѣ того онъ никогда не произносилъ именъ утонувшихъ сыновей и не бывалъ въ усадьбѣ своего брата, гдѣ совершилась эта ужасная катастрофа.

Не могу умолчать о томъ, что предстоявшее горе было ему предсказано за нѣсколько лѣтъ. Сестры его, постоянно жившія въ домѣ старшаго своего брата, имѣли обыкновеніе ѣздить ежегодно въ Суздаль

для поклоненія св. мощамъ и для посѣщенія одной юродивой, которую онѣ очень почитали. Эта юродивая, по имени Маѳа Яковлевна, имѣла даръ прозорливости, и многія предсказанія ея сбывались. Въ 1804 году дѣдушка вздумалъ поѣхать въ Суздаль вмѣстѣ съ бабушками, но не пошелъ съ ними къ Маѳѣ Яковлевнѣ, потому что не любилъ юродивыхъ и боялся всякихъ предсказаній. Увидѣвъ сестеръ его, блаженная тотчасъ же сказала имъ: «Отчего же братецъ вашъ ко мнѣ не пожаловалъ? Грѣшной Маѳушѣ непремѣнно надо его видѣть». По такому усиленному приглашенію Николай Андреевичъ пошелъ къ ней и услышалъ такія рѣчи: «Всякое добро отъ Бога, и всякое горе отъ Бога, намъ на пользу, на очищеніе грѣховъ. И ты, голубчикъ Николай Андреевичъ, въ горѣ не ропщи на Бога, а молись и предавайся въ Его святую волю». Дѣдушка отвѣчалъ ей, что у него, по милости Божіей, нѣтъ горя. «Коли нѣтъ», сказала она, «такъ Бога благодари; а когда придетъ горе, вспомни про слова грѣшной Маѳуши. Скажи тогда: „Богъ далъ, Богъ и взялъ“. Думаю, что слова юродивой праведницы припомнились въ свое время несчастному отцу.

Твердая душа старика перенесла горе, но тѣло не выдержало. Онъ ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ, и съ наступленіемъ весны легкая повидимому простудная болѣзнь свела его въ могилу. Онъ скончался 4 Мая 1810 года; тѣло его погребено въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ одной могилѣ съ женой его и рядомъ съ могилами родныхъ ея, Долгоруковыхъ. Преосвященный Августинъ, тогда еще викарій Московскій, совершавшій отпѣваніе надъ его тѣломъ, говорилъ послѣ того своимъ знакомымъ: «вчера была память многострадательнаго Іова, и я отпѣвалъ Іова; по имени онъ былъ Николай, а по житію Іовъ».

Послѣ внезапной смерти сыновей своихъ, дѣдушка былъ очень озабоченъ судьбою дочери. Хотя она получила законную часть изъ имѣнія отца и матери, и при четырехъ братьяхъ эта часть казалась достаточною; но теперь, когда остался одинъ только братъ, наслѣдникъ всего имѣнія не только послѣ отца и матери, но и послѣ дяди и тетокъ—отецъ не могъ не чувствовать, что любимая дочь его награждена очень мало. Онъ часто говорилъ объ этомъ съ сестрами и внушалъ сыну, чтобы онъ, когда вступитъ въ совершеннолѣтіе, отдалъ сестрѣ не менѣе 200 душъ изъ Ярославскаго материнскаго имѣнія. Это и было исполнено тотчасъ же по кончинѣ дѣдушки: мать моя получила 240 душъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ и съ того времени постоянно пользовалась доходами; но купчая на это имѣніе выдана гораздо позднѣе, частію потому, что братъ ея еще не былъ совершеннолѣтнимъ, а частію по неимѣнію денегъ на совершеніе акта. Мать моя, какъ вполнѣ отдѣленная дочь, не имѣла никакого права на полученіе новаго наслѣд-

ства; оно было для нея подаркомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ наслѣдственнаго благородства и безкорыстія Сумароковыхъ, въ лицѣ 15-лѣтняго отрока Петра Николаевича. Впрочемъ, она лежала тогда въ постели при смерти послѣ выкидыша, нравственно убитая смертью братьевъ и особенно отца. Мало-по-малу она выздоровѣла, а доходы съ новаго имѣнія дали возможность раздѣлаться съ частію долговъ.

Прошло два года; родители мои продолжали жить зимою въ Москвѣ въ своемъ Прѣсненскомъ домѣ, а лѣтомъ въ принадлежавшей дядѣ Петру Николаевичу деревнѣ Подвязновѣ, близь села Рахманова, по Троицкой дорогѣ. Въ то же время понемногу отстраивали они свою усадьбу въ Каменкахъ.

Въ концѣ лѣта 1811 года мать моя сдѣлалась беременною; по счастію былъ приглашенъ къ ней опытный и внимательный докторъ, профессоръ акушерства въ медико-хирургической академіи, Гавріилъ Петровичъ Поповъ. Несмотря на крайнюю слабость, она 23 Мая 1812 года благополучно родила сына, живущаго до сихъ поръ и пишущаго эти строки. По обѣщанію родителей дать младенцу имя того святаго, въ день памяти котораго онъ явится на свѣтъ, я былъ названъ Михаиломъ. Воспріемниками при крещеніи были: дядя Сумароковъ съ моей бабушкой, графиней Александрой Николаевной, и другой дядя, также несовершеннолѣтній, графъ Петръ Степановичъ съ теткой моей матери, Елисаветой Андреевной Сумароковой. Въ дѣтствѣ я слыхалъ, что бабушка пріѣзжала на крестины въ золоченой каретѣ цугомъ въ шесть лошадей съ двумя лакеями и арапомъ на запяткахъ; родильницѣ она положила подъ подушку двѣ тысячи рублей полуимперіалами.

II.

Мое рожденіе было первою радостью для моей матери послѣ многихъ горестей, слѣдовавшихъ одна за другой; но не долго пришлось ей радоваться: новая бѣда была впереди. Въ Іюлѣ родители мои поѣхали и повезли съ собою новорожденнаго младенца съ кормилицей (взятой изъ той же деревни Подвязнова) въ село Красное къ Сумароковымъ. Война съ Наполеономъ уже началась, но никто не воображалъ тогда, что Французы могли завладѣть Москвою. Все имущество моихъ родителей, даже серебро и шубы, оставалось въ городѣ, подъ надзоромъ надежнаго человѣка, и все это было расхищено. На мѣстѣ дома осталась только груда пепла.

Въ Костромской губерніи, какъ и въ другихъ, составилось ополченіе, въ которомъ отецъ мой принялъ должность адъютанта. Но оно

образовалось такъ поздно и такъ медленно, что успѣло дойдти только до Ярославля и тамъ, за ненадобностью, было распущено по домамъ.

Всю эту зиму мы прожили въ Красномъ, а весною 1813 года поселились на жительство въ Каменкахъ, гдѣ продолжали необходимыя постройки. Бабушка прислала «на погорѣлое мѣсто», какъ писала она, еще двѣ тысячи рублей. Кстати о бабушкѣ. Она за нѣсколько дней до входа Французовъ въ Москву успѣла уѣхать въ Симбирское имѣніе и тамъ прожила до зимы. У нея сгорѣлъ большой каменный домъ на Солянкѣ, оставшійся послѣ дѣда, и все бывшее въ немъ имущество; въ томъ числѣ пропали груды мѣдныхъ денегъ въ погребахъ—остатки прежнихъ откупныхъ доходовъ. Къ этому времени относится одно замѣчательное происшествіе въ семействѣ бабушки. По слабости характера она была постоянно подъ вліяніемъ второй своей дочери, графини Аграфены Степановны, оставшейся на всю жизнь дѣвицею по уродливости тѣлосложенія (у ней было два большихъ горба спереди и сзади), но очень умной и еще болѣе хитрой; она имѣла необыкновенное искусство подводить подъ гнѣвъ матери братьевъ и сестеръ, если сама была ими недовольна. На этотъ разъ, по ея же милости, былъ выгнанъ изъ дому и даже проклятъ матерью одинъ изъ ея сыновей, графъ Θедоръ Степановичъ, отставной гвардіи поручикъ. При началѣ войны онъ снова опредѣлился на службу и пріѣзжалъ передъ походомъ просить прощенія у матери, но мать не пустила его на глаза и не хотѣла благословить. Въ одинъ зимній вечеръ, когда бабушка жила въ Симбирской своей деревнѣ, Аграфена Степановна вдругъ страшно вскрикнула и упала безъ памяти. Когда привели ее въ чувство, узнали, что передъ нею наяву показался братъ ея Θедоръ и погрозилъ ей пальцемъ. Впослѣдствіи получено извѣстіе, что онъ умеръ отъ горячки на походѣ, въ Могилевской губерніи, въ тотъ самый день и часъ, когда явился сестрѣ. Впечатлѣніе ужаса было въ ней такъ сильно, что послѣ того во всю жизнь свою она не могла спать одна въ комнатѣ и часто вскрикивала во снѣ.

Три года безвыѣздно прожили мы въ Каменкахъ; только отецъ мой ѣздилъ иногда въ Москву на нѣсколько дней. Случалось ли въ это время что-либо замѣчательное съ моими родителями или нѣтъ, я, конечно, не могъ помнить; но о слѣдующемъ случаѣ такъ много разсказывали въ моемъ дѣтствѣ, что онъ живо сохранился въ моей памяти. У матери моей было приготовлено 1000 рубл. асс. для уплаты процентовъ за имѣніе въ Сохранную Казну; срокъ платежа уже наступилъ, и отецъ собирался ѣхать съ этими деньгами въ Москву. Вдругъ деньги пропали. Первое подозрѣніе пало на горничную моей матери дѣвушку Дарью, потому что шкатулка съ деньгами стояла въ спальнѣ подъ кро-

ватью. Приводили всѣхъ людей къ присягѣ; виновный не оказался. Тогда люди, служившіе въ домѣ, стали просить позволенія идти въ ближнее село Опарино къ кузнецу-колдуну, по прозванію Вахрулѣ. Отправилось шесть человѣкъ; изъ нихъ одинъ, дворецкій Петръ Львовъ, пошелъ прямо къ колдуну и просилъ указать вора, а прочіе остались на лужкѣ, не доходя до Опарина. Колдунъ сказалъ ему: «укралъ деньги человѣкъ бѣлокурый, кудрявый; онъ теперь куритъ трубку и хохочетъ». По этимъ признакамъ заподозрѣнъ камердинеръ отца, крѣпостной человѣкъ бабушки, по имени Илья; но отецъ не хотѣлъ вѣрить, считая его честнымъ и усерднымъ. Однако нужно было какъ нибудь достать денегъ, и мать моя рѣшилась ѣхать въ с. Богородское, въ 12 вер. отъ Каменокъ, къ своему родному дядѣ по матери, князю Никитѣ Сергѣевичу Долгорукову и просить у него 1000 рубл. взаймы. Онъ далъ охотно, и отецъ мой собрался ѣхать въ Москву, а наканунѣ отъѣзда рѣшился допросить Илью. «Завтра я ѣду въ Москву», сказалъ онъ, «и беру тебя съ собою, чтобы оставить у матушки. Всѣ тебя подозрѣваютъ, и колдунъ указалъ на тебя слишкомъ ясно. Лучше признайся. Если ты признаешься, даю тебѣ честное слово, что матушка ничего не узнаетъ; а если не признаешься, то все разскажу ей, и она навѣрное прикажетъ отдать тебя въ солдаты». Илья упалъ въ ноги, признался и возвратилъ 1000 рубл., спрятанные имъ на чердакѣ. На другой день отецъ поѣхалъ въ Москву, оставилъ Илью у бабушки, но ни слова не сказалъ о кражѣ. Воръ скоро попался въ другой кражѣ, въ Москвѣ, и отданъ въ солдаты. Мать моя, между тѣмъ, повезла деньги обратно къ дядѣ, но онъ не взялъ ихъ и подарилъ ей, сказавъ: «не люблю давать денегъ взаймы, но если далъ, назадъ не беру».

Замѣчаю, что до сихъ поръ я ни слова не сказалъ о семействѣ Долгоруковыхъ, родственномъ моей матери. Родной дѣдъ ея, Сергѣй Никитичъ Долгоруковъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Осиповнѣ Щербатовой. Онъ былъ очень богатъ, едва ли не богаче всѣхъ современныхъ ему Долгоруковыхъ; потому что имѣнія, доставшіяся ему отъ отца, не подверглись конфискаціи при императрицѣ Аннѣ: Онъ умеръ около 1796 года. У него былъ одинъ только сынъ, князь Никита, и четыре дочери. Изъ нихъ княжна Александра была женою моего дѣда— Сумарокова; Марья вышла замужъ за Московскаго оберъ-полицеймейстера, впослѣдствіи Костромскаго губернатора Бориса Петровича Островскаго; княжна Елисавета была за генералъ-маіоромъ Текутьевымъ, и княжна Анна—за полковникомъ Желябужскимъ. Каждая изъ нихъ получила по 1.000 душъ и оставила по себѣ многочисленное потомство. Затѣмъ у брата ихъ осталось еще болѣе 6000 душъ въ разныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ около 1.500 въ Александровскомъ уѣздѣ, съ

двумя селами—Опаринымъ и Богородскимъ. Въ послѣднемъ онъ жилъ всегда лѣтомъ съ своей семьей, состоявшей изъ жены, княгини Екатерины Гавриловны, дочери извѣстнаго князя Гавріила Петровича Гагарина, и двумя дѣтьми: кн. Сергіемъ (род. въ 1810 г.) и княжной Варварой (род. 16 Іюня 1812). Мать его жила вмѣстѣ съ сыномъ и держала его въ строгой подчиненности. Подарокъ его моей матери былъ неслыханной рѣдкостью; при-этомъ онъ сказалъ ей: «Бога ради, не говори матушкѣ; боюсь, что она изволитъ прогнѣваться». Вообще князь Никита Сергѣевичъ, человѣкъ очень ограниченнаго ума, робкій и застѣнчивый, не любилъ помогать роднымъ, въ числѣ которыхъ было не мало бѣдныхъ; но охотно строилъ церкви въ своихъ имѣніяхъ, снабжалъ ихъ капиталами, не жалѣлъ денегъ для монастырей и богадѣленъ.

Село Опарино, съ великолѣпнымъ храмомъ, въ которомъ погребены храмоздатели—дѣдъ и бабка моей матери—Долгоруковы, стоитъ напротивъ нашего Каменскаго дома и очень хорошо видно изъ оконъ. Въ дѣтствѣ моемъ тамошняя церковь казалась мнѣ чудомъ искусства.

Нужно кстати сказать нѣсколько словъ объ Опаринскомъ колдунѣ Вахрулѣ. Онъ выкупился на волю, поступилъ въ Троицкую Лавру, тамъ постриженъ съ именемъ Варлаама и умеръ около 1830 года. Монахи разсказывали, что онъ страшно мучился въ послѣдніе часы и видѣлъ будто-бы діаволовъ, окружавшихъ его постелю. Живя въ Посадѣ, я пыталъ распрашивать его, какъ могъ онъ разгадать покражу, но онъ не сказалъ мнѣ ни слова.

Въ концѣ 1815 года новая беременность моей матери заставила насъ переселиться въ Москву. Нанятъ былъ домъ Римскаго-Корсакова, рядомъ съ которымъ стоитъ теперь Земледѣльческая школа, на Смоленскомъ бульварѣ. Здѣсь 24 Января 1816 года родилась сестра моя Александра. Мнѣ кажется, что я какъ будто помню это время, хотя мнѣ не было еще 4-хъ лѣтъ. Помню, что тогда игралъ я карикатурами на «Бонапарта, изверга человѣчества, Корсиканскаго кровопійцу» и пр.: такова была ненависть къ Наполеону, послѣ недавняго нашествія его на Россію. Были у меня азбучныя карточки съ карикатурами на каждую букву: такъ подъ буквою *В* Французскіе солдаты ѣли и похваливали воронье мясо; а подъ буквою *З* былъ представленъ Наполеонъ, ведущій на помочахъ сына, а впереди бѣгущій заяцъ. Подпись подъ карточкой:

„Гуляй, мой милый сынъ, будь истый Корсиканецъ:
Будь золъ, какъ чортъ; будь подлъ, какъ я, и трусъ какъ заяцъ“.

На другихъ карточкахъ были портреты сподвижниковъ Наполеона въ такомъ порядкѣ: *С*ультъ, *Та*лейранъ, *Д*аву, *О*жеро, *С*авари, *Ви*кторъ,

Ней. При складкѣ ихъ, выходила надпись: Стадо Свиней.—Были и другія складныя карточки, въ которыхъ къ туловищу Наполеона прикладывались разныя головы: тигра, осла, бѣса и т. д. Еще помню деревянныя куклы, изображавшія «злодѣя Бонапарта» въ такомъ же безобразно-смѣшномъ видѣ. Немного позднѣе, я разсказывалъ наизусть цѣлую повѣсть въ стихахъ о 1812 годѣ (кажется сочиненную Грамматинымъ и ходившую по рукамъ въ рукописи). И теперь еще помню нѣсколько отрывковъ. Вотъ напр. донесеніе Кутузова Государю о сдачѣ Москвы:

„Охъ ты гой еси, славный Русскій Царь,
Отворить вели храмы Божіи,
Храмы свѣтлые, златоглавые;
Совершать вели въ нихъ моленія
Ко Царю царей, Вседержителю,
Чтобъ помиловалъ Онъ твой стольный градъ,
До конца на насъ не прогнѣвался.
Нечестивый врагъ, Бонапартъ-злодѣй
Овладѣлъ Москвой, нашей матушкой;
Овладѣлъ, злодѣй, и зоритъ въ конецъ:
Ограбляетъ онъ храмы Божіи
И ругается надъ святынею.
Ровно на сто верстъ ало зарево
Разстилается по синю небу....

А вотъ еще о пребываніи непріятельскихъ войскъ въ Москвѣ:

„И спалилъ злодѣй каменну̀ Москву,
И взалкалъ, злодѣй, какъ голодный волкъ,
Что попался онъ въ сѣть разставленну.
Тошно стало жить въ Каменно̀й ему.
Помянулъ Парижъ, добрый городъ свой:
Тамъ онъ кушалъ все я̀ствы сахарны,
Здѣсь онъ кушаетъ сухари сухи,
Да и тѣ гнилы, размоча въ водѣ,
Да и тѣ съ бою доставать пришлось,
Да и тѣхъ кусать ему нечего.
На разбой кого ни пошлетъ злодѣй,
Николи никто не воротится:
Въ землю всѣ кладутъ буйны головы.
Мрётъ, разбойникъ онъ, смертью гладною.
Всѣхъ воронъ, собакъ переѣлъ въ Москвѣ,
Падаль всякую принялся онъ жрать.
Не похожъ совсѣмъ на живаго сталъ,
Блѣденъ, тощъ, какъ стѣнь, чуть шатается."

Вотъ понятія объ отечественной войнѣ, съ какими росло наше поколѣніе!

Весною 1818 года мы опять изъ Каменокъ пріѣхали въ Москву въ началѣ Марта, а 17 Апрѣля пушечные выстрѣлы возвѣстили рож-

деніе царственнаго младенца. Москва ликовала, и вслѣдъ за нею вся Россія. Казалось, что Россія предчувствовала въ немъ свою славу и счастіе, предчувствовала Освободителя своего народа и Заступника угнетенныхъ единовѣрныхъ намъ племенъ. А у меня, кромѣ общей радости, была своя особенная: двоюродный дядя отца моего, графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой, чрезъ зятя своего, Арсенія Андреевича Закревскаго (впослѣдствіи графа и Московскаго военнаго генералъ-губернатора) выхлопоталъ мнѣ производство въ пажи. Вся мундирная форма для меня поспѣла ко времени крещенія новорожденнаго Великаго Князя Александра Николаевича, и я въ новомъ нарядѣ стоялъ въ этотъ день, вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ и ровесникомъ Николаемъ Линдфорсомъ (сыномъ генерала, убитаго въ Бородинской битвѣ) у дверей залы изъ Николаевскаго дворца въ церковь Чудова монастыря. Мимо насъ прошла императрица Марія Ѳеодоровна,

Скиптродержавныхъ Мать Сыновъ,
Благая Мать сиротъ и вдовъ;

а вслѣдъ за нею статсъ-дама (если не ошибаюсь, княгиня Ливенъ) пронесла на подушкѣ Августѣйшаго младенца. Величественная фигура вдовствующей государыни и привѣтливая, милостивая улыбка ея при взглядѣ на насъ, двухъ малютокъ-пажей, сохранились навсегда въ моей памяти.

Въ этотъ пріѣздъ мы нанимали домъ Протопопова въ Толстовскомъ переулкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома бабушки, купленнаго ею за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и давшаго свое имя переулку. Здѣсь родился братъ мой Николай. Онъ прожилъ только 3 года. Это время мнѣ очень памятно; я часто бывалъ у бабушки. Она очень ласкала и баловала меня. Съ нею жилъ тогда младшій ея сынъ, графъ Петръ Степановичъ и двѣ дочери: графиня Елисавета Степановна, уже овдовѣвшая послѣ брака съ графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ, и описанная выше графиня Аграфена Степановна. Младшая изъ тетокъ моихъ Марья Степановна незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за отставнаго полковника, Василья Алексѣевича Толстаго и жила въ Калужской губерніи.

Остальные члены семьи Толстыхъ по смерти отца разбрелись въ разныя стороны: гр. Степанъ Степановичъ, разжалованный при Павлѣ и прослужившій нѣсколько лѣтъ солдатомъ, сошелъ съ ума и отвезенъ на жительство въ деревню; Ѳедоръ и Всеволодъ Степановичи умерли во время войны; Александръ Степановичъ, женатый на Марьѣ Ивановнѣ Головиной, имѣлъ уже двоихъ дѣтей и служилъ въ Петербургѣ въ Сенатѣ; Николай Степановичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ

Спиридовой, дочери извѣстнаго адмирала, и жилъ у тестя въ Ревелѣ; Михаилъ Степановичъ женился на дѣвушкѣ простаго званія, противъ воли матери, и былъ у нея подъ гнѣвомъ; Андрей Степановичъ служилъ въ гусарахъ. Нѣкоторые изъ дядей моихъ (кто именно, не помню) были тогда въ Москвѣ. Всѣмъ имъ, начиная съ отца моего, очень хотѣлось приступить къ раздѣлу имѣнія, оставшагося послѣ отца ихъ и находившагося въ завѣдываніи матери или, лучше сказать, сестрицы ихъ Аграфены Степановны, а ей этого вовсе не хотѣлось. По ея внушеніямъ, бабушка долго не соглашалась, ссылаясь на несовершеннолѣтіе младшаго сына и на сумасшествіе Степана Степановича. Сверхъ того и сами наслѣдники, вовсе недружные между собою, ни въ чемъ не могли согласиться. Не ранѣе какъ къ концу 1818 года состоялся полюбовный, ко при посредствѣ повѣренныхъ, раздѣлъ, по которому отецъ мой получилъ половину очень хорошаго имѣнья въ Малоархангельскомъ уѣздѣ; другая половина того же самаго имѣнья досталась брату его Александру.

Пріятное извѣстіе объ окончаніи раздѣла отецъ мой получилъ, живя по прежнему въ Каменкахъ, въ домѣ только что оконченномъ постройкою. Этотъ домъ въ своемъ родѣ былъ замѣчателенъ; теперь едва ли можно найдти такой, гдѣ бы то ни было. Онъ весь состоялъ изъ разныхъ пристроекъ, какъ будто прилѣпленныхъ къ небольшому старому дому съ разныхъ сторонъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ въ два этажа, а въ другихъ—въ одинъ. Комнаты были большія, но невысокія; окна маленькія, въ шесть стеколъ. На одномъ концѣ дома были двѣ дѣтскія; на другомъ концѣ очень большая комната—библіотека во всю ширину дома съ Итальянскими окнами и стеклянными дверями и балконами на обѣ стороны; одинъ изъ нихъ выходилъ въ садъ, а другой—на дворъ. За библіотекою, наполненною множествомъ книгъ въ четырехъ огромныхъ шкафахъ, была цвѣточная оранжерея. Изъ двухъ мезониновъ, каждый по четыре комнаты; въ одномъ жилъ отецъ мой, а въ другомъ бабушка Елисавета Андреевна и при ней я, пока не перешелъ еще съ женскихъ рукъ на мужскія.

По страстной любви покойнаго отца моего къ ботаникѣ и садоводству, въ саду нашемъ и оранжереѣ было множество прекрасныхъ цвѣтовъ. Кромѣ того были еще двѣ оранжереи—виноградная и ананасная. Расходы на этотъ предметъ были довольно велики, и долги снова начали возрастать съ каждымъ годомъ.

За садомъ стояла небольшая деревянная, очень ветхая церковь, освященная по благословенію патріарха Іоакима въ 1691 году, въ честь явленія Казанской иконы Божіей Матери. Храмовая икона чтится какъ чудотворная, и въ то время богомольцы, по пути къ Троицѣ, заходили

толпами въ Каменки служить молебны, несмотря на то, что часто не могли добиться входа въ церковь отъ неисправнаго священника, Павла Абрамова. Не стану исчислять здѣсь всѣхъ неприличныхъ его поступковъ; скажу только, что во всю жизнь мою не видалъ священника менѣе достойнаго своего сана. Послѣ неоднократныхъ жалобъ отъ прихожанъ епархіальное начальство перевело его въ другой уѣздъ, а на мѣсто его поступилъ зять его изъ окончившихъ курсъ во Владимирской семинаріи, о. Назарій Добронравовъ, весьма кроткій, трезвый и безкорыстный. Впрочемъ онъ пробылъ у насъ недолго, тяготился земледѣльческими работами и перешелъ въ полковые священники. Послѣ него, въ 1827 году, поступилъ въ Каменки изъ села Кучекъ священникъ Алексѣй Ивановичъ Минервинъ. О немъ буду я говорить послѣ.

Возвращаюсь къ счастливому моему дѣтству. Прелестный нашъ садъ, укромный, гдѣ я игралъ въ лѣтнее время, подъ густыми липами, и еще бабушкины канарейки были первымъ моимъ наслажденіемъ, лучше всякихъ игрушекъ. Что̀ можетъ быть краше и милѣе золотаго дѣтскаго возраста, не стѣсненнаго никакими заботами, ни даже заботою объ урокахъ! Впрочемъ и въ это время я кой-что уже зналъ и кой-чему учился, только не испытывалъ еще труда и безпокойства отъ срочныхъ уроковъ. Когда выучился я читать и писать—не помню; этому научила меня мать моя очень рано; она же выучила меня читать и говорить по-французски. А отецъ, страстно меня любившій, часто по вечерамъ разсказывалъ мнѣ цѣлыя повѣсти изъ Русской исторіи, изъ миѳологіи, изъ исторіи Троянской войны. Память была у меня отличная; все слышанное сохранялось въ ней слово въ слово. Онъ читалъ мнѣ стихи, и я, прослушавши ихъ два или три раза, зналъ ихъ наизусть. Такъ выучилъ я балладу «Людмила» Жуковскаго; «Прощаніе Гектора съ Андромахой» Карамзина и много другихъ Русскихъ пьесъ; а на Французскомъ нѣсколько сценъ изъ «Гоѳоліи и Федры» Расина. Такъ продолжалось года два, пока не наняли мнѣ учителя.

Въ томъ же 1818 году, если не ошибаюсь, а можетъ быть еще ранѣе, ѣздили мы всей семьей въ с. Красное къ Сумароковымъ. Мы ночевали въ Ростовѣ, и въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ случилось мнѣ видѣть отца Амфилохія. Я былъ еще очень малъ, а блаженный старецъ стоялъ уже на порогѣ вѣчности (+1824.) Онъ родился въ 1740 году въ Ростовѣ, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ, а дѣдъ, священникъ с. Порѣчья, принялъ рукоположеніе отъ св. митрополита Димитрія: благословеніе святителя дѣду излилось и на внука его. Въ званіи причетника, а позднѣе діакона, онъ отличался кротостью, искреннимъ благочестіемъ и строгостію жизни. Какъ искусный иконописецъ, онъ находился въ числѣ художниковъ, возобновлявшихъ стѣно-

писаніе Московскихъ соборовъ въ 1770 году, по волѣ Екатерины II. Вскорѣ послѣ того, овдовѣвъ, онъ принялъ монашество и удостоенъ священства. Съ 1780 года началось 40-лѣтнее служеніе о. Амфилохія въ должности гробоваго старца при ракѣ св. Димитрія. Слава, слѣдующая за смиреніемъ, подобно тѣни, вскорѣ сдѣлала его извѣстнымъ не только жителямъ Ростова и окружныхъ мѣстъ, но и богомольцамъ изъ всѣхъ краевъ Россіи, и многія знатныя особы считали себѣ за счастіе быть духовными дѣтьми его. Въ числѣ ихъ была и графиня А. А. Орлова Чесменская. Самъ императоръ Александръ I обратилъ вниманіе на смиреннаго старца, украсилъ грудь его драгоцѣннымъ наперснымъ крестомъ и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ его келью.

Подведя меня къ старцу, стоявшему у раки св. Димитрія, мать моя просила его дать мнѣ наставленіе; старецъ позвалъ всю нашу семью къ себѣ въ келью. Здѣсь онъ довольно долго говорилъ съ моими родителями, но я не вполнѣ понялъ слова его и позабылъ ихъ; замѣтилъ только, что мать моя плакала, слушая о. Амфилохія. Потомъ онъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «умѣешь ли читать, знаешь ли заповѣди?» Читать я умѣлъ, но заповѣди зналъ не твердо. «Помни пока первую и пятую заповѣди: молись Богу усердно и почитай родителей. Читай чаще житія святыхъ: много добраго узнаешь, а чего не поймешь, проси, чтобы тебѣ объяснили». Эти слова неученаго, но богоугоднаго и прозорливаго старца глубоко врѣзались въ моей памяти. Съ того времени я сталъ охотно читать сначала небольшіе разсказы изъ книги Мансветова: «Училище благочестія», а потомъ и самую «Четь-Минею». Любовь къ чтенію житій святыхъ, особенно Русскихъ, осталась во мнѣ навсегда.

Слѣдующій 1819 годъ ознаменованъ былъ въ нашемъ родствѣ свадьбами двухъ моихъ дядей: Петръ Николаевичъ Сумароковъ женился на княжнѣ Прасковьѣ Дмитріевнѣ Черкасской, дочери своего сосѣда по имѣнію, князя Дмитрія Александровича, а графъ Петръ Степановичъ Толстой—на Елисаветѣ Васильевнѣ Ильиной. На первую изъ этихъ свадебъ ѣздили въ Костромскую губернію отецъ мой и бабушка Елисавета Андреевна. За свадебнымъ годомъ слѣдовалъ годъ похоронный: на Свѣтлой недѣлѣ скончалась моя прабабка, княгиня Варвара Осиповна Долгорукова, на 88 году отъ роду, а 10 Мая—бабушка моя, графиня Александра Николаевна. Тѣло первой изъ нихъ привезено для погребенія въ село Опарино; а послѣдняя погребена подлѣ родныхъ своихъ Щербатовыхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ. О прабабкѣ я не жалѣлъ, потому что никогда не видалъ ни ласки, ни гостинца отъ этой скупой и холодной старухи. А бабушки мнѣ было очень жаль, и я горько объ ней плакалъ.

Въ этомъ же 1820 году настало для меня время настоящаго ученья, но нѣсколько лѣтъ сряду мнѣ не было счастья въ учителяхъ. Первымъ отъ нихъ былъ кандидатъ Московскаго университета, бывшій учитель Костромской гимназіи, Петръ Ивановичъ Красильниковъ. Родные мои Сумароковы знали его съ 1812 года, когда онъ, еще будучи студентомъ, пріютился у нихъ въ селѣ Красномъ въ числѣ многихъ бѣглецовъ изъ Москвы. Одна изъ моихъ бабушекъ, Сумароковыхъ, Анна Андреевна, очень строгая и рѣзкая на языкъ, пожилая дѣвица, называла его въ то время «дрянь-человѣкъ». Послѣ, сдѣлавшись учителемъ въ Костромѣ, онъ бывалъ у нихъ довольно часто и даже училъ математикѣ дядю Петра Николаевича. Нельзя было назвать его дурнымъ или злымъ человѣкомъ; но онъ былъ всегда мраченъ, недовѣрчивъ и суровъ. Меня онъ очень полюбилъ, но, при малѣйшей разсѣянности, дралъ за уши и за волосы и колотилъ линейкой по рукамъ. Несмотря на то, я очень къ нему привязался и учился прилежно.

Познаній у него было очень мало и, сверхъ того, къ несчастію, онъ пилъ запоемъ. До сихъ поръ не могу понять, какимъ способомъ онъ пріобрѣлъ довѣренность моей матери и имѣлъ на нее сильное вліяніе; она совѣтовалась съ нимъ обо всемъ и во всемъ ему вѣрила. Подъ личиною благочестія и, притомъ, не простаго, а мистическаго, или, лучше сказать, масонскаго, онъ безпрестанно проповѣдывалъ и давалъ ей для чтенія разныя мистическія книги. Онъ принадлежалъ къ одной изъ масонскихъ ложъ (какъ узналъ я позднѣе, къ ложѣ Ищущихъ Манны, Chercheurs de la Manne). Ложи еще не были тогда закрыты; впрочемъ и по закрытіи ихъ неразрывная связь между такъ называемыми братьями не прекращалась, и они постоянно старались поддерживать другъ друга. Что̀ касается моего ученія, то, сколько могу припомнить, оно ограничивалось преподаваніемъ Закона Божія, ариѳметики, Русской и Французской грамматикъ. Первые три предмета учитель мой зналъ отлично, а о послѣднемъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, даже не умѣлъ правильно читать по-французски, ограничиваясь только тѣмъ, что задавалъ уроки изъ грамматики Перелогова отъ такой-то страницы до такой-то. Но одно, за что я остался ему навсегда благодарнымъ,—это было преподаваніе Закона Божія. Онъ преподавалъ его очень подробно, по катихизису митрополита Платона, со множествомъ объясненій и, сверхъ того, задавалъ на каждый день учить наизусть по главѣ изъ Евангелія и посланій Апостольскихъ. Помню и теперь, что я въ одинъ урокъ выучилъ первую главу изъ Евангелія отъ Луки, въ которой слишкомъ 80 стиховъ. Только при обширной памяти, которою я тогда обладалъ, можно выучивать такіе уроки.

Въ то же время,какъ началось мое ученіе съ Красильниковымъ, меня передали съ женскихъ рукъ на мужскія. Я переселился изъ бабушкинаго мезонина въ нижній этажъ, въ комнату напротивъ той дѣтской, въ которой жила сестра моя съ гувернанткой. Ко мнѣ приставленъ былъ дядька, вольноотпущенный человѣкъ моей бабушки, по имени Иванъ Львовичъ, человѣкъ трезвый, честный и до мелочности точный въ исполненіи своихъ обязанностей. Учившись кондитерскому мастерству, онъ очень искусно клеилъ всякаго рода картонажи и тѣмъ занималъ меня въ свободное время. Ему я обязанъ, между прочимъ, за то, что онъ любилъ читать по вечерамъ Четь-Минею и Прологъ и меня пріохотилъ къ этому чтенію, которое, вмѣстѣ съ уроками изъ Новаго Завѣта, поддерживало во мнѣ христіанскія чувства и знакомило съ церковно-славянскимъ языкомъ.

Однажды отецъ мой поѣхалъ въ Посадъ за какими-то покупками и въ лавкѣ Тарбинскаго (тогда главнаго посадскаго негоціанта) встрѣтилъ молодаго академическаго баккалавра, ознакомился съ нимъ и зазвалъ къ себѣ въ гости. Это былъ экстраординарный профессоръ философіи Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Онъ прогостилъ у насъ въ Каменкахъ, сколько помню, дня два или три и почти все это время провелъ въ библіотекѣ, бесѣдуя съ отцемъ моимъ о разныхъ ученыхъ предметахъ и литературѣ. Конечно, я, какъ ребенокъ, мало понималъ ихъ разговоры, однакожъ замѣтилъ одно: когда батюшка приводилъ въ разговорѣ кощунственные остроты Вольтера и другихъ Французскихъ вольнодумцевъ, Ѳ. А. не отвѣчалъ ему ни слова, но принималъ на себя такой печальный и разстроенный видъ, что собесѣдникъ его скоро прекращалъ непріятный ему разговоръ. Еще помню, что я съ перваго взгляда полюбилъ новаго гостя, хотя наружность его вовсе не была привлекательна для ребенка: близорукій, некрасивый лицемъ, неловкій въ тѣлодвиженіяхъ, онъ сидѣлъ потупившись и не обратилъ на меня никакого вниманія. Говорятъ, что у дѣтей бываютъ предчувствія будущаго добра, какими не одарены взрослые люди; можетъ быть, и меня привлекало такое же предчувствіе къ будущему моему наставнику и благодѣтелю. И это предчувствіе не обмануло меня.

Предъ отъѣздомъ изъ Каменокъ, Ѳ. А. говорилъ со мною, и я попросилъ его написать мнѣ что̀ нибудь на память въ мой маленькій альбомъ. Онъ написалъ слѣдующіе стихи, которые у меня и теперь цѣлы:

Что̀ мнѣ желать, чтобы ты меня помнилъ, любезный?
Помни и крѣпко въ сердцѣ держи Отца человѣковъ.
Помни и тѣхъ, кого, какъ ангеловъ добрыхъ,
Мирныхъ хранителей юности, окрестъ тебя Онъ поставилъ.
Вышній, во славѣ Своей, не сходитъ предъ взоры младенцевъ:
Въ образѣ добрыхъ родителей Онъ имъ себя открываетъ.
Ихъ научившись любить, научишься Бога любить.

Забылъ я сказать, что, прежде поступленія подъ надзоръ дядьки, я былъ около года на попеченіи гувернантки, молодой Нѣмки изъ города Пернау, Каролины Ивановны Лунгренъ, очень умной и ловкой, высокой ростомъ и крайне безобразной; она была ревностной почитательницей моего учителя и по его внушенію приняла православную вѣру, съ именемъ Александры, съ разрѣшенія архіепископа Филарета. Чтобы получить это разрѣшеніе, мать моя, въ Іюнѣ 1822 года, поѣхала съ Королиной Ивановной и со мною къ Троицѣ. Мы ночевали на постояломъ дворѣ; рано поутру пришелъ къ намъ Ѳ. А. Голубинскій и разсказалъ, что въ Академіи сегодня частный экзаменъ изъ церковной исторіи. Я присталъ къ нему съ просьбой, чтобы онъ взялъ меня съ собою на экзаменъ, и онъ по добротѣ своей согласился, хотя зналъ, что входъ на частный экзаменъ постороннимъ не дозволенъ, и послѣ получилъ за это выговоръ отъ ректора, архимандрита Кирилла.

Мы взошли заднею дверью въ обширную академическую залу. Ѳ. А. отдалъ меня на первую парту (скамейку) подъ надзоръ одного изъ студентовъ, а самъ сѣлъ между профессорами. Экзаменъ въ это время уже начался; за столомъ, вмѣстѣ съ молодымъ, только за годъ до того поступившимъ на Московскую каѳедру архіепископомъ Филаретомъ, сидѣли еще два архіерея: Симеонъ Ярославскій, бывшій прежде первымъ ректоромъ Академіи, при открытіи ея въ Лаврѣ, и Парѳеній Владимірскій. Испытаніе было по предмету библейской исторіи; часто слышались мнѣ знакомыя имена, но мало было для меня понятнаго. Когда экзаменъ кончился, ректоръ и наставники стали принимать благословеніе отъ своего владыки, и я, выскочивъ изъ-за парты, подбѣжалъ туда же. Увидѣвъ меня, преосвящ. Филаретъ съ улыбкою спросилъ: «Это кто большой человѣкъ?» (а я былъ очень малъ ростомъ и казался моложе своихъ лѣтъ). Потомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Понялъ ли что̀ нибудь?» Я сконфузился, но отвѣчалъ, что понялъ исторію о Моисеѣ и Фараонѣ и еще объ Іонѣ пророкѣ, котораго рыба проглотила. Преосв. Симеонъ съ улыбкою замѣтилъ: «и этого довольно для его лѣтъ».

Полная довѣренность моей матери къ Красильникову, суровое обращеніе его со мною и безконечные толки его о разныхъ религіозныхъ предметахъ сильно возмущали отца моего. Онъ возненавидѣлъ этого человѣка и при всякомъ случаѣ старался опровергать его сужденія и безъ церемоній доказывалъ, что онъ ничего не знаетъ и ничего неспособенъ понимать. Къ несчастію, отецъ мой въ это время былъ тяжко боленъ. Прежняя привычка къ разгульной жизни, служившая ему для увеселенія въ Москвѣ, теперь, при деревенской скукѣ, обратилась въ пагубную страсть и довела его до опасной болѣзни, отъ которой

онъ чуть не умеръ. Чувствуя себя при смерти, онъ сдѣлалъ, въ Ноябрѣ 1821 года, духовное завѣщаніе, въ которомъ опеку надъ дѣтьми поручалъ дядѣ моему Сумарокову и въ тоже время захотѣлъ примириться съ тѣми братьями и сестрами, съ которыми былъ въ ссорѣ по оконченному незадолго предъ тѣмъ раздѣлу имѣнія послѣ матери. Письма къ нимъ писалъ я подъ диктовку отца.

Спустя три недѣли, двѣ мои тетки, графини Елисавета Степановна Салтыкова и Аграфена Степановна, желая доказать искренность своего примиренія, пріѣхали въ Каменки, а первая изъ нихъ привезла съ собою единственную дочь свою, 17-лѣтнюю Сашу, которая считалась первою красавицей и самою завидною невѣстою въ Москвѣ. Объ ней придется мнѣ говорить подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Тогда отецъ мой, чувствуя себя лучше, еще не сходилъ съ постели. Когда онъ совершенно выздоровѣлъ, прежнее озлобленіе его на моего учителя возобновилось еще съ большею силою. Кстати, Красильниковъ въ это время пилъ запоемъ; отецъ отправился во флигель, гдѣ онъ жилъ, разругалъ его, грозилъ ему своей вязовой палкой и въ тотъ же день выгналъ его изъ Каменокъ. Начались безпрерывныя неудовольствія между моими родителями; я былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ. Кончилось тѣмъ, что отецъ въ темную декабрьскую ночь внезапно уѣхалъ въ Москву и поселился у своихъ сестеръ.

Вскорѣ и мы, т.-е. маменька, бабушка Елисавета Андреевна, я и сестра отправились вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ родители мои скоро примирились, и отецъ сдѣлался здоровѣе. Никогда еще до тѣхъ поръ не видалъ я его такимъ покойнымъ, безъ всякихъ припадковъ вспыльчивости. Мы прожили въ Москвѣ года полтора. У меня не было постояннаго учителя, но приходилъ учить меня по урокамъ нѣкто Константинъ Михайловичъ Китовичъ, студентъ медицинскаго факультета, лѣтъ 50-ти, сѣдой какъ лунь, бывшій учитель Могилевской семинаріи, находившійся при тамошнемъ архіереѣ въ то время, когда Наполеонъ занялъ Могилевъ. Онъ подробно разсказывалъ о томъ, какъ Варлаамъ Шишацкій, прежде бывшій епископъ Волынскій, а тогда архіепископъ Могилевскій, не выѣхалъ, по примѣру другихъ архіереевъ, изъ своего епархіальнаго города при приближеніи Французскихъ войскъ, потому что старался собрать свои капиталы, ввѣренные для торговли жидамъ. Когда непріятельская армія вступила въ городъ, маршалъ Даву потребовалъ отъ архіепископа присяги на вѣрность Наполеону и возношенія имени его съ супругою на эктеніяхъ. Варлаамъ исполнилъ требованіе и приказалъ присягнуть всему духовенству. Съ 13 Іюля во всѣхъ церквахъ Могилевскихъ поминали при богослуженіи «великодержавнаго

государя императора Французовъ и короля Италіи, великаго Наполеона и супругу его, императрицу и королеву Марію-Луизу».

Варлаамъ, удержанный отъ выѣзда сребролюбіемъ, впалъ въ государственное преступленіе изъ страха и изъ побужденій честолюбія: онъ льстилъ себя надеждою, что будетъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ новому Польскому королевству (возстановленіе котораго ожидалось Поляками) главнымъ архипастыремъ православной церкви въ Польшѣ. Какъ бы то ни было, но онъ тяжко обманулся въ своихъ расчетахъ. По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, императоръ Александръ I, въ Декабрѣ того же года, повелѣлъ Св. Синоду удалить архіепископа Варлаама отъ управленія епархіей, а синодальному члену, архіепископу Рязанскому Θеофилакту произвесть на мѣстѣ слѣдствіе о поступкахъ Варлаама во время вражескаго нашествія. Когда преосв. Θеофилактъ представилъ подробно-произведенное имъ изслѣдованіе, Св. Синодъ присудилъ: «архіепископа Варлаама, оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ и измѣнникомъ, лишивъ архіерейства и священства и отобравъ знаки ордена св. Анны 1-й степени, оставить въ монашескомъ чинѣ, а пребываніе имѣть ему въ Черниговской епархіи въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ». По утвержденіи приговора Государемъ, архіепископу Черниговскому Михаилу поручено было произвести «деградацію» архіепископа Варлаама. 29 Іюня 1813 года, въ Черниговскомъ каѳедральномъ соборѣ, при многочисленномъ собраніи духовенства и народа, несчастный старецъ Варлаамъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и въ Анненской лентѣ, былъ поставленъ на амвонъ. Секретарь консисторіи прочелъ высочайше конфирмованное опредѣленіе Синода и, вслѣдъ за тѣмъ, ключарь и протодіаконъ стали снимать постепенно съ бывшаго архіепископа все архіерейское облаченіе, при пѣніи духовенства: «анаксіосъ» (недостоинъ). Такъ слышалъ я о «деградаціи» Варлаама Шишацкаго отъ Китовича. Недавно случилось мнѣ вычитать еще слѣдующія подробности въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1879 года: Варлаамъ провелъ остатокъ жизни въ Спасскомъ монастырѣ простымъ монахомъ, въ тѣсной кельѣ, подъ колокольнею, въ качествѣ будто бы привратника и звонаря. Тамъ онъ горько оплакивалъ свою несчастную долю и отъ слезъ ослѣпъ. Послѣ его смерти (1821) никто изъ монастырской братіи не хотѣлъ жить въ этой кельѣ, считая ее какъ будто проклятой.

Былъ у меня и другой учитель или, лучше сказать, забавникъ, Василій Васильевичъ Бобличъ-Боблицкій, Волынскій уроженецъ, бывшій прежде пѣвчимъ при дворѣ Екатерины II, а потомъ, неизвѣстно какимъ образомъ, директоромъ народныхъ училищъ въ Симферополѣ. Тамъ онъ занялся разрѣшеніемъ невозможнаго вопроса—квадратуры

круга, помѣшался на этомъ предметѣ, бросилъ службу и скитался изъ мѣста въ мѣсто, разсылая во всѣ университеты и академіи свое мнимое рѣшеніе вопроса. Онъ разрѣшалъ его вырѣзками изъ бумаги и картона, то складываньемъ этихъ лоскутковъ, то взвѣшиваньемъ ихъ на вѣскахъ. Каждое утро приходилъ онъ къ намъ и оставался до вечера; часто приносилъ съ собою разныя занимательныя для меня вещи: то микроскопъ, то электрофоръ, то компасъ съ магнитной стрѣлкой, то калейдоскопъ, и занимался со мною разговоромъ и чтеніемъ на Французскомъ языкѣ, который онъ зналъ отлично. Отецъ мой очень любилъ обоихъ этихъ учителей, не подозрѣвая, что они были рекомендованы Красильниковымъ, который служилъ тогда корректоромъ при университетской типографіи, получивъ это мѣсто чрезъ своихъ братьевъ-масоновъ. Самъ же Красильниковъ не смѣлъ казаться на глаза моему отцу.

Въ 1823 году любимая кузина моя Саша Салтыкова вышла замужъ за Павла Ивановича Колошина. Много было у нея знатныхъ и богатыхъ жениховъ, но она всѣмъ имъ предпочла Колошина, красиваго, умнаго, образованнаго молодаго человѣка, состоявшаго подъ особымъ покровительствомъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Веселясь на пышной свадьбѣ, никто не могъ подумать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя вблизи ожидали новобрачныхъ.

Послѣднимъ путемъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ, возвратился отецъ мой съ бабушкой и со мною въ Каменки. Съ нами пріѣхалъ новый учитель, магистръ словесныхъ наукъ Московскаго университета, Иванъ Алексѣевичъ Кобрановъ, человѣкъ очень ученый. А мать моя осталась въ Москвѣ съ сестрой, у которой открылась корь. На страстной недѣлѣ отецъ, нѣсколько лѣтъ не приступавшій къ причащенію св. Таинъ, вздумалъ говѣть; для меня было поразительно видѣть, какія искушенія пришлось выносить ему во время богослуженія: онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, обнаруживалъ нетерпѣніе и послѣ разсказывалъ, что ему во время молитвы непрестанно вспоминаются разныя нечестивыя и богохульныя мысли, вычитанныя имъ прежде въ сочиненіяхъ Вольтера и другихъ Французскихъ вольнодумцевъ, величавшихъ себя философами. По окончаніи говѣнья, эти искушенія отъ него отстали. На святой недѣлѣ посѣтилъ насъ христіанскій философъ, Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Узнавъ отъ отца моего о томъ, что̀ вытерпѣлъ онъ за чтеніе безбожныхъ книгъ, онъ совѣтовалъ не только не заглядывать въ нихъ, но и не держать ихъ при себѣ. Тутъ же при немъ отецъ рѣшился сжечь все нечестивое и неблагопристойное, что̀ было въ его библіотекѣ. Большой костеръ съ книгами пылалъ на дворѣ. Бабушка совѣтовала лучше продать книги, нежели сжечь ихъ; но отецъ отвѣ-

чалъ ей: «Не хочу никому продавать яда; по себѣ знаю, какъ онъ пагубенъ».

Въ Маѣ воротилась къ намъ матушка съ сестрой и гувернанткой. Лѣто провели мы очень пріятно; отецъ былъ постоянно въ веселомъ расположеніи духа, часто сиживалъ въ классной комнатѣ, когда я учился и особенно интересовался преподаваніемъ Латинскаго языка, которое шло очень успѣшно. Однажды, сидя въ классѣ, отецъ сталъ разговаривать съ Кобрановымъ о томъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ приниматься за чтеніе Латинскихъ писателей и тутъ же прибавилъ: а послѣ нужно учить Мишиньку и по-гречески. Послѣ этихъ словъ онъ вышелъ изъ комнаты и скоро возвратился съ Греческой библіей и Киропедіей Ксенофонта, сталъ читать одно мѣсто изъ этой послѣдней книги и удивилъ Кобранова своими познаніями въ древнихъ языкахъ. Онъ какъ будто совершенно переродился, пользовался довольно хорошимъ здоровьемъ, гулялъ вмѣстѣ съ нами, иногда ѣзжалъ къ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ, Кванчехадзевымъ. Это доброе и почтенное семейство жило тогда въ своей деревнѣ Сырневѣ, въ 2 верстахъ отъ Каменокъ. Оно состояло изъ матери, Натальи Сергѣевны, рожденной Вепрейской, двухъ очень молодыхъ дѣвицъ, дочерей ея, и маленькой дѣвочки-внучки Наташи. Старшей дочери Сырневской помѣщицы, Глафиры Николаевны Деревицкой, тогда уже, кажется, не было въ живыхъ, а потому малютка дочь ея воспитывалась у бабушки. О двухъ барышняхъ Кванчехадзевыхъ, особенно же о младшей изъ нихъ Натальѣ Николаевнѣ, мнѣ придется говорить подробнѣе: въ то время она была живою, веселою и очень красивою дѣвицею. Братьевъ ея я тогда еще не зналъ.

Такъ продолжалось до осени. Въ началѣ Ноября учитель мой запилъ, тяжко заболѣлъ и отправился лѣчиться въ Москву. Нужно было найти другаго. Обратились къ Ѳ. А. Голубинскому съ просьбой, нельзя ли пріискать кого-нибудь изъ учениковъ его по Академіи. Оказалось, что всѣ при своихъ мѣстахъ. Почтенный профессоръ предложилъ мнѣ въ наставники самого себя; родители мои охотно приняли его предложеніе, особенно отецъ радовался какъ ребенокъ, что будетъ жить въ Сергіевскомъ Посадѣ и вести знакомство съ учеными людьми. Отсутствіе общества видимо его тяготило. Уже нанятъ былъ въ Посадѣ, на Вифанской улицѣ, домъ Зубкова, и почти всѣ наши пожитки перевезены туда. Оставалось только переѣхать намъ самимъ на новую квартиру.

Здѣсь нужно мнѣ остановиться, чтобы вспомнить лицъ, которыя встрѣчались на пути моей дѣтской жизни и въ Москвѣ и въ Каменкахъ.

Начну съ родныхъ. Помню, что нѣсколько разъ посѣщали насъ въ деревнѣ два родныхъ брата отца моего, графы Андрей и Петръ Степановичи. Первый изъ нихъ, послуживъ съ честью въ войнѣ 1812—1815 годовъ и получивъ много отличій за храбрость, вышелъ въ отставку и проводилъ совершенно праздную жизнь. Единственнымъ его занятіемъ были забавы, шалости и проказы, на изобрѣтеніе которыхъ онъ былъ большой мастеръ. Такъ, однажды онъ отыскалъ въ Каменкахъ заржавѣлую желѣзную пушку и вздумалъ тѣшиться стрѣльбою. Сколько ни совѣтовали ему воздержаться отъ этой потѣхи, довольно опасной по ветхости пушки, онъ никого не хотѣлъ слушать; досталъ пороху, накаталъ глиняныхъ ядеръ и стрѣлялъ въ цѣль. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ онъ вздумалъ чистить пушку, позвалъ шедшаго мимо ключника Өедора Лукина и велѣлъ ему поковырять палкой вмѣсто банника внутри пушки. Тамъ была трещина, въ которой засѣла часть заряда; раздался выстрѣлъ, и бѣднякъ остался навсегда съ изувѣченной рукой.

Другой дядя мой, Петръ Степановичъ, самый младшій братъ и крестникъ отца моего, не имѣлъ такихъ воинственныхъ наклонностей; не одаренный особенно блестящими способностями, онъ былъ человѣкъ скромный, добрый и безукоризненно-честный. Женившись очень рано на дочери генерала Ильина, любимца всесильнаго тогда Аракчеева, онъ передъ свадьбою получилъ званіе камеръ-юнкера, потомъ служилъ въ Кремлевской Экспедиціи и былъ камергеромъ. Послѣ придется мнѣ упоминать о немъ довольно часто.

Дядя мой по матери, Петръ Николаевичъ Сумароковъ, съ женою и двумя своими тетушками, жилъ въ Москвѣ въ 1820 году, и тамъ родился у него первый сынъ Николай. На слѣдующій годъ зимою они всѣ вмѣстѣ заѣхали къ намъ въ Каменки, по дорогѣ въ Москву, куда отправлялись они для вторыхъ родовъ тетушки Прасковьи Дмитріевны. Но до Москвы они не доѣхали: 2 Февраля 1821 года тетушка въ Каменкахъ родила дочь Варвару, причемъ повивальною бабкою была Каменская старуха-крестьянка. Къ крестинамъ пріѣхалъ дѣдъ новорожденной, князь Дмитрій Александровичъ Черкасскій, котораго тутъ я въ первый разъ видѣлъ. Это былъ старикъ въ своемъ родѣ замѣчательный, всегда говорилъ по-французски отборными фразами, держалъ себя какъ маркизъ стараго покроя, всегда въ короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Любимымъ занятіемъ его было сочиненіе писемъ и мемуаровъ на Французскомъ языкѣ; въ рукахъ у него всегда были карты, если не для игры въ бостонъ, то для пасьянса. Впрочемъ во время пребыванія его въ Каменкахъ бостонъ продолжался съ утра и до ночи.

Когда мы жили нѣсколько времени въ Москвѣ въ 1820 году, отецъ мой однажды взялъ меня съ собою къ своему родному дядѣ, графу Николаю Ѳедоровичу Толстому. Только одинъ разъ въ жизни видѣлъ я этого дѣдушку; онъ показался мнѣ хворымъ, слабымъ и весьма древнимъ, хотя ему едва ли было 60 лѣтъ. Его окружала большая семья, въ которой я замѣтилъ очень красиваго мальчика Митеньку (какъ тогда его звали) лѣтъ на шесть постарше меня. Спустя нѣсколько дней съ старымъ дѣдушкой сдѣлался ударъ; отецъ мой поѣхалъ навѣстить роднаго дядю и привезъ съ собою Митеньку, горько плакавшаго о болѣзни отца. Я выложилъ предъ нимъ всѣ свои игрушки, но онъ не обратилъ на нихъ вниманія и продолжалъ плакать; наконецъ и я расплакался вмѣстѣ съ нимъ. Таково было первое знакомство мое съ моимъ двоюроднымъ дядей графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, которому впослѣдствіи я былъ много обязанъ. Но объ немъ рѣчь впереди.

По возвращеніи въ Каменки, мы вскорѣ узнали о кончинѣ дѣдушки, графа Николая Ѳедоровича.

Въ тоже время пріѣхала къ намъ тетушка Варвара Аѳанасьевна, тогда еще вдова Завязкина, оставила у насъ двухъ своихъ дочерей, а сама поѣхала въ Петербургъ, гдѣ вышла замужъ за В. А. Коптева. Милыя ея дѣвочки прогостили у насъ все лѣто, и я очень съ ними подружился. Впослѣдствіи, младшая изъ нихъ, Лиза, вышла замужъ очень рано, за двоюроднаго брата своего вотчима, Николая Николаевича Коптева и умерла въ молодости; а старшая, моя ровесница, Александра Степановна, здравствуетъ доселѣ дѣвицею. Она живетъ въ деревнѣ, близь г. Нерехты, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ за свой зрѣлый умъ, честныя правила жизни и весьма доброе сердце.

Очень часто бывала у насъ въ Каменкахъ и въ Москвѣ пріятельница моей матери, выросшая съ нею, Александра Станиславовна Коризна. Исторія этой женщины очень оригинальна. Отецъ ея, жившій въ Каменецъ-Подольскѣ, штабъ-лекарь Пихельштейнъ, имѣлъ большое семейство. Одну изъ дочерей его, едва отнятую отъ груди, вздумала взять къ себѣ знаменитая въ то время красавица и богачка, графиня Потоцкая. Дѣвочка пробыла у нея не болѣе года; въ это время Потоцкая бросила мужа, а съ тѣмъ вмѣстѣ забыла и дѣвочку въ своемъ имѣніи. Случилось такъ, что въ это время была въ Подольской губерніи тетка моей матери, Елисавета Сергѣевна Текутьева, которой мужъ командовалъ тамъ бригадой; она взяла къ себѣ дѣвочку, но на слѣдующій годъ, часто переѣзжая съ мужемъ изъ одного мѣста въ другое, передала ее на воспитаніе сестрѣ своей, а моей родной бабушкѣ Александрѣ Сергѣевнѣ Сумароковой. Никто не зналъ, чья дочь была эта малютка; не знали также, крещена ли она и въ какомъ вѣро-

исповѣданіи. Съ разрѣшенія митрополита Платона, она крещена съ прибавленіемъ словъ: «крещается, аще не крещена», и названа Александрою. Такимъ образомъ дѣвочка выросла и получила воспитаніе вмѣстѣ съ моею матерью. Незадолго до кончины дѣдушки Николая Андреевича, явился къ нему въ домъ молодой артиллерійскій офицеръ Иванъ Станиславовичъ Пихельштейнъ, который отыскивалъ и здѣсь нашелъ сестру свою. Онъ увезъ ее на Югъ къ отцу, и тамъ она вышла замужъ за офицера Ивана Ивановича Коризну. Чрезъ нѣсколько лѣтъ воротились они въ Москву, и онъ управлялъ имѣніями графа Ѳедора Андреевича Толстаго и зятя его Закревскаго. Между Александрою Станиславовной и моею матерью во всю жизнь продолжалась самая тѣсная дружба, какъ бы между родными сестрами.

Въ шестилѣтнемъ возрастѣ я видалъ иногда въ домѣ бабушки моей, графини Александры Николаевны, родственницу ея, графиню Анну Павловну Каменскую. Въ какой степени они были родня, я не знаю; но обѣ были изъ рода князей Щербатовыхъ и звали другъ друга кузинами. Графиня Каменская была тогда уже вдовою извѣстнаго въ свое время полководца, генералъ-фельдмаршала, графа Михаила Ѳедотовича, убитаго въ деревнѣ дворовыми людьми, съ которыми онъ очень жестоко обращался. Вообще старикъ, какъ говорятъ, былъ очень золъ и позволялъ себѣ всякое самоуправство съ кѣмъ бы то ни было. Дѣда моего, служившаго нѣкогда подъ его начальствомъ, онъ очень любилъ, и когда дѣдушка, на пути изъ Москвы въ деревню, проѣзжалъ чрезъ село Куракино, принадлежавшее Каменскому, старый фельдмаршалъ требовалъ, чтобы вся семья Толстыхъ во многихъ экипажахъ, со множествомъ собственныхъ лошадей и прислуги, непремѣнно заѣзжала къ нему; въ случаѣ же отказа, приказывалъ насильно отпрягать лошадей и бралъ всѣхъ въ плѣнъ на нѣсколько дней. Объ этомъ я часто слыхалъ въ моемъ дѣтствѣ. Когда я видалъ графиню Анну Павловну, она лишилась уже знаменитаго своего сына, графа Николая Михайловича, главнокомандующаго въ Финляндіи и потомъ въ Турціи, гдѣ онъ и скончался. Императоръ Александръ I посѣтилъ вскорѣ послѣ кончины его огорченную мать, чтобы изъявить ей свое сожалѣніе о потерѣ сына. Графиня вздумала сказать ему: «У васъ, Государь, остался братъ его». При этихъ словахъ Государь всталъ и, не простясь ушелъ. Говорили при мнѣ, что этого старшаго сына графини, Сергѣя Михайловича, императоръ терпѣть не могъ, не знаю за что. Въ 1812 году графиня уѣхала отъ Французовъ въ Кострому, гдѣ былъ тогда губернаторомъ Пасынковъ, впослѣдствіи умершій подъ судомъ за взятки. Въ одинъ праздничный день, въ соборѣ, графиня стала на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стояла губернаторша, а эта послѣдняя стала настоятельно тре-

бовать своего мѣста. Тогда графиня, раскрывши шаль, показала ей портретъ двухъ императрицъ, который она носила по званію статсъ-дамы и спокойно сказала: «Не безпокойте меня, а мужа вашего спросите, какъ смѣлъ онъ не явиться ко мнѣ». Въ тотъ же день Пасынковъ явился къ графинѣ и получилъ безцеремонный выговоръ. Послѣ отставки и смерти его, имѣніе бывшей губернаторши было взято въ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами. Послѣ 1812 года графиня переселилась въ Орелъ къ любимому старшему своему сыну, который, вышедши въ отставку, завелъ тамъ театръ и разныя публичныя увеселенія, отъ которыхъ послѣ совершенно раззорился; впрочемъ иногда живала она по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ, въ домѣ своемъ, напротивъ Петровскаго монастыря. Въ 1826 году, не задолго до коронаціи императора Николая I, графиня Анна Павловна подверглась гнѣву государя: управитель ея излишнею строгостію взбунтовалъ крестьянъ, за что графинѣ запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору. Это такъ сразило старуху, что она скоро умерла.

Гораздо ближе зналъ я другую знатную даму стараго времени, графиню Варвару Николаевну Ягужинскую. Она была изъ рода Салтыковыхъ и приходилась племянницей (родной или двоюродной—не знаю) фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову, командовавшему въ Семилѣтнюю войну Русскими войсками. Послѣ побѣды при Кунерсдорфѣ въ 1759 году, императрица Елисавета Петровна, въ видѣ милости къ своему полководцу, пожаловала племянницу его фрейлиною, и 12-лѣтнюю дѣвочку, украшенную шифромъ, привезли на придворный балъ. Въ царствованіе Екатерины II она вышла замужъ. Мужъ ея, генералъ поручикъ, графъ Сергѣй Павловичъ Ягужинскій, былъ сынъ знаменитаго графа Павла Ивановича, любимца Петра Великаго и перваго генералъ-прокурора при учрежденіи Сената. Брачная жизнь графини продолжалась недолго; дѣтей у нея не было, и съ кончиной мужа ея угасъ родъ Ягужинскихъ. Молодая вдова оставила дворъ, поселилась въ доставшемся ей послѣ мужа селѣ Сафаринѣ (въ двухъ верстахъ отъ Рахманова, близъ Троицкой дороги) и прожила тамъ около 70 лѣтъ, до самой смерти. Это село, нѣкогда царское, было пожаловано Петромъ I ея свекру. Тамъ стоялъ уже въ развалинахъ двухъ-этажный каменный домъ, носившій названіе дворца и подлѣ него весьма красивая церковь, въ прежнее время дворцовая, весьма похожая на церковь Троицы въ Филяхъ, близъ Москвы, построенную дѣдомъ Петра, Кирилломъ Поліевктовичемъ Нарышкинымъ. Подлѣ этого небольшаго храма графиня построила для себя деревянный домъ, окруженный прекраснымъ стариннымъ садомъ и провела здѣсь большую часть своей продолжительной жизни.

Въ дѣтствѣ моемъ мнѣ случалось нѣсколько разъ жить подолгу вмѣстѣ съ родителями въ деревнѣ Подвязномъ, верстахъ въ 3 или 4 отъ Сафарина. Покойная графиня была хорошо знакома съ моими бабушками Сумароковыми и меня очень ласкала и жаловала съ самаго ранняго дѣтства. У нея воспитывалась дѣвочка—дочь Троицкаго штабъ-лѣкаря Витовскаго; графинѣ хотѣлось помѣстить ее въ Екатерининскій институтъ, но ея не принимали по недостатку какихъ-то документовъ. Старуха хотѣла непремѣнно поставить на своемъ; она, въ Сентябрѣ 1826 года, поѣхала въ Москву, когда дворъ еще оставался тамъ послѣ коронаціи, пригласила къ себѣ старика князя Юсупова и просила его доставить ей случай представиться императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. При этомъ случаѣ Юсуповъ, состарѣвшійся въ придворной службѣ, вздумалъ совѣтовать ей, какъ нужно одѣться для представленія. Старуха обидѣлась. «Безъ тебя, батюшка, знаю, какъ мнѣ одѣться», сказала она: «молодъ ты меня учить; я тебя еще пажемъ помню» (а этому бывшему пажу было тогда подъ 80 лѣтъ). Въ назначенный день старуха поѣхала во дворецъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ являлась на балы при дворѣ Елисаветы Петровны—въ парчевой робѣ на фижмахъ, съ мушками на лицѣ, съ напудренными волосами. Императрица Александра Ѳеодоровна была поражена появленіемъ такой необыкновенной личности, пригласила Государя и дѣтей, чтобы показать имъ замѣчательный остатокъ старины. Графиню обласкали; дѣвочка Витовская была принята въ институтъ пансіонеркою Государя. Выходя изъ дворца, графиня встрѣтила Юсупова и сказала ему: «вотъ, батюшка, какъ бы я тебя послушала, никто бы на меня и не посмотрѣлъ; а теперь меня приласкали и все по-моему сдѣлали». Это была послѣдняя поѣздка графини Варвары Николаевны въ Москву. Остатокъ жизни она провела въ своемъ Сафаринѣ, сохранивъ до самой смерти крѣпость силъ, память и разсудокъ. Я бывалъ у нея почти каждый годъ и не могъ вдоволь наслушаться разсказовъ ея о старинѣ. Она хорошо помнила послѣдніе годы Елисаветы, смерть Петра III, восшествіе на престолъ Екатерины II и много разсказывала о замѣчательныхъ лицахъ того времени. Она скончалась въ 1840 году, при жизни своей уволивъ Сафаринскихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и передавъ значительную массу сохранявшихся у нея бумагъ въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. По всей вѣроятности, она прожила около ста лѣтъ.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ въ 1823—24 гг., когда мы жили въ Грузинахъ въ домѣ Журюлова, часто бывалъ у насъ князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, родной братъ тетки моей, Сумароковой, молодой человѣкъ, очень образованный, служившій тогда въ Мо-

сковской Гражданской Палатѣ совѣтникомъ. Помню, что однажды, заставъ меня за чтеніемъ I тома Исторіи Карамзина, онъ спросилъ меня, шутя: «разумѣеши ли, еже чтеши?» Я признался, что плохо понимаю начало книги, въ которомъ говорится о Славянахъ до Рюрика, и онъ былъ такъ обязателенъ, что прочелъ со мною эти главы и объяснилъ ихъ такъ, что онѣ сдѣлались для меня вполнѣ понятными. Впослѣдствіи онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскѣ.

Въ томъ же домѣ и почти въ тоже время я первый разъ видѣлъ архіерея въ гостяхъ у моихъ родителей. Это былъ преосв. Досиѳей, архіепископъ Грузинскій, покровитель нашего домохозяина Журюлова, весьма неотесаннаго и неразумнаго Грузинца, племянника и келейника незадолго предъ тѣмъ умершаго Грузинскаго же епископа Пафнутія. Послѣдній по времени изъ бывшихъ Грузинскихъ архипастырей, доживавшихъ свой вѣкъ въ Москвѣ, преосв. Досиѳей былъ человѣкъ умный и довольно образованный. По отзыву митрополита Филарета, слышанному мною гораздо позднѣе, онъ былъ полезенъ въ своемъ краѣ при управленіи послѣдняго католикоса, царевича Антонія, которому онъ былъ лучшимъ помощникомъ. Помню одинъ разсказъ его о Грузинскомъ царѣ (кажется Георгіи XIII). „Къ этому царю пришелъ одинъ бѣдный ремесленникъ съ жалобою на богатаго князя, который не хотѣлъ платить ему долга въ десять золотыхъ. Царь призвалъ князя, и тотъ подтвердилъ, что дѣйствительно долженъ. «Зачѣмъ же ты не платишь, если долженъ?»—«Я великій грѣшникъ, грѣховъ у меня безчисленное множество».—«Не о грѣхахъ рѣчь, а о томъ, что слѣдуетъ тебѣ заплатить долгъ».—«Не могу, государь, ибо въ писаніи сказано: грѣшникъ беретъ въ займы и не платитъ, а праведникъ даритъ и раздаетъ» (Псал. XXXVI, 21). «Вотъ если ты, государь, праведникъ, заплати ему за меня». Царь усмѣхнулся и заплатилъ. Преосвященный Ѳеофилактъ Русановъ, первый экзархъ святѣйшаго Синода въ Грузіи, не взлюбилъ Досиѳея и поспѣшилъ удалить его. «Досиѳей былъ полезенъ и въ Петербургѣ (прибавилъ митрополитъ Филаретъ) многими объясненіями о состояніи церкви въ Грузіи и о злоупотребленіяхъ Ѳеофилакта».

Отъ архіерея перехожу къ священнику. Еще при жизни покойнаго дѣда моего, графа Степана Ѳедоровича, хаживалъ къ нему по вечерамъ одинъ приходскій діаконъ читать Четь-Минею и другія духовныя книги. Незадолго до 1812 года, этотъ діаконъ С. І. С—въ сдѣлался священникомъ при одной изъ Московскихъ церквей. Благочестивою жизнію, даромъ слова и умѣніемъ вліять на совѣсть другихъ, онъ пріобрѣлъ большую извѣстность въ Москвѣ и имѣлъ много духовныхъ дѣтей. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ обществу Московскихъ ма-

соновъ; но достовѣрно, что они питали къ нему необыкновенное уваженіе и въ день именинъ его, 3 Февраля, собирались къ нему поголовно. Мать моя познакомилась съ нимъ, по совѣту Красильникова, тайно исповѣдывалась у него и исполняла всѣ его наставленія, но скрывала это отъ мужа, который терпѣть не могъ масонства и масоновъ. Уѣзжая въ деревню лѣтомъ 1824 года, она упросила о. С. пріѣхать въ Каменки изъ Лавры, куда онъ ѣздилъ ежегодно на публичные экзамены въ академіи, по званію «внѣшняго члена» академической конференціи. Отецъ мой принялъ учтиво гостя, пріѣхавшаго будто бы напомнить ему старое знакомство, даже подарилъ ему одну довольно рѣдкую книгу Іосифа Флавія, на Латинскомъ, въ листъ, со множествомъ рисунковъ; но по отъѣздѣ его сказалъ мнѣ: «берегись масоновъ».—«А что это за люди?» спросилъ я съ дѣтскимъ простодушіемъ». «Послѣ разскажу тебѣ; еще будетъ время», отвѣчалъ онъ.

Но увы! для отца моего оставалось уже слишкомъ мало времени: его ожидала вѣчность. Когда мы собирались переѣзжать изъ деревни въ Посадъ, онъ тяжко заболѣлъ тою болѣзнію, которою страдалъ нѣсколько разъ прежде—воспаленіемъ въ желудкѣ и кишкахъ. Заботы лѣкаря, удачно помогавшаго ему въ прежнее время, на этотъ разъ оказались тщетными. Послѣ пятидневныхъ страданій больной скончался, напутствованный причащеніемъ св. Таинъ и съ молитвою на устахъ. Послѣднее слово его было изъ любимаго имъ акаѳиста: «Іисусе сладчайшій, спаси мя»! (19 Февраля 1825 года).

Не могу разсказать впечатлѣнія, какое произвела на меня смерть отца. Это было для меня первое сильное горе, потому что въ послѣдній годъ его жизни я привязался къ нему всею душею. Какое-то необъяснимое предчувствіе твердило мнѣ, что я понесъ невознаградимую утрату, и это предчувствіе сбылось на дѣлѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ.

При отпѣваніи тѣла будущій наставникъ мой Ѳ. А. Голубинскій произнесъ трогательное и глубокомысленное слово изъ текста: «аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла». Оно было напечатано уже по кончинѣ его, въ духовномъ журналѣ: «Странникъ», въ 1865 году.

Тѣло отца моего было погребено за жертвенникомъ Каменской деревянной церкви. На другой день послѣ похоронъ мы выѣхали изъ деревни.

III.

Сергіевъ Посадъ, куда мы переселились 24 Февраля 1825 года, составился изъ слободъ, окружающихъ одну изъ знаменитѣйшихъ обителей иноческихъ въ Россіи, Святотроицкую Сергіеву Лавру. Говорить

объ ней считаю излишнимъ: кому же изъ православныхъ Русскихъ не извѣстна, хотя по слуху, лавра преп. Сергія Радонежскаго? Но я долженъ сказать нѣсколько словъ о помѣщающейся въ Лаврѣ Московской Духовной Академіи, въ то время еще мало извѣстной, такъ что нѣкоторые, даже изъ образованнаго класса людей, не умѣли различать ее отъ духовныхъ семинарій.

Открытіе этого высшаго училища духовныхъ наукъ совпадало съ окончаніемъ перваго курса преобразованной по новому уставу С.-Петербургской Духовной Академіи. Академія Московская была открыта 1 Октября 1814 года и помѣщена въ зданіяхъ, занимаемыхъ прежде Лаврской Семинаріей; къ нимъ присоединенъ былъ корпусъ, называемый царскими чертогами, и вновь пристроенъ былъ такъ называемый инспекторскій корпусъ. Въ то время, когда мы переѣхали въ Посадъ, въ Академіи продолжался 5-й курсъ воспитанниковъ. Но сначала я не имѣлъ ничего общаго съ Академіей; единственное знакомое мнѣ лице въ академическомъ кругѣ былъ мой почтенный наставникъ.

Теперь, достигнувъ старости, могу сказать искренно, что не встрѣчалъ въ жизни моей ни одного лица, болѣе достойнаго уваженія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе привлекательнаго, болѣе симпатичнаго, какъ Ѳ. А. Голубинскій. Уроженецъ г. Костромы, сынъ псаломщика (впослѣдствіи священника), Ѳ. А. поступилъ въ Академію, при самомъ открытіи ея, изъ Костромской Семинаріи, на 17 году отъ роду, и кончилъ курсъ по списку 3-мъ магистромъ. Въ то время профессоромъ философіи въ Академіи былъ В. И. Кутневичъ, который оставилъ по себѣ воспоминаніе какъ о весьма даровитомъ и трудолюбивомъ наставникѣ. Ѳ. А. былъ любимымъ его ученикомъ и первымъ его адъюнктомъ. Съ 1818 по Сентябрь 1822 года Голубинскій преподавалъ исторію системъ философскихъ, а позднѣе—метафизику и нравственную философію. По выходѣ изъ Академіи Кутневича, онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ философіи и съ тѣхъ поръ открывалъ каждый курсъ, состоявшій тогда изъ двухъ лѣтъ, въ такъ называемомъ «низшемъ отдѣленіи», чтеніемъ введенія въ философію; затѣмъ преподавалъ на первомъ году метафизику, а на второмъ исторію древней философіи.

Въ изслѣдованіяхъ о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣческой Голубинскій держался системы Канта, хотя и предпочиталъ ему Якобія; этотъ послѣдній, Баадеръ и Зайлеръ нравились ему особенно по религіозному направленію. Пробнымъ камнемъ мудрости человѣческой было для Голубинскаго Божественное Откровеніе. Первую лекцію онъ начиналъ чтеніемъ изъ книгъ Соломоновыхъ. Развивая начала древней мудрости, онъ признавалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми отцами и учителями Церкви, что все лучшее въ ученіи древнихъ философовъ не могло истекать изъ са-

мостоятельной дѣятельности разума, но было заимствовано отъ Іудеевъ, получившихъ Божественное Откровеніе. Съ этой именно стороны замѣчательна особенная привязанность его къ философіи древнихъ Китайцевъ, Индусовъ и Зороастра. Эти трактаты были обработаны у него съ особенной тщательностью; при изученіи ихъ оказывались въ ученіи древнихъ Азіатскихъ мудрецовъ такіе проблески идей и нравственныхъ понятій, на которыхъ позднѣйшая философія основала свои выводы и нравоученія. При такомъ взглядѣ на науку Голубинскій не могъ питать исключительнаго довѣрія къ авторитету позднѣйшихъ основателей разныхъ философскихъ ученій и открывалъ вліяніе философіи Востока на многія новѣйшія системы. Слѣдя за современнымъ ходомъ науки, онъ обличалъ недостатки новыхъ Германскихъ умствованій, облеченныхъ туманомъ отвлеченности. Такъ о Шеллингѣ говорилъ онъ, что этотъ философъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Когда система Гегеля надѣлала такъ много шуму въ Европѣ, и у насъ появилось немало поклонниковъ ея, Ѳ. А. увлекательно говорилъ съ каѳедры, поражая новое ученіе оружіемъ слова, укрѣпленнаго зрѣлымъ знаніемъ мудрости всѣхъ временъ и силою Слова Божія. Гегель, по его мнѣнію, хотя признавалъ развитіе, но не могъ разрѣшить вопросовъ: какъ изъ предыдущаго развивается послѣдующее, откуда берется новое въ жизни и гдѣ источникъ этому истеченію? Отвѣтъ можетъ быть данъ только тогда, когда въ основу развитія полагается полнота бытія; а у Гегеля бытіе равно небытію, и даже самое бытіе, по его же собственному выраженію, составляетъ плохую неоконченность (ist eine schlechte Unendlichkeit).

Любимымъ предметомъ умственной психологіи для христіанскаго мыслителя было ученіе о безплотныхъ духахъ и о состояніи души человѣческой по разрѣшеніи отъ тѣла. Онъ собиралъ древнія преданія, разсѣянныя у послѣдователей Талмуда и Кабалы, разсказы о ясновидящихъ, о явленіяхъ изъ духовнаго міра, сочиненіяхъ Мейера и Кёрнера. Книгу послѣдняго: «Die Seherin von Prevost» онъ всю перевелъ на Русскій языкъ. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ ставилъ мѣриломъ истины ученіе православной церкви: въ домашнихъ его выпискахъ первое мѣсто между проявленіями загробной жизни занимаютъ видѣнія блаженной Ѳеодоры и отроковицы Музы.

Философскія изслѣдованія Голубинскаго отличались направленіемъ ѳеологическимъ; но это направленіе не имѣло ничего общаго съ созерцаніями Бёма и Шведенборга, которымъ онъ никогда не сочувствовалъ, несмотря на то, что любознательность сблизила его съ современными ему масонами, почитавшими Бёма однимъ изъ лучшихъ своихъ учителей. Ученіе Голубинскаго ближе подходитъ къ духу Баадера,

за исключеніемъ того, что нашъ мыслитель предоставлялъ разуму болѣе правъ на изслѣдованіе истины и не превращалъ философскаго ученія въ богословское: какъ религіозныя его убѣжденія никогда не встрѣчали противорѣчій со стороны изложенія предметовъ выше-опытныхъ, такъ и умственныя изслѣдованія не были стѣсняемы богословскимъ догматизмомъ.

Таковъ былъ знаменитый мой наставникъ въ ту лучшую эпоху моей жизни, когда я началъ пользоваться его уроками, хотя онъ еще не обладалъ тою извѣстностью, которую невольно пріобрѣлъ позднѣе не только въ Россіи, но и въ Европѣ; тогда еще не зналъ его Шеллингъ, который впослѣдствіи спрашивалъ каждаго Русскаго, приходившаго къ нему: «знакомы ли вы съ ученіемъ философа Голубинскаго?»

Конечно, при началѣ моего ученья, я не могъ постигать всѣхъ достоинствъ моего учителя; многія изъ нихъ открылись мнѣ позднѣе. Но уваженіе и любовь къ нему услаждали для меня и самое ученіе. Онъ приходилъ ко мнѣ ежедневно, хотя и въ неопредѣленные часы, и каждый урокъ его продолжался не менѣе двухъ часовъ. Иногда, въ свободное, послѣобѣденное время, онъ гулялъ со мною на Корбухѣ (гдѣ теперь Геѳсиманскій скитъ) или по монастырской оградѣ; въ такихъ прогулкахъ назидательная бесѣда его съ избыткомъ дополняла классное ученіе.

Предметы моего ученія были очень разнообразны: въ первый годъ Русская словесность или, по тогдашнему, риторика, Латинскій языкъ, всеобщая и Русская исторія, переводы съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и грамматика послѣдняго изъ нихъ. Наставникъ мой зналъ хорошо Французскій языкъ, но не могъ говорить на немъ; Нѣмецкій языкъ онъ зналъ еще лучше, преподавалъ его въ академіи и совершенно свободно объяснялся на немъ съ иностранцами. Со втораго года и далѣе прибавились еще: всеобщая и церковная исторія, Греческій языкъ, геометрія и алгебра, логика и психологія, наконецъ Еврейскій языкъ. Послѣднему я учился такъ мало, что только умѣлъ читать и кое-какъ переводить, не выпуская изъ рукъ лексикона. Науки математическія мнѣ давались туго и плохо; во всѣхъ прочихъ предметахъ я шелъ очень бойко, по милости богатой памяти, которою одарила меня природа. Закона Божія я уже не училъ, а только передъ поступленіемъ въ университетъ прочиталъ нѣсколько разъ катихизисъ Филарета, чтобы не сконфузиться на экзаменѣ. Также не учился я и священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, оставшись при тѣхъ знаніяхъ, которыя пріобрѣлъ еще въ младенчествѣ по картинкамъ. Не учился я географіи политической, а самъ изъ любопытства знакомился съ ландкартой Евро-

пы передъ экзаменомъ. Географію математическую я проходилъ прежде съ Красильниковымъ.

Первое время по переселеніи въ Посадъ, не столько Академія, сколько Лавра произвела на меня сильное впечатлѣніе. Съ самаго дѣтства я любилъ торжественность въ церковной службѣ и старался изучить церковный уставъ; съ восхищеніемъ раза два или три видѣлъ архіерейское служеніе. Стройная, неспѣшная служба и превосходное пѣніе монаховъ въ Троицкомъ соборѣ привлекали меня до такой степени, что я радовался, какъ какому нибудь удовольствію, когда отправлялся съ маменькой и бабушкой къ обѣднѣ. Мало-по-малу успѣли мы ознакомиться съ главными лицами Лавры.

Тогдашній намѣстникъ Лавры и настоятель Виѳанскаго монастыря архимандритъ Аѳанасій, старецъ доброй жизни, весьма кроткій, радушный и снисходительный ко всѣмъ, очень скоро сблизился съ моею матерью и бывалъ у насъ довольно часто. Онъ былъ изъ неученыхъ ремесломъ иконописецъ, долго завѣдывалъ иконописною школой при митрополитѣ Платонѣ и образовалъ нѣсколько искусныхъ учениковъ, между которыми лучшимъ былъ художникъ Малышевъ, заступившій мѣсто Аѳанасія въ завѣдываніи школою. Прежде намѣстники Лавры назначались изъ префектовъ Лаврской Семинаріи, или изъ числа другихъ ученыхъ монаховъ. Когда архимандритъ Никаноръ Клементьевскій (окончившій жизнь въ санѣ митрополита Новгородскаго и Петербургскаго) изъ намѣстниковъ Лавры поступилъ въ должность ректора Виѳанской Семинаріи и получилъ въ управленіе Петровскій монастырь, архіепископъ Московскій Августинъ, по совѣту пріѣзжавшаго тогда въ Лавру ревизора, доктора богословія, архимандрита Филарета (впослѣдствіи знаменитаго митрополита Московскаго) назначилъ намѣстникомъ Лавры Аѳанасія, въ 1818 году. Отъ о. Аѳанасія мнѣ случалось слыхать анекдоты о митрополитѣ Платонѣ и его управленіи; иногда онъ показывалъ мнѣ рисунки прежней своей работы, въ числѣ прочихъ рисунокъ митры, заказанный ему Платономъ, съ тѣмъ, чтобы на митрѣ изображенъ былъ «весь рай». Иконописецъ не могъ разрѣшить такой мудреной задачи, но посовѣтовался съ учителемъ Лаврской Семинаріи, Василіемъ Михайловичемъ Дроздовымъ (тѣмъ же Филаретомъ впослѣдствіи), и Дроздовъ научилъ его сдѣлать такъ: на верху митры поставить образъ Троицы, окруженный ангельскими ликами; спереди изобразить распятаго Спасителя съ Богородицей и Предтечею по сторонамъ, а прочее пространство митры занять образами пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ и другихъ святыхъ. Эта митра и теперь хранится въ Виѳанской ризницѣ. Въ управленіи Лаврой добрый

старецъ былъ слишкомъ снисходителенъ; когда говорили ему, что нужно держать монаховъ построже, онъ отвѣчалъ: «Охъ окаянные, окаянные, измучили они меня! А взыскивать не могу: самъ я всѣхъ грѣшнѣй». Онъ скончался уже по переѣздѣ нашемъ въ Москву, 23-го Февраля 1831 года. Послѣдняя болѣзнь о. Аѳанасія продолжалась недолго и не казалась опасною; но онъ имѣлъ какое-то предвѣщаніе о приближающейся кончинѣ. Въ послѣдній день его жизни, когда ректоръ Академіи архимандритъ Поликарпъ (рѣчь о немъ будетъ впереди) зашелъ къ больному и шутя звалъ его къ себѣ на имянины, о. Аѳанасій съ веселымъ лицемъ отвѣчалъ ему: «сегодня же я званъ на другой праздникъ; оттуда уже не ворочусь сюда». И дѣйствительно, во время обѣда у ректора-имянинника, удары въ царь-колоколъ возвѣстили о смерти намѣстника. Тѣло о. Аѳанасія погребено за алтаремъ Сошественской церкви.

По слабости характера о. Аѳанасія и неопытности его въ хозяйственной части, все хозяйство Лавры, а особенно строительное дѣло, были переданы въ полное распоряженіе казначея Арсенія, къ которому митрополитъ Филаретъ имѣлъ полное довѣріе. Онъ построилъ большую каменную гостинницу, которая тогда называлась новой, а теперь зовется старой, и нѣсколько другихъ строеній. Въ награду за полезную дѣятельность онъ получилъ санъ архимандрита и званіе настоятеля Коломенскаго Голутвина монастыря, не оставляя должности казначея Лавры до 1828 года, когда былъ переведенъ въ первоклассный Иверскій монастырь; тамъ вскорѣ онъ умеръ, оставивъ своимъ роднымъ очень много денегъ, нажитыхъ имъ въ Лаврѣ.

Преемникомъ Арсенія въ должности казначея былъ ризничій іеромонахъ Ѳеофилъ, котораго о. намѣстникъ Аѳанасій очень любилъ и почти всегда привозилъ съ собою къ моей матери. Онъ былъ человѣкъ тихій и скромный, но безъ всякаго образованія, что̀ было особенно замѣтно, когда онъ показывалъ ризницу посѣтителямъ. Такъ, напримѣръ, показывая крестъ, присланный преп. Сергію отъ патріарха Филоѳея, онъ всегда прибавлялъ, что этотъ крестъ сдѣланъ изъ жезла, которымъ Моисей разсѣкъ Чермное море. Онъ былъ послѣ архимандритомъ Тверскаго Отроча монастыря и умеръ на покоѣ въ Лаврѣ.

Между лаврскими старцами былъ особенно замѣчателенъ гробовой іеромонахъ Іона, прежде бывшій протоіерей университетской церкви въ Москвѣ. Онъ окончилъ курсъ въ прежней Лаврской Семинаріи, порядочно зналъ по-латыни и страстно любилъ писать стихи, которые впрочемъ выходили всегда очень неудачны.

Свои вирши онъ полагалъ на музыку, заставлялъ пѣть вмѣстѣ съ собою своихъ многочисленныхъ духовныхъ дочерей, пріѣзжавшихъ

къ нему изъ Москвы, и любилъ раздавать свои произведенія всѣмъ, кто посѣщалъ его. Чтобы имѣть всегда достаточное количество экземпляровъ для раздачи, онъ очень часто обращался къ инспектору Виѳанской Семинаріи Ѳеодотію съ просьбой, заставить семинаристовъ переписать 10, 20 листковъ «моей поэзіи», какъ онъ говорилъ. Ѳеодотію надоѣло наконецъ это порученіе и онъ прибавилъ на смѣхъ къ одному канту такой послѣдній куплетъ:

Сіи стихи сложилъ многими трудами,
Но не слишкомъ вѣрными риѳмами
Строгій блюститель лаврска закона,
Старецъ Іона.

Этотъ эпилогъ огорчилъ старца, и онъ пересталъ обращаться къ Ѳеодотію. Впрочемъ, не смотря на эту странность, о. Іона пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою доброту, сострадательность и безкорыстіе, а въ особенности за необыкновенный подвигъ, незадолго передъ тѣмъ имъ совершенный. Говорятъ, что преосв. Августинъ обѣщалъ сдѣлать его намѣстникомъ Лавры, но по совѣту Филарета, предпочелъ ему Аѳанасія. Обманутый въ ожиданіи почетнаго положенія и обиженный тѣмъ, что неученый іеромонахъ сдѣлался его начальникомъ, Іона не надѣялся вытерпѣть свое неудовольствіе безъ ропота, а потому наложилъ на себя безусловное молчаніе. Этотъ подвигъ онъ выдержалъ въ теченіи 7 лѣтъ и только наканунѣ Рождества Христова въ 1824 году, въ первый разъ далъ разрѣшеніе своему языку, запѣвъ громогласно кондакъ: «Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ». Послѣ того онъ сдѣлался необыкновенно разговорчивъ, такъ что о. намѣстникъ говорилъ о немъ: «теперь о. Іона хочетъ наговориться вдоволь за всѣ тѣ годы, когда молчалъ». Отецъ Іона былъ духовникомъ всей братіи; у него же исповѣдывались моя мать, бабушка и сестра. Онъ скончался въ глубокой старости около 1835 года и погребенъ въ Лаврѣ, недалеко отъ могилы о. Аѳанасія.

Въ тоже время были въ Лаврѣ другіе старцы, достойные уваженія. У меня въ памяти сохранились: Леонтій, Игнатій, схимники Матѳей и Харитонъ.

Леонтій, родомъ изъ Болгаръ, постриженникъ монастыря Хиландаря на Аѳонѣ, едва ли не тайный схимникъ, жилъ въ Лаврѣ съ 1810 или 1811 года. Объ немъ я слышалъ любопытный разсказъ отъ преосвященнаго Самуила, епископа Костромскаго, бывшаго намѣстникомъ Лавры при митрополитѣ Платонѣ. «Весною 1812 года (такъ говорилъ при мнѣ Ѳедору Александровичу преосв. Самуилъ) я поѣхалъ въ Виѳанію къ владыкѣ съ докладомъ, кого прикажетъ онъ поставить въ ча-

совню Божіей Матери [1]), на мѣсто умершаго монаха? Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ непонятными рѣчами о какомъ-то монахѣ, который идетъ къ намъ съ Аѳонской горы. Чрезъ нѣсколько времени я опять доложилъ владыкѣ о томъ же, и получилъ тотъ же отвѣтъ. Признаюсь, я подумалъ, что владыка нашъ отъ старости забывается и не помнитъ что̀ говоритъ, тѣмъ болѣе, что тогда у насъ была война съ Турками, и всѣ пути сообщенія были прерваны. Но что же вышло? Вдругъ является ко мнѣ монахъ-болгаринъ, по имени Леонтій, съ паспортомъ генерала Кутузова (впослѣдствіи князя Смоленскаго). Оказалось, что этотъ монахъ отправился изъ Аѳонской Лавры въ нашу, по особому откровенію во снѣ, и сверхъ всякаго чаянія благополучно прошелъ мимо Турецкой арміи въ нашу главную квартиру къ главнокомандующему. Когда я доложилъ о томъ владыкѣ, онъ сказалъ: «помнишь, я говорилъ тебѣ объ Аѳонскомъ монахѣ?» Тогда только я понялъ, что слова нашего великаго архипастыря были не безсознательны, а пророчественны, и поставилъ Леонтія въ часовню». Такъ разсказывалъ при мнѣ преосв. Самуилъ, въ своемъ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ Іюлѣ 1825 года. От. Леонтій прослужилъ въ часовнѣ до глубокой старости. Иногда видали его по ночамъ молящимся подъ окномъ запертой часовни снаружи, при свѣтѣ лампады, которая неугасимо теплится предъ чудотворною иконою. По глубокому смиренію, онъ жилъ и умеръ простымъ монахомъ.

Игнатій, также простой монахъ (въ мірѣ Иванъ Ермолаевъ, штатный служитель Лавры, ремесломъ маляръ) зажигалъ стаканчики на позолоченной верхней чашѣ огромной Лаврской колокольни во время пріѣзда императора Павла I, въ Маѣ 1797 года. По неосторожности, онъ упалъ оттуда, но не долетѣвъ до земли, повисъ, зацѣпившись спиной за острыя желѣзныя украшенія втораго яруса. Его сняли безъ чувствъ, но безъ всякаго поврежденія; только на спинѣ сохранился навсегда рубець отъ разодранной кожи. Послѣ того онъ поступилъ въ число Лаврской братіи. Въ мое время онъ жилъ въ Лаврской больницѣ и служилъ пономаремъ при церкви Зосимы и Савватія. Онъ едва зналъ грамотѣ, но любилъ читать отеческія писанія и особенно книгу «Добротолюбіе». Изъ этихъ источниковъ старецъ очень удачно дѣлалъ выписки, располагая ихъ на отдѣльныхъ листахъ, смотря по содержанію; такъ, на одномъ листѣ говорилось о смиреніи, на другомъ о терпѣніи и т. д. Эти листы смиренный монахъ подносилъ иногда Ѳ. А.

---

[1]) Часовня подлѣ Троицкаго Собора, гдѣ находится икона явленія Богоматери чудотворцу Сергію и почиваютъ подъ спудомъ мощи святителей Іоасафа и Серапіона и преп. Діонисія.

Голубинскому, и не менѣе смиренный философъ принималъ ихъ съ уваженіемъ и благодарностью, потому что дорожилъ каждою доброю мыслію, гдѣ бы она ни попалась.

Схимонахи Матѳей и Харитонъ сдѣлались болѣе извѣстными уже по смерти. Я засталъ ихъ еще при жизни: первый изъ нихъ, іеромонахъ Михаилъ, бывшій прежде духовникомъ Лаврской братіи, отличался глубокимъ смиреніемъ и строгимъ постничествомъ. Избѣгая почтенія отъ людей, онъ иногда притворялся юродивымъ, за что и былъ смѣненъ изъ духовниковъ. Иногда онъ какъ будто предсказывалъ, и предсказанія его нерѣдко сбывались. Такъ и мнѣ, еще мальчику, онъ сказалъ однажды, что у меня будетъ жена Елисавета Петровна. Я вообразилъ тогда, что это предсказаніе относится къ одной хорошенькой барышнѣ, которая мнѣ очень нравилась, хотя и была лѣтъ на десять старше меня; но это предсказаніе сбылось гораздо позднѣе, а именно въ 1850 году, когда я женился на княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Волконской.

Другой подвижникъ, Харлампій, также простой монахъ, и также изъ полуграмотныхъ, до конца жизни находился при часовнѣ, стоящей на мѣстѣ кельи преподобнаго Сергія. Онъ былъ тамъ сначала помощникомъ о. Леонтія, а потомъ заступилъ его мѣсто, когда послѣдній, ослабѣвъ отъ старости и почти лишившись ногъ, перешелъ на жительство въ больницу. О. Харлампій особенно заботился объ украшеніи ввѣренной ему часовни; богатая риза на огромной иконѣ Явленія Божіей Матери преп. Сергію и много другихъ окладовъ остались памятниками усердія о. Харлампія. Когда устроенъ былъ Геѳсиманскій скитъ, Михаилъ и Харлампій поступили туда изъ первыхъ. Тамъ они приняли схиму: Михаилъ съ именемъ Матѳея, а Харлампій съ именемъ Харитона. Тамъ же оба кончили жизнь почти въ одно время и погребены у подножія большаго креста на скитскомъ холмѣ.

Лѣтомъ 1825 года, послѣ праздника преп. Сергія, мы поѣхали всей семьей къ дядѣ Сумарокову въ село Красное. Съ нами поѣхалъ и почтенный мой наставникъ, желая повидаться съ своими родителями, жившими тогда при церкви Ипатьевской слободы въ Костромѣ. Изъ Краснаго я пріѣзжалъ съ матерью въ Кострому для поклоненія Ѳеодоровской иконѣ Божіей Матери, былъ въ гостяхъ у родителей Ѳ. А. и ходилъ съ нимъ въ Ипатьевскій монастырь. Это лѣтнее путешествіе было для меня очень пріятно и сохранилось въ моей памяти, какъ послѣдній образчикъ продолжительныхъ странствій на старинный ладъ, т.-е. въ нѣсколькихъ экипажахъ на своихъ лошадяхъ. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: матушка съ сестрой моей, гувернанткой и двумя горничными въ большой четверомѣстной каретѣ, а бабушка съ Ѳ. А.,

со мной и еще съ одной горничной,—въ коляскѣ съ фордекомъ. Каждый экипажъ заложенъ былъ въ шесть лошадей. Ѣзда продолжалась слѣдующимъ порядкомъ: мы выѣхали послѣ обѣда, на другой день обѣдали въ Переяславлѣ, на третій въ Ростовѣ, откуда, своротивъ съ большой дороги, пріѣхали ночевать въ село Бурмакино и уже на четвертый день добрались до Краснаго.

Въ эту поѣздку я могъ короче узнать и оцѣнить нравственный характеръ дяди моего, Петра Николаевича Сумарокова. Доброе сердце его всегда было готово на помощь каждому наждающемуся. Въ Красномъ нашелъ я двухъ мальчиковъ, почти одних со мною лѣтъ, Ивана и Никандра Данковыхъ. Послѣ смерти отца, отставнаго унтеръ-офицера изъ дворянъ, весьма бѣднаго человѣка, мать ихъ ходила съ ними по-міру и случайно зашла въ село Красное. Дядя мой взялъ обоихъ мальчиковъ на свое содержаніе и воспитывалъ ихъ сначала въ Нерехотскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ Костромской гимназіи до окончанія курса. Вакаціонное время они проводили у него въ Красномъ. Позднѣе я слышалъ, что младшій изъ нихъ учился въ Академіи Художествъ и вышелъ порядочнымъ живописцемъ. О старшемъ Иванѣ буду говорить послѣ.

Воспитаніе Данковыхъ было однимъ изъ многихъ добрыхъ дѣлъ дяди. Другой опытъ его щедрости я видѣлъ тогда же. Ѳедоръ Александровичъ разсказалъ за обѣдомъ о горестномъ положеніи жены сельскаго священника, недавно овдовѣвшей и обремененной многочисленнымъ семействомъ. Дядя не вытерпѣлъ до конца обѣда: тотчасъ же всталъ, пошелъ въ кабинетъ и вынесъ оттуда сто рублей ассигнаціями для бѣдной вдовы.

При неистощимой щедрости къ другимъ, онъ не жалѣлъ денегъ и для своихъ удовольствій: псарня въ 400 собакъ, при множествѣ лошадей и охотниковъ, стоила ему очень дорого и вмѣстѣ съ тѣмъ разстроивала его здоровье, отъ природы очень крѣпкое. Долги росли съ каждымъ годомъ. Барскій домъ въ селѣ Красномъ былъ полной чашей: за обѣдъ никогда не садилось менѣе двадцати человѣкъ; гости гостили по недѣлямъ съ прислугою и лошадьми. Въ числѣ постоянныхъ жителей Краснаго особенно замѣтны были мужъ и жена Шигорины. Начнемъ съ жены.

Наталья Матвѣевна Сытина принадлежала къ семейству, состоявшему въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ моей прабабкой, Прасковьей Ивановной Сумароковой, урожденной Шокуровой и почти половину своей жизни провела у Сумароковыхъ. Семейство Сытиныхъ вообще было бѣдно; но одинъ изъ братьевъ Натальи Матвѣевны, Викторъ, дослужился до чина полковника и былъ убитъ подъ Бородинымъ, ко-

мандуя какимъ-то егерскимъ полкомъ. Смерть любимаго брата сильно подѣйствовала на сестру. Нѣсколько времени она была какъ помѣшанная, во всю жизнь свою ненавидѣла Наполеона и, если попадался ей портретъ его, тотчасъ же на него плевала. «Этотъ злодѣй Бонапартъ» увѣряла она, «пришелъ прямо къ полку и своею шпагою закололъ братца Виктора Матвѣевича». Никто не могъ разувѣрить ее въ несбыточности такого предположенія. Мужъ ея, отставной штабсъ-капитанъ Иванъ Александровичъ Шигоринъ, храбрый служака стараго времени, человѣкъ безъ образованія, но съ крѣпкимъ природнымъ умомъ и твердой волей, два раза прогулялся пѣшкомъ вмѣстѣ съ полкомъ, въ которомъ служилъ, отъ Костромы до Парижа (это было въ 1814—1815 гг.). Встрѣтивъ гдѣ-то Наталью Матвѣевну, тогда уже сорокалѣтнюю, весьма некрасивую дѣвицу, онъ вздумалъ къ ней присвататься. Она не дала ему опредѣленнаго отвѣта; но, посмотрѣвъ на образъ Божіей Матери (списокъ съ чудотворной Ѳеодоровской иконы) сказала: «Не знаю; вотъ, какъ Царица Небесная благословитъ». Нѣсколько разъ женихъ дѣлалъ предложеніе, и всегда получалъ тотъ же отвѣтъ. «Да, вѣдь, Божія Матерь вамъ ничего не скажетъ», возразилъ онъ, «вы сами скажите: да, или нѣтъ?» Тогда невѣста положила за образъ двѣ записочки; на одной изъ нихъ было написано: «иду», а на другой «нейду». Вынулась первая, и вскорѣ состоялась свадьба, при щедромъ пособіи отъ Сумароковыхъ. Наталью Матвѣевну я зналъ съ самаго моего дѣтства, но мужа ея увидѣлъ первый разъ въ эту поѣздку. Онъ управлялъ тогда имѣніями дяди очень усердно и честно.

По возвращеніи въ Посадъ, въ концѣ Августа, каждый изъ насъ возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Когда наступила осень и сдѣлалось холодно и сыро, мать моя, много натерпѣвшаяся отъ мороза, при слабомъ своемъ здоровьѣ, въ холодномъ Троицкомъ соборѣ (тогда еще не было въ немъ печей) рѣшилась ѣздить къ обѣднѣ въ трапезную церковь, предоставленную на праздничные дни академическому братству; а на всенощныя, совершавшіяся съ вечера,—въ академическую залу. По этому случаю, она должна была познакомиться съ ректоромъ Академіи; и съ того времени, я началъ присматриваться къ академическому быту.

Во главѣ судебъ и дѣйствій Академіи стоялъ въ то время знаменитый архіепископъ Филаретъ. Съ нимъ матушка познакомилась еще прежде и была принята имъ очень внимательно; и я бывалъ нерѣдко въ кельяхъ владыки вмѣстѣ съ ней. Кому не извѣстны имя и дѣла митроп. Филарета? До сихъ поръ никто изъ ближайшихъ къ нему людей еще не могъ достойно описать его жизнь. Тѣмъ менѣе доступно это мнѣ. Болѣе всего поражалъ онъ меня глубиною, остротою и мѣт-

костью своихъ замѣчаній на публичныхъ академическихъ экзаменахъ, изъ которыхъ я не пропустилъ ни одного во все время житья моего въ Посадѣ и съ каждымъ годомъ наслаждался ими болѣе и болѣе, по мѣрѣ собственнаго моего развитія. Во время экзаменовъ всѣ трепетали предъ нимъ. Позднѣе, приближаясь уже къ старости, преосв. Филаретъ совершенно переработалъ свой природный характеръ: сдѣлался снисходительнымъ и кроткимъ. Но въ то время, о которомъ я говорю, было еще далеко отъ такой перемѣны; горячность его выходила иногда изъ предѣловъ. По истеченіи почти полувѣка, многое позабылось; но я и теперь еще помню, что на экзаменахъ чаще и сильнѣе доставалось наставникамъ, нежели студентамъ. Особенно на ректора Поликарпа градомъ сыпались замѣчанія и укоры. Инспектору Евлампію, назвавшему полемическое богословіе «воительнымъ», владыка сказалъ: «отчего же не назвать солдатскимъ богословіемъ?» Въ другой разъ замѣтилъ ему же, при слушаніи весьма длиннаго трактата его объ Аріанской ереси: «Какъ ты усердно сражаешься съ тѣнями!» На экзаменѣ изъ всеобщей словесности разбиралась однажды, какъ образцовое произведеніе, надпись Рубана къ памятнику Петра I (колоссъ Родосскій и пр.); владыка разобралъ и мысли, и слова этой надписи, со свойственною ему остротою и точностью, и доказалъ почтенному профессору Доброхотову, что эта надпись вовсе не образцовое произведеніе. Способности студентовъ владыка умѣлъ оцѣнять почти съ перваго взгляда; объ одномъ изъ нихъ онъ отозвался: «Этотъ весь плоть». Слово оказалось мѣткимъ и вѣрнымъ.

Ректоръ Академіи архимандритъ Поликарпъ не былъ любимъ владыкою, хотя принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ его въ первомъ курсѣ Петербургской Академіи, когда Филаретъ былъ тамъ ректоромъ, и въ 1822 году при его же содѣйствіи получилъ степень доктора богословія. Но въ Академіи его уважали какъ наставники, такъ и студенты, за исправность въ исполненіи обязанностей, за откровенное прямодушіе и безпристрастіе, и всѣ любили его за доброе сердце и ласковое обращеніе. Какъ настоятель ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря, онъ пользовался хорошими доходами, но никогда не копилъ денегъ, употребляя ихъ не только на свои нужды и удовольствія, но и на помощь всѣмъ нуждающимся. Были и свои недостатки у о. Поликарпа: при веселомъ общительномъ нравѣ, онъ любилъ провести время съ пріятелями, выпить съ ними пуншу и поиграть въ карты, чтò впрочемъ, нисколько не отвлекало его отъ исправнаго прохожденія должности. Но эти недостатки вполнѣ выкупались двумя драгоцѣнными качествами: онъ никого не осуждалъ и всегда готовъ былъ помочь всякому всѣмъ, чтò отъ него зависѣло. Въ 1835 году, во время лѣтней вакаціи,

от. Поликарпъ лишился должности ректора Академіи по слѣдующему случаю: въ Лавру пріѣхалъ въ первый разъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, не задолго предъ тѣмъ опредѣленный на службу при Св. Синодѣ. Намѣстникъ Лавры, о. Антоній, показывая гостю все достойное вниманія въ Лаврѣ и окрестностяхъ, привезъ его въ Виѳанскія рощи. Тамъ встрѣтили они о. Поликарпа съ нѣсколькими профессорами, занимавшихся рыбною ловлею. Почтенные рыболовы предъ этимъ напились чаю, конечно не безъ рому, и были довольно веселы. Познакомившись съ Муравьевымъ, о. Поликарпъ завелъ шутливый разговоръ, причемъ пріѣзжій сказалъ не впопадъ какой-то текстъ, приписывая его апостолу. «А какой апостолъ это сказалъ?» со смѣхомъ спросилъ о. Поликарпъ. «Апостолъ Муравьевъ такъ говоритъ», отвѣчалъ Андрей Николаевичъ съ досадою.—«А такихъ апостоловъ недавно вѣшали», возразилъ съ громкимъ хохотомъ о. Поликарпъ, намекая на казнь извѣстнаго декабриста. Взбѣшенный этою шуткою, Муравьевъ отмстилъ за нее клеветою въ Синодѣ, и вскорѣ послѣдовало синодальное распоряженіе объ увольненіи о. Поликарпа отъ должности ректора съ оставленіемъ ему настоятельства въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Преемникомъ его былъ назначенъ инспекторъ Академіи, архимандритъ Филаретъ Гумилевскій (впослѣдствіи знаменитый архіепископъ Черниговскій). Распечатавъ пакетъ съ этимъ распоряженіемъ, о. Поликарпъ подалъ бумагу своему преемнику, сказавъ: «Tibi gratulor, mihi gaudeo» (Тебя поздравляю, за себя радуюсь). Въ послѣдующіе за тѣмъ дни, до самаго отъѣзда въ Москву, онъ удивлялъ всѣхъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, оставаясь такъ же благодушнымъ и веселымъ, какъ и всегда. Въ Москвѣ онъ прожилъ недолго: 10 Января 1837 года онъ скончался отъ чахотки. О послѣднихъ дняхъ его жизни сохранилась у меня слѣдующая собственноручная записка Ѳ. А. Голубинскаго: «Отецъ Поликарпъ былъ человѣкъ чуждый притворства, открытый, веселый, незлобивый, кроткій. Живши съ нимъ болѣе одиннадцати лѣтъ, во все это время не видали его сердитымъ и не слыхали, чтобы онъ чѣмъ нибудь похвасталъ. Онъ имѣлъ нерѣдко знаменательныя сновидѣнія и предчувствія. Однажды подъ утро, въ тонкомъ снѣ, представилось ему, будто входитъ къ нему одинъ знакомый, жившій въ то время въ другомъ городѣ, за 160 верстъ, и срываетъ съ него одѣяло. Ощущеніе этого такъ было живо, что онъ въ туже миниту проснулся и смотрѣлъ на дверь, не тутъ ли посѣтитель. Чрезъ недѣлю узнали, что этотъ его знакомый въ то самое утро скончался. Въ другой разъ видѣлъ онъ во снѣ, будто съ нимъ сидятъ за столомъ мать его и покойный братъ, и будто послѣдній, наклонясь къ нему говоритъ: «я беру матушку къ себѣ». Черезъ нѣсколько дней получено извѣстіе, что

мать его, жившая отъ него за 300 верстъ, именно въ эту ночь умерла. Слишкомъ за годъ до своей смерти, находясь въ бодрственномъ состояніи, онъ видѣлъ передъ собою самого себя, испугался и сказалъ: «видно мнѣ недолго жить». Скорби переносилъ кротко, не виня никого, кромѣ самого себя. Имѣлъ столь смиренное чувство о самомъ себѣ, что, прощаясь съ учениками и сослуживцами, въ присутствіи стороннихъ людей, среди церкви, выговорилъ: «много я учился, но въ разумъ истины не пришелъ». Въ послѣдній годъ жизни проводилъ время уединенно въ трудѣ; обязанностію себѣ поставилъ каждодневно читать непремѣнно утреннія и вечернія молитвы; соблюдалъ воздержаніе въ употребленіи пищи и питія. Прежде онъ былъ довольно толстъ, а передъ смертью убыло объема его тѣла па три четверти противъ прежняго, и это было слѣдствіемъ какъ двухмѣсячной болѣзни, такъ и предшествовавшаго болѣзни воздержанія. За день до смерти, послѣ особорованія масломъ, онъ говорилъ окружавшимъ его: «Я видѣлъ нынѣ сонъ. Нѣкто изъ святыхъ явился мнѣ и сказалъ: бѣдный Поликарпъ, ты страдаешь. Іисусъ Христосъ прислалъ меня, чтобы утѣшить тебя. Онъ прощаетъ грѣхи твои и дастъ тебѣ вѣчную жизнь, не потому, чтобы ты былъ того достоинъ, но по Своему милосердію, и потому, что многіе за тебя молятся и просятъ. Се здравъ еси, къ тому не согрѣшай». Явившагося ему онъ признавалъ за св. Димитрія Мνроточиваго. А на другой день, не задолго до своей кончины, говорилъ, что въ туже ночь онъ имѣлъ двѣнадцать особенныхъ сновидѣній, въ которыхъ являлись неизвѣстныя лица и говорили ему: «Ты умрешь.... ты умрешь.... Хочешь-ли умереть?» На сіи вызовы, въ продолженіи одиннадцати явленій, онъ отзывался несогласіемъ; а въ двѣнадцатое явленіе, наконецъ, согласился умереть. Послѣ сего уже являлся къ нему св. Димитрій, чтобы его утѣшить. Скончался мирно, сохранивъ сознаніе до послѣдней минуты». Могила его подъ соборнымъ храмомъ Новоспасскаго монастыря.

Инспекторомъ Академіи въ первый годъ нашего житья въ Посадѣ былъ архимандритъ Платонъ Березинъ, магистръ перваго курса Московской Академіи, человѣкъ скромный и добродушный. Въ началѣ 1826 года онъ перемѣщенъ на должность ректора въ Виѳанскую Семинарію, а оттуда въ 1828 году, переведенъ въ ректоры Кіевской Академіи; но вскорѣ по пріѣздѣ въ Кіевъ скончался.

Кромѣ ректора и инспектора, были еще въ Академіи два духовныхъ лица: баккалавры-іеромонахи Евлампій и Аѳанасій. Первый изъ нихъ, магистръ Московской Академіи втораго курса, могъ служить типомъ самаго строгаго монашескаго житія: строгій до суровости къ самому себѣ, онъ столько же былъ строгъ ко всѣмъ, кто отъ него зависѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ неутомимъ въ церковной службѣ;

чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ ему было пріятнѣе. Проповѣди его были безмѣрно-длинны, всегда въ три, четыре и болѣе аргументовъ. Лекціи писалъ онъ самымъ тяжелымъ языкомъ, періодами, растянутыми до того, что на мелко исписанной страницѣ рѣдко встрѣчалось болѣе одной точки. Притомъ эти періоды были испещрены текстами въ скобкахъ, и студентъ на экзаменѣ публичномъ принужденъ былъ вставлять эти тексты въ свой отвѣтъ, который растягивался оттого до безобразія. Это весьма не нравилось митрополиту, и Евлампій всякій разъ получалъ отъ него выговоръ. Даже въ частныхъ письмахъ Евлампій сохранялъ тотъ же слогъ; вотъ для образца записка его къ моей матери: «Благоволите, ваше сіятельство, пожаловать прислать мнѣ пару въ сани запряженныхъ лошадей, дабы я могъ привести въ дѣйствіе мои предположенія касательно исполненія нѣкоторыхъ необходимыхъ посѣщеній». На простомъ языкѣ это значило: хочу пріѣхать къ вамъ пить чай, прошу прислать лошадей. Вотъ образъ мыслей его о поведеніи студентовъ: «Между студентами усматриваются три порока: 1) поведеніе студента бываетъ «несообразное», если онъ заботится о своей наружности, старается уподобиться свѣтскому щеголю, а не будущему служителю церкви. 2) «Безобразное» поведеніе обнаруживается въ излишнемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ. 3) Признаки поведенія «злообразнаго»: недостатокъ повиновенія и вообще уваженія къ начальству, дерзость и грубость. Первый изъ этихъ пороковъ наказывается напряженными увѣщаніями и выговорами, второй—постепеннымъ пониженіемъ въ спискѣ, а третій требуетъ изгнанія изъ Академіи. Только отецъ ректоръ много мѣшаетъ», прибавлялъ онъ, намекая на добродушіе о. Поликарпа. Когда онъ заступилъ мѣсто Платона въ должности инспектора Академіи, студенты тотчасъ же возненавидѣли его за непомѣрную взыскательность, и эта ненависть продолжалась во все пятилѣтнее его инспекторство. Онъ не спускалъ безъ взысканія ни малѣйшей вины и, можетъ быть, многіе изъ воспитанниковъ подверглись бы исключенію изъ Академіи, если бы не защищала ихъ благодѣтельная снисходительность о. Поликарпа. Въ 1831 году онъ сдѣлался ректоромъ Виѳанской Семинаріи, въ 1834 году посвященъ въ санъ епископа Екатеринбургскаго, викарія Пермскаго, потомъ былъ епархіальнымъ епископомъ въ Орлѣ, въ Вологдѣ и наконецъ архіепископомъ Тобольскимъ; скончался на покоѣ въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ въ 1862 году. Тѣло его погребено въ малой монастырской церкви, гдѣ прежде была келья святителя Германа. Тамъ я поклонился праху его въ 1877 году.

Аѳанасій Дроздовъ, іеромонахъ, магистръ 4 курса, отличался очень бойкими способностями и неутомимымъ трудолюбіемъ по классу

герменевтики. При необыкновенно-красивой наружности, онъ постоянно чуждался женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ какъ отъ заразы; впрочемъ и вообще не любилъ общества и все время проводилъ надъ книгами. Въ 1828 году получилъ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Пензенской Семинаріи. Позднѣе былъ ректоромъ Петербургской Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ епископомъ Винницкимъ, потомъ епископомъ Саратовскимъ и наконецъ архіепископомъ Астраханскимъ. Скончался на покоѣ въ 1876 году. Отъ него слышалъ я въ 1846 году слѣдующій разсказъ: «Когда я пріѣхалъ въ Пензу на должность ректора Семинаріи и явился къ преосвящ. Иринею, давно уже извѣстному своими странностями, онъ встрѣтилъ меня словами: «вотъ какихъ юношей посылаютъ къ намъ управлять Семинаріями» и вообще принялъ меня очень недружелюбно. Спустя нѣсколько времени, мнѣ назначена была проповѣдь на Троицынъ день; я изготовилъ ее и подалъ заранѣе преосвященному, но отъ служенія отказался за множествомъ хлопотъ предъ началомъ экзамена. Стоя въ алтарѣ во время литургіи, я замѣтилъ, что архіерей сердится и кидаетъ на меня косые взгляды. Въ надлежащее время я произнесъ проповѣдь о духѣ страха Божія; но каково было мое удивленіе, когда преосвящ. Ириней, вышедъ изъ алтаря по окончаніи обѣдни, чтобы начать вечерню посреди церкви, остановился на амвонѣ и началъ свое слово, въ которомъ увѣрялъ народъ, что я напрасно училъ страху Божію: Бога нужно любить, а не бояться, по слову апостола: «совершенная любовь изгоняетъ страхъ» (1 Іоан. IV, 18). Скандалъ былъ всеобщій. Послѣ обѣдни духовенство и высшее общество города отправились къ архіерею на закуску; я же не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать: идти или нѣтъ; но рѣшился пойдти, чтобъ не прослыть гордецомъ во мнѣніи владыки. Проводя гостей, онъ удержалъ меня на нѣсколько минутъ, принесъ изъ кабинета золотые Англійскіе часы, которыми весьма дорожилъ и спросилъ меня: «какъ ты думаешь, отецъ ректоръ, что̀ мнѣ дороже, ты или эти часы?» Что̀ мнѣ было отвѣчать? Если скажу, что часы дороже, скажетъ, что я считаю его сребролюбцемъ, а въ противномъ случаѣ будетъ увѣрять, что я слишкомъ много о себѣ думаю. Послѣ минутнаго размышленія я отвѣчалъ: «думаю, что человѣкъ, по образу Божію созданный и кровію Христовою искупленный, дороже всякой неодушевленной вещи».—«Правду ты говоришь, отецъ ректоръ», сказалъ преосвященный; «за это дарю тебѣ часы». Послѣ этого случая онъ былъ ко мнѣ постоянно ласковъ до отъѣзда своего въ Сибирь, куда былъ перемѣщенъ на Иркутскую епархію.

О другихъ наставникахъ Академіи буду говорить позднѣе, по мѣрѣ знакомства съ ними, а теперь перехожу къ продолженію моихъ воспоминаній.

Осенью 1825 года произошла небольшая перемѣна въ нашемъ домашнемъ быту. Матушка, по совѣту тетки графини Аграфены Степановны, любившей всегда мѣшаться въ чужія дѣла, наняла ко мнѣ гувернера Француза, Франца Яковлевича Делюсто, рекомендованнаго Красильниковымъ. Это былъ старикъ, впрочемъ свѣжій и очень подвижной, знавшій правильно свой языкъ и немного умѣвшій рисовать. Бѣжавъ изъ Франціи во время первой революціи, онъ не принадлежалъ ни къ какой религіи, такъ что отъ него я наслышался такихъ нечестивыхъ мыслей, какія до того времени и во снѣ мнѣ не грезились. Онъ не любилъ меня за то, что я всегда съ нимъ спорилъ и называлъ меня: «сумасшедшій фанатикъ». Впрочемъ безбожіе его скоро обнаружилось, и онъ отправленъ обратно въ Москву. Единственная польза, полученная мною отъ него, состояла въ привычкѣ правильно писать по-французски подъ диктовку. Въ концѣ того же года получено извѣстіе о кончинѣ Александра I въ Таганрогѣ, и послѣдовала присяга сперва на имя Цесаревича Константина, а потомъ чрезъ нѣсколько дней на имя Николая I. Тогда же я написалъ пару первыхъ маленькихъ сочиненій на смерть Александра I; они очень понравились моему наставнику и о. Евлампію, у котораго я тогда исповѣдывался.

Зимою 1826 года принцъ Оранскій, супругъ вел. княгини Анны Павловны, послѣ похоронъ Александра I, пріѣзжалъ въ Москву и оттуда въ Лавру, гдѣ принималъ его архіепископъ Филаретъ, но не въ облаченіи, а въ мантіи, какъ неправославнаго; всѣ монахи были также въ мантіяхъ. Въ этотъ пріѣздъ владыка разсказывалъ моей матери нѣкоторыя подробности о перенесеніи чрезъ Москву тѣла почившаго Императора. «Въ коммиссіи печальной церемоніи», говорилъ онъ, «сидѣли князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, графъ Петръ Александровичъ Толстой и я. Князь Юсуповъ предложилъ, чтобы, по тѣснотѣ Архангельскаго собора, постлать помостъ поверхъ всѣхъ гробницъ, тамъ находящихся, и на этомъ помостѣ поставить катафалкъ. Я отвѣчалъ, что князю Николаю Борисовичу, проведшему цѣлую жизнь при дворѣ, лучше меня должно быть извѣстно, прилично ли попирать ногами царскія гробницы. Объ этомъ я спорить не буду, но попирать св. мощей не позволю. Полъ былъ настланъ поверхъ гробницъ, но надъ раками царевича Димитрія и Черниговскихъ чудотворцевъ прорѣзаны отверстія, окруженныя рѣшетками. Въ другой разъ князь Юсуповъ представилъ въ коммиссію рисунокъ балдахина, покрытаго сверху флеромъ; надъ нимъ, почти уже въ куполѣ, должны были горѣть огни, представляющіе вѣнецъ изъ звѣздъ. Я замѣтилъ, что отъ этихъ звѣздъ можетъ произойти пожаръ и, пожалуй, придется приводить въ соборъ команду съ трубами и насосами.

Меня не послушали, но послѣ флеръ дѣйствительно вспыхнулъ и надѣлалъ тревоги. Князь очень гнѣвался на мои замѣчанія, и гнѣвъ его дошелъ до Петербурга, такъ что Государь поручилъ князю Дмитрію Владимировичу примирить князя съ архіепископомъ; я отозвался, что вовсе не желалъ прогнѣвать князя, но только исполнялъ свою обязанность».

Во время коронаціи императора Николая Павловича мнѣ случилось быть въ Москвѣ, и отецъ Поликарпъ, назначенный къ служенію литургіи, какъ настоятель старшаго изъ ставропигіальныхъ монастырей (Новоспасскаго) и ректоръ Духовной Академіи, провелъ меня съ собою въ соборъ. Литургію готовились служить два митрополита: Серафимъ Новгородскій и Евгеній Кіевскій и архіепископъ Московскій Филаретъ, которому въ тотъ же день пожалованъ бѣлый клобукъ. Не стану описывать извѣстныхъ всѣмъ обрядовъ коронаціи; скажу только объ одномъ обстоятельствѣ, которое осталось для меня памятнымъ. Нашъ владыка почему-то опоздалъ и спѣшилъ скорѣе облачиться, стоя передъ жертвенникомъ. Въ ту минуту, когда на обѣ руки его иподіаконы надѣвали поручи, вдругъ поклонился ему въ землю архимандритъ въ облаченіи и богатой бриллiантовой митрѣ. «Кто это?» спросилъ владыка.—«Юрьевскій архимандритъ Фотій», отвѣчалъ тотъ вставая. «Теперь не время, и здѣсь не мѣсто». Этими словами Московскій архипастырь далъ замѣтить Фотію, что онъ, проживъ два мѣсяца на дачѣ графини Орловой (въ Нескучномъ), давно уже долженъ былъ явиться за благословеніемъ къ мѣстному владыкѣ, а не безпокоить его въ то время, когда онъ спѣшитъ для встрѣчи Государя.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ происходили торжества коронаціи, въ Лаврѣ случилось грустное происшествіе. Оконченъ былъ 5-й учебный курсъ въ Академіи; списокъ студентовъ составленъ академическою конференціею, и ученыя степени назначены, но еще не утверждены Коммиссіею Духовныхъ Училищъ. Кончившіе курсъ воспитанники разъѣзжались каждый на свою родину, и проводы товарищей сопровождались иногда дружескимъ угощеніемъ. Послѣ одного изъ этихъ проводовъ, студентъ Михаилъ Лаговскій, которому уже назначена была степень кандидата, пришелъ ко всенощной въ Успенскій соборъ (это было подъ 29 Августа) и сталъ пѣть безобразно. Инспекторъ Академіи Евлампій приказывалъ ему замолчать, но онъ не послушался. По окончаніи службы, Лаговскій на выговоръ инспектора отвѣчалъ ему какою-то грубостью, за что былъ запертъ въ карцеръ. Въ туже ночь послано было къ митрополиту донесеніе о происшествіи. На другой день призвалъ митрополитъ ректора Поликарпа, находившагося въ Москвѣ, и сказалъ ему: «Знаешь ли, что̀ дѣлается у тебя въ Академіи? Вотъ прочти письмо инспектора». Пораженный неожиданной новостью, о.

Поликарпъ старался смягчить гнѣвъ архипастыря и вымолить пощаду виновному. Для этого онъ нѣсколько разъ поклонился въ ноги митрополиту, чего прежде никогда не дѣлалъ. И Θеодоръ Александровичъ Голубинскій нарочно поскакалъ въ Москву съ тою же цѣлію, но всѣ просьбы остались тщетными: владыка рѣшилъ, что въ настоящее время нельзя оставить такого поступка безъ наказанія, тѣмъ болѣе, что слухъ объ немъ можетъ дойти до Двора, находившагося въ Москвѣ. Бѣдный Лаговскій выпущенъ былъ изъ Академіи студентомъ съ дурнымъ аттестатомъ и возвратился на родину въ Кострому, гдѣ года черезъ три умеръ отъ чахотки. До конца жизни своей онъ получалъ ежегодное пособіе отъ о. Поликарпа.

Въ числѣ студентовъ 5-го курса у меня были уже знакомые три монаха: Палладій Виноградовъ, Сергій Клировъ и Иннокентій Некрасовъ Всѣ они вышли изъ Академіи старшими кандидатами и чрезъ два года удостоились степени магистра. Я особенно любилъ Палладія и очень горевалъ, когда онъ отправился на службу въ Казанскую Семинарію. Потомъ онъ былъ ректоромъ Семинаріи въ Перми, гдѣ скончался въ 1835 году. Сергій и Иннокентій вскорѣ оставили ученую службу, и я совершенно потерялъ ихъ изъ виду. Первый изъ нихъ, если не ошибаюсь, умеръ въ Кіевѣ, а послѣдній—въ Нижнемъ-Новгородѣ.

При концѣ 5-го курса я познакомился съ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, вышедшихъ тогда изъ Академіи. Это былъ Александръ Иродіоновичъ Сергіевскій, сынъ родной сестры митрополита Филарета, бывшей въ супружествѣ за Коломенскимъ соборнымъ протоіереемъ. Александръ Иродіоновичъ былъ оставленъ на должности баккалавра Греческаго языка. Онъ бывалъ у насъ каждое Воскресенье, а я у него почти каждый день. Послѣ моего незабвеннаго наставника, онъ болѣе всѣхъ былъ полезенъ мнѣ, какъ образецъ благонравія. Никогда не забуду этого всегда ровнаго, ничѣмъ невозмутимаго, въ высшей степени благодушнаго характера; никогда не случалось мнѣ встрѣчать человѣка, умѣющаго съ такимъ искусствомъ владѣть собою: никогда не видалъ я, чтобы онъ выпилъ лишнюю рюмку вина, или сказалъ какое либо необдуманное, не совсѣмъ приличное слово. Во всѣхъ своихъ поступкахъ, тѣлодвиженіяхъ, разговорахъ, онъ могъ служить образцомъ порядочности и благоприличія. Все это для меня, какъ мальчика, было въ высшей степени назидательно. По общительности своего характера, онъ часто скучалъ въ одиночествѣ и долго не рѣшался на выборъ поприща для своей жизни, такъ что наконецъ рѣшился просить совѣта у дяди своего митрополита. По зрѣломъ размышленіи онъ рѣшился поступить въ бѣлое духовенство и 18-го Мая 1830 года женился на дочери одного изъ Московскихъ священниковъ. Я былъ на этой свадь-

бѣ и восхищался рѣдкою красотой новобрачной, Анны Ѳедотовны. Къ сожалѣнію онъ прожилъ очень недолго и скончался въ 1834 году, священникомъ церкви Адріана и Наталіи. Послѣ него остались два сына: старшій Филаретъ Александровичъ, магистръ 19 курса, ординарный профессоръ Академіи, а теперь ректоръ Виѳанской Семинаріи. Младшій Николай Александровичъ, магистръ 20 курса, перешелъ изъ баккалавровъ академіи на гражданскую службу; теперь онъ тайный совѣтникъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа.

Въ Сентябрѣ Лавра и Академія были обрадованы посѣщеніемъ императора Николая I съ двумя императрицами—супругою и матерью. Къ пріѣзду ихъ были написаны и напечатаны стихотворенія, изъ числа которыхъ два принадлежали студенту шестаго курса В. Знаменскому, и одно небольшое—баккалавру Ѳ. А. Платонову. Но еще два стихотворенія были не напечатаны: Латинское того же Платонова и Русское профессора П. С. Делицына. Изъ этой послѣдней оды сохранились у меня въ памяти два стиха о предкахъ, смотрящихъ съ неба на потомка ихъ, недавно вступившаго на престолъ:

Къ земной въ нихъ родинѣ любовь
Небесную волнуетъ кровь.

и еще слѣдующая строфа:

Какъ мощный левъ возлегъ у трона,
Нашъ витязь, дивный Константинъ,
Престола щитъ и оборона;
Средь Павловыхъ еще дружинъ,
На Альпахъ лавры пожиная,
Онъ Александрову велъ рать
Свободу міра искупать,
И Николаю сталъ десная.
Кто тамъ дерзнетъ извѣдать силъ,
Гдѣ онъ и бодрый Михаилъ?

Въ шестомъ курсѣ, который начался такъ торжественно, у меня было много знакомыхъ: Вас. Пот. Знаменскій, о стихотвореніяхъ котораго сейчасъ сказано, К. А. Неволинъ, о. Іоаннъ Чистяковъ, П. Е. Покровскій, К. В. Левицкій, И. И. Богословскій, К. П. Успенскій; всѣ они бывали у насъ въ домѣ по Воскресеньямъ.

Первые два и съ ними товарищъ ихъ Алексѣй Андреевичъ Благовѣщенскій, годъ спустя, поступили, по требованію Собственной Канцеляріи Его Величества, въ Петербургъ; они слушали тамъ лекціи юридическихъ наукъ не только въ университетѣ, но и во второмъ отдѣленіи Канцеляріи Его Величества у Балугьянскаго, Куницына, Плисова и

Клокова. За ходомъ ихъ образованія наблюдалъ самъ Сперанскій. Послѣ экзамена, который произвелъ имъ Сперанскій, вмѣстѣ съ профессорами-юристами, они въ Сентябрѣ 1829 года отправлены были за границу и въ Берлинѣ отданы въ руководство профессору гражданскаго права Савиньи. Кромѣ его лекцій, они слушали въ Берлинскомъ университетѣ лекціи Кленце, Гофмана, знаменитыхъ Риттера, Гегеля (недолго), Бенеке и другихъ болѣе чѣмъ 25 профессоровъ. Пробывъ два съ половиною года въ заграничномъ путешествіи, во время котораго два раза посѣщали разные города въ Германіи и Швейцаріи, они въ Сентябрѣ 1832 года возвратились въ Петербургъ. Савиньи отозвался о нихъ Сперанскому, что изъ числа 500 студентовъ Берлинскаго университета они были первые. Ихъ предназначали къ занятію каѳедры юридическихъ наукъ въ университетахъ или въ предполагавшемся къ открытію Училищѣ Правовѣдѣнія, а до времени ихъ причислили ко 2-му отдѣленію Канцеляріи Его Величества, и Сперанскій поручилъ имъ обработывать Сводъ Законовъ Остзейскихъ губерній. Въ 1833 году имъ дано высочайшее разрѣшеніе держать экзаменъ прямо на степень доктора. Весной 1834 года этотъ экзаменъ былъ ими выдержанъ, и потомъ они представили докторскія диссертаціи. Знаменскій написалъ на тему: De philosophica juris civilis tractandi ratione, per comparationem jurium diversarum gentium instituenda. Диссертація одобрена и уже печаталась; автору назначена каѳедра законовѣдѣнія въ Кіевскомъ Университетѣ, какъ вдругъ онъ сильно занемогъ воспаленіемъ легкихъ и скончался въ Январѣ 1835 года.

Неволинъ, возвратившись вмѣстѣ съ Знаменскимъ изъ-за границы, защищалъ диссертацію на степень доктора правъ: «о философіи законодательства у древнихъ» и былъ профессоромъ энциклопедіи законовѣдѣнія сначала въ Кіевскомъ, а потомъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Онъ скончался въ 1855 году, оставивъ послѣ себя значительное количество сочиненій; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ и теперь еще важное значеніе въ преподаваніи права.

О. Іоаннъ, въ мірѣ Д. Я. Чистяковъ, человѣкъ очень даровитый, но слабый здоровьемъ и страдавшій иппохондріей, прожилъ не долго по окончаніи курса. Онъ скончался отъ холеры въ 1833 году въ должности ректора Тамбовской Семинаріи.

П. Е. Покровскій, послѣ профессорства въ Московской Семинаріи, былъ священникомъ въ Москвѣ, потомъ протоіереемъ каѳедральнаго Архангельскаго собора, а въ 1871 году назначенъ главнымъ священникомъ арміи и флотовъ.

Левицкій и Успенскій были послѣ профессорами въ Виѳаніи и кончили жизнь приходскими священниками въ Москвѣ.

П. И. Богословскій въ продолженіе курса принялъ постриженіе съ именемъ Іосифа, былъ въ Москвѣ ректоромъ Семинаріи, затѣмъ епископомъ Дмитровскимъ и наконецъ архіепископомъ Воронежскимъ. Въ 1864 году, по крайнему ослабленію зрѣнія, уволенъ на покой и живетъ теперь въ Воронежскомъ Митрофановомъ монастырѣ. Во время службы преосв. Іосифа въ Москвѣ и позднѣе, когда случалось мнѣ бывать въ Воронежѣ, я всегда пользовался милостивымъ расположеніемъ сего добродѣтельнаго архипастыря.

Шестой курсъ по преимуществу назывался монашескимъ, потому что заключалъ въ себѣ десять студентовъ-монаховъ. Но только двое изъ нихъ достигли архіерейства: преосв. Іосифъ и преосвящ. Варлаамъ (Успенскій), архіепископъ Тобольскій, скончавшійся на покоѣ въ Бѣлгородскомъ Троицкомъ монастырѣ.

Прежде нежели перейдти къ седьмому академическому курсу, нужно сказать нѣсколько словъ о себѣ. Съ весны 1825 года я страдалъ по временамъ сильными головными болями, которыя иногда препятствовали мнѣ заниматься ученіемъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ нимъ присоединились еще сильные спазматическіе припадки, въ родѣ эпилепсіи. Матушка неоднократно возила меня въ Москву къ профессору терапіи Іустину Евдокимовичу Дядьковскому; но, видя, что совѣты его не помогаютъ, рѣшилась взять въ домъ постояннаго медика, доктора медицины Вас. Аѳан. Мичурина, потому что въ Сергіевскомъ Посадѣ не у кого было лѣчиться.

Тогда при Академіи, Лаврѣ и Виѳанской Семинаріи былъ одинъ очень своеобразный врачъ штабъ-лѣкарь Степ. Григ. Витовскій, произведенный, по волѣ императора Павла, въ медики изъ фельдшеровъ, безъ всякаго экзамена, единственно по рекомендаціи митрополита Платона, что онъ хорошо лѣчитъ Виѳанскихъ семинаристовъ. Познанія его въ медицинѣ были самыя ничтожныя; въ лѣченіи онъ ограничивался хиной, ялаппой и груднымъ чаемъ, но фельдшерскую часть зналъ хорошо: искусно перевязывалъ раны, исправлялъ вывихнутые и переломленные члены. Впрочемъ въ академической больницѣ очень рѣдко бывали больные: если кто изъ студентовъ занемогалъ по-серьезнѣе, его тотчасъ же отправляли въ Москву. Деревянная ветхая больница, въ которой распоряжался Витовскій, большею частію пьяный, стояла въ заднемъ академическомъ саду; въ ней было четыре комнаты для больныхъ и одна для аптеки, съ надписью надъ дверями, сдѣланной еще митроп. Платономъ въ честь Витовскаго: «врачу, исцѣлися самъ».

Въ Февралѣ 1827 года внезапно пораженъ былъ апоплексіей студентъ Русановъ; онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, несмотря на то, что къ нему призваны были двое врачей: докторъ Мичуринъ, жившій

у насъ, и лѣкарь Гойтанниковъ, гостившій у брата своего, о. ректора Поликарпа. Вслѣдъ затѣмъ Витовскій уволенъ по болѣзни отъ службы и вскорѣ умеръ. На мѣсто его просился докторъ Мичуринъ, который успѣлъ къ этому времени совершенно меня вылѣчить. Объ немъ ходатайствовала у митрополита мать моя; но академическое правленіе, желая дать это мѣсто брату ректора, старалось устранить Мичурина будто бы по неопытности, и получило отъ митрополита такую резолюцію: «Сужденіе академическаго правленія о неопытности доктора Мичурина за основательное признать не можно; ибо онъ занимался практикою не два мѣсяца, какъ пишетъ правленіе, но по самому аттестату нѣсколько сверхъ того мѣсяцевъ во время самаго производства въ лѣкаря и, потомъ, какъ извѣстно, и прежде и послѣ своей уѣздной службы практику всегда имѣлъ. Производство въ лѣкаря перваго отдѣленія и чрезъ нѣсколько потомъ лѣтъ въ доктора доказываетъ способность и успѣхи, признанные въ немъ судіями, знающими его дѣло, а не такими, какъ члены академическаго правленія. Впрочемъ если правленіе имѣетъ въ виду опытнѣйшаго, таковаго можетъ представить, только не родственника никому изъ членовъ правленія, дабы избраніе было безпристрастно». Мичуринъ былъ опредѣленъ, но прослужилъ недолго: въ Ноябрѣ того же года онъ былъ уволенъ по прошенію и скоро умеръ отъ чахотки.

Съ Августа 1826 года начался седьмой курсъ, особенно замѣчательный для меня тѣмъ, что я сталъ, по совѣту Голубинскаго, посѣщать лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ Академіи. Особенно интересовали меня лекціи Ѳ. А. Платонова. Онъ преподавалъ всемірную исторію среднихъ вѣковъ, весьма краснорѣчиво и подробно излагалъ основаніе новыхъ западныхъ государствъ на развалинахъ Римской имперіи и еще увлекательнѣе описывалъ крестовые походы. Ни въ одной исторіи не находилъ я такихъ занимательныхъ подробностей и такой живой связи между событіями, какъ въ его запискахъ. Слушатели его, а въ томъ числѣ и я, старательно записывали эти лекціи; рукописный экземпляръ ихъ долго хранился у меня, но въ недавнее время пропалъ. Ѳ. А. Платоновъ не пользовался расположеніемъ митроп. Филарета; несмотря на продолжительную службу, онъ кончилъ жизнь баккалавромъ въ 1833 году.

Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ, экстраординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ, преподавалъ эстетику и теорію всеобщей словесности. Я посѣщалъ его лекціи очень внимательно; но первую изъ этихъ наукъ понималъ плохо по необыкновенно-трудному изложенію; впрочемъ и нѣкоторые изъ студентовъ признавались мнѣ, что также не понимаютъ лекцій, хотя и записываютъ ихъ. За то лекціи по теоріи

словесности и особенно разборы разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ были весьма занимательны и отличались глубиною и тонкостью анализа. Самая личность Плат. Ив. была очень замѣчательна; онъ обладалъ необыкновеннымъ остроуміемъ и способенъ былъ отпускать ѣдкія насмѣшки. Ученыхъ монаховъ онъ терпѣть не могъ, впрочемъ и они (кромѣ ректора Поликарпа) платили ему взаимностью. Онъ увѣрялъ, что главная добродѣтель ихъ состоитъ будто бы въ «смиренно-лукавствіи». При постриженіи одного изъ студентовъ шестаго курса (если не ошибаюсь, Іоанна Чистякова), онъ подошелъ вслѣдъ за другими, чтобы поздравить новопостриженнаго и сказалъ ему: «поздравляю васъ съ образомъ ангельскимъ». Затѣмъ, обратясь къ студентамъ-пѣвчимъ, прибавилъ: «а васъ, господа, съ сохраненіемъ образа Божія». Инспекторъ Евлампій озлобился на эту остроту и долго не могъ простить Платону Ивановичу таковое зловредное по его словамъ кощунство посреди храма Божія. Съ ѣдкимъ умомъ Пл. Ив. соединялъ нѣжное сердце; онъ былъ страстно влюбленъ въ молодую и весьма красивую вторую жену штабъ-лѣкаря Витовскаго и по смерти его хотѣлъ жениться на ней, несмотря на ея болѣзненное состояніе. Но бѣдная Анна Николаевна, измученная старымъ, пьянымъ и ревнивымъ мужемъ, скоро кончила жизнь отъ чахотки, на 26 году отъ рожденія. Грустно было смотрѣть на Платона Ивановича во время ея похоронъ. Онъ поставилъ памятникъ на ея могилѣ съ надписью: «до свиданія», и дѣйствительно пережилъ ее только шестью годами.

Незадолго до переѣзда въ Москву, я сталъ было посѣщать математическія лекціи ординарнаго профессора Петра Спиридоновича Делицына, магистра перваго курса Академіи. Тогда я мало зналъ его и, признаюсь, мало воспользовался его лекціями, по всегдашней неспособности моей къ математическимъ наукамъ. Этотъ досточтимый профессоръ, впослѣдствіи протоіерей, при обширномъ знаніи своего предмета, имѣлъ большую способность къ поэзіи, что̀ видно по одѣ его, изъ которой я привелъ выше одну строфу, и вообще онъ отлично владѣлъ Русскимъ языкомъ. Онъ постоянно пересматривалъ и поправлялъ переводы Отцевъ Церкви, помѣщавшіеся въ журналѣ, который издавался Академіей. Скончался 30 Ноября 1863 года, прослуживъ при Академіи 45 лѣтъ.

Чтобы дополнить свои познанія въ Греческомъ языкѣ, я не пропускалъ почти ни одного класса у искренняго моего друга А. И. Сергіевскаго; посѣщалъ также Еврейскій классъ товарища его Ив. Ник. Богоявленскаго, уроженца Долгоруковскаго села Опарина. Онъ хорошо зналъ свой предметъ и занимался сперва усердно, хотя иногда попивалъ (эта несчастная страсть была наслѣдственной въ его семьѣ),

но, къ несчастію, влюбился въ туже дѣвушку, къ которой сватался Сергіевскій. Невѣста и родные ея очень благоразумно предпочли послѣдняго. Послѣ этой свадьбы, Богословскій сталъ задумываться и оказывать разстройство ума, къ чему много способствовало и то, что отъ несчастной любви онъ искалъ утѣшенія въ служеніи Бахусу; въ 1833 году онъ долженъ былъ оставить службу при Академіи. Впослѣдствіи мнѣ случалось встрѣчать его въ самомъ жалкомъ видѣ, скитавшагося изъ мѣста въ мѣсто. Но и въ этомъ жалкомъ положеніи онъ еще помнилъ хорошо по-еврейски; умеръ въ Москвѣ около 1850 года.

Однимъ изъ любимыхъ моихъ предметовъ была исторія философіи, которую преподавалъ незабвенный мой наставникъ. Онъ читалъ наизусть на отличномъ Латинскомъ языкѣ и притомъ довольно медленно, такъ что мы слушатели, и въ особенности Александръ Васильевичъ Горскій (позднѣе знаменитый профессоръ и ректоръ Академіи), сидѣвшій почти всегда рядомъ со мной въ аудиторіи, могли записывать слова профессора почти буквально.

Нужно сказать нѣсколько словъ о наружномъ видѣ Академіи. Въ то время аудиторій было только двѣ: богословская для старшихъ студентовъ, т. е. для послѣдняго двухлѣтія, и философская для младшихъ, т. е. для перваго двухлѣтія. Первая изъ нихъ была въ большомъ залѣ, гдѣ нынѣ академическая церковь; а вторая, въ которую я чаще всего ходилъ на лекціи вмѣстѣ съ студентами восьмаго курса, помѣщалась въ передней половинѣ нынѣшняго актоваго зала. Задняя или угловая половина того же зала, украшенная лѣпною работой на потолкѣ и узорчатою печью, работы прошедшаго столѣтія, назначалась для засѣданій академической конференціи. Рядомъ съ нею было академическое правленіе въ той комнатѣ, гдѣ теперь архивъ; а въ нынѣшней канцеляріи жили письмоводители изъ студентовъ. Квартира ректора была тамъ же, гдѣ и теперь и также состояла изъ трехъ большихъ комнатъ по главному фасаду; въ послѣдней изъ нихъ (ближайшей къ большой богословской залѣ) отправлялись въ зимнее время всенощныя наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, при пѣніи стройнаго академическаго хора. Сзади этой комнаты была келья для студентовъ-монаховъ; на двери ея, съ наружной стороны, была изображена горящая свѣча, и подъ ней надпись: «in tenebris lucet» [1]); изъ тѣхъ же сѣней былъ ходъ въ библіотеку, помѣщавшуюся въ бывшихъ классахъ Лаврской Семинаріи и состоявшую изъ нѣсколькихъ комнатъ, въ числѣ которыхъ первая и самая большая была украшена лѣпнымъ изобра-

[1]) Во мракѣ свѣтитъ.

женіемъ Моисея на Синайской горѣ. Гора эта была внутри пустая съ небольшими скважинами снаружи; во время семинарскихъ актовъ, при митрополитѣ Платонѣ, ставили туда благовонныя куренья, и Синай дымился предъ глазами посѣтителей. Теперь библіотека перевесена въ новопостроенный корпусъ, а прежнее ея зданіе предполагается передѣлать для студенческой столовой.

Инспекторъ Академіи, наставники изъ монаховъ, экономъ и профессоръ Доброхотовъ занимали верхній этажъ такъ называемаго инспекторскаго корпуса. Прочіе наставники холостые жили въ длинномъ и узкомъ зданіи, служившемъ въ старинное время переходами изъ чертоговъ на монастырскую стѣну. Квартира каждаго изъ нихъ состояла изъ трехъ комнатъ, очень длинныхъ, узкихъ и неудобныхъ; въ одной изъ нихъ я проводилъ вечера у А. И. Сергіевскаго до женитьбы его. Женатые наставники не могли жить въ Лаврѣ; двое изъ нихъ, профессоры Делицынъ и Платоновъ, жили въ старомъ деревянномъ домѣ, въ Ильинской слободѣ, принадлежавшемъ Академіи съ 1815 года. Прочіе нанимали себѣ квартиры въ Посадѣ.

Студенты Академіи занимали нижніе этажи въ чертогахъ и инспекторскомъ корпусѣ; жилыя ихъ комнаты служили для занятій и назывались нумерами. Подъ нынѣшней актовой залой находились №№ 1 и 2, въ которые я чаще всего ходилъ къ знакомымъ. Въ каждомъ нумерѣ былъ старшій, по выбору инспектора, обязанный наблюдать за нравственностью жившихъ въ одной съ нимъ комнатѣ. Вообще помѣщеніе студентовъ было гораздо простѣе и представляло менѣе порядка, нежели теперь, но едва ли не болѣе удобства.

Таковы были зданія. Каковы же были люди? Прошло около пятидесяти лѣтъ съ того счастливаго для меня времени, когда я обращался въ кругу воспитанниковъ Академіи; особенно въ послѣдній годъ я такъ сблизился съ ними, что былъ какъ свой въ ихъ обществѣ, и никто не думалъ отъ меня скрываться. Могу сказать по чистой совѣсти, что ни отъ кого изъ нихъ не видалъ дурнаго примѣра, кромѣ весьма немногихъ, искавшихъ иногда разсѣянія въ хмѣльныхъ напиткахъ. Впрочемъ общихъ попоекъ никогда не бывало, кромѣ прощанія съ товарищами при окончаніи курса. За то какъ много видѣлъ я добрыхъ примѣровъ скромности, уваженія къ старшимъ, трудолюбія и искренняго христіанскаго благочестія. Съ благодарностію вспоминаю я теперь, при концѣ своего поприща, о той нравственной пользѣ, которую я пріобрѣлъ изъ этихъ примѣровъ.

Сближеніе со студентами возбудило во мнѣ желаніе поступить въ число ихъ, и мать моя просила митр. Филарета о допущеніи меня къ экзамену въ 1830 году. Къ сожалѣнію, владыка нашелъ это невоз-

можнымъ и несогласнымъ съ уставомъ, хотя послѣ было нѣсколько примѣровъ поступленія дворянъ въ Духовныя Академіи. Послѣ этого отказа мнѣ пришлось готовиться не къ академическому, а къ университетскому экзамену.

Лѣто 1829 года было для меня особенно пріятно; мы прожили въ Каменкахъ весь Іюль мѣсяцъ, и у насъ тамъ были гости: двое Виѳанскихъ профессоровъ, К. П. Успенскій и К. В. Левитскій и еще одинъ изъ оканчивавшихъ курсъ студентовъ Академіи, И. В. Платоновъ (незадолго до перехода его въ Петербургъ, по вызову собственной Его Величества Канцеляріи). Мы проводили время очень весело, много гуляли, купались, читали, и Успенскій старался, хотя безуспѣшно, развить во мнѣ разумѣніе математики. Тогда въ послѣдній разъ жили мы въ нашемъ старомъ домѣ и въ послѣдній разъ молились въ нашей деревянной церкви, уже не ветхой, какъ прежде, но прекрасно обновленной священникомъ А. И. Минервинымъ.

Этому, дорогому для меня, храму не долго пришлось существовать: 29 Августа 1829 года въ Каменкахъ произошелъ пожаръ отъ неосторожности одной крестьянки. Село, окружавшее церковь со всѣхъ сторонъ, загорѣлось почти все одновременно. Въ церкви шла литургія; священникъ, не прерывая службы, распоряжался выносомъ и сохраненіемъ церковныхъ вещей. Передъ глазами его пылалъ стоявшій за олтаремъ собственный его домъ, недавно отстроенный, со всѣмъ его имуществомъ; но отецъ Алексѣй не тронулся съ мѣста; и только тогда, когда стѣны храма уже загорѣлись, онъ вынесъ освященные дары изъ объятаго пламенемъ села, поставилъ ихъ на большомъ камнѣ, подостлавъ антиминсъ, причастился и докончилъ литургію. Между тѣмъ имущество его сгорѣло до тла, а все церковное сохранилось, кромѣ большаго паникадила и верхнихъ рядовъ иконостаса. Послѣ пожара, священникъ, діаконъ и причетникъ переселились въ нашъ домъ, уцѣлѣвшій отъ пожара; туда же перенесены были иконы и ризница, покуда не было построено особое зданіе, въ видѣ большой часовни, для совершенія всѣхъ службъ кромѣ литургіи. Это строеніе обращено потомъ въ домъ для священника.

Тогда же и нашъ огромный, совершенно обветшавшій домъ былъ сломанъ и обращенъ на разныя хозяйственныя постройки. На мѣстѣ его построенъ другой домъ изъ своего, такого толстаго и прочнаго лѣса, что даже и теперь, по прошествіи 50 лѣтъ, онъ еще кажется совершенно новымъ.

Въ Сентябрѣ 1829 года снова повторилось требованіе студентовъ изъ Академіи въ Канцелярію Его Величества для высшаго юридическаго образованія; но на этотъ разъ отправили желающихъ поступить

туда добровольно, а не принуждали лучшихъ студентовъ, какъ было при первомъ требованіи. Вызвались на это поприще студенты 7-го курса: Иванъ Васильевичъ Платоновъ и два брата Баршевыхъ—Яковъ и Сергѣй Ивановичи. Они вмѣстѣ явились во II Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества. Послѣ двухгодичнаго слушанія лекцій по правовѣдѣнію въ томъ же Отдѣленіи и въ Петербургскомъ Университетѣ, они слушали лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, при чемъ Платоновъ въ свободное время, по приглашенію, обучалъ двухъ сыновей графа Д. Н. Блудова и преподавалъ Русскій языкъ принцу Прусскому Адальберту. По возвращеніи въ Петербургъ и по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, всѣ трое опредѣлены профессорами университетовъ: Платоновъ—Харьковскаго, Я. И. Баршевъ—Петербургскаго, и С. И. Баршевъ—Московскаго. Всѣ они, благодаря Бога, живы и теперь, но уже оставили ученую службу: первый изъ нихъ живетъ на покоѣ въ своемъ имѣніи близъ Харькова, второй причисленъ ко II-му Отдѣленію Канцеляріи Его Величества, въ которомъ началъ свое юридическое образованіе, а послѣдній состоитъ почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта.

Я былъ близко знакомъ съ ними во время студенчества ихъ въ Академіи; съ Платоновымъ былъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ; незадолго до отъѣзда въ Петербургъ онъ, во время вакаціи, гостилъ у насъ въ Каменкахъ. Въ этомъ курсѣ я имѣлъ еще двухъ друзей: Димитрія Григорьевича Гумилевскаго, постригшагося въ монашество съ именемъ Филарета, и Александра Ѳедоровича Кирьякова. Филаретъ былъ тогда однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ студентовъ и постоянно былъ для меня образцомъ въ учебныхъ занятіяхъ. Оставленный по окончаніи курса на службѣ при Академіи, онъ сохранилъ доброе ко мнѣ расположеніе, будучи не только инспекторомъ и послѣ ректоромъ Академіи, когда я, по желанію его, приводилъ въ порядокъ и описывалъ академическій минеральный кабинетъ, но и позднѣе, во время своего архипастырства въ Харьковѣ и Черниговѣ. Ученые труды преосвящ. Филарета пріобрѣли ему такую всеобщую извѣстность, что нѣтъ надобности перечислять ихъ. Я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ Академіи въ 1864 году, а прежде того, когда я писалъ о древностяхъ Ростова, Новгорода и Пскова, имѣлъ отъ него нѣсколько поучительныхъ писемъ. Онъ скончался отъ холеры, во время объѣзда епархіи, въ г. Конотопѣ, 9 Августа 1866 года.

А. Ѳ. Кирьяковъ, юноша привлекательной наружности, съ тихимъ и скромнымъ характеромъ и весьма ласковымъ обращеніемъ, былъ мнѣ искреннимъ другомъ въ послѣдніе два года своего студенчества. Онъ

окончилъ курсъ магистромъ и получилъ мѣсто преподавателя въ Калужской семинаріи, откуда въ 1833 году переведенъ въ Московскую. Теперь онъ состоитъ на службѣ въ Московской Синодальной типографіи.

Изъ студентовъ восьмаго курса, товарищей моихъ по слушанію лекцій, я былъ особенно близокъ съ двумя: Алекс. Вас. Горскимъ и Андреемъ Абрамовичемъ Аѳиновымъ. При записываніи лекцій, при объясненіи непонятныхъ для меня мѣстъ, особенно въ Греческомъ классѣ, Горскій былъ постоянно моимъ руководителемъ и помощникомъ. Онъ былъ болѣе развитъ нежели я, несмотря на то, что мы были ровесниками. И въ послѣдующее время, когда онъ уже былъ знаменитымъ профессоромъ, а я еще только начиналъ заниматься духовно-историческою литературой, онъ много помогалъ мнѣ своими указаніями и наставленіями. Не стану описывать его ученой дѣятельности, извѣстной не только въ Россіи, но и за границей; скажу только, что кончина его, 11 Октября 1875 года, была для меня искренней скорбью.

А. А. Аѳиновъ отличался живымъ, веселымъ характеромъ, остротою ума и способностью очень легко писать стихи. Въ сообществѣ съ товарищами онъ былъ всегда, какъ говорится, душою бесѣды. Окончивъ курсъ магистромъ, онъ получилъ мѣсто преподавателя Семинаріи на родинѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Я видѣлъ его тамъ въ 1870 году, соборнымъ протоіереемъ, тяжко страдавшимъ отъ паралича и почти недвижимымъ. Вскорѣ послѣ того онъ скончался.

Мнѣ остается еще разсказать нѣсколько воспоминаній моихъ изъ послѣдняго времени пребыванія моего въ Посадѣ.

Въ 1830 году преподавалъ церковную исторію въ Академіи архимандритъ Платонъ, магистръ 2-го курса, потомъ профессоръ Семинаріи и священникъ въ г. Ярославлѣ. Къ публичному экзамену онъ написалъ очень интересный трактатъ объ исторіи Русской Церкви въ XVIII вѣкѣ. Къ несчастію, онъ увлекся въ близкія сношенія съ отставнымъ полковникомъ Дубовицкимъ, принадлежавшимъ къ сектѣ хлыстовъ и ввѣрилъ ему для воспитанія дѣтей своихъ. Когда Дубовицкій, весною 1830 года, пріѣзжалъ въ Посадъ, мой незабвенный наставникъ Ѳ. А. Голубинскій также познакомился съ нимъ у о. Платона и былъ въ восхищеніи отъ христіанскаго направленія этого сектанта и написанныхъ имъ духовныхъ пѣсенъ. Впрочемъ онъ вскорѣ понялъ сущность дѣла и прекратилъ знакомство съ Духовицкимъ, а Платонъ, напротивъ того, несмотря на строгія предостереженія со стороны митрополита, упорно держался своей связи съ Дубовицкимъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ; Платона перемѣстили на должность ректора Нижегородской семинаріи, но почти тотчасъ же онъ былъ арестованъ и ото-

сланъ въ заточеніе на островъ Валаамъ, гдѣ содержался довольно долго; потомъ былъ призванъ въ Петербургъ и занимался переводами съ Греческаго, по назначенію Св. Синода. Умеръ въ Твери архимандритомъ Желтикова монастыря въ 1865 году.

Весною 1830 года вся семья наша была огорчена смертью Ал. Ив. Лунгренъ, гувернантки, прожившей у насъ въ домѣ болѣе 10 лѣтъ, сначала при мнѣ, а потомъ при сестрѣ. Она была искреннимъ другомъ матери моей и ревностной почитательницей П. И. Красильникова, за котораго собиралась выйдти замужъ. Кажется, что и онъ прежде хотѣлъ жениться на ней, но теперь онъ мѣтилъ уже выше. Она умерла отъ чахотки въ началѣ Апрѣля. На отпѣваніи ея пѣли академическіе пѣвчіе; тѣло ея погребено въ Каменкахъ, подлѣ могилы моего отца и брата.

Разскажу еще одинъ случай, о которомъ много говорили въ то время. На сѣверо-восточномъ углу лаврской ограды стоитъ башня, извѣстная подъ названіемъ Красной; она отличается отъ прочихъ монастырскихъ башень сквознымъ верхомъ, похожимъ на бельведеръ, и поставленною на верху ея каменною уткою. Въ 1822 году, въ ночь съ 4 на 5 Іюля, въ верхнемъ этажѣ этой башни, на толстой желѣзной перекладинѣ повѣсился одинъ поврежденный въ умѣ студентъ Академіи (я лично не зналъ его и фамиліи его не помню), и съ того времени носились слухи, что по вечерамъ и особенно по ночамъ, раздаются въ Красной башнѣ какіе-то необъяснимые страшные стоны. Многіе изъ студентовъ ходили по ночамъ на ограду и увѣряли, что слышали эти стенанія; но никто изъ этихъ смѣльчаковъ не рѣшился войдти внутрь башни. Наканунѣ праздника преп. Сергія, 4 Іюля 1830 года, передъ самой всенощной пріѣхалъ къ намъ гость изъ Москвы, дядя мой графъ Андрей Степановичъ. Онъ вмѣстѣ съ нами поѣхалъ въ монастырь, но наскучивъ продолжительностію службы, отправился гулять по оградѣ. Подходя къ Красной башнѣ, онъ услышалъ стонъ и думая, что тамъ кто нибудь занемогъ и проситъ помощи, вошелъ въ башню и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ болѣе усиливался стонъ, и наконецъ на самомъ верху, подъ тою несчастной перекладиной, на которой совершилось, за 8 лѣтъ передъ тѣмъ, самоубійство студента, звуки сдѣлались настолько громки, что навели ужасъ на дядю. Поспѣшно сошелъ онъ съ ограды, и мы, при выходѣ изъ церкви, нашли его блѣднымъ и сильно смущеннымъ. Онъ разсказалъ намъ о томъ, что̀ съ нимъ случилось и тутъ только узналъ отъ моей матери о несчастно-погибшемъ студентѣ. Какъ объяснить этотъ случай? Дѣйствіемъ воображенія объяснить нельзя, потому что дядя прежде ничего не зналъ о таинственныхъ звукахъ въ Красной башнѣ; сверхъ того

онъ былъ человѣкъ смѣлаго характера, отличался храбростью въ отечественной войнѣ и не вѣрилъ никакимъ явленіямъ духовъ. Многіе думали, что душа несчастнаго самоубійцы приходила стенать на то мѣсто, гдѣ насильственно разлучилась съ тѣломъ. Другіе полагали, что звуки зависятъ отъ сквознаго вѣтра, который прорывается, постепенно усиливаясь, съ ограды сквозь отворенную дверь до самаго верха башни. Это послѣднее мнѣніе подтвердилось въ послѣдствіи, когда въ башнѣ устроенъ былъ водоёмъ, и дверь съ ограды заперта. Съ тѣхъ поръ ни на оградѣ, ни снаружи, подъ стѣнами башни, никакихъ звуковъ не слышно.

Въ послѣднее время пребыванія моего въ Сергіевскомъ посадѣ, передъ переѣздомъ въ Москву, я усиленно занимался повтореніемъ всего, чтò было мною пройдено, часто вставалъ даже ночью, зажигалъ свѣчу и принимался за книги: такъ пугалъ меня предстоящій университетскій экзаменъ. Однажды я увидѣлъ во снѣ, что экзаменъ начался, и я долженъ разсказывать исторію Тридцатилѣтней войны. Отвѣчая во снѣ на вопросъ, я замялся, забывъ имена нѣсколькихъ Нѣмецкихъ князей, защищавшихъ права протестантовъ. Проснувшись отъ страха, я постарался вытвердить все, чтò могъ найдти объ этомъ предметѣ, не только въ учебникѣ Кайданова, но и въ другихъ историческихъ книгахъ, какія были у меня подъ рукою, и въ слѣдующіе затѣмъ дни прочелъ со вниманіемъ цѣлую книгу знаменитаго Шиллера: Исторія 30-ти лѣтней войны. Сонъ мой оказался знаменательнымъ: на университетскомъ экзаменѣ Погодинъ (тогда еще адъюнктъ по предмету исторіи въ этико-политическомъ факультетѣ) спросилъ меня о подвигахъ Густава Адольфа въ Германіи и о сраженіи при Люценѣ. Я сталъ отвѣчать съ самаго начала, съ возмущенія въ Чешской Прагѣ, подробно разсказывалъ ходъ войны шагъ за шагомъ, говорилъ о Тилли, Валленштейнѣ, Густавѣ Адольфѣ и другихъ замѣчательныхъ лицахъ этой войны. Экзаменаторъ остолбенѣлъ отъ удивленія и спросилъ меня: «Да кто же училъ васъ?»—Я отвѣчалъ «Ѳ. А. Голубинскій».—«Теперь не удивляюсь», сказалъ Погодинъ.

Приближалось время нашего переѣзда въ Москву. Тяжело мнѣ было разстаться съ незабвеннымъ моимъ наставникомъ; сердце мое было наполнено глубокимъ уваженіемъ, любовью и признательностію къ человѣку, которому я былъ такъ много обязанъ. И можно ли было, при такихъ близкихъ сношеніяхъ съ Ѳ. А., не чтить и не любить его? Во всю мою жизнь я не встрѣчалъ человѣка равнаго ему по уму и сердцу. Объ ученыхъ трудахъ его я упомянулъ уже выше; но не могу удержаться, чтобы не сказать теперь, хотя нѣсколько словъ о нравственномъ его характерѣ.

Въ числѣ добродѣтелей Ѳ. А. главное мѣсто занимало смиреніе. Окруженный всеобщимъ уваженіемъ, онъ никогда не ставилъ себя выше другихъ, самого себя судилъ строго, но ко всѣмъ былъ всегда снисходителенъ; всегда готовъ былъ выслушать и внимательно обсудить мнѣніе каждаго, не настаивая упорно на своемъ собственномъ мнѣніи. Въ немъ сильно развито было человѣколюбіе и въ особенности уваженіе къ человѣческому достоинству: въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ онъ не обращалъ вниманія ни на различіе сословій, ни даже на уровень образованія: для каждаго было у него готово слово назиданія, добрый совѣтъ, сердечное участіе въ скорбяхъ или радостяхъ того, кто приходилъ къ нему. Онъ умѣлъ открыть нѣчто доброе въ каждомъ человѣкѣ, умѣлъ довести каждаго въ бесѣдѣ съ нимъ до поучительной мысли или до назидательнаго разсказа. Ни въ комъ не видѣлъ или не желалъ видѣть зла, никого не осуждалъ и всегда находилъ какія нибудь облегчающія вину обстоятельства. Въ исполненіи своихъ обязанностей онъ былъ необыкновенно добросовѣстенъ: каждую лекцію обдумывалъ и обработывалъ по нѣсколько часовъ сряду; каждое студенческое сочиненіе или переводъ исправлялъ со всевозможною тщательностью; при занятіяхъ по цензурѣ духовныхъ книгъ онъ не ограничивался, подобно другимъ цензорамъ, строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ рукописи не оказалось чего нибудь недозволительнаго, но исправлялъ въ ней мысли и слогъ, дополнялъ содержаніе и вообще старался придать ей возможно-лучшій видъ. Нѣсколько разъ былъ онъ ревизоромъ семинарій и духовныхъ училищъ, и каждая изъ этихъ ревизій стоила ему огромныхъ трудовъ: послѣ каждой ревизіи онъ представлялъ образцовые отчеты, въ которыхъ выставлялъ на видъ, описывая яркими красками, всѣ заслуги начальниковъ и преподавателей обревизованныхъ имъ учебныхъ заведеній; не скрывалъ недостатковъ, но старался извинить виновниковъ этихъ недостатковъ, указывая притомъ на мѣры исправленія. Чувство корысти было чуждо благородной душѣ Ѳ. А.: при самыхъ скромныхъ средствахъ къ содержанію, онъ никогда не заботился о пріобрѣтеніи денегъ. Такъ напр. за ежедневныя занятія со мною (никогда не менѣе двухъ часовъ въ день, а часто и болѣе) онъ самъ назначилъ себѣ жалованье самое скудное—по 25 руб. ассигн. въ мѣсяцъ и никогда, не смотря на просьбы моей матери, не хотѣлъ согласиться на возвышеніе этого ничтожнаго оклада. Онъ любилъ помогать своимъ бѣднымъ роднымъ; охотно давалъ деньги, сколько могъ, приходившимъ къ нему бѣднымъ, знакомымъ и незнакомымъ; нерѣдко давалъ взаймы оканчивающимъ курсъ бѣднымъ студентамъ и большею частію безъ отдачи. Такова была нравственная личность Ѳ. А. Голубинскаго. Но читатели, можетъ быть, скажутъ мнѣ: неужели при всѣхъ

этихъ добродѣтеляхъ не было въ немъ никакихъ недостатковъ? Недостатки конечно были, но они происходили изъ того же источника, изъ тѣхъ же добрыхъ его качествъ. Онъ не подозрѣвалъ ни въ комъ лукавства или обмана, и этою излишнею довѣрчивостью люди неблагонамѣренные пользовались для того, чтобы обмануть его. Человѣколюбіе не допускало его отказать кому-нибудь изъ приходившихъ къ нему: люди всякаго званія, въ особенности богомольцы и странницы, отнимали у него такъ много времени, что онъ принужденъ былъ просиживать ночи за работой. Еще больше времени отнимала у него цензура; стараніе обработать какъ можно лучше каждую рукопись, каждый рисунокъ (множество такихъ рукописей и рисунковъ представлялось отъ книгопродавцевъ) затрудняло его до такой степени, при другихъ болѣе важныхъ занятіяхъ, что цензурный матеріалъ накоплялся у него кучами и лежалъ безъ движенія цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы. Немало получалъ онъ непріятностей отъ книгопродавцевъ и другихъ издателей за свою медленность. Нѣкоторые, какъ напр. А. Н. Муравьевъ, жаловались митрополиту, который, съ своей стороны, присылалъ выговоры. Отчеты по ревизіямъ также представлялъ онъ очень медленно; такъ по ревизіи двухъ семинарій въ 1832 году Ѳ. А. представилъ отчетъ только въ 1836 году, по настоятельному требованію владыки, и притомъ признавался, что «ничего не можетъ сказать въ извиненіе своей медленности». По этому случаю митр. Филаретъ писалъ къ ректору Академіи: «Признающагося хочется *покрыть*. Непонятно, зачѣмъ такъ долго дремалъ протоіерей на искушеніе себѣ и другимъ». Въ другой разъ, при разсмотрѣніи вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ академическаго правленія, владыка противъ статьи о ревизіи 1832 года написалъ: «Вспомнилъ ли протоіерей Голубинскій свою неисполнительность, и прежде не разъ замѣченную? Думаетъ ли онъ, что не довольно испытывалъ терпѣніе начальства, и что не настало еще время испытывать, имѣетъ ли онъ послушаніе»?

Несмотря на такіе строгіе отзывы, Филаретъ очень хорошо зналъ трудолюбіе и добросовѣстность Голубинскаго и отлично уважалъ его; онъ зналъ, что Голубинскій никогда не пренебрегалъ дѣломъ и несъ огромные труды по преподаванію, по цензурѣ, по перепискѣ съ учеными Русскими и иностранными. Зная все это, онъ хотѣлъ внушить ему, что нужно умѣть распоряжаться временемъ, которымъ такъ умно распоряжался Филаретъ. Замѣчательно, что при такомъ, повидимому, гнѣвѣ на знаменитаго профессора, Филаретъ высказалъ теплое и трогательное слово: «признающагося хочется покрыть».

Нужно вспомнить еще нѣсколько лицъ до переѣзда въ Москву. Въ продолженіе пяти лѣтъ, проведенныхъ мною съ матерью, бабушкой и

сестрой въ Сергіевомъ посадѣ, бывали у насъ пріѣзжіе гости, которые теперь приходятъ мнѣ на память.

Два раза въ годъ, на праздники преп. Сергія, пріѣзжалъ въ Лавру изъ Ростова архимандритъ Яковлевскаго монастыря Иннокентій, и всякій разъ посѣщалъ мою матушку, иногда съ от. намѣстникомъ Аѳанасіемъ, иногда съ Ѳ. А. Голубинскимъ, котораго онъ очень любилъ. Онъ началъ свое служеніе церкви священникомъ въ селѣ Порѣчьѣ, на берегу озера, напротивъ города Ростова, гдѣ дѣдъ и прадѣдъ его удостоились принять рукоположеніе отъ святителя Димитрія. Овдовѣвъ послѣ двадцатилѣтняго священства, онъ постригся, подвизаясь въ трудахъ духовной жизни, подъ руководствомъ роднаго дяди своего отца Амфилохія, о которомъ говорилъ я выше. Еще при жизни старца, Иннокентій вступилъ въ обязанности архимандрита обители и около 30 лѣтъ несъ бремя настоятельства, назидая и братію, и богомольцевъ всякаго званія—отъ вельможи до простолюдина не столько словами, сколько примѣромъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Въ особенности отличался онъ терпѣніемъ и любовью ко всѣмъ. Много лѣтъ сряду страдалъ старецъ тяжкими, неизлечимыми недугами: каменною болѣзнію и страшными ранами на ногахъ. При мнѣ случилось однажды, что, послѣ обѣда у намѣстника Лавры, отецъ Иннокентій освободился отъ большаго остраго осколка камня, безъ сомнѣнія съ жестокимъ страданіемъ. Но не только стона или крика жгучей боли не слыхали мы изъ устъ его, но онъ даже не прерывалъ веселой дружеской бесѣды. Только замѣтна была перемѣна въ лицѣ: оно то блѣднѣло, то краснѣло. Такъ пріучилъ себя старецъ къ терпѣнію выше силъ человѣческихъ! О ранахъ своихъ онъ говорилъ: «Если-бы не эти раны, гдѣ-бы найти мнѣ такихъ будильниковъ? Лѣность влечетъ ко сну, а онѣ напоминаютъ о молитвѣ». Какъ стражъ у гроба святителя, онъ всѣхъ принималъ съ неистощимою любовью и радушіемъ, не разбирая различій житейскихъ; во всякое время дня стекались къ нему богомольцы, и никто не отходилъ безъ благословенія, безъ живаго слова назиданія. На вопросъ одного знатнаго гостя, который дивился такому неутомимому гостепріимству, старецъ отвѣчалъ: «Не смѣю не принять Христа, а въ чьемъ лицѣ прійдетъ Онъ, не вѣдаю». Отецъ Иннокентій скончался въ 1847 году, на 77 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на паперти соборной церкви Яковлевскаго монастыря, рядомъ съ могилою отца Амфилохія.

Послѣдніе дни 1825 года и начало 1826-го были для жителей Москвы эпохою безпокойствъ и ужаса: много семействъ поражено было скорбію о внезапно схваченныхъ и увезенныхъ въ Петербургъ родственникахъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ томъ преступномъ заго-

ворѣ, который разразился бунтомъ 14 Декабря. Въ числѣ прочихъ схваченъ былъ П. И. Колошинъ, о женитьбѣ котораго на двоюродной сестрѣ моей Сашѣ Салтыковой я говорилъ прежде. Его схватили ночью въ постели и тотчасъ же увезли, но къ счастью забыли захватить бумаги, лежавшія у него въ кабинетѣ. Этою оплошностью полиціи воспользовалась моя тетушка Аграфена Степановна, жившая постоянно съ племянницей: она тотчасъ же сожгла большую груду бумагъ. Поутру нагрянула полиція, но ничего уже не нашла. Послѣ слышалъ я, что въ числѣ сожженныхъ бумагъ были такія, которыя вполнѣ доказывали участіе Колошина въ дѣйствіяхъ тайнаго общества. Сказывали также, что между ними попали въ огонь разные документы по имѣніямъ и пакетъ съ 500 рублей, полученный наканунѣ. Недостатокъ уликъ и молчаніе Пущина о виновности друга его Колошина послужили въ пользу послѣднему: Колошинъ не былъ сосланъ въ Сибирь, даже не былъ лишенъ правъ состоянія. Его оставили въ сильномъ подозрѣніи и назначили жить безвыѣздно въ деревнѣ. Но каково было бѣдной женѣ его! Двадцатилѣтняя беременная женщина, по красотѣ и образованію служившая украшеніемъ Московскаго общества, обезпамятѣла отъ ужаса въ ту страшную ночь, когда, безъ всякой предосторожности, выхватили изъ объятій ея любимаго мужа. Въ началѣ великаго поста мать и тетка привезли несчастную Сашу въ Троицкую Лавру; она ничего не понимала, никого не узнавала и казалась помѣшанною. Очень грустно было смотрѣть на нее въ это время; но нѣсколько позднѣе она пришла въ себя и была уже въ полномъ разумѣ, когда ѣздила встрѣчать мужа во Владимиръ, въ Іюлѣ 1826 года. Тутъ ожидало ее новое горе: она увидѣла мужа ослѣпшаго въ казематѣ. Сколько ни лечили его послѣ, испросивъ дозволеніе привозить его подъ строгимъ присмотромъ полиціи въ Петербургъ и Москву, онъ остался слѣпымъ до конца жизни. Въ Августѣ 1830 года, незадолго до переѣзда въ Москву, я былъ съ матерью въ селѣ Смольномъ (Владимирской губерніи, Покровскаго уѣзда), родовомъ имѣніи Салтыковыхъ, гдѣ назначено было жить Колошину; я дивился, видя спокойствіе и даже веселое расположеніе духа въ слѣпцѣ, окруженномъ нѣжными заботами милой жены.

Почти одновременно съ пріѣздомъ двухъ тетокъ моихъ и Саши Колошиной появилась въ Посадѣ старуха Елисавета Степановна Текутьева, вдова роднаго брата того генерала Текутьева, женатаго на родной сестрѣ моей бабушки Сумароковой, о которомъ упоминалъ я прежде. Она бѣжала изъ Москвы, напуганная народнымъ слухомъ, будто бы при перевезеніи тѣла императора Александра I будетъ тамъ такой же бунтъ, какой былъ въ Петербургѣ. Старуха находилась въ постоянномъ безпокойствѣ, переходила изъ церкви въ церковь въ сопровожде-

ніи двухъ старыхъ горничныхъ, молившихся вмѣстѣ съ нею, и сердилась, когда находила запертою которую-нибудь изъ церквей. «Бога не боятся монахи, не дадутъ мнѣ душу успокоить», говорила она. Поведеніе ея въ церкви, особенно послѣ конца богослуженія, было въ высшей степени забавно. Приложившись ко всѣмъ иконамъ, до которыхъ могла достать устами, она становилась посреди церкви и начинала посылать рукою поцѣлуи къ верхнимъ рядамъ иконостаса, приговаривая: «тебѣ, батюшка; тебѣ, матушка; успокойте мою душу горемычную». Я слѣдилъ за нею неоднократно и очень забавлялся такими ея выходками.

У Е. С. Текутьевой была дочь, Марья Ивановна, въ супружествѣ за генераломъ Петромъ Ефимовичемъ Лопухинымъ. Этотъ Лопухинъ, въ молодости видный и красивый человѣкъ, служилъ при императорѣ Павлѣ поручикомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Однажды, на разводѣ, Государь замѣтилъ Лопухина и спросилъ фамилію. »Вы, сударь, не родня ли князю Петру Васильевичу»?—«Племянникъ, Ваше Императорское Величество».—«Жалую васъ штабсъ-капитаномъ». По отъѣздѣ Государя съ развода сослуживцы объяснили недальновидному Лопухину, что сказанная имъ ложь можетъ обойтись дорого, если онъ заблаговременно не упроситъ князя принять его въ родство. Онъ тотчасъ же кинулся къ князю Лопухину, упалъ ему въ ноги и разсказалъ все, что̀ случилось. «Ну, хорошо, будь племянникомъ», сказалъ, усмѣхнувшись, старикъ. «Поѣзжай скорѣе во дворецъ, свези записочку Анетѣ, чтобы она знала, что ты намъ родня». Въ тотъ же вечеръ Павелъ I сказалъ князю: «А вы, сударь, мнѣ не сказали, что у васъ есть племянникъ въ моей гвардіи».—«Я желалъ, Государь, чтобы онъ самъ заслужилъ ваше вниманіе».— «Я его сегодня отыскалъ и взыскалъ моею милостью». Старикъ, конечно, поблагодарилъ за мнимаго племянника. Съ того дня Петръ Ефимовичъ началъ такъ быстро повышаться по службѣ, что черезъ два года былъ уже генералъ-майоромъ и генералъ-адъютантомъ. При воцареніи Александра I, онъ вышелъ въ отставку и около 1820 года умеръ. Разсказъ объ немъ я слышалъ неоднократно отъ жены его и тещи.

Дядя мой, Сумароковъ, бывалъ при насъ неоднократно въ Посадѣ. Но особенно памятнымъ для меня остался пріѣздъ его въ 1827 году съ молодою женою. Тетушка Прасковья Дмитріевна скончалась въ Декабрѣ 1826 года въ Ярославлѣ, и дядя чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ женился вторично на Софьѣ Васильевнѣ Постниковой, дѣвушкѣ бойкой, кокетливой и очень красивой, впрочемъ не безъ помощи искусства. Ее-то привозилъ онъ знакомить съ моею матерью. Этотъ второй бракъ

былъ пагубнымъ для моего добраго дяди, о чемъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Въ слѣдующую затѣмъ зиму, въ одинъ морозный вечеръ, явился къ намъ весьма забавный господинъ. Это былъ Василій Ивановичъ Егорьевскій, кандидатъ Московскаго университета и въ то время одинъ изъ корректоровъ университетской типографіи. Еще при жизни отца моего онъ бывалъ у насъ въ домѣ и разыгрывалъ роль какого-то страннаго шута и бозтолковаго стихотворца. Такъ, когда я былъ произведенъ въ пажи, отецъ мой, ради смѣха, заказалъ ему оду, которую онъ написалъ тутъ же при мнѣ, безпрестанно прихлебывая изъ стакана съ водкой. Въ этомъ нелѣпомъ стихотвореніи описывалось путешествіе курьера, у котораго лошади скачутъ

Съ рявкнымъ крикомъ мордныхъ дырочекъ
И носовыхъ похрипѣлочекъ,
Съ выгибами ногъ гульливыми,
Сзади, спереди вильливыми
И при случаѣ брыкливыми.

Внезапное появленіе его въ тотъ вечеръ, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ, произвело у насъ всеобщій взрывъ хохота. Онъ много болталъ и наконецъ объявилъ, что у него въ Академіи есть братъ чуть-чуть не магистръ. Мать моя спросила: «Вѣроятно кандидатъ?»—«Нѣтъ, студентъ, но на дняхъ будетъ магистромъ; его зовутъ Михаилъ Егоровичъ Б—въ. Онъ тамъ стоитъ за воротами» — «Такъ позовите же его сюда». — «Нѣтъ, не годится; мы съ нимъ изъ Виѳаніи въ Глинково заходили, Бахусу поклонялись. Я сейчасъ съ нимъ уйду». Дѣйствительно онъ ушелъ, но прозябшій родственникъ встрѣтилъ его недружелюбно: они сначала побранились, а потомъ, какъ сказываютъ, и подрались. Послѣ того я не видалъ Егорьевскаго. Года черезъ два онъ умеръ. Упоминаю здѣсь объ немъ, какъ о замѣтной чертѣ того времени. Въ первой четверти нынѣшняго вѣка еще не прекратилась въ Московскомъ обществѣ страсть къ дуракамъ и шутамъ всякаго рода. Этотъ Егорьевскій, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Университетѣ (по обычаю того времени), не могъ выдержать выпускнаго экзамена, потому что ничего не зналъ, кромѣ двухъ восточныхъ языковъ: Арабскаго и Персидскаго, которымъ очень охотно учился у профессора Болдырева, такъ что могъ держать корректуру Арабской Христоматіи, изданной симъ послѣднимъ. Послѣ неудачнаго экзамена, Болдыревъ посовѣтовалъ Егорьевскому обратиться съ просьбою къ попечителю университета, П. И. Кутузову. Егорьевскій побѣжалъ (онъ всегда бѣгалъ, а не ходилъ) въ подмосковную Кутузова, верстахъ въ 40 отъ Москвы, и произнесъ предъ нимъ про-

шеніе, изложенное въ нелѣпѣйшихъ стихахъ. Попечитель расхохотался и приказалъ (тогда это было возможно) возвести его на степень кандидата словесныхъ наукъ. Съ того времени новый кандидатъ состоялъ въ должности шута при Кутузовѣ. Однажды прибѣжалъ онъ въ туже деревню, прихрамывая и жалуясь, что нога очень болитъ; оказалось, что въ сапогѣ у него былъ гвоздь, который воткнулся въ ногу и сапогъ былъ налитъ кровью. И въ этомъ-то положеніи онъ бѣжалъ 40 верстъ!

*

Настало наконецъ для меня время разлуки съ Лаврою. Послѣ напутственнаго молебна, при ракѣ мощей преподобнаго Сергія, благодѣтельный наставникъ мой Ѳ. А. передалъ мнѣ на память миніатюрную книжку Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Іисусу Христу», съ слѣдующею надписью: «Conservet te Dominus ab omni malo! Dignetur te Dominus eo pretiosissimo dono, ut regium, quod hic indicatur, iter amore amplectaris et introeas! Largietur tibi Dominus veram humilitatem, et cor purum castumque, quod Illum Ipsum, vitae Fontem, amore plenum, avide quaerat ac diligat! Alliciat te Dominus ad Se Ipsum, eo modo eoque tempore, quo Ipsi placuerit. Tuus T. G.» («Да сохранитъ тебя Господь отъ всякаго зла! Да сподобитъ тебя Господь драгоцѣннѣйшаго дара—возлюбить указанный здѣсь царскій путь и вступить на него! Да даруетъ тебѣ Господь истинное смиреніе и сердце чистое, цѣломудренное, готовое искать и любить Его Самого, Источникъ жизни, любовію преисполненный! Да привлечетъ тебя Господь къ Себѣ, такъ и тогда, какъ Ему будетъ угодно. Твой Ѳ. Г.»)

На другой день, 24 Августа 1830 года, мы оставили Посадъ.

Графъ М. Толстой.

(Продолженіе будетъ)

АЛЕКСАНДРЪ ПОЛЕЖАЕВЪ.

(1807—1838)

Біографическій очеркъ.

....Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностію страстей, которая, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дала ему ни развиться, ни созрѣть. И потому, къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основательной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти.... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбудить къ себѣ и ужасъ, и состраданіе. Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели.

Бѣлинскій.

Міръ Русскаго барства выпустилъ въ свѣтъ горячаго юношу съ сильнымъ поэтическимъ талантомъ, который могъ развиться только подъ условіемъ—забыть, отвергнуть среду, откуда онъ вышелъ; но съ дѣтства усвоенная привычка необузданности не допустила могучій талантъ до отрицанія этой среды въ жизни, а слѣдовательно—и въ поэзіи. Рѣдко на комъ обстоятельства жизни такъ ярко отразились какъ на личности и сочиненіяхъ Полежаева. Уродливая поэма, за которую онъ попалъ въ солдаты, бросаетъ полный свѣтъ на его существованіе и вмѣстѣ указываетъ на раздвоенность нашего высшаго сословія: на образованное меньшинство и закоснѣлое помѣщичество... Первая среда выростила Пушкина, вторая—Полежаева.

Огаревъ.

Между поэтами Пушкинской школы, когда-то, непослѣднее мѣсто занимало имя Полежаева, теперь полузабытое, памятное развѣ немногимъ уцѣлѣвшимъ современникамъ той эпохи, или присяжнымъ любителямъ исторіи нашей словесности. Было время, когда его стихотворенія, носившія на себѣ печать несомнѣннаго природнаго дарованія, внимательно читались, списывались и нѣкоторыя даже распѣвались подъ «звукъ унылый фортепьяно», либо гитары, нарочно положенныя на му-

зыку [1]). Впрочемъ, въ этомъ вниманіи къ Полежаеву большинства публики, уже достаточно избалованной Пушкинскими произведеніями, сказывалась не столько сознательная оцѣнка достоинства его стиховъ, сколько участіе къ печальной долѣ автора ихъ, огласившейся по всей грамотной Россіи. Его личностью были нѣкогда романически заинтересованы молодые читатели обоего пола, какъ немного позже другою еще личностью, болѣе яркою въ первое десятилѣтіе Николаевскаго времени— Бестужева-Марлинскаго.

Но все это прошло, да быльемъ поросло.... Со дня смерти того злополучнаго неудачника, о комъ мы ведемъ рѣчь, протекло уже сорокъ три года, и въ этотъ долгій промежутокъ времени, заявившій себя цѣлымъ рядомъ знаменательныхъ событій въ жизни Русскаго общества, новыхъ явленій, новыхъ вѣяній и потребностей, естественно изгладилась память объ личности и литературной дѣятельности человѣка, который, въ неравной борьбѣ съ своимъ суровымъ жребіемъ, не успѣлъ упрочить себѣ болѣе твердыхъ правъ на посмертную извѣстность и сочувствіе потомства. Да и то надо сказать: мы слишкомъ поглощены «злобою дня», слишкомъ озабочены его треволненіями, чтобы удѣлять много вниманія тому, что̀ осталось далеко позади насъ. Въ нашъ забывчивый и суетливый вѣкъ ничто долго не помнится: намъ стало недосужно беречь преданія даже о многомъ такомъ, что̀ завѣтнѣе и дороже имени какого-нибудь второстепеннаго поэта-несчастливца, въ родѣ Полежаева, и мудрено ли было затеряться ему, этому скромному имени, если и славная память Пушкина обновилась для нынѣшняго молодаго поколѣнія только недавнимъ празднествомъ по поводу поставленнаго въ Москвѣ изваянія?

Но исторія имѣетъ надъ нами свои вѣчныя права, для удовлетворенія которыхъ мы обязаны хранить наслѣдіе времени, еще не совсѣмъ для насъ исчезнувшаго въ своихъ слѣдахъ. Наша цѣль пролить болѣе свѣта на темную исторію одной изъ жертвъ своего времени, одного изъ тѣхъ, не довершившихъ себя дѣятелей Русской литературы, которые, по роковому стеченію обстоятельствъ, почти въ самомъ началѣ своего поприща уносились съ него въ пропасть погибели, а оттуда— на дно могилы. Такова, напримѣръ, была участь князя А. И. Одоевскаго, братьевъ Бестужевыхъ, Кюхельбекера, Корниловича, Владимира Соколовскаго [2]). Къ группѣ подобныхъ жертвъ судьбы принадлежитъ

---

[1]) Напр.. романсы: „Зачѣмъ задумчивыхъ очей", „Призваніе", „Архалукъ"; пѣсни: „У меня-ль молодца", „Долго-ль будетъ вамъ безъ умолку идти" и н. др.

[2]) Автора поэмы „Мірозданіе", впервыя изданной въ 1837 году. Онъ былъ сосланъ въ Вологду и впослѣдствіи спился съ кругу...

Полежаевъ, если не по товариществу стремленій, какія сгубили большинство этихъ людей, то по братству страданій, съ избыткомъ искупившихъ грѣхи и увлеченія бурной его юности. По крайней мѣрѣ, во имя этой суровой эпитиміи онъ имѣетъ полное право на сочувственное воспоминаніе, посвящаемое его скорбной тѣни.

*

Въ біографіи Полежаева мы на первомъ-же шагу встрѣчаемся съ неопредѣленными и сбивчивыми свѣдѣніями. Даже при обозначеніи полнаго его имени представляются противорѣчія. Такъ, напримѣръ, по «Настольному Словарю» Толля, «Русскому энциклопед. словарю» Березина и «Библіографич. указателю Русской и всеобщ. словесности» Межова (Спб. 1872), Полежаевъ названъ Александромъ *Петровичемъ*, а время его рожденія отнесено къ 1810-му году; у г. Гербеля, въ «Біографической христоматіи Русскихъ поэтовъ», онъ поименованъ Александромъ *Ивановичемъ*, а рожденіе его отнесено къ 1807-му году. Это послѣднее хронологическое указаніе должно быть вѣрнѣе; потому что катастрофа, постигшая Полежаева во время его студенчества, въ 1826-мъ году, — т. е. отдача въ солдаты, — на врядъ-ли могла послѣдовать тогда, какъ ему было только 16 лѣтъ отъ-роду, и очевидно, что она случилась уже на 20-мъ году его жизни. Въ указаніи *мѣста* его рожденія и семейной обстановки, у г. Гербеля допущена неточность тамъ, гдѣ онъ *положительно* высказываетъ, что будто бы Полежаевъ «родился въ *Петербургѣ*, въ небогатомъ дворянскомъ семействѣ». Вѣроятно, ошибочное предположеніе о томъ, что онъ былъ Петербургскій уроженецъ, выведено изъ заключительныхъ строкъ стихотворенія его «Къ морю»:

„Въ другое время, на *брегахъ*
Балтійскихъ водъ, *въ моей отчизнѣ*,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ....“

Но мы имѣемъ основаніе думать, что тутъ Прибалтійскіе берега названы родиной поэта не въ прямомъ, а въ фигуральномъ смыслѣ, такъ какъ онъ, будучи ребенкомъ и юношей, часто и подолгу живалъ въ Петербургѣ, у своего дяди, а слѣдовательно привыкъ считать Петербургъ какъ-бы роднымъ городомъ. Что касается вопроса объ истинной его родинѣ, то онъ же самъ категорически отвѣчаетъ на это въ своей неизданной поэмѣ «Сашка»,—той, что впослѣдствіи явилась основною причиною всѣхъ его бѣдъ и послужитъ для насъ главнѣйшимъ

автобіографическимъ матеріаломъ для исторіи его дѣтства, юности и воспитанія [3]):

„Быть можетъ, въ *Пензѣ* городишка
Несноснѣе *Саранска* нѣтъ;
Подъ нимъ есть малое селишко,
Гдѣ нашъ герой увидѣлъ свѣтъ".

Это «селишко», какъ гласитъ на одномъ изъ рукописныхъ экземпляровъ поэмы особое примѣчаніе въ выноскѣ подъ приведенными здѣсь стихами, называлось сельцо *Покрышкино*, имѣніе помѣщиковъ Струйскихъ, Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи [4]). Оно составляло нѣкогда часть владѣній богатаго барина Екатерининскихъ временъ, Николая Еремѣевича Струйскаго († 1796), извѣстнаго чудака-метромана, печатавшаго свои вирши въ собственной типографіи, въ селѣ Рузаевкѣ, Инсарскаго уѣзда [5]). Изъ 18-ти человѣкъ его дѣтей обоего пола, *Петръ Николаевичъ* Струйскій имѣлъ побочнаго сына *Александра Полежаева* [6]), получившаго свою фамилію, можетъ быть по крестному отцу; слѣдовательно, прочіе братья Петра Николаевича, и въ томъ числѣ *Юрій Николаевичъ* [7]), игравшій важную роль въ жизни нашего поэта, доводились послѣднему родными дядями.

Каковы были отношенія къ Полежаеву отца его и въ чемъ заключалось первоначальное воспитаніе «сына любви», объ этомъ онъ разсказываетъ самъ въ той же неизданной поэмѣ, съ свойственною ему циническою искренностью:

---

[3]) Что авторъ поэмы-пародіи описывалъ въ ея героѣ именно самого себя, а не подразумѣвалъ кого-либо другаго, это доказывается начальными стихами той же строфы:

„Студенты всѣхъ земель и краевъ!
Онъ вашъ товарищъ и мой другъ,
Его фамилья—*Полежаевъ*...."

[4]) Названіе этого селенія повторяется и въ слѣдующихъ стихахъ поэмы:

„И у Француза въ пансіонѣ
Шалунъ *Покрышкинскій* сидитъ".

[5]) Подробности объ этомъ курьёзномъ стихоплётѣ см. въ „Руск. Архивѣ" 1865 г., стр. 958—964, и 1866 г., стр. 265.

[6]) Кто была его мать, мы не могли добиться, а самъ онъ нигдѣ и ни однимъ словомъ не намекаетъ на ея личность. Вѣроятно, это была крѣпостная наложница Струйскаго.

[7]) Отецъ литератора тридцатыхъ годовъ, Дмитрія Юрьевича Струйскаго, писавшаго въ стихахъ и прозѣ, иногда подъ псевдонимомъ *Трилуннаго*, а иногда и подъ своимъ настоящимъ именемъ. См. „Стихотворенія Трилуннаго" „Альманахъ на 1830 г." 2 ч. Спб. Есть также его повѣсть въ прозѣ, въ „Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду" 1837 г., и статья въ 1-й книжкѣ „Отечеств. Записокъ" 1839 г.: „О современной музыкѣ и музыкальной критикѣ".

„Не знаю, право, я,—богато
Иль бѣдно жилъ его отецъ,
Но все довольно тороват о
И промотался наконецъ.
Но это прочь . . . .
Намъ говорить объ сынѣ должно:
Посмотримъ, вышелъ онъ какимъ.
Какъ быстро съ горъ весенни воды
Въ долины злачныя текутъ,
Такъ пусть въ разсказѣ нашемъ годы
Его ребячества пройдутъ.

*

Пропустимъ также, что родитель
Его до крайности любилъ,
И первый Сашенькинъ учитель
Лакей изъ дворни его былъ.
Пропустимъ, что сей менторъ славный
Былъ и въ Французскомъ—Соломонъ,
И что дитя узналъ исправно
Весь сквернословья лексиконъ.
Пропустимъ, что на балалайкѣ
Въ шесть лѣтъ онъ „барыню“ игралъ
И что въ ругнѣ, да въ бабкахъ, въ свайкѣ
Онъ кучерамъ не уступалъ“.

И такъ, изъ этихъ откровенныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ признаній можно судить, что «любящій» родитель выказывалъ свою нѣжность къ незаконнорожденному сынку только беззавѣтныхъ баловствомъ, но не попеченіями о его воспитаніи, попавшемъ въ руки бывалаго, «цивилизованнаго» лакея, который мараковалъ и по-французски настолько, что могъ посвятить бойкаго мальчика, ради своей лакейской потѣхи, въ тайны всякихъ мерзостей на двухъ языкахъ. Понятливый ученикъ скоро изощрился по части грязныхъ пѣсенъ, прибаутокъ и тому подобныхъ пошлостей, изобрѣтенныхъ дикимъ развратомъ. Этотъ образовательный курсъ, начатый въ передней и продолжавшійся въ обычныхъ пріютахъ крѣпостной дворни,—въ людской, на кухнѣ и конюшнѣ,—спозаранку заронилъ въ отроческую впечатлительную душу сѣмена плодовъ, роскошно созрѣвшихъ въ пору юности. Видно, благодушный родитель спохватился, наконецъ, хотя и поздненько:

„Вотъ Сашкѣ десять лѣтъ пробило—
И началъ папенька судить,
Что не весьма-бы худо было
Сынка другому поучить.
Бичь хлопнулъ, тройка быстрыхъ коней
И день и ночь въ Москву летитъ.
И у Француза въ пансіонѣ
Шалунъ Покрышкинскій сидитъ.

Я полагаю, всѣмъ извѣстно,
Что̀ значитъ модный пансіонъ;
И такъ немногимъ будетъ лестно
Узнать, чему учился онъ.
Должно-быть, кой чему учился,
Иль выучилъ хоть на алтынъ,
Коли достойнымъ учинился
Носить студента знатный чинъ....“

Почему именно мѣстомъ ученія «Покрышкинскаго шалуна» была избрана Москва, гдѣ не находилась никого изъ его родни, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ постоянно жилъ его дядя, Юрій Николаевичъ, который могъ бы тамъ всегда имѣть племянника въ виду и надзирать за его поведеніемъ,—это вопросъ для насъ безотвѣтный. Во все время своего пребыванія въ Москвѣ, сперва въ пансіонѣ, а затѣмъ въ университетѣ, пылкій юноша не пользовался ничьимъ ближайшимъ руководствомъ и, на свою бѣду, былъ совершенно предоставленъ самому себѣ... Тѣмъ не менѣе, пансіонское ученье онъ проходилъ не безъ успѣха. Быстрыя способности значительно помогли ему восполнить тѣ изъяны, какіе неизбѣжно оказывались въ программѣ моднаго Французскаго пансіона, о которомъ бывшій его воспитанникъ говоритъ съ явною ироніей. Впрочемъ, время было не особенно требовательно въ этомъ отношеніи, и нельзя думать, чтобы условія пріемнаго экзамена въ университетъ сто̀или Полежаеву большихъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что и связи его ментора-Француза (содержателя пансіона) съ университетскимъ начальствомъ могли облегчить ему этотъ шагъ. Какъ бы то ни было, въ Августѣ 1823-го года Полежаевъ вступилъ въ Московскій университетъ, но по какому факультету,—намъ неизвѣстно; знаемъ только, что не по математическому (ибо онъ терпѣть не могъ математики) и не по медицинскому. Съ какимъ же умственнымъ запасомъ явился новый студентъ въ университетскія аудиторіи?

„Не знаю, право, я, природный
Умишко маленькій въ немъ былъ,
Иль пансіонъ учено-модный
Его лозами поселилъ,—
Но лишь учась тому, другому,
Онъ кое-что̀ перенималъ
И, словъ не тратя по пустому,
Кой-въ чемъ довольно успѣвалъ:
Могъ изъясняться по-французски
И по-нѣмецки лепетать,
А что касается по-русски,
То даже риѳмы сталъ кропать

*

„Хоть математикѣ учиться
Охоты вовсе не имѣлъ,
Но поколоться, порубиться
Съ лихимъ гусаромъ не робѣлъ.
Зналъ онъ науки и другія,
Да эти болѣе любилъ...
Ну, вѣдь нельзя-жь, друзья драгіе,
Сказать, чтобъ онъ невѣжда былъ.
Притомъ же, правду-матку молвить,—
Уменъ—не то, чтобы *ученъ*:
Иной куда гораздъ какъ спорить,
Переученъ, а не уменъ!“

Университетъ съ его тогдашними порядками, профессора и личный составъ служителей мало удовлетворяли кипучую и своенравную природу молодаго человѣка, черезчуръ склоннаго къ широкимъ обобщеніямъ отрицательнаго свойства. Говоря о своей *alma mater* и сравнивая старѣйшій изъ Русскихъ университетовъ съ нѣкоторыми заграничными и даже Виленскимъ, тогда еще существовавшимъ [8]), онъ ядовито издѣвается надъ первымъ: намекаетъ на пристрастную раздачу дипломовъ людямъ, ихъ недостойнымъ, но имѣвшимъ за себя ходатаевъ; негодуетъ на всеобщее низкопоклонство предъ начальствомъ, на неравенство отношеній его къ студентамъ, изъ которыхъ были отличаемы иные по богатству или аристократическому происхожденію, и обзываетъ такихъ молодцовъ «пустоголовыми полузнайками», а нѣкоторыхъ профессоровъ— «колокольными звонарями»:

„О родина прямыхъ студентовъ,—
Гёттингенъ, Вильна и Оксфордъ!
У васъ не могутъ брать патентовъ
Глупецъ, алтынникъ или скотъ;
Вертѣться въ шляпѣ трехугольной
И шпагу при бедрѣ имѣть;
У васъ не можетъ колокольный
Звонарь на каѳедрѣ гудѣть;
У васъ не вздумаетъ мальчишка
Шипѣть, надувшись: „я студентъ!“
Вы судите: пусть онъ князишка,
Да въ немъ ума ни капли нѣтъ.“

*

„У васъ студентъ есть мужъ почтенный,
А не паршивецъ, не пошлякъ,
Не полузнайка просвѣщенный
И не съ червонцами дуракъ.

---

[8]) Виленскій университетъ, уставъ котораго былъ утвержденъ 18-го Мая 1803-го года, закрытъ, вслѣдствіе Польскаго мятежа, въ 1832 г.

У васъ таланты въ уваженьи,
А не поклоны въ трехъ верстахъ;
У васъ заслугамъ награжденье,
А не привѣтствіямъ въ сѣняхъ....
Природный умъ вамъ кажетъ путь,
И онъ вамъ честь и чинъ доставитъ,
А не *„нельзя-ли-съ какъ нибудь!“*...
Но что? Гдѣ я? Куда сокрылся
Вниманья нашего предметъ?
Ахъ, господа, какъ я забылся!
Я самъ и Русскій, и студентъ....“

Но, бичуя такъ хлёстко своихъ собратьевъ, которые, по ихъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ, роняли званіе студента, Полежаевъ, сознательно или безотчетно, рисуетъ и собственную особу вовсе не свѣтлыми красками... Не смотря на то, что въ приведенныхъ сейчасъ строфахъ проглядываетъ какое-то *отвлеченное* уваженіе къ истиннымъ дарованіямъ и научнымъ трудамъ, къ достоинствамъ и знаніямъ неподдѣльнымъ, онъ самого себя обличаетъ въ такомъ направленіи, съ какимъ немыслимо уважать что̀ бы ни было. Ни дѣтство, ни юность не взлелѣяли въ немъ наклонности вдумываться въ глубь какого-либо предмета, наводящаго пытливый умъ на размышленія и умѣть отличать ту раздѣльную черту, которая для болѣе зоркихъ глазъ разграничиваетъ понятія объ истинномъ и ложномъ. Вообще, слишкомъ мелко плавалъ этотъ даровитый человѣкъ, обреченный превратнымъ воспитаніемъ, вопреки богатымъ природнымъ задаткамъ, на вѣчно-поверхностную дѣятельность мысли, хотя впослѣдствіи страданіе и горе подвысили ее до извѣстной степени.

Университетъ не выработалъ въ немъ серьёзныхъ взглядовъ на трудъ и науку; стало-быть, о пристальныхъ учебныхъ занятіяхъ не было и помину. Студенческое житьё свое Полежаевъ повелъ на тотъ-же «веселый» ладъ, какъ и многіе другіе его товарищи-гуляки, т. е. постоянно отлынивалъ отъ посѣщенія лекцій, или если изрѣдка и ходилъ на нихъ, то для того, чтобъ подмѣчать наружныя странности профессоровъ, а послѣ осмѣивать ихъ въ своемъ пріятельскомъ кружкѣ; праздность-же цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ наполнялъ трактирными развлеченіями, при чемъ кутилъ, какъ говорится, «не въ свою голову» и щеголялъ пошлымъ ухарствомъ, рисуясь также религіознымъ вольнодумствомъ и огульнымъ отрицаніемъ всего, что̀ стояло не на уровнѣ его понятій. Избытокъ кипучихъ силъ разбрасывался на дешевую удаль, гдѣ и какъ попало... Это шло за умѣнье наслаждаться жизнію, за настоящій эпикуреизмъ и воспѣвалось такимъ, напримѣръ, образомъ:

..."Ахъ, мигъ волшебный, быстротечный
Волшебныхъ юношескихъ лѣтъ!
Блаженъ, кто радости безпечной
Тебя сорвалъ, какъ вешній цвѣтъ.
Блаженъ, кто слезъ ручей горючій
Рукой Анюты утиралъ,
Блаженъ, кто въ жизни путь колючій
Виномъ отраднымъ поливалъ...
Пусть смотритъ Гераклитъ унылый
Съ улыбкой жалкой на тебя,—
Но ты блаженъ, о другъ мой милый,
Забывъ въ весельи самъ себя!...
Хорошъ философъ былъ Сенека,
Еще умнѣй Платонъ мудрецъ,
Но черезъ два или три вѣка
Они, ей-ей, не образецъ!
И въ нихъ, и въ новыхъ шарлатанахъ
Лишь сборъ нелѣпостей однихъ;
Да и весь свѣтъ нашъ на обманахъ,
Или духовныхъ, иль мірскихъ...
Но полно! Я заговорился....
Не для того я объ ученыхъ
И мудрыхъ началъ разсуждать,
Что захотѣлось мнѣ объ оныхъ
И о наукахъ толковать.
И такъ, ни слова о наукахъ.
Черты героя моего:
Свобода въ мысляхъ и въ поступкахъ,
Не знать судьею никого:
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемѣрія ханжей,—
А жаждать вольности строптивой....
(О необузданность страстей!),
Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,
И къ фарисеямъ въ хомутахъ
Горѣть враждой закоренѣлой....
Вотъ все, чему онъ научился;
Свидѣтель—университетъ!
Хотя-бъ Рафаэль самъ трудился,
Не лучше-бъ снялъ его портретъ....
Рожденный пылкимъ отъ природы,
Недолго былъ онъ средь оковъ,
Искалъ онъ буйственной свободы
И, ставъ свободнымъ,—былъ таковъ".

Чтобы дать понятіе о студенческихъ похожденіяхъ «любителя свободы», мы снова, и не разъ, должны будемъ обращаться къ отрывкамъ изъ той-же стихотворной его автобіографіи, отнюдь не отличающейся художественнымъ исполненіемъ, но имѣющей, въ устахъ автора, цѣну самой чистосердечной исповѣди.

„Какъ вихрь иль конь мятежный въ полѣ
Летитъ въ свирѣпости своей,
Такъ въ первый разъ его на волѣ
Узрѣли въ пламени страстей.
Ни вы, театры, маскарады,
Ни дамъ Московскихъ лучшій цвѣтъ,
Ни петиметрскіе наряды
Не были думъ его предметъ.
Нѣтъ, не такихъ мой Сашка правилъ:
Онъ не былъ отъ роду *bon-ton*,
И не туда совсѣмъ направилъ
Полетъ орлиный, быстрый онъ.
Туда, гдѣ шумное веселье
Въ рядахъ неистовыхъ кипитъ,
Отколь всѣ свѣта принужденья
И скромность ложная бѣжитъ;
Туда, гдѣ Бахусъ полупьяный
Объ руку съ Момусомъ сидитъ,
И съ „цѣломудренной“ Діаной
Разнѣжась, юноша шалитъ,—
Туда, туда, всегда стремились
Всѣ мысли Сашки моего:
И Вакхъ, и Момусъ веселились,
Принявъ въ товарищи его.
Въ его пирахъ не проливались
Мадера, Рейнъ или Токай,
Но сильно, сильно испивались
Иль пуншъ, иль грозный сиволдай......
Вотъ полу-лежа, въ вицмундирѣ,
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ красотками въ трактирѣ
Какой-то черненькій буянъ.
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ,
И слово вольное летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ.
Кричитъ, пуншъ плещетъ, брызжетъ пиво,
Графины, рюмки дребезжатъ,—
И вкругъ гуляки молчаливо
Рои трактирщиковъ стоятъ.
Махнулъ,—и бубны зазвучали,
Какъ громъ по тучамъ прокатилъ,
И крикъ Цыганской „Черной шали“
Трактира своды огласилъ!
И дикій вопль, и восклицанья
Созвучны съ пылкою душой,
И палъ студентъ въ очарованьи
На перси дѣвы молодой...
Кто-жъ сей во славѣ буйной зримый,
Младой, роскошный эпикуръ,
Царицей Пафоса любимый,
Средь нимфъ увѣнчанный амуръ?

Друзья! Никакъ не можетъ статься,
Чтобъ всякій вдругъ не угадалъ,
И мнѣ пришлось бы извиняться,
Зачѣмъ я прежде не сказалъ...
Ахъ, время-времячко лихое!
Тебя опять не наживу,
Когда, бывало, съ другомъ двое
Вверхъ дномъ мы ставили Москву!
Пока я живъ на свѣтѣ буду,
Въ какихъ-бы ни былъ я странахъ,—
Нѣтъ, никогда не позабуду
О нашихъ доблестныхъ дѣлахъ.
Деру завѣсу темной нощи
Съ прошедшихъ, милыхъ сердцу дней,
И вижу: въ Марьиной мы рощѣ
Блистаемъ славою своей.
Фуражки, взоры и походка—
Все дышетъ жизнію, поетъ;
Табачный ароматъ и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ.
Идемъ, качаясь величаво,
И всѣ дорогу намъ даютъ,
И дѣвы влѣво и направо
Отъ насъ со трепетомъ бѣгутъ.
Идемъ,—и горе тебѣ, дерзкій,
Взглянувшій искоса на насъ:
„Молчать!“ кричимъ, насупясь звѣрски,—
Иль выбьемъ потроха̀ какъ-разъ!“
Толпимъ рой женъ и дѣвъ стыдливыхъ,
(Попались въ давкѣ тѣсной намъ),
Изъ нихъ цѣлуемъ мы смазливыхъ
И харкаемъ въ глаза корга̀мъ.
Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ:
Пусть дураки на насъ глядятъ,—
Намъ все равно: хвалы не ищемъ;
Пусть что угодно говорятъ!
Но вотъ темнѣе и темнѣе,
Народъ разбрелся по домамъ.
„Извощикъ!“—Здѣсь, сударь.—„Живѣе!
Пошелъ на Срѣтенку....... !“
—„Но, но!“ и дрожки затрещали,
Летимъ стремглавъ, летимъ—и вотъ
Къ знакомымъ давнимъ прискакали..
Ужъ съ колокольни несонливой
Раздался утрени набатъ......
Дымъ каждую туманилъ кровлю,
Ползли ярыги къ кабакамъ,
Шли хищныхъ полчища на ловлю,
И шайки нищихъ тамъ и сямъ.
Прощайте-жъ, милыя красотки,
Теперь намъ нѣчего зѣвать!
И такъ, допивъ остатокъ водки,
Отправились домой мы спать“.

Праздности, задорнымъ шалостямъ и разгулу отдавалось почти все время университетскаго курса, и большинство студентовъ тогдашняго поколѣнія,—конечно не въ одномъ лишь Московскомъ университетѣ, болѣе или менѣе дѣлило съ Полежаевымъ славу буйныхъ оргій: онѣ, сплошь да рядомъ, были любимыми увеселеніями студенческихъ кружковъ, съ которыми удачно соперничала въ этихъ потѣхахъ и армейская молодежь. Въ подобныхъ подвигахъ полагался своего рода *шикъ*, предметъ щегольства и молодечества забубённыхъ повѣсъ, и чѣмъ причудливѣе, чѣмъ отважнѣе устроивалась какая нибудь безобразная продѣлка, тѣмъ бо́льшею властію среди своихъ сподвижниковъ пользовался виновникъ ея и герой. Странное было это время! Съ одной стороны оно ознаменовалось для университетовъ притѣснительными мѣрами противъ малѣйшихъ признаковъ свободомыслія, даже до насильственнаго водворенія чуть не монастырской дисциплины, а съ другой—сопровождалось полнѣйшею нравственною распущенностью учащейся молодежи; и между тѣмъ, какъ подъ тяжелою рукою Магницкихъ, Руничей, Карнѣевыхъ тщательно придавливалось всякое дыханіе умственной жизни, собственно въ интересахъ «благочестія», «благочинія» и «благонравія», большинство молодыхъ людей находило полную возможность для самыхъ необузданныхъ безобразій по трактирамъ и притонамъ разврата. Однако, такое явленіе было совершенно естественно, какъ крайность противъ крайности, какъ побочное возмѣщеніе отсутствія работъ, питающихъ мысль, облагораживающихъ душу. Мудрено-ли, что повсемѣстное паденіе университетской науки, при усиленномъ преслѣдованіи свободы преподаванія и повальномъ остракизмѣ лучшихъ профессоровъ, приводило молодежь къ грубымъ и постыднымъ развлеченіямъ? Ими утолялась, хотя и фальшиво, жажда жизни, пылавшая въ горячей молодой крови. При этомъ надо помнить, что наибольшая часть учащагося юношества состояла изъ дворянскихъ дѣтей, выращенныхъ на лонѣ крѣпостнаго права и всосавшихъ съ материнскимъ молокомъ беззавѣтное потворство дикимъ затѣямъ. Исключеніемъ изъ общаго правила являлась только избранная группа великосвѣтской гвардейской молодежи, ознакомленная ультра-французскимъ воспитаніемъ и заграничными походами съ условіями Европейской образованности. Участіе къ общественнымъ вопросамъ, къ судьбамъ отчизны, политическія мечты объ улучшенномъ внутреннемъ ея устройствѣ, начинавшія тогда волновать умы и сердца многихъ передовыхъ людей въ этомъ высшемъ слоѣ общества, были почти совершенно чужды массѣ университетскихъ питомцевъ. Всѣ порывы нѣкоторыхъ изъ нихъ къ лучшимъ гражданскимъ идеаламъ (проблески чего тускло мелькають кое-гдѣ въ юношескихъ стихотвореніяхъ Полежаева) были неопредѣлен-

ны, шатки, безпочвенны, какъ все напускное, схваченное мимолётно съ чужаго голоса и далекое отъ мало-мальски дѣльнаго изученія. Въ огромномъ-же большинствѣ членовъ студенческой братіи отсутствовали и эти слабыя поползновенія къ головоломнымъ вопросамъ. Правда, въ близкомъ уже будущемъ предстояло возрожденіе истинно-университетскаго духа, а съ нимъ и появленіе на поприщѣ дѣйствія такихъ замѣчательныхъ представителей русской мысли и науки, какъ напр. Станкевичъ, Бѣлинскій, Грановскій, К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ; но, до тѣхъ поръ, предшественники ихъ пробавлялись совсѣмъ иными стремленіями, не имѣвшими ровно ничего общаго съ идеями, которыя исповѣдовали люди, смѣнившіе собою поколѣніе конца двадцатыхъ годовъ. За незначительными изъятіями, какими можно было считать горсть скромныхъ тружениковъ, прильнувшихъ къ научнымъ занятіямъ если не изъ любви къ нимъ, то изъ-за куска хлѣба насущнаго, все тогдашнее студенчество «сбивало себѣ оскомину» только кутежами, или выходками возмутительнаго самодурства.... Драки съ полицейскими, разгромы домовъ терпимости, битьё по зубамъ несчастныхъ женщинъ, населявшихъ эти вертепы,—все это было въ преданіяхъ и правахъ того поколѣнія, все это были сцены заурядныя. Вотъ ихъ образчикъ изъ Полежаевской поэмы:

„Ахъ, много, много мы шалили!
Быть можетъ, пошалимъ опять,—
И много, много старой были,
Друзья, найдется разсказать,
Во славу университета.
Какъ будто вижу я теперь
Осаду нашу „комитета“.
Вотъ Сашка мой стучится въ дверь.
„Кто ночью тамъ шумѣть изволитъ?“
Оттуда голосъ закричалъ.
— Увидитъ тотъ, кто дверь отворитъ,—
Сердито Сашка отвѣчалъ.
Сказалъ, какъ вихорь устремился—
И дверь низвергнулась съ крючкомъ,
И, заревѣвши покатился
Лакей съ желѣзнымъ косаремъ.
Се ты, о *Сомовъ* незабвенный!
Твоею мощной пятернёй
Гигантъ, въ затылокъ пораженный,
Слетѣлъ по лѣстницѣ крутой.
Какъ лютый волкъ, стремится Сашка
На дѣву блѣдную одну,—
И распростерлася Дуняшка,
Облившись кровью, на полу.
Какое страшное смятенье
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,

И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно-избіенныхъ дѣвъ!...
Но вдругъ огнями озарился
Пространный „комитета“ дворъ,—
И съ кучерами появился
Свирѣпыхъ буфелей дозоръ.
„Держи!“—повсюду крикъ раздался,—
И быстро бросились на насъ,
И бой ужасный завязался....
О, грозный день! О, лютый часъ!
Шинели, шляпы и фуражки
Съ героевъ буйственныхъ летятъ,
И—что я зрю? О, небо! Сашкѣ
Веревкой руки ужъ крутятъ!...
„Друзья!“ кричитъ онъ, задыхаясь:
„Сюда! Здѣсь всѣхъ не перебью!“
Народъ-же, больше собираясь,
На жертву кинулся свою.
Ахъ, Сашка! что съ тобою будетъ?
Тебя въ рогатку закуютъ,
И рой друзей тебя забудетъ....
Но нѣтъ! Ужъ *Калайдовичъ* тутъ!
Онъ тутъ,—и нѣтъ тебѣ злодѣя:
Твою веревку онъ сорвалъ
И, какъ медвѣдь всё свирѣпѣя,
Во прахъ онъ буфелей поклалъ.
Одной своей телячьей шапки
Уже во вѣкъ ты не узришь,
А самъ безвреденъ: послѣ схватки
Опять за пуншемъ ты сидишь.
Пируй теперь, мой *Ждановъ* милый:
Невѣрность Дуньки отмщена.
И проясни свой ликъ унылый
Стаканомъ пѣннаго вина.
И ты, мой другъ, въ тогдашни годы,
Теперь—подлецъ и негодяй,
Настрой-ка, *Пузинъ*, братъ, аккорды,
Возьми гитару и взыграй,
Взыграй чувствительнѣе барда.
Каврайскій! вотъ сивуха, пей!
Прочь, прочь, *Надеждинъ*, отъ бильярда;
Коль проигралъ, такъ не робѣй!
И ты, нашъ чайный разливатель,
Окушенскій, не отходи,
И какъ порядка наблюдатель,
За пиромъ радостнымъ гляди!
Засядемъ дружескимъ соборомъ
За столъ уставленный виномъ,
И звучнымъ, громогласнымъ хоромъ,
Лихую пѣсню запоемъ.
Долой, всѣ грусти и печали!...
Давно, давно мы не бывали
Въ такомъ божественномъ кругу.

Скачите, дѣвы, припѣвая:
Виватъ, нашъ Сашка молодецъ!
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей-богу, удалецъ!"

Цѣлый годъ прошелъ у Полежаева въ этихъ громкихъ дѣяніяхъ и въ воспѣваніи ихъ стихами, писанными въ промежуточные часы разгула. Извѣстность его какъ поэта (говоритъ г. Гербель) росла съ каждымъ годомъ, и стихи его не только восхвалялись невзыскательными товарищами, но и печатались въ журналахъ. Такъ въ IX книжкѣ «Новостей Литературы» на 1824 г. былъ помѣщенъ его стихотворный переводъ повѣсти Байрона «Оскаръ д'Альва», а въ 23 № «Вѣстника Европы», на 1825 годъ — два стихотворенія, изъ которыхъ одно оригинальное «Постоянство», а другое переводное «Морни или тѣнь Кормала» *Оссіана*. Но надо сказать, прибавимъ мы, что эти первые опыты, удостоившіеся печати, были плоховаты и, по достоинству, рѣшительно уступали тѣмъ рукописнымъ издѣліямъ вольной музы Полежаева, которыя отличались, по крайней мѣрѣ, безъискуственностью и проблесками живаго юмора [9]). Болѣе же серьёзнымъ и зрѣлымъ его произведеніямъ, доказывающимъ дѣйствительную силу таланта, суждено было явиться уже впослѣдствіи, когда судьба возложила поэту тяжелый крестъ на плеча.

Слухи о предосудительномъ образѣ жизни Полежаева, мало по малу, дошли, наконецъ, до его родныхъ. Не знаемъ, застали-ли они въ живыхъ отца его; но дѣло въ томъ, что Петербургскій дядюшка, Юрій Николаевичъ Струйскій, повидимому взявшій на себя обязанность его попечителя, вызвалъ повѣсу-племянника къ себѣ въ Петербургъ (лѣтомъ 1824 г.), съ угрозой взять его совсѣмъ изъ Московскаго университета и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Дѣлать было нечего и дѣваться некуда: Полежаевъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ отправиться по грозному требованію разгнѣваннаго родича, въ качествѣ блуднаго сына,

---

[9]) Вотъ самодѣльный его эпиграфъ къ той поэмѣ, откуда мы приводимъ частыя выписки:

„Не для славы
Для забавы
Я пишу.
Одобренья,
Осужденья
Не прошу!
Пусть кто хочетъ,
Тотъ хохочетъ,—
И я радъ;
А развратенъ,
Непріятенъ,—
Пусть бранятъ"!

съ повинной головою и порожнимъ кошелькомъ, опустошеннымъ до-тла Московскими забавами. Въ начальныхъ строфахъ той-же рукописной поэмы, пародируя «Евгенія Онѣгина», Полежаевъ довольно много говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ дядѣ и объ его характерѣ. По описанію нашего поэта, это былъ старый служака, любившій разсказывать о военныхъ дѣлахъ, большой поклонникъ Наполеона, человѣкъ очень вспыльчивый, но «отходчивый», т.-е. скоро простывающій и незлопамятный.

„Мой дядя человѣкъ сердитый,
„И тьму я браней претерплю;
„Но если-жъ говорить окрыто,
„Его немного я люблю:
„Онъ чортъ, когда разгорячится,
„Дрожитъ, какъ пустится кричать;
„Но жаръ въ минуту охладится,
„И тихъ мой дядюшка опять!
„За то какая-же мнѣ скука
„Весь день при немъ въ гостинной быть,
„Какая тягостная мука
„Лишь о походахъ говорить....
„Супругѣ строить комплименты,
„Платочки съ полу поднимать,
„Хвалить ей чепчики да ленты,
„Дѣтей въ колясочкѣ таскать,
„Точить имъ сказочки да лясы,
„Водить въ саду, въ день раза три,
„И строить разныя гримасы,
„Бормоча: „чортъ васъ побери!"
Такъ, растянувшись на телѣгѣ,
Студентъ Московскій размышлялъ,
Когда въ ночномъ оттоль побѣгѣ
Онъ къ дядѣ въ Питеръ поскакалъ.
Студенты всѣхъ земель и краевъ!
Онъ вашъ товарищъ и мой другъ.
Его фамилья *Полежаевъ*,
А дальше... Эхъ, друзья; не вдругъ!
Я парень и безъ васъ болтливый,
И только-бъ васъ не усыпить,
А то внимайте терпѣливо:
Я радъ весь вѣкъ свой говорить....

Почти вся вторая часть поэмы посвящена подробностямъ пребыванія Полежаева въ Петербургѣ. Сперва онъ побаивался не на шутку и вздыхалъ по Москвѣ:

„Чуть освѣщаемый луною, -
Дремалъ въ туманѣ Петербургъ,
Когда, съ уныньемъ и тоскою,
Его верхи узрѣлъ нашъ другъ.

На облучкѣ, спустивши ноги,
Въ забвеньи жалкомъ онъ сидѣлъ
И объ оконченной дорогѣ
Въ сердечной думѣ сожалѣлъ;
Стаканъ послѣднiй сиволдая
Передъ заставой осушилъ,
И изъ телѣги вылѣзая,
И молчаливъ, и смутенъ былъ.
Нева широкая струилась
Близь постоялаго двора,
И недалеко серебрилось
Изображенiе Петра.
Все было тихо; не спокойно
Въ душѣ лишь Сашки моего,
И не смыкалися невольно
Глаза померкшiе его,—
Недавно буйнаго студента.
Съ дымящимся отъ трубки ртомъ
Онъ, прислонясь у монумента,
Стоялъ съ потупленнымъ челомъ...
„Увы, увы! часы веселья,
Вы пролетѣли, будто сонъ!"
Такъ въ Петербургскомъ новосельѣ,
Вздохнувши тяжко мыслилъ онъ.
„Быть можетъ, долго, молодыя
Красотки, мнѣ васъ не видать!....
Прощайте, звонкiе стаканы,
И пуншъ, и мощный Ерофей!
Быть можетъ, други мои пьяны
Теперь пируютъ у Цирцей,
И сны прiятные осѣнятъ
Глаза, сомкнутые виномъ;
Лучи дневные ихъ освѣтятъ
Разупоенныхъ сладкимъ сномъ.
Увы, увы!... А я, несчастный,
Я-бъ проклялъ восходящiй день!
Умолкъ, и лучъ денницы ясной
Разсѣевалъ ночную тѣнь.
Эхъ, Сашка! Какъ тебѣ не стыдно!
Сробѣлъ, лихая голова!
Ей-богу, слушать намъ обидно
Такiя вздорныя слова.
Когда ты былъ такою бабой,
Когда ты трусилъ и тужилъ?
Какъ мальчикъ глупенькiй и слабый,
При видѣ розги прiунылъ.
Что ты въ Москвѣ накуралесилъ
И голъ остался какъ соколъ,
Такъ и раскисъ и носъ повѣсилъ?...
Пошелъ, братъ, къ дядюшкѣ, пошелъ!

Однимъ словомъ, блудно-промотавшiйся племянничекъ, со страхомъ и трепетомъ, ожидалъ отъ дяди крутой расправы за свои Московскiя

прегрѣшенія, сознавая, что тотъ имѣетъ право отнестись къ нему по заслугамъ. И въ самомъ дѣлѣ, не ласкова была встрѣча званому гостю; но, затѣмъ все обошлось благополучно. Виноватый повѣса скорчилъ видъ чистосердечнаго раскаянія, прикинулся тронутымъ до слезъ, а можетъ быть и непритворно растрогался въ эту минуту, и скоро умѣлъ такъ поддѣлаться къ дядѣ, что не только обезоружилъ его гнѣвъ, но и сдѣлался баловнемъ старика, который доставлялъ ему всѣ средства для развлеченій, свойственныхъ порядочнымъ людямъ. Племянникъ весьма охотно ими пользовался и повелъ приличный съ виду образъ жизни, а между тѣмъ, изподтишка, всё-таки пошаливалъ на старый ладъ, только умѣлъ ловко хоронить концы въ воду, что̀ продолжалось вплоть до обратнаго отъѣзда въ Москву.

„И что-жъ, друзья? Вѣдь справедливо
Онъ (*т.-е. Сашка*) дядю чортомъ называлъ:
Вѣдь какъ-же тотъ краснорѣчиво
Его сначала отщелкалъ!
Какую задалъ передрягу!
Такую пѣсенку отпѣлъ,
Такъ отпривѣтствовалъ бродягу,
Что тотъ лишь слушалъ да потѣлъ.
Потомъ все тише да смирнѣе,
Потомъ не сталъ ужъ и кричать,
Потомъ все ласковѣй, добрѣе,
Потомъ и Сашей началъ звать.
А Саша тутъ и распустился,—
И чувствуетъ, что виноватъ,
Раскаялся и прослезился.—
И дядя, Боже мой, какъ радъ!
Повѣсу грязнаго отмыли;
Сейчасъ бѣлья ему, сапогъ,
И съ головы принарядили,
Какъ лучше быть нельзя до ногъ!
И веселится тамъ, нисколько,
Никакъ, не думавъ, не гадавъ.
Пируетъ Сашка мой—и только,
Опять въ кругу своихъ забавъ.
Гдѣ видъ Московскаго гуляки?
Куда дѣвался пухлый ликъ?
Голо, кургузо, въ модномъ фракѣ,
Въ отличной шляпѣ-элястикъ,
Въ красивомъ бархатномъ жилетѣ,—
Нашъ Сашка тотъ-же, да не тотъ!
Вотъ, избоченясь, на проспектѣ
Онъ съ миной важною идетъ;
Червонецъ свѣтлый, драгоцѣнный,
И на театры въ первый рядъ,
Билетъ на кресла ежедневный
Въ карманѣ брюкъ его лежатъ.

Съ какой улыбкою кичливой
На прочихъ франтовъ онъ глядитъ,
Какой усмѣшкою сонливой
И дамъ и барышень даритъ;
Съ какой пріятностью играетъ
И машетъ хлыстикомъ своимъ
И какъ искусно задѣваетъ
Подъ ножки дѣвушекъ онъ имъ!
Какой bon-ton въ осанкѣ, взорахъ,
Какую важность возъимѣлъ....
И вотъ на ухорскихъ рессорахъ
Въ театръ, разлегшись полетѣлъ.
  Взошелъ. Съ небрежностью лакею
Билетъ, сморкаясь, показалъ,
И, изогнувши важно шею,
Глазами ложи пробѣжалъ.
Взгремѣла Фрейшюца музыка,
Громъ плесковъ залу оглушилъ—
И всякъ отъ мала до велика
И упоенъ, и тронутъ былъ.
Что-жъ Сашка? Съ видомъ пресыщенья,
Разлегшись въ креслахъ, онъ сидитъ
И лишь съ улыбкой сожалѣнья
Въ четыре стороны глядитъ.
  Напрасно „фора" всѣ кричали,
Онъ свой выдерживалъ bon-ton,
И въ самомъ дѣйствія началѣ
Спокойно пуншъ пить вышелъ онъ.
Напрасно, милая *Дюрова*,
Твой голосъ всѣхъ обворожалъ:
Онъ не расслышалъ ни полслова,
Но только ножку увидалъ.
Напрасно, Антонинъ (?) воздушный,
Ты рѣзалъ воздухъ какъ зефиръ,—
Для тону Сашкѣ будетъ скучно,
Хотя-бъ растѣшилъ ты весь міръ.
  Да и нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ.
Смотрите, онъ въ какомъ кругу!
Народъ не тотъ здѣсь........
Все видишь ленту иль звѣзду;
И, шутки въ сторону откинувъ,
Съ нимъ рядомъ первая вѣдь знать:
И такъ, пристойно-ль, ротъ разинувъ,
Степнымъ букой себя казать.
Такъ, разъ и твердо разсудивши,
Всегда нашъ Сашка поступалъ
И каждый день въ театрѣ бывши,
Роль полусоннаго игралъ.
  Но какъ-же былъ за то онъ скроменъ
Во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ,
И полу-тихо-нѣжно-томенъ
При зоркихъ дядиныхъ глазахъ!

Съ какимъ терпѣньемъ и почтеньемъ
Его онъ слушалъ по часамъ,
Съ какимъ всегда благоговѣньемъ
Ходилъ съ нимъ вмѣстѣ по церквамъ;
По Лѣтнему-ль гуляетъ саду, —
Не свищетъ пѣсенки, небось;
Хоть разскрасотка будь,—ни взгляда
Не кинетъ на нее и вкось.
Съ какою пылкостью восторга
Дѣлилъ онъ дядины мечты,
Доказывалъ премудрость Бога,
Вникалъ въ природы красоты;
Съ какимъ онъ жаромъ изумлялся
Наполеонову уму
И какъ дѣлами восхищался
Моро, и Нея, и Даву!
Бранилъ всѣхъ Русскихъ безъ разбора,
И въ Эрмитажѣ отъ картинъ
Не отводилъ ни рта, ни взора....
О, плутъ! О, шельма!........
И потакалъ, и лицемѣрилъ,
И льстилъ безсовѣстно, и вралъ;
А честный дядя всему вѣрилъ
И шельмѣ—денежки давалъ!
Бывало, только-что съ Мильонной,—
А дядя: „гдѣ, дружочекъ, былъ?"
—„Да я-съ (куда какой проворный!)
Я-съ по бульвару все ходилъ;
Потомъ спускъ видѣлъ парохода,
Да Зимній осмотрѣлъ дворецъ...
Что за прекрасная погода!"
Вотъ такъ-то лгалъ нашъ молодецъ.

Богъ знаетъ, кто кого надувалъ изъ двухъ, и дѣйствительно ли сѣдой дядя былъ такъ простодушенъ, что безъ всякой задней мысли давался въ обманъ молокососу-племяннику; но сей послѣдній совершенно увѣрился въ успѣхѣ своей тактики и въ возможности скоро вырваться опять на свободу отъ стариковскаго надзора, надоѣвшаго ему вмѣстѣ со всѣми явными и келейными Питерскими увеселеніями. Въ нихъ не доставало ему главной приправы: привычной компаніи Московскихъ друзей-товарищей.

„Ахъ ты, лукавая ярыга!
Вѣдь что, мошенникъ, не совретъ!
За то нашъ ловкій забулдыга
Живетъ да пѣсенки поетъ:
Кутитъ отъ дяди по секрету,
Порхаетъ фертикомъ въ садахъ,
Пируетъ съ нимфами до свѣту
И душитъ водку въ погребахъ!

Ну, что ты дѣлать съ нимъ прикажешь?
Не хочетъ слышать ужъ про насъ....
Эй, Сашка! Или не покажешь
Въ Москву своихъ спѣсивыхъ глазъ?...
Постой! Не вѣчно, братъ, рейнвейны
Въ Café de France ты будешь пить,
И шейки обвивать лилейны,
И въ шляпѣ à la pique ходить;
Постой: не вѣчно Петербурга
Красотокъ будешь ты ласкать!
Опять любезнѣйшаго друга
Въ Москву представятъ, къ намъ опять!
Гуляй, пируй, пока возможно,
Крути, помадь свой хохолокъ,—
Минуты упускать не должно:
Играй, сбоченясь à la coq.
Не выпускай изъ рукъ стакана,
Отъ *Каратыгина* зѣвай,
И въ ресторанѣ ты съ дивана,
Дымясь въ вакштафѣ, не вставай;
Катайся въ лодочкахъ узорныхъ,
Лови, обманывай Жидовъ
И мчись на рысакахъ проворныхъ
До позднихъ полночи часовъ;
Служи пока веселья цѣли,—
А дядя мыслитъ кое-что:
И въ дилижансѣ двѣ недѣли
Тебѣ ужъ мѣсто нанято."

Затѣмъ, по прибытіи въ Бѣлокаменную, «для продолженія университетскаго курса», Полежаевъ попадаетъ сперва въ Кремлевскій садъ на вечернее гулянье (картину котораго мы пропускаемъ, какъ совсѣмъ не удавшуюся) и тамъ случайно встрѣчается съ своими *закадычными*. Тутъ снова на сценѣ разливанное море студенческой попойки, въ честь благополучнаго пріѣзда воротившагося товарища.

„Но что? Не призракъ-ли намъ ложный
Глаза внезапно ослѣпилъ?
Что видимъ мы? Ужель возможно,
Чтобъ это Сашка нашъ ходилъ!
Его ухватки и движенья,
Его осанка, взоръ и видъ....
Какія странныя сомнѣнья:
И духъ и кровь во мнѣ кипитъ....
Иду къ нему—трясутся ноги..
Все ближе милыя черты!
Дрожу, страшусь, колеблюсь... боги!
О, другъ любезный! Это ты?...
Друзья, завѣсу опускаю
На нашу радость и восторгъ;
Такой минуты, сколько знаю,
Никто намъ выразить не могъ.

Сердцамъ же вѣрнымъ и открытымъ
И все желающимъ узнать,
Умамъ чрезмѣру любопытнымъ
Довольно, кажется, сказать:
Что разъ пятнадцать съ нимъ обнявшись
И оросивъ слезами грудь,
И разъ пятнадцать цѣловавшись,
Въ трактиръ направили мы путь.
Не вспомнишь все, что̀ мы болтали;
Но все, что̀ тутъ онъ разсказалъ,
Вы передъ этимъ прочитали,
И я все вѣрно передалъ.
Одно лишь только онъ прибавилъ,
Что дядя въ университетъ
Еще на годъ его отправилъ
И что довольно съ нимъ монетъ.
„Сюда, друзья, сюда!“ гремящимъ
Своимъ мнѣ гласомъ возопилъ,
И пуншемъ—нектаромъ кипящимъ
Въ минуту столъ оѳрызганъ былъ.
Ты видѣлъ, Поль, когда на дрожкахъ
Къ тебѣ онъ быстро подлетѣлъ,
Въ то время съ книгой у окошка,
Дымивши трубкой ты сидѣлъ.
Ты помнишь, о Коврайскій славный,
Студентовъ честь и красота,
Какой ты встрѣчею забавной
Порадовалъ его тогда:
Растрёпаннымъ, мертвецки пьянымъ,
Тебя онъ въ номерѣ засталъ....
Ты зрѣлъ, любезный мой Костюша,
Его какъ стельку самого....
Виватъ трактиры и .....!
Еще пожива будетъ вамъ,
И погребки не опустѣли,
Когда пріѣхалъ Саша къ намъ!
Въ весельи буйственномъ съ друзьями
Еще за пуншемъ онъ сидѣлъ,
А разноцвѣтными огнями
Кой-гдѣ Кремлевскій садъ горѣлъ“ [10])
Друзья! Вотъ нѣсколько дѣяній
Изъ жизни Сашки моего;
Быть можетъ, дождь ругательствъ, брани,
Какъ градъ посыплютъ на него.
И на меня, какъ корифея
Его распутства и безчинствъ,
Нагрянетъ, злобой пламенѣя,
Какой-нибудь семинаристъ...

---

[10]) Здѣсь собственно оканчивается юмористическая поэма Полежаева. Послѣдняя строфа составляетъ къ ней эпилогъ.

Но я ихъ столько презираю,
Что даже слушать не хочу
И что про Сашку вновь узнаю,
Ей-ей ни въ чемъ не умолчу."

Такъ проходили дни за днями. Ровно три года протекло съ тѣхъ поръ, какъ Полежаевъ носилъ званіе студента Московскаго университета, и почти всѣ эти годы были посвящены,—говоря его-же языкомъ, на ревностное служеніе Бахусу, Момусу и Венерѣ, при чемъ также не забывались и частыя жертвоприношенія Фебу, богу поэзіи. Наконецъ, надъ усерднымъ ихъ поклонникомъ внезапно разразилась грозовая туча, навлеченная не самымъ его поведеніемъ, а тою поэмой-пародіей, въ которой онъ изображалъ свои вакханаліи. Шуточное описаніе факта оказалось болѣе преступнымъ, чѣмъ самый фактъ, и не будь этой несчастной поэмы, участь Полежаева не была-бы хуже той, какая пришлась на долю многихъ его товарищей-собутыльниковъ, повидимому избѣгнувшихъ всякой напасти.... Но жизнь бѣднаго поэта съ этой именно поры принимаетъ окраску трагическую.

Бѣда нагрянула на его голову нежданно-негадано. Это случилось въ 1826-мъ году. То было мрачное время, послѣдовавшее за событіями 14-го Декабря, время повсемѣстныхъ арестовъ, обысковъ, ссылокъ и тому подобныхъ предупредительныхъ или карательныхъ мѣръ, вызывавшихся доносами, изслѣдованіями и подозрѣніями правительственной власти, встревоженной недавними происшествіями. Слѣды открытыхъ въ нихъ политическихъ замысловъ и аналогичнаго съ ними настроенія умовъ неутомимо розыскивались всюду и въ особенности среди молодаго поколѣнія интеллигентныхъ классовъ общества, хотя собственно университетскіе питомцы нигдѣ и ничѣмъ себя не заявили въ томъ движеніи, которое послужило поводомъ для этихъ розысковъ. Паника овладѣла, однако, учащимся людомъ, и каждый старался снять съ себя малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ благонадежномъ образѣ мыслей. Такъ было и съ Полежаевымъ. Повинуясь чувству самосохраненія, да вѣроятно и совѣтамъ опытныхъ доброжелателей, онъ попробовалъ настроить свою лиру на торжественно-патріотическій тонъ, совершенно ей несвойственный, какъ это свидѣтельствуется двумя плохими, крайне-напыщенными стихотвореніями: «Въ память благотвореній императора Александра 1-го Московскому университету» и пьесою «Геній». Изъ нихъ первое было публично произнесено въ годовщину основанія университета, 12-го Января, а второе читано въ торжественномъ годичномъ собраніи университета, 3-го Іюля 1826-го года. Впрочемъ, эти офиціальныя изліянія казенно-патріотическихъ чувствъ автора нимало не пригодились ему на черный день, какъ увидимъ далѣе.

Въ Іюлѣ 1826-го года, когда дворъ находился въ Москвѣ для торжества коронаціи, огласилось передъ высшею властію существованіе рукописной поэмы студента Полежаева. Полицейскимъ агентамъ ничего не значило добраться до имени сочинителя, такъ какъ оно названо прямо въ самомъ текстѣ поэмы, да притомъ авторъ и не думалъ таиться: тетрадь въ сотняхъ списковъ ходила по рукамъ среди молодёжи, падкой на всякіе скандалёзно-скоромные стишонки, и довольно долго не возбуждала вниманія ни въ комъ изъ людей степенныхъ. Вся поэма, конечно, отзывалась цинизмомъ тона, но выходокъ въ такъ называемомъ *политическомъ* духѣ она въ себѣ почти не заключала, кромѣ *восьми* только стиховъ 1-й части [11].... По всей вѣроятности, только эти восемь строкъ [12]) и сгубили поэта; пошлыя же сцены трактирныхъ буйствъ и ночныхъ кутежей, какими она наполнена, едва-ли могли явиться побудительною причиною для строгой расправы съ сочинителемъ, потому что въ студенческомъ быту—повторяемъ—подобные «дебоши» были до того обыкновенны и, можно сказать, общеизвѣстны, что особеннымъ взысканіямъ не подвергались: много много, если провинившихся гулякъ засаживали, бывало, въ карцеръ, на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Но какъ-бы тамъ ни было, а на этотъ разъ открытіе шуточной поэмы-пародіи дорого обошлось мальчишкѣ-автору [13]).

Теперь приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ происшествіяхъ съ Полежаевымъ, на основаніи его собственныхъ словъ, переданыхъ печатно однимъ извѣстнымъ писателемъ, который познакомился съ нимъ около 1833-го года.

Однажды, въ три часа ночи, самъ ректоръ университета [14]) разбудилъ Полежаева, приказалъ ему надѣть мундиръ и явиться въ университетское правленіе, гдѣ ожидалъ прибывшихъ попечитель учебнаго округа. Онъ тщательно осмотрѣлъ форменный костюмъ Полежаева и безъ всякаго объясненія велѣлъ ему ѣхать съ собою. Оба они въ по-

---

[11]) Строфа IX, которая начинается такъ:

„А ты, козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цѣпями,
Отчизна глупая моя!......“

[12]) Напомнимъ читателю, что за множество подобныхъ-же выходокъ Пушкинъ, благодаря предстательству Карамзина, отдѣлался только высылкою изъ столицы въ Южную Россію, для зачисленія тамъ на службу. За Полежаева ходатаевъ не было.

[13]) Ему въ то время было *девятнадцать* лѣтъ отъ роду.

[14]) Ректоромъ все еще состоялъ *Антонскій-Прокоповичъ*, уволенный, однако, отъ ректорства *въ томъ же 1826 году, по болѣзни.*

печительской каретѣ пріѣхали къ министру народнаго просвѣщенія, который, въ свою очередь повезъ студента въ царскій дворецъ [15]).

Тамъ министръ оставилъ Полежаева въ залѣ, гдѣ дожидалось нѣсколько придворныхъ и другихъ высшихъ сановниковъ (не смотря на то что былъ только 6-й часъ утра), а самъ пошелъ во внутренніе покои. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ даже предложилъ ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, оперпись на бюро, и говорилъ съ министромъ. Онъ бросилъ на вошедшаго строгій, испытующій взглядъ. Въ рукѣ у него была тетрадь.

— Ты ли, спросилъ онъ, сочинилъ эти стихи?

— Я, отвѣчалъ Полежаевъ.

— Вотъ, продолжалъ Государь, обратившись къ министру, вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія: я вамъ покажу, чему тамъ учатся молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ, прибавилъ онъ, снова отнесясь къ Полежаеву.

Волненіе Полежаева было такъ сильно, что читать онъ не могъ. Взглядъ Императора неподвижно остановился на немъ.... «Я не могу», проговорилъ смущенный студентъ.

— Читай! подтвердилъ Государь, возвысивъ голосъ.

Тогда, собравшись съ духомъ, Полежаевъ развернулъ тетрадь. «Никогда (впослѣдствіи разсказывалъ онъ) я не видывалъ «Сашку» такъ хорошо переписаннаго и на такой славной бумагѣ».

Сперва ему было трудно читать; потомъ, кое-какъ оправившись, онъ тверже дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ Государь дѣлалъ знакъ рукою министру. Тотъ закрывалъ глаза отъ ужаса.

— Что̀ скажете? спросилъ Императоръ по окончаніи чтенія. Я положу предѣлъ этому разврату. Это все еще слѣды . . . . послѣдніе остатки.... Я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?

Министръ разумѣется не зналъ его поведенія; но въ немъ шевельнулось чувство состраданія, и онъ сказалъ: «Превосходнѣйшаго, Ваше Величество».

---

[15]) Тотъ писатель, который положилъ на бумагу этотъ устный разсказъ Полежаева, называетъ вездѣ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія свѣтлѣйшаго князя К. А. Ливена; но это анахронизмъ, ибо кн. Ливенъ сталъ министромъ не прежде 1828 года, а предмѣстникомъ его былъ адмиралъ А. С. Шишковъ, съ 1823 по 1828 годъ.—Попечителемъ Московскаго университета былъ тогда князь Андрей Петровичъ Оболенскій.

—Этотъ отзывъ тебя спасъ, сказалъ Государь Полежаеву; но наказать тебя все-таки надобно, для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?

Полежаевъ молчалъ.

—Я тебѣ даю военною службой средство очиститься. Что-же, хочешь?

—Я долженъ повиноваться, отвѣчалъ Полежаевъ.

Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и сказавъ: «отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ писать», поцѣловалъ его въ лобъ.

Отъ Государя свели Полежаева къ Дибичу, начальнику Главнаго Штаба, который жилъ тутъ-же во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили; онъ вышелъ, зѣвая, и прочитавъ препроводительную бумагу, спросилъ флигель-адъютанта: «Это онъ?»—Онъ, ваше превосходительство [16]).—«Что же,—обратился Дибичъ къ студенту,—доброе дѣло; послужите въ военной; я все въ военной службѣ былъ. Видите дослужился; и вы, можетъ, будете генераломъ». Послѣ этой любезности, Дибичъ распорядился отвезти немедленно «будущаго генерала» въ лагерь, расположенный подъ Москвой, и сдать его въ солдаты.

Въ какой именно полкъ его назначили, мы не знаемъ, какъ не знаемъ достовѣрно и того, что̀ сталось съ участниками студенческихъ шалостей Полежаева, поименно указанныхъ въ его поэмѣ, и миновало-ли ихъ взысканіе. Надо думать, что имъ ничего не досталось; по крайней мѣрѣ, слуховъ объ этомъ не было.

Съ этого времени началась новая жизнь Полежаева, жизнь суровыхъ и непрерывныхъ испытаній, которыя въ дребезги разбили его будущность и уложили самого страдальца въ преждевременную могилу. Насталъ крутой переходъ отъ беззаботнаго приволья къ автоматической исполнительности, къ однообразной форменности, къ уставнымъ требованіямъ строевой выправки.... Едва-ли можно сомнѣваться, что солдата-новобранца, въ «исправительныхъ» видахъ, постарались помѣстить именно въ ту часть войскъ, гдѣ главное начальство отмѣнно преуспѣвало по фронтовой службѣ совершенствомъ пріемовъ шагистики и ружейныхъ темповъ, отличаясь отсутствіемъ всякой «слабости» къ подвластнымъ; не менѣе правдоподобно и то, что новый подчиненный

---

[16]) Въ Іюлѣ 1826 года баронъ Дибичъ не былъ еще графомъ, а имѣлъ чинъ генералъ-лейтенанта, состоя въ генералъ-адъютантскомъ званіи и должности начальника Главнаго Штаба. Со дня коронаціи (22-го Августа 1826 г.) онъ произведенъ генераломъ отъ инфантеріи; графское достоинство получилъ въ слѣдующемъ 1827 г., чинъ-же фельдмаршала 22-го Сентября 1829 года.

былъ *особенно* рекомендованъ *особенному* вниманію этого начальства и что оно поняло свою задачу съ свойственной ему и нѣсколько односторонней точки зрѣнія. Пожалуй, для иной натуры, да еще при иныхъ условіяхъ, подобный переломъ оказался-бы дѣйствительно полезною школой терпѣнія, порядка и точности, потому что могъ-бы исподоволь отрезвить нравственно-распущенную волю, очистить характеръ отъ наносной грязи безалаберныхъ привычекъ и ложныхъ воззрѣній, ознакомить молодаго человѣка практически съ здравыми понятіями объ исполненіи обязанностей, объ уваженіи долга. Вѣроятно, эта именно цѣль и имѣлась въ виду свыше, при опредѣленіи Полежаева въ военную службу; но съ нимъ случилось нѣчто совсѣмъ другое. Родные (въ томъ числѣ и благодѣтель-дядя) отъ него совершенно отчудились; прежніе друзья боялись, во вредъ себѣ, продолжать съ нимъ сношенія; чьего-нибудь теплаго участія, которое служитъ такою драгоцѣнной и незамѣнимою поддержкой въ черные дни житейскихъ испытаній, онъ, уже вывихнутый неестественною обстановкой дѣтства, вокругъ себя не видѣлъ; а военная служба, при тогдашнемъ ея характерѣ, положительно не могла перестроить его морально къ лучшему и развѣ была въ состояніи выдѣлать изъ него только исправнаго фронтовика, да и то если-бъ онъ оказался къ этому способнымъ. Однимъ словомъ, нашъ импровизированный воинъ попалъ совсѣмъ не въ свою колею: жутко и сиротливо почувствовалось ему въ новомъ житьѣ. Понятно, что всѣ, власть имѣвшіе, относились къ нему безъ всякаго послабленія, изъ страха давать въ чемъ-нибудь поблажку разжалованному студенту-вольнодумцу, о которомъ состоялось особое повелѣніе; а слѣдовательно, съ человѣкомъ все-таки умственно-развитымъ и значительно превосходившимъ своею образованностью отцовъ-командировъ, эти господа обращались не лучше, какъ и съ каждымъ рядовымъ, хотя впрочемъ безъ посредства тѣхъ общеупотребительныхъ,—специфическихъ, такъ-сказать,—инструментовъ солдатской выучки, что назывались «палочьемъ».... Нужно помнить, что вообще армейскія войска были наводнены тогда полковниками Скалозубами, уже конечно не погрѣшавшими въ пристрастіи къ «университантамъ» и «стихоплетамъ»; стало-быть можно себѣ представить, какъ пристально слѣдили они за тѣмъ, чтобы попавшійся въ ихъ начальническія руки одинъ изъ *этакихъ* не баловался и теръ-бы солдатскую лямку вѣрою и правдою....

И бѣднякъ тёръ эту лямку, задыхаясь въ тискахъ казарменной и фронтовой «муштры», то подъ командирскимъ гнетомъ великихъ мастеровъ маршировки, этихъ вдохновенныхъ артистовъ *игры въноскахъ*, то въ сообществѣ простыхъ сердцемъ, но грубоватыхъ товарищей-ря-

довыхъ [17]). Онъ только отводилъ душу въ немногіе досужные часы, когда могъ читать книги или кропать свои стихи: занятія, которыхъ онъ никогда не покидалъ и которыя могли-бы спасти его отъ нравственнаго разслабленія, если-бъ, на бѣду, къ нимъ не примѣшивалось и другихъ, менѣе позволительныхъ развлеченій. Старыя привычки брали свое, а имъ помогала еще грызущая душу тоска. Втихомолку онъ или пилъ по ночамъ, или неумѣренно предавался грубѣйшему разврату. Первое изъ этихъ развлеченій не всегда проходило ему даромъ, когда замѣчалось начальствомъ, и, по всей вѣроятности, не способствовало одобрительной о немъ аттестаціи передъ высшею властію, которая обрекла его на искусъ военной службы, что̀ можно предположить изъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ жизни несчастнаго поэта.

Въ одной изъ своихъ критическихъ статей Добролюбовъ [18]) такъ изображаетъ тогдашнее его положеніе: «Изъ молодаго, разгульнаго «кружка своихъ товарищей (студентовъ) внезапно попалъ Полежаевъ «въ другой кругъ гораздо болѣе грубый, порочный и невѣжественный, «въ которомъ смотрѣли на поэта какъ на преступника и негодяя. Онъ «не хотѣлъ и не могъ подчиниться тому, чему легко подчинялись другіе, «а его заставляли подчиняться.

„Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье“,

«и Полежаевъ ожесточился противъ людей и судьбы. Сначала у него «еще оставался какой-то геній, котораго онъ не называетъ ни добрымъ, «ни злымъ, но который обѣщалъ ему свое покровительство, а потомъ «забылъ его.... Полежаевъ съ довѣрчивостью ждалъ его помощи, и надежда на этого генія поддерживала его въ постоянной борьбѣ съ «обстоятельствами. Утомляясь борьбою, онъ восклицалъ:

„Давно могучій вѣтеръ носитъ
Меня вдали отъ береговъ;
Давно душа покоя проситъ
У благодѣтельныхъ боговъ.
Казалось, теплыя молитвы
Уже достигли къ небесамъ,
И я, какъ жрецъ на полѣ битвы,
Курилъ свой чистый ѳиміамъ,

---

[17]) Юнкера́ изъ дворянъ и молодые офицеры (какъ мы слышали) сторонились отъ него, по внушенію начальства, которое не совѣтовало якшаться съ нимъ.

[18]) Сочиненія Н. А. Добролюбова, изданіе 2-е (1871 г.), т. 1-й, стр. 427—434.

И благодѣтельное слово
Въ устахъ правдиваго судьи,
Казалось, было ужъ готово
Изречь: воскресни и живи!
Я оживалъ; но ты, мой геній,
Исчезъ, забылъ меня, и я
Теперь одинъ въ цѣпи твореній
Пью грустно воздухъ бытія...“

Прошло такимъ образомъ два года,—два томительныхъ, убійственно-длинныхъ года. Положеніе Полежаева не измѣнялось, и онъ продолжалъ таскать свой бѣлый ремень. Наконецъ, постоянно храня въ памяти милостивое напутственное слово Государя, который дозволилъ писать къ себѣ въ извѣстномъ случаѣ, Полежаевъ рѣшился воспользоваться этимъ дозволеніемъ и послать на высочайшее имя письмо съ просьбою о помилованіи. (Это было въ 1828 году). Отвѣта не послѣдовало, или вслѣдствіе забранныхъ справокъ о небезукоризненномъ поведеніи просителя, или, можетъ-быть, просто потому, что въ адресной надписи на пакетѣ упущено было обозначить по установленному правилу: чрезъ посредство какого учрежденія направлялась просьба, для всеподданнѣйшаго доклада Его Императорскому Величеству, т.-е. Третьяго-ли Отдѣленія, Коммиссіи-ли Прошеній, или Главнаго Штаба? Послѣ довольно долгаго и напраснаго ожиданія, Полежаевъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, отправилъ другое письмо къ Государю, которое тоже осталось безъ отвѣта. Тогда онъ предположилъ, что просьбы его не доходятъ и, въ этой увѣренности, принялъ безумное рѣшеніе, какое могло придти только въ голову маніака, разгоряченную болѣзненно-неотступнымъ стремленіемъ къ одной цѣли: онъ задумалъ самовольно отлучиться, собственно для того, чтобы лично подать Государю новую просьбу,—и бѣжалъ изъ полка. Но и тутъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ не съумѣлъ быть осторожнымъ: въ Москвѣ видѣлся и пировалъ съ угощавшими его пріятелями, что̀, конечно, не могло сохраниться въ тайнѣ, и въ Твери былъ задержанъ. Оттуда его, какъ бѣглаго солдата, отправили въ полкъ пѣшкомъ и въ кандалахъ. Тотчасъ наряжена была военно-судная коммиссія, а пока производилось дѣло, арестантъ содержался закованнымъ-же въ тюремномъ отдѣленіи гауптвахты, при Спасскихъ казармахъ. Ужасъ его тогдашняго положенія переходилъ всякую мѣру: во всемъ существованіи несчастнаго не пролегало полосы мрачнѣе этой. Необходимо замѣтить, что подсудимый, благодаря своему побочному родопроисхожденію, числился рядовымъ *не изъ дворянъ*, а потому не имѣлъ права на изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія. Ему приходилось навѣрняка ожидать себѣ прогулки по «зеленой улицѣ»,—или, иначе, прогнанія сквозь строй, чѣмъ обыкновенно наказывались дезер-

тиры не изъ привиллегированныхъ сословій.... Полежаевъ изнывалъ въ мукахъ безнадежнаго ожиданія, и всѣ томленія истерзанной имъ души вылились въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ [19]), изъ которыхъ особенно въ одномъ, доселѣ не вполнѣ изданномъ, извѣстномъ въ рукописи подъ заглавіемъ «Арестантъ», слышится страшный вопль безвыходнаго отчаянія, наканунѣ неизбѣжной гибели. Мы считаемъ возможнымъ привести здѣсь отрывки этого стихотворенія въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ они были напечатаны въ собраніи избранныхъ сочиненій Полежаева, изданномъ въ 1857 г. Пьеса эта написана въ формѣ посланія къ лучшему другу поэта, А. П. Лазовскому (о которомъ мы поговоримъ послѣ), и помѣчена 1828-мъ годомъ.

Спасскія казармы.

„Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ прошедшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой о чемъ.
Увы! Старинный даръ стиховъ
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ
Исчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ Дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой!...
Поэтъ плѣнительныхъ страстей
Сидитъ на привязи звѣрей,
Красотъ атласныхъ не поетъ
И чуть по-волчьи не реветъ....
Броня сермяжная да штыкъ—
Удѣлъ того, кто былъ великъ
На полѣ перьевъ и чернилъ.
Солдатскій шлемъ пріосѣнилъ
Главу достойную вѣнка,
И Чайльдъ-Гарольдова тоска
Лежитъ на сердцѣ у того,
Кто не боялся никого....
Но на призывный, дружній гласъ
И, можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Еще до смерти согрѣшу
И листъ бумаги испишу.
Прочти его и согласись,
Что средства если нѣтъ спастись
Отъ угнетеній и цѣпей,
То жизнь страшнѣе ста смертей,
И что свободный человѣкъ
Свободно долженъ кончить вѣкъ....

---

[19]) Таковы пьесы: „Осужденный“, „Пѣснь погибающаго пловца“, „Ожесточенный“, „Живой мертвецъ“, „Цѣпи“. Всѣ онѣ напечатаны, но первая изъ нихъ только по смерти автора.

Злой опытъ.........
Завѣсу съ глазъ моихъ сорвалъ
И ясно, ясно доказалъ,
Что добродѣтель есть мечта....
Въ столицѣ Русскихъ городовъ,
Гробницъ, монаховъ и поповъ,
На славномъ валѣ земляномъ,
Стоитъ странноприимный домъ.
Въ сосѣдствѣ съ нимъ стоитъ другой
Кругомъ обстроенный, большой,
И этотъ домъ извѣстенъ намъ
Въ Москвѣ подъ именемъ казармъ.
Въ казармахъ этихъ тьма людей...
А на огромномъ томъ дворѣ
Издавна выдолблено дно,—
Иль гауптвахта,—все равно.
И дна того на глубинѣ
Еще другое дно въ стѣнѣ
И называется—тюрьма.
Въ ней сырость страшная и тьма,
И проблескъ солнечныхъ лучей
Сквозь окна слабо свѣтитъ въ ней;
Растресканный кирпичный сводъ
Едва-едва не упадетъ
И не обрушится на полъ,
Который снизу, какъ Эолъ,
Тлетворнымъ воздухомъ несетъ
И съ самой вѣчности гніетъ....
Въ тюрьмѣ жертвъ на пять или шесть
Рядъ малыхъ нарь у печки есть,
И десять удалыхъ головъ,
Судьбы отверженныхъ сыновъ,
На малыхъ нарахъ тѣхъ сидятъ,
И кандалы на нихъ гремятъ....
И на доскѣ, что у окна
На двухъ столбахъ утверждена,
Броней сермяжною одѣтъ,
Лежитъ вербованный поэтъ.
Броня на немъ, броня подъ нимъ,
Какъ вѣрный другъ всегда лежитъ,
И согрѣваетъ и хранитъ....
Кисетъ съ негоднымъ табакомъ
И полновѣснымъ пятакомъ
На необтесанномъ столѣ
Лежитъ у узника въ углѣ.
Здѣсь онъ, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Обезображенъ какъ скелетъ,
Съ полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской!...
Здѣсь триста шестьдесятъ пять дней,
Въ кругу Платоновыхъ людей,
Онъ смрадной жизни воздухъ пьетъ
И долю горькую клянетъ!...

Онъ не живетъ уже умомъ:
Душа и умъ убиты въ немъ;
Но какъ бродячій автоматъ,
Или безчувственный солдатъ,
Штыкомъ рожденный для штыка.
Онъ дышетъ жизнью дурака:
Два раза на день ѣстъ и пьетъ
И долгъ природѣ отдаетъ!....
Воспоминанья старины,
Какъ обольстительные сны
Его тревожатъ иногда;
Въ забвеньи горестномъ тогда
Онъ воскресаетъ бытіемъ:
Безумнымъ радостнымъ огнемъ
Тогда глаза его горятъ,
И слезы крупныя блестятъ,
И, очарованный мечтой,
Надежду жизни молодой
Несчастный видитъ, ловитъ вновь—
Опять поетъ, опять любовь
Къ свободѣ, къ міру въ немъ кипитъ!
Онъ къ ней стремится, онъ летитъ,
Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ....
Но вдругъ цѣпей желѣзныхъ шумъ,
Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ,
Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
Раздался въ сводахъ роковыхъ—
И рой видѣній золотыхъ,
Какъ легкій утренній туманъ,
Унесъ души его обманъ!
Такъ жнецъ на пажити родной,
Стрѣлой сраженный громовой,
Внезапно падаетъ во прахъ,
И замеръ серпъ въ его рукахъ!
Надежду, радость—все взяла
Молніеносная стрѣла!....
Оставленъ всѣми, одинокъ,
Какъ въ море брошенный челнокъ
Въ добычу яростной волнѣ,
Онъ увядаетъ въ тишинѣ....
Участье вѣрное друзей,
Которыхъ шумные рои,
Подъ ложной маскою любви,
Всегда готовы для услугъ,
Когда есть денежный сундукъ.
Или подобное тому,—
Не въ тягость болѣе ему:
Изъ ста знакомыхъ щегольковъ,
Большаго свѣта знатоковъ,
Никто ошибкою къ нему
Не залеталъ еще въ тюрьму.
Да и прекрасно!... Для чего?
Тамъ ни вина нѣтъ,—ничего!

Чутье животныхъ. модный тонъ,
Или приличія законъ:
Вотъ тайна дружественныхъ узъ;
А нѣжность сердца, тонкій вкусъ,—
Причина важная забыть
Того, кто слезы долженъ лить....
„Ахъ, какъ онъ жалокъ, quelle misère!
„Какъ потерялся онъ, mon cher!“
Лепечетъ милый фанфаронъ,—
И долгъ пріязни заплаченъ!....
Зачѣмъ пенять? Они умны,
Ихъ разсужденія вѣрны:
Такъ должно было; напередъ
Судьба намъ сдѣлала разсчетъ!
Имъ наслажденіе дано,
А мнѣ страданье суждено!...
И правы—мрачный фаталистъ
И всѣмъ довольный оптимистъ:
Система звѣздъ, прыжокъ сверчка,
Движенье моря и смычка, —
Все воля творческой руки ...
Или одинъ свирѣпый рокъ
Въ пучину бѣдъ меня завлёкъ?....
Такъ пусть-же тягостной руки
Меня снѣдающей тоски,
Въ угодность вѣтренной судьбѣ,
Не испытаютъ на себѣ;
Страдальца давняго покой
Постыдной зависти чертой
Чужаго счастья не смутитъ!....
Коснется-ль звукъ моихъ рѣчей
Твоихъ обманутыхъ ушей?
Узришь-ли ты, прочтешь-ли ты
Сіи правдивыя черты?....
Поймешь-ли ты, какъ мудрено
Сказать душѣ: все рѣшено!
Какъ тяжело сказать уму:
Прости мой умъ, иди во тьму!
Но что? Къ чему напрасный гнѣвъ?
Онъ не сомкнетъ Молоха зѣвъ:
Безсиленъ звукъ въ моихъ устахъ,
Какъ мечъ въ заржавленныхъ ножнахъ!...
И я въ тюрьмѣ.... Ватага спитъ
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ;
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлетъ часовой.
Вблизи усталый караулъ,
Кто какъ умѣетъ прикорнулъ,—
На гауптвахтѣ тишина....
Богъ винограда, богъ вина,
Сынъ пьяный пьянаго отца!
Зачѣмъ пріятный гласъ пѣвца,

Въ часы полуночныхъ пировъ
Не веселитъ твоихъ сыновъ?
Зачѣмъ на лирѣ золотой,
Передъ дѣвицей молодой,
Въ восторгѣ чувствъ онъ не гремитъ,
И блѣдный, пасмурный сидитъ,
Безъ возліяній и друзей,
Въ рукахъ едва-ль полу-людей?
Не онъ-ли свѣжесть раннихъ силъ
Тебѣ на жертву приносилъ
Во дни безпечной старины?
Не онъ-ли розами весны
Твой благодѣтельный бокалъ
Рукой покорной украшалъ?
Свершилось!... Нѣтъ его... ударь
Поблекшимъ тирсомъ въ твой алтарь!
Пролей вино изъ томныхъ глазъ!
Твой жрецъ, твой вѣрный жрецъ угасъ!
Угасъ, какъ факелъ буйныхъ дѣвъ;
Исчезъ, какъ громкій ихъ напѣвъ:
Эванъ, эвоэ, славный Вакхъ!
Какъ разумъ скучный на пирахъ!...
  А ты, примѣрный человѣкъ,
Души высокій образецъ,
Мой благодѣтель и отецъ,
О Струйскій! Можешь-ли когда,
Добычу гнѣва и стыда,
Пѣвца преступнаго, простить?..
Какъ погибающій злодѣй
Передъ сѣкирой роковой,
Теперь стою передъ тобой:
Мятежный вѣкъ свой погубя,
Въ слезахъ раскаянья тебя
Я умоляю . . . .
. . . . . еще моимъ отцомъ
Хочу назвать тебя—зову,
И на покорную главу,
За преступленія мои,
Прошу прощенія любви . . . .
Прости меня—моя вина
Ужасной местью отмщена! . .
Завѣса вѣчности нѣмой
Упала съ шумомъ предо мной—
Я вижу . . . .
. . . . . . мой стонъ
Холоднымъ вѣтромъ разнесенъ. . . .
Мой брошенъ трупъ на снѣдь червямъ,
И нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста,
Надъ гробомъ узника тюрьмы—
Жильца ничтожества и тьмы!...“

Уныло и тяжко тянулись въ тюрьмѣ дни безнадежнаго колодника, ихъ накопилось болѣе чѣмъ на цѣлый годъ съ начала производства

дѣла. Наконецъ, онъ узналъ сентенцію военнаго суда, въ которой и прежде не могъ сомнѣваться: его приговорили къ шпицрутену. Но приговоръ этотъ (вѣроятно какъ о бывшемъ студентѣ университета) былъ предварительно представленъ на Высочайшее усмотрѣніе. Полежаевъ не разсчитывалъ на помилованіе. Въ несчастномъ потерялась уже вѣра и въ Промыслъ, и въ счастіе: давно и упорно залегла въ немъ дума о самоубійствѣ, и онъ твердо рѣшился предупредить имъ позорное, варварское наказаніе. Долго отыскивая въ тюрьмѣ какое-нибудь острое орудіе, онъ довѣрился одному старому солдату, который его любилъ. Тотъ понялъ арестанта и оцѣнилъ его желаніе. Когда старикъ провѣдалъ, что царское рѣшеніе получено (какое имено—онъ не зналъ), то принесъ Полежаеву штыкъ и, отдавая, сказалъ сквозь слёзы: «я самъ отточилъ его...»

Но судьба спасла на этотъ разъ страдальца. Государь, отмѣнивъ сентенцію военнаго суда, помиловалъ Полежаева отъ назначеннаго ему наказанія. Тогда-то (повторимъ мы слова г. Гербеля) Полежаевъ, словно прозрѣвшій слѣпецъ, излился въ задушевныхъ стихахъ [20]):

„Я погибалъ—
Мой злобный геній
Торжествовалъ... (и проч.)

Между-тѣмъ, на основаніи высочайшей конфирмаціи, Полежаева перевели въ войска Кавказскаго корпуса [21]). Гдѣ именно онъ тамъ служилъ, намъ точно неизвѣстно; судя-же по нѣкоторымъ Кавказскимъ его стихотвореніямъ [22]), можно заключить, что въ 43 егерскомъ полку, въ линейной ротѣ 1 баталіона. Бо̀льшею частію, служба его проходила подъ главнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Григорія Владиміровича Розена [23]) и въ отрядѣ генерала Вельяминова (Алексѣя

---

[20]) Напечатаны еще при жизни поэта, подъ выразительнымъ заглавіемъ: „Провидѣніе".

[21]) Немного прежде Полежаева, въ 1829 году, былъ переведенъ изъ Якутска на Кавказъ, рядовымъ-же, ссыльный декабристъ Александръ Бестужевъ (Марлинскій); слѣдовательно ихъ служба тамъ одновременна. Но мы не знаемъ, имѣли-ли они случай встрѣтиться и познакомиться другъ съ другомъ.

[22]) Поэмы „Эрпели" и „Чиръ-Юртъ" изданныя отдѣльною книжкой въ 1832 году. Онѣ не вошли въ число избранныхъ стихотвореній, отпечатанныхъ 1857—1859 г.

[23]) Род. 1776, ум. 1841 г.; генералъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантъ, командовавшій Кавказскимъ корпусомъ и состоявшій въ должности Кавказскаго генералъ-губернатора съ 1831 по 1837 г. Въ этомъ году былъ отозванъ съ Кавказа, по дѣлу о злоупотребленіяхъ, открывшихся въ управленіи, за которыя подпалъ суду зять его, полковникъ князь Дадьянъ, флигель-адъютантъ, впослѣдствіи лишенный этого званія. — Баронъ Е. В. Розенъ—отецъ игуменьи Митрофаніи (бывшей фрейлины двора), получившей въ наши дни извѣстность.

Александровича), при которомъ Полежаевъ участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ противъ Чеченцевъ и, въ 1832 году, былъ наконецъ произведенъ изъ рядовыхъ въ унтеръ-офицеры. Написанныя имъ въ то время стихотворенія почти всѣ помѣчены изъ крѣпости Грозной,—мѣста всегдашней стоянки егерскаго баталіона, гдѣ онъ служилъ.

Что Полежаевъ исполнялъ свой воинскій долгъ не хуже другихъ и, конечно, старался отличиться болѣе многихъ, въ эѣомъ сомнѣваться нельзя уже потому, что онъ мучительно страстно желалъ улучшить свое положеніе, выбившись изъ нижнихъ чиновъ [24]); но достовѣрно и то, что служба эта была не въ его натурѣ. Военное ремесло досталось ему не по охотѣ, никогда не было его призваніемъ и давно ему опротивѣло. Однообразіе военнаго быта, а въ особенности сознаніе своего подневольнаго, приниженнаго положенія въ незавидной обстановкѣ нижняго чина, удручали его постоянно и тѣмъ болѣе казались ему постылыми, что близкаго выхода изъ этого положенія онъ не чаялъ.... Неохотно, вяло, механически онъ тянулъ долгую канитель лагерно-гарнизонной службы въ крѣпости, да не особенно удовлетворялся и походнымъ житьёмъ во время экспедицій. Неизмѣнно-печальное настроеніе поэта во всю бытность его на Кавказѣ слишкомъ прозрачно сквозитъ въ стихахъ, написанныхъ имъ въ этотъ періодъ жизни. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя выдержки, начиная съ *неизданнаго* посланія къ упомянутому уже здѣсь Лазовскому, подъ заглавіемъ: «Имянииннику»:

„Что̀ могу тебѣ, Лазовской,
Подарить для имянинъ?
Я, по милости бѣсовской,
Очень бѣдный господинъ!
Въ стоицизмѣ самомъ строгомъ,
Я живу безъ серебра,
И въ шатрѣ моемъ убогомъ
Нѣтъ богатства и добра,
Кромѣ сабли и пера.

---

[24]) См. въ поэмѣ „Чиръ-Юртъ", стихи:

„Такъ, уничтоженный для жизни,
Послѣдней кровью для отчизны
Я жажду смыть мое пятно.
О, если-бъ нѣкогда оно
Исчезло съ слѣдомъ укоризны!
Не измѣню Царю и долгу!
Лечу за честію вездѣ
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ!... (ч. 1, стр. 79—81.)

Жалко споря съ гнѣвной службой,
Я ни геній, ни солдатъ,
И одной твоею дружбой
Въ долѣ пагубной богатъ!
Дружба—неба даръ священный,
Рай земнаго бытія!
Чѣмъ-же, другъ неоцѣненный,
Заплачу за дружбу я?
Дружбой чистой, неизмѣнной,
Дружбой сердца на обмѣнъ:
Плѣнъ торжественный за плѣнъ!
Посмотри, невольникъ страждетъ
Въ непріятельскихъ цѣпяхъ
И напрасно воли жаждетъ,
Какъ источника въ степяхъ.
Такъ и я, могучей силой
Предназначенный тебѣ,
Не могу уже, мой милый,
Перекорствовать судьбѣ;
Не могу сказать я вольно:
Ты чужой мнѣ, я не твой!
Было время и довольно!...

Но если пріязненныя отношенія къ симпатичному человѣку утѣшали иногда нашего унылаго воина, то всѣ красоты царственно-величавой природы Кавказа, послужившія такимъ неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія для лучшихъ нашихъ поэтовъ, не восторгали въ Полежаевѣ воображенія, охлажденнаго прозою жизни, безотрадной и вытравившей изъ его сердца сочувствіе къ внѣшнему міру. Вѣчно свѣжимъ оставалось въ немъ только сознаніе своихъ бѣдствій, которое нигдѣ и никогда не покидало его. Посмотримъ, какъ онъ высказывается по этому поводу въ нѣкоторыхъ напечатанныхъ стихотвореніяхъ, на сколько-то̀ допускалось цензурными колодками:

....„Я думалъ также, какъ и ты,
Готовъ былъ цѣлый вѣкъ по свѣту
Искать чудесъ и красоты
Въ природѣ мудрой и премудрой,
Какъ намъ твердитъ ученый хоръ,
И восхищался до тѣхъ поръ,
Пока.......................
............и что-же?
Прошу пройтиться на Кавказъ!...
Я вспомнилъ то, кѣмъ прежде былъ,
Во что Господь преобразилъ,—
И съ миной кислой и унылой
И носъ и уши опустилъ!
Пришедъ сюда, я взоромъ дикимъ
Окинулъ все, что̀ прежде мнѣ
Казалось чуднымъ и великимъ,—

И всѣмъ скучалъ наединѣ,
Въ шуму пировъ и тишинѣ!
Вотъ эти дивныя картины:
Каскады, горы и стремнины...
Съ окаменѣлою душой,
Убитый горестною долей,
На нихъ смотрю я по неволѣ,
И вѣрь мнѣ—вижу изъ всего
Уродство, больше ничего!
Быть можетъ, другъ мой, почему-же
Не быть подобному съ тобой?
Поссорясь вѣтренно съ судьбой....
Ты самъ судить умнѣе станешь,
На вѣкъ поклонишься мечтамъ
И удивляться перестанешь
Кавказа вздорнымъ чудесамъ!

(*„Эрпели“*, гл. 2, стр. 22—23.)

Слѣдующіе отрывки изъ тѣхъ-же произведеній дадутъ понятіе какъ о равнодушіи Полежаева къ опасностямъ, грозившимъ его существованію (то отъ холеры въ 1830 г., то отъ пули горцевъ), такъ и о душевной пыткѣ, которою онъ былъ истязуемъ вслѣдствіе отчужденія сослуживцевъ, будто-бы постоянно видѣвшихъ въ немъ человѣка, запятнаннаго своимъ прошлымъ. При этомъ мы должны оговориться, что невольно не довѣряемъ дѣйствительности этого послѣдняго обстоятельства, столь несвойственнаго Русскому характеру, въ которомъ нѣтъ мѣста для злорадно-обвинительныхъ отношеній къ чужой бѣдѣ, будь она даже заслужена,—и полагаемъ, что болѣзненная подозрительность поэта, развитая въ немъ долгими несчастіями, сама изобрѣтала подобіе такихъ неестественныхъ отношеній, подмѣчая всюду небывалые себѣ упреки или мнимыя безмолвныя порицанія. Этотъ выводъ съ нашей стороны тѣмъ ближе къ правдѣ, что вѣдь Полежаевъ никогда не имѣлъ причины укорить себя ни въ одномъ гнусномъ поступкѣ, наносящемъ виновнику неизгладимое клеймо стыда и безчестія. Это былъ просто человѣкъ грѣшный, какъ многіе, очень несчастливый, какъ немногіе, но не преступный передъ страшнымъ судомъ совѣсти....

„Я дни минувшіе ловлю
И, угрожаемый холерой,
Себя мечтательною вѣрой
Питать о будущемъ люблю.
Поклонникъ Музъ самолюбивый,
Я вижу смерть не вдалекѣ,
Но все перо въ моей рукѣ
Рисуетъ планъ свой прихотливый;

Сойдя къ отцамъ во слѣдъ другихъ,
Остаться въ памяти иныхъ.
Быть можетъ, завтра или нынѣ,
Не испытавъ Черкесскихъ пуль
Меня въ мучной уложатъ куль.
И предадутъ земной пустынѣ!...
Въ глухой, далекой сторонѣ
Отъ милыхъ сердцу я увяну...
Увидя мой покровъ рогожный,
Никто ни истино, ни ложно,
Не пожалѣетъ обо мнѣ:
Возьмутъ, кому угодно будетъ,
Мои чевяки и бешметъ
(Весь мой багажъ и туалетъ)...
Что жъ будетъ памятью поэта?
Мундиръ?..: Не можетъ быть!... Грѣхи?..
Они оброкъ другаго свѣта...
Стихи, друзья мои, стихи!
Найдутъ въ углу моей палатки
Мои несчастныя тетрадки,
Клочки, четвертки и листы,
Души тоскующей плоды
И первой юности проказы....
Увидитъ чтецъ иной подъ пальцемъ
Въ моихъ тетрадкахъ *А* и *П*.,
Попроситъ ласковыхъ хозяевъ
Значенье литеръ пояснить....
Ему отвѣтятъ: „*Полежаевъ*“;
Прибавятъ, можетъ быть, что онъ
Былъ добрымъ сердцемъ одаренъ,
Умомъ довольно своенравнымъ,
Страстями, жребіемъ безславнымъ
Укоръ и жалость заслужилъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ—безъ жизни жилъ,
Безъ смерти умеръ въ бѣломъ свѣтѣ...
Вотъ память добрыхъ о поэтѣ!“

(„*Эрпели*“, гл. 8, стр. 70—72.)

„Пиры кровавые мечей
Провозгласитъ вамъ славы жадный
Пѣвецъ печали и страстей.
Добыча юности безумной
И жертва тягостная дня,—
Я потонулъ въ глуби безбрежной
Съ звѣздой коварною моей....
Всегдашней грустью околдованъ
Наединѣ съ самимъ собой,
Мой умъ бездѣйственъ, духъ окованъ
Цѣпями смерти вѣковой.
Забытый, пасмурный и скучный,
Живу *одинъ среди людей*,
Томимый мукою своей
Вездѣ со мною неразлучной...,

Безжалостный, суровый взоръ,
Привѣтъ холодный состраданья, —
Все новой пищей для страданья,
Все новый, вѣчный мнѣ укоръ!..
Однѣ тревоги и волненья,
Картины гибели и зла—
Дарятъ минуты утѣшенья
Тому, кто умеръ для добра!"

(*„Чиръ-Юртъ"* ч. 1, 79—81.)

„Кто силой опыта измѣрилъ
Земнаго блага суеты,
Тому-бъ страдальцу я повѣрилъ
Мои унылыя мечты,
На страшномъ мѣстѣ пораженья,
На трупахъ Русскихъ и враговъ...
Но, ахъ! въ убійственной глуши
Едва-ль я самъ не безъ души!"

(*Тамъ-же*, ч. 2, 107.)

Описывая несвободнымъ перомъ солдата сцены тѣхъ битвъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыя, казалось-бы, могъ изображать только по программѣ усерднаго славословія своихъ побѣдоносныхъ вождей, Полежаевъ, тѣмъ не менѣе, частенько выступалъ изъ тѣсной рамки полуоффиціальнаго пѣснопѣвца генеральскихъ подвиговъ и дерзалъ проговариваться объ нихъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Онъ не умѣлъ скрыть своего глубокаго несочувствія къ кровавому зрѣлищу ожесточенной бойни между себѣ подобными и умолчать о потрясавшихъ его душу впечатлѣніяхъ. Вотъ примѣры, взятые изъ военныхъ поемъ «Эрпели» и «Чиръ-Юртъ»:

„Есть много странъ подъ небесами,
Но нѣтъ той счастливой страны,
Гдѣ-бъ люди жили не врагами
Безъ права силы и войны!
О, гдѣ не встрѣтимъ мы спѳсобныхъ
Основы блага разрушать?
Но рѣдко, рѣдко намъ подобныхъ
Умѣемъ къ жизни призывать!...
„Да будетъ проклятъ злополучный,
Который первый ощутилъ
Мученья зависти докучной:
Онъ первый брата умертвилъ!
Да будетъ проклятъ нечестивый,
Извлекшій первый мечъ войны
На тѣ блаженныя страны,
Гдѣ жилъ народъ миролюбивый!...
„Бѣжитъ Черкесъ, несомый страхомъ,
За нимъ летучая гроза,—

И смерти лютая коса
Съ своимъ безжалостнымъ размахомъ.
Въ домахъ, по стогнамъ площадей,
Въ изгибахъ улицъ отдаленныхъ
Слѣды печальные смертей
И груды тѣлъ окровавленныхъ.
Неумолимая рука
Не знаетъ строгаго разбора:
Она разитъ безъ приговора
Съ невинной дѣвой старика
И беззащитнаго младенца:
Ей ненавистна кровь Чеченца...
И блещетъ лезвіе штыка!
„Какъ великанъ объятый думой,
Окрестъ себя внимая гулъ,
Стоитъ громадою угрюмой
Обезоруженный аулъ.
Бойницы, камни и твердыни
И длинныхъ скалъ огромный рядъ,
Надежный щитъ его гордыни.
Предъ нимъ повержены лежатъ:
Ихъ оросили кровью черной
Его могучіе сыны,
И не подниметъ вѣтеръ горный
Красы погибшей стороны, —
Оборонительной стѣны
И стражей воли непокорной...
Вездѣ отчаянье и стонъ,
И кровь и смерть со всѣхъ сторонъ!
„О кто, свирѣпою душою
Войну и гибель полюбя,
Равнина бранная, тебя
Обмылъ кровавою росою?
Кто по утесамъ и холмамъ,
На радость демонамъ и аду,
Разсѣялъ ратную громаду?
Какой земли, какой страны
Герои падшіе войны?
Все тихо, мертво надъ волною;
Туманъ и мгла на берегахъ;
Чиръ-Юртъ съ поникшей головою
Стоитъ уныло на скалахъ...
„Приди сюда, о мизантропъ!
Приди сюда въ мечтаньяхъ злобныхъ
Услышать вопль, увидѣть гробъ
Тебѣ немилыхъ, но подобныхъ!
Взгляни, наперсникъ сатаны,
Самоотверженный убійца,
На эти трупы, эти лица,
Добычу яростной войны!
Не зришь-ли ты на нихъ печати
Перста невидимой руки,

Запечатлѣвшей стонъ проклятій
Въ устахъ страданья и тоски?..
Смотри на мракъ ужасной ночи
Въ ея печальной тишинѣ,
На закатившіяся очи
Въ полу-багровой пеленѣ.
„Вотъ умирающаго трепетъ:
Съ кровавымъ черепомъ старикъ...
Еще издалъ протяжный лепетъ
Его коснѣющій языкъ...
Духъ жизни вѣетъ и проснулся
Въ мозгу разсѣченной главы...
Чернѣетъ... вздрогнулъ... протянулся—
И нѣтъ поклонника Аллы!..
„Чрезъ долы, горы и стремнины,
Съ челомъ отваги боевой,
Идутъ торжественной тропой
Къ аулу Русскія дружины.
За ними въ слѣдъ—игра судьбы—
Между гранеными штыками,
Влачатся грустными толпами
Иноплеменные рабы.....
„Когда воинственная лира,
Громовый звукъ печальныхъ струнъ,
Забудетъ битвы и перунъ
И воспоетъ отраду мира?
Или задумчивый пѣвецъ,
Обмануть сладостною думой,
Всегда печальный и угрюмый,
Найдетъ во браняхъ свой конецъ?

(„*Чиръ-Юртъ*", ч. 2., стр. 107—132.)

Этихъ выписокъ слишкомъ достаточно для обрисовки меланхолическаго настроенія, которое безотвязно преслѣдовало горемычнаго поэта. Не имѣя силъ совладать съ вѣчною тоской душевнаго одиночества,—на многолюдьѣ, надломленный безотрадной жизнью, онъ началъ падать духомъ и...... сталъ пить, какъ бываетъ свойственно Русскому человѣку въ неисходной бѣдѣ-кручинѣ: пить не для веселья, а для того, чтобы забыться, заглушить свое уныніе. Другаго средства подъ рукою не оказалось. Бѣдняку не посчастливилось найти себѣ якоря спасенья въ какомъ-нибудь глубокомъ чувствѣ, охватывающемъ всю душу. Ни подобія теплыхъ семейныхъ связей, ни призрака истинной, сердечной любви къ женщинѣ, никогда онъ не извѣдалъ на своемъ вѣку, по милости исключительныхъ обстоятельствъ, которыя отдаляли его отъ среды, гдѣ могло-бы ему встрѣтиться такое счастье, и всѣ его эротическіе порывы не шли дальше низменныхъ побужденій, какимъ онъ безъ-удержу предавался съ молоду и сломилъ рано свои здоровыя силы. «Къ своей

«поэтической извѣстности (говоритъ Бѣлинскій) онъ присовокупилъ «другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, при«чиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти.... Избытокъ «силъ пламенной натуры заставилъ его обожать страшнаго идола—чув«ственность... Душа поэта пережила его тѣло и, живой трупъ, онъ «умиралъ медленною смертью, томимый уже безплодными желаніями.... «Апоѳеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его «пьеса «Гаремъ»... Въ этомъ диѳирамбѣ выражено объясненіе ранней «гибели его таланта. Онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Ренегата», «и, по множеству мѣстъ цинически-безстыдныхъ и безумно-вдохновен«ныхъ, не могъ быть напечатанъ вполнѣ.» Итакъ, вліяніе высокаго, всеобновляющаго чувства любви съ его женственными идеалами, если когда-нибудь и коснулось хотя легкимъ дуновеніемъ до многострадальной души, обуреваемой и житейскими невзгодами, и волненіями нечистыхъ страстей, то уже слишкомъ поздно для нравственной ея переработки. Это прикосновеніе оставило лишь свои слѣды въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ, гдѣ слышится изъ глубины отжившаго сердца тяжелый вздохъ посмертныхъ о себѣ поминокъ.... Мѣста эти изъ сочиненій Полежаева указаны въ критической статьѣ Бѣлинскаго [25]).

По крайней мѣрѣ, иное свѣтлое чувство—дружбы тѣсной и испытанной,—столь рѣдкое для людей дюжинной пробы, далось нашему поэту и озарило своимъ теплымъ свѣтомъ остатокъ его грустнаго земнаго странствованія. Здѣсь идетъ рѣчь не о тѣхъ юношескихъ отношеніяхъ къ товарищамъ-сверстникамъ, которыя были обыкновенною принадлежностью студенческаго житья: эти легкія отношенія потомъ оборвались мало по малу, выдохлись и совсѣмъ заглохли въ ту черную годину, когда Полежаевъ въ тюремной берлогѣ ждалъ рѣшенія своей участи,—о чемъ онъ самъ съ такою горькою ироніей говоритъ въ стихотвореніи «Арестантъ», не добромъ поминая прежнихъ застольныхъ благопріятелей, забывшихъ узника въ его бѣдѣ. Нѣтъ, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о глубокой и трогательной пріязни, соединявшей его съ человѣкомъ, который сошелся съ нимъ еще въ лучшіе дни, и остался неизмѣннымъ ему другомъ и въ несчастнѣйшую пору его жизни. Это былъ нѣкто *Лазовскій, Александръ П.*, къ кому обращены самыя задушевныя посланія и посвященія нѣкоторыхъ лучшихъ стихотвореній Полежаева [26]). Необычайной теплотою и нѣжностью чувства дышетъ въ нихъ каждое слово, а все содержаніе этихъ стиховъ

---

[25]) См. въ собраніи избранныхъ стихотвореній Полежаева (изд. 1857 г.) предпосланную имъ статью Бѣлинскаго, стр. 20—25.

[26]) Къ сожалѣнію, намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній объ А. П. Лазовскомъ.

ясно указываетъ на то высокое значеніе, какое имѣла подобная дружба для мученика-поэта. Вспомнимъ, напримѣръ, слѣдующее посвященіе, написанное 7-го Февраля 1832 года въ крѣпости Грозной:

„Безцѣнный другъ счастливыхъ дней,
Вина святаго упованья
Души измученной моей
Подъ игомъ грусти и страданья,—
Мой вѣрный другъ, мой нѣжный братъ,
По силѣ тайнаго влеченья,
Кого со мной не разлучатъ
Временъ и мѣстъ сопротивленья,—
Кто для меня и былъ и есть
Одинъ и все,—кому до гроба
Не очернятъ меня ни лесть,
Ни зависть черная, ни злоба,—
Кто овладѣлъ, какъ чародѣй,
Моимъ умомъ, моею думой,—
Кѣмъ снова ожилъ для людей
Страдалецъ мрачный и угрюмый,—
Безцѣнный другъ: прими плоды
Моихъ задумчивыхъ мечтаній,
Минутной рѣзвости слѣды
И цѣпь печальныхъ вспоминаній!
  Ты не найдешь въ моихъ стихахъ
Веселыхъ звуковъ пѣснопѣнья:
Они родятся на устахъ
Пѣвцовъ любви и наслажденья...
Уже давно чуждаюсь я
Ихъ благодатнаго привѣта,
Давно въ стихіи шумной свѣта
Не вижу радостнаго дня;
Пою, разсѣянный, унылый
Въ степяхъ далекой стороны,
И пробуждаю надъ могилой
Давно утраченные сны.
Одну тоску о невозвратномъ,
Гонимый лютою судьбой,
Въ движеньи грустномъ и пріятномъ,
Я изливаю предъ тобой!
Но ты, понявши тайну друга,
Оцѣнишь сердце выше словъ
И не смѣнишь моихъ стиховъ
Стихами рѣзвыми досуга
Другихъ, счастливѣйшихъ пѣвцовъ".

Къ Лазовскому-же относятся пьесы (не считая приведенныхъ выше «Арестантъ» и «Имянинику»): особое посланіе, изъ котораго напечатанъ только небольшой отрывокъ въ сборникѣ стихотвореній подъ заглавіемъ

«Кальянъ» [1]), коротенькое посвятительное письмо въ прозѣ при поэмѣ «Чиръ-Юртъ», отъ 25-го Мая 1832 г., и предсмертное посланіе «Чахотка» [2]), о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Безъ сомнѣнія, ободряющее сочувствіе такого добраго друга, какимъ для Полежаева былъ Лазовскій, могло-бы служить не только усладой въ его горькой долѣ, но и нравственно-обуздывающею силой, удерживая его отъ тѣхъ злополучныхъ излишествъ, которыя низводили несчастнаго до полнаго паденія; но, на бѣду, Лазовскій почти всегда находился въ Москвѣ, и разрозненный съ нимъ Кавказскій его другъ, не вынося отчужденности отъ сообщества людей развитыхъ и образованныхъ, пилъ «мертвую».... Что касается родственниковъ его, Струйскихъ, то всѣ они давнымъ-давно отъ него отшатнулись, а дядюшка-благотворитель даже преслѣдовалъ его своею ненавистью [3]), какъ говорятъ, не столько изъ негодованія за предосудительное поведеніе, сколько изъ корыстныхъ (будто-бы) видовъ—завладѣть тѣмъ, что̀ Полежаевъ могъ получить въ наслѣдство отъ отца. Словомъ, тутъ подозрѣвается «исторія» въ томъ-же родѣ, какая нѣкогда разыгрывалась между *Пассеками*,—дядею и племянникомъ, разсказанная въ «Запискахъ» послѣдняго [4]). Можно себѣ представить, что̀ за лишенія переносилъ Полежаевъ, вѣчно непрактичный, вѣчно нуждавшійся и никогда не обезпеченный въ тѣхъ потребностяхъ цивилизованнаго существа, для которыхъ необходимы матеріальныя средства пошире солдатскаго содержанія. Чѣмъ и какъ онъ жилъ по смерти отца, оставившаго свои имущественныя дѣла въ большомъ разстройствѣ, этого мы не вѣдаемъ; но вѣрно то̀, что сынъ нуждался до конца жизни. Говорятъ, будто-бы отцовскіе родичи, ради «очистки совѣсти», изрѣдка присылали ему ничтожные денежные подарки, въ видѣ доброхотнаго даянія; впрочемъ, за достовѣрность и этого обстоятельства ручаться нельзя....

Появлявшіяся въ печати стихотворенія Полежаева нравились читателямъ, но не приносили ему почти никакой денежной выгоды. «Стихи его»,—справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій,—«ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ, они и издавались или за его отсутствіемъ, или

---

[1]) Онъ начинается стихами:

„И нѣтъ ихъ, нѣтъ! Промчались годы
Душевныхъ бурь и мятежей“.

[2]) Стихотворенія (избранныя) Полежаева, изд. 1857 г., стр. 159—161.

[3]) См. въ стихотвореніи „Арестантъ“ то мѣсто, гдѣ авторъ обращается къ этому дядѣ съ мольбою о прощеніи.

[4]) Напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г., стр. 353, 497 и 577.

безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора: хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ....» Бѣдный поэтъ былъ беззащитною жертвой наглой наживы издателей-шарлатановъ, книгопродавцевъ и журналистовъ,—а потому едва-ли получалъ какую-нибудь плату за свои сочиненія. Въ бо̀льшей части случаевъ, ему либо совсѣмъ ничего не давали, либо удѣляли такъ мало, что эти грошевыя подачки не могли служить замѣтнымъ подспорьемъ къ тощимъ его средствамъ....

Мы уже имѣли поводъ сказать прежде, что стихотворенія Полежаева, отличающіяся въ высшей степени субъективностію содержанія, представляются очень важнымъ и чуть-ли не единственнымъ въ настоящее время источникомъ для біографическихъ изслѣдованій о поэтѣ, для уясненія личнаго его характера и тѣхъ вліяній, подъ давленіемъ которыхъ сложился этотъ характеръ. Только тамъ, въ этихъ тощихъ, сѣренькихъ книжкахъ стиховъ подъ разными заглавіями, мы могли-бы находить ключъ къ изученію его жизни, такъ тѣсно съ ними связанной, такъ видимо на нихъ отразившейся. Вотъ почему слѣдовало-бы тщательно прослѣдить весь ходъ поэтической дѣятельности Полежаева по времени ея проявленія; но, къ несчастію, и тутъ мы встрѣчаемъ препятствіе. Такъ, напр., ни въ одномъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ его стихотвореній пьесы не размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ и развѣ рѣдкія изъ нихъ помѣчены какою-нибудь датой. Однако, можно утвердительно сказать, что со стороны эстетическихъ требованій особенно выдаются энергіею выраженія и силою чувства тѣ стихотворенія, которыя написаны въ эпоху тягчайшаго кризиса въ судьбѣ поэта, или въ послѣдовавшее тотчасъ за тѣмъ время горестныхъ воспоминаній и напрасныхъ счетовъ съ невозвратимымъ прошедшимъ [1]).

[1]) Въ образецъ, укажемъ на отрывокъ изъ пьесы „Вечерняя Заря“, поставленный эпиграфомъ къ критической статьѣ Бѣлинскаго:

„И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою....
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою....
Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что̀ любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь....
Не воскреснетъ она!“

Этотъ періодъ оказывается рѣшительно-лучшимъ въ процессѣ творчества, которое вдохновлялось страданіемъ и всѣми присущими ему душевными движеніями; за то годы Кавказской службы ознаменовались плодовитостью авторства, въ ущербъ качественному достоинству. Въ особенности 1832-й годъ былъ обиленъ стихотвореніями, большею частію слабыми, водянистыми, плохо выдержанными со стороны формы и внутренняго содержанія: упадокъ таланта выразился весьма замѣтно, разумѣется, по причинамъ, уже здѣсь объясненнымъ [1]). Въ томъ-же году появилось и первое собраніе стихотвореній Полежаева, изданное въ Москвѣ, какъ и всѣ прочія (до 1857-го года), съ большою небрежностью.

Наконецъ, въ исходѣ 1832-го года, Полежаеву удалось, вѣроятно не безъ большаго труда, добиться перемѣщенія съ Кавказа въ Москву: по его просьбѣ, онъ былъ переведенъ въ стоявшій тамъ карабинерный полкъ. Конечно, это обстоятельство значительно его утѣшило, по крайней мѣрѣ въ силу извѣстной поговорки: «лучше поздно, чѣмъ никогда». Воспоминанія беззаботной молодости, призывные голоса дорогихъ его сердцу людей, какъ вѣрный другъ Лазовскій, скука службы въ дикомъ захолустьѣ, слишкомъ отдаленномъ отъ центра Россіи, и жгучая потребность спасительной перемѣны общества, вмѣстѣ съ влеченіемъ къ той развитой средѣ, гдѣ всё-таки неугасимо теплился огонекъ мысли и любви къ знанію,—все это давно уже манило нашего поэта въ Москву: тамъ онъ мечталъ зажить болѣе удобною, болѣе разнообразною жизнью, не опасаясь, какъ на Кавказѣ, быть совершенно заброшеннымъ, за-

---

[1]) „Къ этому времени"—говоритъ г. Гербель въ своей біографической статьѣ—„принадлежитъ большая часть стихотвореній Полежаева, исключенныхъ издателями изъ послѣднихъ двухъ изданій его сочиненій, вышедшихъ уже послѣ смерти поэта и хранящихъ на себѣ печать несомнѣннаго упадка таланта въ ихъ авторѣ. Къ этому-же времени относятся: ужасное его стихотвореніе „Къ сивухѣ", раздирающая душу автобіографія „Арестантъ" и пьесы игриваго содержанія: „Первая ночь", „Вечерняя прогулка" и всѣмъ извѣстная пьеса „Четыре націи".—На всё это мы можемъ возразить г. Гербелю, *во-первыхъ*, что „Арестантъ", какъ видно изъ помѣты на многихъ рукописныхъ экземплярахъ этого стихотворенія, написанъ гораздо ранѣе,—именно въ 1828-мъ году, въ Москвѣ, въ Спасскихъ казармахъ, гдѣ тогда сидѣлъ Полежаевъ въ цѣпяхъ, узникомъ тюрьмы при гауптвахтѣ; а *во-вторыхъ*, что ни эта пьеса, ни „Четыре націи" отнюдь не должны быть поставлены на ряду съ слабыми произведеніями, обличающими въ авторѣ упадокъ таланта. Напротивъ: по выразительности, сжатости стиха и горячности чувства въ первой изъ двухъ названныхъ пьесъ, а въ другой—по злому остроумію и неподдѣльному юмору, обѣ онѣ имѣютъ право быть отнесенными къ числу самыхъ удачныхъ. Отрывки изъ стихотворенія „Четыре націи" (начальныя три строфы) помѣщены въ 20-мъ № „Библіографич. Записокъ" 1859 г. и перепечатаны въ упоминаемой нами статьѣ г. Гербеля; нѣкоторыя-же части стихотворенія „Арестантъ" (котораго поэтическое достоинство оцѣнилъ и Бѣлинскій), появились сперва въ Московскомъ журналѣ „Галатея" 1839 г., а потомъ, нѣсколько полнѣе, въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Полежаева, 1857 и 1859 г.—См. также журналъ „Развлеченіе" 1860 г., № 19.

бытымъ гдѣ-то «на краю свѣта». Дѣйствительно, этотъ желанный переходъ поставилъ Полежаева въ нѣсколько-улучшенное положеніе; но долго пользоваться имъ страдальцу не пришлось: его дни были уже сочтены. Въ немъ развилась злая чахотка, послѣдствіе всякаго рода излишествъ, сгубившихъ окончательно его здоровье, и онъ самъ вполнѣ сознавалъ причину своего неизлечимаго недуга. «Вотъ тебѣ, Александръ», писалъ онъ Лазовскому за нѣсколько сутокъ до смерти, «живая картина моего настоящаго положенія»:

...Но горе мнѣ съ другой находкой
Я ознакомился—съ чахоткой,
И въ ней, какъ кажется, сгнію.
Тяжелой мраморною плитой,
Со всей анаѳемскою свитой—
Удушьемъ, кашлемъ—какъ змія
Впилась, проклятая въ меня;
Лежитъ на сердцѣ, мучитъ, гложетъ
Поэта въ мрачной тишинѣ,
И злымъ предчувствіемъ тревожитъ
Его въ бреду и въ тяжкомъ снѣ...
Съ уничтоженіемъ разсудка,
Въ нелѣпомъ вихрѣ бытія,
Законовъ мозга и желудка
Не различалъ во мракѣ я!
Я спалъ душой изнеможенной;
Никто мнѣ бѣдъ не предрекалъ,
И самъ—какъ рабъ, ума лишенный—
Точилъ на грудь свою кинжалъ;
Потомъ проснулся.. но ужъ поздно:
Заря по тучамъ разлилась—
Завѣса будущности грозной
Передо мной разодралась....
И что жъ? Чахотка роковая
Въ глаза мнѣ пристально глядитъ,
И, блѣдный ликъ свой искажая,
Мнѣ, слышу, хрипло говоритъ:
„Мой милый другъ! бутыльнымъ звономъ
Ты звалъ меня давно къ себѣ;
И такъ, являюсь я съ поклономъ—
Дай уголокъ твоей рабѣ!
Мы заживемъ, повѣрь, не скучно;
Ты будешь кашлять и стонать,
А я всегда и безотлучно
Тебя готова утѣшать...“

На смертномъ одрѣ Полежаевъ былъ произведенъ въ офицеры, послѣ *двѣнадцатилѣтней* непрерывной службы въ нижнихъ чинахъ.... Это производство явилось горькою насмѣшкой гонительницы-судьбы. Оно застало безнадежнаго больнаго уже при послѣднихъ его минутахъ,

въ лазаретѣ, гдѣ онъ занималъ солдатскую койку, за неимѣніемъ средствъ лечиться дома: на ней онъ пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ, на ней и умеръ 16-го Января 1838 года, 30-ти съ небольшимъ лѣтъ отъ-роду.

Странныя и грустныя случайности все-таки не оставили покойника и послѣ его кончины. Познакомившійся съ нимъ еще въ 1833-мъ году, Герценъ разсказываетъ, что «когда одинъ изъ друзей Полежаева пришелъ просить тѣло для погребенія, никто не зналъ, гдѣ оно; солдатская больница торгуетъ трупами, она ихъ продаетъ въ университетъ, въ медицинскую академію, вывариваетъ скелеты и проч. Наконецъ, пришедшій нашелъ въ подвалѣ трупъ бѣднаго Полежаева: онъ валялся подъ другими; крысы объѣли ему одну ногу. Послѣ его смерти издали его сочиненія и при нихъ хотѣли приложить портретъ въ солдатской шинели. Цензура нашла это неприличнымъ, и бѣдный страдалецъ представленъ въ офицерскихъ эполетахъ...» [1]).

Въ кружку немногихъ друзей усопшаго возникла было мысль почтить его могилу какимъ-нибудь памятникомъ; но, кажется, намѣреніе это не осуществилось. Извѣстный археологъ И. П. Сахаровъ (1810—1863) говоритъ въ своихъ Запискахъ: «Поэтъ Якубовичъ [2]) былъ друженъ съ Полежаевымъ и горячо его любилъ. Помню, какъ онъ хлопоталъ поставить памятникъ на могилѣ Полежаева. За то онъ горько негодовалъ на Струйскаго, считавшагося роднымъ Полежаеву». Очевидно, что этотъ Струйскій былъ сынъ его дяди, Дмитрій Юрьевичъ, современный Якубовичу литераторъ, о которомъ мы уже упоминали выше и который, какъ видно, не утруждалъ себя родственнымъ участіемъ къ обездоленному судьбою своему родичу....

---

[1]) Эта книжка стихотвореній была „Арфа“, вышедшая въ Москвѣ въ 1838 году. На приложенномъ къ ней гравированномъ портретѣ малаго формата Полежаевъ дѣйствительно фигурируетъ въ офицерскомъ мундирѣ, котораго никогда не надѣвалъ. Въ томъ-же нарядѣ онъ изображенъ и при позднѣйшемъ изданіи стихотворнаго сборника „Кальянъ“, выпущенномъ также въ 1838 г., тогда какъ при двухъ предшествовавшихъ изданіяхъ 1833-го и 1836-го годовъ, онъ представленъ на литографированномъ портретѣ въ унтеръ-офицерскихъ галунахъ. При посмертныхъ-же изданіяхъ избранныхъ стихотвореній (1857 и 1859 гг.), Полежаевъ изображенъ въ солдатской формѣ, которую носилъ большую часть жизни.

[2]) Лукьянъ Андреевичъ Якубовичъ, стихотворецъ 1830-хъ годовъ, сверстникъ по литературѣ Струйскаго, Стромилова, Д. Сушкова, Менцова, Н. Степанова, Мундта, В. И. Соколовскаго и К. Айбулата. Онъ былъ сынъ предсѣдателя Тульской Гражданской Палаты. Стихотворенія Якубовича, часто печатавшіяся въ разныхъ альманахахъ и повременныхъ изданіяхъ, выпущены отдѣльною книжкой въ Спб., 1837 г. Ему же принадлежитъ критическая статья о сочиненіяхъ Полежаева, помѣщенная въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1832 г. № 222.—Всегдашній безсребренникъ, Якубовичъ умеръ въ крайней бѣдности. Интересныя о немъ подробности изложены въ тѣхъ-же запискахъ Сахарова, напечатанныхъ въ 6-й книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1873-й годъ.

Къ этимъ, довольно-скуднымъ, подробностямъ прибавлять намъ нечего. Нашъ посильный трудъ заканчивается, и мы сознаемъ его неполноту. Многое изъ добытыхъ для этой статьи справокъ вошло въ нее на основаніи только слуховъ и устныхъ разсказовъ, требующихъ провѣрки, для насъ недоступной. Во всякомъ случаѣ, желательно было-бы вызвать этимъ біографическимъ очеркомъ возможныя поправки и дополненія къ нему отъ лицъ, которыя въ состояніи сообщить ихъ, а въ особенности со стороны современниковъ Полежаева, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо личныя сношенія, если изъ числа этихъ лицъ,—какъ можно надѣяться,—нѣкоторыя находятся еще въ живыхъ.

Еще нѣсколько послѣднихъ словъ. Во главѣ нашей статьи поставлены эпиграфами характеристики Полежаева изъ сочиненій извѣстныхъ въ Русской литературѣ писателей, значительно расходящіяся во взглядахъ на личность и жизнь поэта. Путемъ сопоставленія этихъ взглядовъ съ изложенными здѣсь фактами, читатель можетъ самъ взвѣсить противорѣчащія мнѣнія и безпристрастно опредѣлить, дѣйствительно-ли злополучная жизнь этого человѣка была испорчена непосредственно по его собственной винѣ, при воздѣйствіи превратно-направленной свободной воли; или-же, напротивъ, «Горе-Злосчастіе» досталось ему въ удѣлъ по вліянію случайно-сложившихся, но *свойственныхъ времени*, обстоятельствъ? Мы склоняемся въ пользу послѣдняго убѣжденія, потому-что не видимъ причины считать эту личность за исключительно-призванную на дурной путь уродливыми наклонностями отъ природы, за какое-то чудовище порока, само себя обрекшее на кару и бѣдствіе въ борьбѣ со стройнымъ движеніемъ общественной жизни. Нѣтъ! Въ Полежаевѣ видится живая, пламенная природа, податливая на всѣ страстныя увлеченія, но не вмѣщающая въ себѣ ни одной черты изъ тѣхъ, отъ которыхъ съ негодованіемъ и омерзѣніемъ отвращается всякое честное сердце, пока оно бьется въ груди.

Заключимъ эту статью нѣкоторыми библіографическими указаніями объ изданныхъ сочиненіяхъ Полежаева, какъ при его жизни, такъ и по смерти, не включая въ ихъ перечень разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ и потому не вошедшихъ въ сборники стихотвореній.

1) «*Стихотворенія А. Полежаева*», съ эпиграфомъ: „Honny soit qui mal y pense“ (Montaigne). Въ 12-ю д. л. Москва. 1832. Типографія Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. Цензурное разрѣшеніе за подписомъ С. Аксакова, отъ 12 Января 1832 г. Страницъ: III и 283. На нихъ 54 пьесы, съ посвятительною надписью: «Другу моему А. П. Л.» и относящимся къ нему посланіемъ.

2) *«Эрпели»* и *«Чиръ-Юртъ». Двѣ поэмы А. Полежаева.* Съ эпиграфомъ: „Evil be to him that evil thinks". Въ 12-ю д. л. Москва. 1832. Типографія Лазаревыхъ Инст. Вост. яз. — Первая поэма цензурована С. Аксаковымъ 12-го Января 1832 г., а вторая Снегиревымъ, 19-го Августа 1832 г. На первой, раздѣленной на 8 главъ и оканчивающейся на 72-й страницѣ, посвятительная надпись: «Воинамъ Кавказа».—На второй, раздѣленной на 2 пѣсни и начинающейся съ 73-й страницы, краткое посвященіе прозою, въ видѣ письма къ А. П. Л., отъ 25 Мая 1832 г., изъ крѣпости Грозной. Обѣ поэмы занимаютъ всего 132 страницы, нумерованныя сплошь.

3) *«Кальянъ». Стихотворенія А. Полежаева.* Въ 12-ю д. л. Москва. 1833. Типогр. Лазаревыхъ И. В. я. Цензурное одобреніе, отъ 29 Сентября 1833 г., подписано И. Снегиревымъ. Съ портретомъ автора, отпечатаннымъ въ литографіи А. Ястребилова, съ дозволенія того же цензора. Всего 16 стихотвореній на 130 страницахъ; двѣ послѣднія (съ примѣчаніями) не нумерованы.

Книжка эта была еще два раза издана, тоже съ портретомъ: въ 1836 г. (въ 12 д. л.) и 1838 г. (въ 16 д. л.).

4) *«Арфа». Стихотворенія Александра Полежаева.* Въ 12-ю д. л. Москва. 1838. Типографія В. Кирилова. Цензурный просмотръ, отъ 25-го Ноября *1835 года*, подписанъ М. Каченовскимъ. Съ гравированнымъ (неизвѣстно гдѣ и кѣмъ) портретомъ автора въ маломъ форматѣ. 15 стихотвореній на 115 страницахъ.

5) *«Часы выздоровленія». Стихотворенія А. Полежаева* (всего 16). Въ 12-ю д. л. Москва. 1842. Въ типографіи Алексѣя Евреинова. Процензурованы въ С.-Пбургѣ С. Куторгой, 17-го Іюня 1841 г. Съ посвященіемъ (курсивными литерами) А. П. Л.......му, состоящимъ изъ десяти начальныхъ стиховъ неизданной пьесы «Арестантъ», 67 страницъ. Весьма неисправно корректированное изданіе, исполненное съ безчисленными опечатками, неровнымъ, избитымъ шрифтомъ, но на довольно бѣлой бумагѣ, съ каймою кругомъ на каждомъ листкѣ.

6) Въ Московскомъ журналѣ «Галатея» 1839 г. два стихотворенія: «Къ моему генію» и «Людовикъ XVII».

7) *«Стихотворенія А. Полежаева».* Съ литогр. портретомъ автора, снимкомъ его подписи и статьею Бѣлинскаго о его сочиненіяхъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Въ м. 8-ю д. л. Москва. 1857. Типографія Каткова и К°. Цензурное одобреніе отъ 11-го Января 1857 г., за подписомъ Н. Фонъ-Крузе. Всего 62 (отборныхъ) стихотворенія. 210 и III страницъ.

Это лучшее собраніе сочиненій Полежаева отпечатано было вновь тѣми-же издателями въ 1859 году.

8) Въ Московскомъ періодич. изданіи «Библіографическія Записки» 1859 г., № 20,—три первыя строфы стихотворенія: «Четыре націи».

Присоединяемъ къ этимъ свѣдѣніямъ еще указатель рецензій и критическихъ статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ о сочиненіяхъ Полежаева, составленный г. Межовымъ:

I. *Кальянъ* и *Арфа*.

1) «Молва» 1833 г., № 145.

2) «Московскій Телеграфъ» 1833 г., ч. 53, стр. 254—256.

3) «Московскій Наблюдатель» 1839 г., годъ V-й, ч. 1, отд. 5, стр. 3—16.

II. *Эрпели* и *Чиръ-Юртъ*.

1) «Московскій Телеграфъ» 1832 г., ч. 46, стр. 566—570.

2) «Сѣверная Пчела» 1833 г., № 69.

3) «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1833 г., № 13; стр. 102—104. (Статья NN).

III. *Часы выздоровленія*.

1) «Литературная Газета» 1842 г., № 34; стр. 697—699.

IV. *Стихотворенія*, изданныя въ 1832, 1857 и 1859 годахъ.

1) «Молва» 1832 г., № 71.

2) «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1832 г., № 83, стр. 663—664.

3) «Московскій Телеграфъ» 1832 г., ч. 45, стр. 355—359.

4) «Сѣверная Пчела» 1832 г., № 222. (Статья *Л. А. Якубовича*).

5) «Отечественныя Записки» 1842 г., № 5, т. 22, отд. 5, стр. 1—24. (Статья *В. Г. Бѣлинскаго*.)

6) «Современникъ» 1857 г., № 9, т. 65, отд. 4, стр. 1—7. (Статья *Н. А. Добролюбова*.)

7) «Библіотека для чтенія» 1857 г., № 11, т. 146, отд. 6, стр. 1—28. (Статья *А. В. Дружинина*.)

8) «Московскія Вѣдомости» 1857 г., (литературный отдѣлъ) № 94. (Статья *М. Н. Лонгинова*.)

9) «Отечественныя Записки» 1857 г., № 10, т. 114, отд. II, стр. 82—90. (Статья *М. П—б—ва*.)

10) «Сѣверная Пчела» 1857 г., № 180.

11) «Сынъ Отечества» 1857 г., № 38.

12) «Отечественныя Записки» 1859 г., № 10, стр. 86—101. (Статья *Эк. С—тъ*.)

Д. Д. Рябининъ.

Воронежъ.
15 Ноября 1880 г.

ЕЩЕ О ЗАПИСКАХЪ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Въ III-й книгѣ Русскаго Архива 1880 года помѣщена замѣчательная статья М. Ѳ. Шугурова объ открытыхъ въ Россіи подлинныхъ Запискахъ княгини Дашковой. Критическія замѣчанія автора этой статьи возбудили во мнѣ желаніе воспользоваться настоящимъ моимъ пребываніемъ въ Англіи, чтобы отыскать и, буде возможно, осмотрѣть тотъ рукописный экземпляръ этихъ Записокъ, по которому сдѣлано Англійское изданіе 1840 года.

Розысканія мои увѣнчались успѣхомъ. Я узналъ, что экземпляръ, принадлежавшій г-жѣ Брадфордъ, до сихъ поръ существуетъ, и что онъ хранится, какъ сокровище, въ ея семействѣ. Сама она умерла въ 1873 году, 98 лѣтъ отъ роду, и послѣ нея остались: одинъ сынъ, генералъ-лейтенантъ Брадфордъ, и двѣ дочери: Катерина, за Вилльямомъ Брукомъ (Brooke) и Елисавета (Blanche Elisabeth), дѣвица. Благодаря посредничеству одного общаго знакомаго, они съ готовностію согласились сообщить мнѣ завѣтную рукопись, но убѣдительно просили обходиться съ нею какъ можно осторожнѣе и не продержать ея болѣе нѣсколькихъ дней.

Вслѣдствіе этого, я долженъ былъ съ нѣкоторою торопливостію обозрѣть экземпляръ, послужившій для Англійскаго перевода. Тѣмъ не менѣе, результаты этого осмотра, при всей ихъ неполнотѣ, оказались довольно интересными для оцѣнки труда г-жи Брадфордъ и, въ виду изданія Записокъ княгини Дашковой во Французскомъ ихъ подлинникѣ, я считаю нелишнимъ сообщить слѣдующія замѣчанія.

Начну съ описанія внѣшняго вида предъявленной рукописи.

Она составляетъ одинъ томъ, въ листъ, въ новѣйшемъ темнозеленомъ сафьянномъ переплетѣ.

На 1-мъ листѣ замѣтка, копія съ которой при семъ прилагается (См. № I.). На оборотѣ того же листа указатель всѣхъ страницъ (въ Запискахъ княгини Дашковой), на которыхъ встрѣчается *ея собственный почеркъ.*

На 2-мъ листѣ примѣчаніе миссъ Елисаветы Брадфордъ; оно также прилагается у сего въ копіи (См. № II).

На 3-мъ листѣ перечень всѣхъ бумагъ, приложенныхъ къ Запискамъ.

Потомъ, четыре бѣлые листа, за которыми слѣдуетъ Вступленіе (пофранцузски), съ слѣдующею замѣткою: „With a view to the Princess Dashkaw's Memoir being published in french just as it was originally written, mrs Bradford wrote the following Introduction" [1]): 13 листовъ въ малую четверку; вторая страница каждаго листа оставлена бѣлою.

Послѣ этого Вступленія одинъ бѣлый листъ, и наконецъ самыя Записки княгини Дашковой (на Французскомъ языкѣ).

Первая часть, озаглавленная (рукою г-жи Брадфордъ): „Mon histoire. 1-re partie", заключаетъ въ себѣ первыя семнадцать главъ I-го тома Англійскаго изданія. Въ ней 195 перенумерованныхъ страницъ. Бумага, на которой она писала, довольно грубая, сѣроватая, и неровной величины: первая половина этой части меньшаго формата, чѣмъ вторая. Въ концѣ, одиннадцать ненумерованныхъ страницъ съ заглавіемъ „Omissions": тутъ записаны пропуски, со ссылками на страницы текста.

Вторая часть носитъ заглавіе: „Mon histoire. Volume II". *Оно надписано рукою княгини Дашковой.* Эта часть заключаетъ въ себѣ послѣднія восемь главъ I-го тома и всѣ четыре главы II-го тома Англійскаго изданія. Нумерація страницъ начинается цифрою 59 и оканчивается цифрою 190. Бумага синяя, столь же грубая, какъ и въ первой части. Пропуски и примѣчанія (Omissions et Remarques) занимаютъ, въ концѣ этой части, одну ненумерованную страницу.

Къ Запискамъ, въ видѣ приложенія, приплетены слѣдующія бумаги:

1) «Стихи ея сіят. кн. Е. Р. Дашковой на день ея тезоименитства», и «Акростихъ» (на Русскомъ языкѣ), подписанные Г. Г. С..... въ [2]): два печатные полулиста, въ 4-ку, безъ означенія года и мѣста печатанія.

2) «Рѣчь при открытіи Имп. Росс. Академіи говоренная......... кн. Е. Р. Дашковою. Москва, въ типографіи Пл. Бекетова, 1803». въ 4-ку (порусски).

3) Записка (пофранцузски) о пожертвованіи кн. Дашковою собранія рѣдкостей и предметовъ естеств. исторіи Моск. Университету, съ собственноручными поправками княгини Дашковой. 1 листъ.

---

[1]) Въ виду изданія Записокъ княгини Дашковой на Французскомъ языкѣ, на которомъ онѣ въ подлинникѣ написаны, г-жа Брадфордъ сочинила слѣдующее Вступленіе.

[2]) Графъ Григорій Сергѣевичъ Салтыковъ, р. 1777†1814?

4) Собственноручная записка княгини Дашковой (пофранцузски) о разныхъ предметахъ, поднесенныхъ ею императору Александру I, императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, импер. Маріѣ Θеодоровнѣ и Моск. Университету. 4 листа, изъ коихъ два бѣлые.

5) „Chronologie faite l'an 1807". Собственноручная записка княгини Дашковой 1 листъ.

6) 29 писемъ имп. Екатерины II къ княгинѣ Дашковой, копіи рукою Катерины Вильмотъ. Очень сожалѣю, что не успѣлъ ихъ списать, такъ какъ въ изданіи 1840 г. они напечатаны только въ Англійскомъ переводѣ.

7) Четыре письма императрицы Екатерины II къ А. П. Левшиной (также пофранцузски и также копіи).

8) Другой экземпляръ рѣчи княгини Дашковой, см. выше № 2-й.

9) Французскій переводъ той же рѣчи, собственноручно исправленный княгинею Дашковой и дополненный ея примѣчаніями.

10) Собственноручное черновое письмо княгини Дашковой: «Aux éditeurs du journal Le Compagnon, съ препровожденіемъ «Extrait du Catéchisme abréjé de l'honnête homme».

11) Собственноручное черновое письмо княгини Дашковой къ г-жѣ Гамильтонъ (пофранцузски).

12) Собственноручное черновое письмо княгини Дашковой къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ (пофранцузски).

13) Два подлинныя письма княгини Дашковой къ Катеринѣ Вильмотъ.

14) Паспортъ на выѣздъ изъ Россіи въ Англію моремъ, выданный Великобританской подданной, Катеринѣ Вильмотъ, С.-Петербурскимъ гражданскимъ губернаторомъ Пасевьевымъ, 18-го Іюля 1807 г.

15) Другой паспортъ на выѣздъ за границу моремъ, выданный въ Октябрѣ 1808 г., дѣвицѣ Марθѣ Вильмотъ, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за подписью графа А. Салтыкова.

16) Пять собственноручныхъ писемъ княгини Дашковой къ Марθѣ Вильмотъ, писанныя въ 1808 г. по выѣздѣ ея изъ Россіи.

17) Десять собственноручныхъ писемъ княгини Дашковой къ Марθѣ Вильмотъ въ 1809 г.

Обращаюсь теперь къ тексту Записокъ княгини Дашковой.

Какъ я уже замѣтилъ выше, онѣ раздѣлены, въ экземплярѣ г-жи Брадфордъ, на *двѣ части*, и собственноручная подпись княгини Дашковой въ началѣ II-й части доказываетъ, что это раздѣленіе сдѣлано самимъ авторомъ; но нѣтъ подраздѣленія на главы; оно отмѣчено между строкъ, позднѣйшею рукою, по Англійскому изданію.

Записки переписаны г-жею Брадфордъ; но, при этомъ, множество мѣстъ писано рукою княгини Дашковой: то исправлено ею одно слово, то вписано нѣсколько строкъ; иногда даже ею писаны цѣлыя страницы. Такихъ мѣстъ не менѣе 35 (въ I-й части 26, во II-й 9). Очевидно, что рукопись, уже вполнѣ переписанная, была пересмотрѣна княгинею Дашковой.

Въ концѣ каждой части помѣщены дополненія, съ отмѣткою: «Omissions» и со ссылками на страницы текста. Одно изъ нихъ отъ начала до конца писано рукою княгини Дашковой: оно занимаетъ цѣлую страницу и заключаетъ въ себѣ анекдотъ о Бецкомъ, внесенный въ текстъ Записокъ на стр. 101, тома I-го Англійскаго изданія. При разсмотрѣніи этихъ дополненій, нельзя не прійдти къ убѣжденію, что всѣ они принадлежатъ княгинѣ Дашковой. Самый слогъ ихъ служитъ доказательствомъ ихъ достовѣрности: несмотря на отсутствіе всякихъ притязаній на щеголеватость или на академическую правильность, въ нихъ однако видно полное знаніе Французской разговорной рѣчи прошлаго вѣка, между тѣмъ какъ изъ частыхъ промаховъ г-жи Брадфордъ при переписываніи и въ особенности изъ Французскаго Вступленія, отъ котораго она весьма благоразумно отказалась, можно заключить, что она далеко не въ такой степени владѣла Французскимъ языкомъ.

Такимъ образомъ, въ моихъ по крайней мѣрѣ глазахъ, достовѣрность дополненій не можетъ быть заподозрѣна. Это видно въ томъ отношеніи, что, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, о которыхъ я упомяну дальше, все то, чтò г. Шугурову показалось апокрифическимъ и произвольнымъ украшеніемъ, вымышленнымъ г-жею Брадфордъ, находится именно въ этихъ дополненіяхъ. Скорѣе слѣдуетъ предполагать, что экземпляръ г-жи Брадфордъ представляетъ окончательную редакцію самого автора.

Рукопись Брадфордъ I. стр. 31. (Англ. изданіе I. 38).

....„Ce que me dit Pierre III, en me voyant entrer, avoit rapport à ma soeur et étoit trop *remarquable* [3]) pour que j'*y* ré*ponde*. Je repliais sur mon défaut de compréhension, et je me dépêchai de prendre part au jeu de campis.“ (I)

А въ концѣ I-й части Записокъ слѣдующее дополненіе:

Page 31. Note.

„En effet, ce que l'empereur me disoit alors, indiquoit pleinement son intention de se débarrasser de l'impératrice Catherine pour pouvoir épouser la comtesse Elizabeth. C'étoit des demi-phrases, toujours à voix

---

[3]) Подчеркнутыя слова писаны по подскобленному.

basse, les nommant *Elle* pour l'impératrice et *Romanovna* pour la comtesse; et puis il disoit tout bonnement:

„Je vous conseille, ma petite, de faire votre cour un peu chez „nous, avant que le temps ne vienne quand vous auriez peut-être cause „de vous repentir d'une négligence vis-à-vis de votre soeur. C'est votre „propre intérêt de la gagner et d'influer sur son esprit; voilà com- „ment vous pouvez devenir de quelque signification dans le [1]) monde." (II)

—

Рукопись Брадфордъ, I, стр. 67. (Англ. изд. I. 79).

„Après son départ, j'étois plongée dans les plus tristes réflexions, et les images que m'offrit mon imagination étoient d'un genre plutôt funeste qu'autrement. *A six heures du matin, j'ordonnai à ma femme de chambre de me préparer un habit de gala quand j'appris* que sa majesté étoit arrivée au régiment d'Ismaïlowsky."

Подчеркнутыя слова зачеркнуты. Въ концѣ I-й части: Omission page 67.

„La nuit se passa comme cela. Je ne pouvois rien faire et, faute d'avoir un habit d'homme, je ne pouvois suivre l'impulsion de mon coeur, d'aller à la rencontre de l'imp. La nuit me sembloit être une vie entière, et mon imagination ne manquoit pas de rendre l'image juste, en la remplissant, comme la réalité, de moments de bonheur et de siècles de tristesse. Tantôt je voyois le triomphe de l'impératrice, le bonheur de ma patrie, et toutes les illusions enchanteresses qu'un tel moment pourroit inspirer. Mais, dans l'instant, ces idées brillantes furent chassées par d'autres d'une trempe bien différente; le moindre petit bruit me fesait frémir; je crus voir l'imp., cette idole de mon coeur et de mon imagination, pâle, défigureé, mourante, la victime de notre amour pour elle, peut-être de notre imprudence. Je me retraçois toute la part que j'y avois eue, et ma seule consolation fut que je souffrirois la mort comme ceux que j'avois entraînés. Bientôt, l'espérance renaissoit. Enfin j'eus le bonheur d'apprendre etc. etc." (III)

—

Рукопись Брадфордъ, I. 68 (вся страница рукою княгини Дашковой). Англ. изд. I. 81.

„Sa majesté me rendit compte ensuite comment elle s'esquiva de Péterhof, *et je lui dis, de mon côté tout ce que je savois, et que mon habit d'homme, retenu par mon tailleur, a été cause que je n'ai pu,*

[1]) Въ подлинникѣ, вмѣсто: *dans le* по ошибкѣ *au.*

malgré le vif désir que j'en avois, aller à sa rencontre. Bientot je m'aperçus qu'elle gardoit encore le cordon de S-te Catherine etc."

Подчеркнутыя слова зачеркнуты, и подъ ними отмѣчено: omission. Въ концѣ I-й части, рукою г-жи Брадфордъ:

„Page 68. Je l'écoutai avec un vif battement de coeur, et toutes les alarmes, toutes les espérances qu'elle avait éprouvées dans un moment si critique, je les ressentis de nouveau en l'écoutant. Je lui fis part, à mon tour, de toutes mes inquiétudes pendant ces heures pénibles qui allaient décider de son sort et du bonheur ou du malheur de l'empire. Je lui racontai quel contre-temps fâcheux m'avoit empêchée d'aller à sa rencontre. Nous nous embrassâmes de nouveau; le bonheur ne pouvoit être plus parfoit que comme je le sentis dans ce moment; c'est à son comble. Bientôt etc. etc. etc." (IV).

—

Рукою Брадфордъ, I. 73. Вся страница писана рукою кн. Дашковой). Англ. изд. I. 87.

„Je ne l'ai pas vu, quoique je l'eusse pu faire; mais l'on m'assura *que sa situation paraissoit faire peu d'impersssion sur lui*, qu'il mangeoit de bon appétit, et but son vin favori, le Bourgogne, de même (V).

Подчеркнутыя слова вписаны, между строкъ, рукою г-жи Брадфордъ.

Рукою Брадфордъ I. 77. (Англ. изд. I. 92).

„Quant à notre entrée eu ville, elle ne sauroit être décrite. Les rues étaient remplies de monde, qui nous donnoit mille bénédictions et exprimoit sa joie de mille manières. (Les valétudinaires étoient à leurs croisées. Omission). *Le son des cloches, les prêtres à la porte de chaque église, la musique des régimens, tout cela fesoit un effet que l'on ne sauroit rendre.*"

Послѣднія двѣ съ половиною строки зачеркнуты и, вмѣсто нихъ, тутъ же на приплетенной четвертушкѣ листа:

„Omission page 77. Soutenus pas leurs enfans, pour témoigner la vérité d'un triomphe qui brilloit sur le visage de chacun et qui animoit leurs voix avec tant d'éloquence irrésistible que toute autre démonstration de ce sentiment devoit paraître faible en comparaison. La musique des régimens qui nous accompagnaient, le branle des cloches de toutes les églises dont les saints autels illuminés se découvraient en perspective, tandis que leurs grandes-portes s'ouvraient pour laisser paraître des prêtres revêtus de leurs saints vêtemens, élevant la croix comme s'ils voulaient sanctifier la joie universelle, voilà un coup d'oe-

de ce que je voyois alors. Je ne puis en faire qu'une esquisse très-imparfaite; car la réalité s'éclipsa presque dans la vivacité de mes propres sentimens, tandis qu'à cheval, à côté de l'impératrice, ruminant sur la grâce spéciale d'une révolution accomplie sans une goutte de sang répandue, je contemplais dans ce don de Dieu en même temps une souveraine bienfaisante et une amie adorée, que mes propres efforts avaient aidé à arracher d'une situation pénible, peut-être d'un sort affreux, et à la placer sur le trône de ma patrie bien-aimée.“

Разсказъ продолжается на стр. 77 слѣдующимъ образомъ: „*Le bonheur de voir terminer cette révolution sans une goutte de sang répandue.* (Эти слова зачеркнуты, а въ слѣдующемъ словѣ изъ маленькаго l сдѣлано большое L) Le désir de voir mon père, mon oncle et ma fille, une foule de sentimens qui m'assiégeoient alors, *les fatigues incroyables que j'ai souffertes, à 18 ans, avec une constitution délicate et une sensibilité de nerfs excessive, tout cela me donnoit une fièvre et me rendoit incapable de voir, entendre et encore moins observer rien.* (Эти пять строкъ зачеркнуты, и, вмѣсто нихъ, вписано: m'opprimèrent tant qu') Arrivée au Palais d'Eté, je ne donnoi point le temps à l'impératrice d'entrer dans les appartemens, etc.“ (VI).

—

Рукопись Брадфордъ, I. 116. (Англ. изд. I. 161). Половина страницы рукою кн. Дашковой:

„*Nous essuyâmes* (писано по подскобленному) 26 heures de danger, les vagues jetant de l'eau jusque dans notre cabine [5]) *que l'on fut obligé de fermer et boucher. Nous arrivâmes à Calais.*“

Послѣднія слова зачеркнуты и, вмѣсто нихъ слѣдующая поправка, большая часть которой приписана внизу, на той же страницѣ:

„Dès que mes enfans s'en aperçurent, ils en furent extrêmement épouvantés et se mirent à pleurer à chaudes larmes. Je me suis saisie de cette occasion de leur faire sentir combien le courage est au-dessus de la pusillanimité! Je leur fis remarquer la conduite du capitaine et des matelots anglais dans une situation si critique, et, après leur avoir fait sentir que les dispensations divines exigent de la soumission et sont toujours sages, je leur ordonnai la tranquillité. Je fus obéie au-delà de mes espérances, car bientôt j'eus le bonheur de les voir jouir d'un paisible sommeil malgré l'orage, qui, à la vérité, grondoit d'une manière affreuse. L'on fut obligé de fermer et boucher la cabine [6]), ce

---

[5]) По ошибкѣ написано: *cabane.*

[6]) Опять: *cabane.*

qui ajouta beaucoup à mes alarmes secrètes. Cependant nous arrivâmes sains et saufs à Calais.“ (VII).

—

Рукопись Брадфордъ, I. 123. (Англ. изд. I. 171).

„...je me mis en voiture avec mes deux enfans et le vieux major Frants qui m'avoit connue depuis mon enfance (*car il avoit appartenu à la maison de m-me Tchoglokow, cousine germaine de ma tante).*

Слова въ скобкахъ зачеркнуты. (VIII).

—

Рукопись Брадфордъ, I. 136. На этой страницѣ находится весь параграфъ, который въ Русскомъ Архивѣ приведенъ на стр. 201, примѣч. 85. Онъ зачеркнутъ карандашемъ, равно какъ и другое мѣсто (*Рукоп. Брадф. I. 85*), на которое ссылается кн. Дашкова и гдѣ сказано по поводу изгнанниковъ, возвратившихся въ Петербургъ въ началѣ царствованія Петра III: „Bientôt arriva un autre personnage qui, peut-être innocemment ou même sans y avoir eu la moindre part, a été la source des premiers cuisants chagrins que j'ai éprouvés et contre lesquels l'espèce de courage qu'une femme peut avoir, n'étoit par suffisant. C'etoit la prèmiere femme de chambre que l'impératrice, comme grande duchesse, avoit eue. Elle fut exilée en même temps que le comte Bestoujeff et avoit été, à ce que l'on dit, assez bien avec ma mère. Elle était d'une famille noble et avoit beaucoup d'esprit naturel; on se servit de son nom pour me faire du tort auprès de nom père; mais j'en parlerai après.“ (IX).

—

Рукопись Брадфордъ, I. 195. (Англ. изд. I. 269): заключеніе I-й части Записокъ въ томъ видѣ, какъ оно приведено въ Русскомъ Архивѣ на стр. 211. Но тутъ же приплетена особая четвертушка съ слѣдующею редакціею:

„C'est ainsi que finit un voyage entrepris avec des biens modiques et qui a demandé tout le courage que l'amour maternel sait nous donner. L'éducation de mon fils fut l'objet de mes plus tendres soins. J'ai voulu conserver ses principes intacts et le dérober à mille séductions dont un jeune homme est toujours en proie chez lui. Le résultat de mes réflexions fut de le mener dans les pays étrangers. Mon choix ne fut pas difficile. J'ai cru faire son bonheur en lui donnant une éducation anglaise, et dès lors c'est ce que j'ambitionnai. Le peu de dettes qui en résultèrent, je le prévis, et me fis un plaisir de les vouloir payer par des privations personnelles et une économie suivie à la campagne,

où j'ai voulu m'enfermer pour quelques années. C'est à quoi je me suis vouée en idée, heureuse dans l'accomplissement de mes souhaits." (X).

—

Рукопись Брадфордъ, II. 89. (Англ. изд. I. 317). Русская пословица: «до Бога высоко, до Царя далеко», приведена здѣсь внизу страницы, въ видѣ примѣчанія, такимъ образомъ: „Elle n'aimoit pas le proverbe russe qui dit: Jusqu'à Dieu c'est trop haut, jusqu'au Tzar c'est trop loin pour chercher la justice. Il faut donc souffrir." (XI).

—

Рукопись Брадфордъ, II. 96. (Англ. изд. I, 336). Разсказъ опраздникѣ, данномъ г-жѣ Гамильтонъ, находится на особомъ листѣ приплетенномъ къ рукописи.

—

Рукопись Брадфордъ, II, 183—184. (Англ. изд. II, 46). Мнѣніе княгини Дашковой о Петрѣ Великомъ изложено здѣсь совершенно согласно съ переводомъ г. Шугурова (Русск. Арх. 201). Замѣчу только, что въ переводѣ г. Шугурова, Петръ названъ «*блестящимъ*» тираномъ, между тѣмъ, какъ княгиня Дашкова придаетъ ему эпитетъ: «ce *brutal* tyran».

Этихъ примѣровъ кажется достаточно, чтобы объяснить, какимъ образомъ въ Англійскомъ переводѣ 1840 года появились такія вставки, которыхъ нѣтъ въ рукописи, найденной въ Воронцовскомъ архивѣ. Но двухъ мѣстъ я въ рукописи г-жи Брадфордъ вовсе не нашелъ, а именно разсказа о пожарѣ, бывшемъ въ селѣ Троицкомъ (Англ. изд. I, 286—287) и дополненія къ стр. 379 и 380-й I-го тома Англ. изд. Относительно этого послѣдняго мѣста, въ рукописи г-жи Брадфордъ (II, 140) находится обычный ея знакъ для ссылокъ (M) omission, но самого дополненія нѣтъ. Весьма возможно, что эти мѣста просто ускользнули отъ моего вниманія, такъ какъ я спѣшилъ возвратить рукопись въ условленный срокъ.

Говоря о достовѣрности этихъ дополненій, я, разумѣется, имѣю въ виду одинъ только *Французскій текстъ*, который я имѣлъ передъ глазами, но нисколько не заступаюсь за Англійскій переводъ г-жи Брадфордъ. Она постоянно увлекается желаніемъ сгладить шероховатости подлинника и придать болѣе приличный видъ тому, что̀ ей кажется слишкомъ рѣзкимъ или смѣлымъ, мало заботясь о сохраненіи точности и энергіи выраженій кн. Дашковой. Но этотъ недостатокъ у нея общій почти со всѣми переводчиками ея времени, и было бы, по моему мнѣнію, крайне несправедливо требовать отъ этой почтенной дамы тѣхъ ученыхъ пріемовъ, къ которымъ мы теперь привыкли и которыхъ мы

вправѣ ожидать отъ всякаго сколько нибудь опытнаго переводчика или издателя. Во всякомъ случаѣ, мы должны быть ей благодарны за то, что она, уже 40 лѣтъ тому назадъ, познакомила насъ съ Записками нашей знаменитой соотечественницы. Я даже думаю, что, при изданіи ихъ въ свѣтъ на Французскомъ языкѣ, необходимо было бы принять во вниманіе списокъ г-жи Брадфордъ и предоставить самому читателю принять или отвергнуть находящіяся въ немъ дополненія.

Князь А. Лобановъ.

Лондонъ,
23 Декабря 1880.
4 Января 1881.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

The annexed MS. is a *copy* of the original memoir of the Princess Dashkaw's life written by herself in french, four years before her death.

It was written by the Princess at the request of Miss Martha Wilmot, who copied the memoir day by day, as it progressed while she was at Troitzkoe near Moscow with Princess Dashaw 1804 to 1806, and, to use her own words: „when the Princess had got the start of me by several pages, I began to copy what she wrote, and she used to take the pen out of my hand and write a line or two herself.“

The original MS. was burnt in 1808 when war having been declared between Russia and England it became necessary for Miss Wilmot to return home. So much suspicion was at that time directed against every traveller leaving Russia, that Miss Wilmot found herself obliged to burn the Princess's MS. as well as her own letters and papers. Fortunately the copy in question had been sent to England some time before, and its authenticity can easily be proved by comparing the Princess's handwriting, which appears thro several pages in the MS., with the autograph letters at the end of the book.

II.

NOTE.

The memoir, containing some inaccuracies in style, was considered unfit for publication unless the construction of sentences were in some degree altered.

This was objected to by my mother M-rs Bradford (whose maiden name was Martha Wilmot), and the Princess Dashkaw's Memoirs did not appear before the public, till it was translated into English and published in that language in the year 1840.

Blanche Elizabeth Bradford.

Переводы вышеприведенныхъ мѣстъ изъ рукописи княгини Дашковой, сохранившейся въ Англіи.

(I) То, что̀ сказалъ мнѣ Петръ III, какъ я взошла, относилось къ моей сестрѣ и было слишкомъ важно, чтобы мнѣ стать отвѣчать; я укрылась за недостаточность (будто бы) моего пониманія и поспѣшила присоединиться къ общей игрѣ въ камни.

(II) Стр. 31, примѣчаніе:

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ императоръ говорилъ мнѣ тогда, вполнѣ обозначало его намѣреніе отдѣлаться отъ императрицы Екатерины, чтобы сочетаться бракомъ съ графиней Елисаветой. Это были полуфразы, все шепотомъ, съ наименованіями *она*—императрицы и *Романовна* — сестры моей графини; и потомъ онъ и прямо говорилъ: „Совѣтую вамъ, малютка, немножко заискать у насъ, прежде чѣмъ настанетъ время, когда вамъ, можетъ быть, придется раскаяваться въ пренебреженіи къ сестрѣ вашей. Ваша собственная выгода получить ея расположеніе и имѣть на нее вліяніе; вотъ какимъ образомъ вы можете стать не безъ значенія въ свѣтѣ“.

(III) Послѣ ея отбытія я была погружена въ печальнѣйшія размышленія: картины, которыя рисовало мнѣ мое воображеніе, были болѣе зловѣщаго, чѣмъ инаго характера. Въ 6 часовъ утра я приказала горничной приготовить себѣ парадное платье, когда услышала, что ея величество прибыла въ Измайловскій полкъ.

Пропускъ, стр. 67.

Такимъ образомъ прошла ночь. Я не могла ничего дѣлать и, не имѣвъ мужскаго костюма, я не могла послѣдовать влеченію сердца: ѣхать на встрѣчу императрицѣ. Ночь показалась мнѣ за цѣлую жизнь, и мое воображеніе непреминуло сдѣлать это сходство вѣрнымъ, наполняя ее, какъ и бываетъ въ дѣйствительности, минутами только счастія и цѣлыми вѣками горести. То представлялось мнѣ, что императрица торжествуетъ—счастіе отечества, всѣ очарованія такого момента; то вдругъ эти блестящіе образы прогонялись совсѣмъ противоположными. Малѣйшій шумъ заставлялъ меня содрагаться; казалось, я вижу императрицу, этого идола моего сердца и воображенія—блѣдной, обезображенной, умирающей жертвой нашей любви къ ней, можетъ быть нашей неосторожности. Я представляла себѣ, какую долю участія я въ ней имѣла, и моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было—что я тоже потерплю смерть, какъ тѣ, которыхъ я увлекла. Потомъ опять рождалась надежда. Наконецъ я имѣла счастіе узнать......

(IV) Ея величество потомъ объяснила мнѣ, какъ удалось ей уѣхать изъ Петергофа, а я разсказала съ своей стороны все̇, что̀ знала и то, что задержка портнымъ моей мужской одежды была причиной, что я не могла,

вопреки живѣйшему желанію, ѣхать ей на встрѣчу. Скоро я замѣтила, что на ней былъ еще орденъ св. Екатерины.

Стр. 68. Я слушала ее съ сильнымъ біеніемъ сердца, и всѣ тревоги, всѣ надежды, которыя она испытала въ такую критическую минуту, я ихъ перечувствовала вновь, внимая ей. А сама сообщила ей всѣ треволненія свои въ тѣ тягостные часы, кои рѣшали ея судьбу и счастіе, или несчастіе имперіи.

Я ей разсказала какая досадная неудача помѣшала мнѣ ѣхать ей на встрѣчу. Мы снова поцѣловались; счастіе не можетъ быть совершеннѣйшимъ того, какое я чувствовала въ эту минуту—это его полнота! Скоро....

(V). Я его не видала, хотя могла бы увидѣть; но меня увѣряли, что его положеніе мало на него повліяло, что онъ ѣлъ съ добрымъ аппетитомъ, пилъ свое любимое Бургонское—съ таковымъ же.

(VI). А нашъ въѣздъ въ городъ описанъ быть не можетъ! Улицы были наполнены людьми, благословлявшими насъ несчетно и выражавшими всячески свою радость. Даже больные были у оконъ. Звонъ колоколовъ, духовенство у вратъ всякаго храма, полковая музыка—все это производило эффектъ, котораго передать невозможно...

Пропускъ стр. 77.

поддерживаемые ихъ дѣтьми, чтобы выразить истинность радостнаго торжества, блиставшаго на каждомъ лицѣ, воодушевлявшаго ихъ голоса такимъ неотразимымъ краснорѣчіемъ, что всякое другое обнаруженіе этого чувства должно было казаться слабымъ.

Музыка сопровождавшихъ насъ полковъ, трезвонъ колоколовъ всѣхъ церквей, алтари коихъ блистали свѣчами, что̀ видѣлось сквозь ихъ двери, отворившіяся для выхода изъ нихъ священства въ святыхъ одеждахъ, поднимавшаго кресты, какъ бы для освященія всеобщей радости,—вотъ картина, которую тогда я видѣла. Могу дать лишь слабый очеркъ ея; ибо дѣйствительность почти затмилась въ живости моихъ собственныхъ чувствъ. Ѣхавъ верхомъ рядомъ съ императрицей, я раздумывала объ особой удачѣ переворота, совершеннаго безъ капли крови; я усматривала въ этомъ дарѣ Божіемъ въ одно и тоже время и благодѣтельную государыню, и обожаемаго друга, котораго мои собственныя усилія помогли избавить отъ тягостнаго положенія, можетъ быть и отъ ужаснѣйшей участи, и возвести на тронъ возлюбленнаго отечества.

77. Счастіе видѣть окончаніе этого переворота безъ единой капли крови... Желаніе увидѣть моего отца, дядю, дочь—всѣ чувства, кои меня тогда осаждали, невѣроятныя тревоги и усталость которыя я потерпѣла въ 18 лѣтъ, съ нѣжнымъ сложеніемъ и чрезвычайной чувствительностію нервъ, все это бросало меня въ лихорадку и дѣлало меня неспособною видѣть, слышать, и еще менѣе наблюдать что либо. Прибывъ въ лѣтній дворецъ, я не дала императрицѣ времени взойти въ покои.

(VII). Мы вынесли 26 часовъ опасности; волны забрасывались даже въ нашу каюту, которую должно было закрыть и закупорить. Мы прибыли въ Калэ.

Какъ только дѣти мои это замѣтили, они были чрезмѣрно перепуганы, и начали горячо плакать. А я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы показать имъ, насколько мужество выше дѣтской трусости. Я обратила ихъ вниманіе на поведеніе капитана и Англійскихъ матросовъ въ столь критическомъ обстоятельствѣ и, давъ имъ почувствовать, что божескія предначертанія требуютъ покорности и суть всегда премудры, приказала имъ успокоиться. Меня послушались больше, чѣмъ я надѣялась, ибо скоро я имѣла счастіе увидѣть ихъ спящими тихимъ сномъ, несмотря на бурю, которая ревѣла, по истинѣ ужасающимъ образомъ. Должны были закрыть и закупорить каюту, что̀ много увеличило мою тайную тревогу. Однакоже мы прибыли здравы и невредимы въ Калэ.

(VIII). Я сѣла къ карету съ двумя дѣтьми и старымъ маіоромъ Францомъ, знавшимъ меня съ дѣтства (ибо онъ былъ при домѣ Чоглоковой, двоюродной сестры моей тетки).

(IX). Скоро прибыла другая особа, которая можетъ быть безсознательно была источникомъ первыхъ жестокихъ огорченій, кои я испытала и противъ коихъ тотъ родъ мужества, которымъ можетъ обладать женщина—недостаточенъ. Это была первая камеристка императрицы, которую сослали, когда она была еще великой княгиней вмѣстѣ съ гр. Бестужевымъ. Она была дворянка, съ природнымъ умомъ, и какъ говорили, довольно хороша съ моей матерью; ея-то именемъ воспользовались, чтобъ вредить мнѣ въ глазахъ отца; но объ этомъ скажу послѣ.

(X). Такъ окончилось путешествіе предпринятое съ средствами скромными, и потребовавшее всего того мужества, которое материнская любовь можетъ давать намъ. Воспитаніе моего сына было предметомъ нѣжнѣйшихъ заботъ моихъ. Я хотѣла сохранить его нравственность неприкосновенною и укрыть его отъ тысячи соблазновъ, которыхъ добычею всегда бываетъ молодой человѣкъ воспитывающійся дома. Результатъ моихъ размышленій было—увезти его въ чужіе края. Выборъ же, куда именно, мнѣ былъ нетруденъ. Я полагала сдѣлать его счастіе, давъ ему Англійское воспитаніе, и только этого одного желала. Нѣсколько долговъ, кои оттого произошли, я предвидѣла и считала удовольствіемъ уплатить ихъ посредствомъ личныхъ лишеній и выдержанной экономіи въ деревнѣ, куда я хотѣла запереться на нѣсколько лѣтъ. Вотъ на что я рѣшилась въ идеѣ, счастливая въ исполненіи моихъ желаній.

(XI). Она не любила Русской пословицы „до Бога высоко до царя далеко“—И такъ надо терпѣть.

Переводъ приложеній.

I.

Манускриптъ этотъ есть копія съ оригинала Записокъ о жизни княгини Дашковой, написанныхъ ею самою пофранцузски, за 4 года до ея смерти.

Княгиня начала писать ихъ по просьбамъ миссъ Марты Вильмотъ, которая ихъ и переписывала изо дня въ день, по мѣрѣ того какъ они подвигались впередъ, во время пребыванія ея въ Троицкомъ близъ Москвы въ 1804—1806 г.; и, говоря собственными ея словами: „когда княгиня опережала меня нѣсколькими страницами, я ихъ переписывала, и она обыкновенно брала перо изъ моихъ рукъ и приписывала строку или двѣ сама“.

Самый оригиналъ былъ сожженъ въ 1808, когда, по объявленіи войны между Россіей и Англіей, стало необходимымъ для миссъ Вильмотъ возвратиться въ отечество. Тогда противъ всякаго оставлявшаго Россію путешественника было столь великое подозрѣніе, что миссъ Вильмотъ нашлась вынужденною сама сжечь рукопись княгини, какъ равно и письма ея и бумаги.

По счастію эта копія была послана въ Англію за нѣсколько времени ранѣе, и подлинность ея легко можетъ быть доказана сравненіемъ почерка княгини, находящагося на столь многихъ страницахъ, съ собственноручными ея письмами, находящимися въ концѣ тома.

II.

Примѣчаніе.

Записки, заключающія нѣкоторыя неисправности въ слогѣ, были сочтены неготовыми къ опубликованію безъ нѣкотораго измѣненія въ конструкціи фразъ. Это выражала моя мать, мистриссъ Брадфордъ (которой имя въ дѣвицахъ было миссъ Вильмотъ). И такъ Записки Княгини Дашковой не появились въ свѣтъ прежде чѣмъ не были переведены на Англійскій языкъ и наономъ напечатаны въ 1840-мъ году. Бланка Елисавета Брадфордъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КО ВТОРОЙ КНИГѢ

РУССКАГО АРХИВА

1881 года.

Картинка, изображающая Екатерину Великую съ ея семействомъ и приближенными лицами.

Осенью 1880 года, на южномъ берегу Крыма, довелось намъ познакомиться съ достопочтеннымъ Англичаниномъ, капитаномъ Гарфордомъ. Бесѣдуя съ нимъ о прошломъ столѣтіи, я узналъ отъ него, что въ Англіи у его родныхъ и у г-на Мортонъ-Идена сохранилось много писемъ князя Потемкина. Въ отвѣтъ на выраженное мною недоумѣніе, какимъ образомъ могли возникнуть эти сношенія (о которыхъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно въ печати) и эта переписка, г-нъ Гарфордъ сообщилъ мнѣ, что дѣдъ его Гарфордъ съ пріятелемъ своимъ Иденомъ были Англійскіе путешественники, довольно долго жившіе въ Россіи и отлично принятые княземъ Потемкинымъ. Въ подтвержденіе своего показанія, капитанъ Гарфордъ принесъ гравюру, полученную отъ князя Потемкина его дѣдомъ, и тутъ же подарилъ эту гравюру графу А. В. Сологубу, который принималъ участіе въ нашей бесѣдѣ и предокъ котораго, А. Л. Нарышкинъ, изображенъ на гравюрѣ. Съ позволенія графа Сологуба снятъ прилагаемый снимокъ. На самой гравюрѣ находятся современныя подписи, сдѣланныя перомъ, но не обозначено ни имени гравера, ни времени.

Капитанъ Гарфордъ уѣхалъ въ Англію и обѣщалъ намъ сообщить копіи съ писемъ князя Потемкина. Для разъясненія исторической картинки обратились мы къ многоуважаемому Д. А. Ровинскому, отъ котораго получили нижеслѣдующія свѣдѣнія объ этой рѣдкости. «Картинка эта награвирована силуэтеромъ Сидо, который проживалъ въ Петербургѣ въ 1782 — 1784 гг. и въ это время надѣлалъ множество силуетовъ со всей тогдашней знати. Нѣкоторые изъ этихъ силуетовъ выполнены перомъ, Китайскою тушью; другіе, впрочемъ весьма немногіе,

гравированы на мѣди; самое же большое число ихъ вырѣзано ножницами изъ тонкой черной бумаги и вклеено въ готовыя гравированныя рамки. Въ моемъ собраніи есть цѣлая книга съ такими силуетами (60 листовъ) и съ помѣткою внизу: «Sideau fec». Въ числѣ ихъ находятся цѣлыя фигуры графа Остермана и А. Л. Нарышкина [1]), въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они поставлены на картинкѣ и со всѣми мельчайшими подробностями.

Профиль Потемкина тоже скопированъ на картинкѣ точь въ точь съ силуета, находящагося въ моей книгѣ.

Профиль Екатерины II повторенъ съ силуета, гравированнаго Сидо въ 1782 году, съ такимъ заглавіемъ «Пріятнѣйшая тѣнь (Екатерины II) Самодержицы Всероссійской. «Fait d'après nature de l'ombre de Sa M. I. par G. F. Sideau, silhouetteur. 1782».

Всѣ остальныя лица скопированы тоже съ силуетовъ, вырѣзанныхъ Сидо въ 1782 году и находящихся въ художественномъ музеѣ при Геттингенскомъ университетѣ (такъ называемой Aula), куда они подарены докторомъ Ашемъ; изъ нихъ силуеты Бецкаго и Ланскаго помѣчены 1782 годомъ, а силуеты вв. кн. Павла Петровича, Маріи Ѳеодоровны, Александра и Константина Павловичей (дѣтьми) безъ помѣты, но очевидно того же времени [2]).

Картинка эта очень любопытна въ иконографическомъ отношеніи, какъ по своей рѣдкости, такъ и потому, что всѣ фигуры въ ней чрезвычайно характерны и, безъ сомнѣнія, схожи, такъ какъ силуетеръ вообще можетъ подмѣчать мельчайшія особенности изображаемаго лица и достигать этимъ путемъ поразительнаго сходства.

Въ моемъ собраніи есть куріозный экземпляръ этой картинки, отлично раскрашенный тушью, при чемъ въ самомъ сочиненіи и подробностяхъ сдѣланы значительныя измѣненія: на всѣхъ фигурахъ, не исключая и царскихъ особъ, надѣты шляпы, маскерадныя домино и маски. Эти послѣднія вырѣзаны изъ тонкой черной бумаги и наклеены на всѣ лица; воланъ и ракетки въ рукахъ в. к. Александра Павловича уничтожены; барабаны и разныя военныя принадлежности, находящіяся на картинкѣ на авансценѣ, закрыты краской; фонъ кар-

---

[1]) А. Нарышкинъ представленъ въ моей книгѣ играющимъ на скрипкѣ, на картинкѣ смычекъ и скрипка уничтожены, и вслѣдствіе того нѣсколько измѣнено положеніе его рукъ.

[2]) Въ Геттингенскомъ собраніи есть кромѣ того очень любопытныя силуетныя картинки Сидо, представляющія вв. кн. Александра и Константина (тоже дѣтьми), которыя сажаютъ въ Павловскѣ березку, въ присутствіи вв. кн. Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны; справа на пьедесталѣ бюстъ Екатерины II. Всѣ фигуры и самый ландшафтъ вырѣзаны изъ черной бумаги и наклеены на бѣлый картонъ.

тины тоже закрыть двумя занавѣсками, изъ которыхъ только лѣвая немного приподнята, такъ что изъ подъ нея виденъ памятникъ Петру Первому. Между занавѣсей четыреугольный столбъ, на которомъ, въ нишѣ помѣщена статуя Венеры съ Амуромъ. Латинская подпись оставлена таже, т. е. «о подданные отмѣнно-счастливые: она васъ любитъ какъ этихъ дѣтей».

*

Изображеніе на картинкѣ памятника Петру Великому и присутствіе Ланскаго даютъ возможность точнѣе знать, когда она писана: памятникъ Петру открытъ 7 Августа 1782 года, а Ланской умеръ 25 Іюня 1784 года. Стоящіе на лѣво у занавѣси князья Потемкинъ и Вяземскій являются представителями военнаго и гражданскаго управленія. Бецкій всѣхъ ближе къ царскому семейству. Павелъ Петровичъ оперся на кресло матери и разговариваетъ съ членомъ Иностранной Коллегіи Бакунинымъ. Любимецъ Ланской сталъ скромно позади. Картинку заканчиваетъ педантическая фигура графа Остермана. Замѣчательно отсутствіе Безбородки (который, видно, считался тогда еще только чернорабочимъ) и княгини Дашковой.

Подлинная гравюра имѣетъ $9\frac{1}{2}$ вершковъ длины и 6 вершковъ вышины.

П. Б.

Дозволено цензурою, Москва 1881 Января 10

В. Бахманъ въ Москвѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЮЛІАНА УРСИНА НѢМЦЕВИЧА.

1796 года Ноября 26, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Императоръ Павелъ, пріѣхалъ во дворецъ графа Орлова *), гдѣ находился Костюшко. Его сопровождали великіе князья Александръ и Константинъ. Императоръ сказалъ своему плѣннику: «Долго я не могъ ничего для васъ сдѣлать и только сожалѣлъ объ вашей участи. Я счастливъ, что, даруя вамъ свободу, хотя сколько нибудь могу вознаградить васъ за все чтò вы претерпѣли. Вы свободны. Я самъ хотѣлъ принести вамъ эту утѣшительную вѣсть».

Костюшко, хотя нѣсколько приготовленный къ этому, былъ такъ взволнованъ, что не могъ отвѣчать ни слова. Императоръ сѣлъ подлѣ него и съ необыкновенною добротой сталъ съ нимъ разговаривать, желая возбудить въ немъ смѣлость и довѣріе. Ободренный Костюшко спросилъ, будутъ ли освобождены и другіе Польскіе плѣнные?—«Безъ сомнѣнія», отвѣчалъ Императоръ, «хотя въ совѣтѣ многіе были противъ освобожденія Потоцкаго и Нѣмцевича. Поручитесь ли вы за нихъ»?—«За Нѣмцевича я ручаюсь», сказалъ Костюшко, «но за Потоцкаго, не переговоривъ съ нимъ предварительно, не могу дать слова».—«Мнѣ нравится ваша осторожность», сказалъ Павелъ. «Вы можете сейчасъ же ѣхать и переговорить съ Потоцкимъ».

Костюшко просилъ Государя позволить ему удалиться въ Сѣверные Американскіе Штаты. Императоръ тотчасъ же изъявилъ ему свое согласіе, прибавивъ: «Я дамъ вамъ всѣ средства доѣхать туда самымъ удобнымъ образомъ». Затѣмъ Павелъ простился съ нимъ и вышелъ. Великій князь Александръ предъ уходомъ съ чувствомъ обнялъ Костюшку.

Освободивъ всѣхъ плѣнныхъ Поляковъ, императоръ Павелъ подарилъ Костюшкѣ и Потоцкому, каждому по тысячѣ душъ въ Имперіи.

---

*) Нынѣшній Мраморный, на которомъ была знаменательная надпись: *зданіе благодарности. П. Б.*

Костюшко просилъ замѣнить этотъ даръ денежною суммою необходимою для его путешествія, и ему выдали вмѣсто того 60,000 рублей серебромъ.

Костюшко уговорилъ Нѣмцевича отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Америку. Приготовленія къ отъѣзду кончились, разсказываетъ далѣе Нѣмцевичъ. Императоръ прислалъ Костюшкѣ нарочно для него сдѣланную дорожную карету, столовое бѣлье и посуду, прекрасную соболью шубу, такую же шапку и теплые сапоги. Для меня также прислалъ Императоръ шубу, шапку и сапоги. Впослѣдствіи находясь въ Филадельфіи, въ крайности, я долженъ былъ продать ихъ за безцѣнокъ. 18 Декабря 1796 г. Костюшко ѣздилъ во дворецъ благодарить Государя за его милости и за дары и чтобы проститься съ нимъ и съ его семействомъ.

Павелъ 1-й, окруженный всей императорской фамиліей, принялъ его самымъ ласковымъ образомъ. Государь, государыня, великіе князья и княжны наперерывъ старались быть любезными съ нимъ. Императрица просила его прислать для нея изъ Америки огородныхъ семянъ и подарила ему собраніе, своей работы, камеевъ, изображавшихъ портреты всего ея семейства.

19 Декабря 1796 г. Поляки оставили Петербургъ.

Въ бытность Костюшки въ Филадельфіи, представлено было на засѣданіи конгреса, что онъ не получилъ слѣдуемую ему сумму за прежнюю его службу въ войнѣ за Американскую независимость. Единогласно приговорено было уплатить ему всѣ деньги съ накопившимися на нихъ процентами, что̀ составило 12,000 червонныхъ злотыхъ. Тогда у него родилась мысль возвратить императору Павлу полученныя отъ него деньги. Когда онъ сообщилъ мнѣ свое намѣреніе, говоритъ Нѣмцевичъ, я отвѣчалъ ему на это: «Благородное твое рѣшеніе достойно тебя. Находясь въ такой отдаленной части свѣта, ты можешь его исполнить, не подвергаясь лично никакой опасности. Но подумай, что ты имѣешь дѣло съ императоромъ Павломъ, человѣкомъ вспыльчивымъ и раздражительнымъ». Чѣмъ болѣе онъ былъ милостивъ къ тебѣ, тѣмъ чувствительнѣе будетъ для него возвращеніе его подарка. Гнѣвъ его можетъ обрушиться на твоихъ соотечественниковъ. Надобно это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы и удовлетворить благородному стремленію души твоей, и не подвергнуть другихъ мести самодержца. Итакъ напиши вѣжливое письмо, что, получивъ отъ Соединенныхъ Штатовъ долгъ твой, ты не хочешь быть болѣе въ тягость царю и просишь, чтобы дарованная тебѣ сумма могла быть обращена въ пользу разоренныхъ жителей Праги».

Ничего не отвѣчалъ мнѣ на это Костюшко, но вскорѣ самъ написалъ рѣзкое письмо къ Императору, холодно возвращая ему дарованную имъ сумму.

Государь разгнѣвался на Поляковъ; нѣкоторые изъ бывшихъ плѣнниковъ были вытребованы въ Петербургъ и съ трудомъ могли оправдаться въ своемъ невѣдѣніи. Братьямъ Нѣмцевича, совѣтамъ котораго приписывали поступокъ Костюшки, дано было знать, что если они перешлютъ ему малѣйшую сумму, то все ихъ имѣніе будетъ конфисковано.

Такъ отблагодарилъ Костюшко за освобожденіе, за дары и милости, оказанныя ему императоромъ, неповиннымъ въ паденіи Польши и не участвовавшимъ въ ея раздѣлѣ.

Нѣмцевичъ, въ своихъ Запискахъ при всякомъ случаѣ выражающій свою ненависть къ Русскимъ, которымъ онъ предпочитаетъ даже Австрійцевъ и Прусаковъ, какъ видно не одобрялъ поступокъ Костюшки и находилъ его по крайней мѣрѣ неполитичнымъ.

И. Х.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ПОСЛѢ 1812 ГОДА.

Личный составъ профессоровъ предъ нашествіемъ Наполеона. — Бѣдствія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 1812 году. — Разрушеніе зданій. — Временная Коммиссія для управленія текущими дѣлами. — Ея первыя дѣйствія. — Первые кандидатскіе экзамены и попытки замѣстить свободныя каѳедры. — Возвращеніе изъ Нижняго-Новгорода университетскихъ чиновниковъ и вещей. — Созваніе Университетскаго Совѣта и Правленія. — Открытіе медицинскаго факультета. — Претензіи адъюнкта и магистра военныхъ наукъ, Мягкова. Дѣло о чиновникахъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ въ 1812 году.— Бѣдственное положеніе студентовъ. — Состояніе гимназій и другихъ училищъ въ округѣ. Недостатокъ въ учителяхъ. — Ученыя работы ихъ. — Возстановленіе университетской библіотеки. — Провѣрка „землеописанія" Зябловскаго. — Переписка о возобновленіи разоренныхъ университетскихъ зданій. — Постепенная постройка ихъ.

Во время вторженія Наполеона въ Русскіе предѣлы Московскій университетъ имѣлъ 37 профессоровъ и преподавателей, изъ коихъ семеро начали свою службу при Екатеринѣ II, четверо при Павлѣ I, а всѣ остальные уже со введенія университетскаго устава, изданнаго при Александрѣ I. Старѣйшій между ними былъ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, профессоръ Русской словесности и исторіи, издавшій въ 1776 году удовлетворительный для своего времени учебникъ географіи, произнесшій нѣсколько рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ университета, занимавшійся выписками изъ Русскихъ лѣтописей для Историческихъ Записокъ Екатерины II, участвовавшій въ трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія, при университетѣ, массонъ и первый ректоръ университета, по введеніи сей должности уставомъ 1804 г., а также первый предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Вся его учебная и ученая дѣятельность связана была съ Московскимъ университетомъ: въ годъ основанія (1756) онъ поступилъ въ его гимназію; черезъ шесть лѣтъ перешелъ въ студенты и по окончаніи курса служилъ въ разныхъ должностяхъ при университетской конференціи и гимназіи, пока не сдѣлался профессоромъ. По окончаніи службы въ званіи ректора онъ уже не читалъ лекцій, но, какъ заслуженный профессоръ, назначенъ былъ непремѣннымъ засѣдателемъ въ правленіи университета.

Двумя годами позднѣе, чѣмъ служба Чеботарева въ званіи профессора, начались связи съ Московскимъ университетомъ Ивана Андреевича Гейма, выѣхавшаго въ Россію изъ Германіи въ 1779 году и вскорѣ получившаго званіе ректора Нѣмецкаго языка и классическихъ древностей, а потомъ профессора всемірной исторіи, статистики и географіи. Онъ былъ извѣстенъ, какъ составитель подробнаго географическаго описанія Россіи, Русскихъ грамматикъ для Нѣмцевъ и Русско-Французско-Нѣмецкихъ словарей. Съ 1807 года онъ занималъ должность ректора, которую отправлялъ и въ годъ Наполеоновскаго нашествія.

За нимъ по старшинству службы слѣдовалъ Петръ Ивановичъ Страховъ, профессоръ опытной физики, преемникъ Чеботарева въ должности ректора, ознаменовавшій свою дѣятельность въ этомъ званіи поддержкою академической гимназіи и введеніемъ строгихъ порядковъ въ управленіи университетскою типографіею. Если Геймъ пользовался извѣстностію въ высшихъ и вообще офиціальныхъ кружкахъ Московскаго общества, то о Страховѣ можно сказать, что имѣя столь же обширный кругъ знакомства по службѣ своей, онъ въ то же время былъ едвали не болѣе всѣхъ другихъ профессоровъ извѣстенъ и остальному населенію Москвы.

За нимъ слѣдовалъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, профессоръ натуральной исторіи и сельскаго хозяйства и деканъ математическаго отдѣленія, а съ 1811 г. предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности; съ судьбою котораго такъ тѣсно связалось его имя.

Профессоръ философіи Андрей Михайловичъ Брянцевъ, деканъ этико-политическаго (нынѣ юридическаго) отдѣленія, пользовавшійся большимъ уваженіемъ среди товарищей, извѣстенъ былъ какъ обладатель большой библіотеки, богатой рѣдкими книгами и рукописями.

Вильгельмъ Михайловичъ Рихтеръ, профессоръ повивальнаго искусства, основатель и директоръ родильнаго госпиталя и института при воспитательномъ домѣ, авторъ многихъ сочиненій медицинскаго содержанія, изъ коихъ особенною извѣстностію пользовалась «Исторія медицины въ Россіи», въ трехъ томахъ, былъ въ 1812 г. президентомъ Физико-Медицинскаго Ощества.

Профессоръ прикладной математики Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, до конца жизни своей слѣдившій за успѣхами наукъ, входившихъ въ составъ его каѳедры, былъ извѣстенъ скромною жизнію и обиталъ, предъ занятіемъ Москвы войсками Наполеона, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ, находившемся на университетской землѣ близъ

церкви Св. Георгія, что̀ на Красной горкѣ, и выходившемъ на Моховую улицу.

Вотъ старѣйшіе профессора Московскаго университета, дожившіе на его службѣ до 1812 г., изъ числа получившихъ профессорское званіе при Екатеринѣ II.

Къ профессорамъ, получившимъ это званіе при Павлѣ I и продолжавшимъ служить въ 1812 году, принадлежали: Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ, тогда бывшій профессоромъ церковной исторіи и исторіи философіи; Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, профессоръ Славянскаго языка и словесности, лексикографъ и издатель Политическаго, а потомъ Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала; Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, преподававшій до 1812 года технологію, а впослѣдствіи физику и ботанику; и Никифоръ Евтропіевичъ Черепановъ, профессоръ всемірной исторіи, статистики и географіи, бывшій во время Наполеоновскаго нашествія деканомъ въ отдѣленіи словесныхъ наукъ.

Къ профессорамъ, поступившимъ на службу со введенія въ дѣйствіе университетскаго устава 1804 года, принадлежали по порядку полученія професорскаго званія: Николай Гавриловичъ Щеголевъ, профессоръ фармакологіи, занимавшійся иногда сочиненіемъ патріотическихъ стихотвореній; Василій Михайловичъ Котельницкій, преподававшій тогда фармацію и врачебную исторію; Григорій Ивановичъ Фишеръ Фонъ-Вальдгеймъ, знаменитый основатель Московскаго Общества Испытателей Природы и плодовитый писатель по части естественной исторіи; Ф. Ф. Рейсъ, профессоръ химіи, тогда непремѣнный секретарь Физико-Медицинскаго Общества; профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка Россійскаго Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, почти ежегодно выступавшій съ своими стихотвореніями на торжественныхъ собраніяхъ университета; Ѳедоръ Андреевичъ Гильтебрандтъ, знаменитый въ свое время хирургъ; Г. Ф. Гофманъ, профессоръ ботаники, только что приведшій въ порядокъ и описавшій ботаническій садъ университета; X. А. Шлецеръ, сынъ знаменитаго толкователя Русской начальной лѣтописи, преподававшій политическую экономію, но занимавшійся и исторіей; Ф. X. Рейнгардъ, профессоръ философіи и правъ естественнаго и народнаго; Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ, профессоръ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, получившій въ послѣдствіи и педагогическую извѣстность, какъ инспекторъ классовъ при Московскихъ институтахъ, Екатерининскомъ и Александровскомъ; профессоръ чистой математики, преподававшій также въ разное время Французскій и Англійскій языки, Тимоѳей Ивановичъ Перелоговъ; профессоръ изящныхъ искусствъ и археологіи, извѣстный издатель «Вѣстника Европы», Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій; Гавріилъ Ивановичъ

Мягковъ, преподававшій военныя науки въ званіи адъюнкта; адъюнктъ Нѣмецкаго языка и литературы, Юлій Петровичъ Ульрихсъ, въ послѣдствіи профессоръ всеобщей исторіи, статистики и географіи; адъюнктъ по каѳедрѣ повивальнаго искусства и дѣтскихъ болѣзней, Алексѣй Ивановичъ Данилевскій; знаменитый въ свое время профессоръ патологіи и директоръ терапевтической клиники, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, тогда деканъ врачебнаго отдѣленія; профессоръ Латинской и Греческой словесности и издатель Нестеровой лѣтописи по Лаврентьевскому списку, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій; профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной мидицины, знатокъ Англійскаго языка, Илья Егоровичъ Грузиновъ; Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ, профессоръ высшей математики; адъюнктъ по каѳедрѣ восточныхъ языковъ, не задолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ Парижа и еще только начинавшій свою ученую дѣятельность, Алексѣй Васильевичъ Болдыревъ; знаменитый въ свое время юристъ-практикъ, профессоръ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства синдикъ университетскаго правленія, Николай Николаевичъ Сандуновъ; адъюнктъ по каѳедрѣ Россійскаго законовѣденія, Семенъ Алексѣевичъ Смирновъ; профессоръ ветеринарной науки, Теобальдъ-Реннеръ, читавшій лекціи на Латинскомъ языкѣ; адъюнктъ по части хирургіи, только что поступившій на службу въ 1812 году, Андрей Гавриловичъ Сидорацкій, уже славившійся ловкостію въ трудныхъ операціяхъ; наконецъ лекторы: Англійскаго языка — Ѳ. Я. Эвансъ и Французскаго —Фр. Виллерсъ [1]).

Не всѣ члены профессорской корпораціи пережили испытанія, созданныя для университета нашествіемъ Наполеона; еще большее число ихъ подверглось матеріальнымъ лишеніямъ отъ Московскаго пожара 1812 г. Еще до вступленія непріятеля умеръ скоропостижно, 17 Августа, во время прогулки по Москворѣцкой набережной, М. И. Панкевичъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, куда удалилась часть профессоровъ съ нѣкоторыми изъ учебныхъ коллекцій, принадлежавшихъ университету, скончались: Рейнгардъ (7 Ноября), оставивъ по себѣ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей и жену, умершую также вскорѣ послѣ него; а 12 Февраля 1813 г. П. И. Страховъ, выслушавшій наканунѣ своей кончины чтеніе разсказа о переправѣ Наполеона черезъ Березину. И. Е. Грузиновъ, уѣхавшій на войну въ качествѣ корпуснаго доктора при Московскомъ ополченіи, вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ палъ жертвою нервной горячки, сведшей его въ могилу 20 Января 1813 года. Профессору Рен-

[1]) Свѣдѣнія о всѣхъ названныхъ здѣсь лицахъ см. въ „Біографическомъ Словарѣ“ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета за столѣтіе, съ 12-го Января 1755 по 12-е Января 1855 года.

неру, который отправился съ Русскими войсками въ заграничный походъ, не суждено было вернуться къ своей каѳедрѣ, которую онъ промѣнялъ на профессорскую дѣятельность въ Іенскомъ университетѣ. Хр. Штельцеръ и Фр. Виллерсъ не могли уже возвратиться на службу при Московскомъ университетѣ, бывъ заподозрѣны вмѣстѣ съ другими въ сношеніяхъ съ Французскими властями, во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ. А. М. Брянцевъ потерялъ въ эти бѣдственные дни свою библіотеку и рукописныя сочиненія. М. Г. Гавриловъ, также лишившійся своей библіотеки, долженъ былъ прервать на время изданіе «Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала или современной исторіи свѣта». Г. Ф. Гофманъ лишился своей библіотеки и долженъ былъ возстановлять сильно потерпѣвшій ботаническій садъ. А. Ѳ. Мерзлякова нашествіе Наполеона застигло среди публичныхъ бесѣдъ по теоріи изящныхъ наукъ, которыя онъ читалъ въ домѣ князя Б. В. Голицина и которыхъ уже потомъ не возобновлялъ. М. М. Снегиревъ вмѣстѣ съ библіотекой лишился составленнаго имъ, но еще не напечатаннаго «Руководства къ церковной исторіи». Р. Ѳ. Тимковскій, уѣзжавшій на время Московскихъ бѣдствій въ Полтавскую губернію, также утратилъ свою библіотеку, а Г. И. Фишеръ лишился своихъ естественно-историческихъ коллекцій. Х. А. Шлецеръ, публиковавшій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» не задолго до занятія Москвы Наполеономъ о продажѣ различныхъ археологическихъ коллекцій, доставшихся ему послѣ отца и самимъ собранныхъ, не успѣлъ сохранить ихъ вполнѣ во время удаленія изъ столицы. Послѣ П. И. Страхова не найдено было ни его Записокъ, ни нѣкоторыхъ ученыхъ трудовъ, остававшихся въ рукописи.

Чтò касается университетскихъ зданій, то всѣ они, за исключеніемъ двухъ домовъ, называвшихся больничнымъ и Пушкинскимъ, были разрушены пожаромъ, отъ котораго погибли также библіотека и большая часть ученыхъ и учебныхъ пособій. Прекратилась и дѣятельность университетской типографіи. Даже «Московскія Вѣдомости», единственная тогда газета въ старой Русской столицѣ, могли возобновиться лишь 23-го Ноября 1812 года, и первый № ихъ, вышедшій послѣ трехъмѣсячнаго почти перерыва, былъ сосчитанъ редакціей за №№ 71—94. Вотъ начальныя слова, которыми открывался этотъ въ своемъ родѣ замѣчательный нумеръ: «Наконецъ, благодареніе Богу, мы вновь начинаемъ дышать свободою. Врагъ человѣчества, упившись кровію невинныхъ, съ адскою въ сердцѣ злобою оставилъ древнюю нашу столицу, и каждый изъ насъ за попечительнымъ о благѣ нашемъ правительствомъ, занимается теперь безпрепятственно отправленіемъ дѣлъ своихъ».

Но, кромѣ зданій, учебныхъ пособій и преподавателей, университетъ для полноты своей дѣятельности нуждался еще въ слушателяхъ; а между тѣмъ всѣ они разошлись по разнымъ краямъ Россіи, хотя многіе и примкнули въ этомъ случаѣ къ нѣкоторымъ профессорамъ, вывезшимъ университетскія вещи въ Нижній-Новгородъ, а именно: М. Г. Гаврилову, М. Я. Мудрову, Т. И. Перелогову, В. И. Ромодановскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ инспекторомъ студентовъ, и Н. Е. Черепанову. Другіе уходили въ Ярославль, во Владимиръ, гдѣ слушатели врачебнаго отдѣленія, вмѣстѣ съ профессоромъ Ѳ. А. Гильтебрандтомъ, ходили за ранеными; иные въ Казань, какъ напр. кандидаты И. И. Давыдовъ (въ послѣдствіи самъ профессоръ), и П. Г. Воскресенскій, пріютившійся было при Казанскомъ университетѣ въ качествѣ помощника прозектора, а потомъ вернувшійся въ Московскій университетъ, и наконецъ въ Полтаву вмѣстѣ съ профессоромъ Р. Ѳ. Тимковскимъ.

Для того, чтобы снова открыть дѣятельность университета, управлявшаго въ то время и учебнымъ округомъ, необходимо было не только вызвать въ Москву удалившихся изъ нея, но и приготовить для нихъ помѣщенія, возстановить учебныя коллекціи, собрать свѣдѣнія о потеряхъ, понесенныхъ вслѣдствіе непріятельскаго нашествія различными учебными заведеніями всего учебнаго округа. Для послѣдней цѣли нельзя было выжидать времени, когда соберутся на пепелище разъѣхавшіеся члены совѣта; надо было воспользоваться первыми людьми, какіе прибудутъ въ Москву. Сначала министерство сомнѣвалось въ возможности приступить къ немедленному открытію университета въ Москвѣ и предполагало перевести его временно въ Ярославль; но въ началѣ Декабря рѣшено было не прибѣгать къ такой мѣрѣ [2]).

Согласно предписанію министра народнаго просвѣщенія отъ 19 Декабря 1812 года, попечитель П. И. Голенищевъ-Кутузовъ предложилъ 30 Декабря ректору Гейму учредить временную коммиссію изъ четырехъ старшихъ профессоровъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, для управленія текущими дѣлами университета и его учебнаго округа «на время, пока университетъ соберется въ одно мѣсто, и всѣ онаго части примутъ свое дѣйствіе». Немедленно образована была такая коммиссія «по части совѣта», которая и открыла свои дѣйствія 7 Января 1813 года, имѣвъ съ того дня по 10 Іюня 36 засѣданій, изъ коихъ въ 11 первыхъ (по 18 Февраля) присутствовалъ и попечитель, отъѣхав-

---

[2]) Дальнѣйшее изложеніе основано на подлинныхъ дѣлахъ, хранящихся въ Архивѣ Московскаго Университета.

шій затѣмъ въ Петербургъ. Членами коммиссіи первоначально состояли профессора: Рихтеръ, Снегиревъ, Мерзляковъ и Каченовскій; но изъ нихъ Рихтеръ въ 11 засѣданіяхъ (съ 25 Февраля по 4 Апрѣля) не былъ ни разу. Секретаремъ коммиссіи былъ назначенъ секретарь совѣта И. А. Двигубскій, а во время его командировки въ округъ, въ 18 засѣданіяхъ (съ 17 Января по 4 Апрѣля) эту должность правилъ Каченовскій.

Эта коммиссія замѣняла собою совѣтъ и дѣйствовала почти съ такою же властію. Во второмъ же засѣданіи, происходившемъ 10 Января, она постановила: «Такъ какъ всѣ зданія, университетскому пансіону принадлежащія, сгорѣли и доходы прекратились, и какъ неизвѣстно, скоро ли онъ возстановленъ будетъ, объявить всѣмъ учителямъ и другимъ чиновникамъ, при ономъ находящимся, чтобы они службы своей при ономъ болѣе не считали, и что производство жалованья съ начала сего года прекращается». Вообще коммиссія приняла за правило съ одной стороны ходатайствовать о назначеніи единовременныхъ пособій и пенсій вдовамъ и сиротамъ умершихъ въ 1812 году профессоровъ, учителей и другихъ чиновниковъ, а съ другой, уменьшая число служащихъ, возвышать жалованье оставленнымъ на службѣ. Въ первое же время своей дѣятельности коммиссія распорядилась назначеніемъ секретарей въ университетское правленіе, въ училищный и цензурный комитеты, предписаніемъ кому-либо изъ старшихъ учителей исправлять должность директора въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ послѣдняго не было и опредѣленіемъ учителей на освободившіяся мѣста въ гимназіяхъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ.

Лишь только стало извѣстно чрезъ газетныя объявленія объ открытіи коммиссіи, какъ въ нее посыпались просьбы со стороны студентовъ о назначеніи имъ казеннаго содержанія, а отъ окончившихъ курсъ, но не удостоенныхъ еще степени кандидата, объ утвержденіи въ таковой. Первыми просителями, удовлетворенными въ такой просьбѣ, были Никита Муравьевъ и Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ. Затѣмъ стали поступать просьбы о выдачѣ копій съ бумагъ и дипломовъ, сгорѣвшихъ во время Московскаго пожара, а въ провинціяхъ утраченныхъ во время непріятельскаго нашествія. Такія просьбы продолжались и впослѣдствіи, когда уже дѣйствовалъ совѣтъ, и въ дѣлахъ послѣдняго онѣ встрѣчаются въ теченіе всего царствованія Александра I. Но такъ какъ собственный архивъ университета также сгорѣлъ въ 1812 году, то сперва коммиссія, а потомъ совѣтъ, для удовлетворенія такихъ просьбъ, собирали показанія отъ профессоровъ, помнившихъ о пребываніи просителя въ числѣ студентовъ или чиновниковъ университета и

округа, и отчасти согласно съ такими показаніями, отчасти основываясь на заявленіяхъ самихъ просителей, выдавали требуемыя бумаги.

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій коммиссія, по предложенію попечителя, поручила профессору Фишеру Фонъ-Вальдгейму доставить свѣдѣнія о состояніи университетскихъ музеевъ «въ виду того, что всѣ учебныя заведенія университета сожжены непріятелемъ, а для необходимаго возстановленія ихъ надо предпринять соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры». Далѣе, согласно министерскому предписанію, коммиссія поручила медицинскому факультету «приступить безъ замедленія, по случаю появляющихся въ разныхъ губерніяхъ заразительныхъ болѣзней, къ изданію наставленія, какими простѣйшими средствами можно предохранять себя отъ оныхъ».

Приступлено было къ осмотру учебныхъ заведеній въ губерніяхъ, которыхъ коснулось непріятельское нашествіе. Такъ, по предложенію Голенищева-Кутузова, посланъ былъ докторъ словесныхъ наукъ и философіи Н. А. Бекетовъ въ Смоленскую губернію «для освѣдомленія какъ о губернской гимназіи, такъ и другихъ училищахъ той губерніи, о которыхъ до сихъ поръ со времени нашествія въ означенную губернію непріятеля, университетъ никакихъ извѣстій не имѣлъ». Возвратившись изъ своей поѣздки въ Москву, Бекетовъ донесъ о похвальныхъ дѣйствіяхъ во время войны директора Смоленской гимназіи Людоговскаго и въ особенности учителя Гжатскаго уѣзднаго училища Прокопія Корейши, спасшаго «во время нашествія непріятеля книги и другія учебныя пособія помянутаго училища съ потеряніемъ собственнаго имущества» [3]). По предписанію министра отправленъ былъ профессоръ Двигубскій въ Курскъ для изслѣдованія безпорядковъ въ тамошней гимназіи и обозрѣнія Курскихъ учебныхъ заведеній.

Такъ какъ во время войны многіе изъ иностранцевъ, находившихся въ Русской службѣ, заподозрѣны были въ сношеніяхъ съ непріятелемъ, то рѣшено было навести справки о поведеніи таковыхъ лицъ, находившихся въ учебной службѣ. Уже въ засѣданіи коммиссіи 8 Февраля былъ представленъ, при донесеніи директора Владимирской губернской гимназіи, «списокъ за собственноручною отмѣткою Владимирскаго гражданскаго губернатора о благонадежности учителей тамошней гимназіи Траутмана и Фрейдекера». Списокъ этотъ отосланъ чрезъ попечителя къ министру полиціи. Гораздо сложнѣе оказалось дѣло о «бывшихъ у непріятеля въ разныхъ должностяхъ и состоявшихъ

[3]) См. мою статью: „Осмотръ Н. А. Бекетовымъ Смоленскихъ училищъ по нашествіи Наполеона“ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1879 г. № 9.

въ вѣдомствѣ Московскаго университета: профессорѣ Христіанѣ Штельцерѣ, лекторѣ Фр. Виллерсѣ, учителѣ университетскаго благороднаго пансіона Петрѣ Мерсанѣ, учителѣ Александровскаго института Францѣ Реми и директорскомъ помощникѣ при университетской типографіи Сущевѣ». Это дѣло кончилось только въ 1815 году, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ одномъ изъ Февральскихъ-же засѣданій коммиссія разсматривала дѣло о покупкѣ книгъ Ярославскою гимназіей у профессора А. Х. Шлецера на сумму 1000 р. Рѣшено было навести справку въ отчетѣ за 1811 г.: «въ состояніи ли оная гимназія заплатить такія деньги, не потерпѣвъ какой-либо разстройки?» Секретарь училищнаго комитета доставилъ въ коммиссію свѣдѣніе, что «не только при Ярославской губернской гимназіи ничего не состоитъ въ остаткѣ отъ экономической суммы, но еще находится она въ долгу у подвѣдомыхъ ей уѣздныхъ училищъ, по причинѣ обстройки гимназическаго дому, а потому и не предвидится удобства къ уплатѣ 1000 р. безъ значительной разстройки».

Въ засѣданіи 7 Марта коммиссія постановила: «Такъ какъ въ Москвѣ находится уже довольное число старшихъ профессоровъ и вслѣдствіе публикаціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» должны и другіе скоро пріѣхать, то нынѣшніе члены почитаютъ за полезное, чтобы коммиссія была составлена изъ декановъ, безсмѣннаго засѣдателя правленія и синдика онаго, тѣмъ болѣе что, никогда не присутствуя въ правленіи, они находятъ великое для себя затрудненіе давать рѣшенія по тѣмъ бумагамъ, для которыхъ нужно имѣть по крайней мѣрѣ свѣдѣнія о прежнемъ ходѣ дѣлъ». Вслѣдствіе этого въ составъ коммиссіи вошли: заслуженный профессоръ и безсмѣнный засѣдатель правленія, Чеботаревъ, профессоръ Мудровъ, профессоръ и синдикъ Сандуновъ. Но Сандуновъ бывалъ рѣдко въ засѣданіяхъ коммиссіи, ссылаясь на свои занятія въ правленіи, а въ Маѣ взялъ отпускъ на 28 дней. Изъ прежнихъ членовъ Рихтеръ, послѣ расширенія коммиссіи, былъ только въ засѣданіи 16 Мая, а затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ въ свою деревню Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи. Въ засѣданіи 11 Марта поручено было Каченовскому составить некрологи профессоровъ: Страхова, Панкевича и Рейнгарда. 18 Марта коммиссія получила право производить экзамены желающимъ быть возведенными на ученыя степени. 21 Марта она разсматривала прошенія: профессора П. И. Суворова, жившаго въ Ельцѣ, о дозволеніи ему остаться въ этомъ городѣ до Мая по причинѣ разстроеннаго здоровья, и адъюнкта Болдырева, просившаго о позволеніи остаться въ Казани до Іюля, что̀ и было разрѣшено.

Любопытно, что комиссія могла давать званіе почетнаго члена университета: такъ въ засѣданіи 28 Марта, по предложенію П. И. Голенищева-Кутузова, она дала это званіе вице-адмиралу Гаврилу Андреевичу Сарычеву. Въ этомъ же засѣданіи сдѣлано было распоряженіе о напечатаніи для акта Демидовскаго училища вышнихъ наукъ въ Ярославлѣ 150 экземпляровъ разсужденія профессора онаго Ханенка: «О духѣ первобытной поэзіи и о вліяніи его на нравы и благосостояніе народовъ», а также сочиненій воспитанниковъ училища: «Цвѣтокъ», «Время», «Къ Россамъ», «Хоръ».

Въ засѣданіи 1 Апрѣля коммиссія производила экзаменъ на степень кандидата студентамъ Маслову и Коткову изъ Латинскаго языка и древностей, Славянскаго языка, всеобщей и Русской исторіи, эстетики и Россійскаго краснорѣчія, географіи и статистики. Котковъ не выдержалъ испытанія, а Масловъ съ успѣхомъ далъ письменные отвѣты на слѣдующія темы: а) Quo tempore floruit Lucanus? Sub quonam imperatore? Quo nam scripto vel opere meruit de lingua latina? б) Что̀ такое высокое въ искусствахъ и въ наукахъ? Что̀ такое чудесное? Какія суть средства эстетическія и начала подражанія? Онъ же устно разрѣшилъ слѣдующіе вопросы: а) какія различныя отмѣны между Славянскимъ и Россійскимъ языками, б) опредѣлить важнѣйшіе роды и показать существенную между ними разность.

Въ засѣданіи 4 Апрѣля рѣшено было допустить къ исправленію должности декановъ, вмѣсто умершихъ Панкевича и Рейнгарда, ихъ предшественниковъ въ этомъ званіи, Прокоповича-Антонскаго и Брянцева; а доктора медицины Ромодановскаго утвердить въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ патологіи и терапіи съ порученіемъ ему на первый разъ читать діететику. 22 Апрѣля Коммиссія, разсуждая о замѣщеніи каѳедръ упразднившихся смертію нѣкоторыхъ профессоровъ, обратила вниманіе на каѳедру физики, какъ такой науки, которая не только для университетскихъ студентовъ необходима, но и сдѣлалась любимою для всей Московской публики, а потому и преподаваніе оной должно быть начато непремѣнно съ начатіемъ прочихъ университетскихъ лекцій, и притомъ на Россійскомъ языкѣ, опредѣлила: преподаваніе оной поручить орд. пр. Двигубскому, котораго знанія и занятія по оной части довольно извѣстны, какъ по обученію имъ физики въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ болѣе 10 лѣтъ съ успѣхомъ, такъ и по изданной имъ для сего класса книгѣ; технологію же до времени оставить, ибо охотниковъ къ сей наукѣ было всегда небольшое число».

Въ засѣданіи 25 Апрѣля коммиссія признала, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ не предвидѣлось никакой возможности возстановить академическую гимназію, хотя она и необходима какъ для пользы самого

университета, такъ и для всѣхъ училищъ, ему подвѣдомственныхъ. Тогда же рѣшено было принять своевременно мѣры къ открытію лекцій въ будущемъ полугодіи и начать засѣданія совѣта, ибо въ Москвѣ находилось уже 17 ординарныхъ профессоровъ, но предварительно просить утвержденія попечителя.

Въ концѣ Апрѣля, попечитель, возвратившійся изъ Петербурга, передалъ Коммиссіи словесное предложеніе министра о скорѣйшемъ возвращеніи изъ Нижняго Новгорода въ Москву какъ разнаго званія чиновниковъ, такъ и вещей, университету принадлежащихъ. По этому случаю рѣшено было: «1) предписать находящемуся въ Нижнемъ Новгородѣ ординарному профессору Черепанову учинить надлежащія къ отправленію распоряженія; 2) предписать ординарному профессору Гаврилову, коему поручено было попеченіе о вещахъ, чтобы онъ руководствовался данною отъ его превосходительства инструкціею при отправленіи его изъ Москвы; 3) отъ лица университета сдѣлать отношеніе къ Нижегородскому мѣстному начальству о поданіи университетскимъ чиновникамъ всѣхъ возможныхъ пособій при ихъ отправленіи и въ продолженіи самаго пути до Владимирской губерніи; 4) подобнымъ образомъ сдѣлать отношеніе къ начальству Владимирской губерніи, и 5) сверхъ того предписать директору Владимирской губерніи, чтобъ онъ озаботился сдѣлать всевозможныя пособія университетскимъ чиновникамъ въ проѣздѣ ихъ чрезъ Владимиръ, буде сіе отправленіе произойдетъ не водою, а сухимъ путемъ, 6) немедленно войти въ разсужденіе, сухимъ ли путемъ или водою весь оный транспортъ отправить удобнѣе и 7) о увѣдомленіи его превосходительства о тѣхъ мѣрахъ, какія приняты будутъ для исполненія сего предложенія, равно и о времени, когда сей транспортъ отправится изъ Нижняго и когда оный въ Москву прибудетъ для донесенія о томъ его сіятельству, г. министру просвѣщенія; 8) по прибытіи какъ людей, такъ и вещей въ Москву, да благоволено было озаботиться о помѣщеніи оныхъ въ тотъ домъ, который нанятъ будетъ для университета». Въ томъ же засѣданіи, гдѣ приняты были эти мѣры (29 Апрѣля), рѣшено было отдать внаймы лабораторію Ботаническаго сада, а сушильню его продать; изъ суммы же, получавшейся отъ отдачи въ наемъ кузницы, употребить 130 р. 75 коп. на покупку инструментовъ, нужныхъ для Ботаническаго сада.

13 Мая разсуждали о скорѣйшемъ открытіи лекцій по медицинскому факультету, по причинѣ недостатка въ военныхъ врачахъ, но исполнить это въ то время оказалось невозможнымъ. Въ теченіе Мая четыре студента держали экзаменъ на степень кандидата: сынъ священника Болховитинъ, Лидинъ изъ Малороссійскихъ казаковъ, Переславскій и Молчевскій изъ духовнаго званія; но послѣдній изъ нихъ не выдер-

жалъ испытанія. Между предложенными имъ вопросами были такіе: а) Какія способности души? Какими же она отъ Творца природы одарена? б) Какія суть дѣйствія ума и какая есть связь между ними? в) По дѣламъ слѣдственнымъ и уголовнымъ дозволяется ли аппеляція, какимъ образомъ и кому? г) Въ чемъ состоять должна аппеляціонная жалоба и какимъ порядкомъ она пишется? д) Какая разница въ производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ? е) Монголы или Татары положили иго на Россію? Есть ли разница между сими народами и какая? ж) Qui fuerunt apud Romanes magistratus, sic dicti majores, et quae unius cuiusque eorum munera praecipua? з) A quanam causa rei alicujus pretium in permutatione pendet? и) Testamentum quid? і) Curatela et tutela quid? к) Quid contractus? л) Notitia oeconomiae politicae; м) Divisio juris Romani.

27 Мая получено было разрѣшеніе министра созвать совѣтъ университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжать дѣятельность Коммиссіи до открытія совѣтской. Тогда же получена была и благодарность министра профессору Двигубскому за осмотръ Курской гимназіи. Послѣднимъ дѣйствіемъ Коммиссіи было постановленіе о распубликованіи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и во всѣхъ журналахъ, которые печатались тогда въ университетской типографіи, о пріемѣ пожертвованій книгами для университетской библіотеки, которую приходилось возстановлять заново.

Такимъ образомъ коммиссія удовлетворяла главнымъ образомъ одной цѣли—безпрепятственному движенію текущихъ дѣлъ, которыя возобновились въ университетѣ съ 1813 г. Но она ничего не могла сдѣлать для возстановленія ученыхъ учрежденій, съ нимъ связанныхъ, и для пополненія личнаго состава профессоровъ, потерпѣвшаго убыль во время отечественной войны. Обѣ эти задачи исполнены были Совѣтомъ и правленіемъ университета, дѣятельность которыхъ съ Іюня 1813 г. обнаруживается уже съ надлежащею силою.

Мы видѣли, что еще коммиссія поручила доктору медицины Ромодановскому преподаваніе діететики. Совѣтъ избралъ его въ адъюнкты по каѳедрѣ общей патологіи и терапіи. При торжественномъ открытіи медицинскаго факультета, которое послѣдовало 13 Октября 1813 года, Ромодановскій произнесъ рѣчь, оставшуюся впрочемъ ненапечатанною: «О пользѣ діететики». Онъ такимъ образомъ не занялъ самостоятельной каѳедры, а былъ только помощникомъ профессора Мудрова, который, будучи деканомъ факультета, обнаружилъ особенное усердіе при возобновленіи анатомической аудиторіи, а при открытіи факультета произнесъ: «Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача». Но надо было замѣнить и И. Е. Грузинова, со смер-

тію котораго осиротѣла каѳедра анатоміи, физіологіи и судебной медицины. Выборъ Совѣта остановился на Ефремѣ Осиповичѣ Мухинѣ, начавшемъ изученіе медицины сперва практически въ госпиталѣ при главной квартирѣ князя Потемкина, а потомъ изучившемъ ее теоретически и занимавшемъ съ 1808 г. туже каѳедру въ Московской Медико-хирургической Академіи, какую занималъ Грузиновъ въ университетѣ. Извѣстна ученая и практическая слава Мухина, которою онъ пользовался въ Москвѣ наравнѣ съ Мудровымъ, и потому выборъ его былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ. Но онъ не соглашался оставить службу въ Академіи, желая сохранить ее и послѣ полученія занятій въ университетѣ. Кромѣ того онъ ставилъ условіемъ, чтобы и вся прежняя служба его, со дня производства его въ лѣкари, зачтена была ему по университету. Министръ народнаго просвѣщенія согласился на первое желаніе Мухина, но относительно втораго условія отвѣчалъ, что удовлетворить его не можетъ; ибо «оно не будетъ согласоваться съ существомъ дѣла, такъ какъ Мухинъ произведенъ въ лѣкари въ 1791 г.; находясь при Елисаветградской гошпитали; но что впрочемъ и прежняя его служба не останется безъ уваженія». Мухинъ согласился на предложеніе министра и былъ утвержденъ въ званіи профессора при университетѣ.

Гораздо труднѣе было замѣстить каѳедры: прикладной или, какъ выражались тогда, смѣшанной математики, астрономіи и естественнаго права, оставшіяся праздными по смерти Панкевича, Гольдбаха и Рейнгарда, изъ коихъ второй умеръ еще въ 1810 году. Вопросъ объ этихъ каѳедрахъ разсматривала еще временная коммиссія въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Поводомъ къ тому была просьба адъюнкта и магистра военныхъ наукъ Г. И. Мягкова о порученіи ему каѳедры смѣшанной математики. Онъ не имѣлъ университетскаго образованія, ибо учился въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и приглашенъ былъ въ университетъ для преподаванія военныхъ наукъ благодаря тому обстоятельству, что во время Наполеоновскихъ войнъ студенты нерѣдко покидали университетскія лекціи для военной службы. Коммиссія отвѣчала на его просьбу, что «не можетъ рѣшать такого дѣла, которое подлежитъ разсмотрѣнію полнаго Совѣта, почему и предоставляетъ ему право просить о семъ въ свое время законнымъ порядкомъ». Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ же засѣданіи, по предложенію попечителя, Коммиссія постановила: «смертію профессоровъ Панкевича, Рейнгарда и Гольдбаха упразднились три каѳедры; но, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, нѣтъ надобности избирать до времени на ихъ мѣста другихъ, ибо можно лекціи означенныхъ профессоровъ препоручить на время

другимъ профессорамъ, согласно съ уставомъ университета, сумму же штатную отъ сихъ каѳедръ остающуюся обратить на другія необходимыя по университету потребности. А потому лекціи естественнаго права можно препоручить преподавать профессору Шлецеру или Цвѣтаеву, исторіи философіи—профессору Снегиреву, а смѣшанную математику соединить съ преподаваніемъ чистой; астрономическія-же лекціи, по неимѣнію ни способнаго къ тому мѣста, ни инструментовъ, до времени вовсе оставить». Тогда Мягковъ обратился съ своей просьбой на имя министра народнаго просвѣщенія, который отвѣчалъ чрезъ Коммиссію, что невозможно поручить ему съ званіемъ профессора каѳедру смѣшанной математики. Уже по возобновленіи засѣданій Совѣта, именно 29 Іюля, лекторъ Т. И. Перелоговъ подалъ прошеніе о порученіи должности адъюнкта чистой математики, въ качествѣ помощника, профессору высшей математики Суворову. Ректоръ Геймъ заявилъ при этомъ совѣту, что адъюнктъ Мягковъ въ письмѣ на его имя отказался отъ преподаванія лекцій чистой математики, а профессоръ Суворовъ, по причинѣ болѣзни, не далъ отзыва на его отношеніе. Совѣтъ постановилъ, поручить временно Перелогову должность адъюнкта чистой математики, какъ извѣстному по сей части. Въ то же время каѳедра прикладной математики поручена была Ѳ. И. Чумакову съ званіемъ адъюнкта. Мягковъ подалъ новое прошеніе на имя министра, въ которомъ объяснялъ, что докторъ Чумаковъ моложе его по службѣ, и что слѣдовало бы удостоить не Чумакова, а его, какъ старшаго изъ адъюнктовъ, слѣдующей степенью по предмету упразднившейся каѳедры. Министръ поручилъ попечителю объявить Мягкову чрезъ Совѣтъ, что «каѳедру прикладной математики положено, по настоящимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ университетъ находится, не замѣщать профессоромъ, каковое предположеніе и теперь остается въ своемъ дѣйствіи; а потому нельзя его на счетъ сей каѳедры произвесть въ слѣдующую степень; да и Чумаковъ, преподавая прикладную математику, оставаться будетъ только въ званіи адъюнкта, а не въ высшей степени». Съ своей стороны Голенищевъ-Кутузовъ предложилъ Совѣту замѣтить Мягкову, что «весьма неприлично мимо Совѣта и его, яко непосредственнаго начальства, утруждать министра народнаго просвѣщенія такою просьбою, которая буде бы была основательною, то поданіе оной по формѣ и надлежащимъ путемъ никогда бы не воспрепятствовало удовлетворенію оной». Въ виду такого предложенія Совѣтъ рѣшилъ: «Призвавъ г. Мягкова въ засѣданіе Совѣта, сдѣлать ему замѣчаніе, чтобы онъ не безпокоилъ высшаго начальства недѣльными просьбами и нарушая законный порядокъ». Тогда же получено было и утвержденіе Чумакова на

каѳедру, оставшуюся праздною послѣ Панкевича; а такъ какъ и Суворовъ подалъ въ отставку, то рѣшено окончательно поручить Перелогову каѳедру чистой математики, отъ которой уже отказался однажды Мягковъ.

Такія распоряженія были сильнымъ ударомъ для Мягкова и повели къ слѣдующей сценѣ. Въ засѣданіи совѣта 17 Сентября (въ дневной запискѣ коего показанъ присутствующимъ и Мягковъ, ибо тогда адъюнкты могли присутствовать въ Совѣтѣ, хотя и безъ права голоса) ректоръ заявилъ, что «Мягковъ, явясь къ нему наканунѣ, въ грубыхъ и дерзкихъ выраженіяхъ объяснялся съ нимъ о томъ, что Совѣтъ университета несправедливо поступилъ, препоручивши преподаваніе чистой математики адъюнкту Перелогову, который годился бы только въ ученики его, и что онъ Мягковъ устоитъ въ томъ, чтобы онъ и Перелоговъ допущены были къ конкурсу». Въ отвѣтъ на такое заявленіе члены Совѣта рѣшили, по большинству голосовъ: «Какъ г. Мягковъ и прежде уже писалъ грубое письмо г. ректору, то сіе записать въ журналъ, и какъ, по сужденію многихъ гг. профессоровъ, нанесено оскорбленіе таковыми выраженіями и г. ректору, и вмѣстѣ Совѣту университета, то все сіе довести до свѣдѣнія г. попечителя». Но Мягковъ не унимался. Въ засѣданіи 24 Сентября читано было его прошеніе, поданное на высочайшее имя, о порученіи ему каѳедры чистой математики, когда профессоръ Суворовъ будетъ уволенъ высшимъ начальствомъ. Почти уже черезъ годъ, въ засѣданіи 26 Августа 1814 года, происходила балотировка Перелогова и Мягкова, который, стало быть, добился конкурса. Любопытно, что профессора Нѣмецкаго происхожденія: Рихтеръ, Шлецеръ, Гофманъ, Рейсъ, Гильтебрандтъ, не явились въ засѣданіе, а былъ изъ нихъ только Фишеръ Фонъ-Вальдгеймъ; Русскіе же явились почти всѣ, въ томъ числѣ и заслуженный профессоръ Чеботаревъ, уже рѣдко посѣщавшій засѣданія Совѣта и по причинѣ болѣзни уволенный отъ чтенія лекцій, но состоявшій безсмѣннымъ засѣдателемъ правленія. Перелоговъ, получивъ 10 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ голоса, представленъ былъ къ занятію искомой каѳедры съ званіемъ экстраординарнаго профессора. Въ тоже званіе возведенъ былъ тогда и Чумаковъ. Мягковъ достигъ онаго только въ началѣ слѣдующаго царствованія. Что касается каѳедры, которую занималъ Рейнгардъ, то она, согласно рѣшенію, принятому еще Коммиссіей, раздѣлена была между профессорами Цвѣтаевымъ и Шлецеромъ; а каѳедра астрономіи оставалась свободною до 1818 года, когда ее занялъ Д. М. Перевощиковъ.

Дѣло о чиновникахъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Московскаго уни-

верситета и заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ въ 1812 г., рѣшалось въ такомъ порядкѣ. Лекторъ Французскаго языка и словесности, магистръ философіи Фредерикъ Виллерсъ самъ оставилъ Москву вмѣстѣ съ Наполеоновскою арміею. 24 Іюля 1813 г. Совѣтъ представилъ его къ увольненію, а 10 Сентября уже назначенъ былъ на его мѣсто пасторъ католической церкви Жанъ Арнольдъ. Совѣтъ представилъ также и объ увольненіи профессора юридической энциклопедіи и Римскаго права Хр. Штельцера; но попечитель предложилъ повременить его увольненіемъ, причемъ производить только половинное жалованье, равно какъ и учителю Французскаго языка Реми, учителю университетскаго пансіона Мерсану и чиновнику университетской типографіи Сущеву, состоявшимъ подъ судомъ, какъ извѣщалъ попечителя главнокомандующій въ Москвѣ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. Между тѣмъ извѣстно уже было, что профессоръ Штельцеръ перешелъ въ Дерптскій университетъ. Въ дневной запискѣ совѣтскаго засѣданія, происходившаго 1 Сентября 1815 года, читаны были: указъ Правительствующаго Сената по дѣлу о чиновникахъ, употребленныхъ непріятелемъ въ разныя должности, и предложеніе попечителя правленію о приведеніи въ исполненіе этаго указа; послѣ чего въ протоколъ записано было слѣдующее: «Правленіе опредѣлило: 1) поименованныхъ въ указѣ Пр. Сената чиновниковъ, призвавъ чрезъ повѣстку отъ экспедиціи въ правленіе, объявить имъ указъ Пр. Сената въ присутствіи; 2) Проф. Штельцеру, въ исполненіе предписанія г. министра народнаго просвѣщенія, заслуженное и удержанное у него во время бытности его подъ судомъ по секретной коммиссіи жалованье всего 2892 р. 21 к., а также и квартирныхъ денегъ 111 р. 8 к., т. е. по 21 Іюля сего года, а всего 3003 р. 29 к. выдать, о чемъ кассиру дать (и данъ) указъ; 3) Предписываемую предложеніемъ г. попечителя отъ Штельцера росписку взять и препроводить въ Совѣтъ университета для доставленія г. попечителю (которая при семъ и препровождена), и обо всемъ семъ донести ему отъ правленія рапортомъ, изъясняя, что какъ Виллерсъ не находится уже въ Россіи, то объ объявленіи ему о послѣдовавшемъ въ разсужденіи его рѣшенія Пр. Сената правленіе не можетъ отнестись въ Губернское Правленіе. Совѣтомъ же опредѣлено: какъ г. профессоръ Штельцеръ по предложенію г. попечителя удоволенъ уже жалованьемъ и далъ подписку, что онъ во всей полнотѣ всѣмъ слѣдовавшимъ ему отъ университета удовлетворенъ, что ни отъ университета вообще, ни отъ частныхъ лицъ въ ономъ служащихъ никакихъ требованій не имѣетъ, и что ему никакихъ со стороны университета ни притѣсненій, ни притязаній не было: то уволить его Штельцера вовсе изъ университета съ приличнымъ аттестатомъ, о чемъ донести и

г. попечителю, препроводя и данную профессоромъ Штельцеромъ подписку въ копіи [4])».

Пополняя личный составъ профессоровъ и преподавателей, Совѣтъ долженъ былъ позаботиться и о слушателяхъ. Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, онъ тотчасъ же предписалъ всѣмъ директорамъ училищъ своего округа, чтобы они представили списки гимназистовъ, годныхъ для помѣщенія въ студенты. Въ тоже время профессоръ Сандуновъ избранъ былъ въ инспекторы казенныхъ студентовъ. Вступивъ въ эту должность, онъ нашелъ наличныхъ студентовъ въ крайне бѣдственномъ состояніи, а именно: «1) у нихъ нѣтъ нужнѣйшихъ для лекцій книгъ, 2) дороговизна въ необходимыхъ для жизни снадобьяхъ заставляетъ ихъ терпѣть крайній во всемъ недостатокъ, 3) собравшееся нынѣ число студентовъ не имѣетъ общаго стола». А потому, входя «въ бѣдное и жалости достойное ихъ состояніе и желая привести дѣла ихъ и ихъ самихъ въ надлежащій порядокъ», Сандуновъ представлялъ Совѣту о необходимости: «1) исходатайствовать у высшаго начальства единовременное вспомоществованіе, или прибавку жалованья, чтобы они, какъ разоренные при общей гибели Москвы, могли чрезъ то придти въ лучшее состояніе и не нуждались въ необходимомъ для жизни и ученія; 2) употребить стараніе въ доставленіи имъ недостающихъ для лекцій нужныхъ книгъ выпискою чрезъ правленіе изъ С.-Петербурга или другимъ какимъ нибудь способомъ, каковымъ книгамъ приложенъ реестръ и 3) учредить, сходственно съ уставомъ, для студентовъ общій столъ, полагая съ каждаго ежемѣсячно по 8 р., препоручивъ сіе эконому. По выслушаніи чего опредѣлено: 1) реестръ классическимъ книгамъ препроводить въ правленіе университета съ тѣмъ, чтобы оно, призвавъ каждаго изъ студентовъ и узнавъ кому какія нужны книги, употребило свое стараніе доставить оныя, буде можно, и искупить подешевле на счетъ ихъ жалованья; 2) касательно общаго стола сообщить копію донесенія въ правленіе университета для надлежащаго распоряженія; 3) касательно единовременнаго вспомоществованія представить копію же донесенія его превосходительству, г. попечителю съ испрашиваніемъ исходатайствованія сего необходимаго для студентовъ пособія». А въ засѣданіи 29 Октября того же года, вслѣдствіе предложенія попечителя, изъявившаго готовность ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о единовременномъ награжденіи казеннымъ студентамъ и спрашивавшаго, какая сумма на таковое награжденіе по-

[4]) См. дѣла Совѣта за 1815 г. въ архивѣ университета, стр. 403—404. Срв. также любопытное донесеніе самого Штельцера тогдашнему мин. нар. пр. гр. А. К. Разумовскому въ книгѣ А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“ т. 2, стр. 443—448.

требна, было опредѣлено: «представить его превосходительству, что на экипировку студентовъ и на покупку пропавшихъ у нихъ книгъ нужно бы было исходатайствовать имъ полное годовое жалованье, что составитъ находящимся на лицо 32 студентамъ 6400 р., предоставляя впрочемъ положеніе сіе благоусмотрѣнію его превосходительства съ приложеніемъ списка оныхъ студентовъ [5]).

Возстановляя преподаваніе въ университетѣ, Совѣтъ позаботился о возстановленіи его и въ гимназіяхъ. Прежде всего открытъ былъ университскій Благородный Пансіонъ. Но такъ какъ объ академической гимназіи, содержавшейся на остатки изъ хозяйственныхъ суммъ университета, въ особенности же изъ типографскихъ доходовъ, еще временная коммиссія замѣтила, что къ возстановленію ея не имѣется средствъ, то Совѣтъ ходатайствовалъ объ отпускѣ таковыхъ изъ министерства; но въ засѣданіи 3 Сентября 1813 г. слушано было сообщеніе попечителя, что въ министерствѣ нѣтъ средствъ на содержаніе казенныхъ учениковъ въ помянутой гимназіи. Совѣтъ рѣшилъ подвергнуть ихъ экзамену, успѣшныхъ перечислить въ студенты, а остальныхъ перевести въ Московскую и другія гимназіи. По свидѣтельству П. И. Страхова въ студенты поступило 12 гимназистовъ, нѣсколько малолѣтнихъ разошлись по разнымъ гимназіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, большая же часть способныхъ къ военной службѣ поступили въ армію: «и такими судьбами перестала существовать академическая гимназія, день въ день 57 лѣтъ бывшая самою дѣятельною и полезнѣйшею помощницею Московскому университету въ священномъ великомъ дѣлѣ воспитанія и просвѣщенія Русскихъ юношей» [6]). Въ Смоленской губерніи, наиболѣе пострадавшей отъ непріятельскаго нашествія, ученіе было возстановлено съ начала 1813 года, благодаря дѣятельности Людоговскаго, за что ему и объявлена была 5 Февраля признательность министра. Открывались и частныя учебныя заведенія въ Москвѣ. Такъ въ концѣ 1813 года дѣвица Логиновская подала просьбу въ училищный комитетъ о дозволеніи ей открыть училище. Совѣтъ университета пожелалъ узнать, чтò она предполагаетъ брать съ тѣхъ воспитанницъ, которыя будутъ у ней жить, и чтò съ приходящихъ. Получивъ свѣдѣнія, что плата съ первыхъ предполагается въ 200 р. въ годъ, а со вторыхъ — по 5 р. въ мѣсяцъ, Совѣтъ разрѣшилъ Логиновской открыть училище съ тѣмъ, чтобы для преподаванія катехизиса приглашались

---

[5]) См. Дневныя записки засѣданій Совѣта въ дѣлахъ университетскаго архива за 1813 г., стр. 222, 223, 256.

[6]) *П. Страхова*, Краткая исторія академической гимназіи, бывшей при императорскомъ Московскомъ университетѣ (Москва, 1855), стр. 64.

духовныя лица. Содержателю пансіона въ Москвѣ Галлеру, который, по очищеніи столицы отъ непріятеля, имѣлъ только семь воспитанниковъ и самъ преподавалъ исторію и географію на Нѣмецкомъ языкѣ, замѣчено было, чтобы впредь всѣ предметы преподавались на Русскомъ языкѣ [7]).

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ то время мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ занимаемы были большею частію лицами, учившимися въ духовныхъ семинаріяхъ и рѣже окончившими курсъ въ гимназіяхъ, а еще рѣже студентами. Опредѣлялись эти лица на службу по представленію училищнаго комитета, съ разрѣшенія университетскаго Совѣта и съ утвержденія высшаго начальства. Учителя гимназій выбирались самимъ Совѣтомъ изъ казенныхъ, кончившихъ курсъ студентовъ и кандидатовъ и утверждались, по представленію попечителя, министромъ. Желавшіе занять мѣсто директора училищъ въ какой-либо губерніи, балотировались въ Совѣтѣ университета. Такъ въ засѣданіи 8-го Іюля 1814 г. изъ двухъ соискателей должности директора Рязанской гимназіи, коллежскаго ассесора Воскресенскаго и переводчика Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Нечаева, первый былъ избранъ 10 голосами противъ 3. Однакожъ вслѣдъ за первыми извѣстіями о возобновленіи ученія, какъ въ мѣстахъ, подвергшихся непріятельскому разоренію, такъ и въ другихъ губерніяхъ, сосѣднихъ съ Москвою, стали получаться донесенія о недостаткѣ въ матеріальныхъ средствахъ для содержанія училищъ и о неимѣніи надлежащаго числа учителей. Такъ въ засѣданіи 17 Іюня 1814 года слушано было донесеніе директора Владимирской гимназіи, что, обозрѣвъ въ теченіе 1813 года состоящія въ его вѣдѣніи училища, онъ нашелъ, что «пагубное нашествіе врага нанесло ударъ и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ во Владимирской губерніи, отчего многія училища находятся безъ учениковъ, и что притомъ родители дѣтей, отдаваемыхъ въ училища, часто берутъ ихъ обратно, не окончившихъ наукъ, не позволяютъ переводить въ высшія училища; что есть по частнымъ домамъ учители, не имѣющіе аттестатовъ; что дворяне не взносятъ денегъ въ утвержденный при гимназіи пансіонъ.» и т. п. Совѣтъ рѣшилъ представить о томъ попечителю, дабы онъ «употребилъ свое ходатайство по онымъ дѣламъ.» Всего труднѣе оказывалось устроить приходскія училища въ округѣ. Въ засѣданіи 8 Іюля того же года слушано было донесеніе Смоленскаго директора о томъ,

---

[7]) Кромѣ того, существовали въ 1813—1814 г. пансіоны: Кряжева, Гибаля, Д. Дельсаля, Ф. Дельсаля, Терминова, Аничковой, г-жи Борденавъ, г-жи Данквартъ и г-жи Воше. Всѣ они должны были принимать учителей съ вѣдома директора и употреблять учебники, одобренные главнымъ правленіемъ училищъ.

что «учрежденіе приходскихъ училищъ всегда соединено было въ Смоленской губерніи съ величайшими затрудненіями, потому что содержаніе ихъ возложено на городскія общества, а обучающимъ въ оныхъ не опредѣлено въ точности ни жалованья, ни выгодъ по службѣ. Городскія общества, по недостатку ли своихъ доходовъ, или по какимъ другимъ причинамъ, почитая содержаніе тѣхъ училищъ весьма великою для себя тягостію, всегда неудобо-преклонны были какъ на отводъ приличныхъ для нихъ домовъ, такъ и на опредѣленіе достаточной суммы на содержаніе ихъ и на жалованье учителямъ.» «На прежнее представленіе директора о назначеніи приходскими учителями церковно-служителей съ вознагражденіемъ ихъ изъ суммы Приказа Общественнаго Призрѣнія, отпускаемой на малыя народныя училища, не послѣдовало согласія министерства. Только въ Рославлѣ и Гжатскѣ мѣстныя общества согласились содержать учителей. Кромѣ того, нѣкоторые изъ преподавателей въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, происходившіе изъ податныхъ состояній, лишились во время нашествія непріятеля оригинальныхъ увольнительныхъ видовъ, хранившихся въ бывшемъ гимназическомъ архивѣ, почему Правительствующій Сенатъ и не утверждаетъ ихъ въ новомъ состояніи; иные учителя, претерпѣвая, отъ весьма скуднаго получаемаго ими жалованья, даже въ дневномъ пропитаніи недостатокъ, имѣютъ намѣреніе вовсе оставить службу. Училищный комитетъ и Совѣтъ университета рѣшили ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о выдачѣ приходскимъ учителямъ жалованья какъ изъ экономическихъ суммъ Смоленской гимназіи, такъ и изъ вышепомянутой суммы Приказа Общественнаго Призрѣнія, доколѣ городскія общества «пришедши изъ разореннаго состоянія въ цвѣтущее и возчувствовавши вкушаемое отъ наукъ благо, имѣть будутъ возможность охотно приносить пособіе полезному учрежденію, коего польза очевидна». Кромѣ того предлагалось наградить оберъ-офицерскими чинами учителей, не имѣвшихъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ указывалъ на то, что и университетъ не имѣетъ никакого источника, откуда могъ бы онъ заимствовать учителей для малыхъ училищъ; ибо студентовъ университета (разумѣлись казенные, не окончившіе курса) недостаетъ и для уѣздныхъ училищъ, а съ другой стороны и несовмѣстно опредѣлять ихъ на такія мѣста, гдѣ нужно только знаніе учить читать и писать по-русски и начальнымъ правиламъ ариѳметики: ибо они, по пріобрѣтеннымъ свѣдѣніямъ въ университетѣ, могутъ быть полезнѣе въ другомъ родѣ государственной службы. Въ заключеніе признавалась необходимость поощрять людей, уволенныхъ изъ податныхъ состояній, къ занятію учительскихъ мѣстъ въ приходскихъ училищахъ и дать имъ право пере-

ходить въ высшія училища, если они по успѣхамъ своимъ въ наукахъ и по усердію къ службѣ будутъ того заслуживать.

Пожаромъ 1812 года воспользовался директоръ Московскихъ училищъ, который, получивъ въ свое распоряженіе необходимыя средства, прибавилъ къ существовавшему прежде уѣздному училищу еще три, устроивъ для нихъ домà, способные помѣстить въ себѣ три класса и квартиры для трехъ учителей въ каждомъ. Это были училища: Арбатское у Троицкой церкви, Трехсвятительское у Красныхъ воротъ и Якиманское за Москвою рѣкою. Директоръ мечталъ даже усилить въ этихъ училищахъ курсъ преподаваніе геометріей и начатками Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ съ тѣмъ, чтобы ученики могли поступать изъ оныхъ прямо въ гимназію. Совѣтъ въ засѣданіи 2 Сентября нашелъ, что, при тогдашнемъ состояніи народнаго просвѣщенія, въ Москвѣ среднія училища гораздо нужнѣе, нежели нижнія. Наконецъ въ засѣданіи 4 Ноября было постановлено изыскать средства для содержанія на жалованьи при каждой гимназіи отъ 5 до 10 человѣкъ, желающихъ приготовиться къ учительскому званію въ уѣздныхъ училищахъ.

Относительно гимназій слѣдуетъ замѣтить, что къ этому времени относится постройка новаго большаго зданія въ Рязани, въ которомъ помѣстились мѣстная гимназія и уѣздное училище. Какъ въ постройкѣ его, такъ и въ украшеніи участвовалъ городской голова Рюминъ, удостоенный за то высочайшимъ благоволеніемъ и двумя медалями при рескриптахъ. Смоленская гимназія, напротивъ, лишилась въ Мартѣ 1815 года учителя Холодковскаго, который, со времени непріятельскаго нашествія и раззоренія города, впалъ въ меланхолію и потомъ въ ночь съ 14 на 15 Марта исчезъ. Хотя и былъ слухъ отъ проѣзжавшихъ чрезъ Смоленскъ иногородныхъ купцовъ, будто бы они на дорогѣ, ведущей изъ Кіева къ Смоленску, видѣли у Бѣлорусскихъ границъ человѣка въ сильной ипохондріи и, по описанію ихъ, нѣсколько похожаго на Холодковскаго, но послѣдній не былъ розысканъ, несмотря на публикаціи въ вѣдомостяхъ. Его жена и трое малолѣтныхъ дѣтей были оставлены на годъ въ казенной квартирѣ, а потомъ получили пособіе. Училищный комитетъ всячески старался удержать на службѣ при гимназіяхъ тѣхъ учителей, которые почему-либо хотѣли оставить ихъ, и въ этомъ случаѣ даже отказывалъ имъ въ желаніи пріобрѣсть высшую ученую степень. Такъ старшій учитель Тверской гимназіи Василій Смирновъ подалъ было въ Совѣтъ прошеніе о допущеніи его къ экзамену на степень доктора философіи. Въ засѣданіи 8 Октября 1813 года положено было передать эту просьбу въ училищный комитетъ съ запросомъ, можетъ ли быть отпущенъ Смирновъ въ Москву для экзамена и кто займетъ на то время его должность. Комитетъ съ своей стороны

спросилъ о томъ управлявшаго Тверскими училищами майора Мерзлюкина, который донесъ, что Смирнова въ учебное время уволить въ Москву нельзя, а только съ 20 Декабря 1813 по 2 Января 1814 года. На этомъ основаніи въ засѣданіи Совѣта 3 Декабря постановлено было: «прошеніе Смирнова возвратить чрезъ училищный комитетъ съ замѣчаніемъ, чтобы онъ мимо своего начальства не безпокоилъ высшаго начальства» [8]).

Въ то время существовалъ обычай поручать отъ имени Университетскаго Совѣта, согласно съ § 52 Училищнаго Устава, учителямъ гимназій и городскихъ училищъ вести записки о разныхъ мѣстныхъ происшествіяхъ и ученыхъ занятіяхъ преподавателей. Разсмотря записки, веденныя въ 1813—1815 годахъ, училищный комитетъ, въ донесеніи Совѣту, нашелъ, что «успѣхи по этому дѣлу не такъ велики, какъ бы того по важности пользы, могущей изъ того произойти, ожидать надлежало». Впрочемъ это отнесено было не къ нерадѣнію учителей, а единственно къ недостатку средствъ для ученыхъ работъ не только въ училищахъ, но и въ самыхъ гимназіяхъ: «ибо штатное для нихъ положеніе, по возвысившимся на всѣ вещи цѣнамъ, сдѣлалось вообще недостаточно и на необходимыя къ содержанію надобности; а ежели нѣкоторыя гимназіи и училища имѣютъ значительное пособіе отъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія и городскихъ обществъ, отъ коихъ ежегодно бываютъ нѣкоторые остатки, то они употребляются на устроеніе училищныхъ домовъ, такъ какъ первую и необходимую потребность. Весьма много помѣшало тому также нашествіе непріятеля не токмо въ тѣхъ губерніяхъ, кои претерпѣли всѣ бѣдствія войны, но и въ сосѣдственныхъ къ онымъ, въ коихъ учители, бывъ принуждены скитаться по разнымъ губерніямъ, претерпѣвая всякую нужду и потерявъ послѣднее, не могли заняться симъ дѣломъ безъ особаго пособія и со стороны начальства; а къ тому жъ и тѣ немногія орудія, коими снабжены были училища тѣхъ губерній, отъ перевозки съ мѣста на мѣсто, испортились и сдѣлались къ употребленію негодными; потому что при тѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ не было ни времени, ни способовъ уложить ихъ надлежащимъ образомъ. При всѣхъ сихъ однако препятствіяхъ, по нѣкоторымъ губерніямъ положено изрядное къ тому начало, а именно: I) по Калужской губерніи учителемъ тамошней губерніи Зельницкимъ составлены записки по части статистики, кои представлены по донесенію директора г. попечителю. По минералогіи собрано до 50 штуфовъ разныхъ тѣлъ, кроющихся подъ почвою Калужской

---

[8]) См. дѣло Совѣта за 1813 г. въ архивѣ Университета, стр. 344.

губ., а земляной уголь и описанъ обстоятельно. По части ботаники составленъ гербаріумъ тамошнихъ растеній числомъ до 300 видовъ и расположенъ по системѣ Линнея. Историческія происшествія напечатаны имъ же Зельницкимъ въ прошломъ 1815 году въ особой книгѣ, у сего приложенной. Теперь же онъ же Зельницкій собираетъ свѣдѣнія по части домоводства, которыя по донесенію директора не преминетъ представить въ свое время по принадлежности. Сверхъ того имъ же Зельницкимъ по части животнаго царства сдѣлано порядочное описаніе и напечатано еще прежде въ собственномъ его изданіи: *Уранія*. Къ дѣланію же метеорологическихъ наблюденій и другихъ физическихъ замѣчаній до сихъ поръ нельзя было приступить, за неимѣніемъ надлежащихъ къ тому инстументовъ. II) Въ Ярославской губерніи, по разнымъ окрестностямъ города Ярославля, а особливо по берегамъ Волги, собрано до 450 ископаемыхъ тѣлъ, коимъ дѣлается описаніе, и 260 видовъ растеній, изъ коихъ однихъ врачебныхъ 130, причемъ изъ нихъ въ ботаническій, на гимназическомъ дворѣ, садикъ перенесено 83 вида, и всѣмъ симъ растеніямъ составляется учителемъ той науки Устимовичемъ на Латинскомъ языкѣ, по системѣ Линнея, Flora Jaroslaviensis, которая вчернѣ доведена до 19 класса (Singenesia), а для общаго употребленія врачебныхъ растеній дѣлается описаніе на Россійскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Собраніе Ярославскихъ врачебныхъ растеній», въ которомъ имѣютъ быть помѣщены и средства, простымъ народомъ испытанныя, отъ разныхъ болѣзней, для врачеванія коихъ по сіе время собрано уже 100 наставленій. По предмету статистики записки также дѣлаются, и нѣкоторые уѣзды уже описаны. Физическія наблюденія надъ термометромъ и барометромъ, начатыя съ Генваря 1813 года, продолжаются, и перемѣны, случающіяся въ воздухѣ, записываются; другихъ же наблюденій, за неимѣніемъ при гимназіи анометра, гигрометра, агрометра, гіетометра и другихъ нужныхъ къ тому пособій, не производится. III) Въ Тульской губерніи учителемъ гимназіи Покровскимъ дѣлаются наблюденія по части естественной исторіи, сельскаго домоводства и технологіи, но они не приведены еще въ надлежащій порядокъ, а метеорологическія записки хотя и начаты были въ 1812 году, но прекращены по случаю нашествія непріятеля и перевоза всѣхъ казенныхъ вещей въ Рязанскую губернію, въ которое время барометръ и термометръ, исключая прочія вещи, въ дорогѣ такъ повредились, что для наблюденія оказались неспособными. IV) По Тверской губерніи смотритель Осташковскихъ училищъ Суворовъ и учитель тамошняго уѣзднаго училища Бѣляевъ доставили топографо-историческое описаніе города Осташкова, а смотритель Бѣжецкихъ училищъ Труневъ и учитель Полунинъ: метеорологическія наблюденія, дѣланныя въ городѣ Бѣ-

жецкѣ. Сверхъ того оные описали способы, тамъ употребляемые, добывать деготь и красить въ оранжевый цвѣтъ; описаніе сіе и наблюденія препровождаются у сего на усмотрѣніе университета. Другихъ же записокъ по означенной губерніи дѣлаемо не было за неимѣніемъ нужныхъ къ тому способовъ. V) По Вологодской губерніи старшій учитель гимназіи Алексѣй Фортунатовъ написалъ разныя замѣчанія по части сельскаго домоводства и дѣлалъ метеорологическія наблюденія по Вологодскому уѣзду, а учитель 1-го класса Сольвычегодскаго уѣзднаго училища Протопоповъ доставилъ топографо-историческія свѣдѣнія по тому городу и метеорологическія наблюденія, кои представлены сему Совѣту въ 1814 году. VI) По Костромской губерніи старшій учитель гимназіи Чижовъ [9]) представилъ статистическое описаніе Костромы, а учитель Нерехотскаго уѣзднаго училища Шульгинъ наблюденія по части экономіи Нерехотскаго уѣзда, кои также представлены въ 1814 г. сему Совѣту; сверхъ того старшимъ учителемъ гимназіи Протопоповымъ собрано до 150 разнаго рода камней, а изъ царства прозябаемаго 140 разныхъ травъ. Учителемъ Свѣтогорскимъ ведутся метеорологическія наблюденія съ 1 Января 1809 года. Учитель Галичскаго уѣзднаго училища Ржевскій вновь представилъ описаніе города Галича, которое у сего прилагается на усмотрѣніе Совѣта. VII) По Владимирской губерніи ведены были записки по разнымъ частямъ, кои у сего въ оригиналѣ представляются на усмотрѣніе Совѣта, при особомъ реестрѣ. По мнѣнію членовъ комитета, онѣ во многомъ недостаточны. Чтожъ касается до разсмотрѣнія и одобренія тѣхъ записокъ, сіе зависитъ отъ Совѣта, и членамъ онаго должно быть извѣстно, которыя изъ записокъ, кои представлены уже въ сей Совѣтъ, кѣмъ были разсматриваемы и одобрены, или не одобрены. Впрочемъ Комитетъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ, что трудъ сей не можетъ идти успѣшно безъ пособія мѣстнаго гражданскаго начальства, особливо по части статистическихъ и технологическихъ свѣдѣній. Сверхъ того необходимо нужно назначить нѣкоторую сумму, хотя изъ экономическихъ по гимназіямъ доходовъ, для разъѣзда по губерніи тѣмъ изъ учителей, кои въ силахъ предпринять какой-либо трудъ: ибо на смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ положиться въ семъ случаѣ невозможно, а въ самыхъ гимназіяхъ не всѣ учители къ тому способны. Весьма бы полезно также, чтобы директоры училищъ таковыя записки не иначе присылали, какъ прочитавъ ихъ напередъ въ общемъ учителей гимназіи собраніи и исправивъ надлежащимъ образомъ. Не безполезно бы также для достиженія предпо-

---

[9]) Отецъ Ѳедора Васильевича. Н. Б.

ложенной цѣли дѣлать хотя нѣкоторую награду тѣмъ изъ учителей, коихъ сочиненія одобрены и уже напечатаны. Определено: представленныя отъ училищнаго комитета записки, дѣлаемыя разными учителями гимназій и уѣздныхъ училищъ, поручить разсмотрѣнію гг. профессорамъ, по части которыхъ онѣ писаны, и тѣ изъ нихъ, которыя будутъ одобрены, представить высшему начальству, испрашивая сочинителямъ оныхъ каковую-либо награду для одобренія ихъ къ предпріятію другихъ подобныхъ трудовъ, и для заохоченія къ тому же учителей другихъ училищъ». Совѣтъ съ своей стороны поручилъ разсмотрѣть всѣ эти записки профессорамъ Гейму, Прокоповичу-Антонскому и Двигубскому, которые и нашли, что лучшими изъ нихъ были труды Протопопова, Мичурина, Шульгина, Суворова, Барятинскаго, Дмитревскаго, Фортунатова, Хитрова и Бѣляева. Рѣшено было ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о награжденіи авторовъ [10]).

Заботясь о гимназіяхъ и училищахъ своего округа какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, Совѣтъ университета не могъ съ такою же быстротой привести въ порядокъ зданія и другія хозяйственныя учрежденія самого университета. При помощи частныхъ пожертвованій и при содѣйствіи правительственныхъ учрежденій скорѣе всего пополнены были пробѣлы, произведенные событіями 1812 года въ библіотекѣ и нѣкоторыхъ кабинетахъ. Книги для первой присылались отовсюду. Отъ жителей Москвы пожертвованія этого рода принимались въ канцеляріи попечителя. Туда командированы были для принятія и разбора книгъ кандидаты Т. А. Каменецкій и И. И. Давыдовъ. Изъ другихъ мѣстностей наибольшія пожертвованія книгами получены были изъ Риги и Петербурга. Первое пожертвованіе поступило при содѣйствіи проф. Шлецера въ Апрѣлѣ 1814 года. Тогда же получено было увѣдомленіе изъ министерства, что д. ст. сов. Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де Миріево и супруга его Ульяна Юрьевна пожертвовали въ пользу ученой части библіотеку и другія пособія. Сообщая подробную опись всего пожертвованія, министерство просило университетъ означить въ ней, какія книги и вещи надобны какъ для него собственно, такъ и для училищъ, потерпѣвшихъ разореніе отъ непріятеля. По разсмотрѣнію этой описи библіотекаремъ и нѣкоторыми профессорами найдено, что всѣ книги, рукописи и ландкарты могли бы быть полезны университету и подвѣдомымъ ему училищамъ. Министерство предложило главному правленію училищъ отправить пожертвованія Янковичей при первомъ зимнемъ пути въ Московскій универси-

[10]) См. въ архивѣ Университета дѣла Совѣта за 1816 г., стр. 337—344, 439—441.

теть, что̀ и было исполнено [11]). Въ тоже время Совѣтъ хлопоталъ и о книгахъ, пріобрѣтенныхъ профессорами за границей, но еще не доставленныхъ въ Москву. Такъ адъюнктъ А. В. Болдыревъ, путешествовавшій по Европѣ съ 1807 по 1811 годъ для изученія восточныхъ языковъ, уѣзжая изъ Парижа, выслалъ въ Россію чрезъ Галицкій городъ Броды, еще до нашествія Наполеона, большое собраніе книгъ, и въ засѣданіи 16 Августа 1813 г. просилъ Совѣтъ ходатайствовать о дозволеніи провезти ихъ чрезъ границу безпошлинно. На ходатайство Совѣта министръ финансовъ отвѣчалъ, что дозволеніе дано было еще 20 Декабря 1811 года, и что книги хранятся въ Радзивиловской таможнѣ.

Среди такой дѣятельности министерствомъ поручена была Московскому университету еще провѣрка на мѣстѣ «Землеописанія», изданнаго профессоромъ Зябловскимъ; она исполнена была въ Московскомъ учебномъ округѣ, вслѣдствіе распоряженій университетскаго Совѣта, такимъ порядкомъ. Въ Февралѣ 1814 года директоръ училищъ Ярославской губерніи Покровскій извѣстилъ Совѣтъ университета чрезъ училищный комитетъ, что замѣчанія на описаніе Ярославской губерніи, присланныя смотрителями и учителями уѣздныхъ училищъ, сравнены были съ учебникомъ Зябловскаго старшимъ учителемъ гимназіи, преподавателемъ исторіи Степановымъ. Не было доставлено замѣчаній только изъ Мышкина, ибо этотъ городъ не имѣлъ въ то время уѣзднаго училища. Взамѣнъ того директоръ Покровскій имѣлъ случай доставить Степанову нѣкоторыя оффиціальныя историческія, статистическія и топографическія записки о Ярославской губерніи. Въ Мартѣ Костромской директоръ Граматинъ выслалъ въ училищный комитетъ труды слѣдующихъ преподавателей: «Костромской губернской гимназіи Василья Чижова описаніе Костромской губерніи и въ особенности Костромскаго уѣзда; описаніе города Костромы и его уѣзда, сдѣланное учителемъ Костромскаго уѣзднаго училища I класса Алексѣемъ Русинымъ; описаніе города Нерехты и Нерехотскаго уѣзда, доставленное отъ учителя тамошняго уѣзднаго училища 2 класса Якова Шульгина; отъ учителя Галичскаго уѣзднаго учителя Дмитрія Ржевскаго описаніе города Галича съ уѣздомъ онаго; отъ учителя Чухломскаго малаго народнаго училища Александра Григоровскаго описаніе города Чухломы съ уѣздомъ онаго; отъ учителя Кинешемскаго малаго народнаго училища Василья Архаицкаго описаніе города Кинешмы и уѣзда онаго,

---

[11]) См. въ архивѣ Университета дѣла Совѣта за 1814 г., стр. 152—154, 199—200, 545—546, 609.

и отъ учителя Макарьевскаго малаго народнаго училища Альбова, описаніе города Макарьева съ уѣздомъ его. Чтожъ касается до прочихъ уѣздныхъ городовъ Костромской губерніи, въ коихъ никакихъ училищъ не находится, то составленіе вѣрнаго описанія оныхъ на мѣстѣ возложить было не на кого». Въ Апрѣлѣ директоръ училищъ Тульской губерніи Крюковъ извѣстилъ, что, исполняя возложенное на него порученіе, онъ сперва отобралъ свѣдѣнія отъ губернскаго правленія, казенной палаты и духовной консисторіи въ Тулѣ, а потомъ предложилъ исправить и дополнить на ихъ основаніи землеописаніе Тульской губерніи старшему учителю гимназіи, доктору философіи Покровскому, поправки котораго и выслалъ въ подлинникѣ въ училищный комитетъ. Директоръ Московскихъ училищъ Петръ Дружининъ извѣстилъ комитетъ въ Маѣ, что онъ «не могъ исправить описаніе Московской губерніи согласно съ нынѣшнимъ состояніемъ оной, какъ потерпѣвшей въ разсужденіи политическаго своего существованія весьма важныя перемѣны, но замѣтилъ только главнѣйшее, чего не доставало или что неправильно написано было». Въ томъ же мѣсяцѣ директоръ училищъ Владимирской губерніи Д. Дмитревскій возвратилъ статьи изъ книги Зябловскаго, относившіяся къ Владимирской губерніи, которыя, какъ онъ доносилъ, «за несуществованіемъ смотрителей и учителей уѣздныхъ въ десяти городахъ, вездѣ лично имъ самимъ со всевозможнымъ стараніемъ провѣрены, исправлены и дополнены на мѣстѣ во всей точности чрезъ сношенія съ мѣстными начальствами и почетными жителями при случаѣ обозрѣній училищъ». Въ Іюлѣ Калужскій директоръ Кояндеръ выслалъ описаніе Калужской губерніи, исправленное и дополненное учителемъ гимназіи Зельницкимъ. Въ Сентябрѣ Смоленскій директоръ Левъ Людоговскій донесъ, что хотя имъ и приняты были надлежащія мѣры къ исполненію возложеннаго на него порученія; но «поелику въ здѣшней губерніи непріятелемъ все приведено въ крайній безпорядокъ, то собраніе достовѣрныхъ свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи сей губерніи было на первой случай весьма затруднительно. Наконецъ, когда необходимо нужныя свѣдѣнія къ составленію предписаннаго описанія можно было изъ мѣстъ разныхъ заимствовать съ надлежащею достовѣрностію, препоручилъ я здѣшней гимназіи изъ старшихъ учителей г. Елоховскому, яко ничѣмъ не занятому, составить противъ присланныхъ печатныхъ листовъ требованное описаніе Смоленской губерніи, что̀ имъ и исполнено. Я, разсмотрѣвъ сіи его труды, отдаю имъ достодолжную справедливость и представляю оныя въ подлинникѣ на благоусмотрѣніе начальства». Въ Октябрѣ исправлявшій должность директора Тверскихъ училищъ майоръ и кавалеръ Мерзлюкинъ, представляя новое описаніе Тверской губерніи, доносилъ, что «медленность

въ сочиненіи онаго происходила отъ нескораго доставленія свѣдѣній, изъ коихъ оно сочинено, также и отъ противорѣчащихъ показаній тѣхъ мѣстъ и лицъ, отъ коихъ они были получаемы. Впрочемъ по всей возможности я старался исполнить предписаніе училищнаго при императорскомъ Московскомъ университетѣ комитета, съ усерднымъ вспомоществованіемъ старшаго учителя г. Сухарева, который сверхъ отлично рачительнаго прохожденія его настоящей должности, тщится при всякомъ случаѣ доказать самымъ дѣломъ ревность свою въ исполненіи предписаній начальства; почему долгъ имѣю представить сего достойнаго чиновника въ милостивое расположеніе почтеннѣйшихъ господъ членовъ училищнаго комитета и покорнѣйше испрашивать одобренія примѣрной его дѣятельности» [12]).

Дѣло о возобновленіи разоренныхъ зданій университетскихъ началось съ того, что въ засѣданіи Совѣта, происходившемъ 3 Ноября 1815 года [13]), очень извѣстный въ то время жителямъ Москвы и пользовавшійся вліяніемъ у властей, ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Рихтеръ представилъ о надобности, «по причинѣ умножившагося числа слушателей повивальнаго искусства, открыть повивальный институтъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ существовалъ уже нѣсколько лѣтъ до нашествія непріятеля и которое теперь занято семействами нѣкоторыхъ профессоровъ, лишившихся отъ нашествія непріятеля прежнихъ своихъ квартиръ», вслѣдствіе чего отдѣленіе приступило къ разсужденію объ открытіи онаго. При этомъ Мудровъ представилъ письменно свое мнѣніе: «что, уважая заслуги профессоровъ, живущихъ нынѣ въ комнатахъ повивальнаго института, ихъ крайнее раззореніе, а наипаче большія семейства профессоровъ Черепанова и Гаврилова, лучше ходатайствовать предъ Совѣтомъ объ оставленіи на прежнихъ квартирахъ достойныхъ товарищей, дабы не довести ихъ до послѣдней бѣдности; для повивальнаго же института нанять особой домъ. Сіе будетъ совмѣстно съ общими и частными выгодами: ибо квартирныя деньги, каждому профессору слѣдующія, не будутъ достаточны для каждаго въ особенности изъ нихъ, а взятыя вмѣстѣ составятъ сумму, на которую удобно будетъ нанять приличной домъ для повивальнаго института». Отдѣленіе, полагая, что для такого заведенія нуженъ домъ, въ которомъ, сверхъ учебной залы и комнатъ для беременныхъ и рожениць, нужно имѣть еще всегдашнее пребываніе акушеру и повивальной бабкѣ, какъ до тѣхъ поръ и было въ универ-

---

12) Дѣло училищнаго комитета при Московскомъ Университетѣ за 1813 г., № 67 (по отдѣлу сношеній съ Совѣтомъ).

13) См. въ университетскомъ архивѣ, протоколы засѣданій 1815 г., стр. 489—493.

ситетѣ, изъявило согласіе свое на то, чтобы нанять, если будетъ возможность, приличный домъ для родовспомогательнаго заведенія, на квартирныя деньги, которыя слѣдовало бы опредѣлить ординарнымъ профессоромъ Черепанову, Гаврилову и Котельницкому и находящемуся при университетѣ по архитекторской части титулярному совѣтнику Бужамскому, занимающимъ комнаты повивальнаго института; а какъ экстраординарный профессоръ Ризенко, на котораго возложено преподаваніе вспомогательныхъ лекцій, принадлежащихъ къ каѳедрѣ повивальнаго искусства, долженъ также имѣть постоянное мѣстопребываніе свое въ томъ же акушерскомъ домѣ, то присоединяя къ сему и его квартирныя деньги, отдѣленіе имѣло въ виду сумму, простиравшуюся за 2000 руб., почему и представило Совѣту о наймѣ за вышеозначенную сумму приличнаго дома, если бы таковой отыскался вблизи университета, при чемъ приложенъ былъ и списокъ вещамъ, необходимымъ для заведенія. Выслушавъ мнѣніе медицинскаго отдѣленія, Совѣтъ постановилъ: «Списокъ вещей препроводить въ правленіе университета съ тѣмъ, чтобы благоволено было приказать сдѣлать смѣту, какая была бы потребна сумма для покупки означенныхъ вещей; касательно же открытія повивальнаго института, то весьма бы желательно было сіе полезное заведеніе возстановить и, согласно съ мнѣніемъ отдѣленія, не въ прежде бывшихъ комнатахъ, занимаемыхъ теперь вышеименованными профессорами, а въ особомъ домѣ, для найму котораго отдѣленіе предположило сумму, которую слѣдовало бы выдать на квартиры живущимъ въ комнатахъ, въ которыхъ прежде былъ помѣщаемъ повивальный институтъ, чиновникамъ; но какъ въ представленіи о квартирныхъ деньгахъ, сдѣланномъ высшему начальству въ 1813 году назначено выдать квартирныя деньги девяти профессорамъ, седми адъюнктамъ, не имѣющимъ квартиръ въ университетскихъ домахъ, что̀ и исполняется; означенные же гг. профессоры Черепановъ, Гавриловъ, Котельницкій и произведенный послѣ того въ профессоры экстраординарный Ризенко, по жительству ихъ въ университетскомъ домѣ, въ означенный счетъ не вошли, почему и суммы на наемъ для нихъ квартиръ высшимъ начальствомъ не ассигновано; экономическая же сумма университета столь мала, по объявленію г. ректора и гг. декановъ, что едва оной достаетъ и на наемъ самаго дома для помѣщенія университетскихъ студентовъ и аудиторіи: почему и обратиться съ просьбою къ г. попечителю университета о исходатайствованіи суммы, тысячъ до четырехъ простирающейся, на наемку дома для повивальнаго института, каковую сумму испрашивать Совѣтъ считаетъ тѣмъ болѣе за необходимое, что на акушерскій институтъ Уставомъ особой суммы не назначено и до сихъ поръ содержали оной изъ суммы экономической,

которой на самонужнѣйшія издержки едва теперь достаетъ, по причинѣ умножившейся на всѣ вещи дороговизны, со времени утвержденія штату университета, такъ что Совѣтъ находится въ необходимости просить также г. попечителя, не угодно ли будетъ исходатайствовать сумму и на заплату за нанимаемой для самаго университета домъ до времени, пока или прежнія университетскія зданія будутъ отстроены, или назначенъ будетъ особый для помѣщенія университетской домъ».

Но только черезъ годъ представилась возможность приступить къ окончательному рѣшенію вопроса о главныхъ постройкахъ университетскихъ, именно въ засѣданіи 14 Ноября 1816 года [14]) было выслушано предложеніе попечителя и отношеніе къ нему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ которомъ говорилось: «Донынѣ еще не рѣшено, гдѣ будутъ помѣщаться Московскій университетъ и Московская губернская гимназія. Для помѣщенія университета представлены три способа: 1) возстановить прежнія погорѣвшія университетскія зданія; 2) помѣстить университетъ въ такъ называемомъ запасномъ дворцѣ, принадлежащемъ Кремлевской экспедиціи, если оною уступленъ будетъ и если для сего помѣщенія онъ достаточенъ; 3) купить для университета домъ генерала Апраксина [15]). Почему управляющій министерствомъ требовалъ мнѣнія университета, которое изъ означенныхъ предположеній находитъ онъ за лучшее для университета, или не имѣетъ ли онъ предложить еще другихъ средствъ къ удобнѣйшему и выгоднѣйшему помѣщенію университета, равнымъ образомъ, гдѣ и какъ помѣстить губернскую гимназію съ ея принадлежностями.» Вмѣстѣ министерство извѣщало, что на постройку университетскихъ зданій уже имѣется 150,000 руб., отпущенныхъ прежде на перестройку Екатерининскихъ казармъ; сверхъ того внесено на будущій 1817 годъ для постройки университетскихъ зданій 200.000 р. и если оные отпущены будутъ, то съ наступленіемъ весны, можно было бы приступить къ строенію, и что постройка зданій для университета конечно предполагаетъ болѣе удобностей, ибо расположеніе помѣщеній можетъ быть сдѣлано сообразно надобностямъ, чего нельзя имѣть при покупкѣ готоваго дома, который не былъ устроенъ для подобнаго заведенія, и что во всякомъ случаѣ нужно объяснить выгоды или неудобства того или другаго предположенія и показать, какой издержки примѣтно стоить будетъ приведеніе въ дѣйствіе того или другаго предположенія. По поводу такого запроса попечитель предлагалъ Совѣту немедленно заняться внимательнѣйшимъ

---

[14]) Протоколы 1816 г., стр. 443—450.

[15]) Нынѣ Александровское военное училище на Знаменкѣ.

разсужденіемъ обо всемъ, въ отношеніи управляющаго министерствомъ, содержащемся. «А какъ въ ономъ отношеніи изъяснено, что доставленіемъ таковаго свѣдѣнія не надобно медлить, дабы по полученіи разрѣшенія Е. И. В., въ продолженіе зимы, можно было доставить надлежащіе планы и смѣты постройкамъ, либо исправленіямъ, имѣющимъ назначиться какъ для университетскихъ, такъ и для гимназическихъ зданій и съ наступленіемъ весны приступить уже къ производству оныхъ: то его п—ство и увѣренъ, что Совѣтъ не оставитъ употребить всей своей дѣятельности и благоразумныхъ мѣръ къ поспѣшнѣйшему доставленію къ нему своего мнѣнія, на выгодахъ и пользахъ университета основаннаго, дабы онъ, на слѣдующей почтѣ, съ присовокупленіемъ своего собственнаго мнѣнія, могъ сдѣлать г. управляющему министерствомъ донесеніе.» Послѣ обсужденія предложенныхъ вопросовъ члены Совѣта рѣшили большинствомъ голосовъ: «Донесть г. попечителю, что Совѣтъ находитъ приличнѣе, удобнѣе и выгоднѣе просить о возобновленіи университетскихъ погорѣвшихъ зданій по слѣдующимъ причинамъ: 1) университетскія строены именно для университета, почему и принаровлены къ различнымъ его надобностямъ, чего нельзя найти, получивши какой-бы то ни было готовый домъ, строенный совсѣмъ для другой цѣли; и передѣлка всякаго другаго дома, которая должна быть необходима, конечно потребуетъ большихъ издержекъ и времени, и не доставитъ однакожъ тѣхъ удобностей, какія имѣютъ настоящія университетскія зданія; 2) Занимаемое университетскими зданіями мѣсто такъ обширно, что если потребуютъ обстоятельства со временемъ сдѣлать и другія постройки, судя по его надобностямъ, то оныя произвести весьма удобно, не стѣсняясь нимало, чего при другихъ домахъ предполагать неможно; 3) мѣсто, на которомъ построенъ университетъ, находится въ центрѣ города, чѣмъ доставляется великая удобность всѣмъ вообще жителямъ столицы, желающимъ обучать дѣтей своихъ въономъ, да и самимъ учащимъ; 4) всѣ мѣста, зависящія отъ университета, какъ-то: его типографія, его Благородный Пансіонъ и губернская гимназія, находятся въ недальнемъ отъ него разстояніи, что̀ по безпрестаннымъ сношеніямъ съ сими мѣстами университету весьма способно; 5) на старомъ мѣстѣ университетскомъ уже существуютъ три дома: два оставшіеся отъ пожара и одинъ возобновленный; въ нихъ помѣщаются клиническіе институты, институтъ педагогическій, анатомическій театръ, библіотека и музей естественной исторіи; а сверхъ того, имѣютъ въ нихъ жительство и нѣсколько профессоровъ и студентовъ, и сіи зданія своимъ расположеніемъ нѣкоторымъ образомъ принаровлены къ ихъ нуждамъ, чего также на первый случай ни въ какомъ другомъ домѣ найти не можно; 6) Совѣтъ справедливымъ почитаетъ также уважить волю и

память разныхъ благотворителей, которые, для постройки университетскихъ зданій, жертвовали значительными приношеніями, состоявшими какъ въ деньгахъ, такъ и въ матеріалахъ; да и самимъ мѣстамъ университетъ обязанъ частію благотворительности. Касательно до назначенія примѣрныхъ издержекъ, во что̀ обойдется постройка университетскихъ зданій, то Совѣтъ теперь ничего не можетъ сказать опредѣлительнаго, представленная же г. попечителю въ 1815 году смѣта сдѣлана архитекторомъ Бужинскимъ на отдѣлку одного только главнаго корпуса. Прочія же зданія требуютъ особенныхъ издержекъ.» Только орд. проф. Сандуновъ подалъ слѣдующее отдѣльное мнѣніе: 1) чтобы планы домовъ доставлены были университету и 2) чтобы дозволено было членамъ университета съ архитекторомъ домы г. Апраксина и Запасный дворецъ осмотрѣть и доставить Совѣту обстоятельное о нихъ свѣдѣніе, которое также представить на усмотрѣніе г. попечителю». Для помѣщенія же губернской Московской гимназіи Совѣтъ университета призналъ тогда же наиболѣе удобнымъ и приличнымъ домъ бывшій бригадира Лопухина, что̀ у Пречистенскихъ воротъ, который еще въ 1812 году отданъ былъ гимназіи, вслѣдствіе высочайше утвержденнаго доклада бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея; а касательно стараго гимназическаго дома, что̀ у Варварскихъ воротъ, то Совѣтъ полагалъ: «какъ сей домъ находится въ самой населенной части города и ни въ Китай-городѣ, ни въ Яузской части нѣтъ ни одного казеннаго училища, то весьма желательно, чтобы и сей домъ уступленъ былъ для помѣщенія въ немъ уѣзднаго и приходскаго училища, ибо одного уѣзднаго училища по пространству такого обширнаго города совершенно недостаточно.» Во что̀ же должна была обойтись обстройка того или другаго дома, Совѣтъ безъ смѣты ничего опредѣлительнаго сказать не рѣшался.

Но черезъ недѣлю созвано было чрезвычайное засѣданіе, въ которое явился самъ попечитель [16]). Управляющій министерствомъ, получилъ отъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора гр. Тормасова увѣдомленіе, что «въ разсужденіи помѣщенія университета были разныя предположенія, какъ-то: 1) тѣже зданія, гдѣ онъ прежде находился: 2) домъ Медико-хирургическою Академіею нынѣ занимаемый; 3) домъ генерала отъ инфантеріи Апраксина; 4) Екатерининскія казармы; но что изъ всѣхъ означенныхъ предположеній по всѣмъ отношеніямъ самое лучшее и выгоднѣйшее въ самомъ исполненіи есть безъ сомнѣнія первое, ибо для Медико-хирургической Академіи другаго помѣщенія еще не

[16]) См. въ архивѣ У-та протоколы совѣтскихъ засѣданій 1816 г. стр. 457—459.

отыскано; а домъ генерала Апраксина стоитъ болѣе, нежели самое возобновленіе университетскаго прежняго зданія; помѣщеніе же университета въ Екатерининскихъ казармахъ по одной уже отдаленности отъ центра города оказалось неудобнымъ». А поэтому управляющій предлагалъ университету таковое гр. Тормасова изъясненіе для совокупнаго разсмотрѣнія съ прежними предположеніями, причемъ посылалъ и полученныя имъ отъ гр. Тормасова смѣту на возобновленіе прежняго университетскаго зданія, также планъ и фасадъ онаго. Выслушавъ такое заявленіе попечителя, члены Совѣта пришли къ такому мнѣнію: «Поелику мнѣніе г. военнаго Московскаго генералъ-губернатора, гр. Тормасова совершенно согласно съ опредѣленіемъ Совѣта по большинству голосовъ, сдѣланнымъ въ засѣданіи 14 Ноября; то Совѣтъ и не находитъ никакихъ причинъ отступить отъ онаго, до имѣющаго послѣдовать разрѣшенія начальства; г-нъ професс. Сандуновъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи.»

Предложеніе гр. Тормасова, въ пользу котораго высказывался и Совѣтъ университета, получило высочайшее утвержденіе. Извѣстіе о томъ занесено было въ дневную записку засѣданія, происходившаго 14 Февраля 1817 года [17]), гдѣ говорилось о конфирмаціи Государемъ двухъ докладовъ министерства, въ силу коей повелѣвалось «для помѣщенія университета возобновить прежнія его зданія и для губернской гимназіи отдѣлать принадлежащій ей такъ называемый Лопухинскій домъ», при чемъ было изъяснено: «такъ какъ г. Московскій военный ген.-губернаторъ гр. Тормасовъ увѣдомилъ его г. управляющаго, что Коммиссія Строеній можетъ въ семъ случаѣ вспомоществовать матеріалами за дешевѣйшую цѣну, нежели какъ пріобрѣсть можно оные покупкою у частныхъ людей, и въ нужномъ случаѣ рабочими людьми, то къ постройкѣ означенныхъ зданій приступить не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи о томъ съ графомъ Тормасовымъ, которому о семъ уже сообщено; а въ слѣдъ за симъ сдѣлано будетъ распоряженіе объ отпускѣ въ университетъ опредѣленныхъ на сей предметъ, изъ строительнаго по государству капитала суммы». Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель университета предлагалъ, чтобъ «члены Совѣта, по соображеніи всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и снесясь между собою, сдѣлали предположеніе каждой по своей части, гдѣ назначить какъ принадлежащія къ ихъ частямъ, такъ и общія залы; обратили бы вниманіе на церковь при Московскомъ университетѣ необходимо нужную, учрежденіе коей въ главномъ корпусѣ представляетъ неудобства со многихъ

---

[17]) Протоколы 1817, стр. 57—59.

сторонъ. Еслибъ изъ прикосновенныхъ къ университетскому мѣсту приходскихъ церквей по осмотрѣніи найдена была къ сему предмету удобная, тогда бы можно было просить объ уступленіи оной университету у духовнаго правленія; въ семъ случаѣ, гдѣ Совѣтъ предположитъ помѣстить священника и церковнослужителей, можно ли также расположить житьемъ въ томъ же корпусѣ всѣхъ профессоровъ и казенныхъ студентовъ?» Для распредѣленія разныхъ частей въ зданіяхъ избранъ былъ комитетъ изъ нѣсколькихъ профессоровъ; рѣшить вопросъ о выборѣ церкви предоставлено было ректору вмѣстѣ съ инспекторомъ Благороднаго Пансіона.

Въ засѣданіи университетскаго Совѣта, происходившемъ ровно чрезъ мѣсяцъ, 14 Марта 1817 года [18]), слушано было донесеніе ректора Московскаго университета и инспектора Благороднаго Пансіона Прокоповича-Антонскаго, что «во исполненіе данной имъ выписки изъ протокола Совѣта Московскаго университета отъ 14 Февраля сего года о представленіи мнѣнія своего, какую изъ прикосновенныхъ къ университетскому мѣсту церковь выгоднѣе просить университету, что они прикосновенныя къ университетскому дому приходскія церкви Пророка Иліи и Великомученика Георгія осматривали и нашли, что первая выдалась изъ линіи университетскаго дома и находится въ самомъ ветхомъ положеніи, съ большими трещинами, уничтожена отъ духовнаго правительства и не имѣетъ ни утвари, ни церковнослужителей, ни домовъ для нихъ; но чтожъ касается до Георгіевской, то она не только примыкаетъ къ университету, но и вдалась внутрь университетскаго дома; послѣ раззоренія возобновлена, имѣетъ утвари, церковнослужителей и собственные для нихъ домы на самомъ квадратѣ университетской земли; почему и полагаютъ мнѣніемъ своимъ, что гораздо удобнѣе и выгоднѣе по всѣмъ отношеніямъ просить у духовнаго начальства для университета Георгіевскую церковь со всѣми къ ней принадлежностями». Совѣтомъ было опредѣлено «представить о семъ г. попечителю и просить объ исходатайствованіи духовнаго начальства помянутой церкви для университета сообразно съ представленіемъ г. ректора университета и г. профессора Прокоповича-Антонскаго, и при томъ съ тѣмъ, чтобы верхняя церковь переименована была во имя Св. Татіаны для всегдашняго воспоминанія о прославленіи дня, въ который основанъ Московскій университетъ». Такъ рѣшены были вопросы о главныхъ перестройкахъ въ университетскихъ зданіяхъ, разоренныхъ нашествіемъ Наполеона на Москву; но исполненно было это рѣшеніе не вдругъ, а въ нѣсколько сроковъ.

---

[18]) См. въ архивѣ университета дневныя записки Совѣта за 1817 г., стр. 154—156.

Прежде всего оконченъ былъ постройкою въ 1817 году главный типографскій корпусъ по Страстному бульвару, вмѣсто прежняго сгорѣвшаго. Онъ былъ каменный двухъэтажный съ антресолями и двумя двухъэтажными же заворотами во дворъ, изъ коихъ на одномъ пристроенъ былъ уже въ 1830 г. третій этажъ. Въ этомъ домѣ издавна помѣщались: внизу книжная лавка, занимавшая три комнаты, раздаточная лавка съ бумажными и книжными складами въ шесть комнатъ, а въ остальныхъ помѣщеніяхъ квартиры для служащихъ. Въ томъ же году, рядомъ съ этимъ зданіемъ по бульвару, выстроенъ былъ каменный одноэтажный флигель для квартиръ и магазиновъ. Кромѣ того найдено возможнымъ ограничиться небольшими поправками двухъ каменныхъ домовъ, купленныхъ для типографіи еще въ 1811 году у Власова: одинъ изъ нихъ былъ на дворѣ двухъэтажный съ караульней и магазиномъ для книгъ внизу и съ квартирами на верху, а другой небольшой по бульвару, въ 1830 г. передѣланный на два этажа для квартиръ.

Въ 1821 году построенъ былъ тотъ новый большой корпусъ по Дмитровкѣ съ выступомъ во дворъ въ два этажа, въ которомъ помѣщены: наборная, тередорная, словолитня, мочильня и смывальня, занявшія низъ; корректорская, литографное заведеніе, подъемная, сушильня и квартиры, размѣстившіяся вверху. Наконецъ въ 1823 году сдѣлана была пристройка къ купленному у Талызина надворному двухъэтажному дому, который, примыкая къ главному бульварному корпусу, имѣлъ внизу магазины и погреба, а вверху квартиры.—Чтобы закончить описаніе типографскихъ построекъ, слѣдуетъ упомянуть о каменныхъ сараяхъ, конюшняхъ и другихъ службахъ, стоявшихъ на заднемъ дворѣ.

Несравненно обширнѣе были постройки, вмѣщавшія въ себѣ самый университетъ и выходившія на улицы Моховую и Никитскую и въ Долгоруковскій переулокъ. Главный каменный корпусъ, такъ называемое старое зданіе, отстроенъ былъ вновь въ 1818 году покоемъ съ двумя крыльями въ четыре этажа, прямыкавшими къ такому же центральному фасаду. Въ этомъ зданіи считалось тогда 86 комнатъ, 27 сѣней при шести лѣстницахъ, проведенныхъ во всѣ этажи, и восемь кладовыхъ. Уцѣлѣвшій отъ пожара Пушкинскій каменный корпусъ имѣлъ въ трехъ этажахъ своихъ 31 комнату. Также сохранившійся въ 1812 году больничный каменный корпусъ, нѣсколько передѣланный въ 1820 году, имѣлъ въ двухъ этажахъ и мезонинѣ сорокъ три комнаты. Затѣмъ были вновь выстроены въ 1819 г. аптечный каменный корпусъ съ двадцатью двумя комнатами въ двухъ этажахъ; Мосоловскій или медицинскій институтъ, тоже каменный, съ 31-ю комнатою въ трехъ этажахъ; анатомическій театръ (въ наше время отданный подъ другія учрежденія, ибо въ 1877 году открыто для анатоміи новое трехъ-

этажное каменное зданіе) во внутреннемъ дворѣ съ 22 комнатами въ двухъ этажахъ. Уже гораздо позднѣе, именно въ 1832 году, куплено было у оберъ-егермейстера Пашкока такъ называемое новое зданіе, состоявшее изъ четырехъ каменныхъ домовъ: одного четырехъ-этажнаго, двухъ въ два этажа и четвертаго одноэтажнаго. Послѣ перестройки они были открыты 17 Августа 1836 года. Въ слѣдующемъ году на внутреннемъ дворѣ стараго зданія, фасадомъ въ Долгоруковскій переулокъ, построена была каменная химическая лабораторія въ два этажа.

Изъ зданій, принадлежащихъ университету, но находящихся въ другихъ мѣстностяхъ Москвы, слѣдуетъ упомянуть: деревянный домъ при ботаническомъ садѣ на первой Мѣщанской улицѣ, переданный въ вѣдѣніе университета еще до 1812 года; каменную обсерваторію, построенную въ 1828 году, при которой, черезъ четыре года, выстроены были два флигеля, каменный двухъ-этажный и деревянный одноэтажный. Еще позднѣе, именно, въ 1846 году, изъ зданій бывшей Московской Медико-хирургической Академіи устроены были факультетскія клиники, состоявшія изъ нѣсколькихъ каменныхъ зданій: главнаго корпуса въ четыре этажа, бывшаго президентскаго дома въ два этажа, двухъ флигелей въ два этажа и стольнихъ же въ одинъ этажъ, анатомическаго театра и двухъ бань въ одинъ этажъ. Нѣкоторые изъ клиническихъ флигелей были въ самое недавнее время перестроены.

Таковъ былъ общій ходъ, со времени Наполеоновскаго нашествія, разныхъ построекъ, въ которыхъ постепенно размѣщались принадлежащія къ Московскому университету учрежденія.

Нилъ Поповъ.

КЪ БІОГРАФІИ А. Ѳ. МЕРЗЛЯКОВА.

ЖУРНАЛЪ КОММИССІИ ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ УЧИЛИЩЪ (1792 ГОДА АВГУСТА 27-го дня).

Г. тайный совѣтникъ, сенаторъ, Государственнаго Заемнаго Банка главный директоръ и кавалеръ Петръ Васильевичъ Завадовскій сообщилъ коммиссіи объ учрежденіи училищъ письмо, писанное къ нему отъ 23-го минувшаго Іюля г-мъ генералъ-поручикомъ и кавалеромъ Алексѣемъ Андреевичемъ Волковымъ, правящимъ должность генерала-губернатора въ намѣстничествахъ Пермскомъ и Тобольскомъ. Содержаніе сего письма изъ Перми есть слѣдующее.

«Третьяго дня здѣсь, въ Главномъ Народномъ Училищѣ, въ при«сутствіи моемъ было публичное испытаніе, въ продолженіи коего уча«щійся въономъ города Далматова небогатаго купца тринадцати-лѣт«ній сынъ Алексѣй Мерзляковъ подалъ мнѣ своего сочиненія оду въ «немаломъ числѣ строфъ. Видя основательность и изрядство мыслей, «правильность, плавность и гладкость въ стихахъ во всей почти одѣ, «и представляя лѣта или возрастъ сочинителя ея, также и то, что сей «сочинитель, такой молодой мальчикъ, нигдѣ кромѣ здѣшняго учили«ща не обучался и не воспитывался, и въ стихотворствѣ ни отъ кого «не былъ наставляемъ; да и нѣтъ здѣсь людей такихъ, отъ которыхъ «бы можно было кому въ ономъ заимствовать, а читалъ онъ только «Ломоносовы сочиненія, и примѣняясь къ нимъ написалъ свою оду: все «сіе соображая, кажется безъ ошибки можно сказать, что таковая ода «есть рѣдкость, а сочинявшій ее мальчикъ отмѣнныхъ способностей и «дарованій. Послѣднее и потому справедливо, что онъ во всѣхъ трехъ «классахъ, начиная со втораго, оказывалъ удивительные въ ученіи «успѣхи. Найдя же такого мальчика въ числѣ юношества, пользующа«гося милостію Монаршею въ разсужденіи воспитанія, долгомъ почитаю, «сдѣлать его извѣстнымъ вашему превосходительству черезъ оную оду, «при семъ препровождаемую, дабы вы, яко тотъ человѣкъ, которому

«поручено попеченіе о училищахъ, могли видѣть, что здѣшнее весьма «на хорошей ногѣ».

Коммиссія объ учрежденіи училищъ, читавъ присланную при этомъ письмѣ оду и находя похвалу, выше объ ней сказанную, въ разсужденіи возраста сочинителя, отнюдь не увеличенною, опредѣлила: въ поощреніе сего юноши, толь хорошую надежду о себѣ подающаго, напечатать ее здѣсь, своимъ иждивеніемъ, двѣсти экземпляровъ на Любской бумагѣ и изъ того числа сто пятьдесятъ экземпляровъ послать сочинителю въ подарокъ, а остальные для раздачи при коммиссіи. Чего ради на напечатаніе сіе дать приказаніе г-ну надзирателю Струговщикову, а отношеніе къ г-ну генералъ-поручику Волкову съ пересылкою тѣхъ экземпляровъ принялъ на себя г-нъ тайный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Сверхъ сего также можно сообщить сію оду и для внесенія въ которое ни есть изъ издаваемыхъ въ сей столицѣ періодическихъ сочиненій.

Подписали: Петръ Завадовскій, Петръ Пастуховъ, Францъ Эпинусъ, Александръ Храповицкій, Ѳедоръ Крейдеманъ.

(**Сообщено графомъ Д. А. Толстымъ**).

ПИСЬМА КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Декабриста князя С. Г. Волконскаго.

Князь С. Г. Волконскій, внукъ фельдмаршала князя Репнина и братъ супруги князя Петра Михайловича Волконскаго (столь близкаго къ императору Александру Павловичу) находился въ самой благопріятной обстановкѣ и по службѣ занималъ видное мѣсто во второй арміи. Въ Каменкѣ его увлекли и закружили. Въ 1823 году, на маневрахъ въ Тульчинѣ, Государь благодарилъ его за отличное состояніе ввѣренной ему дивизіи, но тутъ же замѣтилъ, что совѣтуетъ ему еще больше заниматься службою, нежели дѣлами его имперіи. По благородному характеру своему, отмѣнно живому и впечатлительному, это былъ человѣкъ очень пригодный Пестелю, который тогда раздувалъ недовольство въ южныхъ войскахъ и въ тоже время увѣрялъ государя въ антимонархическомъ направленіи Грековъ, поднявшихся противъ Турціи. Нижеслѣдующее письмо относится ко времени второй ссылки Пушкина и писано передъ женитьбою князя Волконскаго на М. Н. Раевской, обворожительной и многоодаренной женщинѣ, которую Пушкинъ зналъ по близкой своей связи съ ея братьями и которая такъ невѣрно изображена въ извѣстныхъ стихахъ Некрасова. Письмо князя Волконскаго показываетъ, какъ онъ умѣлъ цѣнить геніальнаго юношу-Пушкина. Черезъ два года потомъ, когда у князя Волконскаго умеръ первый сынъ, а самъ онъ отправленъ въ Сибирь, Пушкинъ написалъ прекрасные надгробные стихи, въ которыхъ сказано про младенца, что онъ „благословляетъ мать и молитъ за отца". *П. Б.*

С.-Петербургъ, 18 Октября 1824.

Любезный Александръ Сергѣевичъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Одессъ, я не думалъ, что не буду болѣе имѣть удовольствіе, по возвращеніи моемъ съ Кавказа, съ вами видѣться, и что баловникъ Музъ, преслѣдуемый судьбою въ гражданскомъ своемъ бытіи, будетъ предметомъ новыхъ гоненій.

Сосѣдство и воспоминаніе о великомъ Новгородѣ, о вѣчевомъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова, будетъ для васъ предметомъ пiитическихъ

занятій, а соотечественникамъ вашимъ трудъ вашъ—памятникомъ славы предковъ и современника.

Посылаю къ вамъ письмо отъ Мельмота [1]). Сожалѣю, что самъ не имѣю возможности доставить вамъ оное и подтвердить о тѣхъ сплетняхъ, кои Московскія вертушки вамъ настряпали. Неправильно вы сказали о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ *ничего не благословлялъ* [2]). Прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы благородной и неизмѣнной обстоятельствами.

Имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Маріею Николаевною Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ счастіи.

Всѣ ваши знакомые весьма сожалѣютъ, что лишены удовольствія васъ видѣть и что вѣроятно мѣсто пребыванія вашего не можетъ вамъ дать мѣстнаго развлеченія.

Я сего числа ѣду въ Кіевъ. Надѣюсь прежде половины Ноября предъ алтаремъ совершить свою свадьбу. Пробуду нѣсколько времени въ Кіевѣ, буду въ помѣстьяхъ новыхъ моихъ родственниковъ. И тамъ, какъ и здѣсь, буду часто о васъ говорить, и общія воспоминанія о васъ будутъ въ вашу пользу. Поручаю себя вашей дружеской и благосклонной памяти.

Навсегда и неизмѣнно вамъ преданный Сергѣй Волконскій.

P. S. Извѣщаю васъ, что я помѣстилъ, по порученію отца *Величаваго Рогоносца*, сына его въ Царскосельскій Лицей.

А. А. Бестужева (Марлинскаго).

9-го Марта 1825.

Долго не отвѣчалъ я тебѣ, любезный Пушкинъ; не вини: былъ занятъ механикою изданія Полярной. Она кончается (т. е. оживаетъ), и я дышу свободнѣе, и приступаю вновь къ литературнымъ спорамъ. Поговоримъ объ *Онѣгинѣ*.

Ты очень искусно отбиваешь возраженія на счетъ предмета; но я не убѣжденъ въ томъ, будто велика заслуга оплодотворить тощее поле предмета, хотя и соглашаюсь, что тутъ надобно много искусства и труда. Чудо—привить яблоки къ соснѣ; но это бываетъ, это дивитъ, а все таки яблоки пахнутъ смолою. Трудно попасть горошинкой въ

---

[1]) А. Н. Раевскаго.

[2]) Раевскій, въ шутку, заявлялъ притязаніе, зачѣмъ у Пушкина въ „Демонѣ“ сначала было *благословить онъ не хотѣлъ*, а потомъ: *благословить онъ не умѣлъ*. Первое больше ему нравилось. *П. Б.*

ушко иглы; но ты знаешь награду, которую назначилъ за это Филиппъ! Между тѣмъ какъ убить въ высотѣ орла, надобно и много искусства, и хорошее ружье. Ружье—талантъ, птица—предметъ. Для чего-жъ тебѣ изъ пушки стрѣлять въ бабочку? Ты говоришь, что многіе геніи занимались этимъ, я и не спорю; но если они ставили это искусство выше изящной, высокой поэзіи, то вѣрно шутя. Слова Буало, будто хорошій куплетецъ лучше иной поэмы, нигдѣ уже нынѣ не находятъ вѣрующихъ; ибо Рубанъ, безталанный Рубанъ написалъ нѣсколько хорошихъ стиховъ. Но читаемую поэму напишетъ не всякой. Проговориться не значитъ говорить; блеснуть можно и не горя. Чѣмъ выше предметъ, тѣмъ болѣе надобно силы, чтобы обнять его, его постичь, его одушевить. Иначе ты покажешься мошкою на пирамидѣ, муравьемъ, который силится поднять яйцо орла. Однимъ словомъ, какъ бы ни былъ великъ и богатъ предметъ стихотворенія, онъ станетъ такимъ только въ рукахъ генія. Сладокъ сокъ кокоса; но для того, чтобъ извлечь его, потребна не ребяческая сила. Въ доказательство тому приведу и примѣръ: что̀ можетъ быть поэтичественнѣе Петра, и кто написалъ его сносно? Нѣтъ, Пушкинъ, нѣтъ: никогда не соглашусь, что поэма заключается въ предметѣ, а не въ исполненіи. Что свѣтъ можно описывать въ поэтическихъ формахъ, это несомнѣнно; но далъ ли ты Онѣгину поэтическія формы, кромѣ стиховъ? Поставилъ ли ты его въ контрастъ со свѣтомъ, чтобъ въ рѣзкомъ злословіи показать его рѣзкія черты? Я вижу франта, который душой и тѣломъ преданъ модѣ; вижу человѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность, и мизантропія, и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ. Конечно многія картины прелестны; но онѣ не полны. Ты схватилъ Петербургскій свѣтъ, но не проникъ въ него. Прочти Байрона; онъ, не знавши нашего Петербурга, описалъ его схоже, тамъ гдѣ касалось до глубокаго познанія людей. У него даже притворное пустословіе скрываетъ въ себѣ замѣчанія философскія, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человѣка, который бы лучше его, портретнѣе его очеркивалъ характеры, схватывалъ въ нихъ новые проблески страстей и страстишекъ. И какъ зла, и какъ свѣжа его сатира! Не думай однакожъ, что мнѣ не нравится твой *Онѣгинъ*; напротивъ. Вся мечтательная часть прелестна, но въ этой части я не вижу уже Онѣгина, а только тебя. Не отсовѣтываю даже писать въ этомъ родѣ, ибо онъ долженъ нравиться массѣ публики; но желалъ бы только, чтобъ ты разувѣрился въ превосходствѣ его надъ другими. Впрочемъ мое мнѣніе не аксіома; но я невольно отдаю преимущество тому, что̀ колеблетъ душу, что̀ ее возвышаетъ, что̀ трогаетъ Русское сердце; а мало ли такихъ предметовъ, и они ждутъ тебя! Стоитъ ли вырѣзывать

изображенія изъ яблочнаго сѣмячка, подобно браминамъ Индѣйскимъ, когда у тебя въ рукѣ рѣзецъ Праксителя? Страсти и время не возвращаются, и мы не вѣчны!!!

Озираясь назадъ, вижу мое письмо испещреное сравненіями. Извини эту Глинкинскую страсть, которая порой мнѣ припадаетъ. Извини мою искренность; я солдатъ и говорю прямо, въ комъ вижу прямое дарованіе. Ты великой льстецъ на счетъ Рылѣева и также справедливъ, сравнивая себя съ Баратынскимъ въ элегіяхъ, какъ говоря, что бросишь писать отъ перваго поэмъ. Униженіе паче гордости. Я, напротивъ, скажу, что кромѣ поэмъ тебѣ ничего писать не должно. Только избави Боже отъ эпопеи. Это богатый памятникъ словесности, но надгробный. *Мы не Греки и не Римляне*, и для насъ *другія сказки надобны.*

О здѣшнихъ новостяхъ словесныхъ и безсловесныхъ немногое можно сказать. Онѣ очень не длинны по объему, но весьма по скукѣ. Скажу только, что Козловъ написалъ *Чернеца* и, говорятъ, не дурно. У него есть искры чувства, но ливрея поэзіи на немъ еще не обносилась, и не дай Богъ судить о Байронѣ по его переводамъ: это лордъ въ Жуковскаго пудрѣ. Н. Языковъ точно имѣетъ весь запасъ поэзіи, чувство и охоту учиться, но пребываніе его на родинѣ немного дало полету воображенію. Пьесы въ П. З. только что отзываются прежними его произведеніями. Чтò же касается до Бар—го, я пересталъ вѣровать въ его талантъ. Онъ исфранцузился вовсе. Его *Едда* есть отпечатокъ ничтожности, и по предмету, и по исполненію; да и въ самомъ Черепѣ я не вижу цѣлаго: одна мысль хорошо выраженная, и только. Конецъ-мишура. Байронъ не захотѣлъ послѣ Гамлета пробовать этого сюжета и написалъ забавную надпись, о которой такъ важно толкуетъ Плетневъ. Скажу о себѣ: я съ жаждою глотаю Английскую литературу и душой благодаренъ Английскому языку: онъ научилъ меня мыслить, онъ обратилъ меня къ природѣ, это неистощимый источникъ! Я готовъ даже сказать: il n'y a point de salut hors la littérature anglaise. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплаченъ сторицею за труды. Будь счастливъ, сколько можно: вотъ желаніе твоего

Бестужева.

Княгини Зинаиды Волконской.

Moscou, ce 29 Octobre 1826.

Il y a plusieurs jours que j'ai mis de côté pour vous ces deux lignes, cher monsieur Pouchkine; mais j'ai oublié de vous les remettre: c'est que quand je vous vois, je deviens *marâtre*. „Jeanne“ a été faite pour mon théâtre; j'ai joué ce rôle et voulais en faire un opéra; j'ai dû finir au

milieu de la pièce de Schiller. Vous aurez une lithographie de ma tête en Giovanna d'Arco, d'après Bruni. Vous la mettrez sur la première page, et vous vous souviendrez de moi. Revenez-nous. L'air de Moscou est plus léger. Un grand poëte russe doit écrire ou dans les steppes ou à l'ombre du Kremlin, et l'auteur de Boris Godounoff appartient à la cité des czars. Quelle est la mère qui a conçu l'homme dont le génie est toute force, toute grâce, tout abandon; qui, tantôt sauvage, tantôt européen, tantôt Shakspeare et Byron, tantôt Arioste, Anacréon, mais toujours Russe, passe du lyrique au dramatique, des chants doux, amoureux, simples, parfois rudes, romantiques ou mordants, au ton grave et naïf de la sévère histoire!

Au revoir, bientôt, j'espère.

Princesse Zénéide Volkonsky.

Переводъ.

Москва, 29 Октября 1826.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я отложила для васъ эту пару строкъ, любезный Пушкинъ, и все забывала передать ихъ вамъ, а все отъ того, что когда вижу васъ, то становлюсь мачихой относительно своихъ собственныхъ чадъ. «Іоанна» была написана для моего театра; я исполняла эту роль и хотѣла передѣлать ее въ оперу; пришлось кончить на половинѣ Шиллеровой пьесы. Вы получите литографію съ моего (головнаго) портрета въ видѣ Джіованны д'Арко, писаннаго Бруни. Приложите ее къ первой страницѣ и воспоминайте меня. Возвращайтесь! Московскій воздухъ какъ будто полегче. Великому Русскому поэту подобаетъ писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнію Кремля; творецъ „Бориса Годунова" принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, геній котораго весь сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикаремъ, то Европейцемъ, то Шекспиромъ и Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, но всегда оставаясь Русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ пѣсенъ, то полныхъ любовной нѣги, то простодушныхъ, то подъ-часъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ — къ важному и безъискусственному тону строгой исторіи! До скораго свиданія, надѣюсь. Княгиня Зинаида Волконская.

*

Отвѣтомъ на это письмо вѣроятно и было извѣстное посланіе, въ которомъ Пушкинъ уподобляетъ себя кочевой Цыганкѣ. *П. Б.*

П. Я. Чадаева.

I.

Eh bien, mon ami, qu'est devenu mon manuscrit? Point de nouvelles de vous depuis votre départ. J'ai d'abord hésité de vous écrire pour vous en parler, voulant, selon mon usage, laisser faire au tems son affaire; mais après réflexion, j'ai trouvé que pour cette fois le cas était différent. J'ai, mon ami, achevé tout ce que j'avais à faire, j'ai dit tout ce que j'avais à dire: il me tarde d'avoir tout cela sous la main. Faites donc en sorte, je vous prie, que je n'attende pas trop longtems mon ouvrage, et écrivez-moi bien vite ce que vous en avez fait. Vous savez de quoi il s'agit pour moi? Ce n'est point de l'effet ambitieux, mais de l'effet utile. Ce n'est pas que je n'eusse désiré sortir un peu de mon obscurité, attendu que ce serait un moyen de donner cours à la pensée que je crois avoir été destiné à livrer au monde; mais la grande préoccupation de ma vie, c'est de compléter cette pensée dans l'intérieur de mon âme et d'en faire mon héritage.

Il est malheureux, mon ami, que nous ne soyons pas arrivés à nous joindre dans la vie. Je persiste à croire que nous devions marcher ensemble et qu'il en aurait résulté quelque chose d'utile et pour nous et pour autrui. Ce retour m'est venu à l'esprit, depuis que je vais quelquefois, devinez où?—au club anglais. Vous y alliez, me disiez-vous; je vous y aurais rencontré, dans ce local si beau, au milieu de ces colonnades si grecques, à l'ombre de ces beaux arbres; la puissance d'effusion de nos esprits n'aurait pas manqué à se produire d'elle-même. J'ai éprouvé souvent chose semblable.

Bon jour, mon ami. Écrivez-moi en russe; il ne faut pas que vous parliez d'autre langue que celle de votre vocation. J'attends de vous une bonne longue lettre; parlez-moi de tout ce que vous voudrez: tout m'intéressera venant de vous. Il faut nous mettre en train; je suis sûr que nous trouverons mille choses à nous dire. A vous et bien à vous, du fond de mon âme.

Tchadaieff.

17 juin (1831).

Переводъ. Чтò же однако сталось съ моей рукописью, другъ мой? Съ отъѣзда вашего нѣтъ отъ васъ вѣстей. Сперва было я не хотѣлъ писать вамъ по сему поводу, думая по моему обычаю предоставить дѣло времени; но,

поразмысливъ, нахожу, что на сей разъ иное дѣло. Я, мой другъ, окончилъ все, все высказалъ что̀ имѣлъ высказать; мнѣ бы теперь поскорѣй хотѣлось имѣть все это подъ руками. Постарайтесь же, пожалуйста, чтобы мнѣ не слишкомъ долго дожидаться своего труда и напишите мнѣ поскорѣе, что̀ вы съ нимъ подѣлали. Вамъ вѣдь извѣстно мое намѣреніе? Не эффектъ для самолюбія, а полезное дѣйствіе. Не то, чтобы я уже вовсе не желалъ немножко выйдти изъ моей безвѣстности: это помогло бы дать ходъ идеѣ, которую я считаю себя призваннымъ передать міру. Главный же мой интересъ въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы эту самую идею дополнить въ глубинѣ моей души и оставить ее въ наслѣдство послѣ себя.

Несчастіе, другъ мой, что не пришлось намъ съ вами тѣснѣе сойтись въ жизни. Я по прежнему стою на томъ, что мы съ вами должны были идти вмѣстѣ и что изъ этого вышло бы что нибудь полезное и для самихъ насъ, и для ближняго. Такой возвратъ мысли приходитъ мнѣ на умъ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ ѣздить иногда, куда бы вы думали?—въ Англійскій клубъ. Вы говорили мнѣ, что тоже ѣзжали туда; тамъ я встрѣчалъ бы васъ. Въ этомъ столь прекрасномъ помѣщеніи, среди этихъ столь Греческихъ колоннъ, подъ тѣнью этихъ великолѣпныхъ деревьевъ, не преминула бы сама собою сказаться способность изліянія умовъ нашихъ. Я часто испытывалъ подобное.

Прощайте, другъ мой! Пишите мнѣ порусски: вамъ не подобаетъ говорить иначе, какъ на языкѣ вашего призванія. Жду отъ васъ очень длиннаго посланія; пишите мнѣ о чемъ хотите; все исходящее отъ васъ будетъ для меня интересно. Надо намъ разговориться; я увѣренъ, что найдемъ бездну вещей сказать другъ другу. Вашъ, весь вашъ, отъ глубины души

Чадаевъ.

17 Іюня 1831.

2.

Mon cher ami. Je vous ai écrit pour vous redemander mon manuscrit; j'attends réponse. Je vous avoue que j'ai hâte de le ravoir; renvoyez-le moi, je vous prie, au premier jour. J'ai lieu de croire que je puis incessamment en tirer partie, et lui faire voir le jour avec le reste de mes écritures.

N'auriez-vous pas reçu ma lettre? Vu la grande calamité qui nous afflige, cela ne serait pas impossible. On me dit que Tsarskoé-Sélo est intact. Je n'ai pas besoin de vous dire combien j'ai été heureux de l'apprendre. Pardonnez-moi, mon ami, de vous occuper de moi au moment où l'ange de la mort plane si effroyablement sur la contrée que vous habitez. Je ne l'aurais pas fait si vous habitiez Pétersbourg même; mais c'est l'assurance de la sécurité dont vous jouissez encore où vous êtes, qui m'a donné le coeur de vous écrire.

Combien il me serait doux, mon ami, si à l'occasion de cette lettre vous me donniez de bien amples nouvelles de vous, si vous continuiez de m'en donner tant que l'épidémie durerait chez vous. Puis-je y compter? Je fais des voeux infinis pour votre salut et vous embrasse bien tendrement. Écrivez moi, je vous prie. Votre fidèle Tchadayeff.

7 juillet 1831.

Переводъ. Любезный другъ! Я писалъ вамъ, чтобы получить мою рукопись; жду отвѣта. Признаюсь, я очень спѣшу имѣть ее обратно; пожалуйста вышлите завтра же. Я имѣю основаніе думать, что ей можно будетъ теперь же дать ходъ и выпустить ее въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими моими писаніями.

Развѣ, быть можетъ, письмо не дошло до васъ? Это не невозможно, въ виду тяготѣющаго надъ нами страшнаго бѣдствія. Мнѣ сказывали, Царское Село не тронуто. Нужно ли говорить, какъ я былъ счастливъ узнать это! Простите, другъ мой, что занимаю васъ собою въ такую пору, когда ангелъ смерти такъ грозно носится надъ мѣстами, гдѣ вы теперь находитесь. Я ни за что бы и нерѣшился на это, живи вы въ самомъ Петербургѣ; но увѣренность вь вашей безопасности тамъ, гдѣ вы теперь обитаете, придаетъ мнѣ смѣлость писать вамъ.

Какая была бы для меня отрада, другъ мой, если бы въ отвѣтъ на это письмо вы прислали бы мнѣ подробныя вѣсти о себѣ и продолжали бы присылать ихъ до тѣхъ поръ, пока въ вашихъ краяхъ будетъ держаться эпидемія. Могу ли я на это разсчитывать? Безконечно желая вашего спасенія, обнимаю васъ отъ всего сердца. Напишите же, пожалуйста. Вашъ вѣрный *Чадаевъ.*

7 Іюля 1831.

3.

Eh bien, mon ami, qu'avez vous fait de mon manuscrit? Le choléra l'aurait-il empesté? Mais le choléra, dit-on, n'est pas venu chez vous. N'aurait-il pas pris la clef des champs, par hasard? Mais en ce cas, donnez m'en, je vous prie, avis quelconque. J'ai eu grand plaisir à revoir de votre écriture. Elle m'a rappelé un tems qui ne valait pas grande chose, à la vérité, mais où il y avait encore espoir; les grandes déceptions n'étaient pas encore advenues. Je parle de moi, vous entendez bien; mais pour vous aussi il y avait, je crois, de l'avantage à n'avoir pas encore épuisé toutes les réalités. Douces et brillantes ont été vos réalités à vous, mon ami; cependant, toujours, y en a-t-il qui valent les fausses attentes, les trompeurs pressentiments, les menteuses visions de l'heureux âge des ignorances?

Vous voulez causer, disiez vous: causons. Mais prenez garde, je ne suis pas riant; vous, vous êtes nerveux. Et voyons, de quoi causerons nous? Je n'ai qu'une pensée, vous le savez. Si, par aventure, je trouve d'autres idées dans mon cerveau, elles se rattacheront certainement à celle-là: voyez si cela vous arrange. Encore si vous me suscitiez quelques idées de votre monde, si vous me provoquiez? Mais vous voulez que je parle le premier, soit; mais encore, ma foi, gare aux nerfs!

Donc voici ce que je vais vous dire. Vous êtes-vous aperçu qu'il se passe quelque chose d'extraordinaire dans les entrailles du monde moral, quelque chose de semblable à ce qui se passe, dit-on, dans les entrailles du monde physique? Or, dites-moi, je vous prie, comment en êtes-vous affecté? Il me semble, quant à moi, que c'est la nature poétique tout-à-fait, ce grand renversement des choses; vous ne sauriez y être indifférent, d'autant que l'égoïsme de la poésie y a ample pâture, à ce que je crois. Le moyen de n'être pas soi-même froissé dans ses plus intimes sentiments, au milieu de ce froissement général de tous les éléments de la nature humaine! J'ai vu tantôt une lettre de votre ami, le grand poëte: c'est un enjouement, une hilarité, qui font peur. Pouviez-vous me dire comment cet homme, qui avait naguère une tristesse pour chaque chose, ne trouve-t-il pas aujourd'hui une seule petite douleur pour la ruine d'un monde? Car regardez, mon ami: n'est-ce point là vraiment un monde qui périt, si, pour qui ne sait pressentir le monde nouveau qui va surgir en sa place, ce n'est pas autre chose qu'une ruine affreuse qui se fait. N'auriez vous pas non plus un sentiment, une pensée à donner à cela? Je suis sûr que le sentiment et la pensée se couvent à votre insu dans quelque profondeur de votre âme; seulement, sans produire au dehors. ils sont ensevelis, probablement; ils sont dans ce tas de vieilles idées, d'habitude, de convenance, dont, vous avez beau dire, tout poëte est inévitablement pétri, quoiqu'il fasse, attendu, mon ami, que depuis l'indien Valmiki, le chantre du Ramayâna, et le grec Orphée, jusqu'à l'écossais Byron, tout poëte a été tenu jusqu'à cette heure de redire toujours la même chose, dans quelque lieu du monde qu'il eût chanté.

Oh, que je voudrais pouvoir évoquer à la fois toutes les puissances de votre être poétique! Que je voudrais en tirer, dès ce moment, tout ce qui, je sais, s'y tient caché, pour que vous nous fassiez aussi un jour entendre un de ces chants que veut le siècle! Comme tout alors,

qui s'en va aujourd'hui devant vous sans laisser nulle trace en votre esprit, aussitôt vous frapperait! Comme tout prendrait face nouvelle à vos yeux!

En attendant, causons toujours. Il y a quelque tems, il y a un an, le monde vivait dans la sécurité du présent et de l'avenir, récapitulait en silence son passé et s'en instruisait. L'esprit se régénérait dans la paix, la mémoire humaine se renouvelait, les opininons se reconciliaient, la passion s'étouffait, les colères se trouvaient sans aliment, les vanités se satisfaisaient dans de beaux travaux; tous les besoins de l'homme se circonscrivaient peu à peu dans l'intelligence, et tous leurs intérêts allaient peu à peu aboutir au seul intérêt du progrès de la raison universelle. Pour moi c'était foi, c'était crédulité infinies. Dans cette paix heureuse du monde, dans cet avenir je trouvais ma paix, mon avenir. Est survenue tout-à-coup la bêtise d'un homme, d'un de ces hommes appelés, sans leur aveu, à diriger les affaires humaines. Voilà que sécurité, paix, avenir, tout devint aussitôt néant. Songez-y bien; ce n'est pas un de ces grands événements, faits pour bouleverser les empires et ruiner les peuples, qui a fait cela; la niaiserie d'un seul homme! Dans votre tourbillon vous n'avez pu ressentir la chose comme moi; c'est tout simple. Mais se peut-il que cette prodigieuse aventure qui n'a point sa pareille, toute empreinte de Providence qu'elle est, ne vous apparaisse que comme prose toute commune, ou au plus comme poésie didactique, par exemple comme un tremblement de Lisbonne dont vous n'auriez que faire? Pas possible! Moi, je me sens la larme à l'oeil, quand je regarde ce vaste désastre de la vieille, de ma vieille société; ce mal universel, tombé sur mon Europe d'une manière si imprévue, a doublé mon propre mal. Et pourtant oui, de tout cela il ne sortira que du bien; j'en ai la certitude parfaite, et j'ai la consolation de voir que je ne suis point le seul à ne pas désespérer du retour de la raison à la raison. Mais comment se fera-t-il ce retour, quand? Sera-ce par quelque puissant esprit, délégué extraordinairement par la Providence, pour opérer cet oeuvre, ou bien par une suite d'événements par elle suscités pour éclairer le genre humain? Ne sais. Mais une vague conscience me dit que bientôt viendra un homme nous apporter la vérité du tems. Peut-être sera-ce quelque chose d'abord de semblable à cette religion politique prêchée en ce moment par S. Simon dans Paris, ou bien un catholicisme de nouvelle espèce que quelques prêtres téméraires préten-

dent, dit-on, substituer à celle que la sainteté du tems avait faite. Pourquoi non? Que le premier branle du mouvement qui doit achever les destinées du genre humain, se fasse de telle ou telle sorte, qu'importe? Beaucoup de choses qui avaient précédé le grand moment où *la bonne nouvelle* fut annoncée autrefois par un Envoyé Divin, avaient été destinées à préparer l'univers; beaucoup de choses aussi se passeront sans doute de nos jours à fin semblable, avant que *la nouvelle bonne nouvelle* nous soit apportée du ciel. Attendons.

Ne parle-t-on pas d'une guerre générale? Je dis qu'il n'en sera rien. Non, mon ami, les voies de sang ne sont plus les voies de la Providence. Les hommes auront beau être bêtes, ils ne se déchireront plus comme des bêtes: le dernier fleuve de sang a coulé, et à cette heure, au moment où je vous écrit, la source en est, grâce à Dieu, tarie. Sûrement, orages et calamités nous menacent encore; mais ce n'est plus des larmes du peuple que leur viendront les biens qu'ils sont destinés à obtenir; désormais il n'y aura plus de guerre que de guerre épisodique, quelques guerres absurdes et ridicules, pour mieux dégoûter les hommes de leurs habitudes de meurtre et de destruction. Avez-vous vu ce qui vient de se passer en France? Ne s'était-on pas imaginé qu'elle allait mettre le feu au quatre coins du monde? Eh bien, point du tout; qu'arrive-t-il? Aux amateurs de gloire, d'envahissement, on a ri au nez; les gens de paix et de raison ont triomphé; les vieilles phrases qui résonnaient si bien tantôt aux oreilles françaises, n'ont plus d'écho pour elles.

De l'écho! Voilà que j'y songe. Fort heureux sans doute que m-rs Lamarque et consorts ne trouvent pas d'écho en France; mais moi, en trouverai-je, mon ami, dans votre âme? Nous verrons. Voilà, cependant, un doute qui me fait tomber la plume de la main. Il ne tiendra qu'à vous de me la faire ramasser; un peu de sympathie dans votre prochaine lettre. M-r Nastchokine dit que vous êtes singulièrement paresseux. Fouillez un peu dans votre tête, et surtout dans votre coeur, qui bat si chaud quand il le veut: vous y trouverez plus de sujets qu'il ne nous en faut pour nous et pour le reste de nos jours. Adieu, cher et vieil ami. Et mon manuscrit donc? J'allais l'oublier. Vous, ne l'oubliez pas, je vous prie.

Tchadaeff.

18 Septembre (1831).

J'apprends que vous êtes nommé, ou comment est-ce que vous êtes chargé d'écrire l'histoire de Pierre-le-Grand? A la bonne heure! Je vous en

félicite du fond de mon âme. J'attendrai pour vous en dire quelque chose que vous m'en parliez vous-même. Adieu donc.

Voilà que je viens de voir vos deux pièces de vers. Mon ami, jamais vous ne m'avez fait tant de plaisir. Enfin, vous voilà poëte national; vous avez enfin deviné votre mission. Je ne puis vous exprimer la satisfaction que vous m'avez fait éprouver. Nous en reparlerons une autre fois, et beaucoup. Je ne sais si vous m'entendez bien? La pièce aux ennemis de la Russie est surtout admirable; c'est moi qui vous le dis. Il y a là plus de pensées que l'on n'en a dit et fait depuis un siècle en ce pays. Oui, mon ami, écrivez l'histoire de Pierre-le-Grand. Tout le monde n'est pas de mon avis ici, vous vous en doutez bien; mais laissons les dire et avançons; quand l'on a deviné..... un bout de la puissance qui nous pousse, une seconde fois, on la devinera.... entière bien sûr. J'ai envie de me dire: voici venu notre Dante enfin.... [1]) peut-être trop hâtif. Attendons.

На адресѣ: „Его всбл. м. государю А. С. Пушкину, въ Царскомъ Селѣ въ домѣ Панаевой". Почтовый штемпель: „Москва. Сентября 28".

Переводъ. Ну, мой другъ, что́ же вы сдѣлали съ моей рукописью? Ужъ не пристала ли къ ней холера? Говорятъ, впрочемъ, у васъ холера не показывалась. Развѣ не бѣжала ли рукопись какъ нибудь? Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, дайте знать. У меня было большое удовольствіе увидѣть опять вашъ почеркъ. Онъ мнѣ напомнилъ то прежнее время, въ которомъ, сказать правду, было немного хорошаго, но когда еще жива была надежда, когда еще не наступала пора великихъ разочарованій. Понимаете, я говорю о себѣ; но и вамъ, думается, было лучше, когда не еще до дна исчерпалась дѣйствительность. Другъ мой, ваша дѣйствительность была свѣтла и блестяща; но существуетъ ли такая дѣйствительность, которая могла бы сравняться съ обманчивыми ожиданіями и предчувствіями, съ лживыми призраками блаженнаго возраста невѣдѣнія?

Вамъ, говорили вы, хотѣлось бы побесѣдовать; давайте бесѣдовать. Но берегитесь: я, вы знаете, не изъ веселыхъ, а вы — человѣкъ нервный. Ну-те, о чемъ мы станемъ бесѣдовать? У меня одна идея, вы это знаете. Если бы, по какой нибудь случайности, и оказались въ моемъ мозгу еще какія нибудь другія мысли, то онѣ не замедлили бы приклеиться все къ той же, одной идеѣ; глядите, будетъ ли это вамъ удобно? Если бы еще вы возбудили во мнѣ какія нибудь мысли отъ вашего міра, если бы вы вызвали меня? Но вамъ угодно, чтобы я заговорилъ первый, быть такъ; но еще разъ, право, берегите нервы!

---

[1]) Подлинникъ оборванъ. П. Б.

Вотъ чтò я вамъ собираюсь сказать. Примѣтили ли вы, что въ нѣдрахъ нравственнаго міра совершается нѣчто чрезвычайное, подобное тому, чтò, говорятъ, происходитъ въ нѣдрахъ физическаго міра? Скажите же, какъ это на васъ дѣйствуетъ? По моему, въ этомъ великомъ переворотѣ—поэзія природы; а вы не можете оставаться къ нему равнодушнымъ, уже потому, мнѣ кажется, что въ этомъ представляется обильная пища для эгоизма поэта. Есть ли возможность не чувствовать себя задѣтымъ въ своихъ самыхъ сокровенныхъ чувствахъ, когда задѣваются всѣ основы человѣческой природы! На дняхъ мнѣ случилось видѣть письмо вашего пріятеля, великаго поэта: это беззаботная веселость, наводящая ужасъ. Скажите на милость, какимъ это образомъ человѣкъ, который, въ былое время, печалился по всякому поводу, не находитъ въ себѣ ниже малѣйшей скорби теперь, когда валится цѣлый міръ?![1]) Ибо, поглядите, другъ мой, рѣзвѣ же это не погибель міра? Развѣ тотъ, кто неспособенъ предчувствовать инаго, новаго міра, имѣющаго возникнуть на мѣстѣ прежняго, можетъ видѣть во всемъ этомъ что нибудь, какъ не одно ужасное разрушеніе?! Неужели и у васъ тоже не найдется, по этому поводу, ни одной мысли, ни одного чувства? Я увѣренъ, что мысль эта, это чувство, они есть у васъ, только запрятанныя глубоко, невѣдомо для самихъ васъ, въ какомъ нибудь затаенномъ уголкѣ вашей души; пробиться на свѣтъ Божій имъ нельзя — они затеряны подъ грудой старыхъ понятій, привычекъ и условностей, изъ какихъ, чтò ни говорите, неизбѣжно слитъ всякій поэтъ, чтò онъ ни дѣлай; ибо, другъ мой, со дней Индуса Вальмики, пѣвца Рамайяны и Греческаго Орфея, до Шотландца Байрона, всѣ до одного поэта обречены до сего дня пересказывать вѣчно одно и тоже, въ какомъ бы уголкѣ вселенной ни раздавалась ихъ пѣснь.

О, какъ бы хотѣлось мнѣ разомъ вызвать наружу всю мощь вашего поэтическаго дарованія! Какъ бы хотѣлось мнѣ теперь же добыть изъ ея глубины все, что я знаю, таится въ ней, дабы и вы дали намъ услышать одинъ изъ тѣхъ гимновъ, которыхъ жаждетъ вѣкъ нашъ! О тогда, какъ поразились бы вы мгновенно всѣмъ, чтò теперь проходитъ предъ вами, не оставляя ни малѣйшаго слѣда въ вашемъ духѣ! Какъ преобразилось бы тогда все предъ вашимъ взоромъ!

А покамѣстъ давайте все-таки побесѣдуемъ. Недавно, всего какой нибудь годъ тому назадъ, міръ жилъ себѣ съ чувствомъ спокойной увѣренности въ своемъ настоящемъ и будущемъ, мирно припоминая свое прошедшее и поучаясь имъ. Духъ возрождался въ спокойствіи, память человѣческая обновлялась, мнѣнія примирялись, стихала страсть, раздраженія не находили себѣ пищи, честолюбіе получало удовлетвореніе въ прекрасныхъ трудахъ, всѣ потребности человѣка мало по малу сводились въ предѣлы умственной сферы, всѣ интересы

---

[1]) Говорится про Жуковскаго. П. Б.

были готовы сойтись на единомъ интересѣ всеобщаго прогресса разума. Для меня это было—вѣра, довѣрчивость безконечная! Въ этомъ счастливомъ мирѣ міра, въ этомъ будущемъ я обрѣталъ и мой собственный миръ, видѣлъ мое собственное будущее. И случилась вдругъ глупость одного человѣка, одного изъ тѣхъ людей, которые, невѣдомо для нихъ самихъ, бываютъ призваны управлять человѣческими дѣлами, и вотъ: спокойствіе, миръ, будущее, все вдругъ разлетѣлось прахомъ. Подумайте хорошенько: все это произведено не однимъ изъ великихъ событій, сокрушающихъ царства и народы; нѣтъ, дурость одного человѣка! Вамъ въ томъ вихрѣ, въ которомъ вы вращаетесь, нельзя было почувствовать этого такъ, какъ почувствовалъ я: это понятно. Но можетъ ли же быть, чтобы это изумительное приключеніе, которому еще не бывало подобныхъ, всецѣло отмѣченное перстомъ Промысла, представлялось вамъ лишь обыденной прозой, или много-много дидактической поэмой, въ родѣ какого нибудь Лиссабонскаго землетрясенія [1]), для васъ ни къ чему непригодной.

Быть этого не можетъ! Нѣтъ, у меня, такъ чувствую, слезы навертываются, когда погляжу на это великое бѣдствіе стараго, моего стараго общества. Это всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на мою Европу, усугубило мое личное горе. А между тѣмъ, да, такъ! Изъ всего этого имѣетъ выйти одно только благо; я глубоко убѣжденъ въ этомъ и имѣю утѣшеніе видѣть, что не одинъ я не теряю надежды на образумленіе разума. Но какъ и и когда это совершится? Однимъ ли сильнымъ умомъ, нарочно посланнымъ на сіе Провидѣніемъ, или рядомъ событій, которыя Оно вызоветъ для просвѣщенія человѣчества? Не вѣдаю. Но какое-то смутное чутье говоритъ мнѣ, что скоро имѣетъ явиться человѣкъ, повѣдать намъ истину, потребную времени. Кто знаетъ, быть можетъ это будетъ, во первыхъ, нѣчто въ родѣ той политической религіи, что̀ Сенъ-Симонъ теперь проповѣдуетъ въ Парижѣ; либо католицизмъ новаго рода, какимъ нѣкоторые дерзновенные священники хотятъ замѣнять католицизмъ созданный и освященный вѣками. Отчего и не такъ?Какое дѣло, тѣмъ ли, инымъ ли способомъ будетъ данъ первый толчокъ тому движенію, которое долженствуетъ завершить судьбы человѣчества! Многое предшествовавшее тому великому моменту, въ который Божественный Посланникъ нѣкогда возвѣстилъ міру *благую вѣсть*, было предназначено приготовить міръ; многому подобному суждено, безъ сомнѣнія, совершиться и въ наши дни, прежде чѣмъ и намъ будетъ принесено *новое благовѣстіе* съ небесъ. Будемъ ждать.

Толкуютъ о всеобщей войнѣ. Не бывать этому, говорю я. Нѣтъ, другъ мой: кровавые пути перестали быть путями Провидѣнія. Какими бы лютыми звѣрями ни оставались люди, терзать другъ друга, подобно звѣрямъ, они болѣе не будутъ; послѣдній кровавый потокъ пронесся, и теперь, когда я пишу вамъ, благодареніе Богу, изсякъ его источникъ. Конечно, бури и бѣдствія еще

[1]) Ссылка на поэму Расина-сына: Le Tremblement de terre de Lisbonne. М. Ж.

угрожаютъ намъ, но уже не изъ слезъ народовъ возникнутъ тѣ блага, которыя суждено имъ стяжать впередъ. Отнынѣ войны, какія еще имѣютъ быть, будутъ только эпизодическаго характера; это будутъ такъ себѣ какія-нибудь нелѣпыя, смѣха достойныя, войны, какъ бы ради того только, чтобы тѣмъ вѣрнѣе излѣчить людей отъ привычки къ убійству и разрушенію. Примѣтили ли вы, что̀ произошло во Франціи? Развѣ не воображали, что вотъ-вотъ Франція подожжетъ міръ со всѣхъ четырехъ угловъ? И вовсе нѣтъ! Что же вышло на дѣлѣ? Охотники до славы и завоеваній осмѣяны, восторжествовали люди мирные и разумные; старыя фразы, нѣкогда звучавшія такъ хорошо для ушей Французовъ, остаются уже безъ отзыва!

Отзывъ! Вотъ, благо, вздумалъ. Прекрасно, что́ и говорить, что господа Лямаркъ съ товарищи не нашли себѣ отголоска во Франціи; но я, другъ мой, я найду ли себѣ отзвукъ въ вашей душѣ? Увидимъ. Между тѣмъ, отъ этого сомнѣнія у меня изъ рукъ выпадаетъ перо. Отъ васъ будетъ зависѣть заставить меня взяться за него опять; немножко сочувствія въ вашемъ будущемъ письмѣ! Господинъ Нащокинъ сказываетъ, что вы страшно лѣнивы. Поройтесь-ка немножко у себя въ головѣ, и особенно въ сердцѣ, которое умѣетъ биться такъ горячо, когда захочетъ: вы отыщите въ немъ больше матеріаловъ, чѣмъ нужно намъ и на всѣ остальные годы наши. Прощайте, старый и добрый другъ. А рукопись-то моя? Чуть было и не позабылъ. Пожалуйста вы-то не позабудьте.

Чадаевъ.

18 Сентября (1831).

Слышу, что вы получили назначеніе, или какъ бишь, поручено вамъ писать исторію Петра Великаго. Въ добрый часъ! Отъ глубины души поздравляю. Я подожду говорить вамъ объ этомъ предметѣ, пока вы сами мнѣ о немъ скажете. Прощайте-же.

Сейчасъ видѣлъ два вашихъ новыхъ стихотворенія. Другъ мой, никогда еще вы не доставляли мнѣ столько удовольствія. Наконецъ-то вы—народный поэтъ; наконецъ-то вы разгадали свое призваніе. Словъ не нахожу выразить вамъ то удовлетвореніе, которое вы меня заставили испытать. Объ этомъ мы съ вами поговоримъ въ другой разъ, и поговоримъ много.... Не знаю, вполнѣ ли вы меня разумѣете? Особенно дивно хороши стихи къ врагамъ Россіи [1]); вѣрьте моему слову: въ нихъ больше мыслей, чѣмъ сказано и сдѣлано въ цѣлый вѣкъ въ странѣ сей... Да, другъ мой, пишите исторію Петра Великаго. Не всѣ здѣсь моего мнѣнія, вы это сами знаете; ну, да оставимъ ихъ говорить, а сами впередъ.... Какъ скоро разгадана.... доля той силы, которая насъ толкаетъ.... въ другой разъ разгадаемъ и сполна, въ этомъ я убѣжденъ. Мнѣ такъ и хочется сказать себѣ: вотъ онъ наконецъ, нашъ Дантъ.... быть можетъ слишкомъ поспѣшный. Подождемъ.

---

[1]) Чадаевъ хочетъ сказать: Клеветникамъ Россіи.

Фонъ-Фока.

Monsieur,

Infiniment flatté de la confiance dont vous avez bien voulu m'honorer, je vous supplie d'agréer les expressions de ma reconnaisance aussi sincère que sensible.

Permettez-moi cependant, monsieur, de vous assurer avec ma franchise ordinaire, en vous restituant la minute de la supplique que vous avez eu la bonté de me communiquer, que je suis bien loin de protéger tel littérateur que ce soit aux dépens de ses confrères. Il y a malheureusement des personnes qui s'attachent d'une manière trop bénévole à jeter de l'ombrage sur les circonstances les plus innocentes. C'est ainsi qu'on s'est plu aussi à m'attribuer une influence que je n'ai jamais exercée et qui serait diamétralement opposée à mes principes. Les éditeurs de l'Abeille du Nord me sont plus particulièrement connus par des relations antérieures, purement sociales; ce sont les seuls de tous les gens de lettres qui viennent me voir de tems en tems et avec lesquels j'ai fait quelquefois échange d'opinions littéraires, sans cependant jamais me ranger exclusivement de leur avis. La prédilection qu'on m'attribue pour ces messieurs est donc absolument gratuite et même un tant soit peu méchante. Quant aux articles politiques que je leur envoie de tems en tems, pour être insérés dans leur journal, je le fais *ex officio*, par autorisation de m-r le général de Benckendorf, qui y appose ordinairement son approbation par écrit. Par cette même raison, je me permets de croire que vous feriez peut-être bien de vous adresser à l'égard de votre projet à m-r le général de Benckendorf, qui vous a constamment donné des preuves évidentes de sa bienveillance particulière.

Par acquit de conscience et pour répondre à votre aimable confiance, monsieur, j'ai cru devoir vous exposer ces détails.

En vous souhaitant les succès les plus brillants dans votre entreprise, je serai très-certainement un des premiers à m'en réjouir et à féliciter le public de ce qu'un talent aussi distingué que le vôtre contribuera à lui procurer autant de plaisir que d'instruction.

Veuillez recevoir finalement les expressions de ma considération très-distinguée.

M. de Fock.

Le 8 de Juin 1831.

Переводъ. Милостивый государь! Безконечно польщенный довѣріемъ, которымъ вамъ угодно было почтить меня, усерднѣйше прошу васъ принять выраженіе моей столь же искренней, сколь чувствительной признательности.

Но однако дозвольте мнѣ, милостивый государь, возвращая при семъ черновую прошенія, которую вы были такъ добры мнѣ сообщить, увѣрить васъ, съ моей всегдашней откровенностію, что я далекъ отъ покровительства какому либо литератору на счетъ его собратовъ.

Къ несчастью есть лица, слишкомъ охотно старающіяся бросать тѣнь на обстоятельства самаго невиннаго свойства. Такъ и мнѣ вздумали приписывать вліяніе, котораго я никогда не имѣлъ и которое было бы діаметрально противоположно моимъ правиламъ. Издатели „Сѣверной Пчелы“ болѣе близко знакомы мнѣ вслѣдствіе прежнихъ, чисто-общежительныхъ отношеній; они единственные изъ всѣхъ литераторовъ, которые иногда навѣщаютъ меня и съ которыми я мѣнялся мыслями по предметамъ, касающимся литературы, никогда впрочемъ не становясь исключительно на сторону ихъ воззрѣнія. Итакъ, приписывать мнѣ предпочтеніе къ этимъ господамъ не только совершенно неосновательно, но даже немного зло. Что касается статей политическаго содержанія, изрѣдка доставляемыхъ мною для помѣщенія въ издаваемой ими газетѣ, то это дѣлается мною по обязанности, по указанію генерала Бенкендорфа, который обыкновенно кладетъ на нихъ свое письменное одобреніе. По этой самой причинѣ, позволяю себѣ думать, что можетъ быть и вы хорошо сдѣлали бы, обратясь, по поводу вашего предпріятія, къ генералу Бенкендорфу, который постоянно оказывалъ вамъ очевидныя доказательства своего особливаго благорасположенія.

Я счелъ своимъ долгомъ изложить эти подробности для очищенія совѣсти и въ отвѣтъ на ваше любезное довѣріе. Желая вамъ самыхъ блестящихъ успѣховъ въ вашемъ предпріятіи, я конечно одинъ изъ первыхъ стану радоваться таковому, и поздравлять публику, что человѣкъ вашего отличнаго таланта будетъ способствовать сколь къ ея удовольствію, столь и къ просвѣщенію.

Въ заключеніе извольте принять увѣренія въ моемъ особенномъ уваженіи.

М. Фонъ-Фокъ.

8 Іюня 1831 г.

Примѣчаніе къ письму Фонъ-Фока.

И по времени написанія, и по содержанію очевидно, что Пушкинъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему издавать журналъ, но опасался, что въ интересахъ Булгарина и К° ему или откажутъ, или будутъ его тѣснить...

Это письмо есть поразительное свидѣтельство, въ какомъ печальномъ и безотрадномъ положеніи была поставлена Русская литература, и его одного достаточно было-бы для характеристики цѣлой эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, великій народный геній, свѣтило—и тогда уже признаваемый таковымъ—какъ Пушкинъ, вынужденъ искать покровительства у Фонъ-Фока (не говоря уже о такой *силѣ*, какъ Бенкендорфъ...), зависѣть вполнѣ отъ его усмотрѣнія, опасаться подавляющаго предпочтенія выходцамъ—Гречамъ, ренегатамъ-Булгаринымъ и т. п.

Но какъ же послѣ этого упрекать Русскую литературу, науку и пр. въ „позднемъ развитіи самостоятельности", въ „недостаткѣ *иниціативы*" и т. п., особенно если сообразить (что̀, кажется, такъ нетрудно), что вѣдь это случай не исключительный и хотя рѣзкій по чрезвычайной противоположности и несоразмѣрности великаго народнаго генія и....., но тѣмъ не менѣе отнюдь не единичный!

Вспомнить ли при этомъ, что еслибъ не эти враждебныя Пушкину силы, то навѣрно онъ не погибъ-бы такъ безвременно отъ руки выходца Гекерна; а что́ совершилъ бы онъ еще для своего народа въ пору своей могучей зрѣлости, и далѣе, доживши, можетъ быть, до возраста (всѣми ублаженнаго) Гете! Какія, міроваго значенія творенія написалъ бы онъ... И всего этого лишилась Россія! Я. О.

О. И. Сенковскаго.

Je dois à l'obligeance de Smirdine, monsieur, un plaisir extrême que je viens d'éprouver et un plaisir si vif que je ne peux m'empêcher de saisir la plume et de l'exprimer tout chaud. Smirdine, se rendant à ma prière, m'a communiqué les deux chapitres premiers de votre conte; je les ai relus trois fois: tant j'y ai trouvé de charme. Je ne connais point la suite de-la pièce, mais ces deux chapitres sont un chef-d'oeuvre de style et de bon goût, sans parler d'une foule d'observations fines et vraies comme la vérité. Voilà comment il faut écrire des contes en russe! Voilà au moins un langage civilisé, une langue qu'on parle et qu'on peut parler entre des gens comme il faut! Personne ne sent mieux que moi les élémens qui manquent chez nous pour créer la bonne littérature, et l'élément essentiel, vital, sans lequel il n'y a point de vraie littérature nationale, l'élément qui manque totalement à notre prose: c'est le langage de la bonne société. Jusqu'à présent je n'ai vu dans notre prose qu'un langage de femmes de chambre et celui de suppôts de justice. Zagoskine, auteur que j'aime de préférence, non pas pour son style (car il n'en a pas), mais pour son langage et pour son talent de conception, Zagoskine lui-même, toutes les fois qu'il introduit des personnes d'une classe supérieure et surtout des femmes, il leur fait parler une langue dont on ne sert que dans les rapports entre maîtresse et femme de chambre. Si vous voulez, il n'existe pas encore de véri-

table langue russe de bonne société, car nos dames ne parlent russe qu'avec leurs femmes de chambre; mais il faut deviner cette langue, il faut la créer et la faire adopter par ces mêmes dames, et cette gloire, je le vois clairement, vous est réservée, à vous seul, à votre goût et votre admirable talent. Je ne reviens pas de ces deux chapitres: c'est charmant, charmant, charmant! Au nom de ces deux chapitres, continuez! Vous créez une chose nouvelle, vous commencez une nouvelle époque pour la littérature que vous avez déjà illustrée dans une autre partie. C'est un météore tout nouveau que j'aperçois. Quelques feuilles de la Монастырка m'avaient déjà fait entrevoir ce langage que je cherche partout sans le recontrer dans nos livres; mais l'auteur n'avait pas su se soutenir, et il est retombé dans le vulgaire. Au reste il n'est pas un génie, et un homme sans génie n'est pas fait pour montrer un chemin dans la littérature. A vous, à vous tout est possible; tout vous est dévolu. Je vous le répète, et sans flatterie (car Dieu merci, nos rapports ne sont pas tels pour me réduire à la bassesse d'une flatterie, qui n'aurait même pas de but, comme elle n'a jamais d'excuse auprès d'honnêtes gens), je vous le répète, vous commencez une nouvelle prose, et tenez cela pour dit. C'est avec l'enthousiasme de l'amour de l'art que je le dis, et cet enthousiasme ne peut être que sincère et ne doit même pas blesser votre modestie. Bestoujeff a, sans contredit, beaucoup, beaucoup de mérite; sa pensée est belle, mais son expression est toujours fausse. Ce n'est pas lui qui fera la prose que tout le monde, depuis la comtesse jusqu'au marchand de la 2-me guilde, puisse lire avec un égal plaisir. C'est le langage russe universel qui manquait à notre prose, et je l'ai trouvé dans votre conte. C'est le langage de vos poësies qui sont comprises et goûtées par toutes les classes également, que vous transportez dans votre prose de conteur; je reconnais ici la même langue et le même goût, le même charme. Ah, je ne saurais vous dire en quel état de joie m'a mis cette lecture, tout malade que je suis grâces aux tracasseries que m'ont suscitées ceux qui se disent amis de la littérature, qui, sans me connaître, sans avoir jamais eu à démêler avec moi,ont voulu me poursuivre, comme celui qui avait fait tomber à plat toute la littérature, et ne cessent jusqu'à présent de rôder autour de ma propriété civile, pour prouver sans doute leur amour des lettres. Mais ce sont des choses qui ne vous intéressent pas; le fait est que c'est à vous que je dois un moment de véritable plaisir dans mon étât de souffrances nerveuses, et permettez moi de vous en remercier de but en blanc, avec toute l'inconséquence de la démarche qu'aucune circonstance extérieure ne motive point. C'est, voyez-vous un sentiment de cabinet: c'est ce sentiment imprévu, sans

intention et sans suite, tout particulier à moi, tout domestique, un véritable home-feeling que je vous exprime, sans savoir trop pourquoi je le fais. Excusez le griffonnage que je trace, en tenant à tour de rôle mes mains sur une cruche d'eau chaude et appuyé de mes deux pieds sur une autre cruche semblable. Si cette lettre vous déplaît ou si elle vous paraît étrange, dites que c'est une *cruche* qui vous l'a écrite. Adieu.

Senkowski.

Ce samedi.

Переводъ. Обязательности Смирдина я одолженъ, милостивый государь, крайнимъ удовольствіемъ, только что испытаннымъ мною,—удовольствіемъ столь живымъ, что не могу воздержаться, чтобы не взяться за перо и не выразить вамъ этого сгоряча. Уступая моей просьбѣ, Смирдинъ доставилъ мнѣ двѣ первыя главы вашей повѣсти. Я перечиталъ ихъ три раза: столько нашелъ я въ нихъ прелести. Не знаю продолженія, но эти двѣ главы—образцовое произведеніе по слогу и хорошему вкусу, не говоря уже о безднѣ наблюденій, тонкихъ и вѣрныхъ, какъ сама истина. Вотъ какъ слѣдуетъ писать порусски повѣсти! Вотъ это-такъ языкъ образованнаго общества, на какомъ говорятъ и могутъ говорить порядочные люди. Никто не чувствуетъ болѣе меня, какихъ элементовъ недостаетъ намъ, чтобы создать хорошую словесность, и элементъ существенный, жизненный, безъ котораго вовсе нѣтъ настоящей національной словесности и котораго между тѣмъ совершенно недостаетъ нашей прозѣ, это именно—языкъ хорошаго общества. До сихъ поръ я въ ней встрѣчалъ только языкъ горничныхъ да подъячихъ. Даже Загоскинъ, писатель, мною особенно любимый, не за слогъ (слога у него нѣтъ), но за языкъ и способность къ авторскому замыслу, самъ Загоскинъ, каждый разъ, когда выводитъ въ своихъ произведеніяхъ лицъ изъ высшихъ слоевъ общества и особливо женщинъ, заставляетъ ихъ говорить такимъ языкомъ, какой употребляютъ только въ сношеніяхъ между барыней и горничной. Если хотите, у насъ вовсе еще и не существуетъ настоящаго Русскаго языка хорошаго общества, такъ какъ дамы наши порусски говорятъ именно только съ своей прислугой; но языкъ этотъ должно угадать, должно создать его и заставить этихъ самыхъ нашихъ дамъ усвоить его. Эта слава (для меня это очевидно) досталась на долю вамъ, вамъ одному, вашему вкусу, вашему дивному таланту. Я не могу придти въ себя отъ этихъ двухъ главъ: это такая прелесть, прелесть, прелесть! Ради этихъ двухъ главъ продолжайте! Вы создаете нѣчто новое, вы начинаете новую эпоху для словесности, которую вы уже украсили въ другой отрасли. Я вижу совершенно новый метеоръ.... Правда, нѣкоторыя страницы „Монастырки“ уже давали мнѣ нѣкоторое предвкушеніе этого языка, котораго я все ищу, но не встрѣчаю въ нашихъ книгахъ, но авторъ не съумѣлъ выдержать тона и впалъ въ вульгарность. Да онъ и не

геній, а человѣку негеніальному не подъ силу указывать новый путь въ словесности. Но вамъ—вамъ все возможно, вамъ все дано. Повторяю вамъ, и безъ лести (слава Богу, наши отношенія не таковы, чтобы я имѣлъ нужду унижаться до лести, которая не имѣла бы даже цѣли, какъ не имѣютъ никогда оправданія предъ порядочными людьми), повторяю: вы начинаете совсѣмъ новую прозу, такъ и знайте! Высказываю это съ энтузіазмомъ любви къ искусству, а такой энтузіазмъ можетъ быть только вполнѣ искреннимъ, и имъ не должна даже оскорбляться ваша скромность. Слова нѣтъ, у Бестужева много, много достойнаго; мысль у него хороша, но въ выраженіи всегда есть фальшь; не ему создать такую прозу, которую отъ графини до купца второй гильдіи всѣ стали бы читать съ одинаковымъ удовольствіемъ. Этого-то обще-русскаго языка недоставало нашей прозѣ, и я его нашелъ въ вашей повѣсти. Языкъ вашихъ стиховъ, равно понимаемый и нравящійся всѣмъ классамъ, этотъ языкъ вы перенесли въ вашу прозу. Я узнаю въ ней и его, и тотъ же изящный вкусъ, туже прелесть. О, я не въ силахъ передать вамъ, сколько радости доставило мнѣ это чтеніе, совершенно при томъ больному—благодаря хлопотамъ, причиненнымъ мнѣ тѣми, которые, называя себя любителями литературы, вовсе меня не зная, никогда не имѣвъ со мною никакаго дѣла, изволили воздвигнуть на меня гоненіе, какъ на уронившаго будто бы всю литературу и которые не перестаютъ подбираться къ моей гражданской собственности, безъ сомнѣнія для доказательства любви своей къ литературѣ.... Но для васъ все это, разумѣется, нисколько не интересно; а фактъ таковъ, что, въ своихъ первныхъ страданіяхъ, вамъ обязанъ я минутой истиннаго удовольствія. Позвольте же мнѣ поблагодарить васъ за это—ни къ селу, ни къ городу—со всею непослѣдовательностью выходки, не вызванной никакимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ. Это, изволите видѣть, чувство „кабинетное“, нечаянное, безъ намѣренія и послѣдствія, вполнѣ мое. Вотъ это-то личное, домашнее (home-feeling) чувство я и высказываю вамъ, и самъ хорошенько не знаю съ какой стати. Извините за неразборчивое маранье: пишу держа попеременно то ту, то другую руку на кружкѣ съ горячей водой и поставивъ ноги на другую, такую же кружку. Буде настоящее письмо вамъ не понравится, или покажется страннымъ, то скажите, что его писала вамъ *кружка!* [1]). Прощайте.

Сенковскій.

Суббота.

Примѣчаніе къ письму Сенковскаго.

Покойный Сенковскій, даровитый и парадоксальный Полякъ, обширныхъ литературныхъ и лингвистическихъ познаній, по человѣкъ слишкомъ самонадѣянный и не совсѣмъ добросовѣстный, съ самаго начала отнесся къ первоклассными поэтамъ нашимъ свысока, не признавая за ними ни достоинствъ, ни генія.... Онъ не безъ наглости даже противопоставлялъ имъ второ-и третье-

---

[1]) Т.-е. une cruche, болванъ.

степенныхъ стихотворцевъ въ родѣ фонъ-Лизандера, Деларю, Тимоѳеева, Бернета и т. под. Однако при своемъ умѣ не могъ онъ не убѣждаться болѣе и болѣе, какой большой, во всѣхъ отношеніяхъ, промахъ онъ этимъ сдѣлалъ. И вотъ у него въ критикѣ явилось потомъ какое-то сдержанно-досадующее отношеніе къ „господину“ Пушкину, „господину“ Лермонтову, и послѣ — „господину“ Гоголю...

Письмо это служитъ, кажется намъ, не только доказательствомъ такого его положенія, но и представляетъ попытку выйти изъ него.

Не взирая на всѣ усилія автора представить оное невольнымъ, искреннимъ и безцѣльнымъ порывомъ,—для насъ въ немъ сквозитъ желаніе заискать у Пушкина, заинтересовать его своими литературными дѣлами, и чуть ли не привлечь его въ свой кабинетъ („home“). Онъ какъ бы оправдывается въ прежнемъ отношеніи къ стихамъ Пушкина тѣмъ, что человѣку порядочному не должно льстить (!); преувеличивая высоту и заслугу прозы Пушкина—избѣгаетъ однако (чтобы не впасть уже въ слишкомъ большое съ самимъ собой противорѣчіе) назвать его прямо геніемъ поэзіи; не говоритъ о высокомъ наслажденіи—а только объ удовольствіи (plaisir)...

Преувеличиваетъ-же онъ несомнѣнно. Оставляя въ сторонѣ Карамзина, даже Жуковскаго и вычурнаго Марлинскаго, можно указать на многія менѣе извѣстныя имена писателей, которыхъ проза или почти или вовсе не отличается отъ позднѣйшей. Въ доказательство назовемъ одного Степанова, котораго прелестный *Постоялый Дворъ*, будь онъ вновь изданъ, даже теперь имѣлъ бы, по языку и по многому другому, заслуженный успѣхъ.

Историкъ литературы обязанъ будетъ перебрать всѣ эти милые Сѣверные Цвѣты, Полярныя Звѣзды, Кометы, Одесскіе, Московскіе и Невскіе альманахи, Мнемозины, Эвтерпы и Аглаи: онъ не найдетъ уже языка ни „подъячихъ, ни горничныхъ“, на который угодно такъ налегать Сенковскому.

Не таковъ былъ бы подъемъ нашей словесности послѣ Александровскаго царствованія (когда Россія была какъ-бы рабою Австро-пруссо-англійскихъ интересовъ, напрягаясь и истощаясь нравственно и матеріально въ крайне-вредныхъ ей и Славянамъ войнахъ), еслибы не случилось безвременное и роковое событіе 14 Декабря, унесшее столько зрѣлыхъ силъ....

Въ доказательство, что прозаическій языкъ и тогда уже былъ значительно выработанъ (чему разумѣется великій Пушкинъ также сильно содѣйствовалъ), любопытно было бы сравнить напр. тогдашній слогъ декабристовъ съ нынѣшнимъ слогомъ тѣхъ изъ нихъ, которые продолжали писать.... Задача не неблагодарная. Мы замѣтимъ только, что разница не была бы такъ мала, еслибы утвержденіе Сенковскаго о языкѣ „подъячихъ и горничныхъ“ было вѣрно.

Сколько намъ извѣстно, Пушкинъ на все это нисколько не сдался.

Я. О.

РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА.

Продолжая наши извлеченія изъ своеручныхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, мы не считаемъ нужнымъ распространяться о значеніи нашихъ выписокъ: читатели сами оцѣнятъ эту, такъ сказать, художественную автобіографію великаго поэта. Тутъ первоначальныя наброски его произведеній, то что̀ ему приходило на душу, что̀ потомъ онъ развилъ въ стройномъ великолѣпіи и что̀ покинулъ, какъ мысль неопредѣлившуюся и недозрѣлую, что̀ хотѣлъ и чего не могъ или не разсудилъ выразить. Откинутый и забытый рисунокъ геніальнаго мастера, при всей своей недоконченности, иной разъ бываетъ отмѣнно дорогъ и замѣчателенъ. *П. Б.*

Изъ Кишиневскихъ тетрадей.

Къ князю П. А. Вяземскому.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой!...

*

Черновое письмо къ неизвѣстному лицу.

Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ Турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованны. Но что̀ бы тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда нибудь сердце мое недоброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь то что̀ случилось мнѣ говорить касательно Грековъ. Исключительные люди по большей части самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы: старая истина, которую все таки не худо повторить.

Они не терпятъ противурѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость и, къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что нибудь является общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столь же, сколько единодушіе его поддерживаетъ. Греки между Европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было толь *народно*, какъ дѣло Грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы.

*

Изъ стихотворенія къ чернильницѣ.

. . . То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ же) слогъ суровой,
То странность риѳмы новой
Неслыханной дотоль.
Любовница свободы,
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы.
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ Моды,
И рѣчи и дѣла.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду и т. д.
Чедаевъ, другъ мой милой
Тебя возметъ унылой.

11 Апрѣля 1821.

Изсохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ.

*

Изъ набросковъ о Кишиневѣ.

Тѣснится средь толпы Еврей сребролюбивый,
Болтливый Грекъ, и Турокъ молчаливый,
И важный Персъ, и хитрый Армянинъ.

**

Тетрадь XI, л. 3-й.

(*Изъ позднѣйшаго времени*).

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни удивленья, ни напѣва,
Ни нуждъ, ни смѣха, ни труда.
Глупецъ кричитъ: *„куда, куда?*
Дорога здѣсь!“ Но ты не слышишь;
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечты невольныя. Твой трудъ
(Легокъ и тихъ) Тебѣ награда: имъ ты дышешь;
(А плодъ его, каковъ ни есть)
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ—рабынѣ суеты.

Тамъ же, на оборотѣ 3-го листа.

(*Наброски относящіеся къ Капитанской Дочкѣ*).

Башаринъ отцомъ своимъ привезенъ въ Петербургъ и записанъ въ гвардію, за шалость посланъ въ гарнизонъ, пощаженъ Пугачовымъ при взятіи крѣпости, произведенъ имъ въ капитаны и отряженъ съ отдѣльной партіей въ Симбирскъ подъ начальствомъ одного изъ полковниковъ Пугачова. Онъ спасаетъ отца своего, который его не узнаётъ. Является къ Михельсону, который принимаетъ его къ себѣ, отличается противъ Пугачова, принятъ опять въ гвардію, является къ отцу въ Москву, идетъ съ нимъ къ Пугачову.

Старый комендантъ отправляетъ свою дочь въ ближнюю крѣпость.

Пугачовъ, взявъ одну, подступаетъ къ другой. Башаринъ первый на приступѣ. Требуетъ въ награду....

Тамъ же, листъ 4-й (*желтая бумага*).

Шванвичъ за буйство сосланъ въ гарнизонъ. Степная крѣпость. Подступаетъ Пугачовъ. Шванвичъ предаетъ ему крѣпость. Взятіе крѣпости. Шванвичъ дѣлается сообщникомъ Пугачова. Ведетъ свое отдѣленіе въ Нижній. Спасаетъ сосѣда отца своего. Чика между тѣмъ чуть было не повѣсилъ стараго Шванвича. Шванвичъ привозитъ сына въ Петербургъ. Орловъ выпрашиваетъ ему прощеніе.

31 Января 1833.

Тамъ же, на оборотѣ 5-го листа.

Не лучше ль вамъ, съ надеждою смиренной,
Заняться службою гражданской иль военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завесть,
Снискать въ трудѣ себѣ барышъ и честь,

Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
(Чѣмъ затѣвать журналы)
Кропая сильному вельможѣ мадригалы;
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль высшимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ (почтенной) оплошной публики [1]).... чѣмъ писаки;
Подписку собирать на будущія враки?

*

Изъ стиховъ о Мицкевичѣ.

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Проклятія намъ шлетъ, и ядомъ
Свои стихи онъ напояетъ....
Мы жадно слушали его. Но онъ отъ насъ
Ушелъ на Западъ, и благословеньемъ
Мы проводили друга нашего....

Дубровскій.

На заглавномъ листѣ большой тетради:
„21 Октября 1832. С.-Петербургъ“.

Вмѣсто село Покровское было прежде «Покровшино». Послѣ словъ: «И каждый вечеръ бывалъ навеселѣ», слѣдуютъ строки:

«Руская дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго Сатира. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили 16 горничныхъ, занимаясь рукодѣліями свойственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянною рѣшеткою; двери запирались замками, отъ коихъ ключи хранились у Кирила Петровича. Молодыя затворницы, въ положенные часы, ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирила Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно; несмотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатствомъ и славою своего господина и въ свою очередь позволяли себѣ многое въ отношеніи къ ихъ сосѣдямъ, надѣясь на его сильное покровительство».

Далѣе какъ въ печатномъ: «Всегдашнія занятія *Покровшинскаго* помѣщика».

*

«Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, несмотря на его *смиренное состояніе*. Нѣкогда были они товарищами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. Славный

[1]) Одно слово не поддается прочтенію. П. Б.

1762 годъ разлучилъ ихъ надолго. Троекуровъ, родственникъ княгинѣ Дашковой, пошелъ въ гору; Дубровскій съ разстроеннымъ состояніемъ» и т. д.

*

Во второй главѣ, въ разговорѣ Троекурова съ засѣдателемъ Шабашкинымъ:

«Постой однакожъ! Это имѣніе принадлежало нѣкогда намъ, было куплено у какого-то Спицына и продано потомъ отцу Дубровскаго. Нельзя ли къ этому придраться?“

— „Мудрено, ваше высокопревосходительство: вѣроятно сія продажа совершена законнымъ порядкомъ».

*

Послѣ словъ: «владѣлъ сельцомъ Кистеневскою», помѣта: «25 Окт. 1832. С.-Петербургъ».

*

«Дубровскій не имѣлъ опытности въ дѣлахъ тяжебныхъ. Онъ руководствовался большею частью здравымъ смысломъ, путеводителемъ рѣдко вѣрнымъ и почти всегда недостаточнымъ».

*

Послѣ словъ: «Секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда», зачеркнуто Пушкинымъ:

«Мы помѣщаемъ его вполнѣ, полагая, что всякому пріятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, коимъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе коимъ имѣемъ неоспоримыя права». За тѣмъ слѣдуетъ на особыхъ двухъ листахъ синяго цвѣта, рукою писаря, опредѣленіе по дѣлу, которое было доставлено Пушкину покойнымъ Дмитріемъ Васильевичемъ Короткимъ, служившимъ въ 1832 году въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ и сдѣлавшимъ (въ Октябрѣ 1832 года) для Пушкина выписку изъ подлиннаго производства объ отобраніи имѣнія у Козловскаго помѣщика, поручика Ивана Яковлевича Муратова гвардіи подполковникомъ Семеномъ Петровичемъ Крюковымъ. Пушкинъ на этой бумагѣ замѣнилъ имена Муратова и Крюкова именами Троекурова и Дубровскаго, очевидно намѣреваясь ее напечатать; но потомъ конечно испугался нелѣпаго слога бумаги и оставилъ свое намѣреніе. Надо впрочемъ замѣтить, что «Дубровскій» есть произведеніе не отдѣланное и напечатанное уже по кончинѣ Пушкина. Въ письмахъ къ Нащокину Пушкинъ называетъ его «Островскимъ». Въ подлинной рукописи, писанной во многихъ мѣстахъ карандашомъ, очень мало помарокъ. На одномъ листкѣ сдѣланъ Пушкинымъ портретъ мо-

лодаго человѣка; портретъ этотъ будетъ у насъ воспроизведенъ: такимъ Пушкинъ воображалъ себѣ своего героя.

*

Послѣ того, какъ старикъ-Дубровскій пустилъ чернильницею въ засѣдателя: «Дубровскій закричалъ дикимъ голосомъ: «Какъ, не почитать церковь Божію! Прочь, Хамово племя!» Потомъ, обратясь къ Кирилу Петровичу: «Слыхано ли дѣло, ваше высокопревосходительство, продолжалъ онъ: псари вводятъ борзыхъ собакъ въ Божію церковь! Собаки бѣгаютъ по церкви! Я ихъ ужо проучу!» Затѣмъ, какъ въ печатномъ: «Всѣ пришли въ ужасъ, сторожа сбѣжались на шумъ» и т. д.

Въ концѣ второй главы помѣта: «27 Окт. С.-Петербургъ».

*

Выпущенная приписка къ письму няни Дубровскаго изъ деревни въ Петербургъ: «У насъ дожди идутъ вотъ уже другая недѣля, и пастухъ Родя померъ около Миколина дня. Посылаю мое материнское благословеніе Гришѣ. Хорошо ли онъ тебѣ служитъ?»

*

Крестьяне говорятъ молодому Дубровскому, когда судъ отбиралъ ихъ во владѣніе Троекурова: «Прикажи, государь, съ судомъ мы управимся».

*

Исправникъ говоритъ вмѣсто: *а вы болѣе любите его*, «а вы, бабы, любите и почитайте его, а онъ до васъ большой охотникъ».

*

Въ описаніи того, какъ Троекуровъ запиралъ своего гостя съ медвѣдемъ, опущено: «Таковы были благородныя увеселенія Русскаго барина!»

*

Въ разговорѣ Троекурова съ исправникомъ, за праздничнымъ обѣдомъ: «Давно, давно стараетесь избавить нашъ край отъ разбойника. Никто за дѣло взяться не умѣетъ. Да, правда, за чѣмъ и ловить его? Разбои Дубровскаго—благодать для исправниковъ: разъѣзды, слѣдствія, подводы, а деньги въ карманъ. Не попадется! Какъ такого благодѣтеля извести? Не правда ли, господинъ исправникъ?»—«Сущая правда», и т. д. «Такъ видно придется мнѣ взяться за дѣло, не дожидаясь помощи отъ начальства здѣшняго».

Изъ предсмертной тетради.

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой
И меня благословлялъ.

*

Онъ сказалъ мнѣ: будь покоенъ,
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь Царствія небесъ,
Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.

*

Ужъ готовитъ ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ...
Отрѣшишь воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.

*

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить и не вѣрить.
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

*

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но Твоя да будетъ воля,
Не моя... Кто тамъ идетъ?

(*Родригъ*).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ

РУССКАГО АРХИВА

1881 ГОДА.

(тетради 1 и 2).

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1881 ГОДА.

(тетради 1 и 2).

ПРИЛОЖЕНЫ

1. Снимокъ съ стихотворенія Пушкина «Памятникъ».

2. Картинка силуетёра Сидо, изображающая Екатерину Великую съ ея семействомъ и приближенными лицами (1782—1784).

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о последнихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина,** доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** императора **Александра Павловича,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о **князѣ В. А. Черкасскомъ.**
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ. Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.
Исторія Яицкаго войска. Письма **князя Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки".

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Цѣна каждой книгѣ особо **3 рубля**. Полное годовое изданіе стоитъ **8 рублей**. Пересылка на счетъ Конторы Русскаго Архива.

Русскій Архивъ

ИЗДАЕТСЯ

въ 1881 году

ШЕСТЬЮ КНИЖКАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва,** Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.
Въ Петербургѣ книжные магазины „Новаго Времени“ и Н. И. Мамонтова.

Цѣна каждой книжкѣ 1881 года въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.